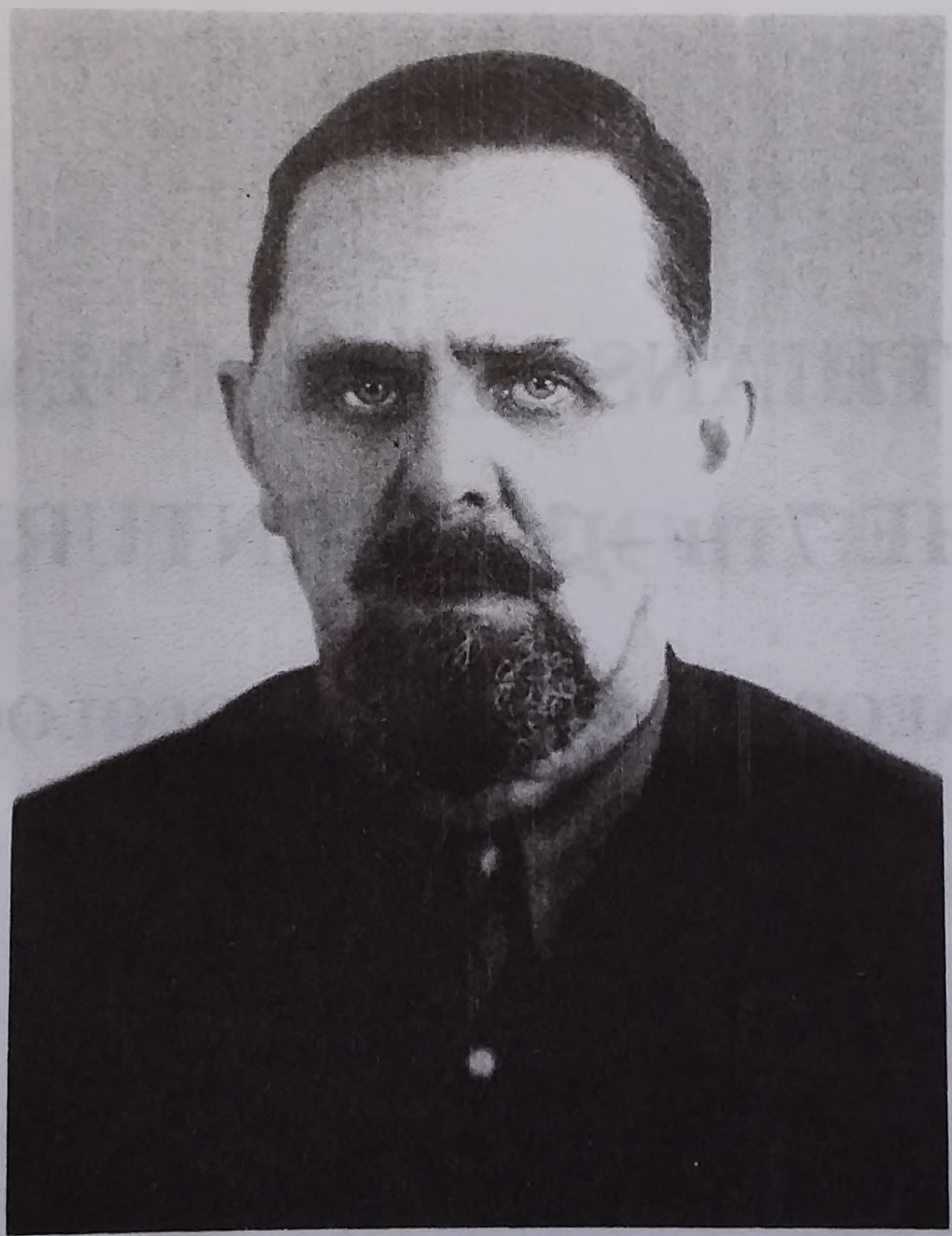
СКИФЫ И САРМАТЫ

в VII–III вв. до н.э.

ПАЛЕОЭКОЛОГИЯ,
АНТРОПОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ



Борис Годунов

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY
STATE HISTORICAL MUSEUM

SCYTHIANS AND SARMATIANS IN THE 7TH – 3RD CENTURIES BC:

PALAEOECOLOGY, ANTHROPOLOGY AND ARCHAEOLOGY

Collected papers

Edited by V.I.Guliaev and V.S.Olkhovskiy

Moscow
2000

Н55 75

А

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

СКИФЫ И САРМАТЫ
В VII-III ВВ. ДО Н.Э.:
ПАЛЕОЭКОЛОГИЯ, АНТРОПОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

Сборник статей

Москва
2000

Печатается по решению Ученого совета
Ордена Трудового Красного Знамени
Института археологии РАН

Ответственные редакторы
В.И.Гуляев, В.С.Ольховский

Скифы и сарматы в VII-III вв. до н.э.: палеоэкология, антропология и археология. Сборник статей. – М.: Институт археологии РАН, 2000. – 318 с.: ил.

Основу сборника составляют материалы международной конференции «Скифы Северного Причерноморья в VII-IV вв. до н.э.: проблемы палеоэкологии, антропологии и археологии», состоявшейся в Подмосковье (г.Дедовск) в декабре 1999 г. и посвященной 100-летию со дня рождения выдающегося российского археолога, эпиграфиста и историка Б.Н.Гракова. Публикуемые 38 работ принадлежат перу специалистов по археологии раннего железного века из России, Украины и Германии. Они разделены на четыре тематических блока: Б.Н.Граков и проблемы скифо-сарматской археологии; Палеодемография Евразии в скифо-сарматское время; Палеоэкология Западной Евразии в скифо-сарматское время; Скифо-сарматская проблема: новые подходы, гипотезы, решения.

Для археологов, искусствоведов, палеоэкологов, антропологов, религиоведов, преподавателей и студентов ВУЗов.

Between November, 30 and December, 2, 1999 near Moscow (in Dedovsk town) took place the International conference «Scythians of the Northern Black Sea Coast in the VII-IV centuries B.C.: the problems of palaeoecology, anthropology and archaeology», which was dedicated to the 100-year anniversary from the day of birth of the prominent Russian archaeologist and historian – Boris N. Grakov. This meeting, without any doubt, can be considered as a very significant event in the sphere of the Scytho-Sarmatian archaeology of the last 30 years: firstly – there were represented 70 scholars from the academician institutions, museums and universities of Russia, Ukraine and Germany; secondly – the importance and width of discussed problems; thirdly – the active participation in the scientific forum of a such level of some specialists in the field of palaeobotany, palaeozoology, anthropology, ecolody (it was the first and very successful experience in the practice of the conferences on the Scythian archaeology).

In this volume were included not only the papers, which were red at the conference, but also those, which were unknown to everybody as a result of some objective circumstances.

In general, we have 38 papers in this volume. They were divided into four problematic sections or groups: 1. Boris N. Grakov and the problems of Scytho-Sarmatian archaeology; 2. Palaeodemography of Eurasia in the Scythian-Sarmatian times; 3. Palaeoecology of Western Eurasia in the Scytho-Sarmatian times; 4. The Scytho-Sarmatian problem: new approaches, hypothesis, decisions.

This volume will be interesting for wide circle of readers – archaeologists, anthropologists, historians, palaeoecologists and those, who are preoccupied with a history and archaeology of ancient Eastern Europe in the Early Iron Age.

ISBN 5 – 89930 – 044 – 2
ООО Старый сад
ЛР № 065741 от 13.03.1998 г.

© Авторы статей, 2000

БОРИС НИКОЛАЕВИЧ ГРАКОВ: НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ И СОВРЕМЕННАЯ АРХЕОЛОГИЯ
(ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ)

С 30 ноября до 2 декабря 1999 г. в Подмосковье (г.Дедовск) проходила международная конференция «Скифы Северного Причерноморья в VII-IV вв. до н.э.: проблемы палеоэкологии, антропологии и археологии», посвященная столетию со дня рождения выдающегося российского археолога и историка Бориса Николаевича Гракова. Это событие представляется далеко не рядовым явлением в области скифо-сарматской археологии по нескольким причинам. Во-первых, сама конференция оказалась очень представительной: в ней приняли участие около 70 ученых из академических учреждений, вузов и музеев России, Украины и Германии. Во-вторых, это была первая за последние 28 лет[1] тематическая встреча большинства ведущих специалистов-скифологов (прежде всего, российских и украинских), проводившаяся специально для обсуждения важнейших проблем скифской археологии. И, в-третьих, впервые в тематической конференции такого масштаба активно участвовали не только скифологи и сарматоведы, но и специалисты смежных с археологией наук — палеоботаники, палеозоологи, антропологи, палеоэкологи.

Важно отметить и то, что конференция проходила в совершенно новых, сильно изменившихся условиях (распад СССР, тяжелое материальное положение науки во всех странах СНГ и т.д. и т.п.). Факт, что, несмотря на все объективные трудности, в Подмосковье собралось так много известных специалистов в области скифо-сарматской археологии из России и Украины, красноречивее всяких слов доказывает: граковское научное наследие живо и продолжает оказывать свое благотворное воздействие на развитие современной археологии раннего железного века Евразии.

Мы по праву отдаем Б.Н.Гракову особую дань уважения за его непревзойденный педагогический талант (напомним, что он в течение 30 лет, с 1940 по 1970 гг. преподавал на кафедре археологии исторического факультета МГУ им.М.В.Ломоносова). Мы воздаем ему должное как умелому полевому исследователю и руководителю многих успешных археологических экспедиций — от Блюменфельда в Поволжье до Каменского городища в Поднепровье.

И все же главная заслуга Бориса Николаевича перед археологической наукой состоит, прежде всего, в том, что именно он создал научную школу скифо-сарматской археологии в Москве: он не только организовал и возглавлял с 1947 по 1953 гг. сектор скифо-сарматской археологии в стенах ИИМК АН СССР (ныне — ИА РАН), но и разработал обширную программу полевых и теоретических исследований в области скифоведения. Благодаря своим высоким человеческим качествам и энциклопедическим знаниям по скифо-сарматской и классической археологии, Б.Н.Граков воспитал и дал путевку в жизнь нескольким поколениям учеников, многие из которых впоследствии успешно воплощали в действительность творческие планы и замыслы своего учителя.

Нельзя не упомянуть и еще об одном значительном вкладе Б.Н.Гракова в нашу науку. Именно он — главный «генератор» важнейших идей в сфере изучения скифских древностей в 1940-е — 1950-е годы — был инициатором проведения в Москве всесоюзных конференций по проблемам скифо-сарматской археологии. Специалистам хорошо известно, как много дали эти научные форумы для развития скифологии.

Всего таких конференций состоялось три: первая — в 1952 г., вторая — в 1967 г. и третья, уже после кончины Б.Н.Гракова, — в 1972 г. Очевидно, есть все основания считать проведенную в Подмосковье скифо-сарматскую конференцию, учитывая ее представительность, уровень и круг обсуждаемых проблем, прямой наследницей прежних, «граковских» форумов.

За прошедшие 30 лет скифо-сарматская археология прошла значительный путь. Широкомасштабные раскопки курганов и городищ скифского периода (особенно на территории Украины, а в России — в Подонье, Прикубанье, Ставрополье) в 1970-80-е гг., наряду с обобщающими исследованиями по ключевым проблемам археологии раннего железного века, написанными в эти и последующие годы, во многом изменили наши представления о культуре скифов, сарматов и соседних с ними племен и народов. Хочется надеяться, что предлагаемый вниманию читателей сборник трудов Четвертой скифо-сарматской конференции позволит получить достаточно полное представление о современных тенденциях в изучении древностей населения западной части Евразии эпохи раннего железа.

В данный сборник вошли как прочитанные на конференции доклады, так и те, которые в силу чисто объективных обстоятельств заслушаны не были[2]. Общее количество публикуемых в сборнике статей составило 38. Нам представилось целесообразным объединить их в четыре проблемных блока, соответствующих основной тематике конференции: 1. Б.Н.Граков и проблемы скифо-сарматской археологии; 2. Палеодемография Евразии в скифо-сарматское время; 3. Палеоэкология

западной Евразии в скифо-сарматское время; 4. Скифо-сарматская проблема: новые подходы, гипотезы, решения.

С учетом выделяемых тематических блоков кратко охарактеризуем основные положения публикуемых ниже статей, в основе которых лежат представленные на конференцию доклады.

Б.Н.Граков и проблемы скифо-сарматской археологии. В данный блок включены три статьи, посвященные экспедиционно-полевой и теоретической деятельности Б.Н.Гракова.

Так, в работе Н.А.Гаврилюк и О.И.Котовой воссозданы этапы изучения крупнейшего городища степной Скифии — Каменского, подчеркнута особая роль Б.Н.Гракова в научном «открытии» и изучении этого выдающегося памятника. Сотрудники Государственного Исторического музея (г.Москва) И.И.Гущина и К.Б.Фирсов в своей публикации дают описание коллекций археологических предметов, найденных экспедициями во главе с Б.Н.Граковым и ныне хранящихся в фондах музея. А.С.Скрипкин на основе публикаций работ Б.Н.Гракова анализирует его вклад в разработку проблем сарматской археологии.

Палеодемография Евразии в скифо-сарматское время. В данный блок объединено 8 статей, рассматривающих антропологические, остеометрические и соматические характеристики, палеопатологии, травмы, свидетельства профессиональной и хозяйственной деятельности, а также адаптации к окружающей среде обитателей восточноевропейской степи, лесостепи и Алтая в скифское время.

Так, Д.В.Богатенков в статье, посвященной палеодемографии могильников позднескифского времени Крыма и Нижнего Днепра, выделяет две палеопопуляции позднескифского населения, в одну из которых вошли погребенные в Золотой Балке и Николаевке (Казацком), а в другую — в Неаполе Скифском. Автором составлены и интерпретированы таблицы смертности населения, отмечены демографические показатели, отражающие высокую степень адаптации к условиям проживания, благополучие населения и т.д.

А.П.Бужилова и М.В.Козловская посвятили свою статью анализу кремированных останков из погребения кургана № 1 у с.Колбино. Авторам удалось установить пол, возраст, а также следы генетических эндокринных нарушений, свойственных прежде всего женщинам. По мнению исследователей, морфологическому облику скифского населения региона было свойственно повышенное жироотложение и высокий уровень содержания мужских гормонов у женщин.

С.Г.Ефимова, статистически проанализировав более 20 выборок, в статье «Соотношение лесостепных и степных групп населения Европейской Скифии по данным краниологии» показала, что лесостепные группы скифов отличались от степных более узким и длинным черепом, менее высоким и резко клиногнатным лицом; скифы же южных (степных) районов — более высоколицые, с широким и коротким черепом.

В статье «Об образе жизни среднедонского населения скифского времени» М.В.Козловская сопоставила антропологические материалы из двух практически синхронных памятников: могильника Терновое-Колбино и погребений, выявленных на Семилукском городище. При этом выяснилось, что две указанные группы населения различались по ряду биологических особенностей, причем эти различия касаются как их образа жизни, так и происхождения.

В статье М.Б.Медниковой на основании анализа скелетных остатков 17 индивидуумов из могильника Новозаведенное II конца VII — VI вв. до н.э. устанавливается средний возраст смерти мужчин и женщин; травматизм или серьезные заболевания не обнаружены, но у большинства погребенных выявлены дефекты зубной эмали. Об интенсивной верховой езде и мужчин, и женщин свидетельствует высокая частота изменений поверхности тазо-крестцовых суставов.

В двух статьях (Н.В.Полосьмак, В.И.Молодина и др.) излагаются результаты новейших исследований мумифицированных останков носителей пазырыкской культуры из подкурганных захоронениях на плато Укок. Авторами не только реконструируется процесс бальзамирования, но и выявляются особенности хромосомно-генетического «кода» погребенных, что открывает большие возможности в решении проблем генезиса древних и современных народов.

Л.Т.Яблонский в работе «Еще раз о происхождении скифской культуры Причерноморья по данным антропологии» критикует интерпретацию А.К.Козинцевым краниологического сходства скифов Причерноморья с окуневцами Тувы и создателями некоторых могильников эпохи бронзы на юге Узбекистана. По мнению автора, это сходство подтверждает волнообразные миграции степного населения в южные районы Казахстана и Средней Азии в эпоху поздней бронзы, но эти процессы не имеют существенного значения для определения прародины причерноморских скифов и не опровергают гипотезу Б.Н.Гракова об автохтонности носителей скифской культуры в Северном Причерноморье.

Палеоэкология западной Евразии в скифо-сарматское время. В четырех статьях данного блока поднимаются вопросы реконструкции экологической ситуации на юге Восточной Европы в раннем железном веке, а также хозяйственной жизни населения степной и лесостепной зон Восточной Европы.

Так, Е.Е.Антипина посвятила свою статью проблемам интерпретации археозоологических материалов из памятников скифского времени на территории Северного Причерноморья, отметив ущербность прежних методов статистической обработки массового археозоологического материала и приведя примеры ошибочной интерпретации и неточной реконструкции как видового состава домашних животных, так и воссоздаваемой на этой основе экономической модели палеообществ. Автор считает перспективными новые комплексные исследования памятников с целью выде-

ление эталонных памятников, что необходимо для достоверных хозяйственных реконструкций.

В.А.Демкин, Т.С.Демкина и Л.С.Песочина в статье «Палеоэкология восточноевропейских степей в скифо-сарматское время» на основании изучения палеопочв под курганами, насыпанными в эпоху поздней бронзы и раннего железа, реконструировали ландшафтно-климатические условия восточно-европейских степей в то время. По заключению авторов, 2-я пол. II тыс. до н.э. характеризовалась повышенной увлажненностью с последующим изменением климата в сторону аридизации. В середине I тыс. до н.э. в степях Восточной Европы окончательно произошла смена сравнительно гумидных климатических условий более засушливыми и континентальными, достигнув пика в волго-уральских степях в конце I тыс. до н.э.

Е.Ю.Лебедева в статье «Палеоэтноботанические материалы по земледелию скифской эпохи: проблемы интерпретации» на основании палеоботанических материалов, происходящих из 43 скифских памятников Восточной Европы, пришла к выводу, что у скифов и лесостепи, и степи в составе урожая доминировало просо; заметно реже встречаются пленчатый многорядный ячмень и пшеница (двузернянка и мягкая; спельта и однозернянка очень редки). Только в лесостепи (по отпечаткам на керамике) отмечено наличие бобовых, а в степи — ржи. Отсутствие же на скифских памятниках достаточного количества отпечатков мягкой пшеницы, по мнению докладчика, свидетельствует против устоявшегося мнения о ее экспорте в крупные античные центры Северного Причерноморья.

Работа Г.А.Пашкевич «Палеоэтноботанические исследования скифских памятников степной зоны Северного Причерноморья» посвящена выявлению свидетельств существования у кочевых племен северо-причерноморских степей земледелия. Обнаружение в ходе исследований Каменского городища и поселения Лысая гора семян, зерновок злаков и их отпечатков позволило констатировать культивирование местным населением пленчатого ячменя, пшеницы (двузернянки и спельты), проса. Засухоустойчивость и скороспелость проса и пленчатого ячменя обусловили распространенность у степного населения конца V — IV вв. до н.э. именно этих культур.

Скифо-сарматская проблема: новые подходы, гипотезы, решения. В данный блок вошла большая часть статей сборника — 23. Тематически они разнообразны; в них затрагиваются вопросы материальной и духовной культуры населения восточноевропейской степи и лесостепи в скифо-сарматское время, хронологии скифских древностей, этногеографии, монументального и декоративно-прикладного искусства, политической истории Скифии, этнополитической истории Нижнего и Среднего Подонья в скифское время.

С.И.Андрух («Могильник Мамай-гора в Нижнем Поднепровье») подводит предварительные итоги изучения огромного могильника, расположенного в 15-18 км от Каменского городища. Здесь за 11 лет сплошным раскопом на площади более 5000 м исследованы 165 курганов и два грунтовых могильника эпохи энеолита и бронзы. Из более чем 400 зафиксированных захоронений 335 относятся к скифскому времени; они содержат богатый вещевой материал, типичный для скифских памятников конца V — IV вв. до н.э.

В статье С.С.Бессоновой и С.А.Скорого рассматриваются некоторые аспекты хозяйственной деятельности обитателей одного из городищ скифского времени — Мотронинского. В итоге многолетних исследований городища можно считать установленным, что доминирующей отраслью хозяйства местного населения было скотоводство (разведение крупного и мелкого рогатого скота, лошадей, свиней и др.). Практиковалась и охота на кабанов, оленей, зубров и других животных. Зафиксированы несомненные следы земледелия (серпы, мотыжки, зерна злаков, хозяйственные ямы), а также гончарного, косторезного, металлургического производства.

Ю.В.Болтрик в статье «Скифский курган как единый ансамбль» отмечает, что многие курганы IV в. до н.э., под насыпями которых находилось по нескольку погребальных сооружений, являются единовременными ансамблями». Соответственно, многие «грабительские лазы», ведущие в погребальные камеры, в действительности являются дромосами, синхронными этим камерам.

В статье С.Б.Вальчака рассматриваются некоторые мотивы орнаментации уздечных принадлежностей, найденных на юге Восточной Европы и датируемых началом раннего железного века. По мнению автора, комплексы узды этого времени демонстрируют постепенную смену традиционного вещевого набора при частичном сосуществовании старых и новых форм и мотивов декора, что, возможно, свидетельствует об изначальном различии между использовавшими их этническими или территориальными группами населения.

В.И.Гуляев посвящает свою статью весьма дискуссионной проблеме этнокультурной принадлежности обитателей Среднего Дона в V-IV вв. до н.э., заключая, что решать ее следует в соответствии с точкой зрения М.И.Ростовцева о наличии и на Среднем, и на Нижнем Дону собственно скифского населения.

В работе В.В.Дворниченко публикуется новая группа предметов, связанная с известным Хошеутовским комплексом уздечных принадлежностей раннескифского времени, демонстрирующих определенное сходство с памятниками как более восточных, так и более южных (Прикубанье) районов распространения звериного стиля.

В статье В.П.Копылова «Население дельты Дона в V-IV вв. до н.э.» отмечается отсутствие в данном районе комплексов, датируемых от третьей четверти VI до конца первой четверти V в. до н.э. Данная лакуна не позволяет констатировать последовательное развитие населения Нижнего Дона в V-IV вв. до н.э. По мнению автора, в конце 1-й четверти V в. до н.э. в дельту Дона

(и в бассейн Среднего Дона) проникла группа населения из лесостепного Поднепровья.

В статье С.И.Лукьяшко «К реконструкции событий конца IV — начала III вв. до н.э. на Нижнем Дону» группа кочевнических погребений (Высочино, Лукьяновка) определяется как скифская и этнокультурно отделяется от хронологически примыкающей савроматской или сарматской группы (по В.Е.Максименко). Автор приходит к выводу, что усиление скифского влияния коррелирует с активизацией колониальной политики Боспора в данном регионе. Особенности строительной активности обитателей Елизаветовского поселения, по мнению С.И.Лукьяшко, свидетельствуют об активном участии населения Нижнего Дона в междоусобной борьбе претендентов на боспорский престол, а также о поражении скифов и появлении в регионе сарматов на рубеже IV-III вв. до н.э.

В.Е.Максименко в статье «Население междуречья Дона и Северского Донца V-III вв. до н.э. (савроматы, симаты, сарматы)» подчеркнул, что памятники этого региона почти ничего общего не имеют с классическими раннесарматскими (прохоровскими) памятниками, однако очень похожи на синхронные им среднедонские комплексы. Автор считает, что сформировавшееся здесь, на сирматской территории, в V-III вв. до н.э. этнополитическое объединение кочевников с племенами прохоровской культуры генетически связано не было.

В своей статье С.В.Махортых затрагивает остродискуссионные вопросы изучения и интерпретации предскифских и раннескифских древностей. В частности, автор приходит к выводу, что формирование черногоровской и новочеркасской групп шло синхронно и параллельно, причем они делятся на два временных горизонта: IX-VIII и VIII-VII вв. до н.э. Подвергается критике тезис Г.Коссака и его сторонников о выходе из употребления предметов новочеркасских форм к концу VIII в. до н.э. и о датировке 1-го периода раннескифской культуры. Появление скифов на юге Восточной Европы С.В.Махортых относит к периоду между 714 и 675/4 гг. до н.э., не поддержав идею о единстве культур киммерийцев и скифов.

А.П.Медведев в статье «О некоторых источниковедческих проблемах этногеографии Подонья в скифское время», критически рассматривая как письменные источники, так и современную историографию, приходит к заключению о неправомочности распространения скифских владений вплоть до современного Воронежа. В пользу этого, по мнению автора, свидетельствуют принципиальные отличия среднедонских курганов от степных скифских памятников.

Работа М.Г.Мошковой «Назначение каменных «жертвенников» и «савроматская» археологическая культура» пришла к выводу о культовой роли предметов, иногда именуемых «косметическими столиками», и об их использовании носителями не одной, а нескольких археологических культур степной и лесостепной Евразии эпохи раннего железа.

В.Ю.Мурзин и Р.Ролле в статье «Гибель Великой Скифии и царь Атей» приходят к выводу, что, помимо глобальных (экологических) причин, гибели Великой Скифии способствовали и причины «внутренние», в частности, ярко выраженная «пирамидальность» организации центральной власти и ослабление скифской элиты, чему способствовала смерть Атея и преклонный возраст его преемников.

Статья В.С.Ольховского посвящена изучению феномена антропоморфности в монументальной скульптуре кочевого населения степной Евразии эпохи раннего железа. Рассмотрев неантропоморфные (оленные камни, «киммерийские» стелы) и антропоморфные (скифские, сарматские) изваяния, автор на основе анализа выделяемых морфологического, иконографического и сементического архетипов констатирует возможную генетическую связь «киммерийских» и раннескифских изваяний причерноморско-кавказского региона, отмечает сложность и «полицентризм» процесса формирования антропоморфного канона скифской скульптуры и наличие несомненного передневосточного влияния на этот процесс.

Е.А.Переводчикова в своей статье рассматривает примеры сходства предметов звериного стиля из Нижнего Поволжья, Прикубанья и Нижнего Подонья, которые показывают, что в V-IV вв. до н.э. между этими регионами существавали регулярные связи. Наблюдаемое сходство отдельных предметов при наличии разработанных серий изображений на каждой территории, по мнению автора, не позволяют говорить о какой-либо миграции, а скорее свидетельствуют о регулярных контактах (в ходе перекочевок?), слабо отраженных в археологическом материале.

В статье В.А.Петренко, В.Е.Маслова и А.Р.Канторовича «Хронология центральной группы курганов могильника Новозаведенное II» приводятся семь радиоуглеродных дат, с учетом калибровки по программе разных исследовательских центров дающих хронологический интервал погребений до 801-789 гг. до 634-552 гг. до н.э. При этом отмечалось морфологическое и стилистическое сходство многих предметов из данного могильника и Келермеса. Авторы приходят к заключению, что найденные в могильнике Новозаведенное II закавказские и переднеазиатские вещи не являются синхронными, а появились в результате тесных контактов, продолжавшихся на протяжении жизни двух-трех поколений. Материалы могильника, по мнению авторов, не позволяют согласиться с хронологической схемой раннескифских древностей, предложенной Г.Коссаком, И.Н.Медведской и С.В.Полиным.

В работе А.Д.Пряхина и Ю.Д.Разуваева «К интерпретации захоронений на Семилукском городище скифского времени» анализируются 14 погребальных комплексов, выявленных на площади пяти построек и девяти хозяйственных ям городища. Указанные комплексы содержали как полные скелеты, так и разрозненные кости 69 человек без признаков насильственной смерти. Авторы считают, что найденные комплек-

сы — это погребальные памятники, появление которых связано с исполнением определенных требований погребального ритуала оставшимися в живых сородичами.

А.И.Пузикова на основании изучения лепной керамики и ряда других категорий предметов приходит к выводу об этнокультурном единстве населения, оставившего на Среднем Дону городища и погребальные комплексы V-III вв. до н.э.

Статья Е.И.Савченко посвящена рассмотрению погребальных памятников и реконструкции элементов погребальной обрядности населения Среднего Дона V-IV вв. до н.э. на материалах могильника Терновое I — Колбино I. Автор выделяет ряд черт собственно кочевнического погребального ритуала, не связанных с лесостепным погребальным обрядом.

В статье Н.Н.Тереховой и В.Р.Эрлиха «Древнейший черный металл на Северо-Западном Кавказе» обобщаются результаты металлографического анализа 18 железных изделий преимущественно VIII в. до н.э. из могильника Фарс/Клады. При этом устанавливается, что большинство предметов изготовлено из высококачественной стали и является импортом из Колхиды или Центрального Кавказа.

В статье Е.Е.Фиалко и Ю.В.Болтрика собраны и проанализированы довольно редкие предметы — литые двурожковые «вилочки» (всего около 40 экз.), бытовавшие у скифов с V в. до н.э. до первых веков н.э. Учитывая соотнесенность находок подобных предметов с горитами и копьями, авторы предполагают использование «вилочек» как инструментов для гадания с применением стрел.

В работе Е.В.Черненко описывается и анализируется интересный погребальный комплекс эпохи скифской архаики, выявленный вв полуразрушенном Люботинском кургане в бассейне Северского Донца.

Статья А.И.Шкурко о лесостепном варианте скифского звериного стиля ранее уже публиковалась, но важность затронутых в ней проблем и актуальность выводов в сравнении с материалами последних лет, «востребованность» данной работы привели к выводу о необходимости ее новой публикации, что и делается в данном сборнике.

Надеемся, предлагаемый вниманию читателей сборник будет воспринят не только как дань уважения Б.Н.Гракову, но и как весьма полезный вклад в сложный процесс познания скифо-сарматских древностей.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Если брать Всесоюзные конференции по вопросам скифо-сарматской археологии, то последняя (третья по счету) проходила в Москве в декабре 1972 г. Правда, в 1980 г. редакция журнала «Народы Азии и Африки» организовала «круглый стол» по основным вопросам скифологии с привлечением ряда ведущих специалистов из Москвы и Киева, опубликовав основные материалы дискуссии в двух номерах журнала.

[2] Учитывая большое число участников и необходимость оставить время для дискуссий, слово давалось только приезжим делегатам и представителям естественных наук.

В.И.Гуляев, В.С.Ольховский

Б.Н.ГРАКОВ И ПРОБЛЕМЫ СКИФО-САРМАТСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

Н.А.ГАВРИЛЮК, О.И.КОТОВА

СТО ЛЕТ РАСКОПОК КАМЕНСКОГО ГОРОДИЩА

Археологические календари России и Украины в 1999 г. отметили 100-летие со дня рождения профессора Б.Н.Гракова, важнейшей научной заслугой которого являются раскопки одного из ключевых памятников скифской культуры — Каменского городища. Эта круглая дата является удобным поводом подвести некоторые итоги исследования выдающегося памятника, оставленного ранними кочевниками.

Случайно или нет, но столетний юбилей главы московской школы скифологии Б.Н.Гракова совпал с другим знаменательным событием — столетием начала раскопок центрального памятника степной Скифии — Каменского городища, исследованию которого Б.Н.Граков отдал 15 лет своей жизни. К раскопкам Каменского городища он приступил как исследователь, специализировавшийся в области античной истории и археологии, а закончил маститым скифологом. Закономерным итогом работы Б.Н.Гракова на Каменском городище стала монография «Каменское городище на Нижнем Днепре» (1954), пожалуй, наиболее «рейтинговое» издание по скифской проблематике. В нем в достаточной мере освещена история исследования Каменского городища. Тем не менее, со временем становятся известными новые обстоятельства изучения этого уникального памятника, а происходившие 50 лет назад, казалось бы рядовые события, сейчас приобретают статус исторических и безусловно интересны для скифологов.

Источниками для написания данной статьи стали материалы Научного архива ИИМК РАН* и архива Каменско-Днепровского государственного историко-археологического музея. В деле архива Императорской Археологической комиссии хранится Открытый лист, выданный в 1899 г. народному учителю Д.Я.Сердюкову на раскопки на каменских кучугурах (Ф 1, № 51. 1899). Следующими, 1900 г., датируется письмо Д.Я.Сердюкова в Археологическую Комиссию (Ф 1, № 57, 1900). Ввиду важности содержащихся в нем сведений текст этого письма приводим полностью в Приложении 1. Из него мы получаем описания первых находок на «кучугурах» — на месте наиболее интенсивного проявления культурного слоя Каменского городища. Часть из них опубликована в Отчетах Археологической Комиссии (Сердюков Д.Я., 1900, с.36,37; 1902, с.31-33). Новыми, хотя и краткими, но достаточно информативными, являются содержащиеся в письме сведения о двух монетах, происходящих с Каменского городища. Собственноручный Д.Я.Сердюкова рисунок одной монеты — ольвийского аса — опубликован нами ранее (Гаврилюк Н.А., 1999, с.57, рис.17). Относительно другой упоминаемой в письме монеты установлено, что она в Киевский исторический музей не поступала.

В этом же письме, кроме каменских, упоминаются еще одни кучугуры — *«соседнего села Водяного ..., которые по характеру находимых вещей, сходны с нашими»*. Впоследствии, в 1946 г. Б.Н.Граковым были проведены разведки на этих кучугурах (Граков Б.Н., 1946, с.29-32,40,41), в результате которых обнаружено несколько памятников скифской оседлости (Гаврилюк Н.А., 1999, с.23, рис.4, *в*). Среди них наиболее интересным является селище IV в. до н.э., которое шурфовалось экспедицией Б.Н.Гракова в 1949 г. (Граков Б.Н., 1949; Гаврилюк Н.А., 1999, с.71).

В целом, раскопки Д.Я.Сердюкова продолжались не более двух лет. Стиль и содержание письма указывают, что оно принадлежит деловому, не лишенному дарований, подающему надежды человеку. Из письма следует также, что его автор оказался неплохо подготовленным специалистом. О последнем свидетельствует как объем сведений, которым оперирует первый исследователь Каменского городища (в том числе знакомство с трудом А.Терещенко — одной из первых книг, содержащих «палеоэкологические» сведения о Нижнем Днепре), так и сам факт выдачи ему Открытого листа. Как известно, во все времена Открытый лист мог быть получен только при наличии соответствующего образовательного и профессионального цензов. С 1900 г. Д.Я.Сердюков фигурирует уже как член Таврической Ученой Архивной Комиссии.

Однако, по-видимому, первые полевые исследования Каменского городища не дали каких-либо сенсационных — с позиций науки того времени — результатов. Не исключено, что сам Демьян Яковлевич выехал из Каменки. Во всяком случае, нам пока не удалось найти свидетельств продолжения археологической деятельности молодого народного учителя, чрезвычайно загруженного (на отсутствие запасного учителя сетует сам Д.Я.Сердюков) педагогической деятельностью в училище.

Письмо Д.Я.Сердюкова передает сложившуюся в Таврической губернии наэлектризованную недавними «золотыми» открытиями, другими удачными, офици-

---

* Авторы благодарят сотрудников НА ИИМК РАН за помощь в подготовке к публикации документов.

альными и подпольными находками, атмосферу доступности богатств курганов степи. В то же время этот текст позволяет представить действенность, как оказывается, в целом неплохой системы их государственной охраны, сложившейся в Российской империи. В частности, современного читателя удивляет «неудивление» Д.Я.Сердюкова визитом пристава за консультацией о древностях, приводимые в письме сведения о других энергичных попытках полиции по предотвращению попыток грабительских раскопок. Читатель XXI в. найдет немало общего и различного между ситуациями в начале и в конце прошедшего столетия. Так, в отличие от царского времени, аппарат охраны археологических памятников в настоящее время достаточно многолюден, не единожды продублирован, но его эффективность не отвечает важности поставленных перед этими службами задач. На юге Украины развиты грабительские раскопки, и проводятся они не малограмотными крестьянами, а организованными, высококвалифицированными преступниками с большим размахом и с куда большей технической оснащенностью. Более того, в настоящее время трудно привести примеры предотвращения грабительских раскопок или наказания виновных. По-прежнему отсутствует четкое, доведенные до сознания каждого гражданина, законодательство об охране археологических памятников.

Стационарные археологические исследования на Каменском городище возобновились лишь в 1938-1950 гг., когда спустя примерно 40 лет, под руководством профессора Б.Н.Гракова, на памятнике начала работать экспедиция Московского университета. Великая Отечественная война прервала раскопки, но уже в год освобождения Каменки от фашистов (1944 г.) Б.Н.Граков выезжает в эти места с целью организации экспедиции.

Помимо археологических исследований, Б.Н.Гракову и его ученикам, будушим известным скифологам — П.Д.Либерову, В.А.Ильинской, А.И.Мелюковой, И.В.Яценко, Н.Н.Погребовой, Э.А.Сымоновичу — был присущ обычай проведения большой просветительской работы. В местной газете «Ударнию», редактором которой был брат известного археолога М.П.Грязнова — Иннокентий Петрович Грязнов, непременно появлялась информация о прибытии экспедиции, а по итогам каждого полевого сезона публиковались соответствующие заметки.

Б.Н.Граков очень дорожил связями с общественностью Каменки и вел достаточно активную переписку. Два письма Б.Н.Гракова, адресованные И.П.Грязнову, хранятся в архиве Каменско-Днепровского государственного историко-археологического музея (КДГИАМ) и были нами ранее опубликованы (Гаврилюк Н.А., Котова Д.И., 1999а, с.4,5).

В свою очередь, каменцы считали возможным в поисках решения некоторых своих проблем обращаться к авторитету Б.Н.Гракова. В частности, в положенный по экологическим «канонам» срок часть кучугур в результате действия чрезмерного антропогенного фактора подверглась опустыниванию. В поисках путей борьбы с этим явлением местные власти обратились за консультацией в Московский госуниверситет к Б.Н.Гракову. В архиве КДГИАМ нами обнаружен черновик «Заключения», написанного Б.Н.Граковым и П.Д.Либеровым по поводу засадки лесом Каменских кучугур как одного из мероприятий в решении этой проблемы. В силу особой важности идей и информации для реконструкции палеоэкологической картины на Каменском городище в скифское время, приведем текст «Заключения» полностью (см. Приложение 2).

Его авторы фиксируют результаты своеобразного натурного исторического эксперимента, длительностью 50 лет: «*Известно, что в начале XX в. вся площадь кучугур заросла шелюгом и была неподвижна. В настоящее время количество растительности незначительно, пастьба скота и дороги привели к наличию очень больших площадей развеянных песков*». Таким образом, «Заключение» зафиксировало один результат антропогенного воздействия, приведшего к развитию пастбищной дигрессии на территории скифского памятника. Как и во многих других случаях, цикл ухудшения пастбища на песках составил около 50 лет. Через вторые 50 лет мы можем фиксировать действенность принятых с учетом рекомендаций Б.Н.Гракова мер. Природная степная оболочка восстановилась. Таким образом, натурный эксперимент общей длительностью 100 лет самым наглядным образом промоделировал ситуацию палеоэкологического кризиса, развившегося, по нашему мнению, в Северном Причерноморье на рубеже IV-III вв. до н.э.

В «Заключении» содержатся известные его авторам и важные для последующих поколений исследователей сведения о залегании культурного слоя городища: «*древний слой, находясь повсеместно, представляет собою в то же время отдельные пятна*». Впоследствии это наблюдение подтверждалось всеми исследователями — на территории, окруженной земляным валом, фиксируются протяженные участки, на которых культурный слой полностью отсутствовал.

Заботясь об эффективности дальнейших раскопок на городище, авторы «Заключения» оговаривают такую возможность: «*на случай возникновения надобности новых раскопок спустя много лет, установить контрольные площадки для таковых. В уже подготовленной к засадке части кучугур рекомендуем с такою целью не засаживать сосною...*» и далее идет перечисление участков, которые не подлежат засадке деревьями. Такие участки были оставлены и благодаря их существованию современный исследователь имеет достаточно широкие возможности для исследования уникального памятника скифской оседлости.

После выхода книги Б.Н.Гракова о Каменском городище памятник приобретает статус всесоюзного значения (с 1999 г: — «державного значения»). Это спасло его от полного разрушения во время строительства Каховской ГЭС. В 1952 г. большая площадь городища, уходившая под воду, исследована П.Д.Либеровым (Либеров П.Д., 1952/4).

Паузу в раскопках Каменского городища, растянувшуюся на 35 лет, заполнили сборы подъемного материала, организованные И.П.Грязновым. Его личная коллекция и сборы на кучугурах стали основой археологических фондов Каменского музея, имеющего ныне статус государственного.

Однако, в 1980-е гг. сам факт существования городища в силу ряда причин был поставлен под сомнение. В 1981 г. на городище под руководством В.И.Бидзили работала экспедиция Отдела естественных методов ИА АН УССР, результаты работы которой якобы не подтвердили существование Каменского городища вообще. По-видимому, экспедиция ставила себе определенную цель — обнаружить следы металлургии железа и меди. Небольшие объемы работ в сезона 1981 г. (Бидзиля В.И. и др., 1981) желаемых результатов не дали и не могли дать. Итогом работы экспедиции стала оценка Каменского городища как сезонного торжища (Ольговский С.Я., 1987, с.48-53).

Тогда же появилось предложение снять памятник с государственного учета. В условиях активного жилищного строительства в городе такие действия повлекли бы за собой полное уничтожение Каменского городища. Лишь благодаря усилиям многих специалистов, в том числе начальника Запорожской экспедиции Института археологии В.В.Отрощенко, одного из авторов данной статьи — О.И.Котовой, положительной реакции представителей администрации разных уровней, в 1987 г. археологические работы на памятнике в конечном счете были возобновлены. Тогда же были проведены подводные работы. Экспедицией Запорожского областного краеведческого музея под руководством Г.И.Шаповалова было обследовано 1000 кв.м затопленной части в районе гавани (Шаповалов Г.И., Трипольский И.Л., 1989, с.171-173). В 1988 г. начаты исследования на ближайшем к Каменскому городищу могильнике Мамай-Гора, первое научное описание которого было осуществлено в свое время экспедицией под руководством Б.Н.Гракова (Андрух С.И., Тощев Г.Н., 1999, с.3).

В 1987 г. на районном уровне принято важное для сохранения в Каменско-Днепровском районе памятников археологии решение об обязательном согласовании отведения земель под строительство с дирекцией местного музея. С этого же времени на протяжении более чем десяти лет (с небольшими перерывами) постоянно проводятся охранные работы практически на всей территории Каменско-Днепровского района. На Каменском городище за последнее время Скифской экспедицией Института археологии НАНУ в режиме охранных работ было вскрыто 2538 кв.м площади. При этом выделены участки городища, охраняемые как заповедные как раз те участки, которые упомянуты Б.Н.Граковым в «Заключении».

Таким образом, в городе и районе удалось создать систему охраны археологических объектов, которая, как нам кажется, может служить положительным примером комплексного и эффективного подхода к проблеме сохранения исторического памятника и организации исследований на нем.

В свете новых данных лишь небольшая часть взглядов Б.Н.Гракова не получила подтверждения, а еще меньшая их часть устарела. Как нам кажется, удается вернуться, хотя и на иной чем у Б.Н.Гракова, концептуальной платформе к первоначальной очень высокой роли Каменского городища в жизни степных скифов. Исключительная значимость Каменского городища для скифской истории и истории ранних номадов вообще вытекает из археологически зафиксированного Б.Н.Граковым перелома в жизни степных скифов — их перехода к оседлости в условиях степной зоны. Это блестящее наблюдение подтверждается новыми исследованиями в рамках оформившегося в 1980-1990 гг. эколого-экономического подхода. Более того, мы уверены, что материалы Каменского городища, полученные в течении 100 лет его раскопок, послужат для скифской археологии XXI в. новым генератором идей.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Каменка. 26 Февр.1900

Глубокоуважаемый Федор Александрович!

Простите великодушно; мне, право, совестно, что я до сих пор не написал Вам ни слова, хотя извинительных причин, кажется, и не имелось, кроме разве одной — писать было не о чем. Но вот явилась новость и я спешу Вам сообщить о ней. Вчера был у меня становой пристав за получением сведений, куда направить вещи, найденныя в с.Зеленом, Рогачикской волости, несколькими крестьянами, раскопавшими тайно курган и кому подсудно это нарушение закона. Не имея указаний на этот счет, мы общими усилиями решили, что вещи подлежат отсылке Губернатору, а дело подсудно Земскому начальнику. Так-ли — не знаю, — важно, что делу будет дан надлежащий ход и если власти отнесутся со всей строгостью закона, то другим будет неповадно. В этом вопросе оказалось несостоятельным и Уезд. Полиц.Управ., которое не знаю, что делать с вещами.

В Зеленовском кургане на глубине всего только 3 арш. (могила небольшая) найдено 272 бронзовых наконечника стрел, 2 целых глиняных кувшина амфорной формы, 2 целых и 1 разбитая буса с вкраплениями. Подробности этого хищения Вы, вероятно, скоро узнаете из официального донесения.

Вслед за этим была попытка раскопок другого небольшого кургана, находящегося вблизи с.Верхнего Рогачика, но во время остановленная полицией.

Что же касается наших кучугур, то до настоящего времени они покоятся под снегом и нового о них сообщить Вам нечего. Найдено, впрочем, осенью 2 монеты, из которых, к сожалению, ни одна не попала мне в руки; находчики сбыли их торговцу-еврею, прежде чем я узнал об этом. Одна монета — херсонесская отослана в Киевский музей, а другая — ольвийская, рисунок которой я прилагаю имеется и теперь у него. Если она представляет интерес, то я приобрету ее для Комиссии на свои средства. В каталоге монет, принадлежащих гречес. колон. Черного моря П.О.Бурачкова об этой монете значится следующее: А. Бюст Аполлона, украшенный лавровым венком с ожерельем на шее. Оборот. Птица, стоящая на дельфине вправо. Вверху — имя города — 8 знаков.

Само собой разумеется, меня очень интересует дальнейшая судьба начатого дела в кучугурах и те результаты, к которым приведут последующие разведки в них. Не хочется верить, чтобы кучугуры не дали капитальных данных своего прошлого. Поживем-увидим. Если этим летом решено произвести продолжительные разведки в наших кучугурах, то желательно, чтобы разрешение дано было и на разведки в кучугурах соседнего села Водяного, (если Вы найдете нужным), которые по характеру находимых вещей, сходны с нашими, хотя о них в учено-исторической литературе, кажется, ничего пока не известно и мы первые, можно сказать, будем приподнимать завесу их истории.

Вместе с письмом сдаю на почту «Очерки Новороссийского края» А.Терещенко, взятые в Комиссии.

Не будете-ли Вы летом на юге, Ф.А., чтобы побывать и в Каменке; мне бы это было приятно. Буду надеяться, что юг и привольная степная жизнь, которую Вы, я знаю, любите, выманят Вас в наши места. От всей души желаю Вам всего наилучшего, а главное доброго здоровья. С приятнейшими воспоминаниями о наших петербургских встречах и новых знакомых, остаюсь искренно уважающий Вас, Ваш покорный слуга

Подпись

P.S. Я теперь совершенно одинокий, жена моя в Петербурге в клинике проф.Остина (Повивальный Институт Б. Фонт. 148). В ожидании запасного учителя, приходится вести занятия в училище одному, труд по истине египетский.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Заключение о положении древнего скифского поселения, известного под названием «Каменские кучугуры» Каменско-Днепровского района Запорожской области в связи с засадкою его лесом.

Ознакомившись по поручению Института Истории Материальной Культуры имени Н.Я. Марра Академии Наук СССР с положением дела о засадке Каменских кучугур лесонасаждениями, мы нижеподписавшиеся, профессор — доктор исторических наук Граков Борис Николаевич и научный сотрудник Института кандидат исторических наук Либеров Петр Дмитриевич, констатировали ясную картину работ, их отношение к площади памятника и находим нужным рекомендовать Институту некоторые меры для научного использования городища, а Каменско-Днепровскому лесхозу охранные меры по отношению к этому древнему памятнику.

Прежде всего, мы констатируем, что по плану Лесхоза, вся площадь Каменских кучугур, в общей сложности около 800 га песков будут сплошь засажена шелюгом (вербою) и в большей части сосною в течение ближайших пяти лет. Тем самым, полностью будет занята насаждениями вся площадь древнего поселения, так как культурный слой его находится по всей территории песков, кроме подвергшихся полному развеиванию. К весне текущего года засажено шелюгом и подготовлено под сосны в общей сложности около 400 га неплавневой площади, причем этой подготовительной работой занято не менее половины урочища, а именно: вся его южная, юго-западная и западная части. Работа по посадке шелюга и сосны не представляет сколько-нибудь серьезного вреда, так как в большей части культурный слой залегает под песком разной мощности: от 0.50 м до нескольких метров. При распашке лишь кое-где задевается самый верх древнего слоя; на всей громадной площади работ мы могли констатировать это явление на четырех-пяти небольших участках. Известно, что в начале XX в. вся площадь кучугур заросла шелюгом и была неподвижна. В настоящее время количество растительности незначительно, пастьба скота и дороги привели к наличию очень больших площадей развеянных песков. Раскопки 1938-40 г.г. показали, что шелюг не наносит и в зрелом состоянии вреда древнему слою, а напротив предохранит его от развеивания. Поэтому, с точки зрения чисто археологической, не говоря уже о громадной государственной пользе, посадки шелюга является хорошим средством предохранения от гибели древнего культурного слоя. При посадке сосны вреда древнему слою не наносится; но во взрослом состоянии ее корневая система может повредить отдельным археологическим объектам. Впрочем, поскольку насаждения сосны будут проводиться больше всего по лощинам и обнажившимся открытым пескам (по крайней мере в текущем году) повреждения от сосны едва ли будут сколько-нибудь значительными.

В связи с тем, что сплошная засадка Каменских кучугур через четыре-пять лет сделает невозможными выборочные, на любом месте, археологические раскопки, мы считаем нужным рекомендовать Инсти-

ту произвести намеченные раскопки в текущем же году и лишь в крайнем случае в следующем и провести их форсировано в течении двух лет на возможно значительной площади. Подробный план их будет нами разработан в Москве. Лесхозу же следует принять в связи с возможностью таких раскопок во внимание, что они при наибольшем размахе могут за два-три сезона занять до 20000 кв.м, а при обычном 5-8000 кв.м. При этом площадь отдельных раскопок на каждом данном месте редко превышает 500-1000, так как древний слой, находясь повсеместно, представляет собою в то же время отдельные пятна. Так как раскопки должны быть произведены не в одном месте, а в разных частях городища, то неизбежно должны быть задеты, хотя и на малой площади (несколько тысяч квадратных метров) посадки шелюга 1948 и 1949 гг.

В связи с требованиями постановления Совета Министров СССР от 14 октября 1948 г. «О мерах улучшения охраны памятников» к организациям, в ведении которых находится памятник, рекомендуем Лесхозу провести следующие мероприятия: а)стремиться к скорейшему закреплению подвижных песков; б)не допускать пастьбы скота на песках; в)твердо установить дороги для передвижения через кучугуры и не допускать стихийного возникновения новых дорог и тропинок; г) не допускать земляных работ.

Кроме того, на случай возникновения надобности новых раскопок спустя много лет, установить контрольные площадки для таковых. В уже подготовленной к засадке части кучугур рекомендуем с такою целью не засаживать сосною участок на 400 м выше по Конке от конторы лесничества, вглубь от берега на 500 и далее отсюда до конца Фуштатки. В северной части оставить стоящим песчаный холм к югу от склада заготсена и к юго-западу от кладбища и соседний холм к юго-западу от первого холма.

Один экземпляр этого Заключения направлен Каменско-Днепровскому Лесхозу, второй Институту Истории Материальной Культуры.

Профессор: *(Б.Н. Граков)*

Кандидат исторических наук *(П.Д. Либеров)*

ЛИТЕРАТУРА И АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Андрух С.И., Тощев Г.Н., 1999. Могильник Мамай-Гора. Кн.1. Запорожье.

Бидзиля В.И. и др., 1981. Отчет об охранных исследованиях на Каменском городище // НА ИА НАНУ, 1981/11.

Гаврилюк Н.А., 1999. История экономики Степной Скифии VI — III вв. до н.э. Киев.

Гаврилюк Н.А., Котова О.И., 1999а. Два письма из архива Каменско-Днепровского государственного историко-археологического музея // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Запорожье.

Гаврилюк Н.А., Котова О.И., 1999б. Б.Н.Граков и 100 лет раскопок Каменского городища // Скифы Северного Причерноморья в VII-IV вв. до н.э. (Проблемы палеоэкологии, антропологии и археологии). М.

Граков Б.Н., 1946. Отчет о работе Никопольской экспедиции 1946 г. // НА ИА НАНУ. 1946/13.

Граков Б.Н., 1949. Отчет Скифской Степной экспедиции в 1949 г. // НА ИА НАНУ. 1949/16.

Граков Б.Н., 1954. Каменское городище на Днепре // МИА. № 34.

Либеров П.Д., 1952. Отчет о раскопках Каменского городища Скифской Степной экспедиции в 1952 г. 1952/4.

Ольговский С.Я., 1987. Социально-экономическая роль Каменского городища // Скифы Северного Причерноморья. Киев.

Сердюков Д.Я., 1900. Раскопки в Каменке // ОАК за 1899 год. СПб.

Сердюков Д.Я., 1902. Раскопки в Каменке // ОАК за 1900 год. СПб.

Шаповалов Г.И., Трипольский И.Л., 1989. О подводных исследованиях Каменского городища и его гавани «Каменный затон» // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Запорожье.

И.И. ГУЩИНА, К.Б.ФИРСОВ

КОЛЛЕКЦИИ ИЗ РАСКОПОК Б.Н.ГРАКОВА В СОБРАНИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ
(КРАТКИЙ ОБЗОР ФОНД(А)

В Государственном Историческом музее* хранится значительная коллекция памятников (около 2900 предметов), полученных благодаря раскопкам Б.Н.Гракова в 1920-х и 1940-х годах XX столетия[1]. Часть фонда была сформирована в результате работ экспедиций музея, организованных и проведенных Б.Н.Граковым, являвшимся в 1921-1929 гг. сотрудником ГИМ[2]. К ним относятся исследования в двух регионах России: Заволжье (б. Самарская губ.) и Приуралье (б. Оренбургская губ.). Другая часть материалов — находки на Каменском городище и Никопольском курганном поле в Запорожской области на Украине — были переданы Б.Н.Граковым музею специально для показа в генеральной экспозиции и составляют лишь небольшую долю памятников, полученных в результате многолетних работ на городище и курганных могильниках (Виноградов Ю.Г., Яценко І.В., 1990).

Много интересного дали работы Б.Н.Гракова и П.С.Рыкова в 1925-1926 гг. в Заволжье (б. Самарская губ., Новоузенский уезд, окрестности с.Блюменфельд). Здесь было исследовано несколько курганных групп. Непосредственно у с.Блюменфельд — группа А, в окрестностях с.Харьковка — группа Б, около с.Кано — группа В, по дороге от с.Блюменфельд в с.Кано — группа Г.

В 1925 г. экспедиция Государственного Исторического музея во главе с Б.Н.Граковым исследует курганные группы в окрестностях с.Блюменфельд (Цветочное) (Инв. № 57793, оп. Б 276). Коллекция музея пополнилась 175 предметами, найденными в группах А (кург.2,4-7,11-13), Б (кург.1,2,4-8), В (кург.1-4,6-11), Г (кург.1-5). Из группы А происходят глиняные сосуды, предметы вооружения, конского убора, украшения и другие предметы, датирующиеся от савроматского до позднесарматского времени. Особенно выделяются вещи савроматского времени из кургана А-12 (погребения 1 и 2), представляющие собой эталонные для савроматской культуры предметы вооружения, конского убора и звериного стиля конца VI — V вв. до н.э. (Grakov B., 1928, с.25,26; Смирнов К.Ф., 1964, с.41).

Материал из курганных групп А, В и Г — зеркала-подвески, миниатюрные сосуды, курильницы, фибулы и многие другие предметы — представляет собой в хронологическом плане компактную группу, относящуюся к позднесарматскому времени, за исключением кургана А-12 — савроматского и А-6 — среднесарматского (Гущина И.И., Мошкова М.Г., 1999, с.42-59). В составе коллекции также хранятся предметы из комплексов, датирующихся эпохой бронзы (А-7) и средневековьем (А-4, А-11).

В 1926 г. раскопки были продолжены совместной экспедицией ГИМ (Б.Н.Граков) и Саратовского университета (П.С.Рыков). В этом сезоне снова изучалась группа Б — у с.Харьковка Палласовского кантона Республики Немцев Поволжья (совр. Старо-Полтавский р-он Волгоградской обл.) (Инв. № 58702, оп. Б 271). Коллекция, состоящая из 152 предметов, содержит материалы из курганных групп I (кург.1-7,10-13), II (кург. 1-5), III (кург.1-6,8-11,13,14,16,20,21,24,25). Среди этих предметов — глиняная посуда, наборы вооружения, орудия труда, предметы одежды, зеркала, украшения, в т.ч. бусы из стекла, янтаря, сердолика и другие предметы.

Курганы вокруг с.Харьковки представляют собой классический сарматский могильник, где представлены погребения всех периодов сарматской истории. Однако к савроматской и раннесарматской культурам принадлежат единичные захоронения, а основной массив составляют погребения средне- и позднесарматского времени (Гущина И.И., Мошкова М.Г., 1990, с.26-47).

В 1927-1929 гг. экспедиция ГИМ изучала курганные группы в б. Оренбургском уезде б. Оренбургской губ. В июне 1927 г. Б.Н.Граковым и О.А.Граковой были исследованы могильники в окрестностях поселка Нежинского (Инв. № 61881, оп. Б 291). В результате работ сформирована коллекция из 52 предметов (Граков Б.Н., 1928а; 1928б; Смирнов К.Ф., 1948, с.80-83, рис.23-25). Она включает предметы, найденные при раскопках кургана на «Алебастровой горе», расположенного в трех верстах к С-СВ от пос.Нежинский, и относящиеся к эпохе бронзы, савроматскому времени и средневековью (погр.1,3-6,8): фрагменты деревянных предметов, глиняные сосуды и их фрагменты (рис.1, *1*), железные удила, ножи; бляхи из бронзы и серебра; бронзовые зеркала (рис.1, *2-8*), алебастровое пряслице (рис.1, *6*), коралловые и гагатовые бусы и бисер (рис.1, *3-5*).

В этом же фонде хранятся вещи, найденные в Нежинской группе, в полуверсте на В от поселка, за р.Нежинкой, на сухом лугу у р.Урал, носящем назва-

---

* Работа выполнена при поддержке РГНФ в рамках проекта «Памятники скифо-сарматского времени в собрании Государственного Исторического музея: Каталог коллекций. 1883-2001» (№ 00-01-00238а).

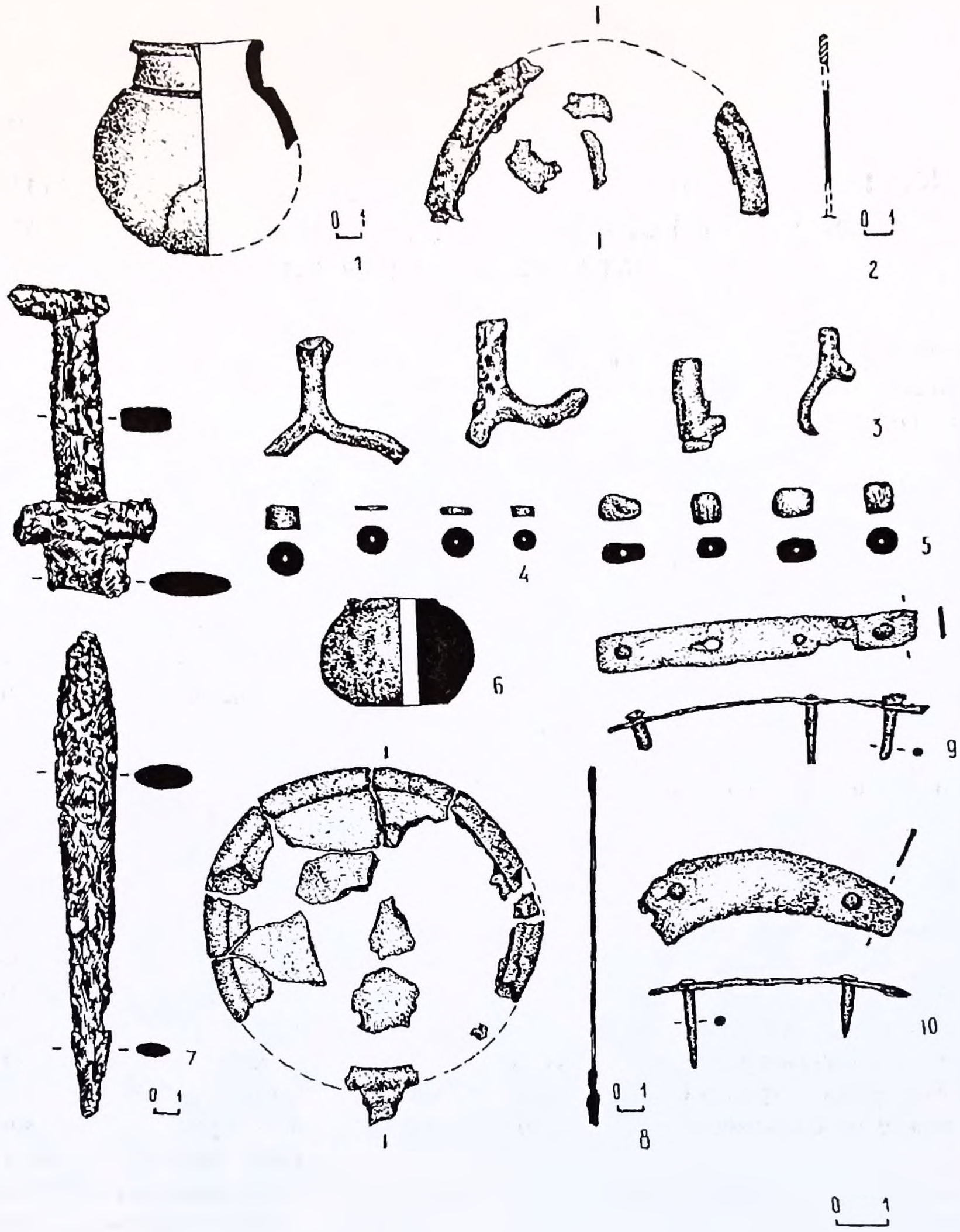


Рис.1. Отдельные предметы из раскопок Б.Н.Гракова в Оренбургском у. Оренбургской губ. Пос.Нежинский, «Алебастрова гора», 1927 г., кург. 1, погр.1: *1* — фрагмент сосуда; погр. 6: *2* — фрагменты зеркала; *3* — подвески; *4,5* — бусы; *6* — пряслице; погр. 8: *8* — зеркало; пос.Нежинский, «Башкирское стойло», 1927 г., кург. 2, погр.1: *7* — фрагменты кинжала; погр. 2: *9,10* — пластины с шипами (*1* — глина; *2, 8-10* — бронза; *3,5* — коралл; *4* — гагат; *6* — алебастр; *7* — железо)

ние «Башкирское стойло». Они происходят из курганов 1, 2 (погр.1,2), 3, 4 (погр.2,3), 6. Это железные кинжалы и их фрагменты (рис.1, *7*; 2, *3*), ножи, шилья, бронзовые зеркала (рис.1, *9-10*) и фрагменты пластин, глиняные сосуды и их фрагменты (рис.2, *1*), пряслица, костяная ложечка, стеклянные бусины (рис.2, *2-6*), деревянные (рис.2, *4*) и другие предметы.

Летом 1928 г. экспедиция Б.Н.Гракова исследовала памятники у поселков Нежинский и Благословенский (Инв. № 66441, оп. Б 295; 230 предметов) (Граков Б., 1929а, б).

Из могильника «Алебастрова гора» (I группа) в ГИМ хранится материал из курганов 2 (костяки 1 и 2), 3 (костяки 1 и 2), 4. Среди этих вещей — глиняные сосуды и их фрагменты, бронзовые втульчатые трехлопастные наконечники стрел, каменное пряслице, бронзовое кольцо и браслет, фрагменты железных мечей (рис.3, *1*), стеклянные бусины, бронзовые сбруйные украшения (рис.3, *3-7*), железные удила с бронзовыми и костяными псалиями (рис.3, *2*), железный нож и фрагменты кожаных колчанов.

Из группы II курганов «у Горбатого моста» (третий мост за Нежинским поселком от Оренбурга) в ГИМ хранятся материалы из курганов 1, 4 (могилы 1 и 3), 5, 6. Это материалы из средневекового погребения (кург.1) — железные стремена, удила, скобы, берестя-

Рис.2. Отдельные предметы из раскопок Б.Н.Гракова в Оренбургском у. Оренбургской губ. Пос.Нежинский, «Башкирское стойло», 1927 г., кург. 3, погр.1: *4* — фрагмент конструкции перекрытия; *6* — бусина; в насыпи: *1* — фрагмент венчика сосуда; кург. 4, погр. 2: *2* — бусы; кург. 6: *3* — фрагмент кинжала; пос.Благословенский, 1929 г., кург. 2: *5* — наконечник ремня (*1* — глина; *2, 6* — стекло; *3* — железо; *4* — дерево; *5* — белый металл)

ной колчан с фрагментами костяных пластин и с железными и костяными стрелами, медная чашечка. Из других курганов происходят вещи, относящиеся к савромато-сарматскому времени: глиняные сосуды и их фрагменты, бронзовые наконечники стрел, фрагменты железных мечей, бронзовые украшения, бляхи, стеклянные бусины, каменный точильный брусок (рис.4, *1*), бронзовое шило (рис.4, *2*), каменное блюдо на четырех ножках, раковины, гальки, куски белого и красного веществ.

Из группы курганов в урочище «Ванькина шишка» (III группа) в ГИМ хранятся фрагменты двух глиняных горшков (кург.1).

Материалы из группы курганов на «Маячной горе» (IV группа), близ пос.Благословенского кург. 1 (погр. 1,2), 2, 3, 4 (погр.1) представлены железными ножами и пластинчатой пряжкой, глиняными сосудами и их фрагментами, железными черешковыми трехлопастными наконечниками стрел, раковиной (Смирнов К.Ф., 1948, с.83,84, рис.26-28).

Из группы курганов «Ближняя шишка» (V группа) происходят материалы кургана 2: фрагменты медной пластинки, железного кинжала и деревянный предмет.

Курганы № 1 и 2 из группы, расположенной в 3 верстах к З-ЮЗ от пос.Благословенского по дороге на Оренбург (VI группа), содержали большое количество бронзовых трехлопастных втульчатых и железных черешковых наконечников стрел, железный колчанный крюк (рис.4, *4*), бронзовую ворворку (рис.4, *5*), каменное пряслице, бронзовые подвески и бляшки (рис.4, *3,6,8,9*), стеклянную глазчатую бусину (рис.4, *7*) и другие предметы (Смирнов К.Ф., 1948, с.83,84).

В 1929 г. экспедиция ГИМ исследовала курганную группу в местности «гора Бис-Оба» (на земле аула № 1) (Инв. № 68127, оп. Б 267, (оп. № 2); 30 предметов) (Граков Б., 1930а,б). Всего в ГИМ хранится материал из 6 курганов (кург.1-3,6-8). К эпохе средневековья относятся предметы из кург.1 (могилы 1-2): берестяной колчан, фрагменты наконечников и древков стрел из дерева, железа и кости, фрагменты кожаной обуви, железная чашка и другие предметы.

В кург.2,3,6-8 обнаружены предметы, относящиеся к савромато-сарматскому времени (Смирнов К.Ф., 1948, с.84-86, рис.29,30): железный меч и кинжал, фрагменты кожаного ремня от портупеи меча с серебряными нашивными украшениями и пряжкой, фрагменты деревянных предметов, железные и бронзовые

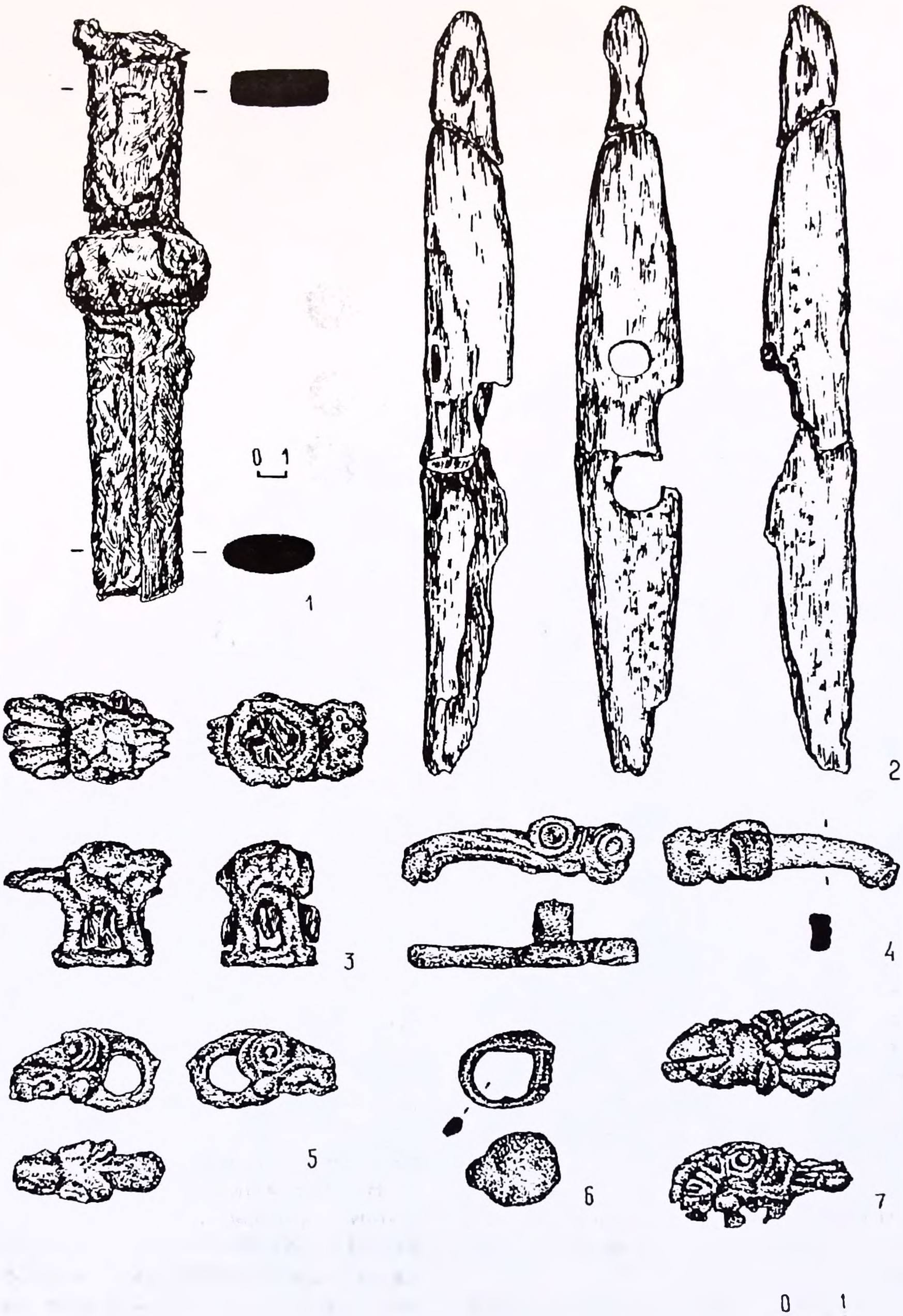


Рис.3. Отдельные предметы из раскопок Б.Н.Гракова в Оренбургском у. Оренбургской губ. Пос.Нежинский, «Алебастрова гора» (гр. I), 1928 г., кург. 3. Костяк 1: *1* — фрагмент кинжала; костяк 2: *2* — псалий; *3-7* — детали конской узды (*1* — железо; *2* — кость; *3* — бронза, кожа; *4-7* — бронза)

пряжки и кольца (одна из железных пряжек с бронзовым язычком), серебряная фибула и железный нож (кург.3); бронзовое зеркало, каменный столик с зооморфными украшениями ножек (кург.7); железный зооморфный псалий, бронзовые трехлопастные втульчатые наконечники стрел, фрагменты каменного блюда (кург.8), а также глиняный сосуд и фрагменты сосудов, куски краски и мела (кург.2,6,8).

Из поселка Благословенский (Инв. № 68127, оп. Б 268 (оп. № 3); 8 предметов) происходит коллекция

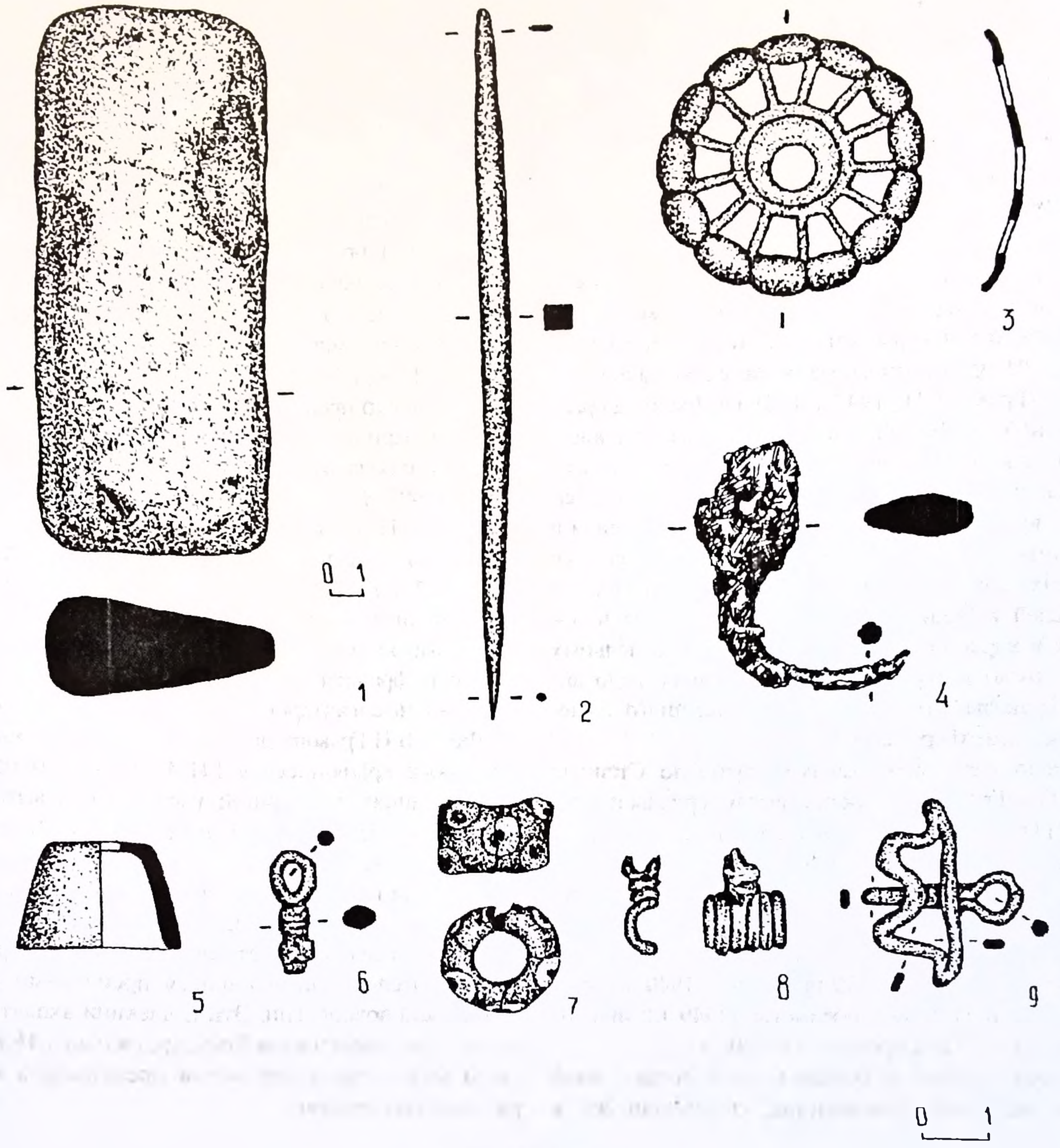


Рис.4. Отдельные предметы из раскопок Б.Н.Гракова в Оренбургском у. Оренбургской губ. Пос.Нежинский, II гр. («У Горбатого моста»), 1928 г., кург. 5: *1* — точильный камень; *2* — шило; пос.Благословенский, VI группа, 1928 г., кург. 1: *3* — розетка; *4* — колчанный крюк; *5* — воронка; *6,8* — подвески; *7* — бусина; *9* — бляшка (*1* — камень; *2,3,5,6,8-9* — бронза; *4* — железо; *7* — стекло)

предметов из двух курганов (кург.2 — в местности, называемой «Венцом», над озером «Красный Урал»): фрагменты глиняных сосудов, серебряный наконечник ремня (рис.2, *5*), фрагменты железных и деревянных предметов.

Из древнего рудника в местности «Родниковая Шишка» близ пос.Благословенский происходит три куска медной рудной породы (Инв. № 68127, оп. Б 269 (оп. № 1); 1 номер).

Фрагменты медных шлаков и глиняного сосуда были собраны Б.Н.Граковым на стоянке на берегу 2-го Деникинского озера на землях колхоза «Красный Урал» (Инв. № 68127, оп. Б 270 (оп. № 4); 2 предмета).

Хотя материал из раскопок Б.Н.Гракова в б. Оренбургской губ. известен специалистам и неоднократно использовался в исследованиях по сарматской тематике, полностью он никогда не публиковался[3]. Б.Н.Граковым были опубликованы отдельные погребения из курганов, раскопанных им в 1927 г., в том числе курган на «Алебастровой горе», погребения которого были отнесены автором работы к прохоровской культуре (Граков Б.Н., 1928а). В 1948 г. К.Ф.Смирнов опублико-

вал ряд комплексов из раскопок Б.Н.Гракова, датирующихся средне- и позднесарматским временем. Так, погр.3 («Алебастрова гора», 1927 г.) было датировано им II-I вв. до н.э.: погребения в курганах 3 и 4 («Маячная гора» IV гр., 1928 г.) и погребение в кург.2 (VI гр., 1928 г.) были отнесены автором публикации к I в. до н.э. — I в. н.э. Погребения в курганах 3, 4 и 6 («Бис-Оба», 1929 г.) являются позднесарматскими (Смирнов К.Ф., 1948, с.80-86). В целом материал из Приуралья датируется в широком хронологическом диапазоне — от савроматского до позднесарматского времени.

Материалы раскопок Б.Н.Гракова 1920-х годов в Поволжье и Приуралье, хранящиеся в ГИМ, послужили основой для создания Б.Н.Граковым схемы развития сарматской культуры, которую он разделил на четыре этапа. В целом эта схема остается актуальной и до сих пор (Граков Б.Н., 1947, с.104). Им были на сравнительно небольшом материале выделены основные признаки каждого этапа и установлена преемственность между ними. Естественно, что эта схема к настоящему времени претерпела некоторые изменения в связи с огромным массивом нового материала. Ряд московских, волгоградских, ростовских и других исследователей внесли существенные изменения и дополнения в характеристику и хронологию отдельных этапов. Однако материал, полученный и исследованный Б.Н.Граковым, не потерял своего научного значения до настоящего времени.

Большую коллекцию, характеризующую Степную Скифию IV-III вв. до н.э., составляют материалы из раскопок Б.Н.Гракова на Каменском городище — политическом и ремесленном центре Скифии этого времени[4] (г.Никополь Запорожской обл., левый берег р.Днепр). Оно исследовалось в течение ряда лет, но в ГИМ хранятся лишь материалы раскопок 1940 и 1949-1950 гг.: Инв. № 85130, оп. Б 951; 539 предметов (1940 г.); инв. № 85132, оп. Б 1115; 465 предметов (1949 г.); инв. № 85131, оп. Б 1114; 1638 предметов (1950 г.).

Коллекция состоит из большого количества лепной керамики местного производства, сохранившейся в основном во фрагментах, а также импортных сосудов: значительного количества фрагментов амфор, в том числе с клеймами различных античных центров (Синопы, Гераклеи, Фасоса). Представлены также фрагменты чернолаковой посуды, на некоторых из них сохранились граффити.

Кроме того, в коллекции представлены как готовые бронзовые и железные изделия (оружие, предметы конской упряжи, украшения), так и их заготовки, а также инструменты ремесленного производства (тигли, льячки и другие), сырье (руда) и отходы производства (шлаки); бронзовые, костяные и глиняные орудия труда; предметы одежды, украшения и другие. Коллекции, происходящие с городища, свидетельствуют о его большом ремесленном и торговом значении (Граков Б.Н., 1954, с.5-238).

Коллекцию предметов, найденных на городище, дополняют вещи из отдельных погребений Никопольского курганного поля, исследованного Б.Н.Граковым в 1940 г. (Инв. № 99538, оп. Б 1401; 20 предметов) (Граков Б.Н., 1962, с.56-113). Эта небольшая коллекция содержит материалы отдельных комплексов из курганов 1 (погр.7), 2 (погр.1, 10), 3 (погр.1,2), 4 (погр.1,2,4): глиняное пряслице, костяные подвески и обкладку ножа, бронзовые наконечники стрел, бляшки, миниатюрные подвески, фрагменты железных ножа и удил, стеклянные, костяные и янтарные бусины и фрагменты ткани.

Фонд Б.Н.Гракова дополняют архивные материалы, также хранящиеся в ГИМ[5]: отчеты о полевых исследованиях экспедиций ученого, полевые описи предметов, планы и чертежи (Граков Б., 1928б; 1929а,б; 1930а,б).

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что рассмотренный фонд предметов из раскопок Б.Н.Гракова представляет значительный интерес для исследователей, занимающихся проблемами скифо-сарматской археологии. Эти коллекции входят в круг важнейших памятников Государственного Исторического музея, часть предметов представлена в генеральной экспозиции.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Информацию об экспедициях Б.Н.Гракова см. также (Археологические..., 1962, с.14-16,49,50,171-173, №№ 22,127,449). Рисунки к статье выполнены художником Натальей Булановой.

[2] С 1921 г. Б.Н.Граков — зав. отделом Ср. Руси, в 1924-1929 гг. — хранитель (Издания..., 1999, с.169); по другим сведениям Б.Н.Граков в 1919 г. — научный сотрудник ГИМ, с 1922 г. — старший помощник хранителя, 1.10.1929 г. — уволен из музея (Нефедова Е.С., Персводчикова Е.В., Свиридов А.В., 1992, с.56).

[3] В настоящее время авторами статьи готовится к печати полная и подробная публикация материалов из раскопок Б.Н.Гракова в Оренбургской губ. в 1927-1929 годах.

[4] В ГИМ хранится также коллекция предметов с Каменских Кучугур из старых поступлений (Инв. № 45949, оп. Б 885; дар И.Е. Забелина), в том числе бронзовый конский налобник, сделанный в зверином стиле.

[5] Кроме материалов, хранящихся в Архиве группы Б ОАП ГИМ и в приложениях к описям отдела, документы Б.Н.Гракова имеются в Научно-ведомственном архиве и Отделе письменных источников ГИМ, а также в Научных архивах ИА и ИИМК РАН.

ЛИТЕРАТУРА И АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Археологические экспедиции..., 1962 — Археологические экспедиции Государственной Академии истории материальной культуры и Института археологии Академии наук СССР 1919-1956 гг. Указатель. М., 1962.

Виноградов Ю.Г., Яценко І.В., 1990. Археологічна діяльність Б.М. Гракова на Україні // Археологія. № 3.

Граков Б.Н., 1928а. Курганы в окрестностях поселка Нежинского Оренбургского уезда по раскопкам 1927 г. // ТСА РАНИОН. Т.IV.

Граков Б., 1928б. Отчет об археологических раскопках в окрестностях поселка Нежинского Оренбургского уезда, произведенных Б.Н.Граковым летом 1927-го года по Открытому листу за № 5/64558 от 11-го мая 1927 года // ОАП ГИМ. Приложение к описи № 291 от 15 мая 1928 г.

Граков Б., 1929а. Отчет о раскопках в окрестностях г.Оренбурга летом 1928 г. // ОАП ГИМ. Приложение к описи № 295 от 21 марта 1929 г.

Граков Б., 1929б. Опись вещей из раскопок Гракова под Оренбургом, летом 1928 г. // ОАП ГИМ. Приложение к описи № 295 от 22 февраля 1929 г.

Граков Б., 1930а. Отчет о работе археологической экспедиции под руководством Б.Н.Гракова летом 1929 г. в Оренбургском районе // Архив группы Б ОАП ГИМ. № 397/218. Л. 52-72.

Граков Б., 1930б. Список планов и чертежей к отчету Б. Гракова о работе археологической экспедиции в Оренбургском районе летом 1929 г. (5.03.1930 г.) // Архив группы Б ОАП ГИМ. № 397/218. Л. 52-72.

Граков Б.Н., 1947. ГУNAIKOKPATOУMENOI (Пережитки матриархата у сарматов) // ВДИ. № 3.

Граков Б.Н., 1954. Каменское городище на Днепре // МИА. № 36. М.

Граков Б.Н., 1962. Скифские погребения на Никопольском курганном поле // Памятники скифо-сарматской культуры (МИА. № 115). М.

Гущина И.И., Мошкова М.Г., 1990. Курганы у с.Харьковка в Заволжье (раскопки Б.Н.Гракова и П.С. Рыкова в 1925, 1926 гг.) // Проблемы скифо-сарматской археологии. М.

Гущина И.И., Мошкова М.Г., 1999. Раскопки Б.Н.Гракова в Заволжье у сел Блюменфельд и Кано в 1925 году // Евразийские древности. 100 лет Б.Н.Гракову: архивные материалы, публикации, статьи. М.

Издания Государственного Исторического музея, 1873-1998: Библиографический указатель // Труды ГИМ. Вып. 101. М., 1999.

Нефедова Е.С., Переводчикова Е.В., Свиридов А.В., 1992. Материалы к биографии Б.Н.Гракова // Граковские чтения на кафедре археологии МГУ 1989-1990 гг. Материалы семинара по скифо-сарматской археологии. М.

Смирнов К.Ф., 1948. Сарматские погребения Южного Приуралья // КСИИМК. Вып.XXII.

Смирнов К.Ф., 1964. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М.

Grakov B., 1928. Monuments de la culture Scytique entre le Volga et les monts Oural // ESA. III.

А.С.СКРИПКИН

ЗНАЧЕНИЕ НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ Б.Н. ГРАКОВА В РАЗРАБОТКЕ ПРОБЛЕМ САРМАТСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

Прошло уже немногим более 50-ти лет с момента выхода в свет одной из основных работ Б.Н.Гракова, посвященных сарматской тематике, «Пережитки матриархата у сарматов», в которой был подведен итог всего предыдущего периода исследования сарматской культуры и впервые была дана ее общая периодизация и изложены особенности ее развития.

Один из основных выводов, который был сделан Б.Н.Граковым в указанной работе, это преемственность в формировании савроматской и трех последующих сарматских культур. Отметив, что на одной и той же территории от Волги и Дона до Орска, Магнитогорска и Эмбы располагаются памятники как савроматской культуры (по Минзу — Рау), так и сарматов (по М.И.Ростовцеву), и указав на сходные черты и переходные формы между ними, он заключил, что «с VI в. до н.э. по конец IV в. н.э., т.е. в течение целой тысячи лет, на этом громадном пространстве бытовала и развивалась одна культура. Мало того, за два века до н.э. она стала развиваться по степям Украины и повлияла на развитие культур Северного Кавказа. Единство савроматов и сарматов всем этим окончательно доказывается» (Граков Б.Н., 1947, с.103).

В определенной мере такая интерпретация развития савромато-сарматской культуры противоречила взглядам на эту проблему, высказывавшимся ранее в работах М.И.Ростовцева. Он, как известно, отрицал преемственность между савроматами и сарматами, а среди сарматов различал несколько их группировок, в разное время продвигавшихся с востока в восточноевропейские степи и приносивших с собой новые культурные традиции.

Я не буду вдаваться в историографические рассуждения о развитии этих двух концепций. Хочу только отметить, что было время, когда, по понятным причинам, было принято критиковать «порочную методологию» М.И.Ростовцева, но часто эта критика была чисто дежурной, по крайней мере, в сарматской археологической литературе: поругать за методологию и дать высокую оценку его частным разработкам. Сейчас наблюдается обратная тенденция, противопоставлять миграционную концепцию в развитии сарматских культур М.И.Ростовцева, как наиболее приемлемую, автохтонной концепции Б.Н.Гракова.

Я хотел бы сразу обозначить свою позицию по этой проблеме. Мне уже приходилось высказываться об особенностях формирования и развития сарматских культур в ряде работ. Я не исключаю роли миграций в этом процессе и, как мне представляется, они являлись одной из основных причин в становлении практически всех сарматских культур. Но каждая новая сарматская культура в ее археологическом выражении не являлась только результатом миграционных инноваций, как правило, в них мы обнаруживаем и сохранение тех элементов, которые были характерны для старой культуры (Скрипкин А.С., 1992, с.17-33; 1997, с.5-43).

Крайняя точка зрения на эту проблему была недавно сформулирована петербургским исследователем В.Ю.Зуевым, который в одной из своих работ пишет: «На смену периодизации памятников ранних кочевников Южного Урала, построенной на основе идеи эволюционно-генетического единства «савромато-сарматских» культур медленно, но неизбежно приходит новая схема относительной периодизации, основанная на принципе хронологически дискретного напластования разных культур скифо-сарматского типа. В историческом аспекте это означает признание миграционной модели развития культурных процессов, протекавших в степях Южного Приуралья» (Зуев В.Ю., 1999а, с.18).

Для Южного Приуралья В.Ю.Зуев приводит новую периодизацию, основанную на изложенном выше положении, которая является неполной по отношению к всему скифо-сарматскому периоду, а охватывает только I тыс. до н.э. (Зуев В.Ю. 1998, с.45-50). При знакомстве с этой периодизацией возникает ряд вопросов. Не касаясь первого (гумаровского) периода, хочу обратить внимание на неудачно выбранные эпонимные памятники для каждого из последующих периодов. Начну с блюмсенфельдской культуры. Коль скоро речь идет о периодизации памятников Южного Приуралья, то надо бы и памятники для названия культур выбирать из этого региона. Блюменфельдский курган все же находится в Поволжье, да и практически все исследователи отмечали некую специфику памятников Приуралья и Поволжья в это время. Весьма неудачно выбрано и название следующей культуры по получившему в последнее время известность Филипповскому кургану (филипповская археологическая культура). Филипповский курган является памятником субэлитарной культуры, он представляет собой своеобразную сокровищницу кочевнической знати и не отражает массовой культуры. К тому же он полностью не опубликован и ждет еще своего всестороннего исследования и в отношении хронологической позиции и историко-

культурной интерпретации. В Филипповском кургане отсутствует, например, керамика, которая в выделении археологических культур играет важную роль, остальные же вещи имели весьма ограниченное хождение, удовлетворяя запросы высших слоев кочевнического общества.

В предложенной В.Ю.Зуевым периодизации период дестабилизации, датируемый III — первой половиной II вв. до н.э., только декларируется и никак не доказывается. Причем утверждается, что он «оказался малопродуктивным временем для формирования каких-то устойчивых традиций в культуре всего степного мира, которые смогли бы отразиться в археологических источниках» (Зуев В.Ю., 1998, с.48). Этот кризис, по мнению В.Ю.Зуева, завершился только в последней трети II в. до н.э. На каком основании устанавливается эта довольно точная завершающая дата, он не объясняет. Таким образом, где-то шесть, а то и семь поколений кочевников не оставили никакого следа практически во всем степном поясе. Проблема III в. до н.э. возникла на северопричерноморской почве, ее не следует без должного анализа источников переносить на другие территории. Мне в свое время приходилось говоритъ о сложности выделения сарматских памятников III в. до н.э., но я никогда не считал, что их вообще нет (Скрипкин А.С., 1997, с.11-18). В этом смысле я согласен с утверждением В.Ю.Зуева, что проблема III в. до н.э. является проблемой чисто археологической. По этой причине несколько лет назад я предложил В.М.Клепикову заняться хронологией раннесарматской культуры с целью попытаться выделитъ в Волго-Донском регионе сарматские памятники III в. до н.э. Им была подготовлена и успешно защищена на эту тему кандидатская диссертация, в которой он по самостоятельно разработанной методике, выделяет 62 комплекса, претендующих на датировку III в. до н.э. (Клепиков В.М., 1998). В.Ю.Зуев подверг исследование В.М.Клепикова массированной критике, суть которой я здесь рассматривать не собираюсь (Зуев В.Ю., 1999б, с.305-324). Отмечу только, что лично мне она не показалась достаточно убедительной. В поддержку существования сарматских памятников в III в. до н.э. в последнее время выступила М.П.Абрамова, признавшая работу В.М.Клепикова очень перспективной (Абрамова М.П., 1999, с.98-107). Таким образом, в отношении проблемы существования сарматских памятников в III в. до н.э. можно сказатъ словами известного литературного героя: «лед тронулся».

Заключительная археологическая культура (прохоровская) в периодизации В.Ю.Зуева датируется концом II-I вв. до н.э. Эталонными для нее он считает 1 и 2 курганы Прохоровского могильника. Оба кургана были разрушены, детали погребального обряда восстанавливаются только частично, вещи из них, как известно, были перепутаны. Очевидная ущербность этих памятников должна была бы насторожить автора при выборе эталона для постулируемой культуры, ведь сейчас не начало, а конец века — исследованных памятников в Южном Приуралье достаточно много, среди которых есть крупные курганные могильники раннесарматского времени. Большие сомнения вызывает дата этих двух Прохоровских курганов, предложенная В.Ю.Зуевым. Единственный аргумент в ее пользу — это ссылка на мнение В.А.Лившица, что якобы надписи на чаше из кургана 1 датируются рубежом II-I вв. до н.э. (Зуев В.Ю., 1999а, с.14) Однако публикации на этот счет пока нет. К тому же известно достаточно примеров, когда дата более обширных эпиграфических памятников менялась по несколько раз. Примером, кстати, являются и сами надписи на чаше из Прохоровки, поскольку в свое время, как известно, их датировали III или II вв. до н.э. (Ростовцев М.И., 1918, с.82,83). Археологически же доказать предложенную В.Ю.Зуевым дату для 1 и 2 прохоровских курганов довольно сложно. Так, в кургане 2 бронзовое зеркало того же типа, что и в курганах 3 и 4, которые В.Ю.Зуев датирует второй половиной V — рубежом V-IV вв. до н.э. Такие зеркала, больших размеров с плоскими ручками, неизвестны в достаточно хорошо датированных сарматских комплексах II-I вв. до н.э. Они наиболее характерны для кочевнических памятников Поволжья и Приуралья VI-IV вв. до н.э. (Смирнов К.Ф., 1964, с.153). Далее, наконечники стрел из курганов 1 и 2, рисунок которых приведен в автореферате В.Ю.Зуева, трехгранные, а не трехлопастные, что весьма существенно, так как железные наконечники стрел с такой формой головки чаще встречаются в колчанах с бронзовыми наконечниками стрел (Скрипкин А.С., 1990 с.137,139, рис.42). В памятниках, уверенно датируемых II-I вв. до н.э., или, скорее всего, серединой II-I вв. до н.э., как правило, встречаются трехлопастные железные наконечники стрел и абсолютно неизвестны бронзовые. Да и кинжал из кургана 2 с прямым навершием выпадает из серии мечей с серповидными или рожковидными навершиями, действительно в это время встречающимися.

Весьма существенно и то, что и по деталям обряда курганы 1 и 2 отличаются от сарматских погребальных памятников II-I вв. до н.э. Все четыре прохоровских кургана объединяет то, что они содержат по одному погребальному комплексу, то есть над каждым из погребений сооружалась персональная курганная насыпь, в то время как подавляющее большинство сарматских погребений II-I вв. до н.э. являются впускными в насыпи более ранних курганов.

Из периодизации В.Ю.Зуева неясно, в каком соотношении находятся блюменфельдская и филипповская культуры. Последняя, по его мнению, окончательно сформировалась в Приуралье в результате проникновения культурных импульсов с Алтая и Южной Сибири (Зуев В.Ю., 1998, с.47,48) В таком случае, видимо, старая блюменфельдская культура трансформировалась под влиянием этих импульсов в новую культуру. Но такой вывод противоречит теоретическому положению В.Ю.Зуева о дискретности культур сарматского круга. Трудно объяснитъ и появление прохоровской

культуры в отведенное ей В.Ю.Зуевым время (конец II-I вв. до н.э.) в уже сложившемся виде на огромной территории от Южного Урала до Днепра. Ведь на территории Украины эта культура уже достаточно очевидно начинает фиксироваться со II в. до н.э. (Симоненко А.В., 1993). Из построений В.Ю.Зуева абсолютно не ясно, где сформировались все ведущие типы вещевого материала и погребальная обрядность этой культуры. Он предполагает, что где-то к востоку от Каспийского моря. Да, в отдельных среднеазиатских памятниках встречаются вещи, типологически близкие раннесарматским, но контекст появления их здесь совсем другой и даже, вероятно, противоположный предположительной версии В.Ю.Зуева. Говорить о сложении прохоровской культуры где-то в Средней Азии без опоры на конкретные памятники несерьезно. Правда, может сложится мнение о том, что В.Ю.Зуев придерживается версии К.Ф.Смирнова и М.Г.Мошковой об определенной роли среднеазиатских компонентов в формировании прохоровской культуры, однако в данном случае речь идет о разных вещах. К.Ф.Смирнов и М.Г.Мошкова говорили об археологической ситуации IV-III вв. до н.э., В.Ю.Зуев же о конце II в. до н.э.

Основной же недостаток периодизации В.Ю.Зуева заключается в том, что она не опирается на основательную типологическую проработку всего материала раннего железного века Южного Приуралья I тыс. до н.э. Эта малоэффектная и достаточно трудоемкая работа — необходимое условие разработки любой археологической периодизации, об этом знает каждый начинающий археолог. Только на основании типологического анализа всех категорий материальной культуры и погребального обряда можно объективно судить о правомерности выделения тех или иных культурных пластов, о их относительной хронологии и характере взаимосвязи их между собой. Насколько я осведомлен, такая работа В.Ю.Зуевым проделана не была, что делает его периодизацию памятников раннего железного века Южного Приуралья чисто умозрительной. Ее фактическая основа не соответствует требованиям репрезентативности, предъявляемым к такого рода исследованиям.

Признание роли миграций в развитии сарматских культур отнюдь не означает их «хронологически дискретного напластования». История дает нам массу примеров, когда миграция одного народа в какой-либо район не приводит к полному вытеснению оттуда старого населения, более того, есть примеры, когда завоевание одного народа другим существенно не меняло уклада, традиций и, в конечном счете, культуру завоеванных. Например степная культура Золотой Орды на протяжении длительного времени оставалась кипчакской. В этом отношении очень интересно высказывание из сочинения средневекового писателя ал-Омари под названием «Пути взоров по государствам разных стран»: «В древности это государство было страной Кипчаков, но когда им завладели Татары, то Кипчаки сделались их подданными. Потом они смешались и породнились с ними (Кипчаками), и земля одержала верх над природными и расовыми качествами их (Татар) и все они стали точно Кипчаки, как будто они одного (с ними) рода, оттого, что Монголы (и Татары) поселились на земле Кипчаков, вступили в брак с ними и оставались жить в земле их (Кипчаков). Таким образом, долгое пребывание в какой-либо стране и земле заставляет натуру человеческую уподобляться ей и изменять прирожденные черты согласно ее природе, как мы сказали уже выше» (Тизенгаузен В.Г., 1884, с.235).

Китайский историк ханьской эпохи Бань Гу, живший в I в. н.э., повествуя о целой серии вторжений кочевников в Семиречье, которые завершились утверждением гегемонии усуней, отмечал, что в их состав частично вошли разгромленные ими здесь юечжи, а также часть саков, земли которых ранее были захвачены юечжами. Бань Гу заключает: «Посему-то между усунями находятся отрасли племен сэского и юечжийского» (Бичурин Н.Я., 1950, с.191) Можно привести пример ближе к сарматской истории. Аммиан Марцеллин, характеризуя аланов, занимавших обширные степные пространства к востоку от Танаиса, говорил, что «Мало-помалу они подчинили себе в многочисленных победах соседние народы и распространили на них свое имя, как сделали это персы» (Аммиан Марцеллин, 1994, XXXI, 2,13).

Видимо, об имевших место процессах консолидации между различными группировками варварского мира Восточной Европы свидетельствуют и составные этнонимы, часто встречаемые на страницах античных авторов, такие как аланорсы, утодорсы, тавро-скифы и другие.

Так что из признания определенной роли миграций в сарматской истории не обязательно должен следовать вывод о разрывах в их культурных традициях вслед за каждой очередной миграцией. Сохранение части прежнего населения в составе новых этнополитических сарматских объединений обеспечивало, вероятно, и сохранение прежних культурных традиций.

Недавно я завершил подготовку доклада для конференции по сарматской хронологии, которая должна состояться в Самаре. В нем я попытался выделить сарматские погребальные памятники, которые убедительно датируются II-I вв. до н.э.; таких я сумел насчитать в пределах Азиатской Сарматии 43. По своим основным характеристикам это раннесарматские комплексы, но в них присутствуют те элементы (из вещевого материла отдельные типы вооружения, зеркал, керамики; в погребальном обряде — ориентировка умерших, отдельные конструкции погребальных ям), которые сохраняются и в среднесарматской культуре или даже получают дальнейшее развитие. Другой пример: диагональные погребения — наиболее яркая черта среднесарматской культуры, своеобразная ее визитная карточка, длительное время сохраняются в период позднесарматской культуры, которая по ряду характеристик резко отличается от среднесарматской культуры (смена южной ориентиров-

ки погребенных на северную, широкое распространение обычая искусственной деформации черепа, целый ряд совершенно новых типов погребального инвентаря). Роль миграционного фактора в становлении позднесарматской культуры признается большинством исследователей. Вместе с тем, с утверждением позднесарматской культуры, которое можно отнести к середине II в. н.э., видимо, какая-то часть населения сохраняет прежнюю обрядность вплоть до середины III в. н.э.

В только что защищенной докторской диссертации по сарматам Северного Причерноморья А.В.Симоненко пришел к выводу, что памятники среднесарматской культуры этого региона достаточно отчетливо делятся на две группы. Одна из них, сохраняющая традиции предшествующего времени, оставлена потомками местного раннесарматского населения, другая — обнаруживает связь с однокультурными памятниками Азиатской Сарматии. Появление последней, по мнению автора, связано с продвижением в Северное Причерноморье новой группировки кочевников из-за Дона (Симоненко А.В., 1999, с.25-27,33,34).

Мною раньше в качестве гипотезы было выдвинуто предположение, поддержанное другими исследователями, что в определенные периоды на сарматской территории могли одновременно существовать различные культурные уклады. Один из них может быть связан с сохранением культурных традиций старого населения, другой — базирующийся на инновациях, привнесенных мигрантами (Скрипкин А.С., 1992, с.33). Например, некоторые типы вещей, в том числе и узко датируемые (ранний вариант лучковых фибул), встречаются как в раннесарматских погребениях, так и среднесарматских. Вероятно, близкая ситуация сложилась и при формировании среднесарматской культуры Северного Причерноморья.

Интересные данные для размышления на эту тему дают антропологические исследования. В настоящее время, благодаря активной работе М.А.Балабановой, которая обработала достаточно обширные серии сарматского краниологического материала, можно проследить характер сходства или различия между населением отдельных сарматских культур в антропологическом отношении. При всем разнообразии антропологических характеристик как на межкультурном уровне, так и в рамках одной культуры, все же можно проследить по ряду памятников преемственность населения, являющегося носителем разных сарматских культур. Так например, в Южном Приуралье население, оставившее памятники савроматской и раннесарматской (IV-III вв. до н.э.) археологических культур Илекской и Кумакской курганных групп, настолько близко между собой, что можно говорить о его единстве. Так же близко между собой население савроматской и раннесарматской культур астраханской правобережной группы памятников (Кривая Лука, Старица) (Балабанова М.А. 1999а, с.56).

Скорее всего, по антропологическим данным, одним и тем же населением оставлены ранне- и среднесарматские комплексы Бережновского, Калиновского и Первомайского курганных могильников. Следует отметить, что например в Калиновском и Первомайском могильниках зачастую сложно провести разграничение многих погребений между вышеназванными культурами, переход между ними был достаточно плавным. Вместе с тем в Волго-Донском междуречье, южнее Волгограда, население среднесарматской культуры в значительной мере отличается от населения раннесарматской культуры и, вероятно, с ним не связано.

Значительная близость отмечена и между населением средне- и позднесарматской культур, оставивших общий курганный могильник Кузин хутор на границе Астраханской обл. и Республики Калмыкии (Балабанова М.А., 1999б, с.27-61).

Видимо, в сарматской археологии настало время более углубленного изучения конкретных памятников, которыми являются курганные могильники, в плане выяснения хронологии комплексов, культурной принадлежности и возможной их связи с одной или нескольким группам кочевников, так как при исследовании культур в целом индивидуальность отдельных памятников во многом теряется.

Бесспорно, что такой феномен, как археологическая культура кочевников, очень сложен в плане исторической реконструкции его генезиса. Кроме традиций и инноваций в становлении и развитии сарматских культур, следует, видимо, учитывать и некие общие культурные явления, характерные для более широких степных районов. Надо также иметь в виду, что в изучении сарматских культур мы имеем дело исключительно с погребальными памятниками, тесно связанными с религиозными верованиями того времени, которые могут не всегда соответствовать только одному какому-либо этносу.

Из всего сказанного можно сделать вывод, что не следует абсолютизировать какую-либо из версий в отношении формирования сарматских культур, в данном случае автохтонную или миграционную. В их становлении необходимо учитывать различные факторы, в том числе и автохтонного происхождения, что в свое время и сделал Б.Н.Граков. С того момента прошло много лет и, как в любою научную концепцию, время вносит коррективы. Не избежали этой участи и взгляды Б.Н.Гракова по сарматской археологии, но считать их непродуктивными нельзя. Познание — сложный процесс, зачастую нам приходится возвращаться к старым идеям, но уже на новом уровне. Ко всему следует добавить, что навряд ли Б.Н.Гракова следует относить к числу жестких автохтонистов. Сам он не исключал наличия миграций в сарматской истории, о чем и писал: «Но положение М.И.Ростовцева о непрерывном, то постепенном, то большими ордами, передвижения сарматов из прикаспийских степей на запад остается в силе. За это говорит прочность литературной традиции, данные эпиграфики и само тысячелетнее развитие савроматосарматов между Доном, Волгой и Уралом до их объединения под именем аланов и до гуннского вторжения» (Граков Б.Н., 1947, с.103).

ЛИТЕРАТУРА

Абрамова М.П., 1999. О некоторых спорных вопросах хронологии раннесарматской культуры // Евразийские древности. 100 лет Б.Н.Гракову: архивные материалы, публикации, статьи. М.

Аммиан Марцеллин, 1994. Римская империя. СПб.

Балабанова М.А., 1999а. Антропология сарматских погребальных памятников Нижнего Поволжья IV-III вв. до н.э. // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград. Вып.2.

Балабанова М.А., 1999б. Антропологический состав и происхождение ранних кочевников Южного Приуралья и Нижнего Поволжья (VI в. до н.э. — 1-я половина II в. н.э.) // Научные школы Волгоградского государственного университета. Археология Волго-Уральского региона в эпоху раннего железного века и Средневековья. Волгоград.

Бичурин Н.Я., 1950. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древнейшие времена. Т.II. М.-Л.

Граков Б.Н., 1947. ГУNAIKOKPATOYMENOI (Пережитки матриархата у сарматов) // ВДИ. № 3.

Зуев В.Ю., 1998. Периодизация археологических памятников центральной части европейского пояса степей I тысячелетия до н.э. (по материалам Южного Приуралья) // Скифы, хазары, славяне, древняя Русь. Международная научная конференция, посвященная 100-летию Михаила Илларионовича Артамонова. Санкт-Петербург, 9-12 декабря 1998 г. Тезисы докладов. СПб.

Зуев В.Ю., 1999а. Прохоровские курганы в Южном Приуралье и проблема хронологии раннесарматской культуры // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб.

Зуев В.Ю., 1999б. О путях решения «проблемы III в. до н.э.» в периодизации археологических памятников сарматской эпохи // Stratum. Скифский квадрат. СПб.-Кишинев-Одесса.

Клепиков В.М., 1998. Сарматы IV-III вв. до н.э. в Заволжье и Волго-Донском междуречье // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Волгоград.

Ростовцев М.И., 1918. Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма // МАР. № 37. Пг.

Симоненко А.В., 1993. Сарматы Таврии. Киев.

Симоненко А.В., 1999. Сармати Північного Причорномор'я. Хронологія, періодизація та етнополітична історія // Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Київ.

Скрипкин А.С., 1992. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии, периодизации и этнополитической истории // Научный доклад, представленный в качестве диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. М.

Скрипкин А.С., 1997. Этюды по истории и культуре сарматов. Волгоград.

Смирнов К.Ф., 1964. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М.

Тизенгаузен В.Г., 1884. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т.I. СПб.

ПАЛЕОДЕМОГРАФИЯ ЕВРАЗИИ В СКИФО-САРМАТСКОЕ ВРЕМЯ

Д.В.БОГАТЕНКОВ

ПАЛЕОДЕМОГРАФИЯ МОГИЛЬНИКОВ НИКОЛАЕВКА (КАЗАЦКОЕ), ЗОЛОТАЯ БАЛКА, НЕАПОЛЬ СКИФСКИЙ

1. Демографическая характеристика как показатель адаптивных процессов в популяции

Основную часть предлагаемой вашему вниманию работы составляет сравнительный палеодемографический анализ, в ходе которого было произведено определение наиболее значимых демографических параметров для трех групп древнего населения из нижнеднепровских могильников Николаевка (Казацкое), Золотая Балка и группы из трех захоронений, характеризующих население Неаполя Скифского (Керменчик) в Крыму.

Конкретизируя модель взаимоотношений окружающей среды и популяции человека, стресс можно представить (Goodman A. et al., 1988) как результат воздействия на организм трех блоков факторов: а) экзогенных факторов среды; б) культурных систем (например, определяемых понятием хозяйственно-культурный тип (Левин М.Г., Чебоксаров Н.Н., 1955; Алексеев В.П., 1998), т.е. особенности культуры и хозяйства, особенности социальной, структурной организации популяции, особенности миграционной системы); в) собственной биологической резистентностью данной популяции. Культурные системы могут сглаживать давление окружающей среды на организм, но также могут многократно усиливать существующий стресс или продуцировать новые типы стресса (Медникова М.Б., 1995; Козловская М.В., 1996). Т.е. в понятии «среда» для человека можно выделить собственно климатогеографический комплекс влияний, а также комплекс социальных факторов, модифицирующих и продуцирующих новые направления взаимодействия. В связи с этим всегда проблематично однозначно интерпретировать биологические результаты воздействия отдельных компонентов среды, можно говорить лишь о комплексах средовых воздействий.

Биологическая адаптация представляется сложным неоднозначным по своим проявлениям и закономерностям процессом формирования биологических особенностей населения в ряде поколений под влиянием экологических факторов. Результатом адаптации в каждый момент времени является максимальное приближение показателей организма к некоторому балансному состоянию со средой, фактически это процесс достижения оптимума в приспособленности к среде, причем процесс непрерывный в силу постоянного изменения экологической обстановки. Изменение в приспособленности совокупности индивидов популяции определяет изменение всей популяционной системы — происходит адаптация на уровне популяции.

Среди множества характеристик или показателей, применяемых для оценки адаптации на популяционном уровне, есть система критериев, включающая в себя значительную часть важнейшей информации о состоянии адаптационного процесса. Таким наиболее общим генерализованым критерием или отражением адаптации популяции в конкретных условиях, на мой взгляд, может считаться демографическая характеристика населения. Интерес в этой связи представляет не какой-то отдельный демографический параметр, пусть даже вполне самодостаточный для иных целей; в качестве характеристики адаптационного процесса выступает система демографических показателей, представляющая, фактически, новый генерализованый популяционный признак.

Наиболее удобным способом представления палеодемографических данных является вычисление таблиц смертности населения, заключающих в себе всю демографическую информацию. Способом анализа параметров таблиц смертности являются графики, построенные на основании распределения значений показателей таблиц по шкале возраста (в виде возрастных интервалов). Исходя из наших предположений, в основе формы кривой таких графиков лежит закон, определяющий смертность населения по возрастным когортам. Этот закон как раз представляет собой искомый критерий оценки адаптации на уровне популяции. При этом следует учитывать ряд важных обстоятельств:

1. В работе мы имеем дело с выборкой из древней популяции, то есть с так называемой палеопопуляцией. Критерии палеопопуляции предложены В.П.Алексеевым (1989): «Палеопопуляция — число объектов, захороненных в одном могильнике, который, судя по сопровождающему его археологическому инвентарю, не представляет собой случайного скопища погребений или совокупности ритуальных захоронений». Структура палеопопуляции такова, что «число поколений, охватываемое ею, остается неизвестным в каждом конкретном случае». Переход от «численности палеопопуляции к численности реально жившей популяции весьма труден».

2. Определяемый на палеоантропологическом материале возраст смерти представляет биологический возраст, который может в различных ситуациях существенно отличаться от хронологического, с которым имеет дело современная демография; знание этого важно при сопоставлении групповых палеодемографических характеристик. Тем не менее, «есть все основания предполагать, что соотношение индивидуумов в разных возрастных когортах, соответствует соотношению возрастов в реально жившей популяции» (Алексеев В.П., 1989); это касается и среднего возраста смерти и соотношения полов (Бужилова А.П, 1997; 1998). Это основное предположение, дающее возможность проводит палеодемографический анализ и рассуждать о реальности действия в популяциях демографического закона, отражающего адаптивный процесс.

3. Проводимые сравнения возможны только при комплексном, разностороннем знании совокупности факторов, действующих на популяцию. Отсюда приходим к выводу о необходимости проведения дополнительных работ по рассмотрению широкого круга междисциплинарных фактов. По воздействию эти экологические факторы можно объединить: а) в группу экзогенных климатогеографических факторов, б) влияний, обусловленных социальной сферой в широком понимании. Таким образом, рассмотрение климатогеографических характеристик территории обитания и комплекса черт социальной и хозяйственной сферы представляется неотъемлемой частью антропоэкологического исследования, без такого подхода все результаты оставались бы необъясненными.

Для проведения сравнительного анализа к настоящему времени накоплен значительный материал (Angel J.L., 1967; Acsadi G., Nemeskeri J., 1970; Weiss K., 1973; Green D.L. et al., 1974; Ходжайов Т.К., 1977; Howell N., 1982; Van Gerven D.P., Armelagos G.J., 1983; Мовсесян А.А., 1984; Bocquet-Appel J., Masset C., 1985; Greene D.L., Van Gerven D.P., Armelagos G.J., 1986; Романова Г.П., 1989; Алексеева Т.И. и др., 1993; Бужилова А.П., 1993а; 1993б; 1995; Янкаускас Р.Т., 1993; Медникова М.Б., 1995; Малышев А.А., Медникова М.Б., 1995; Федосова В.Н. и др., 1997; Козловская М.В., 1999 и др.).

При первичном анализе антропологического материла в настоящей работе применен метод уточнения половозрастной диагностики погребенных, основанный на поиске корреляций между признаками пола и возраста и археологическими признаками; в данном контексте используются архивные материалы, планы погребений и могильников. Успешность применения этих методов существенно увеличивает палеоантропологическую выборку, повышает достоверность результатов демографического исследования.

2. Результаты обобщения данных археологии и истории

На основании проведенного обобщения, можно прийти к следующим выводам, учет которых важен в демографическом исследовании:

1. Крымский (по материалам Неаполя Скифского) и нижнеднепровский (по материалам Николаевка-Казацкое и Золотой Балки) типы позднескифской культуры рассматриваются как локальные географические варианты культурного единства (Дашевская О.Д., 1989). Археологическими методами выделяются особенности культуры, характеризующие каждый отдельный памятник (Вязьмитина М.И., 1972; Высотская Т.Н., 1979; 1983; Берлизов Н.Е., 1990 и др.), но при этом мы не можем говорить о значительных различиях в быту и хозяйстве населения.

2. Основная роль в хозяйстве отводится развитому высокопродуктивному земледелию (возделываемые культуры — просо, ячмень, пшеница, бобовые и др.), животноводству со сбалансированным стадом, различным ремеслам (гончарное, текстильное, кожевенное). Роль охоты и рыболовства минимальна.

3. Население регулярно участвовало в локальных военных конфликтах и затяжных войнах, причина которых лежит прежде всего в экономической сфере (это может иметь прямое отражение в демографии).

4. Значительное место в хозяйственной деятельности занимает торговля; круг торговых партнеров Малой Скифии чрезвычайно широк, что находит отражение в синкретическом характере позднескифской культуры, позволяет предполагать значительность экономических доходов больших групп населения (экономический критерий качества жизни).

3. Общие результаты климатогеографических сравнений

На основании обзора литературных данных по климатологии и материалов палеоклиматогеографии (Зеров Д.К., 1950; Бучинский И.Е., 1963; Шнитников А.В., 1969; Динесман Л.Г., 1977; Муравьев С.Н., 1986 и др.) была произведена попытка реконструкции климатогеографической ситуации, имевшей место на территории проживания населения позднескифских памятников. Полученные выводы могут быть интересны, в том числе при проведении палеодемографического исследования:

1. Важный вывод — допущение о принципиальном сходстве между климатогеографической характеристикой территории южнорусских степей сарматского периода и современностью. Локальные климатические колебания могли лишь незначительно расширить или уменьшить степень различий между климатическими показателями географических районов.

2. Возможно предположение о мозаичности и большем разнообразии природных сообществ, суще-

ствовавших на интересующей нас территории (что определенным образом характеризует природный сырьевой потенциал). Более широко распространены леса. Разнообразен фаунистический состав. Почвы менее истощены в ходе хозяйственной деятельности.

3. Территории проживания населения позднескифских городищ по совокупности всех климатогеографических показателей и по каждому из них в отдельности четко разделяются на два района: в первый входят оба нижнеднепровских памятника, во второй — предгорья Крыма с Неаполем Скифским.

4. Равнинная территория нижнеднепровских памятников характеризуется несколько более резким климатом (более значительны годовые колебания климатических параметров), присущи суховеи, засухи, выщелоченность почв; население Неаполя проживало и адаптировалось к менее широкому диапазону постоянно действующих климатических годовых изменений параметров: для предгорных территорий характерен меньший перепад температур, большее количество осадков, несколько большая увлажненность, постоянны ветры.

5. Климатогеографические условия предоставляют возможность для ведения эффективного хозяйства скотоводческо-земледельческого типа; возможно их прямое влияние на здоровье населения. Важно сочетание факторов, их комплексное действие (в частности, отметим достаточную жесткость факторов для здоровья населения в Крыму при большем благоприятствии для занятия сельским хозяйством).

4. Методика палеодемографического исследования

Для целей палеодемографии, когда достоверная половозрастная диагностика возможна только для значительных возрастных интервалов и исследователь серьезно ограничен численностью материала, используются краткие типовые таблицы смертности, отражающие общие закономерности изменения смертности для категорий или когорт населения со сходным порядком вымирания. При определении возраста в широких пределах (обычно, 10 — 15 лет) нет возможности точного отнесения каждого индивидуума в конкретный возрастной интервал. Возможностью сохранения всей имеющуюся демографической информации является равновероятное распределение числа индивидов по возрастным когортам в рамках определенного возраста (метод скользящей средней), что позволяет избежать ошибок построенных на субъективном решении исследователя. Данные по половозрастной диагностике взяты из отчетов археологических экспедиций (Шульц П.Н., 1949; Бабенчиков В.П., 1949; Погребова Н.Н., 1949; Сымонович Э.А., 1957; 1958; 1964; 1966; 1967; 1969-72; Вязмитина М.И., 1972), крупных антропологических работ Т.С.Кондукторовой (1964; 1973; 1979).

Основные показатели таблиц смертности: D_x — число индивидов, умерших в определенном возрастном интервале; d_x — процентное распределение смертей в различных возрастных интервалах; l_x — относительное число индивидов, доживших до определенного возрастного интервала (%), $l_0 = 100$; $l_{i+1}=l_i - d_i$; q_x — вероятность смерти в каждом возрастном интервале, $q_i = d_i / l_i$; L_x — число лет, прожитых индивидами, дожившими до возрастного интервала; $L_i = 5l_{i+5} + 5d_i / 2$ (например, $L_{0-4} = 5l_5 + 5d_{0-4} / 2$); T_x — общее число лет, которое может быть прожито индивидами, достигшими данного возрастного интервала, $T_0 = {}^{w-1}\sum_{x=0} L_x$; $E_x^0 (E_x)$— ожидаемая продолжительность жизни в каждом интервале, или среднее число лет, которое может прожить индивид, достигший определенного возраста: $E_i^0 = T_i / l_i$. По результатам расчета таблиц смертности в данной работе представлена их графическая иллюстрация. Кривые полностью отражают всю демографическую информацию, форма кривых является новым генерализованым признаком, удобным для сравнений.

Достоверность различий между кривыми распределения показателей таблиц смертности может быть формально проверена с помощью метода проверки статистических гипотез относительно формы кривой распределения, в основе которого лежит использование критерия Хи-квадрат К. Пирсона. Критерий работает хорошо при выбранном количестве интервалов $k \geq 6$ и числе наблюдений в интервале $n_{oi} \geq 0{,}5$. При соблюдении прочих условий численность выборки должна быть $N \geq 50$. В работе не учитывались как достоверные все случаи, когда эти требования не выполнялись. Кроме того, о том, насколько случайны получаемые различия, косвенно можно судить по самому характеру поведения кривых, степени их приближенности к теоретически ожидаемой кривой (Бужилова А.П., 1998).

Стоит отметить некоторые преимущества метода построения кривых по результатам расчета таблиц смертности по сравнению с численными характеристиками (% детской смертности и средним возрастом смерти): а) возможность детальной интерпретации результатов по возрастным интервалам, б) последний показатель плохо описывает форму кривой распределения смертности по возрастам (возможность получения одинакового среднего возраста смерти для принципиально разных распределений). Недостатком является громоздкость таблиц (избежать этого позволяет применение графиков), чувствительность некоторых показателей от структуры представленных данных (например, препятствием построения полных таблиц является малочисленность детской части выборки, невозможность определения пола ранних возрастов и пр.).

5. Опыт использования археологических данных в уточнении половозрастной диагностики погребенных

Была составлена матрица признаков, в которую вошли индивиды с точным определением пола и возраста из всех трех групп могильников и археологическими признаками, записанными в матрицу как бинарные неметрические (0 и 1). Проведен расчет корреляции между признаками пола и возраста и особенностями погребального инвентаря. Число индивидуальных погребений использованных в расчете 282. При этом не использовались данные по погребениям Мавзолея Неаполя, многие черты которых не вполне характерны для основного рядового населения. В анализ не вошли погребения, не содержащие инвентаря.

Табл.1. Опыт вычисления корреляционных связей между некоторыми антропологическими и археологическими признаками.

Признаки:	Пол	Возраст
Оружие (меч, наконечник копья, навершие булавы, плети)	0,73*	0,13
Нож	0,46	0,37
Наконечник стрелы	0,60*	0,05
Детали конской сбруи	0,60*	0,28
Зеркало или его детали	-0,75*	0,43
Пряслице	-0,65*	0,19
Точильный брусок	0,41	0,13
Шило (пронизка)	-0,10	0,28*
Фибула	0,00	0,48*
Детали шкатулки (для украшений ?)	-0,53	0,28
Браслет (без учета формы)	-0,26*	0,29
Бусы	-0,06*	-0,22
Бусы с шеи (верхней части тела)	-0,56*	-0,19
Бусы обшивки подола (?)	-0,75*	-0,07*
Астрагалы (2 и более)	0,32*	-0,76*
Панцирь черепахи	-0,24*	-0,63*
Сосуды (кроме гончарных или лепных мисок)	-0,60	0,43
Кости животных	-0,60	0,29

Четкие достоверные корреляции получены между признаками пола и некоторыми особенностями погребального инвентаря (табл.1) (* — достоверность при p=0,05). Возможна вполне однозначная трактовка результатов корреляций: индивидов, исходно с неопределенным полом и возрастом, по высоким достоверным значениям коэффициентов корреляции, с учетом знака, мы можем отнести к той или иной демографической группе. Однако, выводы по каждому признаку, даже при наличии высокой корреляции, требуют дополнительного подтверждения при детальном описании могилы в конкретном случае.

Основной положительный итог опыта использования археологических данных в уточнении пола и возраста погребенных заключается в существенном сокращении (в ряде случаев до 0) числа индивидов, вовлекаемых в демографический анализ исходно без определения пола и возраста, а также в изменении (уточнении) показателя отношения полов в популяциях и % детской смертности.

7. Выводы палеодемографического исследования

В результате проведенного исследования три рассмотренных памятника были разделены на две группы. В первую вошли Николаевка (Казацкое) и Золотая Балка, во вторую — могильники Неаполя Скифского. Это разделение было наиболее четким, когда сравнение производилось на основании данных современной климатогеографии и при реконструкции климатогеографических параметров времени функционирования могильников. При реальности археологических различий, при выделении двух вариантов культуры поздних «скифов» — крымского и нижнеднепровского, отличия в интересующем нас характере культурной и хозяйственной деятельности, по видимому, были невелики. Они сводятся к не очень отчетливым различиям в составе стада, величине запасов зерна на городищах, значении охоты в обеспечении потребностей населе-

ния. По сравнению с приднепровскими городищами, Неаполь, по-видимому, характеризовался более неоднородным смешанным составом населения (Раевский Д.С., 1971 и др.).

Таким образом, есть реальные причины, позволяющие предполагать возможность различий в уровне адаптации к условиям проживания населения, прежде всего, это экзогенные средовые факторы (климатогеографические факторы влияют с разной интенсивностью на разные популяции); далее, это причины, основанные на особенностях социальной и политической организации населения, и, в меньшей степени, на различиях в уровнях хозяйственно-культурного развития (мы можем судить лишь об общем среднем уровне).

Предположения о возможности различий между палеопопуляциями подтверждены результатами палеодемографического исследования.

Табл.2. Некоторые демографические параметры могильников и вопросы датировки

Могильник	Датировка (источник)	Общее число погребений могильника (№)	Средний возраст смерти	% детской смертн. от числа всех индивидов с опр. полом и возр.	% детской смертн. от числа взрослых и подростков
Николаевка (Казацкое)	I в. до н.э. - III в. н.э (Сымонович Э.А., 1972)	322	41,9	33,1	49,4
Золотая Балка	конец I в. до н.э. – середина II в. н.э. (Вязьмитина М.И., 1972)	168	39,3	35,7	55,5
Мавзолей Неаполя	Конец II в. до н.э. - II в. н.э. (Погребова Н.Н., 1949)	75	32,8	10,6 (?)	11,9 (?)
Грунтовый могильник Неаполя	I - III вв. н.э. (Бабенчиков В.П., 1949)	73	37,0	15,1 (?)	17,7 (?)
Восточный могильник Неаполя (весь период)	II в. до н.э. - середина III в. н.э (Сымонович Э.А., 1983)	436	36,8	24,6	32,6
Восточный могильник Неаполя (ранний период)	II в. до н.э. - I в. н.э (Сымонович Э.А., 1983)	173	34,7	23,5	30,7
Восточный могильник Неаполя (поздний период)	I в. н.э. - середина III в. н.э (Сымонович Э.А., 1983)	263	38,8	26,1	35,2

Табл.3. Особенности в распределении среднего возраста смерти мужчин и женщин

Могильник	Средний возр. смерти мужч.	Средний возр. смерти женщ.	Средний возр.смерти	Соотношение полов (%) (муж. — жен.)
Николаевка (Казацкое)	46,1	38,0	41,9	47,8 - 52,2
Золотая Балка	45,1	38,5	39,3	35,3 - 64,7(?)
Мавзолей Неаполя	46,6	34,5	32,8	50,0 - 50,0(!)
Грунтовый могильник Неаполя	— (мало данных)	38,0	37,0	35,5 - 64,5(?)
Восточный могильник Неаполя (весь период)	41,1	32,1(!)	36,8	50,0 - 50,0(!)
Восточный могильник Неаполя (ранний период)	36,7	30,6	34,7	53,3 - 46,7
Восточный могильник Неаполя (поздний период)	44,1	33,9(!)	38,8	48,9 - 51,1

Перечислим наиболее интересные выводы, полученные при вычислении собственно демографических показателей и сравнения кривых, построенных по таблицам смертности:

1. Рассматриваемые группы населения соответствуют критерию палеопопуляции и могут быть вовлечены в палеодемографический анализ. Демографические различия между рассматриваемыми группами древнего населения реальны и могут быть объяснены влиянием совокупности факторов, представляющих разные стороны происходящего процесса адаптации.

2. В соответствии с группировкой определяющих факторов (прежде всего, климатических), по всем демографическим показателям рассматриваемые популяции четко разделяются на две группы. В первую входят палеопопуляции Николаевка (Казацкое) и Золотая Балка, во вторую — все выборки, характеризующие популяцию Неаполя: захоронения Восточного могильника, Грунтового могильника, погребения Мавзолея, обе хронологически выделенные группы раннего и позднего периодов Восточного могильника (табл.2,3).

3. Все рассматриваемые в работе популяции при сравнении их с данными современной демографии и данными по древним популяциям дают относительно высокие демографические показатели, отражающие высокую степень адаптации к условиям проживания; при этом сохраняются и локальные отличия.

4. Для Грунтового могильника Неаполя Скифского отмечена сильная деформация половой структуры: 35,5% мужчин на 64,5% женщин. Точно такое же соотношение получено для золотобалковской популяции, где оно составляет 35,3% мужчин на 64,7% женщин. В остальных случаях половая структура приближается к нормальной (вне зависимости от численности выборки (!).

5. Более высокие показатели детской смертности при более благоприятном характере распределения показателей таблиц дожития и среднего возраста смерти характерны для популяций, объединенных в группу Николаевка — Золотая Балка (рис.1). Очень низкие показатели детской смертности при некотором ухудшении распределения показателей таблиц дожития и среднего возраста смерти характеризуют все выделенные выборки популяции Неаполя (рис.2).

6. Выявлена отрицательная зависимость между показателем детской смертности в популяциях и характером поведения показателей таблиц. При относительном «ухудшении» показателей распределения смертности по возрастным интервалам происходит некоторое уменьшение (то есть «улучшение») показателя детской смертности, и наоборот. Сравнение графиков по показателям таблиц по всей совокупности индивидов могильников представлено на рис.3.

7. Сравнение мужских выборок из трех популяций не выявляет различий в законе распределения смертности и остальных показателей таблиц; подтверждается отмеченный факт группировки популяций на две группы (рис.4).

8. В ходе сравнения женских выборок по трем популяциям получены достоверные различия в законе, определяющем форму кривой распределения показателей таблиц смертности по возрастным интервалам (рис.5). Различия эти также лежат в рамках разделения популяций на две группы. Особенность поведения графиков для женской выборки Неаполя заключается в значительной смертности для возрастного интервала от 15 до 35 лет, по-видимому, связанном с периодом беременности и родов, при существенном изменении всех параметров на положительные для более старшего возраста (рис.6). Пик смертности, связанный с неудачной беременностью, характерен и для остальных популяций, но выражен он слабее.

9. Основным фактором, дающим наибольший вклад в различия демографических характеристик между Неапольской популяцией и группой Николаевка — Золотая Балка, является как раз особенность распределения демографических показателей женских групп.

10. В ходе сравнения демографических показателей двух последовательных хронологических периодов Неаполя Скифского получены данные о динамике демографической структуры и протекания адаптационных процессов в популяции (рис.7,8). При переходе от одного периода к другому отмечается существенное улучшение показателей таблиц дожития, особенно для женских выборок в интервале от 15 до 35 лет. Если в первый период в этом интервале отмечается максимум смертности, то во второй период кривые смертности на этом участке предельно сглажены (соответственно растет и средний возраст смерти). При этом сохраняется отмеченная обратная зависимость с показателем детской смертности — для второго периода он растет. Похожие изменения происходили и в мужской выборке, но имели меньшие масштабы. Возможно, эту особенность демографии популяции Неаполя следует рассматривать как проявление постепенности хода адаптивного процесса после прихода основного населения на новую территорию обитания, при освоении нового типа хозяйства.

Важным может считаться вывод о реальном существовании и действии в популяциях человека жестких демографических законов распределения смертности по возрастным когортам. Даже малочисленные выборки дают результат, близкий к ожидаемому, отражают все отмеченные закономерности демографической картины. Существование такого строго выполняющегося закона для каждой популяции дает возможность вести палеодемографическую работу, в том числе, с предельно малыми выборками населения. Характер поведения кривых, степень их приближенности к ожидаемому эмпирическому стандарту достаточно прочно связаны с понятием о достоверности получаемых законов распределения и могут служить хорошим косвенным критерием оценки достоверности (например, различий кривых распределения для нескольких выборок).

Рис. 1. Процентная выживаемость населения Николаевки и Золотой Балки.

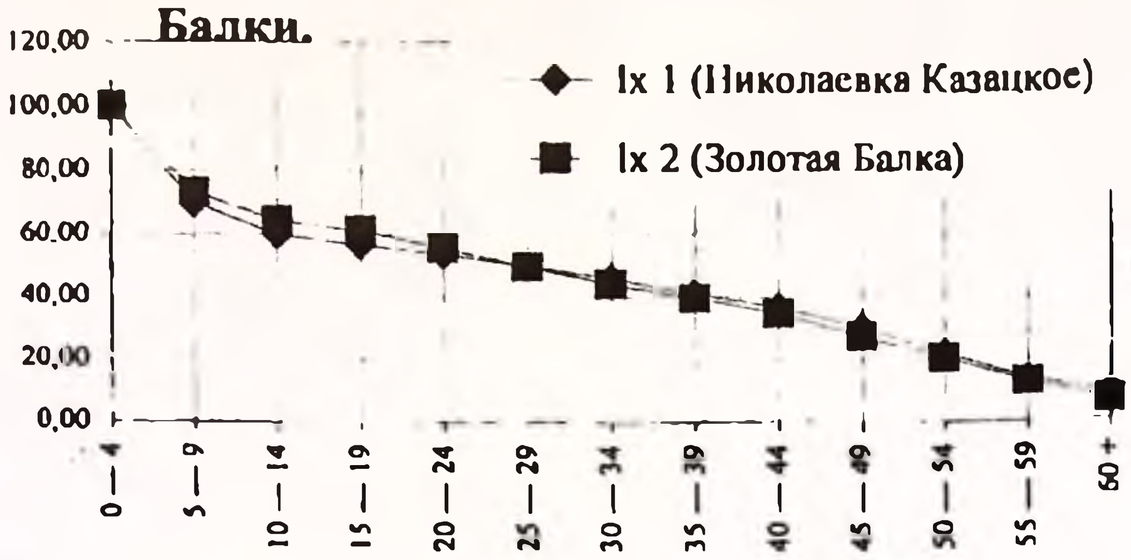


Рис. 2. Процентная выживаемость для трех групп Неаполя.

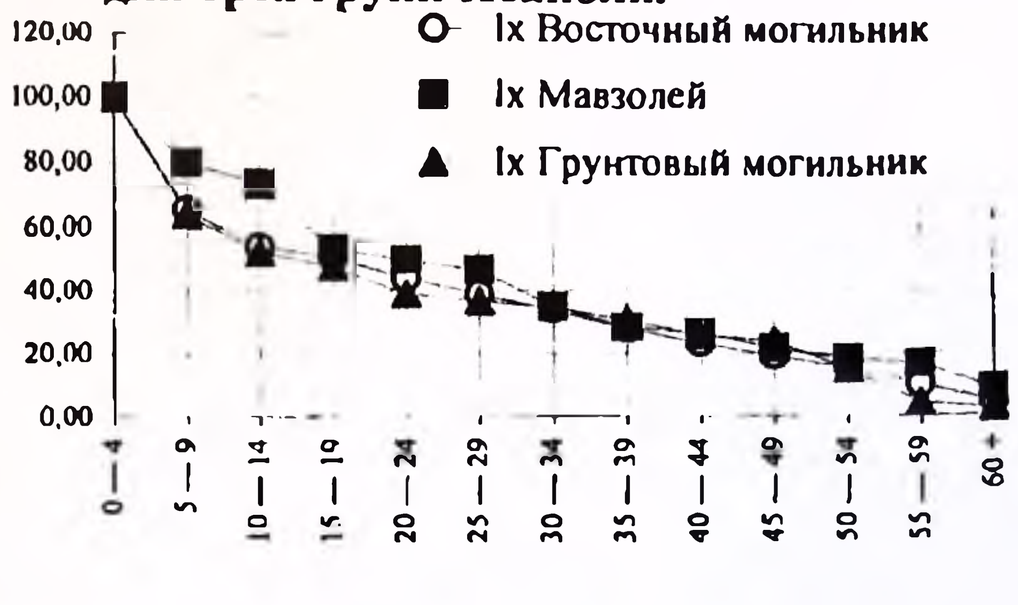


Рис. 3. Процент дожития по популяциям.

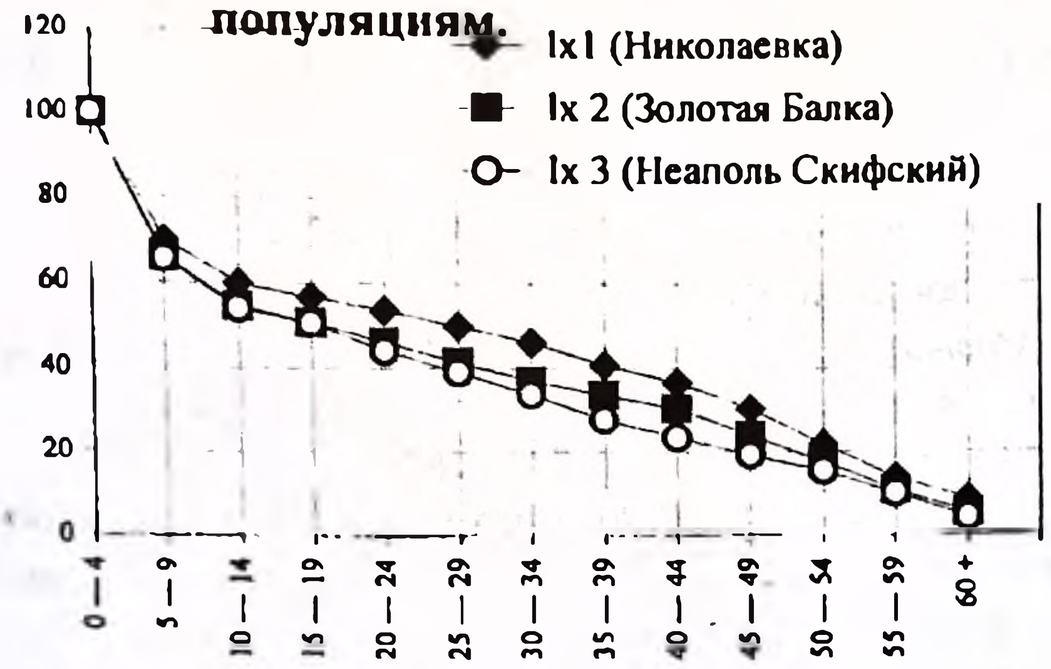


Рис. 4. Ожидаемая продолжительность жизни мужчин.

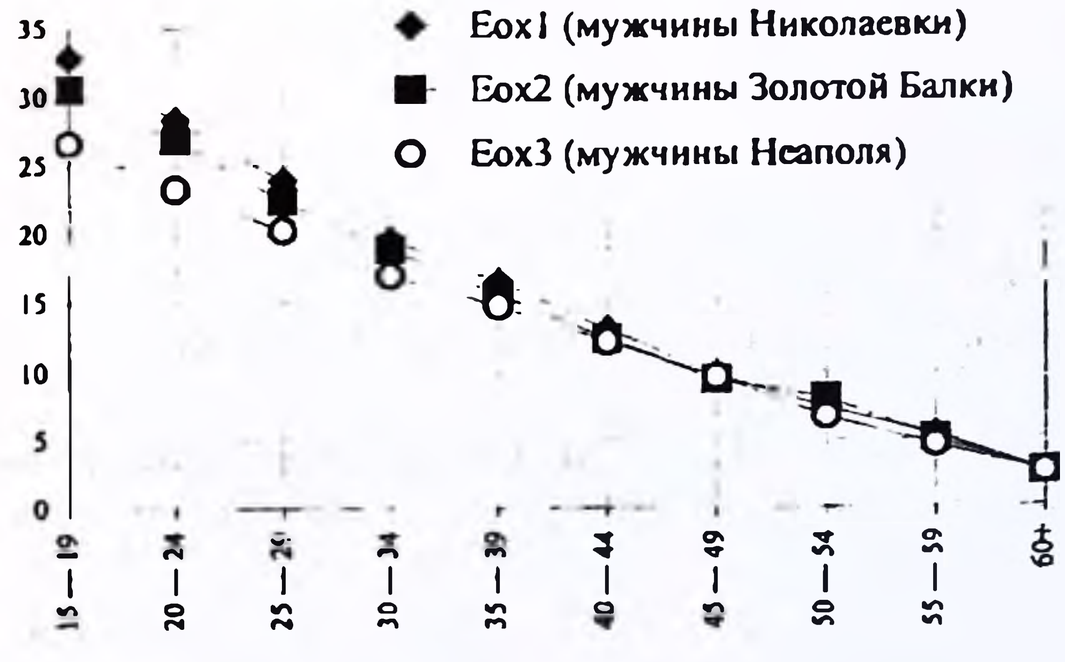


Рис. 5. Процентная выживаемость женщин.

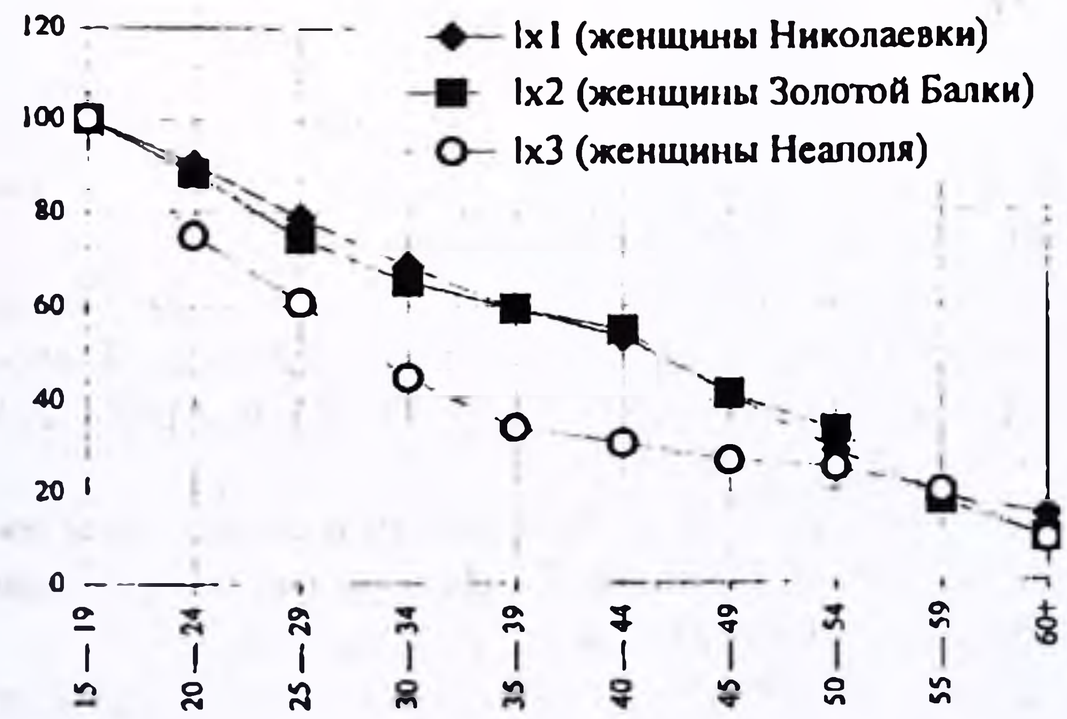


Рис. 6. Вероятность смерти женщин по возрастным интервалам.

Рис. 7. Вероятность смерти женщин в разных хронологических периодах Неаполя.

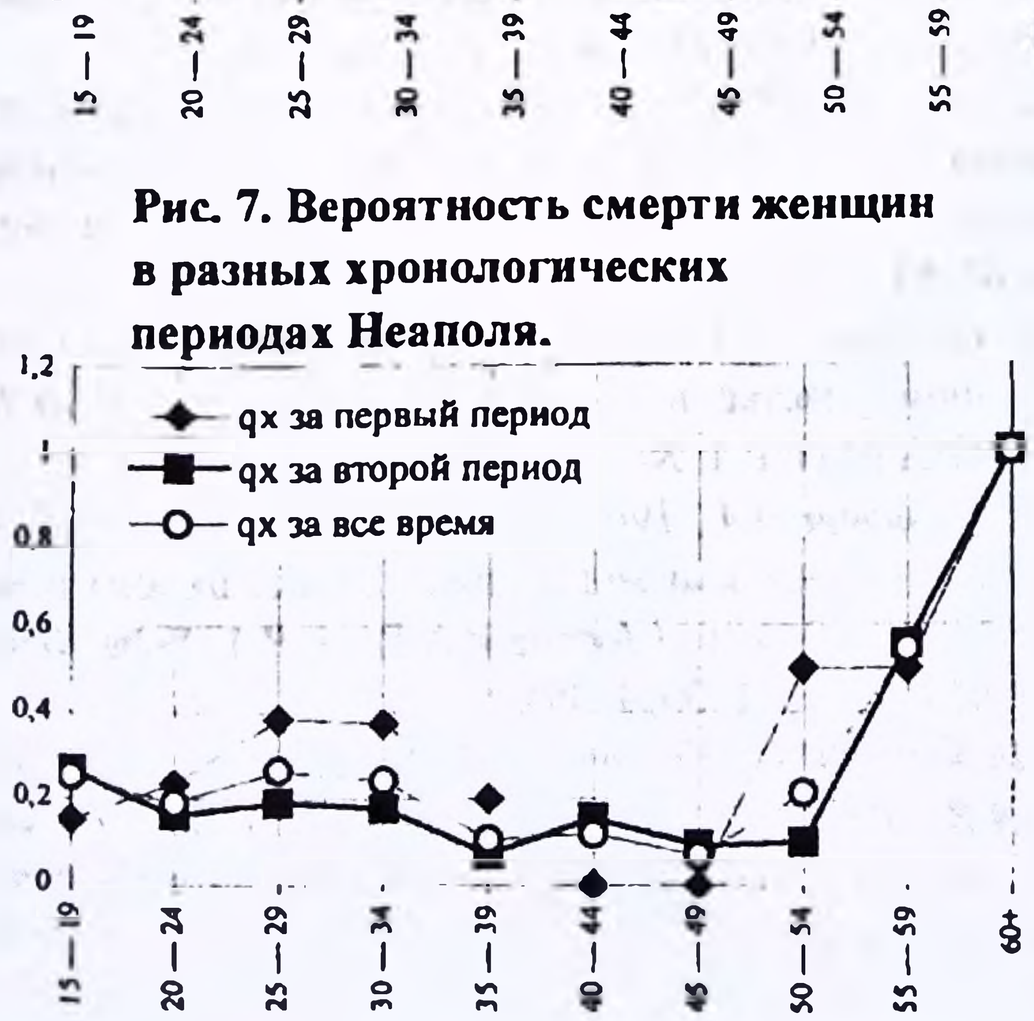
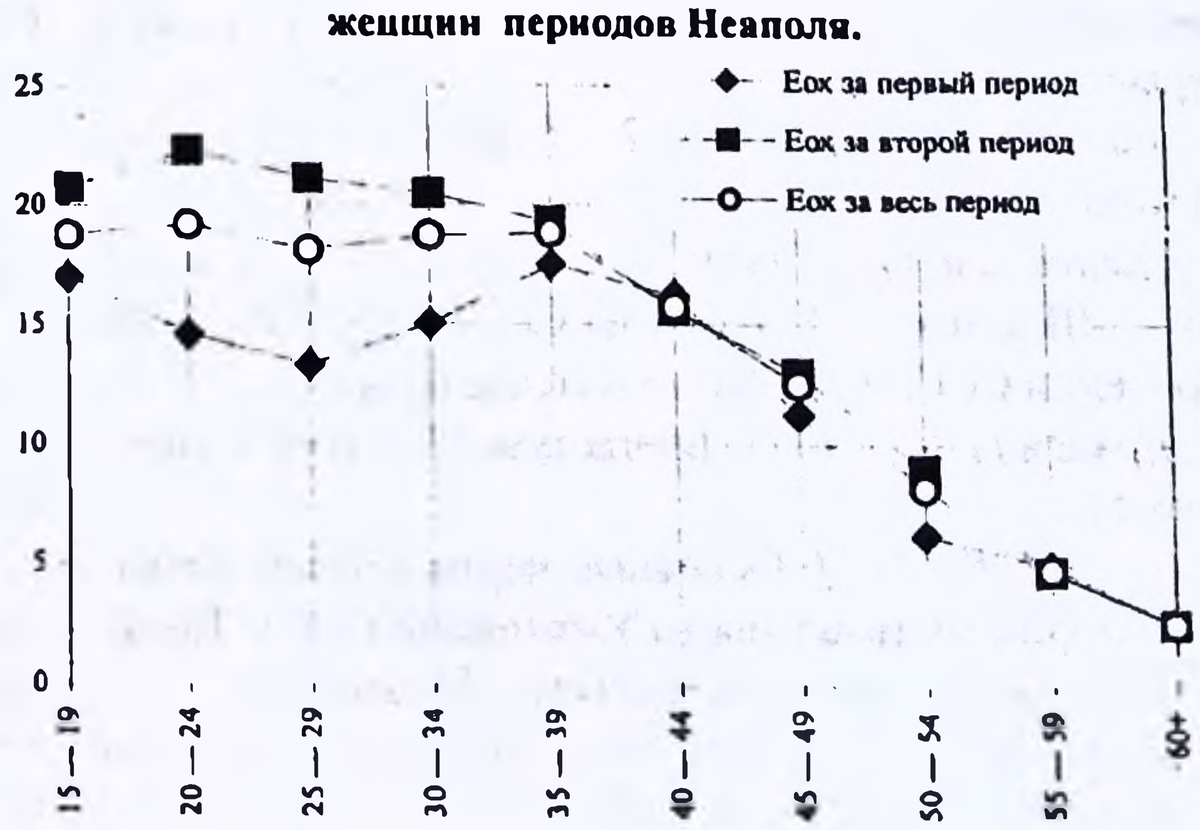


Рис. 8. Ожидаемая продолжительность жизни женщин периодов Неаполя.



ЛИТЕРАТУРА И АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Алексеев В.П., 1988. Очерки экологии человека. М.

Алексеев В.П., 1989. Палеодемография: содержание и результаты // Историческая демография: проблемы, суждения, задачи. М.

Алексеева Т.И., Макаров Н.А., Балуева Т.С., Сегеда С.П., Федосова В.Н., Козловская М.В., 1993. Ранние этапы освоения Русского Севера: история, антропология, экология // Экологические проблемы в исследованиях средневекового населения Восточной Европы. М.

Бабенчиков В.П., 1947-1948. Отчет о раскопках грунтового могильника на восточном склоне Неаполя Скифского в 1947-1948 гг. // Архив ИА РАН. Р-1. № 928.

Берлизов Н.Е., 1990. О соотнесении позднескифских городищ и катакомбных могильников Нижнего Днепра // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. — V в. н.э.). Кишинев.

Бужилова А.П., 1993а. Общий палеопатологический анализ средневекового населения Хрепле // Антропология и история культуры. М.

Бужилова А.П., 1993б. Вятичи московские: комплексный антропологический анализ // Экологические проблемы в исследованиях средневекового населения Восточной Европы. М.

Бужилова А.П., 1995. Древнее население: палеопатологические аспекты исследования. М.

Бужилова А.П., 1997. Изучение возрастных пирамид и показателя среднего возраста смерти в археологическом контексте // Новые методы — новые подходы в современной антропологии. М.

Бужилова А.П., 1998. Изучение возрастных пирамид и показателя среднего возраста умерших // Историческая экология человека. М.

Бучинский И.Е., 1963. Климат Украины в прошлом, настоящем и будущем. Киев.

Высотская Т.Н., 1979. Неаполь — столица государства поздних скифов в Крыму. Киев.

Высотская Т.Н., 1983. Своеобразие культур поздних скифов в Крыму // Население и культура Крыма в первые века н.э. Киев.

Вязьмитина М.И., 1972. Золотобалковский могильник. Киев.

Дашевская О.Д., 1989. Поздние скифы (III в. до н.э. — III в. н.э.) // Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М.

Динесман Л.Г., 1977. Биогеоценозы степей в голоцене. М.

Зеров Д.К., 1950. Основные черты послеледниковой истории растительности Украинской ССР // Труды конференции по споро-пыльцевому анализу. М.

Козловская М.В., 1996. Экология племен лесной полосы Восточной Европы. М.

Козловская М.В., 1999. Об образе жизни среднедонского населения скифского времени // Скифы Северного Причерноморья в VII — IV вв. до н.э. (проблемы палеоэкологии, антропологии и археологии). Тез. докл. междунар. конференции. М.

Кондукторова Т.С., 1964. Населення Неаполя Скіфського за антропологічними даними // Матеріали з антропології України. Вип.3.

Кондукторова Т.С., 1973. Антропология населения Украины мезолита, неолита и эпохи бронзы. М.

Кондукторова Т.С., 1979. Физический тип людей Нижнего Приднепровья на рубеже нашей эры (по материалам могильника Николаевка-Казацкое). М.

Левин М.Г., Чебоксаров Н.Н., 1955. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические общности (К постановке вопроса) // СЭ. №4.

Малышев А.А., Медникова М.Б., 1995. Население Цемесской долины в римское время по данным археологии и палеодемографии // РА. №4.

Медникова М.Б., 1996. Древние скотоводы Южной Сибири: палеоэкологическая реконструкция по данным антропологии. М.

Медникова М.Б., 1998. Проблемы поло-возрасной идентификации индивидов // Историческая экология человека. М.

Мовсесян А.А., 1984. Палеодемография Чукотки // Вопросы антропологии. Вып.73. М.

Муравьев С.Н., 1988. Пять античных свидетельств в пользу «Птолемеевой» трансгрессии Каспия // Древнейшие государства на территории СССР. М.

Погребова Н.Н., 1945-1948. Отчет о раскопках Мавзолея Неаполя Скифского, произведенных Таврo-Скифской экспедицией (1945-1948 гг.) // Архив ИА РАН. Р-1. № 270.

Раевский Д.С., 1971. Этнический и социальный состав населения Неаполя Скифского (по материалам некрополя) // Автореф. дис. … канд. ист. наук. М.

Романова Г.П., 1989. Опыт палеодемографического анализа условий жизни населения степных районов Ставрополья в эпоху бронзы // Вопросы антропологии. Вып.82. М.

Сымонович Э.А., 1957-1958. Отчеты о работах на восточном участке некрополя Неаполя Скифского // Архив ИА РАН. Р-1. № 1545, 1696.

Сымонович Э.А., 1966-67, 1969-72. Отчеты о работах на Николаевском могильнике Бериславского р-на Херсонской области // Архив ИА РАН. Р-1. №№ 4658, 4824. 4294, 3398, 3700, 4249).

Федосова В.Н., Крайнов Д.А., Костылева Е.Л., Уткин А.В., 1997. Палеодемография и поло-возрастные особенности погребельного обряда охотников-собирателей Сахтыша IIа // Неолит лесной полосы Восточной Европы М.

Ходжайов Т.К., 1977. Антропологический состав населения эпохи бронзы Сапаллитепа.Ташкент.

Шнитников А.В., 1969. Внутривековая изменчивость компонентов общей увлажненности. М.

Шульц П.Н., 1945-1949. Отчет о раскопках Неаполя Скифского за 5 лет (1945-1949 гг.) // Архив ИА РАН. Р-1. № 928.

Янкаускас Р.Т., 1993. К антропоэкологии средневекового города (на литовских палеоостеологических материалах) // Экологические проблемы в исследованиях средневекового населения Восточной Европы. М.

Acsadi G., Nemeskeri J., 1967. History of human life span and mortality. Budapest.

Angel J.L., 1967. The bases of paleodemography // American Journal of Phisical Antropology. Vol.30.

Bocquet-Appel J. & Masset C., 1985. Matters of moment // Journal of Human Evolution. Vol.14.

Goodman A., Brook R., Swedlung A., Armelagos G., 1988. Biocultural perspectives on stress in Prehistoric, Historical and Contemporary Population Research // Yearbook of Phisical Antropology. Vol.31.

Greene D.L., Van Gerven D.P., Armelagos G.J., 1986. Life and Death in Ancient Populations: Bones of Contention in Paleodemography // Journal of Human Evolution. Vol.1. № 3.

Greene S., Greene S. & Armelagos G.J., 1974. Settlement and mortality of the Christian site (1050 A.D. — 1300 A.A.) of Meinarthi (Sudan) // Journal of Human Evolution. Vol.3.

Howell N., 1982. Village Composion Imlied by a Paleodemographic Life Table: The Libben Site // American Journal of Phisical Anthropology. Vol.59.

Van Gerven D.P., Armelagos G.J., 1983. «Farewell to paleodemography?» Rumors of its death have been greatly exaggerated // Journal of Human Evolution. Vol.10.

Weiss K., 1973. Demographic models for Anthropology // American Antiquity. Vol.38, n.2. Part II.

А.П.БУЖИЛОВА, М.В.КОЗЛОВСКАЯ

БЫЛИ ЛИ СКИФЫ ТУЧНЫМИ?
(АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КРЕМИРОВАННЫХ ОСТАНКОВ ИЗ СКИФСКОГО ПОГРЕБЕНИЯ)

В 1995 г. в ходе работ Потуданской экспедиции ИА РАН под руководством В.И.Гуляева был вскрыт курган № 1 курганного могильника Терновое-Колбино. В одном из погребений на уровне древнего горизонта были обнаружены фрагментарные кремированные останки человека. Среди сохранившихся костей удалось идентифицировать фрагменты черепа, тазовых и бедренных костей, несколько обломков ребер. Анализ погребального инвентаря позволил авторам раскопок отнести его к кругу памятников IV в. до н.э. (Гуляев В.И., Савченко Е.И., 1995).

Характерный цвет костей от голубого до серого, не нарушенная анатомическая форма трубчатых костей и сохранность костной ткани, исследованная по гистологическому срезу бедренной кости, дали возможность оценить температуру кремации по специальной методике. По схеме Ван Варка температура кремирования была в интервале 200-500°С. Известно, что подобная температура не деформирует размер и форму кости, поэтому останки были подвергнуты поло-возрастному анализу (Stewart T.D., 1979).

Фрагментарность находки создавала определенные трудности для оценки пола и возраста. Тем не менее, по степени изношенности хрящевых концов ребер удалось определить возраст погребенного как пожилой, то есть старше 55 лет. Мы применили параллельный маркер для оценки возраста, используя гистологический анализ поперечного среза бедренной кости, но этот метод не подтвердил предложенного возрастного интервала. Размеры и число остеонов на единицу площади указывали на активный костеобразовательный процесс, что обычно характеризует молодой, а не пожилой возраст индивидуумов. Такое несоответствие результатов различных методик показало сложность и неоднозначность антропологической находки.

Пол индивидуума определялся по степени развития костного рельефа черепа и некоторым поперечным размерам бедренной кости. Незначительная степень выраженности рельефа черепа, надорбитальной области свидетельствует о возможной принадлежности индивидуума к женскому полу. Однако, поперечные размеры бедренной кости и рассчитанные по ним указатели распределились с одной стороны в интервале минимальных значений, характерных для мужчин и, с другой стороны — в интервале максимальных значений, характерных для женщин (Медникова М.Б., 1995).

Как видим, антропологические индикаторы при очевидной фрагментарности находки и особенностях морфологического развития индивидуума не позволили определенно высказаться о поле и возрасте исследованного.

В наборе погребального инвентаря обращает на себя внимание присутствие двух железных ножей, фрагмента клинка железного меча, бронзовых и железных наконечников стрел, бронзового котла (Гуляев В.И., Савченко Е.И., 1995). Подобный набор несомненно характеризует мужской пол погребенного. Тем не менее, около половины изученных женских погребений из могильника Терновое-Колбино сопровождались оружием, что существенно снижает уровень достоверности археологических маркеров для этой остеологической серии (Козловская М.В., 1997).

Очевидные несоответствия результатов апробированных антропологических методик вынудили нас продолжить изучение кремированных останков и, как принято в таких случаях, определить дополнительные возможности исследования.

При морфологическом анализе черепных фрагментов были отмечены костные образования овальной формы с внутренней стороны лобной кости (рис.1). Гистологический анализ дефекта позволил оценить его как лобный гиперостоз, поскольку изменения были сформированы из ткани внутренней пластинки черепа. Перед нами признаки серьезного нарушения гормонального обмена (Бужилова А.П., 1998). При этом заболевании часто наблюдается нарушение процесса остеонообразования, который вызывает увеличение периметров трубчатых костей. Таким образом, как незначительное увеличение периметров длинных костей, отмеченных при остеометрическом анализе, так и активный процесс остеонообразования, отмеченный при гистологическом анализе, могут быть связаны с патологическим процессом.

Для реконструкции физического облика обследованного индивидуума следует сказать, что по современным клиническим данным лобный гиперостоз ассоциируется с определенными эндокринными нарушениями, которые были описаны более 200 лет назад Morgagni (1719) и выражаются появлением у женщин в среднем после 50 лет вирилизма (вторичных мужских признаков из-за увеличения продуцирования мужских гормонов), ожирения и связанного с ними

Рис.1. Лобный гиперостоз на внутренней стороне лобной кости. Стрелками указаны изменения костной пластинки

общего ухудшения состояния здоровья. Мужчины, у которых отмечается лобный гиперостоз, как правило страдают снижением уровня мужских гормонов, что внешне выражается в некоторой их женоподобности (Hershkovitz I. et al., 1999).

В наше время, согласно клиническим данным, наиболее часто подобные гормональные дисфункции встречаются у женщин, а не у мужчин — примерно в 90% случаев. Если учесть эту статистику, описанный нами индивидуум, возможно, женщина с повышенным жироотложением, «сочным» голосом и, вероятно, усиками на верхней губе. Если же учесть характер погребального инвентаря, то можно допустить, что погребенный был тучным мужчиной и отличался женоподобной внешностью. Попробуем оценить уникальность этой находки.

Недавно интернациональная группа исследователей представила результаты исследования распространение лобного гиперостоза в древних и исторических группах. Ими было изучено около 2 000 черепов из различных географических регионов Земли от эпохи неолита до позднего средневековья и около 2 000 черепов, датируемых концом XIX — началом XX в. из американских коллекций (Hershkovitz I. et al., 1999). Оказалось, что гормональные изменения практически не отмечаются в древних популяциях, но с конца XIX в., это заболевание встречается у каждой четвертой женщины и каждого 20-го мужчины на территории Америки. Тем не менее, авторы исследования, отдавая себе отчет в том, что скелетная археологическая выборка, которой они пользовались, не могла отразить более или менее реально распространения патологии в древности, предложили вычисленную по разработанным материалам условную величину, которая колеблется в интервале 7-16% и охватывает все градации развития лобного гиперостоза. Однако по другим источникам, основанным на изучении фактического археологического материала Западной Европы, величина этого признака не превышает 4% (Anton S., 1997; Barber G. et al., 1997).

Возвращаясь к серии Терновое-Колбино, следует уточнить, что среди 32 взрослых индивидуумов 6 (в равной степени мужчины и женщины) были поражены лобным гиперостозом, то есть 18,8 % исследованных. Очевидно, эта величина намного выше известных показателей лобного гиперостоза для населения древней Европы, что заставляет нас серьезно отнестись к высказываниям Псевдо-Гиппократа, который указывает, что «скифы отличаются толстым, мясистым, нечленистым, сырым и не мускулистым телом; ... женский же пол отличается удивительно сырою и слабою комплекцией» (Псевдо-Гиппократ, 22,24).

Исследование лобного гиперостоза на примере серии Терновое-Колбино позволило поставить вопрос о

возможности реконструкции морфологического облика скифского населения, связанного с повышенным жироотложением, вследствие высокого уровня мужских гормонов у женщин и недостаточного уровня мужских гормонов у мужчин. Следует подчеркнуть, что такие дисфункции наблюдаются обычно у женщин с низким уровнем деторождения, а у мужчин — характеризуются снижением половых функций. Таким образом, вновь обращаясь к Псевдо-Гиппократу, мы вынуждены согласиться, что «... при таком физическом сложении народ не может отличаться плодовитостью» (Псевдо-Гиппократ, 22,24). Последнее замечание можно рассматривать как еще одно возможное объяснение небольшого количества детских погребений, зафиксированных в серии Терновое-Колбино. Но это тема отдельного исследования.

Сегодня же, мы обращаем ваше внимание на существование биологического маркера, позволяющего реконструировать морфологический облик древнего населения.

Были ли скифы тучными? На этот вопрос, опираясь на результаты исследования населения, оставившего могильник Терновое-Колбино и сведения Псевдо-Гиппократа, можно ответить положительно. Тем не менее, для того, чтобы определить закономерность этого явления, необходимо продолжить изучение распространения лобного гиперостоза в других скифских группах.

ЛИТЕРАТУРА

Бужилова А.П., 1998. Палеопатология в биоархеологических реконструкциях // Историческая экология человека. Методика биологических исследований. М.

Гуляев В.И., Савченко Е.И., 1995. Терновое I — новый скифский курганный могильник на Среднем Дону // РА. № 4.

Козловская М.В., 1997. Новые антропологические материалы из среднедонского скифского могильника у сел Терновое и Колбино // РА. № 4.

Медникова М.Б., 1995. Древние скотоводы Южной Сибири: палеоэкологическая реконструкция по данным антропологии. М.

Anton S., 1997. Endocranial hyperostosis in Sangiran 2, Gibralter 1, and Shanidar 5 // Amer. J. Physical Anthropology. 102.

Barber G., Watt I., Rogers J., 1997. A comparison of radiological diagnostic criteria for hyperostosis frontalis interna // Inern. J. Osteoarchaeology 7.

Hershkovitz I., Greenwald C., Rothschild B.M., Latimer B., Dutour O., Jellema L.M., Wish-Baratz S., 1999. Hyperostosis Frontalis interna: An Anthropological Perspective // Amer. J. Physical Anthropology. 109.

Stewart T.D., 1979. Essentials of forensic anthropology. Charles & Thomas publisher.

С.Г.ЕФИМОВА

СООТНОШЕНИЕ ЛЕСОСТЕПНЫХ И СТЕПНЫХ ГРУПП НАСЕЛЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ СКИФИИ ПО ДАННЫМ КРАНИОЛОГИИ

В процессе изучения палеоантропологии Евразии скифского времени накоплен обширный материал, изучение которого внесло существенный вклад в разработку ряда дискуссионных проблем истории скифов. Антропология предоставила убедительные доказательства, подтверждающие гипотезу о формировании массива причерноморских скифов на основе срубного населения Восточной Европы эпохи бронзы (Дебец Г.Ф., 1948; 1971; Кондукторова Т.С., 1964; 1972; 1979а; Зиневич Г.П., 1967; Великанова М.С., 1975). Значительное внимание уделялось также анализу расогенетических взаимоотношений причерноморских скифов и окружающих групп: в зоне греческой колонизации (Герасимова М.М., 1987) , на западе ареала с фракийским населением (Великанова М.С., 1975). Была также показана преемственность антропологического типа ранних и поздних скифов (Кондукторова Т.С., 1964; 1972; 1979а). Последнее десятилетие характеризуется усилением интереса к исторической интерпретации результатов изучения палеоантропологии степей Евразии в скифское время, что получило отражение в обобщающих работах В.И.Алексеева (1989) и Л.Т.Яблонского (1996).

Несмотря на то, что многие аспекты скифской проблематики рассматривались с привлечением данных палеоантропологии, вопрос о соотношении лесостепных и степных групп Европейской части до недавнего времени в антропологической литературе специально не рассматривался ввиду немногочисленности материалов, характеризующих население лесостепной части скифского ареала. Лесостепное население было представлено, по существу, одной сборной серией, объединяющей находки с огромной территории (Кондукторова Т.С., 1972; Konduktorova T.S., 1974). Изучение новых краниологических серий с территории лесостепи Правобережья и левобережной части Поднепровья позволило С.И.Круц (1997) провести их сопоставление между собой. В Правобережье отмечены два крайних морфологических варианта — длинноголовый узколицый (Медвин, Стеблев) и мезокранный широколицый (Мотронинское городище), а также промежуточный между ними комплекс Светловодского грунтового могильника. Население левобережной части было также, по мнению С.И.Круц (1997), неоднородным. Небольшая серия из курганов в районе Борисполя — мезокранная с относительно широким и высоким лицом отличается от правобережной медвинской серии, но сближается с черепами из Мотронинского городища.

Мы провели ревизию упоминавшейся суммарной серии (Кондукторова Т.С., 1972; Konduktorova T.S., 1974), разбив ее на отдельные локальные выборки, и дополнили лесостепной краниологический массив рядом материалов, хранившихся в Музее антропологии МГУ им. М.В.Ломоносова и не измеренных ранее. Таким образом появилась возможность представить антропологическими материалами не только лесостепное население в целом, но и сопоставить левобережную и правобережную его части в соответствии с культурной дифференциацией локальных групп (табл.1).

В настоящее время расширилась не только база антропологических данных, характеризующих отдельные территориально-культурные массивы древнего населения, но существенно изменился подход к анализу этих материалов. Стало возможным представление более полной картины фенотипического разнообразия по системе краниологических признаков на основе различных методов многомерной статистики, которые широко применяются в современной антропологии при обработке больших массивов краниометрических данных.

Средние значения краниометрических признаков сравниваемых лесостепных групп (табл.2) показывают, что для большинства населения лесостепи преобладающим был долихокранный узко- и низколицый европеоидный комплекс. Несмотря на то, что в среде этого населения были мезо-брахикранные группы (светловодская и бориспольская), наблюдается вполне определенная тенденция к сходству краниометрических пропорций сейминской, посульской, ворсклинской и правобережных серий из Медвина и сборной (Триполье и др.). Зональный характер этого сходства подтверждается сопоставлением с материалами степного населения Скифии, краниометрические характеристики которого представлены в таблице 3. В эту таблицу были включены средние значения признаков изученной нами небольшой серии из Гайамановских курганов[1] и подсчитанные по индивидуальным измерениям черепов, опубликованным Т.С.Кондукторовой (Konduktorova T.S., 1974), данные по отдельным могильникам (Луговая могила, Михайловка, Кут). В сопоставлении были также использованы опубликованные материалы из Никополя (Дебец Г.Ф., 1948; Зиневич Г.П., 1967; Кондукторова Т.С., 1972), Николаевки (Великанова М.С., 1975) и предварительные краткие данные (Круц С.И., 1997) по новым, пока еще полностью не опубликованным сериям из Каховки и Широкого.

Табл.1. Антропологические материалы лесостепных групп скифского времени

№№	Памятник (Автор и год раскопок)	Исследователь антропологических материалов
1	**Сейминская группа:** *Марица* (А.И.Пузикова, 1973-1974)	С.Г.Ефимова, наст. работа
2	**Посульская группа:** *Аксютинцы* (Т.В.Кибальчич, 1876) *Волковцы, Броварки* (Н.Е.Бранденбург, 1908?)	Г.Ф.Дебец,1948; Т.С.Кондукторова, 1972,1974
3	**Ворсклинская группа:** *Бельск* (Б.Н.Граков, 1958-59; Б.А.Шрамко,1965-66) *Черемушна* (П.Д.Либеров, 1954)	С.Г.Ефимова, наст. работа Т.С.Кондукторова,1972,1974
	Левобережно-днепровская группа:	
4	**Бориспольская серия:** *Мирное* (В.А.Круц, 1974) *Трахтемировское* (Г.Т.Ковпаненко,1965)	С.И.Круц, 1997
	Правобережно-днепровская группа:	
5	*Медвин* (Г.Т.Ковпаненко, 1973; Б.М.Левченко, 1984)	Г.П.Зиневич, 1985, С.И.Круц, 1997
6	**Сборная серия:** *Триполье* (В.В.Хвойко, 1897;) *Бурты* (Н.М.Бокий, 1967;) *Богдановка* (А.И.Тереножкин, 1949)	Г.Ф.Дебец,1948; Т.С.Кондукторова, 1972,1974
7	**Светловодск** (Н.М.Бокий)	С.И.Круц, 1997
8	**Днестровско-Побужская серия:** *Куриловка* (Е.Ф.Лагодовская, 1950) *Показовое* (Н.Н.Бокий, 1967-68) *Непоротово* (Л.И.Крушельницкая 1974) *Лука-Врублевецкая* (И.Г.Шовкопляс, 1950)	С.Г.Ефимова, наст. работа Т.С.Кондукторова, 1972,1974

Таким образом, составился сравнительный массив из 16 краниологических серий, характеризующих физический тип населения Европейской Скифии. Зональная дифференциация этого населения, как показывают данные таблиц 2 и 3, не выражалась в резком противопоставлении антропологических особенностей, а проявлялась как некоторый сдвиг в направлении мезоморфии абсолютных значений краниометрических признаков и пропорций черепа степных групп по отношению к лесостепным. Наличие этой тенденции подтверждают результаты проведенного канонического анализа[2]. Расположение серий в поле первых канонических переменных (рис.1) показывает, что ареалы краниологической изменчивости степных и лесостепных групп не пересекаются и различаются по комплексу, который описывает 2-я переменная (ось ординат). Наиболее важными для дифференциации по значениям этой канонической переменной является сочетание длинного и узкого черепа с менее крупным и сильно профилированным на уровне скул лицом (малые значения переменной, преобладающие в лесостепи) и противоположный вариант (большие значения, характерные для степных групп), в котором более широкому и короткому черепу соответствует более широкое и умеренно профилированное лицо с более высокими орбитами. Обращает внимание тот факт, что сдвиг происходит за счет признаков, по которым краниологически определяется «монголоидная примесь». Но вряд ли правомерно использовать в данном случае этот термин, так как в степных скифских сериях отмечены вариации перечисленных признаков, характерные для европеоидного населения.

Результаты канонического анализа можно картографировать, составляя карты распределения не отдельных признаков, как это делалось ранее, а краниологических комплексов (или типов), описываемых каноническими переменными. Представленное на рис.2 территориальное распределение значений 2-й канонической переменной, а по существу, картографирование антропологических комплексов, о которых уже говорилось, еще более наглядно демонстрирует зональную дифференциацию. В составе лесостепных групп, как некоторый диссонанс, выглядит небольшая (3 черепа) брахикранная, с выраженной уплощенностью лица бориспольская группа. Светловодская серия и территориально, и морфологически сближается со степными материалами.

С исторической точки зрения отмеченную тенденцию зональных краниологических различий в скифском ареале логично объяснить участием в сложении

Табл.2. Средние значения основных краниометрических признаков лесостепных серий скифского времени

Признаки \ Серии	Левобережье				Правобережье			Днестровско-Побужская группа
	Сейминская группа	Посульская группа	Ворсклинская группа	Бориспольская группа	Медвин	Сборная (Триполье)	Светловодск	
Продольный диаметр черепа	188.7	188.6	192.7	187,0	190,7	193.5	189,0	192.8
Поперечный диаметр черепа	133.3	135.4	141.3	146,3	137,0	134.5	141,5	135.8
Высотный диаметр черепа	135.0	136.6	140.0	147,0	140,4	137.0	137,2	134.5
Длина основания черепа	101.5	102.0	106.3	103,0	107,4	102.0	-	103.5
Наименьшая ширина лба	93.3	96.8	99.0	93,3	96,7	96.5	97,6	100.3
Угол лба (n-me)	80.0	85.0	79.0	73,0	83,1	85.0	-	82.5
Скуловой диаметр	131.7	133.0	131.5	136,0	129,9	131.8	132,2	132.5
Верхняя высота лица	68.5	68.3	69.0	77,0	71,2	70.0	69,7	74.5
Высота носа	51.0	49.6	49.0	52,5	49,6	49.3	-	52.5
Ширина носа	26.3	25.4	24.9	22,0	24,6	23.7	24,4	25.2
Ширина орбиты от mf	40.1	40.2	42.5	45,3	41,0	41.0	-	42.0
Высота орбиты	29.2	31.1	31.8	33,0	31,0	32.4	32,0	32.0
Дакриальная хорда	19.0	21.7	22.0	-	21,5	19.7	-	22.6
Дакриальная высота	13.0	12.6	13.5	-	11,5	11.7	-	14.0
Симотическая хорда	8.6	10.1	8.6	9,6	7,4	9.6	-	8.4
Симотическая высота	4.1	4.4	4.1	4,0	4,0	5.1	-	4.6
Общий угол лица	81.0	85.4	90.0	88,5	83,3	84.8	82,1	86.0
Угол носа	24.5	32.6	25.0	30,0	29,6	36.0	-	21.5
Назомалярный угол	141.5	136.3	141.0	146,0	138,0	139.8	142,0	133.5
Зигомаксиллярный угол	122.5	124.0	121.0	129,3	123,0	127.5	127,6	126.0
Численность серии (min-max)	4	9-5	3	3	12-4	4-1	23-10	4-2

лесостепных групп оседлого земледельческого населения, но трудность антропологической аргументации этого вывода заключается в том, что мы практически не располагаем данными, характеризующими это население в предшествующее время. Для лесостепной зоны таковых практически не имеется, кроме очень фрагментарной серии комаровско-тшинецкой культуры с территории Западной Украины, опубликованной Т.С.Кондукторовой (1979б), которая представляет долихокранный и очень узколицый краниологический комплекс. Возможно, лесостепное население Среднего Поднепровья в начале I тыс. до н.э. обладало сходными пропорциями краниометрических признаков, что и вызвало отмеченные антропологические особенности лесостепных серий скифского времени.

Однако, если отталкиваться от гипотезы формирования скифского массива на основе населения срубной культуры, то можно выстроить другую цепочку обоснований, связанную с антропологической неоднородностью населения поздней бронзы.

Несмотря на то, что расселившиеся на огромной территории юга Восточной Европы создатели культур эпохи поздней бронзы обладали многими сходными чертами физического типа, среди них было представлено несколько территориальных вариантов. Проблема формирования этих территориальных вариаций краниологических признаков анализировалась в ряде работ А.В. Шевченко (1984, 1986), в которых рассмотрено несколько нетривиальных гипотез. По его мнению, например, факт усиления массивности лицевого и мозгового отделов серий срубной культуры в направлении с запада на восток связан с распространением этого населения в том же направлении.

В настоящее время массив сравнительных материалов срубной культуры расширился за счет новых серий Волго-Уралья, изученных А.А.Хохловым (1998), которые показывают, что и в восточной части срубного ареала наряду с преобладающим более широколицым и массивным комплексом был представлен узколицый компонент (на раннем этапе).

Табл.3. Средние значения основных краниометрических признаков степных серий скифского времени

Признаки \ Серии	Луговая Могила Кондукторова, 1972, 1974	Михайловка Кондукторова, 1972, 1974	Кут, Калиновка Кондукторова, 1972, 1974	Гайманово поле Ефимова, наст. работа	Широкое Круц, 1997	Каховка Круц, 1989, 1997	Никополь Дебец, 1948; Зиневич,1967; Кондуктора, 1972, 1974	Николаевка Великанова, 1974
Продольный диаметр черепа	181.3	187.0	180.0	187.2	189.4	194,5	188.5	187.0
Поперечный диаметр черепа	141.5	144.0	138.7	136.4	141.6	142,8	139.8	139.5
Высотный диаметр черепа	130.0	134.0	128.0	135.5	136.6	134,8	136.1	134.7
Длина основания черепа	98.7	103.3	102.5	102.0	-	-	103.1	101.6
Наименьшая ширина лба	99.0	96.0	96.6	96.2	100.1	99,2	98.5	97.1
Угол лба (n-me)	81.7	78.3	79.0	83.0	-	-	85.2	80.1
Скуловой диаметр	133.8	138.7	134.3	132.2	132.7	133,9	135.1	133.3
Верхняя высота лица	73.0	69.5	72.3	71.6	73.4	73,4	71.2	71.7
Высота носа	53.3	52.5	51.8	51.0	-	-	50.0	51.5
Ширина носа	25.5	25.9	25.5	25.1	23.4	24,7	24.3	25.2
Ширина орбиты от mf	45.0	42.2	42.0	43.2	-	-	41.6	41.7
Высота орбиты	35.5	32.3	33.5	31.6	32.4	33,6	32.5	32.6
Дакриальная хорда	23.0	21.8	21.0	20.0	-	-	20.8	21.5
Дакриальная высота	13.2	12.2	12.3	14.1	-	-	12.0	14.0
Симотическая хорда	9.4	9.8	8.5	6.9	-	-	8.8	9.9
Симотическая высота	5.6	5.7	4.5	4.9	-	-	4.5	6.1
Общий угол лица	86.0	84.0	85.0	84.0	83.3	86,8	85.5	87.7
Угол носа	27.0	31.0	31.0	31.5	-	-	35.6	31.8
Назомалярный угол	139.8	136.8	138.0	142.0	138.4	136,8	140.7	135.4
Зигомаксиллярный угол	129.8	124.7	129.2	131.2	128.5	124,0	130.0	125.5
Численность (min-max)	4	4-2	6-1	5-3	14-6	8-17	16-3	18-12

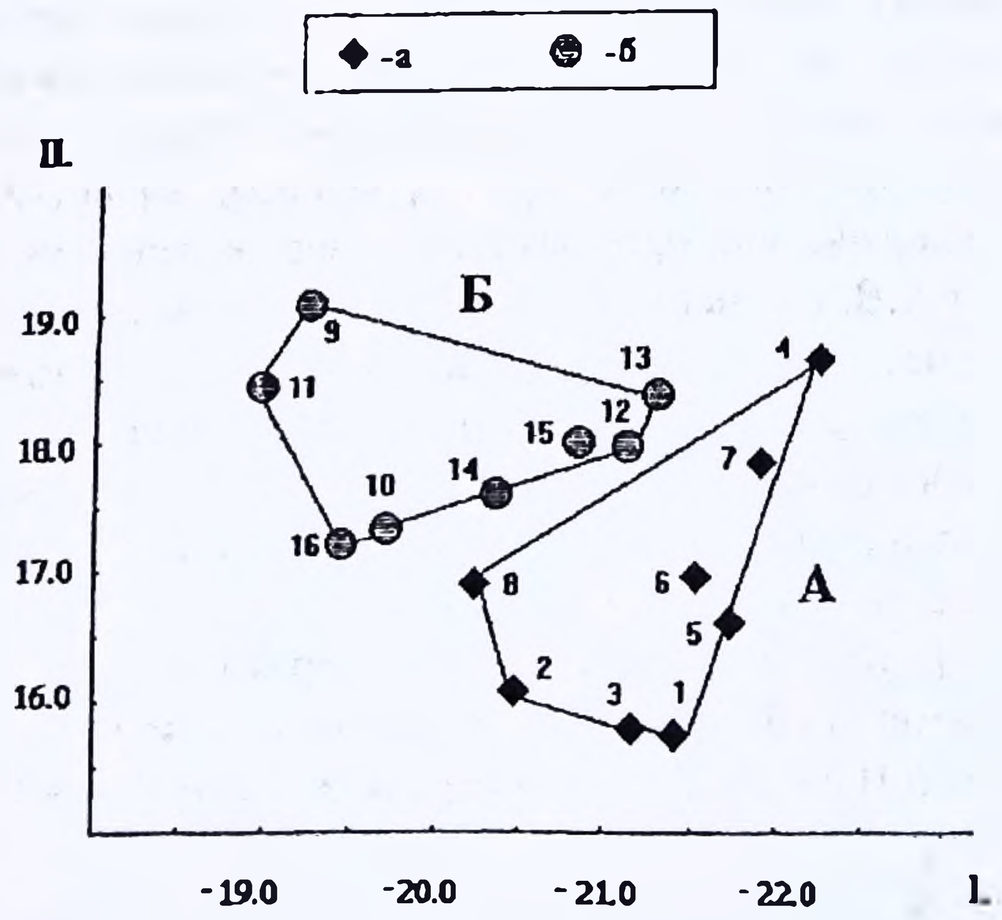


Рис.1. Сопоставление краниологических серий лесостепного и степного населения скифского времени по значениям I и II канонических переменных. *а* — лесостепные серии; *б* — степные серии; *А* — ареал краниологической изменчивости лесостепных серий; *Б* — ареал краниологической изменчивости степных серий. Нумерация серий: *1-8* — лесостепные серии (номера по табл.1); *9-16* — степные серии: Луговая могила, *10* — Михайловка, *11* — Кут, Калиновка, *12* — Гайманово поле, *13* — Широкое, *14* — Каховка, *15* — Никополь, *16* — Николаевка

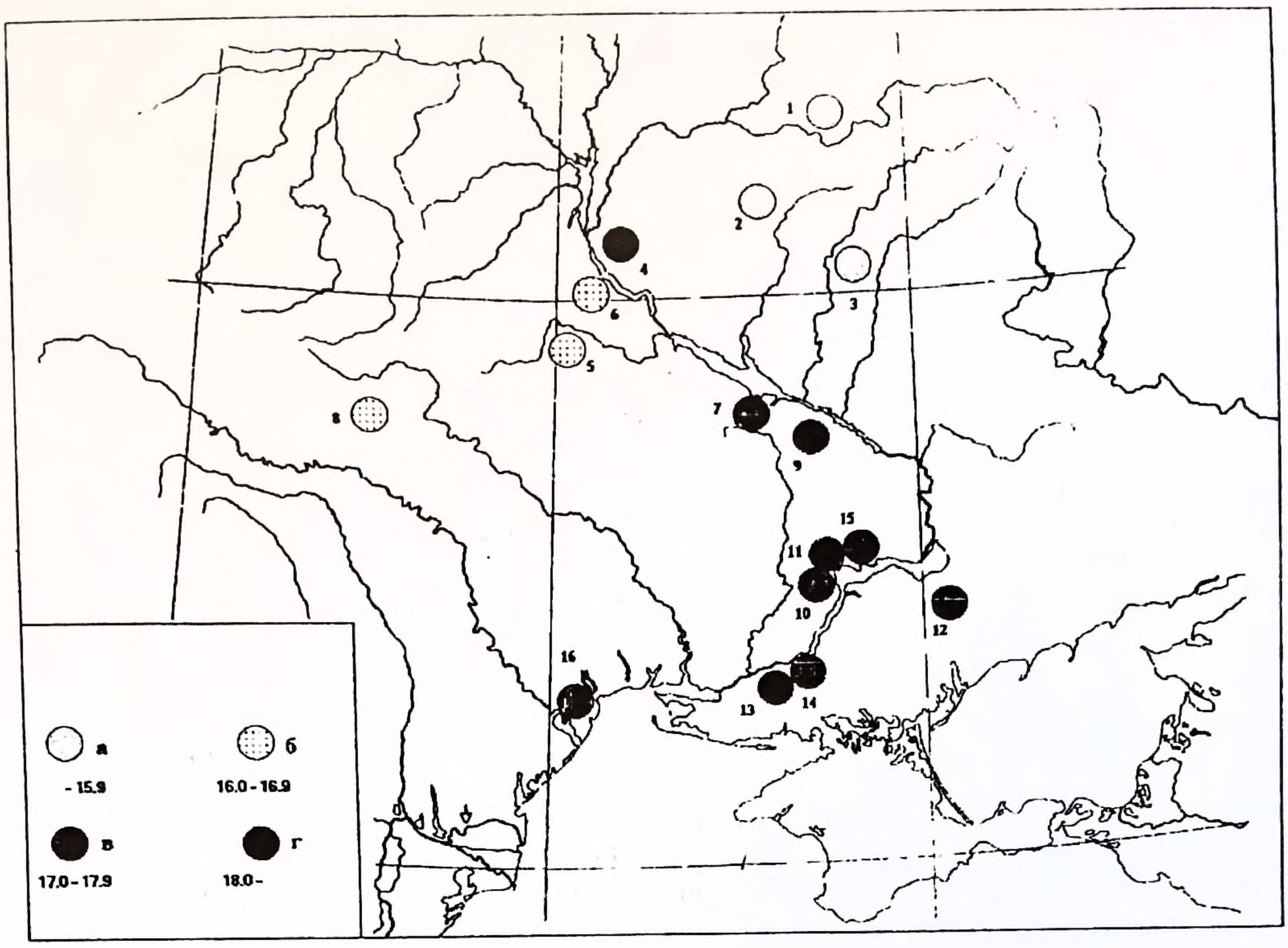


Рис.2. Территориальное распределение краниологических комплексов, описываемых II канонической переменной. *а-г* — градации значений II канонической переменной, нумерация серий см. рис.1

Проведенное нами сопоставление показало дифференциацию групп поздней бронзы и выявило аналогии в скифских материалах. Выделяемые в составе серий срубного культурного ареала материалы так называемых «средиземноморских» форм, среди которых наиболее узколицыми являются серии белозерского этапа — могильники Широкое и Чернянка (Круц С.И., 1984) типологически сходны с лесостепными сериями скифского времени.

Для большинства серий срубной культуры было характерно сочетание более массивного черепа с широким и относительно низким лицом, что по существующей в антропологической литературе систематике типов принято считать «протоевропейским» комплексом (Дебец Г.Ф., 1948). Степные скифы по пропорциям лица отклоняются в этом «протоевропейском» направлении, но обнаруживают заметный сдвиг по пропорциям черепа, что вполне объяснимо с точки зрения эпохальной изменчивости.

Принято считать, что процесс грацилизации лицевого отдела был приурочен к эпохе энеолита-бронзы, а брахикефализации — к эпохе развитого средневековья, но, как показал наш опыт картографирования краниологических комплексов (Ефимова С.Г., 1996; 1999), последовательность морфологической перестройки черепа населения Европы и интенсивность протекания этих процессов была неравномерной как в территориальном, так и во временном аспектах.

Одним из факторов ускорения этих микроэволюционных изменений является плотность населения. В массиве степных скифов, с большой плотностью и подвижностью населения, вследствие усиления внутригруппового смешения и контактов с соседними группами раньше начался процесс брахикефализации, который усилил отмеченные отклонения по пропорциям размеров черепной коробки от лесостепных серий. В пользу высказанного предположения свидетельствует наблюдаемый факт небольшого сдвига в сторону брахиморфии черепов поздних скифов и некоторая грацилизация их лицевого отдела.

Поэтому, на наш взгляд, не следует рассматривать отмеченные зональные краниологические отличия в скифском ареале Северного Причерноморья как фактор, полностью исключающий биологическое единство населения. Оба морфологических варианта — и степной, и лесостепной — находят аналогии в материалах поздней бронзы.

Как показал проведенный нами анализ антропологического состава Восточной Европы в железном веке (Ефимова С.Г., 1999), население скифского ареала в целом представляло антропологически консолидированную общность. Это относится и к тем группам, которые обитали в плотном окружении иноэтничного

населения. Так, значительное количество скифских краниологических материалов с территории Керченского полуострова было сходно с основным массивом степного Поднепровья, хотя в ряде случаев курганное население обладало теми же особенностями, что и жители городов Боспора и Танаиса.

Изучение влияния процессов метисации на состав лесостепных групп, а также их значение в сложении степного скифского населения является важной частью исторической антропологии железного века. К сожалению, метисационные процессы, которые фиксируются в лесостепной зоне, на западной и восточной окраинах расселения скифов, на данном этапе наших знаний палеоантропологического материала Восточной Европы не могут быть реконструированы вполне определенно. Постепенное накопление новых материалов с разных территорий обитания европейских скифов позволит более определенно охарактеризовать их антропологическую дифференциацию и рассмотреть ее в историческом ракурсе.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Были изучены краниологические материалы, собранные экспедицией 1968 г. под руководством В.А.Ильинской, хранящиеся в Музее антропологии МГУ; имеется серия из последующих раскопок Гайманова поля, изученная С.И.Круц, пока еще не опубликованная.

[2] Использовалась программа Каноклас (версия 5.0. 1990-92 г.), составленная В.Е.Дерябиным.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев В.П., 1989. Историческая антропология и этногенез. М.

Великанова М.С., 1975. Палеоантропология Прутско-Днестровского междуречья. М.

Герасимова М.М., 1987. Антропологические данные к вопросу об этнических отношениях в Северо-Восточном Причерноморье (Боспорское царство) // Герасимова М.М., Рудь Н.М., Яблонский Л.Т. Антропология античного и средневекового населения Восточной Европы. М.

Дебец Г. Ф., 1948. Палеоантропология СССР // Тр. Ин-та этнографии АН СССР, нов. сер. Т.IV. М.

Дебец Г.Ф., 1971. О физических типах людей скифского времени // МИА. № 177.

Ефимова С.Г., 1996. Средневековая Европа: антропология и миграции населения // Природа. № 7.

Ефимова С.Г., 1999. Население Восточной Европы в эпоху железа и позднеримское время // Восточные славяне. Антропология и этническая история. М.

Зшевич Г.П., 1967. Очерки палеоантропологии Украины. Киев.

Кондукторова Т.С., 1964. Населення Неаполя Скіфського за антропологічними даними // Матеріали з антропології України. Вип.3. Київ.

Кондукторова Т.С., 1971. Пізні скіфи на нижньому Дніпрі (за антропологічними матеріалами Золотобалківского могильника) // Матеріали з антропології України. Вип.5. Київ.

Кондукторова Т.С., 1972. Антропология древнего населения Украины. М.

Кондукторова Т.С., 1979а. Физический тип людей Нижнего Поднепровья на рубеже нашей эры (по материалам могильника Николаевка-Казацкое). М.

Кондукторова Т.С., 1979б. Антропологический тип людей комаровско-тшинецкой культуры Украины // Вопросы антропологии. Вып.62.

Круц С.И., 1997. Антропология Стеблевского могильника (к вопросу о физическом типе населения лесостепи в скифское время) // Скорый С.А. Стеблев: скифский могильник в Поросье. Киев.

Хохлов А.А., 1998. Палеоантропология пограничья лесостепи и степи Волго-Уралья в эпоху неолита-бронзы // Автореф. дис... канд. ист. наук. М.

Шевченко А.В., 1984. Палеоантропологические данные к вопросу о происхождении населения срубной культурно-исторической общности // Проблемы антропологии древнего и современного населения Севера Евразии. Л.

Шевченко А.В., 1986. Антропология населения южно-русских степей в эпоху бронзы // Антропология современного и древнего населения Европейской части СССР. Л.

Яблонский Л.Т., 1996. Саки Южного Приаралья. М.

Konduktorova T.S., 1974. The ancient population of the Ukraine // Anthropologie. XII/1,2. Brno.

М.В.КОЗЛОВСКАЯ

ОБ ОБРАЗЕ ЖИЗНИ СРЕДНЕДОНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ

Изучение этногенетических процессов, связанных с возникновением и дальнейшим развитием населения, оставившего памятники круга скифских культур, было и остается одним из актуальных направлений палеоантропологии. Краниологические исследования показали, что известное единство материальной культуры скифской общности объединяло генетически разнородное население. Только что увидевшая свет коллективная монография «Восточные славяне: антропологическая и этническая история» (под ред. Т.И.Алексеевой, 1999) содержит обобщение о скифских краниологических материалах с территории Европы, выполненное С.Г.Ефимовой с использованием канонического анализа (Ефимова С.Г., 1999). Можно считать, что это наиболее полная и наиболее свежая сводка. Основными масштабными выводами этой части, применительно к теме данного сообщения, можно считать: а) существование существенных различий между антропологическими типами степных и лесостепных районов; б) существование значительной антропологической изменчивости внутри степного и лесостепного населения; в) существование преемственности между поздносрубным населением и скифским степным.

Того же мнения придерживается и С.И.Круц, формулируя даже более определенно: «...Суммированный подход к сравнению лесостепных и степных материалов не может быть принят, тем более при значительном разнообразии морфологических вариаций как среди лесостепного, так и степного скифского населения» (Круц С.И., 1997, с.94.).

Эти выводы, полученные методами краниологии, информируют нас о крупномасштабных биологических (в основном — генетических) процессах, имевших место на обширных пространствах европейских степей и лесостепей.

Сложная структура состава скифских племен подтверждается свидетельствами письменных источников. У Гекатея Милетского (VI в. до н.э.), Геродота (V в до н.э.), у большинства авторов, описавших земли, на которых жили скифские племена, упомянуты многочисленные этнонимы скифских и нескифских народов, находящихся в непосредственной близости друг от друга, иногда смешивающихся, иногда сосуществующих или враждующих.

Да и обращение к структуре скифской мифологии предполагает существование сложного племенного деления (потомки Липоксая, Арпоксая и Калоксая по первой Геродотовой версии, Пала и Напа (по Валерию Флакку), Агафирса, Гелона, Скифа по второй Геродотовой версии). Изучение скифской мифологии, однако, не дает однозначного ответа на вопрос, являлись ли потомки легендарных основоположников отдельными племенами (родами) или социальными слоями (кастами) в известной мере единого скифского общества.

Все указанные выше источники определенно указывают на то, что понимание происхождения, становления и развития обществ, относящихся к кругу скифских культур, возможно только через скрупулезное изучение локальной, микрорегиональной и микроландшафтной изменчивости археологических памятников.

Исследование археологических памятников Среднего Дона показало, что племенной состав этой территории, вероятно, был очень сложен. В работе В.Д.Березуцкого (1995) «Курганы скифского времени Лесостепного Дона» отмечено, что пестрота погребального обряда свидетельствует о существовании сложных социальных и межплеменных отношений. Изучение системы расселения населения скифского времени на Среднем Дону, проведенное А.П.Медведевым, также продемонстрировало параллельное существование двух различных групп с различными социальными ролями. Одна из которых — менее многочисленные военные аристократы, оставившие после себя курганные могильники, и другая — население городищ — более многочисленное. Согласно гипотезе А.П.Медведева, их связывают даннические отношения (Медведев А.П., 1992; 1999). Этой же точки зрения придерживается и В.Д.Березуцкий.

Вероятно, свою лепту в понимание природы локальной изменчивости может внести исследование антропологических признаков, описывающих образ жизни конкретного древнего населения. Различия в демографической структуре, физических нагрузках, состоянии здоровья и пр. особенностях предположительно может помочь пролить свет на взаимоотношение локальных групп населения.

Краткая информация о археологических памятниках, антропологические материалы с которых рассматриваются.

1. Могильник вблизи сел Терновое и Колбино Воронежской области, исследуемый Потуданской экспедицией ИА РАН под руководством В.И.Гуляева (Гуляев В.И., Савченко Е.И., 1995; 1999). По сумме археоло-

гических свидетельств можно датировать курганные погребения от конца V в. до н.э. до второй половины IV в. до н.э.

2. Городище в г.Семилуки Воронежской области, исследованное экспедицией Воронежского Гос. университета под руководством А.Д.Пряхина (Пряхин А.Д., Разуваев Ю.Д., 1993а; 1993б; 1995). По сумме археологических свидетельств погребения датируются концом IV в. до н.э. — началом III в. до н.э.

Эти два археологических памятника находятся в нескольких десятках километров друг от друга. Хотелось бы считать, что время их существования одно и то же, однако с уверенностью об этом судить нельзя. Возможно, что драматические события, произошедшие на территории Семилукского городища, имели место уже в то время, когда население, оставившее курганный могильник перестало хоронить своих соплеменников на этих землях. Своеобразие погребального обряда на Семилукском городище до сих пор не позволяет исследователям прийти к единому мнению по поводу причин гибели людей. Погребения под курганными насыпями хотя и совершены с использованием различной обрядности, но не являются уникальными для погребальных памятников скифского времени.

В нашем распоряжении оказались антропологические материалы из этих двух памятников. Курганные могильник Терновое-Колбино исследован уже более чем наполовину. Поэтому есть основания считать, что полученная выборка представительна относительно всей палеопопуляции. Общая численность материала, доступная для хотя бы минимальных описаний — 35 индивидов. Материалы из Семилукского городища гораздо более многочисленны — 72 индивида. Однако степень сохранности материалов очень сложная — каждый из индивидов представлен десятками мелких фрагментов. Антропологический материал, который описан мною — 30 индивидов из погребений 11-14. Остальная часть коллекции, вероятно, храниться в Киеве — в Институте археологии НАН Украины.

Исследователи Семилукского городища пришли к выводу, что все погребения относятся к сжатому временному интервалу (Пряхин А.Д., Разуваев Ю.Д., 1993а; 1993б). Погребения в курганном могильнике, вероятно, совершались на протяжении нескольких десятилетий. Можно и дальше перечислять особенности, разделяющие эти памятники и антропологические выборки и все же, с известной мерой допуска, возможно использовать эти материалы для изучения локальной изменчивости среднедонского населения скифского времени.

В программу антропологических исследований вошли: первичные демографические описания, учет индикаторов биологического стресса, описание некоторых палеопатологических проявлений, палеодиетологический анализ.

Сопоставим первичные половозрастные особенности каждой из выборок (табл.1).

Табл.1. Процентное распределение мужчин, женщин и детей в сериях из курганного могильника Колбино-Терновое и городища Семилуки

Памятник	Мужчины	Женщины	Дети
Городище Семилуки	28	11	61
Курганный могильник Колбино-Терновое	52	41	7

Известно, что демографическая ситуация — чуткий «барометр» разного рода социальных катаклизмов. Прежде всего, бросается в глаза, что подавляющее большинство индивидов из семилукской серии — дети. Такой высокий процент детских погребений плохо согласуется с известными данными о невысокой, в целом, рождаемости у древнего подвижного скотоводческого населения. Обратим также внимание на неожиданную структуру распределения детских возрастов (табл.2).

Табл.2. Процентное выражение возрастной структуры детских выборок серий из курганного могильника Колбино-Терновое и городища Семилуки

Возраст	Курганный могильник Колбино-Терновое	Городище Семилуки
До 2	0	4
До 5	0	32
До 10	50	52
До 15	50	12

В ординарной палеопопуляции обычно мы наблюдаем большее количество детей совсем ранних возрастов и постепенное уменьшение числа детей более старших возрастов. Здесь картина иная. Более половины детей составляют индивиды с возрастами от пяти до десяти лет. Всего четыре процента — дети до двух лет. В чем дело? Возможно, такая деформация связана с традициями погребальной обрядности, оценить которые мы в настоящее время не в состоянии. Возможно, некий стресс повлиял на популяцию, и ее воспро-

изведение было резко прервано примерно за несколько лет до времени массовых захоронений? Сегодня мы может только строить предположения. Однако, факты остаются несомненными — возрастная структура детской части этой выборки сильно отличается от нормальной биологической.

Под курганными насыпями детских погребений обнаружено очень мало. Причем, интересно отметить, что погребение подростка было совершено с полным взрослым ритуалом, а фрагменты черепа ребенка гораздо более раннего возраста были обнаружены в засыпи кургана коллективного погребения. Сохранность молочного зуба, по которому идентифицировалось наличие ребенка, очень плохая, а курган был сильно ограблен, поэтому мы не можем судить о местоположении тела ребенка. Таким образом, «полноценных» погребений под курганными насыпями в могильнике Колбино-Терновое пока не обнаружено. Проблема малого количества детей в курганных скифских могильниках до сих пор остается неразрешенной. Обратимся к антропологическим данным по населению лесостепи скифского времени территории Украины. С.И.Круц опубликована сводка по скелетным находкам из курганов лесостепных районов. Всего приведены данные о 70 индивидах. Процент детских погребений в Стеблевском могильнике приближается к 8, в курганном могильнике близ с.Ивановка — к 33, в курганном могильнике у с.Медвин — к 17. Общее число детских погребений из всех опубликованных памятников составляет около 16% от общего числа погребений. Это означает, что один ребенок приходится примерно на семь взрослых (Круц С.И., 1997). Возможно, большинство умерших детей погребались по иному обряду.

Ситуация в исследуемом могильнике Терновое-Колбино сходная. Процент детских погребений не более 8, а может быть, и ниже. Возможно, причина того, что под курганными насыпями число детских погребений невелико, объясняется только культурными традициями, но, возможно, упоминания Гиппократом биологических причин низкой рождаемости среди скифской аристократии имеют под собой реальную почву. Приведу несколько цитат из труда Псевдо-Гиппократа «О воздухе, водах и местностях»: «При таком физическом сложении народ не может отличаться плодовитостью», «у женщин — сырость и тучность тела», «вследствие таких-то причин скифское племя не плодовито», «сверх того между скифами встречаются множество евнухов; они занимаются женскими работами и говорят по-женски; называются такие мужчины энареями». И далее подробнее об этой болезни: «Этой болезни подвержены скифские богачи, — не люди самого низкого происхождения, а напротив, самые благородные и пользующиеся наибольшим могуществом; причина ее заключается в верховой езде...» (Латышев В.В., 1947). Таким образом, есть письменные указания на то, что уровень рождаемости среди скифской знати был ограничен. Как показали наши исследования, своеобразные биологические особенности, описанные для кремированного индивида из кургана № 1 Колбинского могильника, позволяют с уверенностью судить о выраженности феномена явных гормональных нарушений (см. публикацию А.П.Бужиловой и М.В.Козловской в этом сборнике). Симптомы этого гормонального нарушения выражаются, в частности, в появлении специфических структур на внутренней поверхности лобной кости hyperostosis frontalis interna. Абстрактная средняя частота встречаемости этого признака, полученная при обследовании 2000 человек современного городского населения (Hershkovitz I., et al., 1999), у женщин — 24% (167 из 699) и у мужчин — 5% (52 из 1007). В нашем случае, из 32 взрослых индивидов следы лобного гиперостоза обнаружены у 6 (3 — мужчины, 3 — женщины). Это составляет соответственно 21% и 17%. То обстоятельство, что такие высокие показатели (особенно для мужчин) были обнаружены в небольшой скелетной серии плохой сохранности, дает основание считать, что нарушения гормонального статуса среди аристократического населения, оставившего могильник Колбино-Терновое, были достаточно широко распространены. Это свидетельствует в пользу того, что демографическая ситуация, описываемая для курганного могильника, не является следствием плохой сохранности материала, а отражает реальную ситуацию в прошлом.

Демографические структуры взрослой части выборок из двух анализируемых памятников также отличаются.

В курганных погребениях число мужчин и женщин примерно уравнены, в то время как в семилукских погребениях большая часть — мужские погребения. Хотя, при плохой сохранности материала и общей миниатюрности скелета, вполне возможны ошибочные определения. В остальном — половозрастное распределение не вызывает удивления. Наиболее опасный возраст для мужчин — четвертый десяток, а для женщин — на десятилетие раньше. Несколько иная демографическая структура описана для взрослых курганного могильника. Подавляющее большинство мужчин погибали в возрасте от 30 до 50 лет. Смертность женщин не столь выражена в пределах третьего десятка, а равномерно распределена между третьим и четвертым десятком лет. Это дополнительное косвенное свидетельство в пользу того, что у женщин, погребенных под курганными насыпями, не был столь выражен стресс, связанный с вынашиванием, рождением и выкармливанием младенцев. Таким образом, описанные первичные демографические данные свидетельствуют о значительном отличии образа жизни людей, оставивших эти два памятника.

Индикаторы биологического стресса или признаки — свидетельства переживания индивидами известных потрясений. Определялись наиболее распространенные и доступные в описании признаки — эмалевая гипоплазия и cribra orbitalia.

Cribra orbitalia отсутствует полностью в серии из курганного могильника. Все приводимые результаты

по материалам Семилукского городища относятся исключительно к детям, потому, что сохранность взрослых не позволила проводить какие-нибудь статистические наблюдения, а информация о трех индивидах вряд ли представляет интерес. У 50% детей отмечено cribra orbitalia. Нужно отметить, что это достаточно высокая величина. Примечательно, что обследованная мною выборка из этого же региона — Власовского могильника катакомбной среднедонской культуры эпохи поздней бронзы показывает примерно сходный результат — 43% cribra orbitalia у детей. В той же выборке частота этого маркера стресса у взрослых составляет около 28%. Можно предполагать, что в серии взрослого населения из Семилукского городища этот признак также присутствовал, пусть в гораздо меньшем количестве. Таким образом, есть веские основания полагать, что рассматриваемые выборки различаются и по этому признаку.

В серии из Семилукского городища был отмечен очень высокий процент встречаемости **эмалевой гипоплазии:** 78%. Так как этот признак сохраняется в продолжении всей жизни, то можно с уверенностью судить возможности сопоставления выраженности этого признака у детей из Семилукского городища и у взрослых курганного могильника. Процент встречаемости эмалевой гипоплазии у людей из курганных погребений значительно ниже — 41%. Хотелось бы отметить, что большая часть случаев эмалевой гипоплазии отмечена в той части могильника, которая по археологическим свидетельствам датируется более ранним временем. В этой же части могильника «сконцентрированы» индивиды более молодого возраста.

Таким образом, на основании палеодемографических характеристик и данных о частотах встречаемости маркеров стресса мы может достаточно уверенно судить о том, что в качестве жизни людей из курганного могильника и из Семилукского городища были существенные отличия. По всем описанным признакам жизнь людей, погребенных в курганах Колбино-Терновое, была более благоприятной.

Для выяснения особенностей типа питания этих двух описываемых популяций был проведен химический анализ костной ткани. Методом атомной абсорбции были определены концентрации цинка, меди и стронция. Эти элементы наиболее информативны для реконструкции состава рациона питания (Козловская М.В., 1998).

Из приведенных данных следует, что типы питания людей, хоронивших своих соплеменников под курганами могильника Колбино-Терновое и живших на Семилукском городище, имели известные различия (табл.3).

Табл.3. Концентрации химических элементов в минеральной части костной ткани (1х10-4%). Скелетные серии из курганных погребений Колбино-Терновое и Семилукского городища

Памятник	N	Zn	Cu	Sr
1. Семилукское городище	5	84,24	4,42	71,72
2. Могильник Колбино-Терновое (погребения скифского времени)	7	90.02	2,38	49,38
3. Могильник Колбино-Терновое (погребения эпохи бронзы)	4	104,68	4,40	72,18

Повышение концентраций цинка в скелете может быть вызвано широким спектром причин. Один из наиболее мощных факторов изменчивости цинка в скелете — употребление мяса наземных млекопитающих. Минимальные значения описаны для серии из Семилук. Следует отметить, что различия между средними концентрациями в первой и второй выборках незначительны. Они, скорее всего, обусловлены индивидуальными особенностями индивидов, вошедших в маленькие выборки. Значимыми можно лишь считать расхождения между содержанием цинка в сериях из городища и срубной части курганного могильника. Это достаточно неожиданный результат для населения с комплексным хозяйством животноводов-земледельцев. В целом, значения концентраций цинка указывают на умеренное употребление мясных продуктов. Этот результат, на первый взгляд, кажется парадоксальным, однако вспомним, что основу питания скотоводческих племен составляли молочные продукты, а не мясные.

Гораздо более существенны различия в концентрациях другого элемента — стронция в этих двух выборках. Интенсивность накопления стронция также зависит от целого ряда физиологических особенностей организма, например, возраста, поэтому данные о концентрациях элементов в скелетах индивидов старшего возраста не привлекаются к обсуждению. Одним из ведущих факторов динамики стронция в скелете следует считать употребление зерновых культур. Как следует из таблицы, концентрация стронция в «семилукских» скелетах значительно выше. Это дает нам основание предполагать, что жители городища употребляли зерновые культуры в пищу в гораздо большем количестве, чем «курганное» население. Обитатели городища по показателю употребления зерновых культур удивительно походят на срубное население из могильника Колбино-Терновое. Таким образом, можно заключить, что структура питания «курганного» населения отличалась от таковой обитателей городища. Основу этих различий составляла доля зерновых в питании этих двух групп. В связи с этим уместно вспомнить о скифском зерне, экспортируемом в Грецию. Возможно, что население, имевшее традиции выращивания зерновых культур, и

явилось источником, обеспечивавшим этот экспорт. Для серьезно разработки этой проблемы, безусловно, необходимо обращение к систематическим палеоботаническим исследованиям. Палеодиетологические реконструкции, в данном случае, могут быть использованы как косвенные свидетельства.

Тезис о том, что особенности питания связаны с социальным положением индивида (группы), не требует специальных доказательств. Сопоставление концентраций химических элементов в мужских и женских скелетах — один из путей решения вопроса: были ли выражены различия в питании у мужчин и женщин у скифского населения? Никаких исторических свидетельств по этому поводу нет. Однако высказывания о положении женщин в скифском обществе достаточны разноречивы. Результаты сопоставления концентраций химических элементов — индикаторов питания — показали, что рацион питания мужчин и женщин из палеопопуляции могильника Колбино-Терновое был един (таблица 4).

Табл.4. Концентрации химических элементов-индикаторов питания в костной ткани индивидов мужского и женского пола из палеопопуляции курганного могильника Колбино-Терновое (1х10-4%)

Пол	Цинк	Медь	Стронций
Мужской	91.43	2,76	47,20
Женский	88,62	2,00	44,72

Также упомяну, что у 3 из 35 (примерно 9%) погребенных в курганном могильнике отмечены различные боевые травмы. Такой процент следует считать достаточно высоким, так как совсем не все боевые ранения затрагивают костные структуры, а сохранность скелетного материала скверная. На трех детских черепах из Семилукского городища обнаружены следы проломов, приведших к смерти. Это обстоятельство также не может не обратить на себя внимание.

Для воссоздания образа жизни и характера деятельности иногда также можно использовать сведения об «изношенности» опорного аппарата, некоторых патологиях, развитие которых провоцируется механическими нагрузками.

Хотелось бы отметить, что большие и умеренные значения развития рельефа отмечаются у индивидов старше сорока лет, в то время как малые и умеренные — у индивидов более молодого возраста. Можно предположить, что в известной мере значительные реакции костной ткани провоцируются повышенной пластичностью скелета. Об этом же свидетельствует и то, что у подавляющего большинства индивидов с сильно развитым костным рельефом значительно выражены разнообразные дегенеративно-дистрофические изменения на посткраниальном скелете. Отмечаются краевые разрастания на суставных поверхностях тазобедренного, коленного, локтевого суставов. На позвоночнике повсеместно встречаются остеофитозы, остеохондоз, окостенение поперечных или продольных связок, многочисленные узлы Шморля, некоторые другие патологии. Отмечу, что подобные наблюдения были сделаны С.И.Круц при описании погребенного в скифском кургане близ Желтокаменки. «Общий диагноз — деформирующий полиартрит, старческий спондилез и большое количество экзостозов. Заболевание, очевидно, связано с длительным пребыванием во влажном холодном климате» (Круц С.И., 1982, с.228). У Псевдо-Гиппократа мы также находим свидетельства о том, что холодный и влажный климат в соединении с верховой ездой пагубно влияет на здоровье скифов. В своем сочинении «О воздухе, водах и местностях» он упоминает об отеках ног, затруднении подвижности в суставах, болях в этих суставах, подагре.

М.Шультцем также были отмечены сходные проявления при описании патологических особенностей погребенного в царском кургане Чертомлык (Шультц М., 1991). Он связывает эти явления с генетически обусловленным нарушением обмена веществ. Судя по тому, что эти заболевания проявляются у населения, жившего в достаточно различных климатических условиях, более предпочтительна эта точка зрения — то есть связь заболевания с генетическими особенностями.

В серии из Семилукского городища названных патологий не отмечено, хотя индивидов старшего возраста очень мало.

При описании посткраниальных скелетов из Семилукского городища не были отмечены значительные баллы развития рельефа. Вероятнее всего, это не связано с тем, что населения городища не занималась активной физической деятельностью. Проведенные мною измерения длинных костей крайне отрывочны и я не могу на цифровом уровне доказать то, что население с городища гораздо грацильнее. Могу только выразить свое мнение. Известно, что более грацильные кости, как правило, менее пластичны, поэтому показатели рельефа у них низкие. Однако тканевые реакции в местах прикрепления крупной мускулатуры плеча и бедра прослеживаются очень четко примерно с трехлетнего возраста. Таким образом, нет оснований утверждать, что люди из Семилукского городища не были связаны с верховой ездой. Скорее всего, верховая езда занимала видное место в их образе жизни.

В завершении следует резюмировать, что население, оставившее курганный могильник Колбино-Терновое и Семилукское городище, отличается по ряду биологических особенностей. Вероятно, эти отличия касаются как образа жизни, так и происхождения.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеева Т.И., 1999 (ред.). Восточные славяне. Антропология и этническая история. М.

Березуцкий В.Д., 1995. Курганы скифского времени Лесостепного Дона (к реконструкции социальных отношений). Воронеж.

Гуляев В.И., Савченко Е.И., 1995. Терновое-I — новый скифский курганный могильник на Среднем Дону // РА. № 4.

Гуляев В.И., Савченко Е.И., 1999. Новые находки предметов скифского «звериного стиля» в курганах Среднего Дона // Проблемы археологии бассейна Дона. Воронеж.

Ефимова С.Г., 1999. Население Восточной Европы в эпоху железа и позднеримское время // Алексеева Т.И. (ред.). Восточные славяне. Антропология и этническая история. М.

Козловская М.В., 1999. Опыт индивидуального описания скелетных материалов на примере погребений из курганного могильника скифского времени на Среднем Дону // Погребальный обряд. Реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений. М.

Круц С.И., 1982. Палеоантропологические материалы из кургана Желтокаменка // Древности Степной Скифии. Киев.

Круц С.И., 1997. Антропология Стеблевского Могильника (к вопросу о физическом типе населения Лесостепи в скифское время) // С.А.Скорый. Стеблев: скифский могильник в Поросье. Киев.

Латышев В.В., 1947. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. № 2.

Медведев А.П., 1992. Земля донских будинов // Теория и методика исследований археологических памятников лесостепной зоны. Тезисы докладов. Липецк.

Медведев А.П., 1999. Ранний железный век лесостепного Подонья. Археология и этнокультурная история I тысячелетия до н.э. М.

Моруженко А.А., 1989. Историко-культурная общность лесостепных племен междуречья Днепра и Дона в скифское время // СА. № 4.

Пряхин А.Д., Разуваев Ю.Д., 1993а. Погребения на Семилукском городище позднескифского времени // Археологические памятники раннего железного века Окско-Донского междуречья. Рязань.

Пряхин А.Д., Разуваев Ю.Д., 1993б. Погребения на Семилукском городище позднескифского времени // Древние памятники Окского бассейна. Рязань.

Пряхин А.Д., Разуваев Ю.Д., 1995. Семилукское городище позднескифского времени // Археологические памятники Среднего Поочья. Рязань.

Шультц М., 1991. Остеологические исследование скелетов, найденных в кургане Чертомлык // Алексеев А.Ю., Мурзин В.Ю., Ролле Р. Чертомлык. Киев.

Hershkovitz I., Greenwald C., Rothschild B.M., Latimer B., Dutour O., Jellema L.M., Wish-Baratz S., 1999. Hyperostosis Frontalis interna: An Anthropological Perspective // Am. Journal of Physical Anthropol. № 109.

М.Б.МЕДНИКОВА

ЖИЗНЬ РАННИХ СКИФОВ: РЕКОНСТРУКЦИЯ ПО АНТРОПОЛОГИЧЕСКИМ МАТЕРИАЛАМ МОГИЛЬНИКА НОВОЗАВЕДЕННОЕ II

Сведения о жизни скифов дошли до потомков благодаря вниманию к ним древних авторов. Археологические раскопки значительно расширили диапазон представлений о скифской культуре, погребальных традициях, торговых связях обитателей южнорусских степей раннего железного века. Возможности изучения скифской культуры пополняются благодаря новым методам антропологии. Итогом становятся сведения о продолжительности жизни, профессиональной принадлежности, состоянии здоровья, стрессах и питании обитателей Скифии.

Работы антропологов пока далеки от палеопопуляционного уровня анализа экологии скифских племен. Это вызвано объективными причинами — не только плохой сохранностью костной ткани, но и немногочисленностью скелетов в курганных погребениях, а также элитарностью захоронений. Но даже изучение останков верхушки скифского общества, в том числе диахронные наблюдения показателей качества жизни привилегированного слоя, могут о многом сказать специалистам.

Ранняя история скифов, связанная с военными походами в Переднюю Азию, нашла отражение в ассиро-вавилонских клинописных документах, в трудах античных историков, в книгах библейских пророков. В отечественной науке более распространено мнение, определяющее время скифской гегемонии в Передней Азии между 625 и 585 гг. до н.э. (Мелюкова А.И., 1989, с.33). В Прикубанье, Северном Причерноморье, Подонье и Центральном Предкавказье известны погребальные комплексы, содержащие вещи, изготовленные на Ближнем Востоке до конца VII в. до н.э. (Келермес, Красное Знамя, Криворожье, Мельгуновский курган, Новозаведенное). Эти находки служат подтверждением гипотезы о существовании скифского «тыла» на Северном Кавказе, куда перевозились трофеи, завоеванные в переднеазиатских походах (Артамонов М.И., 1968, с.52; 1974, с.50). Клинописные тексты о скифах-ишкуза никак не объясняют присутствие импортных предметов в предкавказских курганах. Как отмечает Л.К.Галанина (1997, с.204), можно лишь предполагать, что какие-то неблагоприятные причины побудили отдельные группы номадов вновь перебазироваться в равнинные и предгорные районы к северу от Кавказа. Исход скифов поколения Ишпакая-Партатуа с территории Маннейского царства, по мнению этой исследовательницы, начался не позднее 660 г. до н.э.

С именем сына Партатуа, Мадия, связан второй период скифской экспансии на Ближний Восток, начавшийся между 640 и 625 гг. до н.э. и окончившийся заключением мира в мидийско-лидийской войне в день солнечного затмения, по-видимому, 28 мая 585 г. до н.э. (Галанина Л.К., 1997, с.204,206).

По сообщению Геродота, скифы, вернувшиеся после 28-летнего отсутствия, выдержали не меньшую, чем с мидянами, войну с потомками рабов. Ведь жены скифов, вследствие долгого отсутствия мужей, вступили в связь с рабами (Мелюкова А.И., 1989, с.34; Кореняко В.А., 1990, с.8). Некоторые ученые видят в данном сюжете доказательства тому, что ранние скифы письменных источников не имели прочного плацдарма на Северном Кавказе и были вынуждены подчинять своему влиянию отпавшие от союза племена. Другие предпринимают попытки отнесения северокавказских погребальных комплексов не к VII, а VI в. до н.э. (Кореняко В.А., 1990, с.12-16). Существует и третий взгляд на жизнеспособность скифского царства в VII в. до н.э. Так, открытие в Келермесском курганном могильнике грунтовых захоронений, совершенных в закубанских традициях, привело Л.К.Галанину (1997, с.194) к заключению о существовании меотского военного объединения под руководством скифской знати.

Вопрос взаимоотношений скифов с меотами и носителями кобанской культуры представляет чрезвычайный интерес. Например, раскопки могильника Уллубаганалы в Карачаево-Черкесии, проведенные В.Б.Ковалевской, выявили смешанный этнический характер кобанского общества VII-VI вв. до н.э. Между местными жителями и пришлыми народами существовало разделение труда, первые занимались ремеслами, вторые были профессиональными воинами. Характерно, что указанные группы населения различались по краниологическим характеристикам (Ковалевская В.Б., 1985). Таким образом, всестороннее антропологическое изучение человеческих останков VII в. до н.э. из предкавказских курганов может способствовать решению многих ключевых вопросов скифологии.

Могильник Новозаведенное II был открыт в 1985 г. В.Г.Петренко на высокой надпойменной террасе р.Кумы в Георгиевском р-не Ставропольского края. С 1986 г. Краснознаменская экспедиция ИА РАН производит раскопки раннескифских курганов, датируемых последней четвертью VII — 1-й четвертью VI в. до н.э.

Курганные насыпи высотой от 1 до 8 м (средняя высота 2,5-3 м) расположены цепочкой. Под насыпями всех без исключения курганов скифской эпохи находились сложные погребальные конструкции, построенные с использованием дерева и камыша над обширной могильной ямой, перекрытой рядами бревенчатого наката. Погребенным принадлежал многочисленный заупокойный инвентарь, в том числе золотые изделия. Покойника обязательно сопровождали взнузданные лошади. Памятник несомненно относится к числу аристократических могильников раннего периода скифской истории, времени завершения переднеазиатских походов.

Палеоантропологические материалы Новозаведенного II уникальны. Почти все другие раннескифские курганы основательно разграблены и содержат сильно разрушенные скелетные останки. К сожалению, это касается и таких памятников как курганы у х. Красное Знамя на Ставрополье, Нартан в Кабардино-Балкарии или Келермес в Закубанье. Элитарный характер захоронений, узкая датировка и достаточно хорошая сохранность костного материала делают могильник Новозаведенное II эталонным памятником скифского круга и чрезвычайно любопытным объектом для биоархеологических реконструкций.

Палеодемография

К скифской серии курганного комплекса Новозаведенное II принадлежат останки 18 индивидуумов. К сожалению, плохая сохранность не позволила установить пол и более точный возраст человека из п.1 к.9 (возраст <25 лет, предположительно подросток). Анализ пространственного распределения курганов с мужскими или женскими погребениями и совокупное рассмотрение возраста смерти позволил вскрыть некоторые тенденции совершения захоронений (рис.1). Так, в южной части памятника «мужские» курганы чередуются с «женскими», причем возраст захороненных в них людей не исключает возможности выделения семейных пар (например, №№ 2 и 7). Курганы, плотно концентрирующиеся в северо-западной части могильника, принадлежат, за единственным исключением, молодым представителям группы Новозаведенное, умершим в 20-24 года. О традиции хоронить умерших в соответствии с принадлежностью к определенной возрастной группе может свидетельствовать также захоронение в кургане № 6 двух детей и подростка. В раскопанных к настоящему моменту скифских курганах Новозаведенного II были погребены 7 мужчин, 6 женщин, 3 детей и 1 подросток не старше 16 лет (табл.1).

Все люди, захороненные в могильнике, умерли молодыми: 42,9% взрослых мужчин скончались в 20-24 года, 28,6% в 25-29 лет и 28,6% в 30-34 года; 66,7% женщин умерло в 20-24 года и 33,3% в 30-34 года. Средний возраст смерти мужчин и женщин практически одинаков и суммарно составляет 26,3 лет. С учетом индивидуума, пол которого не удалось установить, эта величина будет еще меньше.

Для сравнения данные о синхронном населении с другого конца степного коридора: в серии тагарцев VII в. до н.э. Гришкин Лог I средний возраст смерти мужчин составлял 40,4 года, женщин — 34,8 года, средний возраст смерти взрослых равнялся 37,6 годам (Медникова М.Б., 1995, с.38). При этом 15,8% мужчин умерли в 20-29 лет, 26,3% в 30-39 лет, 41,2% в 40-49 лет и 15,8% в 50-59 лет.

У тагарских женщин пик смертности наблюдался примерно на 10 лет раньше, чем у соплеменников мужского пола, но тем не менее заметно позже, чем в серии Новозаведенное. 26,7% из них скончались в интервале от 20 до 29 лет, 50% от 30 до 39 лет, 16,7% в 40-49 лет и 6,7% в 50-59 лет.

По данным М.Шультца (Schultz M., 1991, S.34), в палеопопуляции Чертомлык (рядовые погребения, 58 индивидуумов) 17% умерли в детстве. В этой группе один новорожденный (погребен вместе с матерью), двое детей до 7 лет, двое 6-8 лет, трое — 7-14 лет, двое подростков (15-19 лет). Среди 48 скелетов взрослых индивидуумов определен пол 20 мужчин и 24 женщин. По меньшей мере 11 женщин умерли до 40 лет (46%), из них 6 — до 30 лет (25%). Из 20 мужчин 5 умерли до 40 лет (25%), из них только трое до 30 лет (15%).

Табл.1. Половозрастное распределение останков скифского времени из могильника Новозаведенное II

Возраст, лет	Мужчины	Женщины	Дети
7-14			к.6, к.10 n=3
15-19			к.6 n=1
20-24	к.5, к.11, к.13. п.2 n=3	к.3, к.7, к.8, к.10 n=4	
25-29	к.14, к.16 n=2		
30-34	к.1, к.2. n=2	к.9. п.2., к.12 n=2	
Всего	7	6	3
Средний возраст смерти	26,8	25,8	

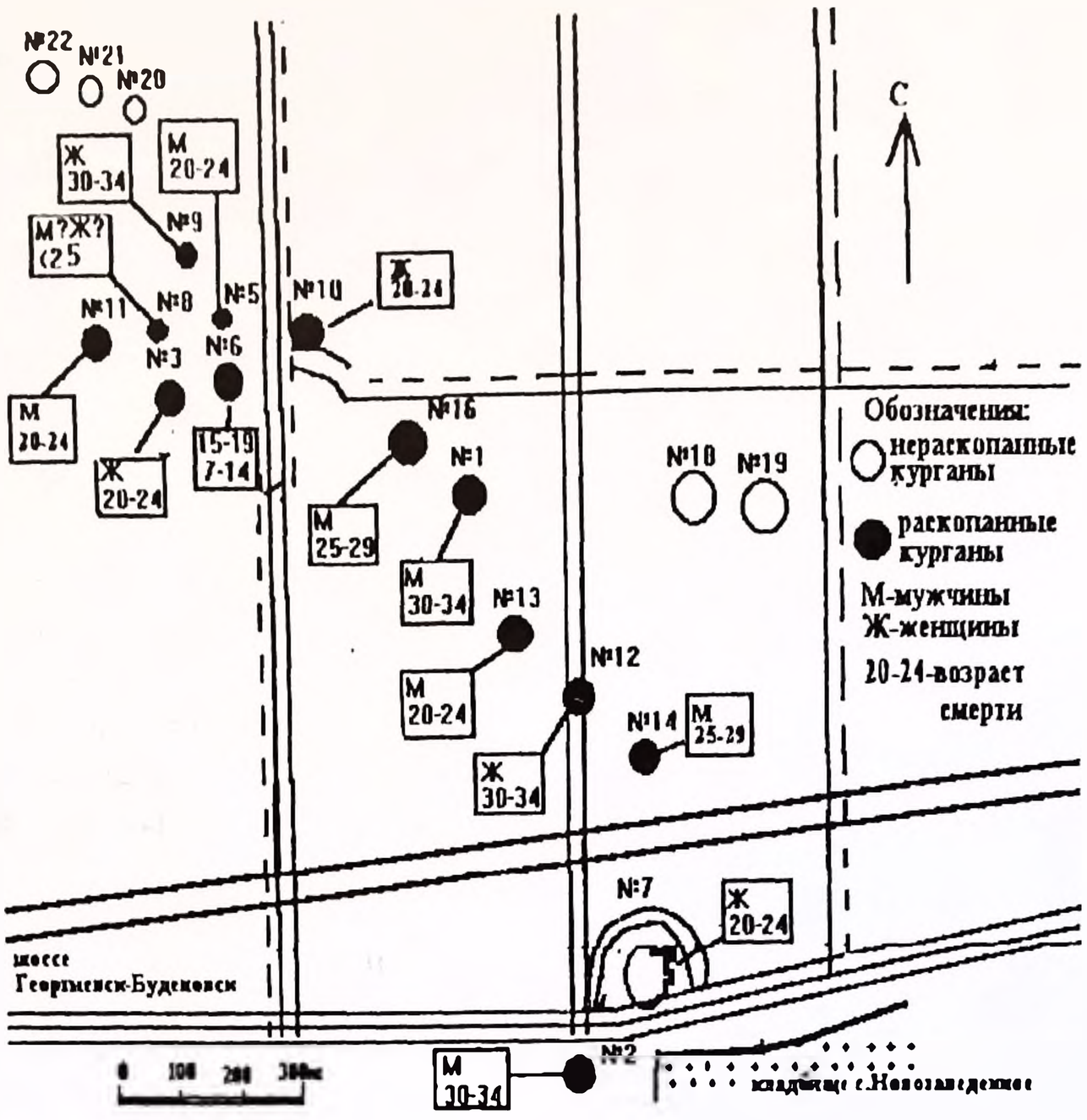


Рис.1. Схема пространственного распределения курганов с захоронениями индивидуумов разного пола и возраста

7 индивидуумов (трое мужчин и четыре женщины) скончались в старческом возрасте, что составляет 15% от выборки взрослых.

М.В.Козловская (1997, с.158) приводит данные о среднем возрасте смерти в серии Колбино I и Терновое I — 35,6 года для мужчин и 32,5 года для женщин. Среди изученных ею материалов отсутствовали скелеты мужчин моложе 30 лет.

В грунтовом некрополе Келермесского могильника большинство погребенных составляли мужчины от 20 до 50 лет, чаще 30-40 лет (14 могил). Среди женщин преобладали 20-ти и 30-летние (8 погребений). Только одна женщина была старше 45 лет. Останки детей представлены скелетами двух индивидуумов (Галанина Л.К., 1997, с.208 ссылается на определения антропологов В.П.Алексеева, И.И.Гохмана, А.Г.Козинцева, А.Г.Шевченко).

Г.П.Романова (1989) приводит характеристики меотской серии IV в. до н.э. Лебеди III, также свидетельствующие об относительно благоприятной по сравнению с новозаведенскими скифами демографической ситуации. По опубликованным ею данным о распределении числа умерших по возрастным классам (Романова Г.П., 1989, с.196, табл.1) мы вычислили средний возраст смерти взрослых мужчин и женщин — соответственно 41,6 (№=51) и 41,4 (№=30) года.

Итак, группа людей, погребенных в могильнике Новозаведенное II, отличается как от синхронного населения, так и от более поздних скифов и меотов низкой продолжительностью жизни. Смерть молодых женщин, особенно в возрасте до 30 лет, была нередким явлением в древнем мире и обычно соотносится с риском умереть от осложнений, связанных с родами. Однако в серии Новозаведенное II наблюдается и чрезвычайно низкий средний возраст смерти мужчин. При этом пик смертности падает на наиболее молодую подгруппу 20-24 года.

Следует учитывать два обстоятельства: захоронения в Новозаведенские курганы, возможно, были осуществлены на протяжении существования одного поколения, и большинство погребенных были современниками. Средний возраст умерших в этой элитарной группе может не совпадать с демографическими особенностями других слоев населения или палеопопуляции в целом. Последствия смертельных травм в костном материале встречены не были, поэтому пристальному рассмотрению подверглись индикаторы состояния здоровья и качества жизни, способные отражать степень негативного воздействия социо-природных факторов.

Зубо-челюстные патологии

Несмотря на зачастую фрагментарную сохранность лицевого скелета, по серии Новозаведенное II удалось составить достаточно полное представление о присутствии зубо-челюстных патологиях. Так, одонтогенный остеомиелит у мужчины 30-34 лет из к.1 создавал в организме хронический очаг инфекции. Кариес в группе не обнаружен, однако в мужской выборке

зафиксировано два случая прижизненной утраты зубов с облитерацией альвеолярного отростка. При этом у мужчины из кургана 16 практически полная потеря зубов нижней челюсти сопровождается образованием зубного камня, «законсервировавшего» болезнетворные микроорганизмы в ротовой полости. У двух женщин (к.9, п.2 и к.10) выявлены симптомы парадонтопатии. Таким образом, зубо-челюстные патологии, связанные с развитием воспалительных процессов, встречены у 5 из 16 новозаведенских скифов, что составляет 31,3%. Состояние зубов у женщин оказалось лучше, чем у мужчин. Безусловно, малая численность должна сдерживать нас от категоричных утверждений. Следует иметь в виду целый спектр возможных причин. Поскольку собственно кариес не найден, а обнаружены далеко зашедшие нарушения в виде остеомиелита и утраты зубов, можно лишь с осторожностью предположить кариогенные особенности диеты в данной группе. В принципе, для населения, придерживающегося скотоводческой хозяйственной ориентации, должно быть характерно присутствие в пище большого числа протеинов и продуктов, насыщенных кальцием, безусловно, не способствующее развитию кариеса. Неслучайно Николай Дамасский, живший в I в. до н.э., называл скифов галактофагами (млекоедами) (Хазанов А.М., 1975, с.87). Однако группа элитарного социального статуса могла разнообразить традиционный скотоводческий рацион растительной пищей, тем самым ухудшая состояние зубов. С другой стороны, болезни зубо-челюстного аппарата у скифов могли быть вызваны отсутствием соответствующей гигиены ротовой полости. Нельзя исключать возможность заболеваний десен, поскольку в серии были случаи зубного камня и парадонтопатий. Внимания заслуживает хорошее состояние зубной системы у женщин. Некоторые из них перенесли беременность (кк.7,8,9, п.2), о чем свидетельствуют специфические борозды на тазовых костях (Kelley M.A., 1979), но это не отразилось на здоровье зубов. Возможно, худшее по сравнению с женщинами состояние зубов у мужчин отражает гендерные различия в питании и разное отношение к вопросам гигиены.

О том, что скифские воины страдали зубной болью и прибегали к врачебной помощи, давно известно благодаря сюжету, изображенному на сосуде из Куль-Обы. Поэтому классик отечественной палеопатологии Д.Г.Рохлин (1965, с.248-250) с особым вниманием исследовал нижнюю челюсть «скифского царя» из этого кургана (мужчины, 35–40 лет от роду). Седьмой справа зуб куль-обинского индивидуума оказался кариозным. Этот зуб прорезался лишь частично, его коронка располагалась косо, будучи наклонена вперед и внутрь. Причинять страдания «царю» мог также центральный резец, если допустить, что верхушка его корня была сломана при жизни. Альвеолярный край по наружной поверхности в области резцов утолщен за счет неравномерно выраженного костного валика (*torus mandibularis externus*). Шейка обоих центральных резцов обнажена, что может быть признаком альвеолярной пиарреи (парадонтоза). Итак, единичный случай из Куль-Обы свидетельствует в пользу распространения кариеса и парадонтопатии среди представителей верхушки скифского общества.

В скифской популяции IV в. до н.э. из Чертомлыка кариес был встречен у 32% взрослого населения. Он был обнаружен даже на детских молочных зубах. Парадонтопатии встречены у 77% взрослых, зубной камень — у 95% (Schultz M., 1991, S.35). Эти показатели заметно хуже тех, что характерны для серии Новозаведенное II. Возможно, с VII по IV вв. до н.э. в рационе скифов произошли существенные изменения. Однако среди скифов Подонья, также живших в IV в. до н.э., зубные патологии вовсе не обнаружены. М.В.Козловская (1997, с.160) интерпретировала этот факт как свидетельство полноценного питания в палеопопуляции. Можно добавить, что географический фактор, вероятно, сыграл решающую роль в пищевых предпочтениях разных скифских группировок. Население, погребенное в Чертомлыцких курганах, могло перенимать в большей степени античные пищевые традиции, в то время как скифы лесостепного Среднего Подонья, вероятно, сохраняли более тесные связи с традиционным миром степняков. Последний тезис находит подтверждение в археологических источниках. Например, согласно мнению А.И.Мелюковой (1989, с.47), Воронежские курганы больше других локальных групп лесостепи ближе всего к скифским кочевническим погребениям. На этом фоне группа из Новозаведенских курганов, по-видимому, может рассматриваться как испытавшая влияние нестепной цивилизации.

Кроме перечисленных патологий, в группе Новозаведенное II выявлен случай краудинга (к.13, п.2) — наследственно обусловленной аномалии скорости развития зубного ряда.

Любопытно, что элитарные представители населения Горного Алтая, погребенные в Пазырыкских курганах, также страдали заболеваниями зубо-челюстного аппарата. По определению стоматолога Г.М.Иващенко, женщина из второго Пазырыкского кургана страдала при жизни альвеолярной пиорреей (Руденко С.И., 1953, с.65,66).

Таким образом, склонность к воспалительным заболеваниям десен могла быть общей чертой для многих представителей социальной верхушки самых разных степных народов. Скорее всего, эта тенденция объясняется не генетическими факторами, а сходными особенностями образа жизни.

Реконструкция палеодиеты[1]

Анализ палеодиеты, произведенный для каждого третьего представителя новозаведенской выборки, продемонстрировал разнообразие типов питания (рис.2). Повышенные концентрации цинка, отражающие большую долю в рационе мясных и молочных продуктов отмечены у большинства мужчин (особенно у погребенного в к.2) и у некоторых женщин (особенно у

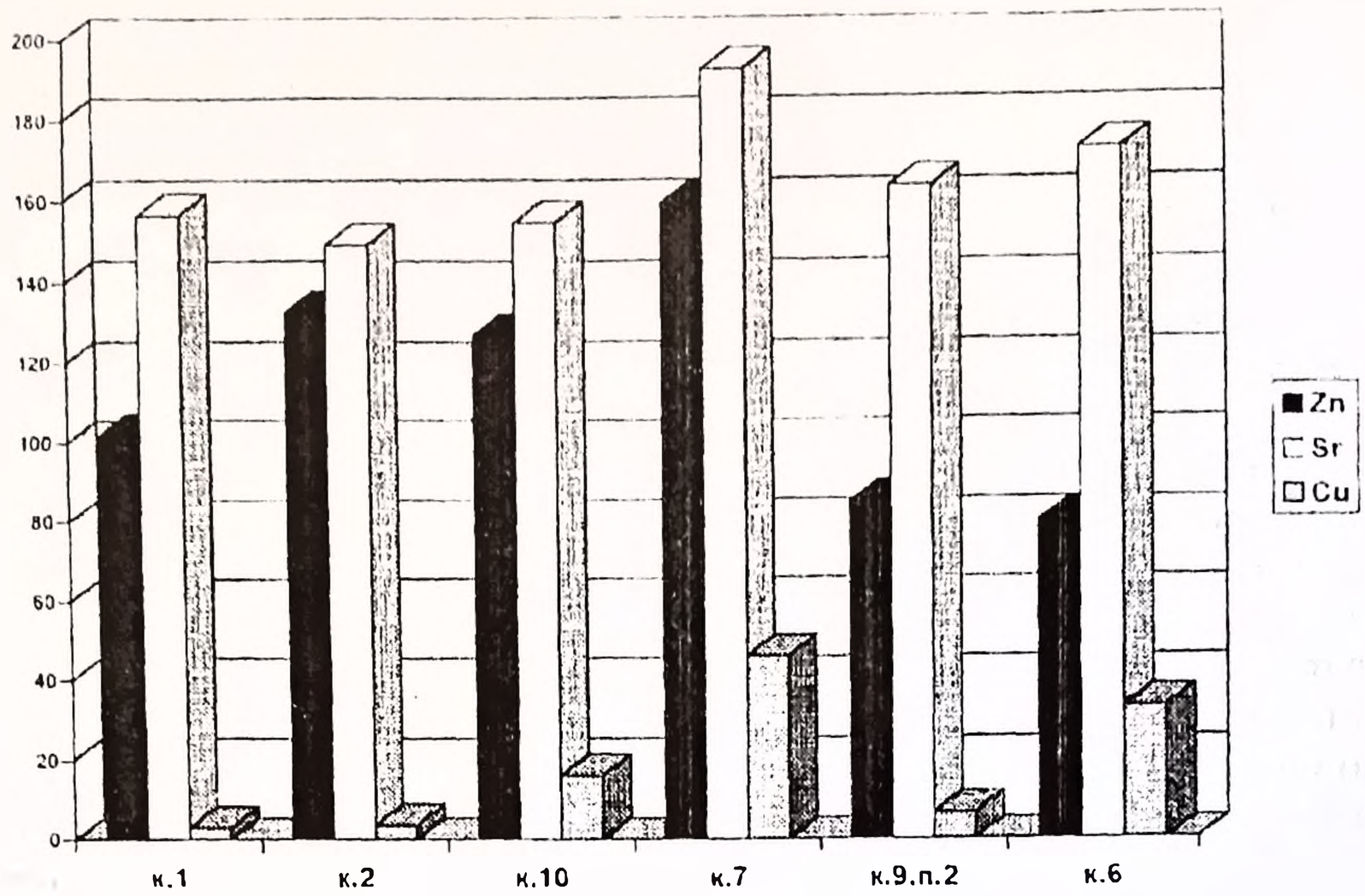


Рис.2. Концентрации цинка, стронция и меди в скелетных остатках скифов из группы Новозаведенное II. Мужчины: курганы 1,2. Женщины: курганы 10,7. Ребенок: курган 6

погребенной в к.7). Растительная пища преобладала в рационе женщины, захороненной в к.9, и ребенка из к.6. Высокий уровень стронция у молодой женщины из к.7, возможно, связан с накоплением этого микроэлемента при беременности или вскармливании ребенка. Различия в питании, скорее, имели не гендерный, а социальный характер.

Нарушения процессов роста

В стрессирующих условиях растущий организм прекращает свой рост до тех пор, пока не будет преодолено негативное воздействие. Следы подобных остановок — маркеры физиологического стресса, проявлявшиеся как дефекты зубной эмали и горизонтальные участки склеротизации на рентгенограммах трубчатых костей — регистрировались у взрослых индивидуумов.

У 8 из 14 индивидуумов отмечено присутствие эмалевой гипоплазии (57,1%).

В 100% случаев это множественная эмалевая гипоплазия, когда нарушения представлены на нескольких зубах. Признак наблюдался у 3 из 7 мужчин (42,9%) и у 3 из 5 женщин (60%). Как правило, зубные коронки демонстрируют неоднократные дефекты эмали — 4 поперечные линии (4 случая из 13, 30,7%, к.9, п.1; кк.14,16), 3 линии — (1 из 13, 7,7%, к.10), 2 линии (2 из 13, 15,4%, к.6, п.1; к.8), 1 линия (7,7%, к.9, п.2). Как видно, наиболее сильная исчерченность встречена у мужчин. По схеме Н.Керр (Kerr N.W., 1989), удалось определить возраст большинства неблагоприятных эпизодов. В одном случае препятствием послужила сильная стертость зубов. Самый ранний физиологический стресс приблизительно в 1,5 года отмечен у 5 индивидуумов из 7. Два человека впервые пережили нарушение роста в 4,5 года. По-видимому, основная причина первоначального формирования эмалевой гипоплазии была связана с физиологической дисадаптацией при замене грудного вскармливания другим типом питания. Стрессы, перенесенные в 3, 4, 5 и 6 лет, могли быть вызваны другими поводами — от лихорадочных состояний до периодического голодания. К сожалению, судить об уровне инфекционных заболеваний у скифов сложно, так как крайне немногочисленны детские скелеты. Отметим только, что единственный в серии Новозаведенное пример развития кribротических изменений на внутреннем верхнем крае глазниц (*cribra orbitalia*) найден у подростка 12-15 лет из к.6. Но cribra orbitalia является настолько неспецифическим маркером патологических состояний, т.е. проистекает от такого широкого ряда причин, что эта находка не является особенно информативной.

Для скифов IV в. до н.э из курганов Чертомлыка характерна примерно та же частота встречаемости трансверзальной гипоплазии — 56%. По этому поводу М.Шультц заметил, что питание новорожденных и маленьких детей было хуже, чем в эпоху бронзы (Schultz M., 1991, S.35). М.В.Козловская (1997, с.160) для объединенной серии скифов IV в. до н.э. из Среднего Подонья приводит еще более высокую частоту встречаемости эмалевой гипоплазии — 63% (7 человек из 11).

Линии Гарриса на рентгенограммах большеберцовых костей у мужчин представлены в 80% случаев (n=5). Многие из них подверглись процессу прижизненной перестройки. По-видимому, первоначально линий склеротизации было больше и они были множественными, т.е. встречались в разных отделах скелета. Например, у мужчины из кургана 16 маркеры нарушений роста отмечены на малоберцовой, лучевой и метатарзальных костях, причем возраст стрессирующих эпизодов поздний — около 14-15 лет.

У женщин линии Гарриса на большеберцовых костях встречены не были, но это не означает отсутствие в женской выборке физиологических стрессов детского возраста. Горизонтально ориентированные участки склеротизации наблюдались на снимках метатарзальных костей (кк.8,10,11) и костей предплечья (к.11), что составляет 75% от женской выборки. Поскольку стопа в индивидуальном развитии человека растет быстрее многих других отделов скелета, очевидно, что стрессы у женщин были преимущественно сопряжены с периодом первого детства.

Можно предположить, что на здоровье скифских детей неблагоприятное воздействие оказывала усилившаяся по сравнению с эпохой бронзы подвижность населения. С другой стороны, в новозаведенской группе не встречено последствий тяжелых инфекционных заболеваний, что может быть расценено уже как положительное следствие упомянутой мобильности.

Долго доминировавшее в палеопатологической литературе представление о том, что эмалевая гипоплазия была признаком, сопровождавшим социально неблагополучные слои населения, на материалах могильника Новозаведенное II и более поздних курганов не подтверждается. К похожим выводам пришли в недавней публикации и американские антропологи (Cucina A., Iscan M., 1997, p.213-222), обнаружившие в группе высокого социального статуса (Флорида, 200-800 вв.) высокий процент дефектов эмали. В древности привилегированное положение в обществе и богатство были недостаточными препятствиями перед неблагоприятным воздействием среды.

Физические нагрузки

Для воссоздания особенностей двигательной активности людей, погребенных в могильнике, были использованы различные системы признаков (степень изменений суставных поверхностей, локализация травм, энтесопатий, развитие костно-мускульного рельефа, регистрация изменений поверхностного слоя и сопутствующих воспалительных реакций, рентгеновские критерии и др.). Теоретической основой для подобных реконструкций служит представление о пластичных свойствах скелета. Его отделы, испытывающие хронически высокую нагрузку при усиленном развитии некоторых мышц, развиваются неравномерно и демонстрируют различную изношенность. У некоторых погребенных обнаружены отчетливые следы поражения суставных поверхностей. Выявить при этом закономерности, связанные с полом умерших, сложно. Наибольшее число поражений встречено у лиц, принадлежащих к старшей для данного могильника возрастной когорте 30-34 года — у мужчины из к.2 и женщины из п.2 к.9. Локализация поражений сходна, что позволяет предположить близкий характер двигательной активности и, возможно, рода занятий (рис.3).

В целом же, на первом месте у мужчин стоят поражения сочленовных поверхностей тазокрестцовых суставов (4 случая из 6 — 66,7%). У женщин — 1 случай из 3 (33,3%). В ряде случаев эти изменения сочетаются с присутствием энтесопатий на тазовых костях. Например, у мужчины из кургана 2 в верхней части крыла правой подвздошной кости наблюдалось ориентированное вовнутрь костное разрастание неправильной округлой формы, около 12 мм протяженностью. Вторая энтесопатия сходной этиологии располагалась в полости большого таза на верхней границе поверхности крестцово-подвздошного сочленения. Упомянутые морфологические образования связаны с местами прикрепления подвздошно-поясничной связки (*lig.iliolumbale*). Она натянута между поперечными отростками двух нижних поясничных позвонков, гребнем подвздошной кости и ее бугристостью, своей прочностью обычно обеспечивая почти полное отсутствие движения в крестцово-подвздошном суставе. Тот факт, что у большинства новозаведенских скифов имеются изменения в данной области, нельзя объяснить ничем иным, кроме как активной верховой ездой.

По М.Шультцу, 60% мужчин имели преимущественные изменения в области голеностопного, тазобедренного и плечевого суставов, 50% — в области локтя и запястья. Коленные суставы были изменены только у 30%. У женщин в 40% случаев были поражены плечевые, локтевые и тазобедренные суставы. У 30% женщин наблюдались изменения коленных суставов и только у 20% — голеностопа. У мужчин Новозаведенного не встречены изменения голеностопного сустава. Среди них прослеживаются изменения тазобедренного сустава — у 3 из 6 (50%), плечевого сустава — у 2 из 6 (33,3%), локтевого сустава — 1 из 6 (16,7%).

У новозаведенских женщин изменения в голеностопном, тазобедренном, в плечевом и грудиноключичном суставах встречены в 25% случаев, изменения в локтевом суставе не выявлены.

На рентгенограммах плечевых костей у всех без исключения взрослых индивидуумов, а также у ребенка из п.1 к.10 присутствуют крупные, массивные трабекулы — свидетельство постоянных физических нагрузок на пояс верхних конечностей (у мужчин из кк.1,2,5,13, п.2; 14,16; у женщин из кк.8,9, п.2; 10,12).

Остеометрия

Метрические показатели свидетельствуют о достаточно крупном сложении скифских мужчин. По длинам большинства трубчатых костей они близки разнородным группам, объединяемым в «степной» морфотип (Медникова М.Б., 1995; 1998). И только высокие продольные размеры голени заметно отличают новозаведенских скифов от остальных степняков раннего железного века. Относительная короткорукость и длинноногость, удлиненные дистальные сегменты конечностей отчетливо указывают на южное происхождение ранних скифов. Вычисленная способом М.Троттер — Г.Глезер длина тела 171,75 см, близка к полученной по способу Мануврие: 171,2 см, по методам Бунака: 171,2 см и Теллкя: 174,2 см. Таким образом, размеры раннескифских мужчин были несколько выше известных для большинства представителей более поздней скифской элиты (Круц С.И., 1991).

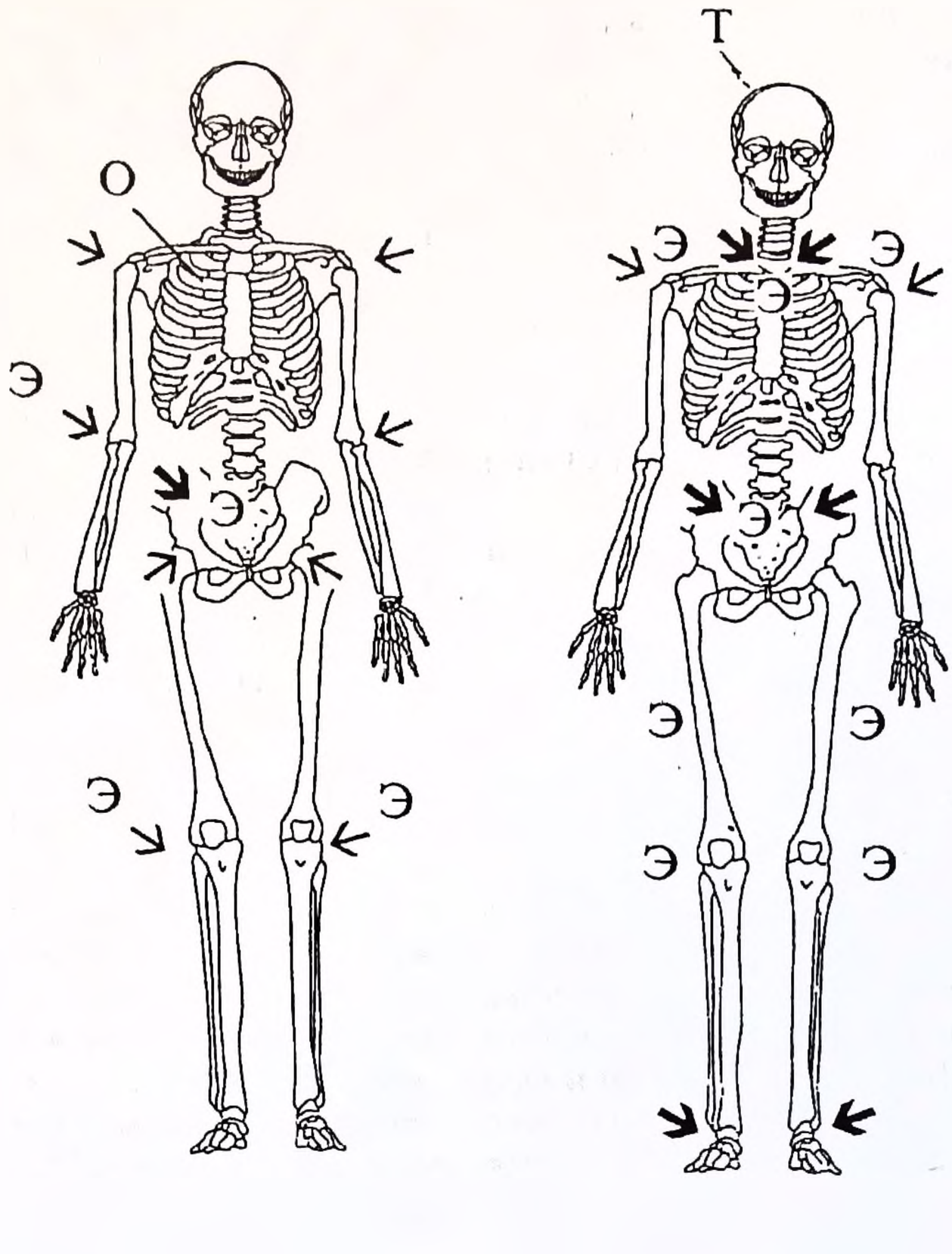


Рис.3. Локализация индикаторов двигательной активности на костях мужчины из кургана 2 и женщины из погребения 2 кургана 9. Стрелки – изменения суставных поверхностей, Э – энтесопатии, О – оссификация, Т – травма

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Ранний возраст смерти в группе; пик смертности мужчин в 20-24 года; отсутствие следов смертельных травм; лучшее по сравнению с мужчинами состояние зубов, и, возможно, питание у женщин; высокий уровень стрессов детского возраста; тренированность и отсутствие резкой границы в физических нагрузках между мужчинами и женщинами — составляют «портрет» жизни ранних скифов. Эта реконструкция более всего соответствует модели военизированной группы, в которой достаточно высокое положение занимали женщины.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Я крайне благодарна М.В.Козловской за проведение атомно-абсорбционного анализа костных образцов.

ЛИТЕРАТУРА

Артамонов М.И., 1968. Происхождение скифского искусства // СА. № 4.

Артамонов М.И., 1974. Киммерийцы и скифы. Л.

Галанина Л.К., 1997. Келермесские курганы // Степные народы Евразии. Т.1 (Под ред. А.Иванчика и Г.Парцингера). М.

Ковалевская В.Б., 1985. Роль скифов в этногенезе местных северокавказских племен // Известия АН Грузинской ССР. Серия истории, археологии, этнографии и истории искусств. Тбилиси.

Козловская М.В., 1997. Новые антропологические материалы из среднедонского скифского могильника у сел Терновое и Колбино // РА. № 4.

Кореняко В.А., 1990. О времени появления раннескифских памятников на Северном Кавказе // Дон и Северный Кавказ в древности и средние века. Ростов-на-Дону.

Круц С.И., 1991. Антропологические материалы из кургана Чертомлык // А.Ю.Алексеев, В.Ю.Мурзин, Р.Ролле. Чертомлык. Киев.

Мелюкова А.И., 1989. Краткие сведения об истории скифов // Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М.

Медникова М.Б., 1995. Древние скотоводы Южной Сибири: палеоэкологическая реконструкция по данным антропологии. М.

Медникова М.Б., 1998. Остеометрическая методика в биоархеологических реконструкциях // Историческая экология человека. Методика биологических исследований. М.

Петренко В.Г., 1989. Скифы на Северном Кавказе // Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М.

Романова Г.П., 1989. Демографический анализ палеоантропологических материалов могильника Лебеди III // Археологические открытия на новостройках. М.

Рохлин Д.Г., 1965. Болезни древних людей. М.

Хазанов А.М., 1975. Социальная история скифов. М.

Шультц М., 1991. Остеологическое исследование скелетов, найденных в кургане Чертомлык // А.Ю.Алексеев, В.Ю.Мурзин, Р.Ролле. Чертомлык. Киев.

Cucina A., Iscan M., 1997. Assessment of enamel hypoplasia in a high status burial site // American Journal of Human Biology. 9.

Kelley M.A., 1979. Parturition and pelvic changes // American Journal of Physical Anthropology. V.51, n.4.

Kerr N.W., 1989. Childhood health of two Scottish Mediaeval populations as revealed by enamel (hypoplastic) defects // Journal of Paleopathology. 2 (1).

Schultz M., 1991. Archaologische Skelettfunde als Spiegel der Lebensbedingungen früher Viehzuchter und Nomaden in der Ukraine // Золото степу. Археологія України. Київ-Шлезвиг.

В.И.МОЛОДИН, А.Г.РОМАЩЕНКО, М.И.ВОЕВОДА, Т.А.ЧИКИШЕВА

МУЛЬТИДИСЦИПЛИНАРНЫЙ АНАЛИЗ НОСИТЕЛЕЙ ПАЗЫРЫКСКОЙ КУЛЬТУРЫ (АРХЕОЛОГИЯ, АНТРОПОЛОГИЯ, ГЕНЕТИКА)

Проблема этногенеза и этнической истории древних популяций является одной из главных и, вместе с тем, одной из наиболее сложных в исследованиях археологов и историков. Трудность ее заключается, прежде всего, в ограниченности круга источников, необходимых для воссоздания динамических процессов в становлении той или иной популяции, которыми располагают исследователи. Крайне затруднительна реконструкция во временном разрезе этногенетической структуры популяций, особенно тех, которые существовали в каменном, бронзовом и раннем железном веках. Пожалуй, только с использованием ретроспективного метода, когда проблема рассматривается как бы сверху вниз, от надежно диагностированных специфических компонентов того или иного этноса к более древним популяциям, где эти компоненты удается проследить, этнические построения бывают доказательными (Седов В.В., 1979, с.39; Молодин В.И., 1983, с.275-286). Однако и в этом случае «спуститься» удается не слишком глубоко и только в условиях тех регионов, где этнос развивается автохронно, что реально встречается крайне редко даже в условиях казалось бы замкнутой зоны тайги. Ретроспективный анализ предусматривает привлечение для решения проблемы комплексного подхода. Вот почему использование мультидисциплинарного подхода, в данном случае результатов археологических, антропологических и палеогенетических исследований в решении проблемы этногенеза древних популяций выглядит столь привлекательно.

Вместе с тем для осуществления таких исследований, особенно на первых этапах их проведения, очень важно состояние материала, из которого можно получить «ископаемые» ДНК. Наиболее приемлемыми для этих целей являются мягкие ткани древних людей, сохранившиеся в силу тех или иных условий в погребениях, исследуемых археологами. Однако такой материал встречается в обычных условиях крайне редко. Вот почему исследования новосибирских археологов на плоскогорье Укок (республика Алтай, Россия), где благодаря мерзлоте в погребальных камерах были обнаружены не только фрагменты мягких тканей человека, но и две мумии (Polos'mak N., 1994, p.80-103; Молодин В.И., 1995, с.87-89), привлекли пристальное внимание научного сообщества в целом и генетиков в частности. В результате, коллектив сотрудников двух институтов Сибирского отделения РАН — Института археологии и этнографии и Института цитологии и генетики — в 1997 г. приступили к реализации интеграционного проекта «Палеогенетический анализ особенностей генофонда населения Сибири». Получены первые оригинальные результаты относительно формирования и эволюции древних и современных популяций на территории Сибири, в первом чтении сделана попытка аккумулировать эти данные и наметить пути дальнейшего поиска.

В настоящей статье авторы знакомят читателя с первыми результатами палеогенетического и палеоантропологического разделов проекта в контексте с этнокультурной историей популяций Центральной и Северной Азии. В более полном виде полученные результаты изложены в нашем научном отчете (Молодин В.И. и др., 1998, с.306-318), однако учитывая тот факт, что данное издание весьма труднодоступно для широкого круга специалистов, авторы сочли возможным опубликовать данную работу в настоящем сборнике.

Исходные материалы, подвергнутые палеогенетическому анализу, относятся к скифскому времени (пазырыкская культура, VI-III вв. до н.э.) и представлены несколькими неравнозначными по своему состоянию образцами мягких тканей, пригодными для генетического анализа. Молекулярно-генетический анализ структурных особенностей контрольного района мтДНК был выполнен для трех индивидов. При проведении анализа, помимо технических молекулярно-биологических задач, решаемых в связи со спецификой материала, рассматривались следующие антропогенетические проблемы: 1) каковы этногенетические компоненты пазырыкской популяции, исходя из данных анализа структуры мтДНК; 2) как молекулярно-генетические особенности структуры ДНК древних людей соотносятся с их палеоантропологическими характеристиками; 3) какова роль пазырыкцев в формировании современного генофонда популяции человека в Евразии.

Для погребенного из кургана Ак-Алаха-5 (образец 1) выделение ДНК осуществляли из мышечной ткани. В качестве исходного материала для выделения ДНК погребенных из курганов № 1 и № 3 памятника Верх-Кальджин-II использовали мозговую ткань. Выделение ДНК и удаление ингибирующих ПЦР активностей проводили с помощью методики, основанной на се-

лективной сорбции фрагментов ДНК на частицах SiO_2. Полученный препарат дополнительно обрабатывали системой Wizard DNA Clean UP (Promega).

Для амплификации контрольного района мтДНК применяли праймеры Thr (15898 — 5′ — TCAAAGCTTACACCAGTCTTGTAAACC — 3′ — 15926) и TDKD (16518 — 5′ — CCTGAAGTAGGAACCAGATG — 3′ — 16498). Двухцепочный продукт ПЦП образцов 1 и 2 клонировали в векторе PCR™II и секвенировали на автоматическом секвенаторе и обычным способом с помощью коммерческих наборов (USB, Sequenase version 2.0, DNA Sequencing kit). На всех этапах выделения и амплификации ДНК из древних тканей присутствовали контроли на отсутствие загрязнений чужеродной ДНК. Для каждого индивида результат был воспроизведен дважды на препаратах ДНК, выделенных из разных кусочков тканей.

Для обнаруженных вариантов мт.ДНК пазырыкцев определена первичная структура фрагмента контрольного района размером — 400 нп. Позиции с заменами относительно Кембриджской последовательности приведены в таблице. Выявленные митотипы сравнивали с вариантами мтДНК представителей современного населения Евразии, для которых имеется сопоставимая информации. В частности, в выборку включены данные по населению Евразии.

1. Рестрикционный анализ: Северная Азия (эвенки, юкагиры, селькупы, удегейци, чукчи, эскимосы) — 411 человек (Torroni A. et al., 1993); европейцы — 175 человек (Torroni A. et al, 1994, p.760-776); монголы — 597 человек (Самбуугийн Н. и др., 1991, с.2137-2142); восточные славяне — 193 человека (Петрищев В.Н. и др., 1993, с.1382-1390; Малярчук Б.А. и др., 1994., с.542-545); северные селькупы, староверы, русские — 350 человек (Казаковцева М.А. и др., 1998а; Казаковцева М.А. и др., 1998б).

2. Секвенирование: монголы — 103 человека (Kolman C.J. et al, 1996, p.1321-1334); европейцы — 1450 человек (Richaerds M. et al, 1996, p.185-203; Galaafell F. et al, 1996, p.35-49; Lahermo P., et al, 1996, p.1309-1322); русские — 24 человека (Маларчук Б.А., 1997, с.101-105); эвенки, каряки, якуты — 122 человека (Деренко М.В. и др. 1997, с.784-789); Алтай — 17 (Shields G.F. et al, 1993, p.549-562); чукчи, эскимосы — 65 человек (Воевода М.И. и др., 1994, с.149-162); финно-угры Западной Сибири — 39 человек (неопубликованные); немцы Алтая — 36 человек (в печати); самодийцы Западной Сибири — 34 человека (неопубликованные).

Митотип образца 1 для фрагмента, сопоставимого с современными вариантами, характеризуется одной транзицией в позиции 16356. Полностью идентичный вариант встречает только у европеоидов с частотой 1,2% и распространен у них от Ближнего Востока до Исландии. Из числа других митотипов этой группы 28,1% отличаются от митотипа 1 одной заменой (в разных позициях сопоставимого фрагмента), 36,5% — двумя заменами и 16,2% — тремя. Остальные митотипы имеют большее число позиций с заменами. В других этноспецифических выборках европеоидов также отмечается высокая доля сходных структурных вариантов. Практически идентичные данные получены для представителей финно-угорских народов Западной Сибири (ханты, манси, коми, мари), занимающих по антропологическим характеристикам промежуточное положение между европеоидами и монголоидами. Из сопоставляемых монголоидов небольшая доля вариантов, близких к митотипу 1, отмечается у алтайцев, хотя она существенно меньше, чем у европейцев. У монголов группы митотипов с 1-3 заменами представлены 1%, 5,9% и 5,9% соответственно, и основная часть митотипов имеет более трех замен. У арктических монголоидов Дальнего Востока сходные митотипы практически отсутствуют. Интегрально степень близости обнаруженных последовательностей ко всей совокупности митотипов отдельных популяций может быть оценка по среднему числу замен при попарном сопоставлении каждого из пазырыкских вариантов с набором современных. В основных чертах результаты полностью совпадают с полученными при рассмотрении частот родственных вариантов. Наименьшая величина получена для европейцев и максимальная для коренных жителей Чукотки. Все монголоиды имеют большое среднее число замен по сравнению с европеоидами. Распределение попарных различий с митотипами европеоидов сдвинуто в сторону более низких значений по сравнению с монголоидами. Между ними находится объединенная группа саамов и финно-угров. Таким образом, при рассмотрении числа замен между двумя митотипами в качестве меры их генетической близости очевидно, что митотип 1 обладает выраженным сходством с подавляющей частью европейских вариантов и значительно отличается от основной части монголоидных. Это обстоятельство позволяет рассматривать его как вариант, наиболее специфичный для европеоидного пула мтДНК. По своей структуре митотип 1 соответствует гаплогруппе 1, выделенной в митохондриальном генофонде европейцев и занимающей в нем доминирующее место. Родственные митотипу 1 варианты, обнаруживаемые у алтайцев и финно-угров Западной Сибири, скорее всего имеют общее происхождение.

Выраженные этноспецифические особенности обнаружены для последовательности митотипа 2. Три из четырех, отличающих этот митотип от Кембриджского (16223: — T; 16298: T — C и 16327: C — T), соответствуют заменам, которые, вероятно, являются характеристическими для митотипов гаплогруппы C, выделенной Валасем и Торрони в популяции человека на основе тотального рестрикционного анализа митохондриального генома (Wallace D.C. et al, 1985; Torroni A. et al, 1992; Torroni A. et al, 1993, p.563-590). Данная гаплогруппа широко распространена среди коренного населения Северной Азии и Америки, и ее частота значительно уменьшается в других регионах. Хотя

полные последовательности в литературе не представлены, сообщается, что гаплогруппе С соответствуют последовательности контрольного района, имеющие все три характеристические замены. В Европе самые близкие варианты имеют три замены относительно пазырыкского и их доля составляет 5%. Ни один из них не имеет сочетания всех трех замен, характерных для рестрикционной гаплогруппы С. У монголов один из вариантов идентичен митотипу 2, 2,9% отличаются от него одной заменой, 1,9% — двумя заменами и 3,9% — тремя. В 90% этих вариантов присутствуют все характерные для гаплогруппы С замены в контрольном районе мтДНК. Из 16 опубликованных митотипов ныне живущих алтайцев один отличается от митотипа 2 двумя заменами, при наличии трех специфичных для гаплогруппы С, и один митотип различается в трех позициях, имея сочетание двух из трех характерных замен в позициях 16223 и 16327. Транзиция в позиции 16129 с частотой 13,67% встречается у монголов и в меньшей степени (4,27%) представлена у европейцев. У алтайцев она не обнаружена. Близкие варианты у чукчей и эскимосов также относятся к гаплогруппе С. Эти данные позволяют рассматривать митотип 2 как специфичный монголоидный вариант, преимущественно представленный в современных этнических группах Северной Азии (преимущественно эвенки, эвены, селькупы) и в значительно меньшей степени в центрально-азиатских популяциях.

При сравнительном анализе митотипа 3 можно отметить, что уровень средних отличий от митотипов современных популяций выше, чем для первых двух вариантов. При этом отчетливо прослеживаются более низкие значения в случае сравнения с европеоидами. Частота родственных вариантов также является относительно низкой с их преимущественной встречаемостью в европейских популяциях. В качественном отношении митотип 3 соответствует европейской гаплогруппе 5. Из имеющихся на сегодняшний день данных следует, что эта гаплогруппа в целом по Европе характеризуются низкой частотой и встречается в разных странах континента, а также на Ближнем Востоке. В одной из работ отмечено увеличение ее частоты у финнов. Таким образом, проведенный анализ свидетельствует об относительно большей специфичности митотипа 3 для современных европеоидных популяций с одной стороны и о его низкой представленности во всех обследованных выборках представителей современного населения Евразии — с другой. Обнаружение митотипа 3 даст основания предполагать существенно большую представленность митотипов гаплогруппы 5 в митохондриальном генофонде пазырыкцев, чем это наблюдается сегодня во всех обследованных современных этнических группах как европеоидного, так и монголоидного происхождения.

Сопоставление приведенной информации с результатами молекулярно-генетического анализа демонстрирует, что в настоящее время пока еще нельзя дать исчерпывающую интерпретацию всех аспектов расогенеза пазырыкцев, вытекающих из палеоантропологических рассмотрений, главным образом вследствие ограниченности молекулярно-генетических данных по большинству современных популяций Северной, Средней и Центральной Азии. Однако ряд гипотез, в частности, о палеосибирской монголоидной компоненте, получил убедительное подтверждение. Из имеющихся на сегодняшний день данных также можно сделать вывод о некоторых генетических связях пазырыкцев с современным населением Горного Алтая. Еще одной существенной находкой, полученной в настоящей работе, является обнаружение митотипа 2, обладающего выраженным сходством с северо-азиатскими монголоидными митотипами, у индивида с европеоидными антропологическими характеристиками. Это обстоятельство демонстрирует отсутствие абсолютного параллелизма антропологических и молекулярно-генетических показателей. Следует отметить, что возможность интерпретации полученных молекулярно-генетических данных будет значительно расширяться в дальнейшем по мере накопления информации по современным популяциям, графически и исторически близким пазырыкцам.

Полученные данные о последовательностях контрольного района митохондриальной ДНК современных самодийцев севера Западной Сибири существенно дополняют изложенную выше информацию. В частности, в генофонде северных селькупов и кетов оказались высокопредставленными группы митотипов, структурно сходные со всеми тремя пазырыкскими митотипами. Таким образом, митохондриальный генофонд самодийцев по структурному составу оказался наиболее близок к обнаруженному набору вариантов митохондриальной ДНК пазырыкцев. Данное обстоятельство открывает новые перспективы в оценке эволюционных взаимоотношений различных этнических групп Северной и Центральной Евразии.

Формирование археологических черт, маркирующих принадлежность пазырыкской культуры к скифо-сибирской общности, относится к рубежу VII-VI вв. до н.э. Феноменальность этого процесса заключается в разнородности субстратов, на основе которых она развивалась. Ареалы вошедших в ее состав культур не соприкасались на огромном пространстве евразийского пояса степей и были окружены островками мира древних цивилизаций и так и называемыми «лесными» культурами Евразии. Имея разную историческую основу и индивидуальную структуру межэтнических связей, культуры скифо-сибирского мира характеризовались чрезвычайным антропологическим разнообразием их носителей. В связи с этим вполне закономерно, что решение многих важных вопросов истории степей Евразии в скифское время в значительной степени зависит от изучения палеоантропологических материалов.

Мы получили возможность дать всестороннюю характеристику популяции, локализованной в Бертекской долине на плато Укок, осваивавшей в эпоху ран-

него железа регион с экстремальной для организма человека экологией и активно вовлеченной в орбиту этнокультурной истории соседствующих племен.

Общая серия костяков из курганов Укока (из которых 2 субъекта сохранились как мумии) состоит из 13 особей мужского пола, 9 женщин и 5 детей -- двух подростков и трех малышей в возрасте от 1,5 до 4-5 лет. Максимальный возраст погребенных в женской части серии не превышает 35-40 лет. Средний возраст смерти женщин, соответственно, является очень низким — 29,6 лет, тогда как в мужской группе более трети особей умерли в возрасте старше 40 лет, а возраст трех погребенных может быть определен как старческий (50-60). Соответственно, средний возраст смерти мужчин значительно выше, чем в женской части популяции, — 38,5 лет и приближается к средней продолжительности жизни населения раннего железного века на территории Европы (40,9-43,7) (Алексеев В.П., 1972, с.3-21). Такая половозрастная структура серии свидетельствует, скорее, об устойчивом заселении укокского плато группами семей, нежели об эпизодическом пребывании с культовыми, хозяйственными или иными целями определенной части населения пазырыкских племен, обитавших в более мягких по климату межгорных котловинах и в бассейнах основных рек Горного Алтая. Следы жесткого физиологического стресса, фиксируемые по патологическим изменениям практически на всех костяках популяции, возможно, свидетельствуют о том, что она сформирована на основе «осколков» мигрировавших на плато Укок групп кочевников и не успела адаптироваться к специфическим особенностям микроклимата и биогеохимической ситуации Укока. Следует отметить, что в исследуемых нами параллельно еще пяти палеоантропологических сериях из разных районов Горного Алтая такого тотального поражения костной ткани патологическими процессами не обнаруживается. Наиболее общими для ранних кочевников Укока являются патологии зубочелюстного аппарата (ранняя прижизненная утрата большинства зубов, сопровождающая воспалительные процессы в тканях, прилегающих к кариозным зубам, либо воспаления периодонта иной этиологии; резорбция костной ткани альвеолярных отростков), разновидности хронического полиартрита, нередко проявляющегося в генерализованной форме, поражение отдельных позвонков спондилолизом (нарушение целостности дуги позвонка), обычно сопровождающимся спондилозом (деформация в связочном аппарате позвоночника). Эти патологические процессы, как правило, предопределяются целым рядом факторов, включающим социально-бытовые, профессиональные и эндокринные условия и связанные с ними нарушения обмена.

С расово-диагностической точки зрения в краниологической серии с плато Укок выделяются две комбинации признаков, одна из которых характеризует европеоидный компонент в несмешанном виде, тогда как другая отражает примесь монголоидного компонента. Полученные нами результаты антропологического изучения пазырыкского краниологического материала уже дают возможность наметить линии происхождения этих краниологических комплексов, рассматривая их на фоне антропологической дифференциации кочевников скифо-сибирского мира в целом.

Тот комплекс, который характеризует европеоидный компонент в несмешанном виде, более всего сосредоточен в локальных группах с плато Укок, а также из долин Барбургазы и Бургузуна и в сборной группе из Центрального Алтая. В группах из месторождений Уландрыка, Юстыла и долин среднего течения Чуи он хорошо улавливается в виде примеси, но при этом его удельный вес выше на Уландрыке, тогда как на Юстыде он ощутим в наименьшей степени из всех сформированных нами локальных групп пазырыкцев. Наиболее специфической чертой в выделенном морфологическом комплексе является сочетание большой ширины и высоты лица с сильным выступанием переносья и носовых костей. Его происхождение мы сочли возможным связать с контактами племен юго-западного Алтая и скотоводческого населения Передней и Средней Азии, по крайней мере, со второй половины второго тысячелетия до нашей эры.

Что касается монголоидного компонента, то наши данные говорят о том, что его вклад в формирование антропологического состава пазырыкского населения в целом и его укокской популяции в частности осуществлялся из двух «источников»: автохтонного населения каракольской культуры с монголоидными особенностями в строении черепа, генетически связанного с мощным пластом носителей культур окуневского круга, и представителей тех монголоидных племен, на основе которых в степях Монголии и Забайкалья формировался гуннский племенной союз.

Средние характеристики суммарной краниологической серии и результаты ее внутригруппового анализа свидетельствуют, что преобладающим компонентом в ее антропологическом составе является морфотип с промежуточным выражением основных черт, дифференцирующих европеоидную и монголоидные расы. В пазырыкских материалах в редких случаях фиксируется концентрация монголоидных черт, характерная для расового комплекса североазиатского типа. Единственным носителем ярко выраженного монголоидного комплекса признаков остается описанный Г.Ф.Дебецом череп из кургана Шибе (Дебец Г.Ф., 1948, с.140).

Думается, что вовлечение этого расового элемента в антропологическую среду пазырыкской культуры свидетельствует, скорее, о политических взаимоотношениях пазырыкцев с монголоидными народами Восточной Сибири, нежели о систематическом смешении населения в эпоху раннего железа. Расогенез основного антропологического пласта пазырыкской культуры, характеризующегося европеоидно-монголоидной промежуточностью черт расово-диагностического комплекса, уходит корнями в предшествующие эпохи.

Аналогичное сочетание антропологических признаков характеризует ряд групп сакских и усуньских племен Казахстана и Тянь-Шаня и обусловливает их морфологическое сходство с пазырыкцами Алтая (Гинзбург В.В., 1956, с.238-298; 1961, с.82-97; 1972, с.119,132; Трофимова Т.А., 1958, с.639-701). Результаты проведенного нами кластерного анализа широкого спектра серий ранних кочевников Евразии по набору важнейших краниометрических признаков продемонстрировали тенденцию всех локальных групп пазырыкцев к объединению в общий кластер. На их основе мы могли также предположить существование общих моментов в расогенетической истории сакских и пазырыкских племен. По мнению В.В.Гинзбурга и Т.А.Трофимовой, такой комплекс признаков сформировался при участии монголоидных элементов, которые проникали в бассейн Сырдарьи, Восточный Казахстан и межгорные котловины Тянь-Шаня в уже смешанном виде с территории Алтая. Интерпретируя морфологическое сходство населения бассейна Сырдарьи, Восточного Казахстана и Горного Алтая как результат общих моментов расогенетической истории, В.П.Алексеев выделил казахстано-алтайский вариант в антропологическом составе культур скифо-сибирского мира, определив его монголоидным, сходным с южносибирским расовым типом, сформировавшимся в результате смешения на рубеже эпохи бронзы — раннего железа восточных и западных антропологических типов. Монголоидная компонента однозначно выводилась из среды центрально-азиатского населения (Алексеев В.П., 1986, с.38-63).

Однако результаты нашего исследования палеоантропологического материала пазырыкской культуры свидетельствуют о том, что даже эта группа, самая монголоидная среди всех групп кочевников скифо-сибирского мира, характеризуется более европеоидным комплексом расово-диагностических черт, чем классические представители южносибирской расы: у пазырыкцев выше черепная коробка, гораздо менее уплощенное лицо и более выступающий нос, чем у казахов, киргизов, хакасов или южных алтайцев.

В противоречие с представлениями о прямом проникновении групп монголоидного населения из Центральной Азии последовательно на Алтай, а затем к западу вплоть до юго-восточного Приаралья вступают опубликованные к настоящему времени палеоантропологические материалы предскифского и скифского времени из сопредельных Горному Алтаю территорий Тувы и Западной Монголии. Безынвентарные погребения Тувы и Монголии, каменные курганы Монголии, датируемые эпохой бронзы, а также могильники эпохи железа продемонстрировали преобладание европеоидных черт в антропологическом типе погребенных и долю монголоидного компонента ничуть не большую, чем в среде пазырыкского или сакского населения.

Гипотеза о формировании метисного монголоидно-европеоидного типа некоторых групп саков на основе смешения местного европеоидного населения и низколицых монголоидных пришельцев с востока, а именно из южных районов Сибири также не находит обоснования в сибирских палеоантропологических материалах. Гипотетические низколицые монголоиды с высокой степенью уплощенности лицевого скелета в целом и в области носа, достаточной, чтобы обеспечить сдвиг сильнопрофилированных европеоидных комплексов в монголоидном направлении, в целом ряде групп племенных объединений, дисперсно расселенных на огромной территории, включающей современные Казахстан и Среднюю Азию, пока не обнаружены. Однако, постепенно накапливаются данные о генетических связях саков с населением эпохи бронзы западных районов Центральной Азии (Тур С.С., 1997).

Проведенное нами исследование палеоантропологических материалов гуннского времени показало, что в основе гуннского населения из центральных районов Горного Алтая доминирует брахикранный антропологический пласт, который мы считаем автохтонным для обширного региона, включающего Алтай, Туву и Западную Монголию. Его морфологической спецификой является сочетание умеренной уплощенности лицевого отдела со средним и выше среднего выступлением переносья и носовых костей. На основе этого пласта в регионе формировалось население скифского времени. Увеличение доли монголоидного компонента по сравнению с предшествующим населением пазырыкской культуры отмечается только на юго-востоке Горного Алтая на плато Укок, причем характерный для Укока высоколиций монголоидный тип, вероятно, связан с гуннским населением Восточной Сибири и Монголии (Чикишева Т.А. и др., 1997б, с.154-159).

Даже в раннее тюркское время в строении мозгового отдела черепа у погребенных из Горного Алтая сохраняются морфологические особенности населения предшествующих культур. Но именно в этот период (никак не ранее) отчетливо фиксируется усиление компонента, связанного с прибайкальскими и восточными монголоидными группами населения: черепа из погребений тюркского времени характеризуются более уплощенным горизонтальным профилем в сочетании с большей высотой лица, более уплощенным переносьем и слабее выступающими носовыми костями (Чикишева Т.А. и др., 1997а, с.321-325).

Индивидуальная расовая диагностика погребенных в могилах Бертекской долины Укока, частично опубликованная (по результатам раскопок 1991-1992 гг.) (Чикишева Т.А., 1994, с.157-175), отражает выявленную расовую структуру пазырыкских популяций. Мы диагносцируем представителей матуризованного варианта восточносредиземноморского расового типа в кургане Ак-Алаха-1 в погребениях 1 и в курганах Кутургунтас-1 и Верхний Кальджин-1, Мойнак-1, 2; примесь монголоидного палеосибирского расового типа в кургане Ак-Алаха-3; а также автохтонный расовый компонент в курганах Бертек-1, 10, 12, 27, Кальджин-2 и Верхний Кальджин-2, Кальджин-6.

Итоги основных результатов исследования палеоантропологических материалов эпохи железа с терри-

тории Алтая могут быть суммированы в нескольких выводах.

1. Основные морфологические компоненты в пазырыкских краниологических сериях не несут резких морфологических различий по признакам высокого таксономического уровня.

2. Расогенез основного антропологического пласта пазырыкской культуры, характеризующегося монголоидно-европеоидной промежуточностью, уходит корнями в предшествующие эпохи и связан с населением культур окуневского круга.

3. Морфологическое сходство населения части племенных объединений сакской этнокультурной общности и пазырыкской культуры может быть интерпретировано как результат генезиса на основе общего антропологического пласта, распространенного в предшествующие эпохи (наряду с протоевропейскими расовыми типами) на территории Центральной и Средней Азии. Специфика не только этнокультурных, но и этнорасовых связей пазырыкцев определяется сакским (или скифским в широком смысле) миром.

4. Расовый компонент, связанный с прибайкальскими и восточными монголоидными группами племен, определяет особенности антропологического типа населения Горного Алтая не ранее тюркского времени.

Полученные принципиально новые данные палеоантропологического и палеогенетического анализа пазырыкских древностей требуют их осмысления с учетом данных археологии, что можно предложить уже сегодня, по крайней мере в первом чтении.

Прослеживаемая генетическая близость носителей пазырыкской культуры и северных самодийцев теоретически может быть обусловлена двумя причинами — либо единым европеоидным компонентом, имевшим место при формировании как пазырыкской культуры, так и ранних самодийцев; либо носители пазырыкской культуры в силу определенных обстоятельств являются одними из компонентов северных селькупов, мигрировавших на север Западносибирской равнины. На сегодняшний день мы должны иметь в виду обе гипотезы, хотя бы потому, что для их обоснования имеют место как антропологические, так и археологические данные.

Можно предполагать, что одним из компонентов носителей пазырыкской культуры явилось население эпохи поздней бронзы, мигрировавшее на территорию Горного Алтая из Средней Азии. Именно эти племена явились основой культуры переходного от бронзы к железу времени саков — сакараваков Тагискена, с одной стороны и пазырыкцев — с другой, что и обусловило выявленную антропологическую близость этих культур (Чикишева Т.А., 1997, с.319). Вероятнее всего, это были носители бегазы-дандыбаевской культуры эпохи поздней бронзы Центрального Казахстана (Маргулан А.Х., 1979), население которой было автохтонно для Казахстана и ряда районов Средней Азии. В то же время памятники бегазы-дандыбаевской культуры недавно выявлены в Северо-Западном Китае, в Синцзяне (Wang Lin Shan et al, 1997, fig.15,18), в непосредственной близости от Укока. (Именно с этой культурой вероятнее всего следует связывать многочисленные бронзовые предметы карасукского облика из Синцзяна, а весьма вероятно, что и из соседней Монголии и Горного Алтая). Не исключено, что к этой культуре относится памятник Бертек-56, исследованный В.И.Молодиным на Укоке (Молодин В.И., 1993, с.17-20), с характерным набором культурных признаков и антропологически европеоидным типом среднеазиатского облика (Чикишева Т.А., 1996, с.250).

В настоящее время установлено, что бегазы-дандыбаевцы по каким-то причинам мигрировали и на северо-запад в район современной Кулунды (Кирюшин Ю.Ф. и др., 1992, с.84-90), а также Барабы (Молодин В.И., 1981, с.15-17) и более северных районов Приобья (Косарев М.Ф., 1981, с.28), где, вероятно, смешались с местным западносибирским населением, образовав своеобразные культуры и наложив определенный отпечаток на этногенетические процессы. Какое-то из этих образований могло стать одним из компонентов северных селькупов.

Вторая гипотеза тесно переплетается с концепцией о южной прародине самодийцев, сформулированной в XVIII веке И.Э.Фишером (Фишер И.Э., 1774, с.84) и получившей дальнейшее обоснование в трудах М.А.Кастрена (Castren M.A., 1855). Суть ее заключается в том, что на основании языковой близости ненцев, селькупов и камасинцев Южной Сибири исходной территорией формирования современных самодийских народов признается Южная Сибирь, в частности Саянское нагорье, откуда они впоследствии переселились на север Западносибирской равнины. Концепция находит подтверждение в данных топонимики (Кызласов Л.Р., 1959, с.73), где особый интерес представляют разработки А.П.Дульзона о наличии самодийских гидронимов в пределах Горного Алтая (Дульзан А.П., 1960, карта между стр. 2 и 3) и аналогичные свидетельства С.И.Вайнштейна о самодийских гидронимах в Туве (Вайнштейн С.И., 1961, с.21).

Изосерологические материалы также устанавливают генетическую связь северных самодийцев с населением Южной Сибири (Рычков Ю.Г., 1966).

По мнению ряда этнографов, с югом Сибири связано большинство элементов самодийского оленеводческого комплекса (Вайнштейн С.И., 1970) и распашная одежда (Прыткова Н.Ф., 1970, с.92-93).

Археологи, сторонники южной прародины самодийцев, неоднократно пытались связать с данными этносами ряд культурных образований (Чернецов В.Н., 1969, с.116-118; Косарев М.Ф., 1966, с.27; Могильников В.А., 1970, с.174-176; и др.), однако доказать эти построения, возможно в чем-то и справедливые, по существу им так и не удалось.

Полученные палеогенетические данные диктуют нам необходимость рассматривать в качестве возможного составляющего компонента самодийского этноса носителей пазырыкской культуры. На уровне рабочей гипотезы можно предложить следующую модель эт-

культурных процессов, происшедших в Западносибирском регионе в конце I тыс. до н.э. — начале I тыс. н.э. Одним из авторов данной работы была предпринята попытка обосновать достаточно раннее появление гуннов (в пределах III в. до н.э.) на территории Северо-Западного Китая (Синцзян) и Укока (Молодин В.И., 1997, с.230-232). Благодаря установившимся контактам автохтонного и пришлого населения Алтая зафиксировано несколько культур гунно-сарматского времени, различие которых между собой было обусловлено, вероятно, неоднократностью слагаемых этнических компонентов. Наиболее ярко пазырыкские традиции в культуре продолжают бытовать в ноинулинских комплексах Северной Монголии (Руденко С.И., 1962). Представляется, что носители именно этой культуры могли стать той основой, которая сохранила пазырыкский генофонд в Саяно-Алтае, распространив его затем в результате последующих миграций на север.

Разумеется, мы отдаем себе отчет, что процесс формирования северных самодийцев, в данном случае селькупов, мог быть и еще более сложным, когда в нем, возможно, принимали участие различные по своей этнической природе субстратные южносибирские элементы, на что уже обращал внимание В.И.Васильев (Васильев В.И., 1979, с.17).

Как бы то ни было, очевиден вывод, что уже на первом этапе реализации означенного междисциплинарного проекта получены принципиально новые результаты, научную значимость которых трудно переоценить.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев В.П., 1972. Палеодемография СССР // СА. № 1.

Алексеев В.П., 1986. Палеоантропология степей Евразии в скифское время // Мартынов А.И., Алексеев В.П. История и палеоантропология скифского мира. Кемерово.

Вайнштейн С.И., 1970. Проблема происхождения оленеводства в Евразии (Саянский очаг одомашнивания оленя) // СЭ. № 6.

Вайнштейн С.И., 1961. Тувинцы-тоджинцы. М.

Васильев В.И., 1979. Проблемы формирования северо-самодийских народностей. М.

Воевода М.И., Авксентюк А.В., Иванова А.В., Астахова Т.И., Бабенко В.Н., Куршлович С.А., Даффи Л.К., Сегад Б., Шилдс Д.Ф., 1994 // Сибирский экологический журнал. Т. 2.

Гинзбург В.В., 1956. Древнее население Восточных и Центральных районов Казахской ССР по антропологическим данным // Антропологический сборник I. Труды ИЭ АН СССР. Т.33.

Гинзбург В.В., 1961. К антропологии ранних кочевников Восточного Казахстана (черепа V-IV вв. до н.э. из могильника Усть-Буконь) // Антропологический сборник 3. Труды ИЭ АН СССР. Т. 71.

Гинзбург В.В., Трофимова Т.А., 1972. Палеоантропология Средней Азии. М.

Дебец Г.Ф., 1948. Палеоантропология СССР // Труды ИЭ АН СССР. Т.4. М.-Л.

Деренко М.В., Шилдс Дж.Ф., 1997. Разнообразие нуклеотидных последовательностей митохондриальной ДНК в трех группах коренного населения северной Азии // Молекулярная биология. Т.31.

Дульзан А.П., 1960. Этнический состав населения Западной Сибири по данным топонимики // Доклады на XXV Международном конгрессе востоковедов. М.

Казаковцева М.А., Воевода М.И., Осипова Л.П., 1998а. Рестрикционный полиморфизм митохондриальной ДНК в популяции северных селькупов // Генетика (в печати).

Казаковцева М.А., Воевода М.И., Осипова Л.П., 1998б. Полиморфизм рестрикционных сайтов контрольного района митохондриальной ДНК в популяциях пришлого русского населения и староверов севера Сибири // Генетика (в печати).

Кирюшин Ю.Ф., Удодов В.С., 1992. Некоторые вопросы хронологии памятников бронзового века Алтая // Маргулановские чтения. 1990. Ч. 1. М.

Косарев М.Ф., 1966. Некоторые проблемы древней истории Обь-Иртышья // СА. № 2.

Косарев М.Ф., 1981. Бронзовый век Западной Сибири. М.

Кызласов Л.Р., 1959. К вопросу об этногенезе хакасов // УЗ ХакНИИЯЛ. Вып.VII. Абакан.

Малярчук Б.А., 1997. Митохондриальный портрет восточных славян // Генетика. Т.33, № 1.

Малярчук Б.А., Балмышева Н.П., Деренко М.В. и др., 1994. Рестрикционный полиморфизм главной некодирующей области мтДНК у коренного и пришлого населения Северо-Восточной Азии // Генетика. Т.30, № 4.

Маргулан А.Х., 1979. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата.

Могильников В.А., 1970. К вопросу об этнокультурных ареалах Среднего Прииртышья и Приобья эпохи раннего железа // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск.

Молодин В.И., 1981. О связях ирменской культуры с бегазы-дандыбаевской культурой Казахстана // Сибирь в прошлом, настоящем и будущем. Вып.III. Новосибирск.

Молодин В.И., 1983. Ретроспективный метод и опыт его применения// Методологические и философские проблемы истории. Новосибирск.

Молодин В.И., 1993. Основные итоги археологических исследований западносибирского отряда Северо-Азиатской комплексной экспедиции на плоскогорье Укок 1992 года// Altaica. Вып.2. Новосибирск.

Молодин В.И., 1995. Укок-1995 — новые находки и открытия // III годовая итоговая сессия Института ар-

хеологии и этнографии СО РАН, ноябрь 1995 г. Новосибирск.

Молодин В.И., 1997. Могильники Кальджин-6 и Ак-Кол-1 на плоскогорье Укок и их культурно-хронологическая интерпретация // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т.III. Новосибирск.

Молодин В.И., Ромащенко А.Г., Воевода М.И., Ситникова В.В., Чикишева Т.А., 1998. Палеогенетический анализ генофонда населения Сибири // Интеграционные программы фундаментальных исследований. Новосибирск.

Петрищев В.Н., Кутуева А.Б., 1993. Полиморфизм митохондриальной ДНК в русском населении России // Генетика. Т.29, № 8.

Прыткова Н.Ф., 1970. Одежда народов самодийской группы как исторический источник // Одежда народов Сибири. Л.

Руденко С.И., 1962. Культура хуннов и ноинулинские курганы. М.-Л.

Рычков Ю.Г., 1966. Особенности серологической дифференциации народов Сибири // Вопросы антропологии. Вып.21. М.

Самбуугийн Н., Петрищев В.Н., Рычков Ю.Г., 1991. Изучение полиморфизма ДНК в населении Монголии. Анализ ПДРФ митохондриальной ДНК // Генетика. Т.27.

Седов В.В., 1979. Происхождение и ранняя история славян. М.

Трофимова Т.А., 1958. Материалы по палеоантропологии Хорезма и сопредельных областей // Труды Хорезмской экспедиции. Т.2. М.

Тур С.С., 1997. Кочевники Кыргызстана сако-усуньского времени (по материалам палеоантропологического исследования) // Автореф., дис... канд. ист. наук. Барнаул.

Фишер И.Э., 1774. Сибирская история с самого открытия Сибири и до завоевания сей земли Российским оружием. СПб.

Чернецов В.Н., 1969. Опыт выделения этнокультурных ареалов в Северо-Восточной Евразии и Северной Азии // Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск.

Чикишева Т.А., 1994. Характеристика палеоантропологического материала памятников Бертекской долины // Древние культуры Бертекской долины. Новосибирск.

Чикишева Т.А., 1996. К вопросу о формировании антропологического состава населения пазырыкской культуры Горного Алтая // Новейшие археологические и этнографические открытия в Сибири. Новосибирск.

Чикишева Т.А., 1997. К вопросу об антропологическом сходстве населения пазырыкской культуры и сакской этнокультурной общности // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т.III. Новосибирск.

Чикишева Т.А., Поздняков Д.В., 1997а. К вопросу об антропологическом типе древне-тюркского населения центральных и южных районов Горного Алтая // Новейшие археологические и этнографические открытия в Сибири. Материалы 5 Годовой сессии ИАиЭТ СО РАН. Декабрь, 1997 г. Новосибирск.

Чикишева Т.А., Поздняков Д.В., 1997б. К особенностям морфологии населения гунно-сарматского времени центральных и восточных районов Алтая // Социально-экономические структуры древних областей Западной Сибири. Барнаул.

Castren M.A., 1855. Worterverzeichnisse aus den samojedischen Sprachen. SPb. 1855.

Galaafell F., Underhill P., Toun A., et. al, 1996. From Asia to Europe: mitochondrial DNA sequence variability in Bulgarians and Turs // Am. J. Hum. Genet. V.60.

Kolman C.J., Sambuughin N., Bermingham E., 1996. Mitochondrial DNA analysis of Mongolian populations and implacations for the origins of new world founders // Genetics. V.142.

Lahermo P., Sajantila A., Sistonen P. et. al, 1996. The genetic relationship between the Finns and the Finnish Saami (Lapps): analysis of nuclear DNA and mtDNA// Am. J. Hum. Genet. V.58.

Polos'mak N., 1994. A mammy unearthed from the Pastures of Heaven // National Geographic. Vol.186. № 4. Washington.

Richaerds M., Corte-Real H., Forster P. et. al, 1996. Paleolythic and neolythic lineages in the Europian mitochondrial gene pool // Am. J Hum. Genet. V.59.

Shields G.F., Schmiechen A.M., Frazier B.L., Redd A., Voevoda M.I., Reed J.K. and Ward R.H., 1993. MtDNA sequences suggest a recent evolutionary divergence for Beringian and Northern North American populations // Am. J. Hum. Genet. V.53.

Torroni A., Schurr T.G., Yang C.C. Szathmary E.J.E., Williams R.C., Schanfield M.S., Troup G.A., et. al, 1992. Native American mitochondrial DNA analysis indicates that the Amerind and the Nadene populations were founded by two independent migrations // Genetics. V. 130.

Torroni A., Lott M.T., Cfbell M.F. et al, 1994. MtDNA and origin of Caucasians: identification of ancient caucasian-specific haplogrups, one of which is prone to a recurrent somatic duplication in the D-loop region // Am. J. Hum. Genet. V.55.

Torroni A., Sukernik R.I., Shurr T.G., Starikovskaya Y.B., Cabell M.F., Crawford M.H., Comuzzie A.G., Wallece D.C., 1993. MtDNA variation of aboriginal siberians reveals distinct genetic affinities with native americans // Am. J. Hum. Genet. V.53.

Torroni A., Schurr T.G., Cabell M.F., Brown M.D., Neel J.V., Larsen M., Smith D.G., et. al, 1993. Asian affinities and continental rediation of the four founding Nativa American mitochondrial DNAs // Am. J. Hum. Genet. V.53.

Wallace D.C., Garrison K., Knowler W.C., 1985. Dramatic founder effects in Amerindian mitochondrial DNAs // Amer. J. Phys. Anthropol. 68.

Wang Lin Shan, Wang Bo, 1997. China's cultural relicts of Grassland in Altay Urumchi (на китайском яз.).

Н.В.ПОЛОСЬМАК

БАЛЬЗАМИРОВАНИЕ У ПАЗЫРЫКЦЕВ УКОКА

О том, что традиция сохранения тел умерших распространялась не только на представителей высших слоев пазырыкского общества, а и на знать среднего ранга и рядовых воинов-всадников, стало известно после того, как в 1993 г. на Укоке было открыто забальзамированное тело молодой женщины (Полосьмак Н.В., 1996, с.142-168), а в 1995 г. — мужчины (Молодин В.И., 1995, с.87-89).

Всестороннее изучение мумий позволило составить довольно точное представление о способах сохранения тел, практиковавшихся у пазырыкцев Укока1. В исследовании мумифицированных тел принимали участие д.м.н. В.Л.Козельцев (ВИЛАР, Москва), главный ассистент Института судебной медицины Цюрих-Ирхенского Университета, доктор Р.Хаури-Бионда, д.х.н. В.В.Малахов (Институт катализа им. Г.К.Борескова СО РАН), н.с. В.Г.Степанов (Институт биоорганической химии СО РАН), специалист по анатомии дерева В.Шох (Федеральный институт леса, снега и ландшафта, г.Бирменсдорф, Швейцария).

Термин «бальзамирование» происходит от латинского слова «balsamum» и означал первоначально «сохранение в бальзаме» (Фингарет С.И., 1970, с.56). Бальзамы — природные вещества, в состав которых входят эфирные масла и растворенные в них смолы, ароматические и другие соединения. Они образуются главным образом в субтропических и тропических растениях (Словарь античности, 1989, с.70). Бальзамирование, таким образом, — это пропитывание тканей трупа веществами, препятствующими их разложению (СЭС, 1984, с.106). В этом значении термин «бальзамирование» используется мною применительно к пазырыкским мумиям. В Древнем Египте и других странах Востока для бальзамирования применяли бальзамы. Пазырыкцы Укока использовали для этих целей другие вещества, речь о которых пойдет ниже, но от этого суть самого явления не менялась.

Как известно, все пазырыкские мумии обнаружены в древнем льду «замерзших» могил. Это обстоятельство, а не далекие от совершенства приемы пазырыкского бальзамирования, стало главным условием их сохранности. Если бы в погребении с «замерзшей» могилой оказалась не бальзамированная мумия, а просто тело умершего, то и оно, при удачном стечении обстоятельств, могло сохраниться также хорошо. Лед и холод — прекрасные консерванты, чему есть не мало примеров: сохранение туш мамонтов, тел людей, например, т. н. Ice Man в Альпах (5 тыс. лет) (Der mann im eis, 1992), Ice maiden — перуанской девочки в Андах (культура инков, 500 лет назад) (Reinhard J., 1997, p.4), князя Меньшикова, чей гроб был вскрыт через сто лет после захоронения в Березово (Рязанцев С., 1994, с.164) и др.

В то же время, великолетнее состояние пазырыкских мумий к моменту их нахождения (после ~ 2,5 тыс. лет, проведенных во льду) свидетельствует о том, что население Алтая владело приемами и средствами, использование которых позволяло сохранять тела умерших в хорошем состоянии довольно длительное время, предшествующее моменту погребения. Как свидетельствуют открытия на Укоке, в среде пазырыкцев широко практиковалась искусственная мумификация тел умерших, охватывающая, вероятно, основную часть населения. Но сохранились только те из них, чьи мумии волею обстоятельств оказались замороженными. При этом изощренность методов бальзамирования не имела значения, ведь не сохранялись мумии не только рядовых пазырыкцев, для консервации тел которых применялась лишь одна операция по извлечению внутренних органов из грудной и брюшной полостей, но и мумии высокопоставленных мертвецов, оказавшиеся в незаполненных льдом погребальных камерах. Последний пример — раскопки казахскими и французскими археологами большого кургана на Берели, в котором сохранность костей знатных умерших оставляет желать лучшего (Francfort H.-P., 1995, p.44,57).

Время погребения (сезон) так же не влияло на сохранность пазырыкских мумий. Так, по данным В.Шоха, погребение женщины в кургане 1 могильника Ак-Алаха 3 было совершено в середине июня. Об этом свидетельствует последний корм одной из лошадей, обнаруженных в этом погребении, который состоял из ветвей, у которых на годовых кольцах уже имелись новые клеточные образования, характерные для этого периода времени. Из анализа пыльцы также следует, что захоронение происходило в природно-климатических условиях, сходных с весенним периодом алтайского высокогорья.

Для того, чтобы мумия женщины дошла до нас в том состоянии, в котором мы ее увидели и сохраняем сейчас, уже в следующую зиму (первую после похорон) должно было произойти полное и окончательное замораживание тела. Судя по его сохранности, как считают патологоанатомы, замороженное состояние тела было постоянным, периодическое замораживание и оттаивание исключаются. Действительно, впервые в истории изучения «замерзших» могил пазырыкцев на

Укоке были обнаружены непотревоженные погребальные камеры, полностью заполненные льдом, образовавшимся вследствие достаточно быстрого наполнения могильных ям водой, причем на Укоке — это почвенные воды. Глубина могильных ям в курганах знати (около 3 метров) соответствовала среднему уровню многолетнемерзлых пород в этих местах, которые, по оценке геологов, имеют не сплошное, а прерывистое распространение (Чайко А.В., 1994, с.10). В самый разгар лета на этой глубине мы натыкались на непробиваемый, промерзший до состояния камня, грунт. Прорвавшиеся в могильную яму грунтовые воды, заполнив деревянную погребальную камеру, попадали в своего рода природный «холодильник», где замерзали, возможно, еще до наступления зимы. Нет сомнения, что пазырыкцам Укока были знакомы проявления и свойства мерзлоты, они хорошо представляли способность холода и льда предотвращать процессы гниения и разложения, поскольку в условиях высокогорного плато Горного Алтая эти знания являлись частью их повседневного жизненного опыта.

При появлении мумии женщины из льда, заполнившего колоду, удивила хорошая сохранность ее не скрытых одеждой кистей рук и обнажившегося левого плеча с синей татуировкой, ясно видной на светлой коже. По первому впечатлению от особенностей сохранности мумии речь может идти о предварительном (предшествующем захоронении) просушивании тела женщины. Однако, как известно, при долговременном воздушном просушивании кожа обнаруживает отчетливую усадку, на ней появляются морщины и она приобретает коричневую окраску. К моменту открытия колоды все эти признаки на теле женщины отсутствовали. Вероятно, тело просушивали, часто и осторожно вытирая и сохраняя все время сухим, как это делали со своими мумиями алеуты (Лафлин У.С., 1981, с.35), но не высушивали, такой цели не ставилось. До похорон мумия хранилась в прохладном, сухом месте, вероятно, приспособленном для этих целей зимнике.

При дальнейшем изучении мумии оказалось, что степень сохранности разных участков тела женщины неодинакова. Кожа лица, груди, брюшной стенки были в очень плохом состоянии. Кожа лица отсутствует почти полностью, кроме остатков в области правого виска вплоть до скулового изгиба и некоторых фрагментов кожи, обнаруженных в области верхней челюсти. На затылке имеется отверстие диаметром 4-5 см с неровными краями, проделанное для извлечения мозга. На внутренней части черепа не было обнаружено никаких царапин, которые могли остаться, если бы для извлечения мозга были использованы острые металлические инструменты (нож, например). Поэтому, вероятнее всего, для этих целей применяли деревянную лопаточку или какое-то иное приспособление, сделанное из дерева. Как было установлено патологоанатомами, тонкие кости между глазницами были пробиты и через образовавшееся отверстие диаметром в 2 см с неровными зазубренными краями, соединяющее носовую и околоносовую полости, возможно, были удалены оба глазных яблока и слизистая оболочка носа и околоносовых пазух. Через искусственно проделанные отверстия освободившиеся полости внутри черепа были заполнены наполнителем: грубым лошадиным волосом, тонкой овечьей шерстью, волокнами растений длиной 1-2 см, тонкими корешками, песчаным и глиноземным материалом. В области рта, прилегающих полостях, носовом отверстии и наружных ушных проходах были обнаружены: вещество, похожее на землю, мелкий песок, корешки и трава. Несмотря на трепанацию и очищение черепа, потеря «лица», т.е. лицевой кожи, произошла еще до захоронения, в процессе хранения мумии. К моменту захоронения мягкие ткани головы были уже значительно подвержены разложению. С чем это связано? С несовершенством бальзамирования и, скорее всего, достаточно долгим хранением.

Есть основания предполагать, что лицо умершей посмертно моделировалось, т.е. было покрыто специальным составом, позволяющим, несмотря на происходящие с лицом посмертные изменения, сохранять портретное сходство до момента захоронения. Об этом могут свидетельствовать обнаруженные в обеих глазницах мелкие комочки вещества типа глинозема, по цвету напоминающего кирпичную крошку, и вещества, более всего похожего на воск. В левой глазнице был найден маленький (примерно 2 мм) кусочек голубого стекла. Предположительно, уже поврежденное, тронутое разложением лицо женщины было обмазано скорее всего глиной с небольшим количеством воска, т.е. тем веществом, остатки которого сохранились в глазницах и, конечно, не могли сохраниться на лицевой части черепа, где вследствие своей незначительности, уже в погребении, были смыты водой. Следы этой своеобразной маски, ее остатки — глина, фиксируются в области лица мумии. Эта версия выглядит правдоподобно еще и потому, что подобным же образом, по свидетельству д.м.н. В.Л.Козельцева, поступают и в настоящее время при временном бальзамировании: наносят массы на основе парафина, имеющего необходимую тональность. Это позволяет «держать» портретное сходство вплоть до нескольких недель.

Из-за сильных изменений и разрушений в области шеи, шейная кожа и органы отсутствуют полностью, в этом месте виден наполнитель — сухая трава, поэтому невозможно дать точный ответ, как происходило препарирование в этой области. Есть следующая гипотеза патологоанатомов: шейные органы, включая мягкие ткани рта, могли быть полностью удалены посредством медиального продольного шейного разреза, через который впоследствии осуществлялась набивка шеи и полости рта. После тщательного изучения мумии патологоанатомами и оценки ими рентгеновских снимков было сделано заключение, что кости черепа вместе с частью шейного позвоночника были отделены от туловища, вероятно, при препарировании тела до его захоронения.

В отличие от пазырыкских мумий «царственных» мертвецов, никаких разрезов или швов на спине мумии женщины обнаружено не было. Наиболее вероятной, по мнению патологоанатомов, была вентральная препарация тела женщины, т.к., помимо всех внутренних органов, были удалены ребра в хрящевых частях и грудина. Грудная, брюшная и тазовая области были наполнены веществом, визуально напомнившим патологоанатомам торф, в котором прослеживались тонкие корешки растений.

Левая рука, помимо искусственного повреждения в области сустава кисти, цела и довольно хорошо сохранилась. В области повреждения виден наполнительный материал (тонкие корешки, трава), шва не видно. От правой руки в мумифицированном виде сохранились только часть предплечья и ладонь. Правая плечевая, лучевая и локтевая кости лежали рядом с туловищем. Под правой плечевой костью были обнаружены тонкие шерстяные волокна, а под правым предплечьем лежало немного сухой травы и вещества похожего на землю — все это следы наполнителя. Все органические составные (шерсть, волосы, трава, корешки) являлись включениями в вещество черного цвета, напоминающее визуально по консистенции торф, а в высохшем виде — черную землю. На левой стороне тела женщины сохранилась грудь, реконструированная при помощи набивки этим материалом при мумификации.

Обе ноги выглядят неповрежденными. Они, так же как и спина, не были препарированы и хорошо сохранились. По свидетельству В.Л.Козельцева, на ногах женщины есть следы покрытия кожи какой-то смолоподобной массой. Видимо, отдельные участки кожи мумии все-таки были защищены от разрушения искусственно нанесенный покрытием. Есть аналогия с современным бальзамированием, при котором как у нас, так и за рубежом, кожу предохраняют от высыхания путем нанесения вазелина, масел, специальных масс.

Рентгеновские снимки показали, что суставы у женщины не имеют следов изношенности или артрозных изменений. Последние очень характерны для пазырыкцев Укока, у большинства из которых фиксируется тотальное поражение костной ткани патологическими процессами, предопределеннос, как полагают, микроклиматом Укока, социально-бытовыми, профессиональными и эндокринными условиями данной популяции (Молодин В.И. и др., 1998, с.312). По имеющимся материалам у молодой женщины не диагностируются никакие заболевания: суставы и позвоночник не имеют патологических отклонений, все внутренние органы отсутствуют по причине препарации, поэтому по поводу их состояния ничего сказать нельзя, зубы здоровые. Единственным распознаваемым отклонениям является отсутствие верхних премоляров, утраченных при жизни. Потеря здоровых зубов в молодом возрасте могла быть искусственно нанесенным увечьем, связанным с особым социальным статусом женщины, который подчеркивался и татуировкой на ее руках. Интересно, что подобным же образом отмечали вхождение в брачный возраст у тулаоманъ (одного из тайских народов, населявших крайний северо-восток Юньнани). Автор XIV в. так характеризует особенность их культуры: «К 14-15 годам юноши и девушки выбивают себе справа и слева два зуба, после чего могут вступать в брак...» (Крюков М.В. и др., 1987, с.80).

Уже у патологоанатомов, изучавших тело женщины, сложилось впечатление, что тщательно препарировались и реконструировались только видимые части тела (не прикрытые одеждой голова, шея и покрытые татуировкой руки), моделировалась грудь. О брюшной полости заботились мало. Это предположение нашло подтверждение после того, как была открыта мумия мужчины в кургане 3 могильника Верх-Кальджин 2, у которого вскрытая брюшная полость была очищена от внутренних органов и, вероятно, обработана каким-то веществом, но ничем не заполнена, т.е. объем тела в этой части не восстанавливался. В этом не было необходимости, поскольку мумия мужчины была одета в широкую меховую шубу, скрадывающую объемы и контуры тела. Как и все охотники и скотоводы, пазырыкцы обладали знаниями в сравнительной анатомии, что помогало им легко справляться с препарированием тел умерших. В традиционных культурах препарирование тела умерших нередко было обязательным и никак не связывалось с мумификацией. Так, например, у чукчей вскрывали труп человека, умершего от болезни, чтобы рассмотреть внутренности и таким образом установить, какие из них были съедены вредоносным существом (кэм) (Вдовин И.С., 1976, с.247). У тузем-цев Габона было принято проводить обряд вскрытия для того, чтобы узнать, кто «съел душу покойного» или какие другие души «съел» сам покойник (Леви-Брюль Л., 1994, с.498). Возможно, что и у пазырыкцев препарирование всех умерших преследовало, в том числе, подобные цели.

Бальзамирование тела женщины по своей методике более всего напоминает современным бальзамировщикам изготовление чучела (животного или птицы), для набивки которого также применяют сухие гигроскопические вещества (сухую траву, шерсть и т.п.). Уже при первом осмотре мумии было сделано предположение о том, что набивка трупа различными органическими наполнителями, вероятно, выполнялась, прежде всего, с реконструктивными целями. Разумеется, удаление внутренних органов сразу после смерти препятствовало естественному разложению тела, но замена их веществами не обладающими ни антисептическими, ни консервирующими свойствами не способствовала его сохранности.

Рассмотрим, что за состав наполнял освободившиеся полости тела мумии. Прежде всего, это заметные и легкоопределяемые тонкая овечья шерсть и конский волос, затем трава и корешки растений. И то и другое местного, укокского происхождения, эта же трава и сейчас растет вокруг пазырыкских курганов. Тонкие корешки растений и трава в набивке мумии могли символизировать непрерывность жизни. Среди

универсалий культуры существует представление о бессмертной жизни растений, «потому что корень остается в земле и растение вечно может поддерживать свое бытие» (в представлениях телеутов — Функ Д.А., 1997, с.204). Кроме того, посредством корней прослеживается связь растений с миром мертвых (например, в древнеяпонской культуре обиталище мертвых Нэнокуни означает «страна корней») (Ермакова Л.М., 1995, с.216). Конский волос может являться остатками ниток, которыми зашивались разрезы, сделанные при препарировании на теле женщины. Что касается овечьей шерсти, то, как известно, в традиционной культуре скотоводческих народов магическая символика шерсти связана, главным образом, с плодородием и богатством. Учитывая также ее огромную роль в системе жизнеобеспечения населения Горного Алтая скифского времени, набивка мумии, в числе других компонентов, шерстью овец выглядит вполне закономерно.

Вещество, похожее на торф и землю, взятое из области грудной клетки мумии, было проанализировано В.Г.Степановым. По его данным, в веществе также обнаружены конский волос, растительные остатки и песок, которые составляли не более 10% объема образца. Основным компонентом образца является мелкодисперсный пластичный материал светло-коричневого цвета без видимой внутренней структурированности. Часть материала карбонизирована, что придавало исходному образцу почти черный цвет. Не карбонизированные частицы этого вещества были отобраны вручную под микроскопом, объединены и подвергнуты кислотному гидролизу. На основании данных анализа В.Г.Степанов сделал предположение о том, что т.н. светло-коричневый пластичный материал является тканью внутренних органов (не мышечной!). Как нам представляется, эти данные могут послужить ответом на вопрос — куда же делись внутренние органы, изъятые из тела женщины? Хорошо известно, как тщательно египтяне бальзамировали и хранили в специальных сосудах (канопах), захораниваемых вместе с умершим, внутренние органы мумий. Внутренние органы великих тибетских лам при мумификации помещали в герметично закрываемые кувшины. Судя по результату анализа, внутренние органы знатных пазырыкцев могли после их преобразования в однородную массу вместе с другими веществами возвращаться в качестве наполнителя внутрь мумии. Таким образом, из имеющихся на сегодняшний день материалов следует, что наполнители пазырыкских мумий Укока не были случайным набором ингредиентов и, хотя не обладали антисептическими и консервирующими свойствами, несли не менее важную для пазырыкцев смысловую нагрузку, а их сочетание было символичным.

Возникает другой вопрос, что же послужило консервантом, позволяющим, как установлено патолого-анатомами, долгое время, возможно, до трех месяцев, хранить мумию женщины, прежде чем предать ее земле. Интересные данные получены при исследовании фрагмента кожи мумии методом рентгеноспектрального микрозондового анализа: среди неорганических компонентов кожи обнаружено присутствие ртути. Это признак использования соединений ртути для бальзамирования или же для лечения. Маловероятна другая возможная причина присутствия ртути — сорбция ее из воды, затопившей захоронение, поскольку ртуть не обнаружена в других объектах, прежде всего, в веществе тщательно проанализированного головного убора — парика. Наличие ртути на коже мумии женщины может быть связано с процессом обработки тела с целью его сохранения. Антисептические свойства ртути и ее соединений известны и используются давно. В рецепте бальзамирования скифских царей (по Геродоту) ртуть не упоминается, как впрочем не применялась она и египетскими бальзамировщиками. Зато у ближайших соседей пазырыкцев — населения древних государств Китая, ртуть или ее основной минерал — киноварь использовались для создания «эликсира бессмертия». Вера в бессмертных в Китае к середине I тыс. до н.э. контаминируется с независимо возникшим представлением о возможности обретения телесного бессмертия и бесконечного продления жизни через употребление различных снадобий, главные из которых содержат ртуть либо киноварь (Торчинов Е., 1993, с.79). Как известно, культ тела умершего получил широкое распространение в древнем Китае. Поразительным примером сохранности мумифицированных тел являются погребения женщины из могильника Мавадуй 1 и мужчины в Фэнхуаншань 168 (начало II в. до н.э.) (Крюков М.В. и др., 1983, с.260; Brothwell D., 1991, p.110,111). Есть какие-то неясные упоминания об использовании ртути для сохранения этих тел. В частности, говорится о том, что тело женщины было частично погружено в раствор, содержащий соединения ртути (Чанша Мавадуй..., 1980, с.215-225).

Древние китайцы знали способы добычи ртути из киновари. Вероятно, это не было секретом и для пазырыкцев. Установлено, что они употребляли киноварь в качестве минерального красителя для окраски деревянных и кожаных вещей (Руденко С.И., 1953, с.248,249). Крупнейшее месторождение киновари известно не так далеко от Укока, в районе нынешнего Акташа. Сейчас появились данные, позволяющие предположить, что пазырыкцы могли использовать ртуть для выделения золота из природных руд и изготовления золотой фольги. Кажется вероятным, что у пазырыкцев Укока использовался свой вариант бальзамирования, с применением ртути в качестве консерванта, отличающийся от всего что мы знали ранее по письменным источникам или по находкам мумий, как в ближайшем к ним районе (имеются в виду многочисленные мумии Синьцзяна), так и в отдаленных регионах. Возможно, что этот вариант бальзамирования связан с культурой государств древнего Китая, где процветала в это время наука о бессмертии — алхимия, в которой ртути и ее главному минералу киновари отводилась основная роль.

Следует отметить, что по данным Л.Л.Барковой[2], полученным при недавнем изучении мумий из Второго и Пятого Пазырыкских курганов, на их телах и головах обнаружены следы смол и воска, причем смолы расшифровываются как даммара (смола некоторых тропических деревьев) (СИС, 1979, с.147) и шеллак (смола, выделяемая насекомыми — лаковыми червецами, обитающими на побегах некоторых тропических растений) (СИС, 1979, с.562). Т.е. для сохранения «царственных» мертвецов использовались, вероятно, настоящие бальзамы с входящими в их состав смолами, привезенные издалека. И вся традиция «царского» пазырыкского бальзамирования имеет переднеазиатские корни, так же как и скифская (Каменецкий И.С., 1995, с.68-76). Тогда как у тех, чей ранг был ниже и кто жил ближе к границам непосредственного влияния китайской цивилизации, для сохранения тела использовались другие, более доступные средства, заменившие бальзамы.

Причины бальзамирования у пазырыкцев. С.И.Руденко считал, что бальзамирование тел пазырыкских вождей и сопровождавших их женщин производилось для того, чтобы сохранить тела с момента смерти до момента погребения, а этот срок мог быть достаточно длинным (1959, с.326)[3]. О бальзамировании, предпринятом для сохранения тела на время далекого путешествия (из Египта в Ханаан), предшествовавшего погребению, упоминает Библия: после кончины Иакова «повелел Иосиф слугам своим — врачам — бальзамировать отца его и врачи набальзамировали Израиля. И исполнилось ему сорок дней, ибо столько дней употребляется на бальзамирование...» (Бойд Р.Т., 1991, с.119). Тело самого Иосифа по его завещанию тоже было бальзамировано и оставалось в сохранности долгое время, пока Моисей не перенес его в землю обетованную (Бойд Р.Т., 1991). Конечно, бесспорный факт длительного прощания с умершим не мог быть единственной причиной обычая бальзамирования у пазырыкцев. Он может объяснить необходимость бальзамирования с точки зрения здравого смысла. Но существовали и другие причины, делавшие бальзамирование необходимой частью погребального обряда пазырыкцев. Ритуал бальзамирования должен был иметь какие-то идеологические обоснования, выраженные, вероятно, в форме мифа. Так, в Древнем Египте существовало известное всем мистическое представление о том, что расчленение бога обуславливает его возрождение (миф об Осирисе) и что уподобление человека богу есть залог его воскресения (см. напр.: Перепелкин Ю.Я., 1988, с.381,382). Из этого следовало, что разъятие тела, а затем его сложение означало возобновление жизни, палингенесию (Иванов Вяч., 1994, с.183,184).

«Есть все основания полагать, — писал У.Бадж, что люди додинастической эпохи верили, что умершие возрождаются к жизни в тех же самых телах, которыми они обладали на земле, т.е. верили в материальное воскресение» (1995, с.40). Но уже в династическую эпоху бальзамирование тел умерших осуществлялось потому, что «в материальном теле растет и развивается духовное тело» (Бадж У., 1995, с.41). «Египтяне желали (по крайней мере, это представляется весьма вероятным), чтобы их духовное тело имело форму сходную с формой их физического тела» (Бадж У., 1996, с.143). У древних иранцев, по мнению М.Бойс, «вместе с надеждой, что существует вероятность достичь рая, развивалась вера в восстановление тела. Очевидно, невозможно было помышлять о том, что только душа могла испытывать небесные радости» (Бойс М., 1988, с.23). Вероятно, только в привычной форме их собственного физического тела представляли свое посмертное существование и пазырыкцы. В традиционных культурах само тело человека нередко наделялось сверхъестественными свойствами. Одним из ярких примеров этого являются мумии в культуре алеутов Алеутских островов. Их исследователь У.С.Лафлин пишет: «До тех пор пока тело оставалось неповрежденным, оно продолжало быть членом родной общины и было потенциально опасно для любого человека, который убил его. По представлениям алеутов, части неповрежденной мумии или жир с ее поверхности содержат силу: напротив, расчлененные тела теряют силу и могут безнаказанно оскорбляться... расчленение с целью рассеять силу, заключенную в теле, было прямо противоположно обычаю мумификации...» (1981, с.38). Эти сведения получены У.С.Лафлином от самих алеутов, из их мифов, сказок и легенд. Обычай изготовления мумий у алеутов предположительно появился и существовал сравнительно недавно, в XVIII в., поэтому еще остались в памяти местного населения объяснения причин мумификации и целый ряд мировоззренческих представлений с ней связанных (Лафлин У.С., 1981, с.33-44).

Судя по материалам пазырыкских курганов и учитывая исторические параллели обряду бальзамирования, можно предположить, что у населения Горного Алтая скифского времени существовали представления о том, что посмертная судьба человека неразрывно связана с состоянием и судьбой его тела, что могло явиться одной из главных причин практиковавшегося пазырыкцами на всем протяжении существования их культуры обряда бальзамирования.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Так как опыт изучения пазырыкских мумий показывает, что способы бальзамирования, применяемые населением Алтая, были очень разнообразны и отличались не только в связи с социальным статусом умерших, но и в зависимости от ряда других, в том числе и неизвестных нам пока причин и обстоятельств, переносить данные о бальзамировании пазырыкцев на Укоке на все население Горного Алтая скифского времени представляется не корректным.

[2] Хочу поблагодарить Л.Л.Баркову и И.И.Гофмана за возможность ознакомиться с еще не опубликованной статьей.

[3] Давно установлено и подтверждается последними исследованиями, что у пазырыкцев было принято совершать погребения в т.н. переходные периоды — весенние и осенние месяцы, связанные с неустойчивым состоянием Природы. Умерших зимой — хоронили весной, а тех, кто умер летом — осенью. О причинах такого довольно распространенного обычая написано достаточно много, что позволяет нам не повторяться, а сослаться на работы С.И.Руденко, А.В.Головнева, Э.Л.Львовой, И.В.Октябрьской, А.М.Сагалаева, М.С.Усмановой и других исследователей.

ЛИТЕРАТУРА

Бадж У., 1995. Путешествие души в царстве мертвых. Египетская книга мертвых. М.

Бадж У., 1996. Египетская религия. Египетская магия. М.

Баркова Л.Л., Гофман И.И. Еще раз о мумиях человека из Пазырыкских курганов (в печати).

Бойд Р.Т., 1991. Курганы. Гробницы. Сокровища. Иллюстрированное введение в библейскую археологию. Чехословакия.

Бойс М., 1988. Зороастрийцы. Верования и обычаи. М.

Вдовин И.С., 1976. Природа и человек в религиозных представлениях чукчей // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. Л.

Ермакова Л.М., 1995. Речи богов и песни людей. М.

Иванов Вяч., 1994. Дионис и прадионисийство. СПб.

Каменецкий И.С., 1995. О бальзамировании умерших царей у скифов // Историко-археологический альманах. Вып.1. Армавир-М.

Крюков М.В., Переломов Л.С., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н., 1983. Древние китайцы в эпоху централизованных империй. М.

Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В., 1987. Этническая история китайцев на рубеже средневековья и нового времени. М.

Лафлин У.С., 1981. Алеутские мумии: их значение для исследования продолжительности жизни и изучения культуры // Традиционные культуры Северной Сибири и Северной Америки. М.

Леви-Брюль Л., 1994. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М.

Молодин В.И., 1995. Укок-1995 — новые находки и открытия // III годовая итоговая сессия Института археологии и этнографии СО РАН, ноябрь 1995. Новосибирск.

Молодин В.И., Ромащенко А.Г., Воевода М.И., Ситникова В.В., Чикишева Т.А., 1998. Палеогенетический анализ генофонда населения Сибири // Интеграционные программы фундаментальных исследований. Новосибирск.

Перепелкин Ю.Я., 1988. Старое Царство (большая часть III тыс. до н.э. — III-VIII династии) // История Древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Часть вторая. Передняя Азия. Египет. М.

Полосьмак Н.В., 1996. Погребение знатной пазырыкской женщины // ВДИ. № 4.

Руденко С.И., 1953. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.-Л.

Рязанцев С., 1994. Танатология (учение о смерти). СПб.

Словарь античности, 1989. М.

Словарь иностранных слов, 1986. М.

Советский энциклопедический словарь, 1984. М.

Торчинов Е., 1993. Даосизм. СПб.

Фингарет С.И., 1970. Искусство Древнего Египта в собрании Эрмитажа. Л.

Функ Д.А., 1997. Телеутское шаманство. М.

Чайко А.В., 1994. Геоморфология Бертекской котловины и ее горного обрамления // Древние культуры Бертекской долины. Новосибирск.

Чанша Мавандуй чхас ханьму гуши яньцзю (Изучение древней мумии из могилы 1 в Мавандуй. г.Чанша), 1980. Пекин

Brothwell D., 1986. The Bog Man and the Archaeology of People. British Museum Publications. London.

Der mann im eis, 1992. Eigenverlag der Universität Innsbruck. Printed in Austria.

Francfort H.-P., 1999. The Frozen Mausoleum of the Scythian Prince // Ligabue Magazine, Take Percue Venise, Numero 35.

Reinhard J., 1997. Discovery of a Lifetime // The Rolex Awards for Enterprise Journal, № 51. Geneva.

Л.Т.ЯБЛОНСКИЙ

О ПРОИСХОЖДЕНИИ СКИФСКОЙ КУЛЬТУРЫ ПРИЧЕРНОМОРЬЯ ПО ДАННЫМ СОВРЕМЕННОЙ ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИИ

После работ М.И.Ростовцева (1918), В.А.Городцова (1928), О.А.Кривцовой-Граковой (1948) в отечественной археологии сформировалась концепция о происхождении скифской культуры Причерноморья на основе местных популяций срубного типа. Геродотовы киммерийцы отождествлялись при этом с носителями катакомбной археологической культуры. С некоторыми вариациями эта концепция нашла отражение в трудах М.И.Артамонова (1950), Б.Н.Гракова и А.И.Мелюковой (1954). И позже Б.Н.Граков последовательно отстаивал точку зрения, согласно которой носители срубной культуры вытеснили «катакомбников», что и обусловило, в конечном счете, формирование на территории Северного Причерноморья классической скифской культуры в VII в. до н.э. (Граков Б.Н., 1971, с.23-26).

Не остались в стороне от решения проблемы происхождения причерноморских скифов и палеоантропологи. Еще А.П.Богданов (1880) отмечал длинноголовость скифов, захороненных на территории Украины. Г.Ф.Дебец (1948), отметив наличие брахикранного компоненте у населения Украины скифского времени, полагал, тем не менее, что происхождение скифов Причерноморья было связано с местными культурами эпохи бронзы. Это утверждение было сделано на немногочисленном и, к тому же, плохо датированном палеоантропологическом материале, но в последствие оно нашло подтверждение в работе Т.С.Кондукторовой (1972), которая, использовав уже значительные по объему скифские выборки и применив методы статистического сопоставления, показала наибольшее краниологического сходство скифов Причерноморья и Поднепровья именно со срубным населением западного ареала степи.

Казалось, таким образом, что и археологические, и антропологические данные в полной согласованности и совершенно определенно свидетельствуют об автохтонном происхождении скифов.

Подход к проблеме изменился после того, как А.И.Тереножкин (1976) окончательно сформулировал гипотезу о центральноазиатском происхождении скифской культуры Северного Причерноморья. Открытие кургана Аржан и глубокие датировки, предложенные М.П.Грязновым (1980) для этого памятника скифской эпохи Центральной Азии, поддерживали гипотезу А.И.Тереножкина, которая нашла многочисленных сторонников как среди украинских, так и среди ленинградских археологов (историографию вопроса см.: Мурзин В.Ю., 1986б; 1990; Членова Н.Л., 1997). Некоторые исследователи, однако, продолжали отстаивать точку зрения М.И.Артамонова и Б.Н.Гракова (например, Лесков А.М., 1981) или говорили о полицентризме происхождения родственных культур ранних кочевников Евразии (Яценко И.В., Раевский Д.С., 1980). К началу 80-х гг. XX столетия археологическая дискуссия о происхождении скифской культуры Причероморья приобрела уже острый характер, что нашло отражение на известной встрече участников специально посвященного этой проблеме круглого стола в редакции журнала «Народы Азии и Африки» (1980 г.).

Еще в 1948 г. Г.Ф.Дебецом (1948, с.21,22) было сформулировано методологически верное представление о том, что специфика антропологических признаков состоит в том, что только они (в отличие от признаков материальной и духовной культуры, языка) с достаточной определенностью могут зафиксировать факт миграции. И Г.Ф.Дебец (1971), и В.П.Алексеев (1961; 1980; 1989; 1993; Мартынов А.И., Алексеев В.П., 1986), неоднократно отмечали исключительное краниологическое сходство населения Причерноморья скифской эпохи с предшествующим срубным, с одной стороны, и резкие антропологические различия этого населения с носителями различных вариантов культур сакского, азиатского мира. На этом основании они отрицали возможность сколько-нибудь масштабных миграций в Северное Причерноморье с Востока.

Диссонансом этому, давно уже устоявшемуся в антропологической науке мнению, прозвучало недавнее выступление А.Г.Козинцева (1998). В результате межгруппового статистического анализа 48 разнородных в хронологическом и культурно-типологическом отношении краниологических серий автор приходит к выводам о том, что скифы Причерноморья (в основном, V-III вв. до н.э.) наибольшее сходство обнаруживают с тувинскими окуневцами (II тыс. до н.э.) и населением, оставившим могильники эпохи бронзы на юге Узбекистана — Джаркутан и Сапаллитепа, а также с тагарцами. Дальнейшее логическое рассуждение А.Г.Козинцева состоит в следующем: носители окуневской культуры Тувы родственны населению Средней Азии, а некоторые популяции эпохи бронзы Средней Азии связаны со скифами как непосредственно, так и благодаря общему среднеазиатскому происхождению. По мысли автора, если скифы пришли в Приднепровье извне, то

их прародина лежит либо на юге Средней Азии, либо в Центральной Азии.

Здесь нельзя не увидеть влияния археологических построений, направленных на попытку научного доказательства версии Геродота о приходе скифов из Азии, теперь уже со стороны данных палеоантропологии.

Однако, истолковывая цифровые результаты компьютерного анализа несколько формально, А.Г.Козинцев отвлекается именно от археологических и палеоантропологических реалий.

А реалии эти состоят в следующем: огромная хронологическая и географическая дистанция между населением Центральной Азии эпохи бронзы и населением Приднепровья середины I тыс. до н.э. уже ставит под сомнение возможность прямых генетических связей между этими антропологическими пластами. И Г.Ф.Дебец, и В.П.Алексеев давно отмечали значительное краниологическое сходство между причерноморскими скифами и тагарцами. По мнению В.П.Алексеева сорокалетней давности (1961, с.253), оно объясняется их вероятным происхождением от единого протоморфного ствола, что нашло отражение не только в сходстве скифов и тагарцев, но в определенной краниологической близости тех и других с афанасьевцами (и окуневцами ? — Л.Я.). Таким образом, морфологическое сходство даже синхронных групп населения само по себе, вне исторического контекста, еще не свидетельствует о линейной генетической преемственности и, тем более, о близкой родственности.

Сложнее объяснить зафиксированное статистикой сходство приднепровских скифов с древним населением Южного Узбекистана. Мне тоже, и с использованием других методов суммарного сопоставления (Penrose L., 1954; Knussann R., 1967) приходилось фиксировать краниологическую близость погребенных в могильнике Джаркутан (но именно на позднейшем, моллалинском этапе существования этого могильника) со срубниками и андроновцами (Яблонский Л.Т., 1996, с.58, рис.36-39).

На рис.1 представлена дендрограмма, полученная по результатам вычисления обобщенных расстояний между некоторыми мужскими краниологическими сериями эпохи бронзы и раннего железа. Она дает наглядное представление о том, что срубники Нижнего Поволжья, скифы Причерноморья, люди, оставившие могильники Джаркутан (Южный Узбекистан) и Тигровая Балка (Таджикистан) действительно демонстрируют большое краниологическое сходство — расстояния между этими сериями не превышают 0,4. В этот же кластер попадают люди из могильника тазабагъябской культуры Южного Приаралья Кокча 3 и одна из раннесакских популяций Присарыкамышья.

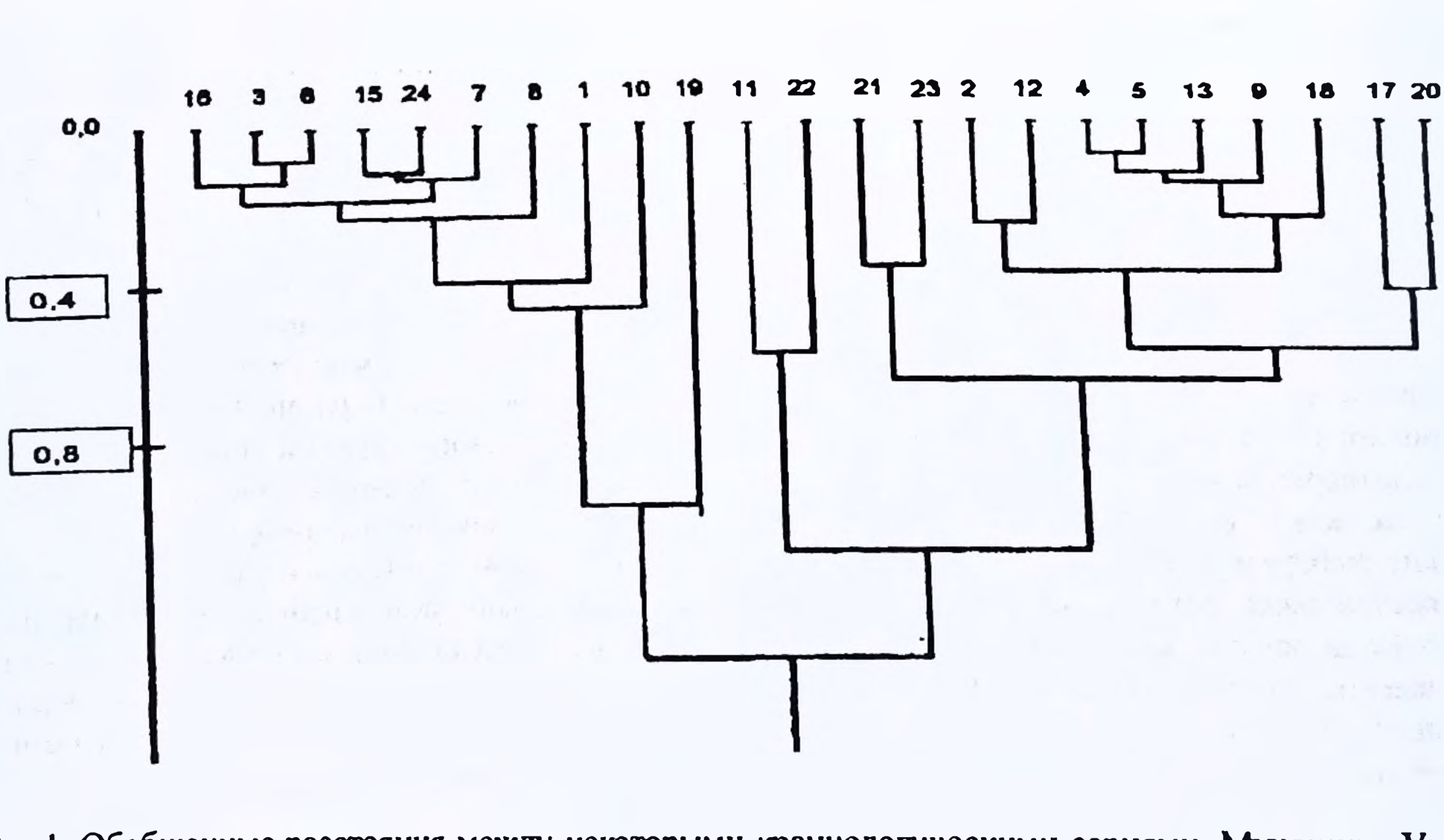


Рис.1. Обобщенные расстояния между некоторыми краниологическими сериями. Мужчины. Условные обозначения: *1* — саки Присарыкамышья (сакар-чагинская группа); *2* — саки Присарыкамышья (тумекская группа); *3* — Улангом, скифское время (Западная Монголия); *4* — тагарская культура; *5* — срубники нижнего Поволжья; *6* — скифы Причерноморья; *7* — савроматская и прохоровская культура Южного Приуралья; *8* — саки Восточного Казахстана; *9* — Тигровая балка, поздняя бронза (Таджикистан); *10* — Южный Тагискен, саки (Нижняя Сырдарья); *11* — Ранний Тулхар, бронза (Таджикистан); *12* — Кокча 3, тазабагъябская культура (Южное Приаралье); *13* — скифы Нижнего Поднепровья; *14* — саки Предгорного Алтая. *15* — саки Северного Казахстана; *16* — саки Тянь-Шаня и Алтая; *17* — Мингечаур, скифское время (Закавказье); *18* — Джаркутан, поздняя бронза (Южный Узбекистан); *19* — Уйгарак, саки (Нижняя Сырдарья); *20* — Елисаветовское городище, скифское время; *21* — Тимаргарха, поздняя бронза (Пакистан); *22* — андроновцы Западного Казахстана; *23* — саки Восточного Памира; *24* — карасукская культура, Минусинская котловина

Табл.1. Краниологические серии, использованные в межгрупповом анализе

№	Могильник, культура, дата	Географическое положение	Авторы публикации
1	Срубная культура, эпоха бронзы	Нижнее Поволжье	Гинзбург, Трофимова, 1972
2	Кокча 3, тазабагъябская культура, эпоха бронзы	Южное Приаралье	Гинзбург, Трофимова, 1972
3	Тигровая Балка и Макони-Мор, эпоха поздней бронзы	Таджикистан	Кияткина, 1976
4	Джаркутан, моллалинский этап, эпоха поздней бронзы	Южный Узбекистан	Алексеев и др., 1984
5	Андроновская, эпоха бронзы	Казакстан (сборная)	Гинзбург, Трофимова, 1972
6	Андроновская, эпоха бронзы	Минусинская котловина	Алексеев, Гохман, 1984
7	Карасукская культура, эпоха поздней бронзы	Средний Енисей	Рыкушина, 1980
8	Скифская, V-III вв. до н.э.	Причерноморье	Кондукторова, 1972
9	Тагарская, раннее железо	Южная Сибирь	Козинцев, 1977
10	Уланғом, V-III вв. до н.э.	Западная Монголия	Мамонова, 1980
15	Саки, раннее железо	Казахстан, сборная	Гинзбург, Трофимова, 1972
16	Южный Тагискен, ранние саки	Нижняя Сырдарья	Итина, Яблонский, 1997
17	Уйгарак, саки, VII-V вв. до н.э.	Нижняя Сырдарья	Итина, Яблонский, 1997
18	Саки, раннее железо	Восточный Памир, сборная	Алексеев, Гохман, 1984
19	Саки, раннее железо	Киргизия, сборная	Тур, 1997
23	Поздний Тулхар, эпоха поздней бронзы	Таджикистан	Кияткина, 1976
24	Кунгурттут, моллалинский этап	Южный Узбекистан	Яблонский (в печати)
25	Сапаллитепа, моллалинский этап	Южный Узбекистан	Ходжайов, 1977
26	Сумбар, эпоха бронзы	Юго-Зап. Туркменистан	Кияткина, 1987
27	Алтын-депе, эпоха бронзы	Южный Туркменистан	Гинзбург, Трофимова, 1972
28	Андроновская, эпоха бронзы	Западный Казахстан	Алексеев, Гохман, 1984
29	Тасты-Бутак, эпоха бронзы	Северный Казахстан	Гинзбург, Трофимова, 1972
30	Андроновская, эпоха бронзы	Восточный Казахстан	Алексеев, Гохман, 1984

Нужно заметить, что упомянутые серии относятся к тому древнему морфологическому варианту, который Г.Ф.Дебец и, вслед за ним, многие другие исследователи называли «протоевропеоидным». В контексте конкретной задачи, поставленной в данной статье, я сейчас преднамеренно оставляю в стороне вопрос о реальной гомогенности этого антропологического подразделения. Обычно в него включают длинноголовых и гиперморфных, низколицых европеоидов с матуризованными черепами.

Авторы специального монографического исследования по палеоантропологии Джаркутана (Алексеев В.П. и др., 1984, с.367) отнесли людей, захороненных в этом могильнике, к кругу местных форм эпохи энеолита и бронзы, то есть к средиземноморскому, по В.В.Гинзбургу и Т.А.Трофимовой (1972) типу. Однако, если внимательно проанализировать цифровые данные, опубликованные самими авторами (табл.21,22 и дендрограмма на с.368), можно заметить, что расстояние по Пенроузу между джаркутанской серией, с одной стороны, срубной и андроновской, с другой, опять же, не превышает цифры 0,4. А это, по принятым в антропологии представлениям, во всяком случае, не дает оснований говорить о существенных различиях между упомянутыми сериями по сумме краниометрических показателей. Из таблицы 27 монографии видно, что расстояние «по фюрме» между джаркутанцами и срубниками выражается цифрой 0,28, а между джаркутанцами и андроновцами Казахстана — 0,35. В связи с этим можно еще упомянуть данные, полученные Г.В.Рыкушиной на одонтологическом материале, которые также свидетельствуют о генетическом родстве населения Джаркутана и некоторых групп эпохи бронзы, имеющих северное, степное происхождение (Андрианов Б.В. и др., 1989, с.136).

Если вернуться теперь к дендрограмме, представленной на рис.1 в этой статье, можно видеть, что некоторые приаральские краниологические материалы эпохи формирования культур сакского типа наибольшее сходство дают с сериями из позднесрубных захоронений, с одной стороны, с черепами из южносреднеазиатских могильников типа Тигровая Балка и Макони-мор, с другой.

Для того, чтобы еще раз убедиться в достоверности этих выводов, мы использовали для межгруппового анализа метод главных компонент (Дерябин В.Е., 1983),

сопоставив на этот раз некоторые женские выборки эпохи бронзы и раннего железа (табл.1). Использовано 11 краниометрических признаков, характеризующих особенности строения мозговой коробки и лицевого скелета черепа, в том числе те из них, которые характеризуют степень уплощенности лицевого скелета: Март. 1, 8, 17, 9, 45, 48 ,54, 52, 77, <Zm, 75(1). Значения главных компонент представлены в таблице 2. Жирным шрифтом в ней выделены значения, абсолютная величина которых превышает 0,5.

Табл.2. Главные компоненты некоторых краниологических серий эпохи бронзы и раннего железа .
Женщины.

Признак (по Мартину)	Векторы - дискриминаторы		
	I	II	III
1	**-0,714**	0,388	-0,292
8	**0,634**	-0,199	**0,499**
17	**-0,496**	-0,094	**0,534**
9	**0,586**	0,339	0,129
45	**0,687**	0,307	-0,361
48	0,217	**0,868**	0,046
54	**0,548**	0,393	-0,167
52	0,400	**0,573**	0,443
77	**0,798**	-0,206	0,125
<Zm	**0,763**	-0,367	-0,254
75(1)	**-0,793**	0,304	0,112
%	39,36	17,41	9,87

Из таблицы 2 видно, что главная компонента I описывает около 40% изменчивости выбранных серий. В выборке присутствуют черепа с тенденцией к мезо- или брахикрании, которая сопровождается у них относительным понижением высоты мозговой коробки от базиона, широким лбом, относительно широким носом, высокими глазницами, тенденцией к гиперморфии и уплощенности лицевого скелета, как в горизонтальной, так и в вертикальной плоскостях. Этому краниологическому комплексу более всего соответствуют женские черепа из Южного Тагискена и Уйгарака, которые, по мнению разных исследователей (Гинзбург В.В., Трофимова Т.А., 1972; Итина М.А., Яблонский Л.Т., 1997), имеют отчетливо выраженную монголоидную примесь, вероятно, центральноазиатского происхождения.

Противоположную группу составляют соответственно черепа, имеющие тенденцию к долихокрании и повышению высоты мозговой коробки, с резко профилированным и относительно гипоморфным лицевым скелетом. С подобным комплексом признаков ассоциируются, прежде всего, женские черепа эпохи бронзы из степной зоны восточного ареала Европейской равнины и скифские.

Главная компонента II описывает свыше 17% общей изменчивости. Здесь основные нагрузки приходятся на размеры верхней высоты лица и высоты глазницы, которые скоррелированы положительно. Весьма вероятно, что эта корреляция носит не исторический, а физиологический характер.

Главная компонента 3 описывает всего около 10% изменчивости и обнаруживает положительную корреляцию между шириной и высотой мозговой коробки, что, опять же, может быть связано с проявлением физиологической связи. Таким образом, именно главная компонента I несет основные нагрузки исторического характера.

Распределение серий в пространстве первых двух главных компонент представлено на рис.2. На графике можно наблюдать три основные скопления. В верхней части поля располагаются серии, в которых заведомо имеется выраженная монголоидная примесь. Это носители карасукской культуры Енисея, саки Киргизии и Казахстана, саки Нижней Сырдарьи (в последних двух сериях уплощенность лицевого скелета выражена максимально и сопровождается большими размерами высоты и ширины лица). Черепа этой же группы имеют явную тенденцию к мезо- или даже брахикрании.

В нижней части поля расположились серии, представляющие долихо- мезокранных людей с резко выраженными признаками большой европеоидной расы — хорошо профилированным, относительно гипоморфным лицевым скелетом и низкими глазницами (Сумбар, Сапаллитепа и Алтын-депе). Генерализованно к этому же скоплению относится серия срубников Нижнего Поволжья, которая обнаруживает наибольшее сходство с выборкой из Джаркутана, Тигровой Балки, андроновцами Западного Казахстана и скифами Причерноморья. Еще одно скопление, расположенное в средней части графика, объединяет серии из Кокчи 3, Улангома, ранних кочевников Приуралья Позднего Тулхара, а также череп из Кунгурттута (Виноградова Н.М., 1978).

Таким образом, хотя и с некоторыми модификациями, принципиально сохраняется та же группировка серий, которая прослежена при сопоставлении мужских черепов другим методом. Новое положение черепов из Кокчи 3 объясняется отмеченной ранее тенденцией к уплощенности лицевого скелета женских черепов по сравнению с мужскими из этого же могильника (Виноградов А.В. и др., 1986, табл.20,21).

В контексте проблемы, затронутой в этой статье, важно еще раз отметить краниологическое сходство некоторых серий эпохи поздней бронзы, происходящих с юга Средней Азии, и степных, а также то обстоятельство, что черепа причерноморских скифов действительно попадают в эту же группу.

Вопрос в том, как интерпретировать это сходство. Конечно же, самое простое решение (как это и делает в своем докладе А.Г.Козинцев) — это признать, что скифы Причерноморья генетически связаны с населением юга Средней Азии. Но на самом деле все обстоит сложнее.

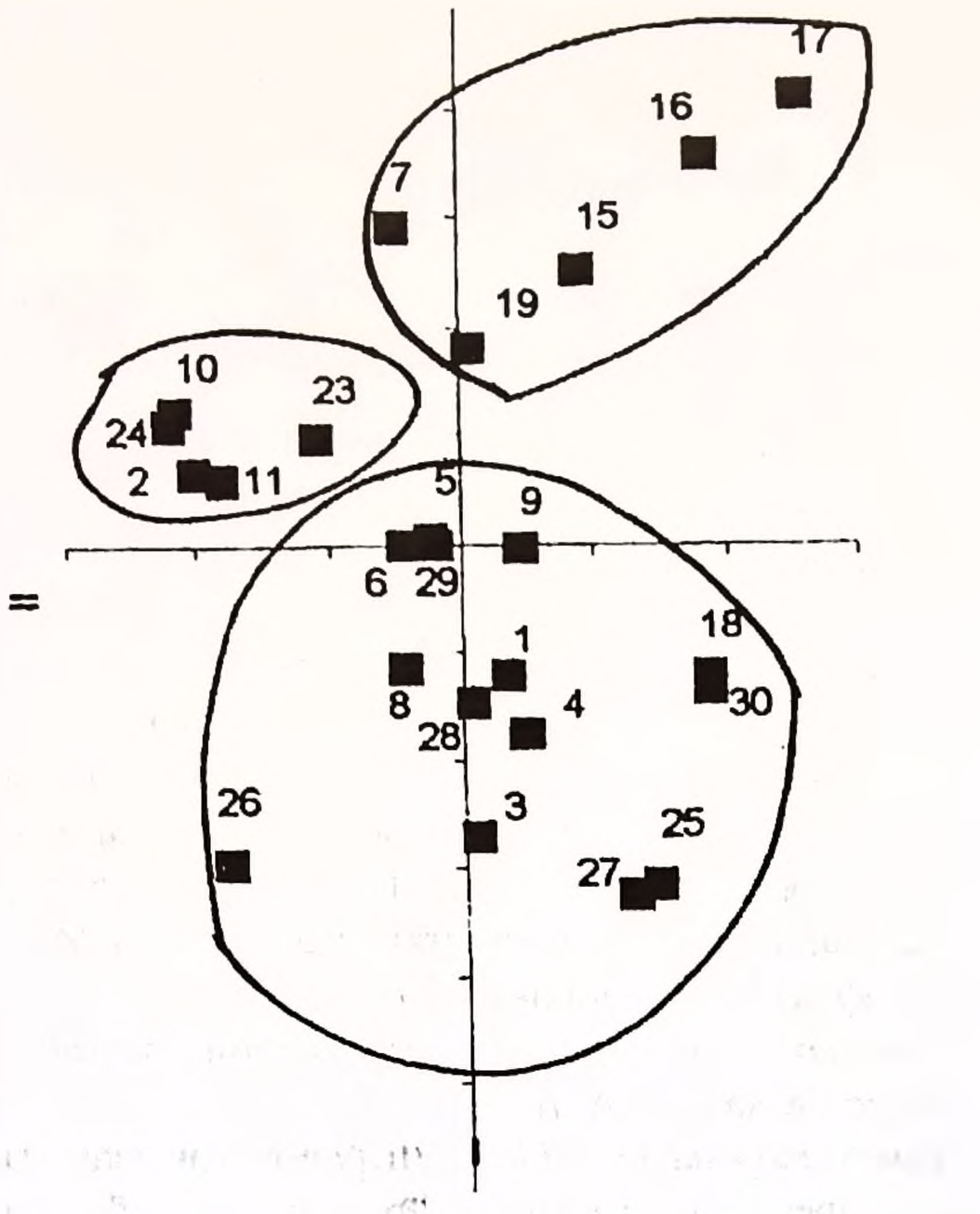


Рис.2. Распределение некоторых серий эпохи бронзы и раннего железа в пространстве первых двух главных компонент. Условные обозначения: 1 — срубники Нижнего Поволжья; 2 — Кокча 3 (тазабагъябская культура); 3 — Тигровая Балка (Таджикистан); 4 — Джаркутан, моллалинский этап (Южный Узбекистан); 5 — андроновцы Казахстана (сборная); 6 — андроновцы Минусинской котловины; 7 — карасукская культура; 8 — скифы Причерноморья; 9 — тагарская культура; 10 — Улангом, скифское время (Западная Монголия); 11 — савроматская эпоха (Южное Приуралье); 15 — саки Казахстана (сборная); 16 — саки Южного Тагискена (Нижняя Сырдарья); 17 — саки Уйгарака (Нижняя Сырдарья); 18 — саки Восточного Памира; 19 — Саки Киргизии (сборная); 23 — Поздний Тулхар (Таджикистан); 24 — Кунгурттут (Южный Узбекистан); 25 — Сапаллитепа, моллалинский этап (Южный Узбекистан); 26 — Сумбар (Южный Туркменистан); 27 — Алтындепе (Южный Туркменистан); 28 — андроновцы Западного Казахстана; 29 — Тасты-Бутак (Северный Казахстан); 30 — андроновцы Восточного Казахстана

Тигровая Балка и Макони-Мор, поздние (моллалинского этапа) захоронения Джаркутана, Сапаллитепа и Кунгурттута — это как раз те комплексы, в которых степной, прежде всего, срубный компонент уже давно фиксируется и археологически (Виноградова Н.М., Кузьмина Е.Е., 1986; Кузьмина Е.Е., 1984; 1986; 1994; Мандельштам А.М., 1966; 1967; 1968; Потемкина Т.М., 1987; Пьянкова Л.Т., 1974; 1987).

Совокупность археологических, палеоантропологических и палеоэкологических данных свидетельствует о вероятности процессов волнообразных миграций степного населения на юг Средней Азии и Казахстана, а также на Кавказ (Козенкова В.И., 1982) в эпоху поздней бронзы. Причем наибольшая активность степных мигрантов приходится именно на время позднейших этапов развития культур бронзового века. Антропологический результат этих миграций выразился в формировании там краниологических вариантов, имеющих северное, степное или смешанное происхождение. Именно эти варианты и обнаруживают более или менее заметное сходство со скифскими краниологическими серями.

В силу волнообразного характера миграций их антропологический результат в различных районах Средней Азии не был одинаковым. Эти процессы нуждаются в специальном освещении, но совершенно очевидно, что они не имеют никакого значения для решения вопроса о прародине скифов Причерноморья, так как мы не располагаем убедительными археологически данными о сюль-нибудь массовых передвижениях населения с территории Средней Азии в Причерноморье в эпоху поздней бронзы и раннего железа. Скорее, речь в данном случае, может идти о конвергентном формировании сходных антропологических типов на основе общих компонентов в предковых пластах, что проявляется и в краниологическом сходстве носителей скифской и тагарской культур.

В период зарождения культур сакского типа на территории Средней Азии и Казахстана, как правило, не отмечается прямой антропологической преемственности между населением эпохи бронзы и раннего железа на локально-региональном уровне. В некоторых районах для этого времени действительно ощущается «восточный импульс» в виде более или менее заметной монголоидной примеси, в том числе на территории Приаралья, то есть в контактной скифо-сакской зоне (Яблонский Л.Т., 1996; 1998). Однако западнее этот импульс теряется.

Правда, нужно иметь в виду, что до сих пор не опубликованы краниологические материалы из могильников скифской культуры Причерноморья и Предкавказья, которые могут уверенно датироваться VII или ранним VI вв. до н.э. В своем устном сообщении на конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Б.Н.Гракова, киевский палеоантрополог С.И.Круц говорила о том, что в ее распоряжении находятся многочисленные палеоантропологические материалы раннескифского времени, но они пока не опубликованы. Нельзя исключить, что будучи введенными в научный оборот, эти материалы изменят наше понимание антропологических процессов, происходивших в причерноморской степи и лесостепи в эпоху формирования здесь культуры скифского типа.

Но на сегодняшний день можно со всей уверенностью говорить о том, что палеоантропологические данные при условии их корректной интерпретации (см., например: Ефимова С.Г., 1999; Яблонский Л.Т.,1999) не опровергают гипотезу Б.Н.Гракова об автохтонном происхождении носителей скифской культуры в Северном Причерноморье.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев В.П., 1961. Палеоантропология Алтае-Саянского нагорья эпохи энеолита и бронзы // Антропологический сборник. III. Тр.Ин-та этнографии. T.LXXI. М.

Алексеев В.П., 1980. Дискуссионные вопросы отечественной скифологии // НАА. № 6.

Алексеев В.П., 1989. Историческая антропология и этногенез. М.

Алексеев В.П., 1993. Несколько слов о «Скифском Евразийском мире» // КСИА. Вып.207.

Алексеев В.П., Гохман И.И., 1984. Антропология Азиатской части СССР. М.

Алексеев В.П., Ходжайов Т.К., Халилов Х., 1984. Население верховьев Амударьи по данным палеоантропологии. Ташкент.

Андрианов Б.В., Наумова О.Б., Хить Г.Л., Яблонский Л.Т., 1989. Всесоюзная научная конференция «Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана» // СЭ. № 2.

Артамонов М.И., 1950. К вопросу о происхождении скифов // ВДИ. № 2.

Богданов А.П., 1880. О могилах скифо-сарматской эпохи в Полтавской губернии и о краниологии скифов // Изв. Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. T.XXXIV. Ч.1. М.

Виноградов А.В., Итина М.А., Яблонский Л.Т., 1986. Древнейшее население низовий Амударьи (археолого-палеоантропологическое исследование) // ТХАЭЭ. T.XV. М.

Виноградова Н.М., 1979. Раскопки земледельческого поселения эпохи бронзы на юге Таджикистана // АО 1978 г. М.

Виноградова Н.М., Кузьмина Е.Е., 1986. Контакты степных и земледельческих племен в Средней Азии в эпоху бронзы // Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур древнего и средневекового Востока. М.

Гинзбург В.В., Трофимова Т.А., 1972. Палеоантропология Средней Азии. М.

Городцов В.А., 1928. К вопросу о киммерийской культуре // ТСА РАНИОН. № 2.

Граков Б.Н., 1971. Скифы. М.

Граков Б.Н., Мелюкова А.И., 1954. Об этнических и культурных различиях в лесостепных областях Европейской части СССР в скифское время // ВССА. М.

Дебец Г.Ф., 1948. Палеоантропология СССР // Тр. Ин-та этнографии АН СССР. Нов. серия. T.IV. М.

Дебец Г.Ф., 1971. О физических типах людей скифского времени // Проблемы скифской археологии (МИА. № 177). М.

Дерябин В.Е., 1983. Многомерная статистика для антропологов. М.

Ефимова С.Г., 1999. Антропологическая дифференциация лесостепных и степных групп Европейской Скифии // Скифы Северного Причерноморья в VII-V вв. до н.э. (проблемы палеоэкологии, антропологии и археологии). Тез. докл. межд. конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Б.Н.Гракова. М.

Итина М.А., Яблонский Л.Т., 1997. Саки Нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен). М.

Кияткина Т.П., 1976. Материалы к палеоантропологии Таджикистана. Душанбе.

Кияткина Т.П., 1987. Палеоантропология Западных районов Центральной Азии эпохи бронзы. Душанбе.

Козинцев А.Г., 1977. Антропологический состав и происхождение населения тагарской культуры. Л.

Козинцев А.Г., 1998. Происхождение и родственные связи скифов по данным антропологии // Скифы. Хазары. Славяне. Древняя Русь. Тез. докл. межд. науч. конференции, посвященной 100-летию со дня рождения проф. М.И.Артамонова. СПб.

Козенкова В.И., 1982. Обряд кремации в кобанской культуре Кавказа // СА. № 3.

Кондукторова Т.С., 1962. Антропологические данные по древнему населению Оренбургской области // ВА. Вып.11.

Кондукторова Т.С., 1972. Антропология древнего населения Украины. М.

Кривцова-Гракова О.А., 1948. Алексеевское поселение и могильник // ТрГИМ. Вып.17.

Кузьмина Е.Е., 1984. Лингвистический и археологический аспекты проблемы происхождения и расселения индоиранских народов // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. Тез. докл. конференции. М.

Кузьмина Е.Е., 1986. Древнейшие скотоводы от Урала до Тянь-Шаня.

Кузьмина Е.Е., 1994. Откуда пришли индоарии? М.

Лесков А.М., 1981. Курганы: находки, проблемы. М.

Мандельштам А.М., 1966. Кочевники на пути в Индию // МИА. № 136.

Мандельштам А.М., 1967. Новые погребения срубного типа в Южной Туркмении // КСИА. Вып.112.

Мандельштам А.М., 1968. Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане // МИА. № 115.

Мамонова Н.Н., 1980. Антропологический тип древнего населения Западной Монголии по данным палеоантропологии // Исследования по палеоантропологии и краниологии СССР. СМАЭ. T.XXXVI.

Мартынов А.М., Алексеев В.П., 1986. История и палеоантропология скифо-сибирского мира. Кемерово.

Мурзин В.Ю., 1986. Некоторые дискуссионные вопросы современного скифоведения // Археология Украинской ССР. Т. 2. Киев.

Мурзин В. Ю., 1990. Происхождение скифов: основные этапы формирования скифского этноса. Киев.

Потемкина Т.М., 1987. К вопросу о миграции на юг степных племен эпохи бронзы // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Тез. докл

советско-французского симпозиума по археологии Центральной Азии и соседних регионов. Алма-Ата.

Пьянкова Л.Т., 1974. Могильник эпохи бронзы Тигровая Балка // СА. № 3.

Пьянкова Л.Т., 1987. К вопросу о семейных и общественных отношениях в эпоху поздней бронзы (по материалам могильников вахшской культуры) // Материальная культура Таджикистана. Вып.4. Душанбе.

Ростовцев М.И. ,1918. Эллинство и иранство на юге России. Пгр.

Рыкушина Г.В., 1980. Население Среднего Енисея в карасукскую эпоху (краниологический очерк) // Палеоантропология Сибири. М.

Тереножкин А.И., 1976. Киммерийцы. Киев.

Тур С.С., 1997. Кочевники Кыргызстана сако-усуньского времени (по материалам палеоантропологического исследования) // Автореф. дис... канд. ист. наук. Барнаул.

Ходжайов Т.К, 1977. Антропологический состав населения эпохи бронзы Сапаллитепа. Ташкент.

Членова Н.Л., 1997. Центральная Азия и скифы. I. Дата кургана Аржан и его место в системе культур скифского мира. М.

Яблонский Л.Т., 1996. Саки Южного Приаралья (археология и антропология могильников). М.

Яблонский Л.Т., 1998. Модель раннего этногенеза в скифо-сакской контактной зоне // РА. № 4.

Яблонский Л.Т., 1999. Еще раз о происхождении скифской культуры Причерноморья по данным антропологии // Скифы Северного Причерноморья в VII-V вв. до н.э. (проблемы палеоэкологии, анропологии и археологии). Тез. докл. межд. конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Б.Н.Гракова.

Яценко И.В., Раевский Д.С., 1980. Дискуссионные проблемы отечественной скифологии. Заключение // НАА. № 6.

Penrose L., 1954. Distance, size and shape // Annals of Eugenics. V. 18. London.

Knussmann R. 1967. Penrose-Abstand und Discriminanzanalyse // Homo. Bd. XVIII. H. 3.

ПАЛЕОЭКОЛОГИЯ ЗАПАДНОЙ ЕВРАЗИИ В СКИФО-САРМАТСКОЕ ВРЕМЯ

Е.Е.АНТИПИНА

ПРОБЛЕМЫ ОБРАБОТКИ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ АРХЕОЗООЛОГИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ ИЗ ПАМЯТНИКОВ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ НА ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Уже к началу 1970-х гг. опубликованный археозоологический материал скифского времени из памятников на территории южных регионов Восточной Европы составил огромный объем*. В.И.Цалкин опубликовал результаты обработки остеологических коллекций не менее чем из 120 памятников того времени разной культурной принадлежности (1960; 1966). Эти материалы включают почти 350 тысяч определимых фрагментов костей животных. Такая солидная база могла бы стать основой для решения многих вопросов, связанных со скотоводческой деятельностью населения эпохи железа. В.И.Цалкин провел статистический анализ этих данных, при этом в качестве основного количественного показателя при подсчете удельного веса видов в выборке он использовал такую оценку как «количество особей». Эта оценка лежит в основе всех его интерпретаций, и традиционно используется археологами для реконструкции особенностей хозяйства эпохи железа. Как показал дальнейший анализ и развитие методических подходов к обработке остеологических коллекций, осуществленные за последние 30 лет, применение в статистической обработке кухонных остатков оценки по особям не адекватно особенностям такого археозоологического материала. Таким образом, основные достоверные обобщения В.И.Цалкину удалось получить только в отношении видового состава и морфологических особенностей животных, мясо которых использовалось в пищу населением Северного Причерноморья в скифское время. В последующих отечественных археозоологических исследованиях материалов железного века из памятников на территории юга Восточной Европы достоверные результаты также касаются лишь видового состава и морфологических особенностей домашних животных (Журавлев О.П., 1981; 1991; Секерская Е.П., 1989).

Существующие варианты реконструкций форм скотоводства и особенностей эксплуатации домашних животных для конкретных памятников железного века Северного Причерноморья, сделанные археологами по опубликованным материалам В.И.Цалкина, характеризуются внутренней противоречивостью и оставляют больше вопросов, чем убедительных ответов на них (Либеров П.Д., 1960; Кругликова И.Т., 1975; Щеглов А.Н., 1978; Моруженко А.А., 1985; Гаврилюк Н.А., 1999 и др.). Главными причинами внутренней противоречивости этих реконструкций являются не только использование для их построений некорректной статистической оценки, но и сложность и неоднозначность информации, отраженной в остеологических материалах, а также методические проблемы ее интерпретации. Привлечь внимание к этим причинам, и наметить возможные пути решения методических проблем археозоологических исследований — такова главная цель данной статьи.

Следует заметить, что уже начиная с 1950-х годов при изучении костей животных на археологических памятниках для подсчета удельного веса видов в остеологической выборке использовались две количественных показателя: «количество костей» и «количество особей»[1] каждого вида, которым могли принадлежать остатки. Исследователи анализировали достоинства и недостатки этих основных оценок, хорошо понимая, что оба этих взаимосвязанных показателя отражают количественное соотношение видов в остеологическом материале лишь приблизительно (Громова В.И., 1948; Горюнова Е.И., 1950; Паавер К.Л., 1958; 1965; Kuhn E., 1938; Boessneck J., 1956; Bökönyi S., 1959; Muller H.-H. и др., 1961). Все они соглашались, что в большинстве случаев оценка по костям сама по себе дает достаточно достоверное представление о составе остеологических коллекций. Вместе с тем, множество факторов — тафономических и археологических, влияющих на структуру остеологических выборок и затрудняющих сравнение материалов из различных памятников, тем более если они обработаны разными авторами, заставляло при интерпретации вводить разного рода поправки и ограничения, а также искать другие более точные оценки.

Для отечественной археологии В.И.Цалкин (1956) попытался обосновать оценку по особям как более точный показатель по сравнению с оценкой по костям. В качестве наиболее существенной причины для введения при статистических расчетах оценки по особям

---

* Работа выполнена в рамках научного проекта РФФИ № 00-06-80409.

он привел утверждение о недооценке значения в экономике Древней Руси средних по размерам животных, прежде всего, домашних (свиньи и мелкого рогатого скота), кости которых по ряду причин сохранялись в культурном слое хуже, чем кости крупных копытных. Действительно, остеологи и археологи уже давно обращают внимание на тот факт, что число обнаруживаемых костей каждого вида не полностью отражает то количество его остатков, которое изначально попадало в культурный слой. Это объясняется тем, что кости разных видов, также как и разные кости скелета могут неодинаково сохраняться в культурных слоях ввиду специфики и условий захоронения и индивидуальных и возрастных особенностей потребляемых животных (Громова В.И., 1948; Цалкин В.И., 1956; Паавер К.Л., 1958; 1965 и др.). Однозначной закономерности в этих различиях установить не удается. Единственное обобщение может быть сделано относительно костей молодых особей, которые сохраняются хуже остатков взрослых не зависимо от их принадлежности крупным или средним по размерам животным. Утверждение В.И.Цалкина о недооценки значения в экономике свиньи и мелкого рогатого скота было сформулировано для поселений лесной полосы Древней Руси, на которых кости средних копытных и происходили в основном как раз от молодых животных (Цалкин В.И., 1956). Очевидно, что оно не применимо к другим памятникам, на которых обнаруживаются прежде всего кости взрослых особей свиньи и мелкого рогатого скота. Однако это утверждение В.И.Цалкина заслуживает внимания, поскольку оно затрагивает вопрос о приблизительности получаемых количественных показателей, и демонстрирует всю сложность интерпретации конечных результатов.

Вместе с тем, понимая приблизительность сравнения остеологических коллекций из разных памятников по особям, В.И.Цалкин придерживался правила публиковать исходные данные о количестве костей всех обнаруживаемых видов. Благодаря такой публикации исходных данных видового определения, остеологические материалы скифского времени показывают несомненное преобладание в системе жизнеобеспечения у населения восточноевропейских степей и лесостепей в тот период производящих форм хозяйства, в частности скотоводства. Достоверные данные В.И.Цалкина, касающиеся определения видового состава животных из памятников Северного Причерноморья эпохи железа, позволили считать для остеологических материалов того времени не существенными методические вопросы, составлявшие главную проблему обработки и интерпретации археозоологических коллекций из памятников предшествующих эпох. Это вопросы достоверности идентификации домашних и диких форм по костным остаткам таких видов как лошадь и свинья, дикие сородичи которых обитали (кабан обитает и сейчас) на значительной части территории Восточной Европы в историческое время. На фоне исторических и археологических данных о существовании в скифское время на рассматривасмой территории уже несомненно домашней лошади все остатки лошадей из поселений того времени считаются принадлежащими уже домашней форме. Такой подход можно считать корректным, потому что, хотя дикие (и/или одичавшие) лошади обитали в степных и лесостепных регионах Восточной Европы, по-видимому, вплоть до средневековья, вклад их остатков в кухонные материалы при доминировании производящих форм хозяйства не мог быть настолько существенным, чтобы влиять на структуру выборок. Это косвенно подтверждается и единичностью находок костей кулана — дикого полуосла на поселениях эпохи железа в Северном Причерноморье, где этот вид также обитал вплоть до раннего средневековья.

Опубликованные В.И.Цалкиным (1960; 1966) промеры остатков домашних свиней из памятников скифского времени демонстрируют крайне малые их размеры, которые не перекрываются с соответствующими значениями промеров костей кабана как древнего, так и современного. Таким образом, для костей свиньи на поселениях эпохи железа оказывается возможным определение домашней или дикой форм этого вида с большой долей достоверности.

Тем не менее, остальные важные методические вопросы, общие для обработки и интерпретации археозоологических материалов всех исторических эпох, в том числе и скифского времени, затронутые еще В.И.Цалкиным (1956; 1960; 1966), П.Д.Либеровым (1960), Ю.А.Красновым (1971) и другими исследователями, несмотря на последующие их интенсивное обсуждение в археозоологических публикациях, остаются для широкой аудитории археологов без обоснованных ответов. Эти вопросы касаются: а) выбора критерия для статистического анализа археозоологических данных; б) порога достоверности получаемых различий в структуре археозоологических выборок; в) принципов интерпретации остеологической информации при реконструкции моделей скотоводства и особенностей хозяйства.

Дискуссия о достоверности количественных показателей, используемых в «остеологической статистике», среди археозоологов продолжалась вплоть до 1990-х годов и вылилась в сотни опубликованных работ главным образом зарубежных авторов, тогда как ее наиболее важный вывод был сделан К.Л.Паавером еще в 1958 г. К его выводу о том, что выбор того или другого количественного показателя зависит от характера материала и задач его исследования (Паавер К.Л., 1958), приходят практически все авторы, анализирующие методические проблемы изучения археозоологических коллекций. Еще одним важным результатом дискуссии стало разделение вопросов, связанных с объективностью методик получения (подсчета) собственно количественных показателей и с обоснованием адекватности их применения при статистическом анализе разных по характеру остеологических материалов.

Значительная часть публикаций дискуссии посвящена критике или защите показателя «минимальное количество особей», как в отношении достоверности методики его подсчета, так и в отношении возможности его применения в «остеологической статистике». По-видимому, лишь в единичных работах все же присутствуют попытки объективно рассмотреть порог достоверности обоих показателей, в связи с возможными ошибками их подсчета. Это тем более актуально, потому как все остеологи при вынужденном переопределении остеологических материалов сталкивались или со своими собственными ошибками в определении или с ошибками своих коллег. Эти ошибки бывают двух категорий. Первая — это редкие и крайне досадные единичные ошибки в определении видовой принадлежности кости, которые в многочисленных коллекциях практически не меняют значения оценок по костям. И вторая — это обычные ошибки, связанные с изменением статуса неопределимых или определимых остатков, в которых при повторной обработке могут быть обнаружены соответственно или диагностируемые до вида фрагменты, или фрагменты оказавшиеся неопределимыми. Ошибки второй категории меняют прежде всего значения оценки по костям на 1-5% в зависимости от квалификации исследователя. Значение оценки по особям может также измениться вследствие ее производности от числа костей. Важно подчеркнуть, что даже при самой высокой квалификации остеолога повторное определение коллекции не дает идентичного с первым результата. К сожалению, обычно в остеологических работах эти вопросы не затрагивается, хотя ошибки второй категории нужно считать ошибкой метода и учитывать ее при анализе достоверности различий в соотношении как между видами внутри выборки, так и между конкретными видами разных коллекциями.

Метод определения количества особей, которым принадлежат кости животных из археологических памятников, и степень его достоверности достаточно хорошо проанализированы в работах Ш.Бёкёни (Bökönyi S., 1959; 1970). Подробное описание усовершенствованной методики с учетом возрастных и размерных характеристик животных (Bökönyi S., 1970) приводит к выводу, что на материалах из жертвенных комплексов, когда остатки принадлежат нескольким целым или почти целым скелетам, может быть достоверно подсчитано не минимальное число особей, а точное или близкое к изначальному. В кухонных же остатках на точность определения возрастных и размерных характеристик костей, по которым делаются дополнительные поправки к основному подсчету, влияет как естественная сохранность, так и искусственная раздробленность, в том числе и кухонная. Поэтому для кухонных остатков может быть определено лишь минимальное количество особей, которым они могли принадлежать. Среди факторов, влияющих на достоверность определения такого минимального количества особей, оказываются и отмеченные выше недостатки подсчета абсолютного количества костей каждого вида (Grayson D.K., 1984; Hesse B., Wapnish P., 1985; Davis S.J.M., 1987). Степень учета всех этих дополнительных поправок при подсчете минимального количества особей зависит от квалификации специалиста. Показать же, насколько это минимальное количество отличается от реального и есть ли между ними какая либо закономерность, до сих пор не удается ни одному исследователю. Подсчет удельного веса в кухонных остатках видов по особям, как правило, переводит почти половину изучаемых немногочисленных по числу костей выборки (не более 500 определимых остатков) в разряд малых (10-50 особей), в которых даже минимальная ошибка на одну особь меняет соотношение видов, что и дает границы ошибки данного метода.

Таким образом, если для методики подсчета соотношения видов в выборке по костям можно ввести ошибку метода как 5%, то для методики подсчета по особям ошибка метода будет или почти равной нулю, в случае применения ее к жертвенным комплексам, или она будет колебаться в пределах от 5 до 30%[2] в случае ее применения к кухонным остаткам. Это сравнение значений ошибок двух методов подсчета удельного веса видов по костям и по особям демонстрирует целесообразность использования каждого из них при статистической обработке лишь конкретных археозоологических материалов. Несомненно, что оценка по особям будет достаточно достоверна и корректна, а также целесообразна ввиду специфичности изучаемых вопросов при изучении жертвенных комплексов. Тогда как ее использование при статистической обработке кухонных остатков из поселений нецелесообразно, ввиду значительной ошибки метода ее подсчета для такого материала и выявления в качестве результата только минимального количества особей. Напротив, для жертвенных комплексов статистическая обработка по костям каждого вида оказывается нередко малоинформативной, а для кухонных остатков из поселений эта оценка наиболее адекватна задачам их статистического анализа.

При сравнении двух методик подсчета количественных показателей исследователи также отмечают, что если оценка удельного веса каждого вида в выборке по костям не зависит от системы ее подсчета — отдельно по квадратам или совокупностью со всех квадратов по хронологическим слоям, то конечный результат оценки по особям будет достаточно различным в зависимости от выбранной системы обработки (Лаавер К.Л., 1958; 1965 и др.). При получении второго показателя в выборках по квадратам будет подсчитано большее количество особей, чем при их подсчете в том же самом материале по совокупности со всех квадратов. Указанная зависимость конечного результата подсчета особей от системы обработки исключает возможность корректного сравнения коллекций, для которых соотношения по особям являются единственными опубликованными данными, и еще раз подчеркивает

нецелесообразность применения этого показателя при статистической обработке кухонных остатков.

Все без исключения исследователи единодушны в оценке зависимости достоверности получаемых результатов статистической обработки археозоологических материалов от количественного объема остеологической выборки (Горюнова Е.И., 1950; Цалкин В.И., 1960; 1966; Паавер К.Л., 1958; 1965; Boessneck J., 1956; Bokonyi J., 1959; Muller H.-H., 1961; Davis S.J.M., 1987; Amorosi T. and all, 1996 и др.). Огромное влияние фактора случайности на формирование облика малой археозоологической выборки из 10 костей ни у кого не вызывает сомнений. Результаты же обработки коллекций, включающих более тысячи определимых костей животных, с очевидностью считаются достоверными.

Однако такое единодушие исследователей в отношении оценки достоверности результатов изучения многотысячных коллекций костей не решает вопроса о минимальном количественном объеме остеологической выборки, обработка которой может дать результаты достаточно точно отражающие характеристики всей совокупности костных материалов на памятнике. Зарубежные исследователи используют в своих работах так называемое «правило Дэвиса» (Davis S.J.M., 1987), из которого следует, что увеличение числа костей в выборке в 10 раз дает уже совершенно новую информацию, и, по меньшей мере, для выборки в 500 определимых костей можно получить достоверную информацию не только о видовом составе, но и о пропорции тех видов животных, которых человек использовал на поселении. Несколько меньшую цифру — 300 костей приводит T.Amorosi для минимального количественного объема кухонных остатков, позволяющего получить достоверные результаты, однако, только по соотношению остатков четырех сельскохозяйственных видов животных (Amorosi T. and all..., 1996).

Нами был предложен минимальный объем выборки в 400 определимых костей как позволяющий получить полный видовой состав животных, наиболее значимых в хозяйстве поселения (для эпохи железа это домашние животные), и достоверное соотношения их костей в коллекции (Černych E.N., Antipina E.E., Lebedeva E.Ju., 1998). Эта цифра была получена при изучении одной из самых крупных в Восточной Европе по числу костных остатков коллекции из поселения горняков Горный эпохи бронзы. Значительный объем коллекции почти в 500 000 определимых костей позволил обрабатывать случайно отобранные выборки разного объема. При этом по материалам одного хронологического периода для них были проанализированы два показателя: полнота видового состава для пяти обнаруженных на поселении домашних видов и устойчивость соотношения их костей. Среди 30 случайно взятых выборок по 300 определимых до вида костей только 13 (43%) дали полный видовой состав домашних животных. Из 30 выборок по 400 определимых до вида костей уже 23 (77%) дали полный видовой состав домашних животных из пяти видов. В этих 23 выборках соотношение остатков пяти видов оказалось достаточно устойчивым с точностью до 5%. Более того оно оказалось сравнимым с соотношением, полученным по более крупным массивам костей из этого же памятника. Следует подчеркнуть, что с увеличением объема выборки до 500 костей полный видовой состав появляется лишь среди 80% таких выборок. Аналогичный анализ менее многочисленных коллекций из поселений разных исторических эпох подтвердил оптимальность использования как минимального количественного объема выборку в 400 определимых костей для получения достоверных результатов, отражающих структуру кухонных остатков на поселении. Еще одним важным следствием из представленного анализа является заключение о правомерности сравнения такого минимального объема кухонных остатков с другими более многочисленными коллекциями.

К сожалению, из 120 коллекций, опубликованных В.И.Цалкиным (1960; 1966), примерно половина (57) включают определимых костей животных меньше, чем сформулированный выше критерий минимального количественного объема для представительной выборки. Эта часть не может быть включена в дальнейшее статистическую обработку опубликованных остеологических материалов эпохи железа. Статистическая обработка на основе оценки по костям остальных опубликованных коллекций эпохи железа, включающих не менее 400 определимых костей, показала иные соотношения видов домашних животных, чем в результатах В.И.Цалкина (1969; 1966). Так, например, для группы скифских поселений Среднего Дона (Воронежская область) такая процедура привела к резкой переоценке доли остатков лошади с 28% (Цалкин В.И., 1966) на 51% (рис.1). Заметим, что такой значительной доле костей лошади в кухонных остатках трех поселений соответствует и огромное значение лошади в ритуальной жизни скифского населения, оставившего в бассейна Среднего Дона могильник Колбино-1. Полученные данные заставляют считать вопрос о формах и особенностях скотоводства этого региона открытым.

Еще один пример связан с хорошо известным Бельским городищем, для которого В.И.Цалкин (1966) получил подавляющее преобладание особей свиньи (43%, подсчет сделан только для четырех домашних копытных), что и составило главную особенность хозяйства этого поселения. Пересчет этих данных по костям приводит к снижению доли свиньи до 30% (см. рис.2, соотношение представлено для пяти видов, включая собаку). И хотя ее вклад остается существенным среди кухонных остатков, он уже сравним с долей остатков остальных сельскохозяйственных видов, что меняет интерпретацию этих материалов.

Вместе с тем, применение методических оценок адекватных статистической обработке кухонных материалов не снимает существенных проблем интерпретации получаемых данных.

Одной из таких проблем является экстраполяция археозоологических данных на состав стада. В отече-

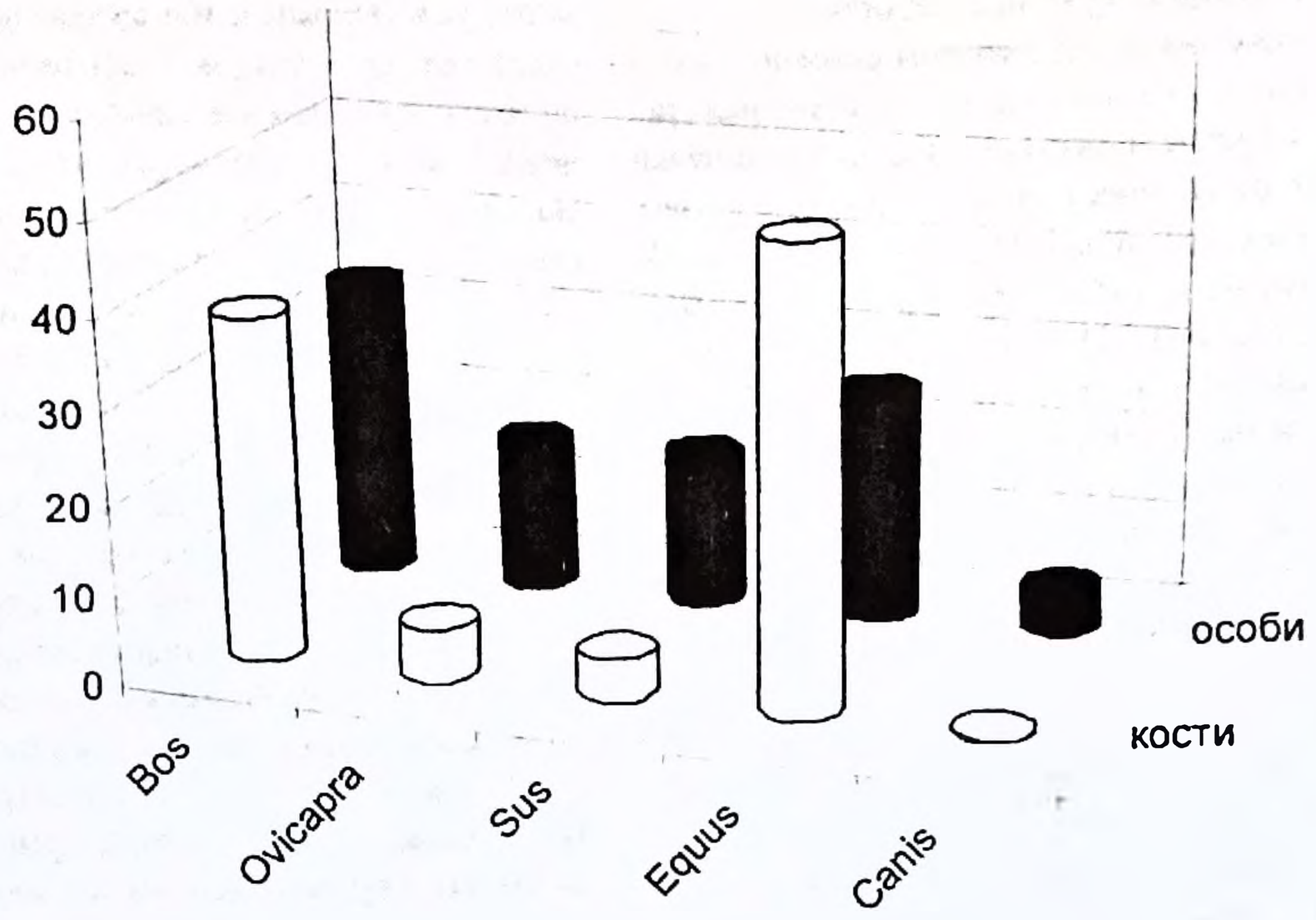


Рис.1. Соотношение видов домашних животных по особям (Цалкин, 1966) и по костям из материалов трех поселений на Среднем Дону.

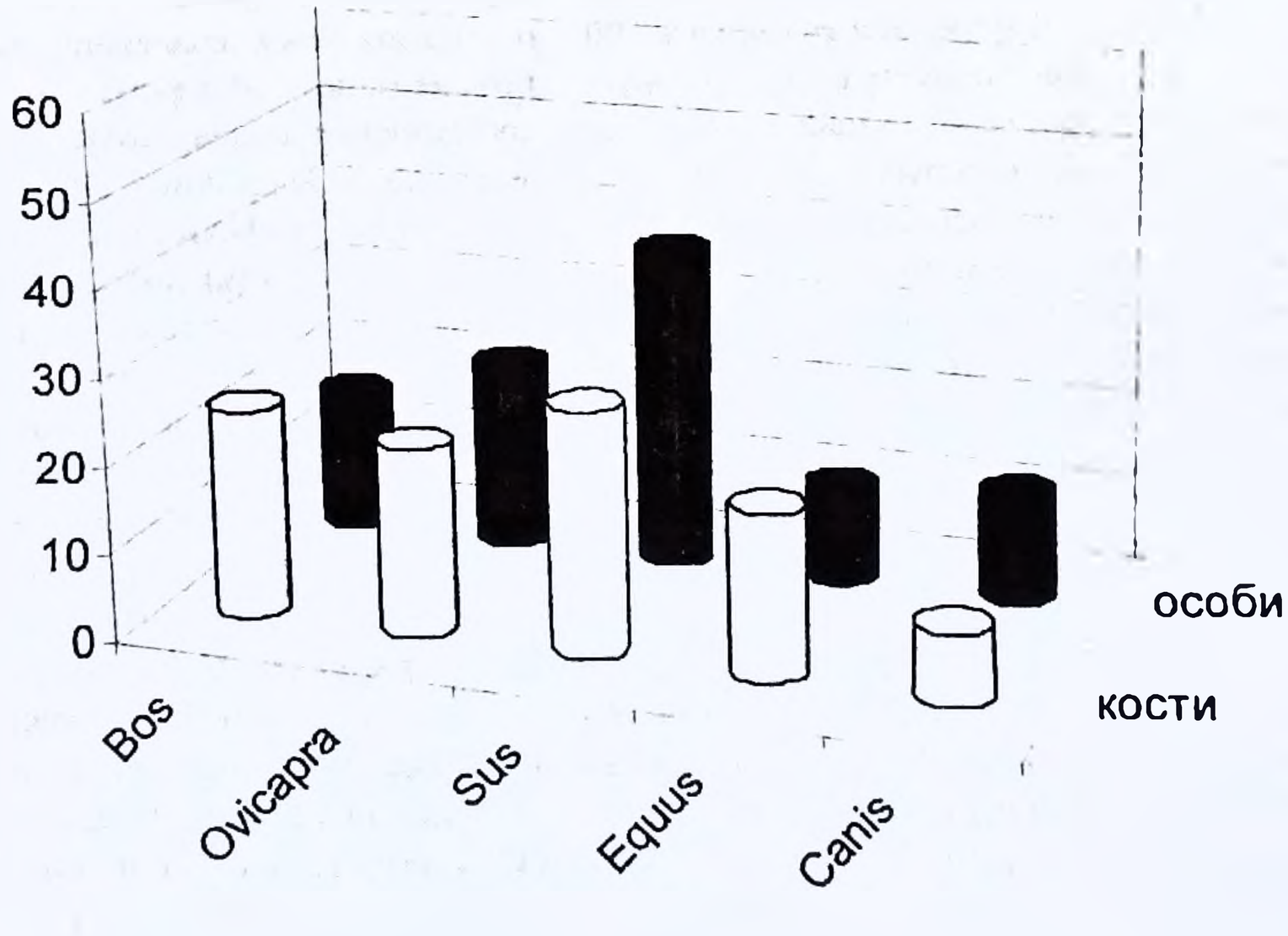


Рис.2. Соотношение видов домашних животных по особям (Цалкин, 1966) и по костям из материалов Бельского городища.

ственной археологической литературе сложилась давняя традиция полагать, что реконструкция стада возможна и вполне правомерна на базе прямого переноса соотношения остатков домашних видов, полученных при раскопках как поселений, так и даже могильников (Либеров П.Д., 1960; Шилов В.П., 1975; Гаврилюк Н.А., 1999). Представляется, однако, что подобный подход некорректен, хотя «формула» мясного потребления, отраженная в кухонных остатках, несомненно зависит от форм скотоводческой и охотничьей деятельности. Эта сложная зависимость определяется многими факторами: природными, экономическими, социальными и др.

Прежде всего, следует подчеркнуть, что форма эксплуатации домашнего животного существенным образом влияет на масштабы потребление его мяса в пищу. Очевидно, что эксплуатация прижизненной продукции животных или их мускульной силы обуславливает минимальный уровень потребления их мяса даже при значительной их численности в стаде.

Ярким примером этого не соответствия численности разводимых животных и уровнем потребления их мяса может служить лошадь в древнерусском государстве. Число ее костей в кухонных остатках сел, поселений и городов Древней Руси не превышает 15% (Цалкин В.И., 1956). Однако несомненно, что численность ее в стаде была значительно больше этой цифры, ввиду использования огромного количества лошадей, как единственного транспортного средства в то время, во всех хозяйственных сферах. Только свинья, по-видимому, может считаться исключительно мясным животным. В то же время, экстраполяция доли ее в стаде на основе масштабов потребления свинины сопряжена с методическими проблемами подсчета по скорости циклов воспроизводства как числа потребляемых особей, так и численности обновляемого и постоянного маточного поголовья, о чем справедливо писал Ю.А. Краснов (1971). В настоящее время только для крупных домашних копытных — крупного рогатого скота и лошади показана корректность экстраполяции преобладания их костей в выборке (более 50% по каждому виду) на их численное доминирование в стаде (Антипина Е.Е., 1997).

Другой вопрос интерпретации археозоологических данных связан с обоснованностью реконструкции скотоводства у населения одного конкретного памятника. Такие реконструкции предполагают существование на памятнике автономной, независимой от других поселений хозяйственной деятельности, включавшей все циклы от воспроизведения, сохранения, ухода и кормления животных до утилизации скотоводческой продукции, что не может быть однозначно доказано вне анализа археологического контекста. Исторические и археологические источники по эпохе железа с очевидностью свидетельствуют о широком распространении в то время товарно-обменных отношений и появлении множества ремесленных центров, торговых факторий и других не сельскохозяйственных поселений в Северном Причерноморьи. В этом плане опубликованные реконструкции особенностей скотоводческой деятельности населения конкретных памятников эпохи железа, сделанные археозоологами только исходя из структуры обнаруженных кухонных остатков и вероятности существовавших благоприятных природных условий, не могут считаться достоверными (Журавлев О.П., 1981; Секерская Е.П., 1989; 1991). По-видимому, более корректна экстраполяция особенностей скотоводческой деятельности и системы жизнеобеспечения на более широкие, чем одно поселение, культурные и (или) территориальные объединения по нескольким памятникам.

Еще одним фактором, влияющим на реконструкцию скотоводческой деятельности для скифского времени, является земледелие, развитый характер которого в то время доказан палеоэтноботаническим находками (см. статьи Г.А.Пашкевич и Е.Ю.Лебедевой в настоящем сборнике). Наличие земледелия, обеспечивающего устойчивость кормовой базы непосредственно на поселении, может вести или к появлению стойловой формы содержания домашнего скота, или же к интенсификации придомного скотоводства. Однако, невозможность в настоящее время определить масштабы земледельческого сектора экономики у скифского населения Северного Причерноморья не позволяет достоверно реконструировать и особенности собственно скотоводческой деятельности и формы эксплуатации домашних животных.

Интерпретацию археозоологических материалов затрудняют также неполные, неправильно оформленные, а зачастую и недостоверные данные об археологическом контексте мест находок и характера костных остатков. Для эпохи железа это ярко проявилось в проблеме с остатками собак, поразительно многочисленных как на греческих памятниках, так и на скифских (Цалкин В.И., 1960; 1966), особенно в сравнении с материалами предшествующих и последующих исторических периодов из памятников, расположенных на той же территории. Кости собак из остеологических коллекций кухонных материалов скифского времени зачастую оказываются остатками целых или разрозненных скелетов без следов кухонной разделки туш, причины попадания которых в слой не обсуждаются. Эти остатки обычно не включаются в соотношение видов домашних животных, мясо которых использовалось в пищу, тогда как на ряде поселений зафиксированы несомненные следы потребления мяса собак в пищу (Журавлев О.П., 1981), что позволяет рассматривать их вместе с другими домашними животными в отношении мясного потребления. Однако, наиболее часто все же встречается ситуация, когда в публикациях отсутствует и археологический контекст находок костей собак, и результаты поиска на их костях искусственного — кухонного (?) — воздействия. Такая разнородная информации (или отсутствие информации) о причинах попадания костей собак в культурные слои поселений в настоящее время препятствует изучению реального вопроса о необычной роли собак в хозяйственной жизни населения Восточной Европы скифского времени.

Ввиду небольшого объема статьи здесь удалось затронуть лишь наиболее значимые методические проблемы обработки и интерпретации остеологических материалов скифского времени. Многие вопросы, в частности, о характере, формах и особенностях скотоводства, как основной отрасли хозяйства населения Северного Причерноморья в скифское время, пока еще остаются открытыми. Если при новых исследованиях остеологи и археологи будут хотя бы обращать внимание на полноту и корректность обсуждаемых исходных остеологических данных, а также на выбор адекватных характеру материала статистических показателей и на порог достоверности получаемых различий, то я сочту задачу данной статьи выполненной.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] В последующем тексте количественные показатели для краткости будет именоваться соответственно «количество костей» каждого вида — оценка (подсчет) по костям, а «количество особей» — по особям.

[2] Указанные границы ошибки метода подсчета соотношения видов в археозоологической выборке по особям были получены при повторном определении особей в кухонных материалах разных по числу костей коллекциях как одним исследователем, так и при любезном согласии разных исследователей.

ЛИТЕРАТУРА

Антипина Е.Е., 1997. Методы реконструкции особенностей скотоводства на юге Восточной Европы в эпоху бронзы // РА. № 3.

Гаврилюк Н.А., 1999. История экономики Степной Скифии в VI-III вв. до н.э. Киев.

Горюнова Е.И., 1950. К вопросу об «остеологической статистике» // КСИА. Вып.35.

Громова В.И., 1948. Остатки млекопитающих из раннеславянских городищ вблизи г. Воронежа // МИА. № 8.

Журавлев О.П., 1981. Фауна поселения Черноморка-II (на материалах костных остатков // Использование методов естественных наук в археологии. Киев.

Журавлев О.П., 1991. Животноводство и охота у населения скифских городищ Нижнего Поднепровья // Проблемы археологии Северного Причерноморья. Херсон.

Краснов Ю.А., 1971. Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы. М.

Кругликова И.Т., 1975. Сельское хозяйство Боспора. М.

Либеров П.Д., 1960. К истории скотоводства и охоты на территории Северного Причерноморья // МИА. № 53.

Моруженко А.А., 1985. Животноводство и охота лесостепных племен междуречья Днепра и Дона в VII-III вв. до н.э. // Проблемы археологии Поднепровья. Днепропетровск.

Паавер К.Л., 1958. К методике определения относительного значения видов и групп млекопитающих в остеологическом материале из раскопок археологических памятников // Известия АН ЭССР. Серия биол. Т.7. № 4.

Паавер К.Л., 1965. Формирование териофауны и изменчивость млекопитающих в голоцене. Тарту.

Секерская Е.П., 1989. Анализ остеологического материала из поселения Лысая Гора // Проблеми історії та археології давнього населення Української РСР. Київ.

Цалкин В.И., 1956. Материалы для истории скотоводства и охоты в Древней Руси // МИА. № 51.

Цалкин В.И., 1960. Домашние и дикие животные Северного Причерноморья в эпоху раннего железа // МИА. № 53.

Цалкин В.И., 1966. Животноводство и охота племен восточноевропейской лесостепи в раннем железном веке // МИА. № 135.

Шилов В.П., 1975. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л.

Щеглов А.Н., 1978. Северо-западный Крым в античную эпоху. Л.

Amorosi T., Woollett J., Perdikaris S., McGovern T., 1996. Regional zooarchaeology and global change: problems an potentials // World Archaeology. Vol.28. Zooarchaeology. London.

Boessneck J., 1956. Tierknochen aus spätneolitischen Siedlungen Bayerns. Studien an von- und frühgeschichtlichen Tierresten Bayerns. I. Munchen.

Bökönyi S., 1959. Die frühalluviale Wirbeltierfauna Ungarns (vom Neolithikum bis zur la Tene-Zeit) // Acta Arch. Acad. Science Hung. № 11.

Bökönyi S., 1970. A New Method for Determination of Number of Individuals in Animal Bone Material // American Journal of Archaeology, vol.74, № 3. Princeton/New Jersey.

Černych E.N., Antipina E.E., Lebedeva E.Ju., 1998. Produktionsformen der Urgesellschaft in den Steppen Osteuropas (Ackerbau. Viehzucht, Erzgewinnung und Verhuttung) // Das Karpatenbecken und die Osteuropaische Steppe. Nomadenbewegungen und Kulturaustausch in den vorchristlischen Metallzeiten (4000-500 v.Chr.). Hersgegeben von Berhard Hansel und Jan Machnik. Munchen — Rahden / Westf.

Davis S.J.M., 1987. The Archeaology of Animals. London: Batsford.

Grayson D.K,1984. Quantitative Zooarchaeology. New York: Academic Press.

Hesse B., Wapnish P., 1985. Animal Bone Archaeology. Washington D.C.: Taraxacum.

Kuhn E., 1938. Zur quantitativen Analyse der Haustierwelt der Pfahlbauten in der Schweiz // Viertelj. D. Naturf. Ges. in Zurich, 83.

Muller H.-H., 1961. Moglichkeiten einer kulturgeschichtlichen Auswertung von ur- und frühgeschichtlichen Tierknochen // Jahresschr. f. mitteldeutsche Vorgesch. Bd.45.

В.А.ДЕМКИН, Т.С.ДЕМКИНА, Л.С.ПЕСОЧИНА

ПАЛЕОЭКОЛОГИЯ ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКИХ СТЕПЕЙ В СКИФО-САРМАТСКОЕ ВРЕМЯ

Около 5000 лет назад на бескрайних просторах евразийских степей появляются погребальные сооружения в виде грунтовых (реже каменных) холмов, вошедшие в отечественную научную литературу под названием курганы. За прошедшие тысячелетия археологические памятники подобного рода стали неотъемлемой частью степного ландшафта. Обычно они считаются объектами изучения археологии, этнологии и других гуманитарных наук и содержат информацию о духовной и материальной культуре народов, населявших степи в эпохи бронзы, раннего железа и средневековья. Вместе с тем, под курганными насыпями оказались погребенными древние почвы, которые были развиты в прошлые века и сохранились в «законсервированном» виде до настоящего времени. А, как известно, почвы являются «зеркалом» ландшафта, то есть запечатлевают в своем профиле состояние и изменения различных компонентов природной среды, в частности, климата, растительности, рельефа. Следовательно, курганные погребальные комплексы (также как и другие грунтовые археологические памятники) необходимо рассматривать и изучать не только как памятники древней и средневековой истории общества, но и как памятники природы, своего рода историко-природный архив. Поэтому не случайно, особенно в последнее время, они вызывают огромный интерес у специалистов в области естествознания.

Для реконструкции палеоэкологических условий, как правило, исследуется целая серия свойств разновозрастных подкурганных почвенных профилей, в том числе содержание в них солей, карбонатов, гипса, гумуса, магнитные свойства, активность микробных сообществ, минералогический состав и многие другие. Они характеризуют различные стороны «жизни» почв, специфику генезиса и эволюции последних, имеют разную степень инерционности и отзывчивости (сенсорности) по отношению к изменяющимся условиям почвообразования. Поэтому нами было предложено такое новое понятие, как «экологическая память» палеопочв и их отдельных свойств с определенным характерным временем, под которым мы понимаем длительность хроноинтервала, ретроспективно охватывающего период нахождения того или иного почвенного свойства и признака в состоянии, зафиксированном в подкурганной палеопочве. Причем, чем уже хроноинтервал (от нескольких лет до десятилетий), тем исследуемый параметр более точно отражает ландшафтно-климатическую ситуацию в момент сооружения археологического памятника. Глобальная и региональная изменчивость окружающей среды находила отражение в состоянии ландшафтов и почв, в их пространственно-временной организации и функционировании в течение того или иного хроноинтервала. На фоне существовавшей климатической ситуации складывалась своя почвенно-ландшафтная обстановка. Ее качественные и количественные характеристики определяли степень комфортности среды обитания древнего человека.

Методы исследований. При изучении палеопочв археологических памятников степной зоны используется широкий спектр методов, обычно применяемых в почвоведении. Среди них такие, как морфолого-стратиграфический (полевое описание строения почвенно-грунтовой толщи), химико-аналитические (определение гранулометрического состава, содержания различных солей, гумуса, обменных катионов, питательных элементов, величины pH и др.), минералогические и петрографические (определение состава твердой фазы почв), фитолитный, микроморфологический и ряд других. Перечисленные методы достаточно давно и успешно зарекомендовали себя при почвенно-археологических исследованиях. Вместе с тем, до последнего времени практически не рассматривались вопросы биологической активности подкурганных почв, в частности, ее микробиологической составляющей. Пожалуй, впервые мы акцентировали внимание на данной проблеме. Действительно, представляется чрезвычайно интересным, например, сохранились ли жизнеспособные микроорганизмы в «законсервированных» палеопочвах археологических памятников? Каково ныне состояние микробных сообществ в разновозрастных подкурганных почвах? Насколько адекватно оно отражает палеоэкологические условия прошлых эпох? На сегодняшний день в той или иной мере нам удалось получить ответы на эти вопросы. Проведенные исследования показали, что в погребенных почвах археологических памятников даже в течение тысячелетий сохраняются живые микроорганизмы. При высеве из водной суспензии, приготовленной из почвенных образцов, они хорошо развиваются на твердых питательных средах. Используя различные по

* Работа выполнена при поддержке РФФИ (гранты №№ 99-06-80347, 98-04-48257).

составу среды, удается выяснить пищевые (или трофические) предпочтения микроорганизмов, обитавших в палеопочвах в различные исторические эпохи, их численность и биомассу и, соответственно, судить о природной обстановке в древности и средневековье. В частности, микроорганизмы, выросшие на богатой органической среде, развивались в условиях значительного поступления в почву свежих растительных остатков. А, как известно, увеличение фитомассы в степной зоне прежде всего обязано повышению увлажненности климата. Численность микроорганизмов на нитритном агаре отражает их способность использовать почвенный гумус в качестве источника питания и, следовательно, она связана с особенностями внешних условий для развития процесса гумусообразования. Накопление гумуса обычно происходит при гумидизации климата, а усиление засушливости ведет к его потерям в результате минерализации. Микроорганизмы, выросшие на почвенном агаре, довольствуются низкими концентрациями питательных веществ, находящихся в рассеянном состоянии. Среди других трофических групп микроорганизмов они начинают преобладать, когда в почве исчерпывается резерв легкодоступного органического вещества вследствие резкого снижения биомассы растительного опада, вызванного аридизацией климата, активизацией процессов солонцеобразования, соленакопления и др. В какой же мере исходные характеристики палеомикробного сообщества сохраняются в почвенном профиле? Проведенный анализ показал, что в той или иной степени их количественные параметры уменьшаются лишь в самом верхнем слое палеопочв (горизонт А1), тогда как в нижележащих горизонтах В1 и В2 микробные сообщества после погребения, как правило, сохраняют древний облик.

Результаты и обсуждение. Перейдем к рассмотрению имеющихся на сегодняшний день материалов о состоянии природной среды восточноевропейских степей в скифо-сарматскую эпоху. Они получены при палеопочвенных исследованиях грунтовых археологических памятников раннежелезного века нами и другими авторами на территории Северного Причерноморья, Приазовья, Предкавказья, Нижнего Поволжья, Прикаспия, Южного Урала. За редким исключением объектами изучения послужили курганные могильники, расположенные в степной, сухо- и пустынно-степной зонах с черноземными и каштановыми почвами.

Причерноморье и Предкавказье. По данным В.П.Золотуна (Золотун В.П., 1974), в Северном Причерноморье в IX-VIII и VI-V вв. до н.э. имели место климатические оптимумы с повышенной атмосферной увлажненностью. Между ними наблюдалась сравнительно засушливая эпоха. На территории Донбасса (Герасименко Н.П., 1993) на хроносрезы 2600-2500 и 1800-1600 лет назад приходились гумидные условия, тогда как в интервале 2500-2000 лет назад зафиксирована аридизация. В соответствии с колебаниями климата происходила периодическая смена злаковых, разнотравно-злаковых и луговых степей.

Палеочерноземы северо-восточного Приазовья в IV в. до н.э. характеризовались более высоким содержанием гумуса, меньшей засоленностью и гипсоносностью по сравнению с I в. до н.э. Эти факты свидетельствуют о нарастании засушливости климата в течение второй половины I тыс. до н.э. Однако уже в I в. н.э. в регионе наблюдалась интенсификация процесса почвообразования, выражавшейся в выщелачивание почвенного профиля, в снижении глубины залегания солевых аккумуляций, уменьшении запасов солей и карбонатов в слое 0-2 м, деградации солонцовых признаков. Изменилась величина магнитной восприимчивости. Характер выявленной трансформации почвенных признаков, а также состав фитолитов в палеопочвах свидетельствуют о развитии тенденции гумидизации климата в регионе в начале нашей эры.

В сухостепной зоне Предкавказья погребенные под курганами почвы скифского времени (VII-VI вв. до н.э.) имеют большое сходство с фоновыми темно-каштановыми (Александровский А.Л. и др., 1997). Вместе с тем, палеопочвы характеризовались более высоким залеганием карбонатного горизонта, большим количеством новообразований $CaCO_3$. В целом палеопочвенные признаки дают основания говорить о несколько большей аридности климата в первой половине I тыс. до н.э. по сравнению с современностью. Однако эти различия были не столь резкими, как между погребенными почвами археологических памятников на границе между лесом и степью в предгорьях Кавказа (Александровский А.Л. и др., 1987). Как показано авторами, здесь, напротив, 3000-2500 лет назад произошло увлажнение климата, что привело к наступлению леса на степь и эволюции черноземов в серые лесные почвы.

Нижнее Поволжье и Прикаспий. Назначение исследованного нами археологического памятника «Трехостровская», расположенного на межбалочном водоразделе правобережья Дона (подзона каштановых почв) пока остается загадочным. Первые результаты его археологического обследования опубликованы (Скрипкин А.С., 1998; Скрипкин А.С. и др., 1999). Согласно радиоуглеродной датировки (ИГ РАН), создание «святилища» относится к XI в. до н.э. Палеопочвенные наблюдения показали, что под насыпью памятника погребена темно-каштановая выщелоченная почва с мощным гумусовым горизонтом. В отличие от современной каштановой почвы она характеризуется более высоким (в 1,5 раза) содержанием гумуса, величина магнитной восприимчивости в горизонте А1 на 20 единиц выше, линия вскипания и аккумуляция карбонатов расположены глубже. Данные признаки свидетельствует о повышенной атмосферной увлажненности в регионе в конце II тыс. до н.э. В последующее время (скорее всего в I тыс. до н.э.) вследствие аридизации климата произошла миграция природных рубежей к северу.

Исследованиями на Сыртовой равнине (Саратовское Заволжье) установлено, что почвы, перекрытые курганными насыпями в V в. до н.э., относятся так же, как и фоновые к подтипу темно-каштановых несолонцеватых. Палеопочвы I-II вв. н.э. Приволжской возвышенности характеризовались заметно большей активностью микробоценозов по сравнению как с ямным, так и особенно с катакомбным временем. В частности, общая численность микроорганизмов стала выше в 1,5-7 раз. Также отмечается заметное увеличение количества микробов, минерализующих гумус (автохтонные). Приведенные факты дают основания говорить о более благоприятных экологических условиях в регионе в первые века новой эры по сравнению с эпохами ранней и средней бронзы.

В Волго-Донском междуречье (западный склон Ергеней) засоленность палео-каштановых почв в конце VI в. до н.э. была в два раза выше по сравнению со II-III вв. н.э. В савроматскую эпоху относительная доля микроорганизмов, потребляющих гумус и легкодоступное органическое вещество, была в 2-3 раза меньше. Эти факты являются доказательством более благоприятных палеоэкологических условий во II-III вв. н.э. Вместе с тем, морфологические и химические свойства почв, погребенных в I в. н.э. и во II-III вв. н.э., свидетельствуют о том, что природные условия в исследуемом регионе в среднесарматское время отличались большей засушливостью по сравнению с началом позднесарматской эпохи. Данный вывод подтверждается ослаблением на протяжении указанного хроноинтервала степени солонцеватости почв, увеличением мощности гумусового горизонта и содержания в нем гумуса, уменьшением концентрации хлоридов почти в два раза, перемещением в глубь профиля аккумуляций легкорастворимых солей и гипса и снижением запасов этих компонентов в 1,5-2 раза. Заметно возросло содержание в гор.А1 позднесарматской палеопочвы железистого минерала гётита. Величина же магнитной восприимчивости в этом слое практически не изменилась. Отмеченные особенности и масштабы различий между погребенными почвами средне- и позднесарматского времени дают основания полагать, что выявленный климатический микроплювиал получил развитие в конце I — начале II в. н.э.

В хроноинтервале II-III — IV вв. н.э. средневзвешенное содержание легкорастворимых солей (слой 0-2 м) в палеопочвах восточного склона Ергеней (пустынно-степная зона) уменьшилось с 1,3-1,5% до 1%. Микробные сообщества в гор.В2 палеосветло-каштановых почв и палеосолонцов, развитых здесь в IV в. н.э., характеризовались сходным уровнем биомассы и, как правило, одинаковой дыхательной активностью с их современными аналогами. Однако соотношение численности микроорганизмов различных трофических групп существенно различалось. В позднесарматских палеопочвах доля микроорганизмов, использующих легкодоступное органическое вещество, в структуре микробного комплекса была существенно выше, чем в настоящее время. Меньшая доля микроорганизмов, использующих гумус, и большее содержание последнего в палеопочвах, также свидетельствуют о лучшем обеспечении их микробных комплексов легкодоступным органическим веществом и отсутствием необходимости использовать труднодоступные гумусовые вещества. Увеличение же продуктивности растительных сообществ и, как следствие, увеличение массы опада в пустынно-степной зоне прежде всего связано с возрастанием степени атмосферной увлажненности. Следовательно, можно полагать, что в IV в. н.э. в исследованном регионе климат был более влажным и продуктивность травяной растительности выше, чем в настоящее время.

На низких надпойменных террасах средних и малых рек бассейна Нижней Волги и Дона (Иловля, Торгун, Арчеда, Аксай и др.) в течение финальной бронзы господствовали полугидроморфные условия почвообразования. К началу савромато-сарматского времени они сменились авторморфными с формированием темно-каштановых, каштановых либо светло-каштановых почв и солонцов. Подобного рода закономерности имели место и в пределах недренированной суглинистой раннехвалынской равнины Северного Прикаспия, где в хроноинтервале 3500-2500 лет назад засоленные лугово-каштановые почвы эволюционировали в светло-каштановые солонцеватые и солонцы. Этот процесс сопровождался существенной перестройкой карбонатного, солевого, гипсового, гумусового профилей палеопочв. В позднесарматское время (II-III вв. н.э.) в почвенном покрове раннехвалынской равнины пустынно-степного Заволжья доминировали светло-каштановые засоленные почвы с хорошо развитыми признаками солонцеватости. Не вызывает сомнений, что значительное место занимали и солонцы. Карбонатный, солевой и гипсовый горизонты залегали сравнительно близко к поверхности. Эти факты дают основания говорить о засушливости климата в эпоху раннего железа по сравнению с финальной бронзой, когда на исследуемой территории значительное место занимали полугидроморфные почвы.

Южный Урал. В степях Южного Урала конец бронзового века характеризовался смягчением и некоторым увлажнением климата, что в итоге привело в первой половине I тыс. до н.э. к очередной миграции природных рубежей к югу. К середине I тыс. до н.э. почвенно-географическая зональность в регионе приобрела современный облик. Начало савромато-сарматской эпохи (VI-V вв. до н.э.) в Южном Приуралье ознаменовалось вновь усилением засушливости климата. Однако она была уже не столь резкой и масштабной, как 4500-3500 лет назад. Каждый из культурно-исторических этапов раннежелезного века имел свои отличительные особенности состояния природной среды, динамика которых не приводила к существенным преобразованиям почв и ландшафтов. Так, протосавроматское и начало савроматского времени (VII-V вв. до н.э.) еще было сравнительно гумидным,

ранне- и среднесарматское (IV в. до н.э. — I в. н.э.) — засушливым с максимумом примерно во II-I вв. до н.э., позднесарматское (II-IV вв. н.э.) — вновь относительно влажным. Имевшие место колебания атмосферной увлажненности отражались лишь на трансформации почвенных признаков на уровне рода или вида (засоленность, солонцеватость, карбонатность и т.п.). В частности, с VI-V вв. к IV-III вв. до н.э. запасы легкорастворимых солей в слое 0-2 м этих палеопочв возросли вдвое, гипса — почти в пять раз. В полтора раза увеличилось содержание карбонатов в зоне их аккумуляции. Величина магнитной восприимчивости в гор.А1 снизилась со 100 до 80 единиц.

В Зауралье (Иванов И.В. и др., 1996) период времени 3000-2500 лет назад был влажным, 2500-1700 — аридным, 1700-1300 — менее засушливым по сравнению с предыдущим. В песках Северного Прикаспия (Иванов И.В. и др., 1995) также отмечено чередование микроаридных и микроплювиальных периодов.

Заключение. Таким образом, особенности ландшафтно-климатических условий в восточноевропейских степях в эпоху финальной бронзы в значительной мере отличались от раннежелезного века и во многом определили развитие почв на протяжении скифо-сарматской эпохи. Полученные нами палеопочвенные данные (а также ряд материалов других авторов) свидетельствуют о повышенной атмосферной и грунтовой увлажненности в регионе во второй половине II тыс. до н.э. по сравнению как с предшествующим, так и с последующим временем. Начальные тенденции изменения климата в сторону аридизации скорее всего наметились в первой четверти I тыс. до н.э. Вызванное же ею заметное качественное преобразование почв и ландшафтов приходилось на конец савроматского — начало раннесарматского времени, т.е. примерно на V-IV вв. до н.э. В этот период интенсифицировались негативные процессы засоления и солонцеобразования, способствовавшие снижению продуктивности естественной травяной растительности. В степях Южного Урала на фоне аридизации происходило и усиление степени континентальности климата, одним из выражением чего было понижение зимних температур. Ухудшение палеоэкологических условий в волго-уральском регионе нарастало во времени, вероятно, достигнув пика в конце I тыс. до н.э. Причем, в отличие от эпохи поздней бронзы, 2500-2000 лет назад на исследуемой территории от Урала до Нижнего Дона сложилась весьма контрастная ландшафтно-климатическая обстановка. Наиболее неблагоприятные условия были характерны для глубинных районов Заволжья, хотя здесь и сохранялись небольшие, своего рода «оазисные» участки типа Эльтонской равнины. В палеоэкологическом отношении Волго-Донское междуречье и Нижнее Подонье заметно отличались в лучшую сторону как от Южного Приуралья, так и тем более от Заволжья и Западного Прикаспия. Следовательно, имеющиеся материалы дают веские основания считать, что в степях Восточной Европы в середине I тыс. до н.э. окончательно произошла смена сравнительно гумидных климатических условий засушливыми и более континентальными. Однако уже на II-IV вв. н.э. приходилось очередное смягчение климата — «позднесарматский микроплювиал» — с максимумом атмосферной увлажненности в конце III-IV вв.

ЛИТЕРАТУРА

Александровский А.Л., Бирина А.Г., 1987. Эволюция серых лесных почв предгорий Северного Кавказа // Почвоведение. № 8.

Александровский А.Л., Гольева А.А., Гунова В.С., 1997. Реконструкция палеоландшафтных условий формирования раннескифских почв Ставрополья // Почвоведение. № 5.

Герасименко Н.П., 1993. Еволюція природних умов Донеччини у голоцені // Український географічний журнал. № 4.

Демкин В.А., Рысков Я.Г., Демкина Т.С., 1997. Погребенные почвы в песках степного Приуралья как инликаторы палеоэкологических условий в голоцене // Почвоведение. № 11.

Золотун В.П., 1974. Развитие почв юга Украины за последние 50-45 веков // Автореф.дисс... д. с/х наук. Киев.

Иванов И.В., Васильев И.Б., 1995. Человек, природа и почвы Рын-песков Волго-Уральского междуречья. М.

Иванов И.В., Чернянский С.С., 1996. Общие закономерности развития черноземов Евразии и эволюция черноземов Зауралья // Почвоведение. № 9.

Скрипкин А.С., 1998. Что бы это могло быть? // Проблемы археологии юго-восточной Европы. Ростов-на-Дону.

Скрипкин А.С., Дьяченко А.Н., 1999. Монументально-ритуальное сооружение в Волгоградском Задонье // Комплексные общества Центральной Евразии в III-I тыс. до н.э. Челябинск-Аркаим.

Е.Ю.ЛЕБЕДЕВА

ПАЛЕОЭТНОБОТАНИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ПО ЗЕМЛЕДЕЛИЮ СКИФСКОЙ ЭПОХИ: ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

В настоящей работе собрана информация о разнообразных палеоботанических материалах с 50 скифских памятников[1] степной и лесостепной зон Восточной Европы (табл.1)*. Находки с сельских поселений Крыма, Таманского полуострова, Ольвийской хоры, которые в литературе чаще всего именуются античными, греко-скифскими или греко-варварскими, здесь не учитывались: их палеоботанические спектры существенно отличаются от собственно скифских.

В палеоэтноботанике четко откристаллизовались три основных метода получения информации о растениях, культивировавшихся древним человеком. Первый и наиболее распространенный из них — исследование отпечатков зерен и семян культурных растений на керамике и глиняной обмазке жилищ и других сооружений. Второй метод — изучение более или менее массовых зерновых скоплений в хозяйственных ямах, очагах, сосудах и т.д.; такого рода остатки чаще всего сопряжены с какими-либо драматическими событиями в древности типа пожаров, вражескими нападениями и т.п. Наконец, третий метод связан с целенаправленной флотацией (отмывкой) культурного слоя с целью извлечения из него зерен и семян как культурных растений, так и дикорастущих трав.

Нет сомнений, что наиболее эффективным и репрезентативным в этом ряду служит последний метод: с его помощью получают абсолютно случайную выборку зерен доместицированных растений. Правда, при этом не всегда очевидно, выращивались ли эти культуры местным населением или зерновой урожай попадал в изучаемый древний поселок путем обменных операций. Однако эти вопросы решаются уже другими путями. Первые два метода имеют достаточно определенные ограничения. Отпечатки на керамике могут быть связаны с некими магическими действиями при изготовлении глиняной посуды, и это лишает нас уверенности, что выборка зерен случайна. Во втором случае — при исследовании скоплений — мы чаще всего сталкиваемся лишь с небольшой частью реального урожая, и это также лишает нас уверенности в репрезентативности выборки.

Как и для предшествующих эпох (неолит-бронза), большинство палеоботанических материалов со скифских памятников представлено отпечатками зерен и семян культурных растений на керамике и обмазке и — в меньшей степени — зерновыми скоплениями. И всего лишь на двух поселениях проводились работы по сбору образцов для палеоботанического анализа методом флотации (промывки) культурного слоя (Лебедева Е.Ю., 1999б; Пашкевич Г.А., 1991). Правда, подобное соотношение различных категорий палеоботанических материалов в изучении истории восточноевропейского земледелия, к сожалению, традиционно. Связано это, прежде всего, с тем, что в степи и лесостепи юга Восточной Европы с глубокой древности вплоть до средневековья земледелие не играло доминирующей роли в хозяйственном укладе обитавших здесь племен. В соответствии с этим визуально легко определяемые находки зерновых скоплений на археологических памятниках достаточно редки, а изучение следов культурных растений (отпечатков) на керамике и обмазке потому и явилось едва ли не основным источником наших знаний о древнейшем земледелии. Извлечение зерен и семян методом флотации культурного слоя пока очень слабо практикуется в отечественной археологии.

На мой взгляд, каждый из перечисленных видов источников в силу своей специфики должен рассматриваться и анализироваться независимо друг от друга, а прямые сопоставления могут быть достаточно эффективными лишь при сравнении результатов анализа в пределах каждой из этих групп.

В настоящее время воссоздавать картину палеоботанического комплекса[2] скифской эпохи мы можем практически только по **отпечаткам зерен и семян** на керамике, обмазке и т.п. Удалось собрать информацию об отпечатках с 45 скифских памятников (табл.1). Для удобства статистической обработки эти коллекции были распределены по следующим количественным классам в соответствии с общим числом отпечатков в каждой из них: 1) 1-25; 2) 26-50; 3) 51-75; 4) 76-100; 5) 101-125; 6) 125-150; 7) более 150 зерен и семян.

На основании анализа отпечатков можно составить представление о так называемом совокупном *общескифском палеоботаническом комплексе (ПБК)*. Доминирующим в нем является просо (*Panicum miliaceum*) — 84%. Доля ячменя — второго по значимости растения — составляет 9,6%, а совокупная доля пшениц — всего 5,2% (рис.1).

Сравнение отпечатков на керамике степных и лесостепных скифских памятников обнаруживает принци-

---

* Работа выполнена при поддержке РФФИ, исследовательский проект № 98-06-80032.

Табл.1. Список скифских памятников с палеоботаническими находками

№	область	Вид памятника	Название памятника	Отпечатки (число зерен)	Скопления (кол-во)	Флотация (кол-во обр.)
			лесостепь			
1	Харьковская	поселение	Бельское	96	2	
2	Воронежская	поселение	Волошское	11		
3	Харьковская	поселение	Караван	4		
4	Воронежская	поселение	Кировское	12		
5	Харьковская	поселение	Коломакское	12	1	
6	Харьковская	поселение	Городное	5		
7	Харьковская	поселение	Лихачевка	82		
8	Черкасская	поселение	Мотронинское	419		
9	Харьковская	поселение	Мысовое I	90		
10	Белгородская	поселение	Полковая Никитовка	144		
11	Молдавия	поселение	Солончены	4		
12	Курская	поселение	Сухая	1		
13	Черкасская	поселение	Трахтемировское	127		
14	Харьковская	поселение	Циркуны	1		
15	Харьковская	поселение	Шелковая	3		
16	Сумская	поселение	Глинское	176		
17	Полтавская	поселение	Мачухи I	8		
18	Полтавская	поселение	Свиридовское	26		
19	Полтавская	поселение	Малая Рублевка		1	
20	Полтавская	курган	Осняги		1	
21	Полтавская	поселение	Кнышевское		1	
22	Воронежская	поселение	Мастище			21
			степь			
23	Херсонская	поселение	Анновское	83		
24	Запорожская	поселение	Большая Лепетиха	1		
25	Запорожская	поселение	Водяное	1		
26	Одесская	поселение	Волчья Балка	21		
27	Запорожская	поселение	Высшетарасовка	2		
28	Херсонская	поселение	Гавриловка	17	1	
29	Одесская	поселение	Ельчик IV	1		
30	Херсонская	поселение	Золотая Балка	100		
31	Запорожская	поселение	Каменское	54		10
32	Запорожская	поселение	Знаменское	2		
33	Херсонская	поселение	Карайдубина	1		
34	Херсонская	курганы	Кут	4		
35	Херсонская	курганы	Вольная Украина	3		
36	Крымская	курганы	Ильичево	2		
37	Запорожская?	курганы	Новое	2		
38	Криворожская	курган	Чертомлык	6		
39	Херсонская	курган	Херсон	2		
40	Запорожская	поселение	Лысая Гора	72	6	
41	Херсонская	поселение	Любимовка	33	1	
42	Одесская	поселение	Молога II	28		
43	Херсонская	поселение	Нижний Рогачик	3		
44	Херсонская	поселение	Первомаевка	2		
45	Запорожская	поселение	Скельки	1		
46	Одесская	поселение	Холмское II	45		
47	Херсонская	поселение	Чернеча	2		
48	Ставропольский кр.	курганы	Новозаведенное II	6		
49	Ставропольский кр.	курганы	Красное знамя	8		
50	Херсонская	курган	Широкое 3		1	

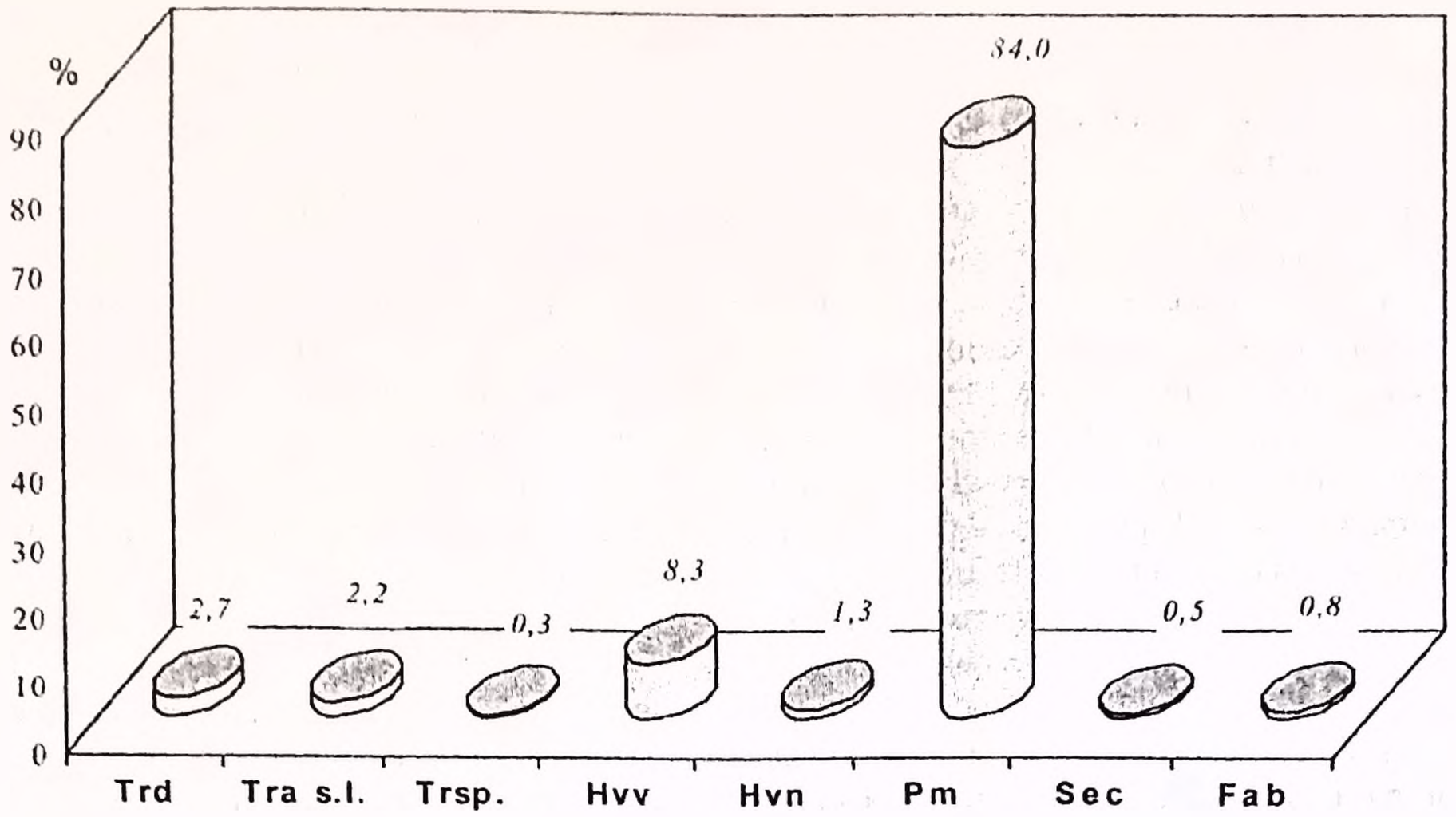


Рис.1. Общескифский палеоботанический комплекс (по отпечаткам). Здесь и далее на всех рисунках приняты следующие условные обозначения: ***Trd*** — *Triticum dicoccum* — пшеница двузернянка; ***Tra s.l.*** — *Triticum aestivum s.l.* — пшеница мягкая; ***Trsp.*** — *Triticum spec.* — прочие виды пшеницы; ***Hvv*** — *Hordeum vulgare, vulgare* — ячмень многорядный пленчатый; ***Hvn*** — *Hordeum vulgare, nudum* — ячмень голозерный; ***Hv*** — *Hordeum vulgare* — ячмень; ***Pm*** — *Panicum miliaceum* — просо обыкновенное; ***Sec*** — *Secale cereale* и *Secale segetale* — рожь; ***Fab*** — *Fabaceae* — бобовые растения.

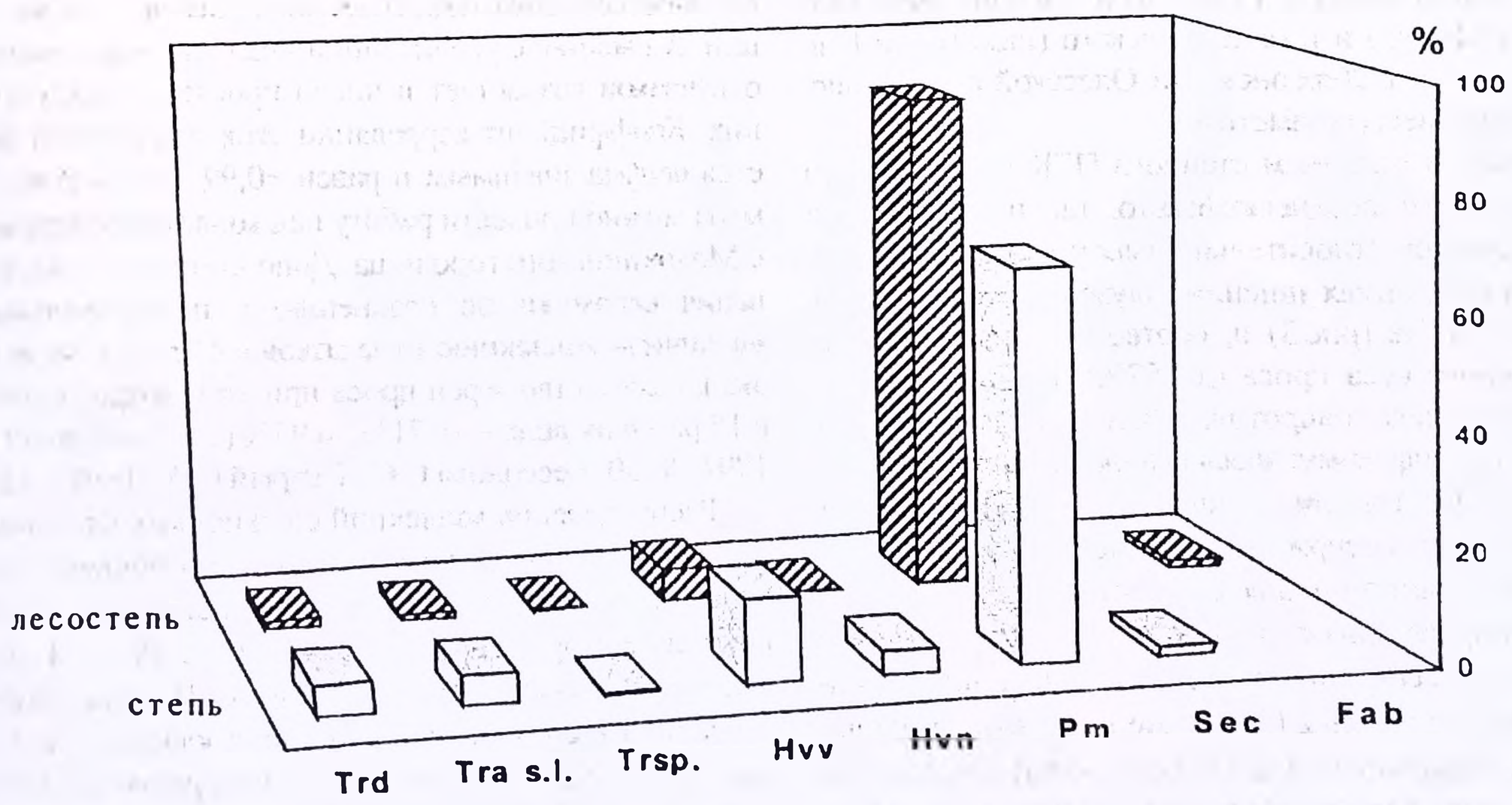


Рис.2. Палеоботанические комплексы степной и лесостепной Скифии (по отпечаткам).

циально сходные палеоботанические комплексы, различающиеся лишь удельным весом отдельных посевных культур (рис.2). Так, например, весьма существенно отличаются показатели проса: в степи они почти на четверть ниже, чем в лесостепи (68,5% против 90,2%). Причем в степной зоне это происходит на фоне четырехкратного увеличения в сравнении с лесостепью доли пшениц (11% против 2,8%) и трехкратного — ячменей (18,7% и 5,9%).

В скифской коллекции отпечатков многорядный ячмень представлен преимущественно пленчатыми формами *Hordeum vulgare, vulgare* (8,3%), но иногда —

чаще в степной зоне — встречаются и голозерные *Hordeum vulgare, nudum* (1.3%). Среди пшениц заметно (в процентном отношении) присутствие двузернянки или полбы *Triticum dicoccum* и мягкой *Triticum aestivum s.l.*, тогда как спельта *Triticum spelta* и однозернянка *Triticum monococcum* встречены в виде единичных отпечатков. Следы бобовых растений (преимущественно гороха — *Pisum sativum*) зафиксированы только в лесостепной части ареала скифской культуры и в целом в коллекции составляют менее 1%, тогда как рожь встречена лишь на керамике степных памятников. Г.А.Пашкевич предполагает, что здесь рожь представлена сорнополевой формой *Secale segetale* (Пашкевич Г.А., 1999, с.112). Однако, хотелось бы отметить, что в скоплениях на лесостепных памятниках скифского времени уже довольно рано появляется и культурная рожь *Secale cereale.* Ее находки в Малой Рублевке (конец VI — начало V вв. до н.э.) и в Залесье (VII-VI вв. до н.э.) свидетельствуют, что рожь присутствовала в составе урожая в качестве самостоятельной зерновой культуры (Шрамко Б.А., Янушевич З.В, 1985, с.55; Пашкевич Г.А., 1991, № 5).

Обратимся теперь к некоторым хронологическим вариациям в истории скифского земледелия. Для лесостепной зоны ареала скифской культуры при исследовании отпечатков не наблюдается каких-либо статистически достоверных изменений в составе урожая на протяжении VII-IV вв. до н.э. Однако при сравнении степных палеоботанических комплексов классического (памятники конца V-IV вв. до н.э. в Запорожской и Херсонской обл.) и позднескифского (памятники II в. до — II в. н.э. в Херсонской и Одесской обл.) периодов[3] отличия весьма заметны.

Основным отличием степного ПБК классического времени как от позднескифского, так и скифского в целом, является относительно высокая доля представленных в отпечатках пшениц (двузернянки и мягкой): суммарно 24,7% (рис.3) и, соответственно, уменьшение удельного веса проса (до 57%). Позднескифский степной комплекс, напротив, в большей мере соответствует общескифскому: здесь высок удельный вес проса (73,8%), при низком — пшениц (4,7 %), отличаясь лишь высоким содержанием ячменя (20%); однако последнее характерно для всего степного комплекса. Впрочем, справедливости ради, следует отметить, что в отличие от лесостепных, степные коллекции в среднем непредставительны (всего две из 27 относятся к 4 классу, т.е. содержат более 75 отпечатков) и приведенные расхождения могут объясняться именно этим фактором.

Такие выводы прямо противоречат заключениям Н.А.Гаврилюк относительно характера изменений, произошедших в земледельческом секторе сельского хозяйства в позднескифский период (Гаврилюк Н.А., 1999). Ее утверждения о возрастании роли пшениц, появлении ржи и овса как новых самостоятельных зерновых культур в урожае не соответствуют опубликованной к настоящему времени информации. И хотя эти выводы базируются на палеоботанических коллекциях с тех же памятников, что использованы и в моих расчетах, я могу лишь предположить, что возможно, Н.А.Гаврилюк пользовалась неопубликованными новыми материалами[4]. Однако, как это было показано выше, увеличение объемов палеоботанических коллекций отпечатков только подтверждает и делает более явными, установленные ранее закономерности.

При решении вопроса о том, сколь адекватно палеоботанические комплексы, полученные при анализе отпечатков, отражают состав реального урожая, мы сталкиваемся с двумя аспектами этой проблемы: 1) репрезентативность выборки и 2) случайность или намеренность отпечатков.

Несмотря на значительное число учтенных памятников, основу скифского палеоботанического комплекса формируют крупные коллекции отпечатков лишь некоторых из них. Среди последних выделяются Мотронинское (418 отпечатков), Глинское (176), Трахтемировское (127), Бельское (96) городища и Полковая Никитовка (144) — в лесостепи, а также Золотая Балка (100), Анновское (83) и Лысая гора (72) — в степи. Так, к примеру, на отпечатки с Мотронинского городища приходится более четверти всех находок проса, а суммарно на крупные коллекции — более 80%.

Как показывает статистический анализ (рис.4), наблюдается тесная зависимость между числом отпечатков, зафиксированным на том или ином памятнике, и количественными показателями проса в этой коллекции. А именно: с увеличением числа зафиксированных отпечатков возрастает и число просяных зерен среди них. Коэффициент корреляции этих показателей является весьма значимым и равен +0,99. В качестве примера можно привести работу над коллекцией керамики с Мотронинского городища. Дополнительные исследования керамики по сравнению с первоначальными увеличили коллекцию отпечатков в 11 раз (с 38 до 419 экз.), количество зерен проса при этом возросло почти в 15 раз, а их доля — с 71% до 93% (ср. Пашкевич Г.А., 1991. № 30; Бессонова С.С., Скорый С.А., 1999, с.18).

Распределение коллекций со скифских памятников по количественным классам, согласно общему числу отпечатков (рис.5) показывает, что диапазон колебаний показателей проса в первых трех классах (от 1 до 75 отпечатков) исключительно широк. И хотя заметна тенденция к его сокращению уже в классах 2 и 3, но окончательная стабилизация — на уровне от 80% и выше — отмечается только в больших коллекциях (классы 4-7).

Аналогичный анализ для отпечатков других культурных растений показывает, что их количественная представительность и удельный вес не зависят в такой же мере от объема коллекций[5]. Однако диапазон колебаний удельного веса отдельных таксонов в малых выборках (1-2 классы) и здесь очень велик. Это означает, что, если использование данных по малым вы-

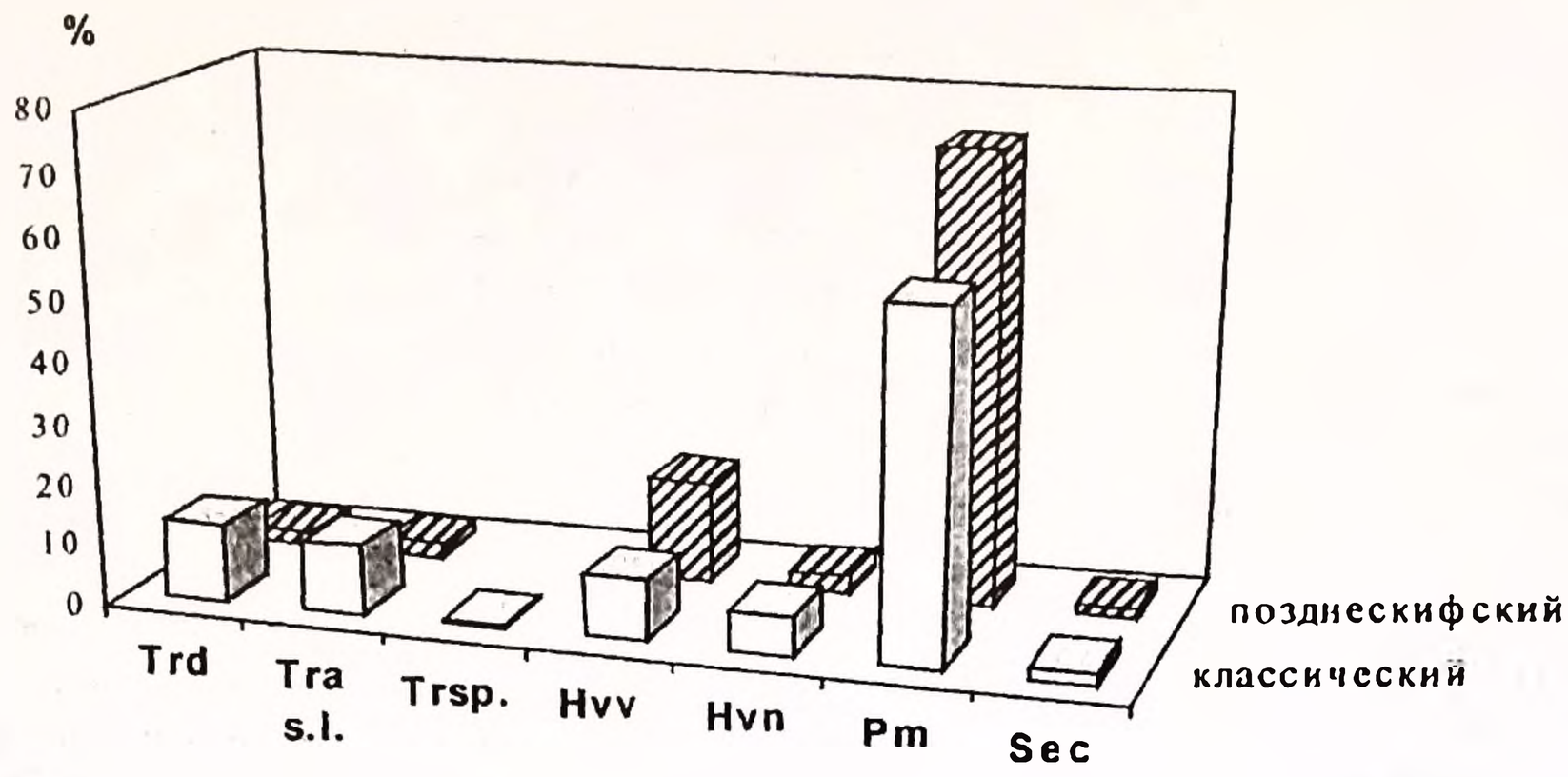


Рис.3. ПБК степной Скифии (по отпечаткам): классический и позднескифский периоды.

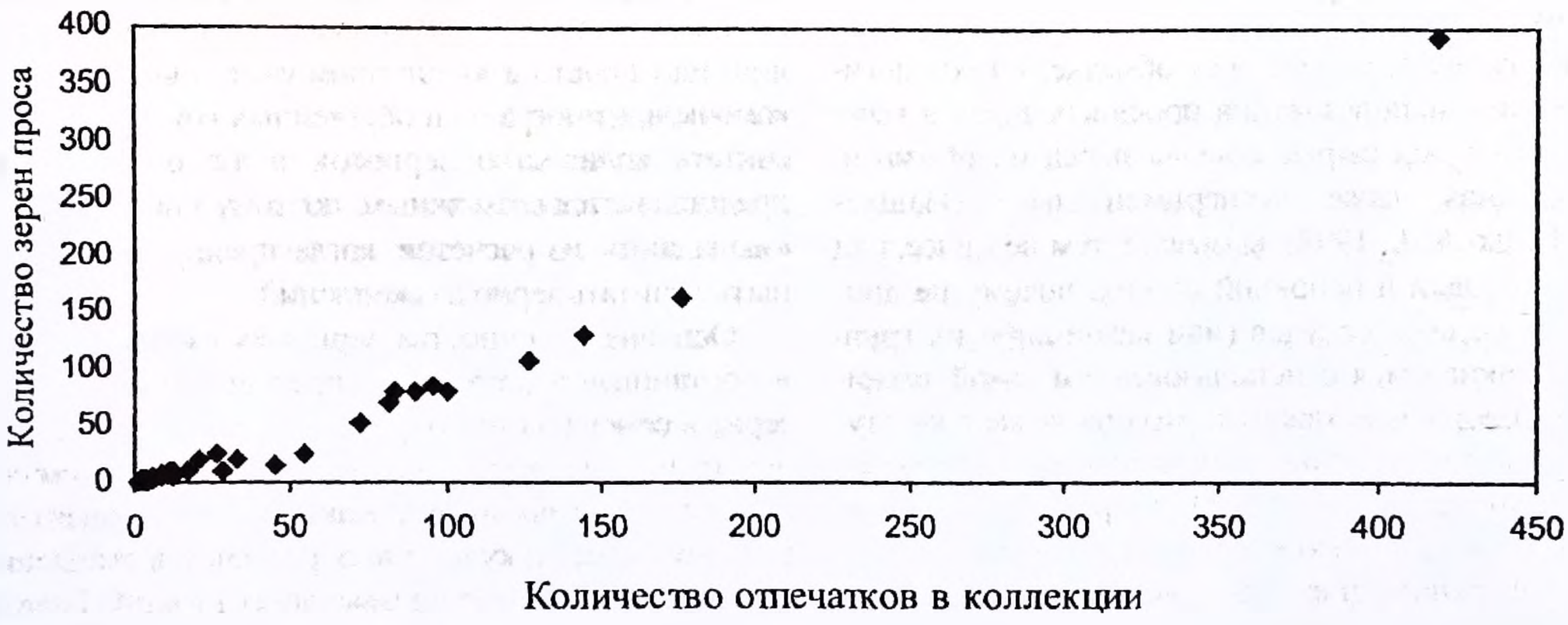


Рис.4. Корреляционная зависимость между общим числом отпечатков зерен в коллекции и числом отпечатков проса в ней. Каждая точка соответствует коллекции отпечатков с одного памятника.

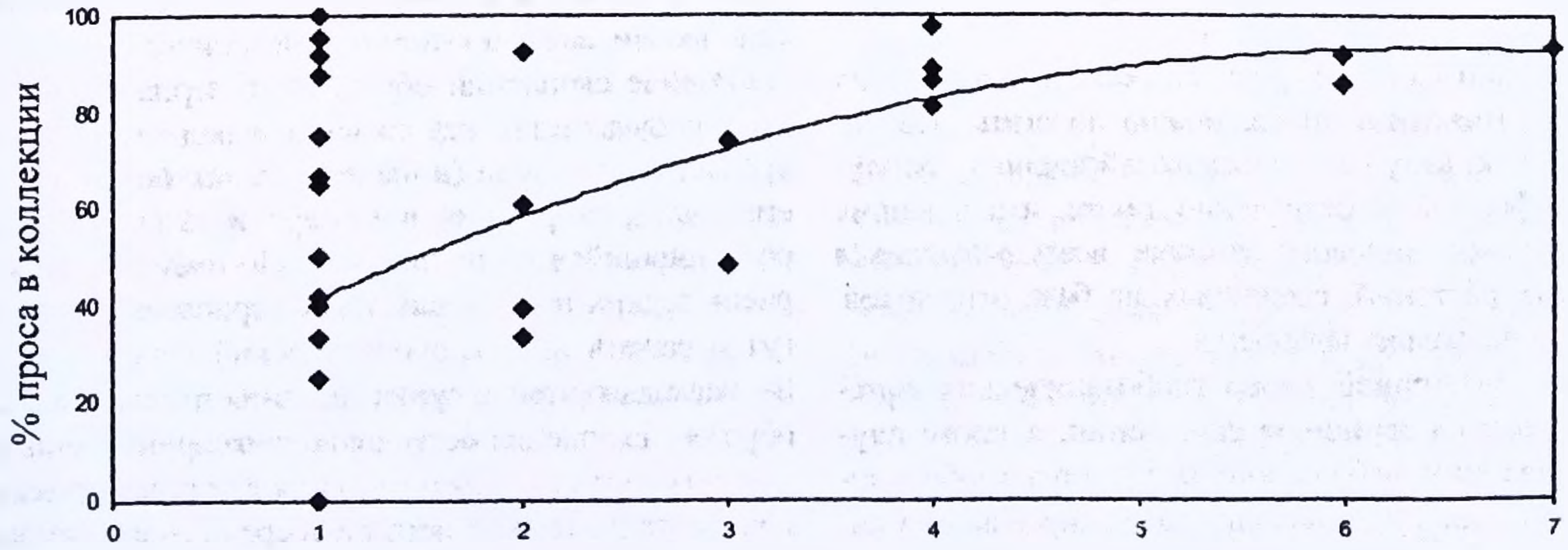


Рис.5. Процентная доля отпечатков зерен проса в зависимости от класса коллекции отпечатков. Каждая точка соответствует коллекции отпечатков с одного памятника.

боркам (от 1 до 50 зерен) и возможно при включении их в большие массивы данных (скифскую коллекцию в целом), то для сравнений между отдельными памятниками такие коллекции не пригодны. По всей вероятности, наиболее достоверными являются выборки не менее чем в 75-80 зерен, т.е., начиная с 4 класса. Таковых, как уже было отмечено, для отпечатков скифской культуры у нас всего девять: семь в лесостепной зоне и две — в степной.

Существует еще одна проблема интерпретации данных, полученных при изучении отпечатков: случайно ли попадание зерен в керамическое тесто. Почти четверть века назад З.В.Янушевич, впервые столкнувшись с фрагментами керамики, буквально усыпанными отпечатками проса (преимущественно на днищах сосудов), предположила, что столь высокая их концентрация не случайна. Она видела два варианта объяснений этого явления: либо технологический (подсыпка под сосуды при их изготовлении), либо ритуальный (Янушевич З.В., 1976, с.156). Отпечатки других земледельческих культур никогда не бывают столь обильно представлены на керамике или обмазке. «Технологическая версия» использования просяных зерен в качестве подсыпки под сырые сосуды перед их обжигом, подтвержденная даже экспериментально (Пашкевич Г.О., Гейко А.В., 1998), вызывает, тем не менее, ряд вопросов. Первый и основной из них: почему на днищах далеко не всех сосудов (или какой-либо их группы) мы сталкиваемся с использованием такой техники? Иначе говоря, мне кажется, что принятые в культуре стандарты изготовления посуды должны быть более устойчивыми и, следовательно, широко распространенными. Возможно, что «ритуальная версия» (по сути — тот же технологический прием, но используемый в ритуальных, а не сугубо бытовых целях), обусловленная некими земледельческими культами и обрядами, ближе к истине. Напомним также, что находки подобных керамических фрагментов со сконцентрированными на них отпечатками проса известны и в памятниках эпохи бронзы, в частности, для культур круга ноа-сабатиновка-кокосложень.

Однако при любых вариантах объяснения наличия обильных отпечатков проса, можно полагать, что это растение было ведущей сельскохозяйственной культурой у скифов. Хотя безусловно также, что в наших реконструкциях видового состава возделывавшихся культурных растений, сделанных на базе отпечатков, доля проса несколько завышена.

Другой категорией палеоэтноботанических материалов являются **зерновые скопления**, а также **случайные находки** небольшого количества карбонизированных зерен. Такие находки зафиксированы на пяти памятниках в лесостепи и четырех — в степной зоне (табл.1). В целом они демонстрируют тот же видовой состав возделывавшихся растений, что и отпечатки. Однако чаще всего в скоплениях находят пленчатый многорядный ячмень и пшеницу двузернянку. На Бельском городище скопления зерна из двух ям, одна из которых была овином, представляют собой смесь двузернянки с пленчатым ячменем (почти в равных пропорциях), на Коломакском — обнаружена чистая двузернянка, в Оснягах — смесь двузернянки с однозернянкой, почти во всех ямах поселения Лысая гора и на Кнышевском городище основу скоплений составляет ячмень. Обугленные зерновки проса встречены только на трех степных памятниках — в виде спекшегося комочка в культурном слое Любимовки, в одном из погребений могильника Широкое III и в Гавриловке.

Наблюдаются заметные несоответствия между данными, полученными при анализе отпечатков и зерновых скоплений даже в пределах одного памятника. Так, например, на Бельском городище и Лысой горе, где просо составляет основу коллекций отпечатков (около 90%), оно вовсе не обнаружено в скоплениях. Отметим, что скопления зерен проса, в отличие от других растений, вообще очень редко находят в зерновых ямах. Гораздо чаще оно встречается в сосудах (вероятно, приготовленное для пищевых целей), на полах жилищ или просто в культурном слое в виде спекшихся комочков, а иногда — и обугленных комков каши. Подсчитать количество зерновок в таких комочках не представляется возможным, поэтому они, как правило, «выпадают» из расчетов, когда предпринимаются попытки считать зерно из скоплений.

Основная «ценность» зерновых скоплений для палеоботаников заключается, прежде всего, в том, что зерна и семена в них сохраняются существенно лучше, чем те, что мы можем обнаружить в культурном слое в результате его промывки. Как правило, процент неопределимых зерен культурных растений в скоплениях в отличии от отмывок чрезвычайно низкий. Благодаря хорошей сохранности можно судить о биологических особенностях тех или иных посевных культур, проводить их сравнительный анализ. Кроме того, представленные в зерновых скоплениях сорняки указывают на характер агрикультуры. Поэтому исследование таких находок в большей степени решает чисто биологические задачи, нежели культурно-исторические.

В виде скоплений обугленного зерна в жилищах, ямах, сосудах и т.п., как правило, перед нами предстает урожай одного года (а чаще — лишь незначительная его часть), сгоревший в пожаре и, благодаря этому, сохранившийся до наших дней. К тому же только на очень редких памятниках такие зерновые находки могут отражать весь хронологический спектр или хотя бы несколько этапов существования поселения. Таким образом, скопления безусловно фиксируют лишь факт наличия того или иного растения в составе урожая, но доля каждого конкретного вида среди возделывавшихся культур по этим материалам установлена быть не может.

В этой связи наиболее объективной категорией палеоботанических источников становятся остатки растений, полученных путем **флотации культурного слоя** поселений. Образцы, собранные из различных

строительных объектов (помещения, хозяйственные комплексы, ямы и т.п.), а также не связанных с ними участков культурного слоя в самых различных частях поселения, конечно же, будут представлять собой достоверную выборку, а зерна и семена из отмывок этих образцов — отражать реальное соотношение культивировавшихся растений.

Всего два скифских памятника исследовались методом флотации: Мастище (Лебедева Е.Ю., 1999а) в лесостепной зоне и Каменское городище (Пашкевич Г.А., 1991, и статья в настоящем сборнике) в степной. Оба демонстрируют высокий удельный вес проса (в среднем 55%) в урожае скифов, но в меньшей степени, чем отпечатки (рис.6). Значение пленчатого ячменя и пшеницы двузернянки, напротив, в сравнении с отпечатками маркируется более высокими показателями (16,6% и 23,1% соответственно). На мой взгляд, такая иерархия и удельный вес основных растений в палеоботаническом комплексе в гораздо большей степени отражают состав реального скифского урожая, чем тот, что мы обсуждали выше, реконструируя его по отпечаткам. Но поскольку приведенные наблюдения базируются на результатах анализа материалов из отмывок всего лишь на двух памятниках, каких-либо генеральных выводов на их базе строить невозможно. Совершенно очевидной является необходимость продолжения работ в этом направлении.

Перспективность таких исследований связана не только с уточнением состава возделывавшихся растений, но также и с выяснением роли и места земледельческого сектора в хозяйстве скифских племен. При этом особую роль может сыграть такой фактор, как насыщенность слоев поселений палеоботаническими макроостатками, и главным образом — зернами и семенами культурных растений. Возможность применения такого критерия для сравнительного анализа материалов появляется только при использовании стандартного объема пробы[6] при полевых сборах образцов. Весьма выразительным является пример сравнения насыщенности слоя на скифском поселении Мастище и одном из греческих памятников в Восточном Крыму — поселении Крутой Берег. Последнее выбрано в качестве сравнения поскольку здесь совпадают и датировки памятников и число собранных образцов: 21 на Мастище и 24 на пос.Крутой Берег. Если для скифского памятника на каждый из образцов приходится в среднем 9 зерен и семян культурных растений (от 1 до 26), то для греческого — 120 (от 4 до 624). Конечно же не на всех античных поселениях столь высока концентрация остатков культурных растений в слое: на пяти других исследованных автором памятниках она колеблется от 16 до 209 зерен и семян на образец. Здесь сказываются и типология памятников, и мощность культурных отложений, и масса других факторов.

При интерпретации материалов, полученных из отмывок, особое значение приобретает археологический контекст. Поэтому очень важным этапом является самый начальный — момент отбора проб, их детального описания и маркировки. Должно быть сбалансированным количество образцов, взятых из заполнения ям, жилищ, очагов и других сооружений, а также из культурного слоя за пределами строительных объектов. Совершенно очевидно, например, что если из пробы со дна какой-либо ямы мы получаем образец, содержащий очень большое количество зерен или семян, то это может означать, что мы столкнулись здесь с остатками зернового скопления и, по всей вероятности, именно в этой категории его и следует рассматривать. Напротив, послойная промывка заполнения шести ям на скифском поселении Мастище, показала, что они вряд ли могли служить для хранения зерна (по меньшей мере, на момент засыпания их культурным слоем или началом его накопления). Концентрация макроостатков культурных растений в образцах, взятых через каждые 20-25 см слоя, была незначительной и возрастала вполне равномерно (например, в яме № 2: 2-13-17-21; яма № 8: 6-7-18-26-23 зерен на образец), что позволяет считать отложения в этих ямах обычным культурным слоем и не связывать их с зернохранилищами.

Подводя итоги, можно констатировать, что все три рассмотренные категории материалов дают неоднозначное представление о скифском палеоботаническом комплексе. Единственным критерием, позволяющим использовать одновременно информацию по всем этим находкам, является **частота встречаемости** отдельных сельскохозяйственных культур на памятниках. При этом виде анализа палеоботанических данных игнорируется абсолютное число таксонов, представленных в образцах (или в нашем случае — на археологических памятниках). Каждый вид возделывавшихся растений, зафиксированный на памятнике любой категорией источников, принимается за единицу; далее подсчитывается, на скольких памятниках он встречается. Показатель частоты встречаемости выражается в процентах от общего числа учтенных памятников. Например, мягкая пшеница встречена на 12 поселениях из 50; следовательно, показатель ее встречаемости — 24%.

Анализ частоты встречаемости культурных растений на скифских памятниках (рис.7) устанавливает ту же их иерархию, что и количественный анализ отпечатков — просо, пленчатый ячмень и полба, — однако, значение двух последних посевных культур существенно выше. К примеру, двузернянка встречается почти на каждом втором из учтенных памятников (тогда как удельный вес ее в отпечатках менее 3%), а ячмень — еще чаще. Интересно, что в лесостепной части Скифии каждое из трех этих растений встречается чаще, чем в степной (рис.7), а показатели встречаемости ячменя и проса в лесостепных материалах примерно одинаковы (разница между количественной представительностью их в отпечатках достигает 75%!).

И в заключение хотелось бы остановиться еще на одной проблеме, связанной со скифским земледелием, а именно — о возможностях товарного экспорта зерна

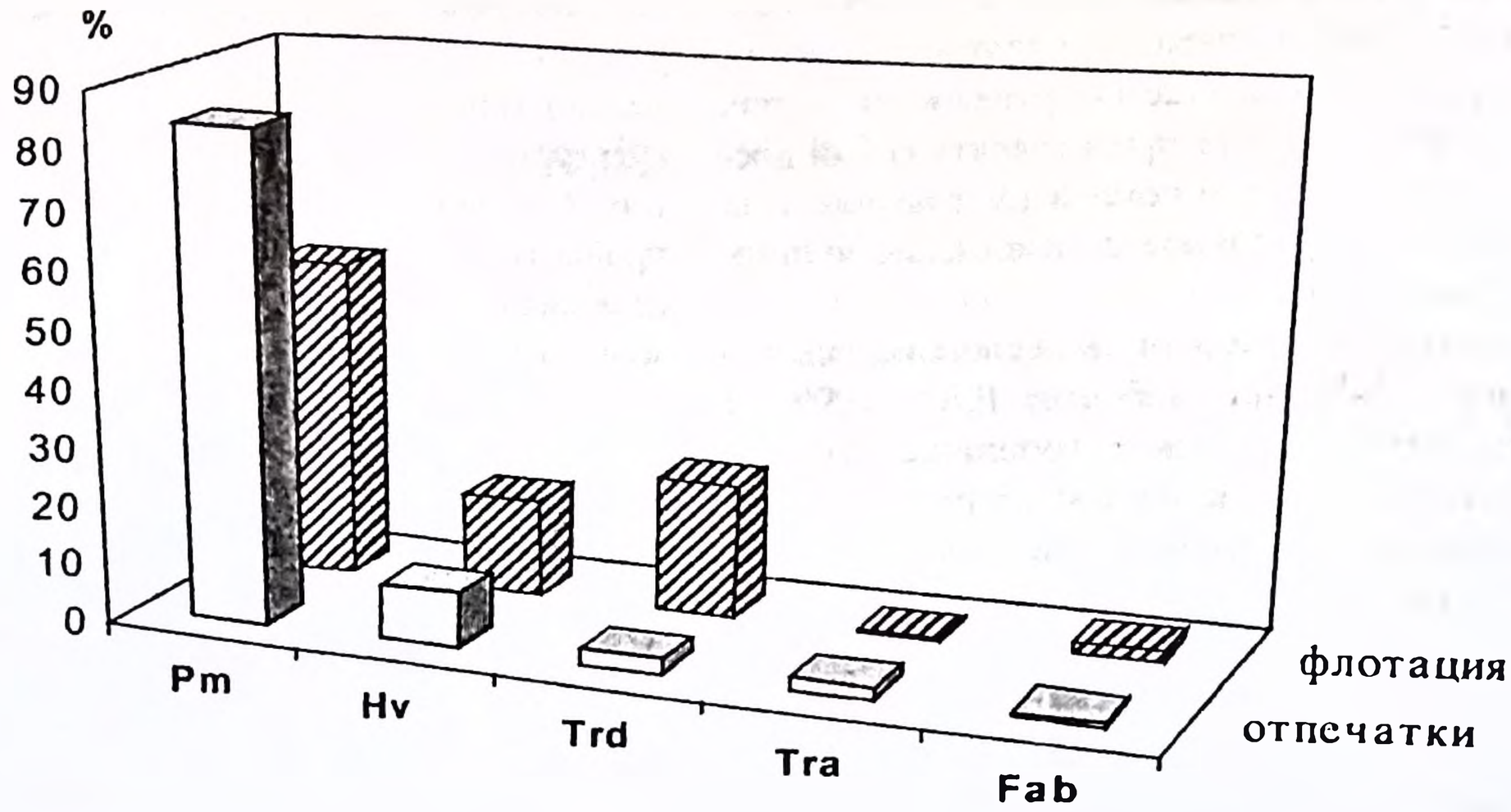


Рис.6. Сравнение скифских ПБК по данным флотации и отпечатков.

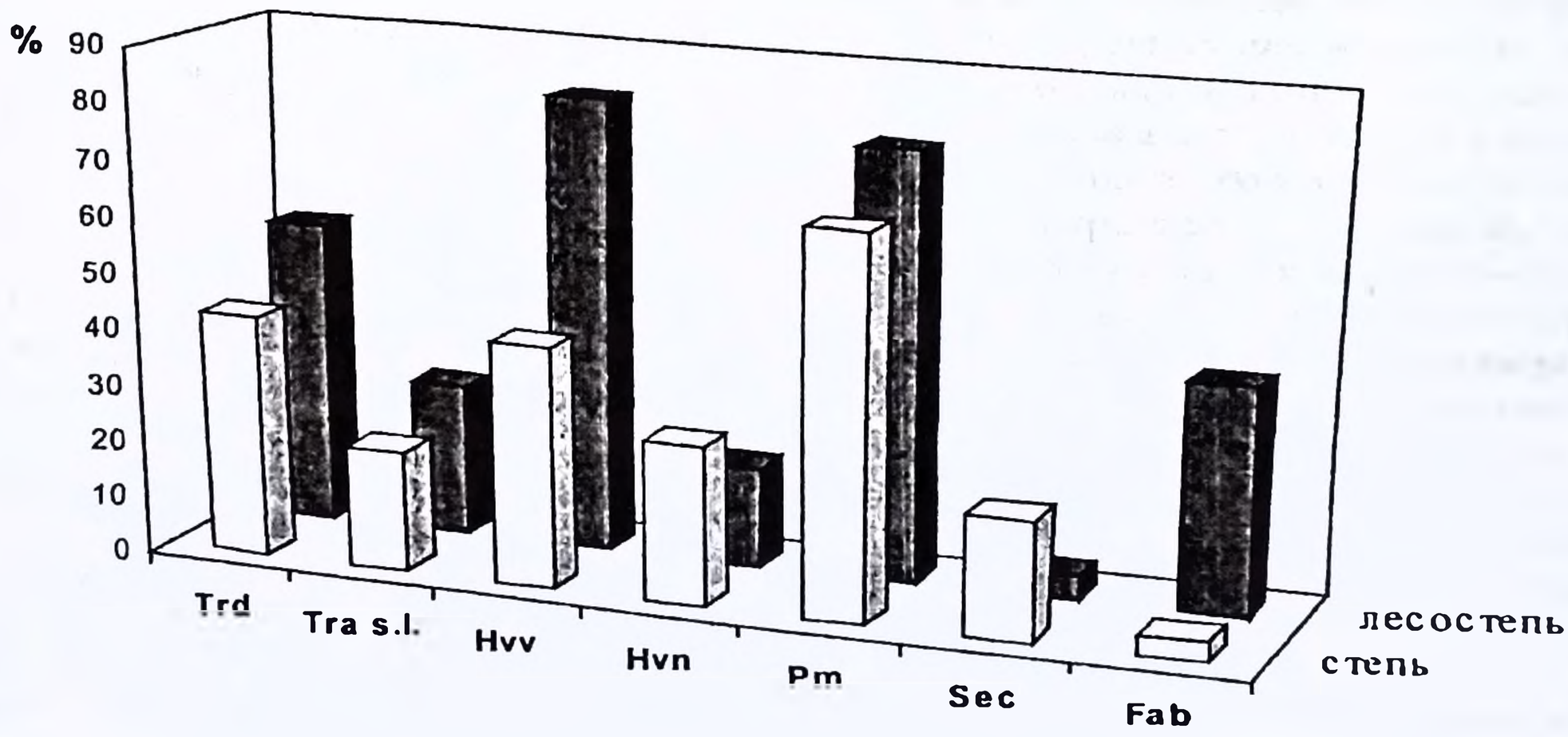


Рис.7. Частота встречаемости культурных растений на скифских степных и лесостепных памятниках

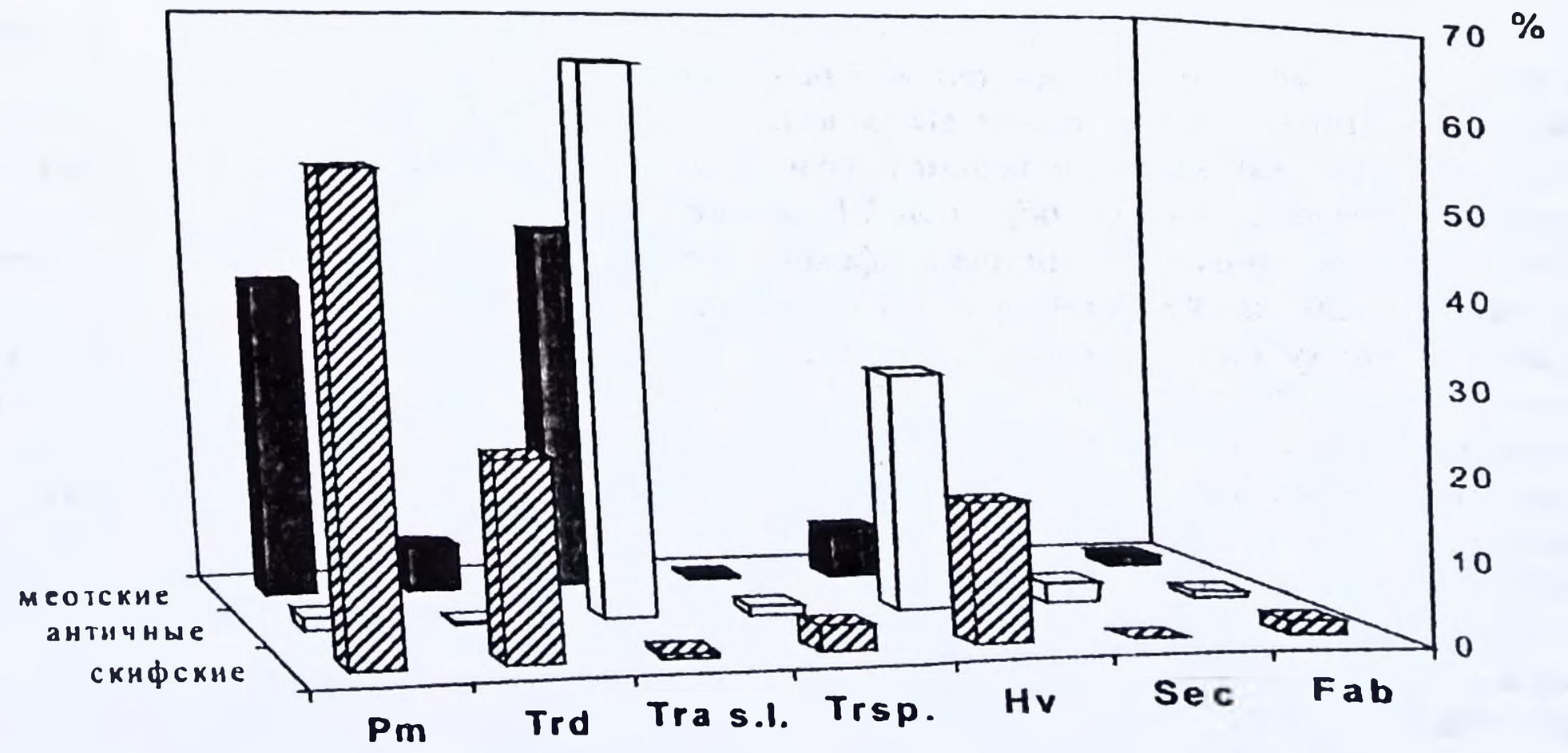


Рис.8. ПБК скифских, античных и меотских поселений (по данным флотации)

из Скифии. Несмотря на то, что уже неоднократно эту тему пытались «закрыть», исследователи периодически вновь обращаются к данному вопросу. Рассмотрим проблему с точки зрения данных палеоэтноботаники. Прежде всего, привлекает внимание тот факт, что ни одна категория палеоботанических материалов не фиксирует на скифских поселениях мягкой пшеницы[7] в количестве, достаточном для того, чтобы говорить об ее экспорте в крупные античные центры Северного Причерноморья (для дальнейшего реэкспорта в Грецию). Напомню: ее доля в отпечатках — 2,2 % (1% в лесостепи и 5,2% в степной зоне — максимально 11,4% в V-IV вв.); в отмывках — одно зерно на Мастище; в скоплениях — только единичные зерна в качестве примеси. Зерновые скопления, основой которых является мягкая пшеница, появляются только на памятниках, расположенных в непосредственной близости от греческих городов или на их хоре. В качестве небольшого наглядного примера рассмотрим гистограмму, демонстрирующую палеоботанические комплексы, полученные по зерновым материалам, собранным путем флотации культурного слоя скифских, античных и меотских памятников (рис.8). Нетрудно заметить, что в отличие от всех рассмотренных выше графиков, где демонстрировался в разных вариантах, но единый и устойчивый скифский ПБК, здесь наблюдаются три комплекса, причем совершенно отличных друг от друга. Мы видим, что определяющими состав урожая земледельческими культурами для античных поселений была мягкая пшеница и пленчатый ячмень; у скифов — просо, пшеница двузернянка и пленчатый ячмень; а у меотских групп — мягкая пшеница и просо. Хочу подчеркнуть, что ни у каких других племен железного века, кроме меотских, мы не встретим находок мягкой пшеницы в столь значительных объемах. Причем это подтверждается не только материалами из отмывок, но и многочисленными зерновыми скоплениями (Лебедева Е.Ю., 1994). Таким образом, палеоботанические материалы, которыми мы располагаем на сегодняшний день, свидетельствуют, что только в Прикубанье мягкая пшеница могла выращиваться специально в товарных целях.

Необходимо отметить, что представленная на графиках информация (рис.8) получена с очень ограниченного круга памятников: пяти — для меотов (Чамлыкское X, Чамлыкское XIII, Прикубанское, Круглый Камень и Стеблицкое)[8], четырех — для античности (восточнокрымские поселения Генеральское Западное, Крутой Берег, Салачик, Кошара — Лебедева Е.Ю., 1991; Масленников А.А., 1998) и двух скифских (Мастище и Каменское) и уже в силу этого не может быть признана исчерпывающей. Однако различия в этих ПБК столь контрастны, что, на мой взгляд, в будущем при существенном увеличении за счет флотации палеоботанических коллекций, последние смогут стать своеобразным дополнительным репером при решении вопроса этнокультурной принадлежности некоторых памятников. Попытки использования палеоэтноботанических данных в этих целях уже предпринимаются (см. Былкова В.П., 1999). Этот вопрос требует, безусловно, более пристального рассмотрения и перед нами, конечно же, встает необходимость организации широких работ по флотации культурного слоя поселений скифского времени.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] При подготовке статьи использованы новые материалы и соответственно изменились (по сравнению с опубликованными ранее тезисами доклада — Лебедева Е.Ю., 1999а, с.70-73) как число учтенных археологических памятников, так и количественные показатели в статистических расчетах.

[2] Определением палеоботанического спектра (ПБС) при характеристике совокупности растительных остатков определенного поселения и палеоботанического комплекса (ПБК) — для отдельных археологических культур я пользуюсь вслед за Г.А.Пашкевич (Пашкевич Г.А., 1992, с.3).

[3] Предлагавшееся нами (Лебедева Е.Ю., 1999б, с.71,72) выделение раннего этапа по материалам раннескифских памятников в Ставрополье (курганные могильники конца VII — начала VI в. до н.э. Новозаведенное II и Краснознаменский) следует признать не вполне корректным, поскольку здесь мы, по всей вероятности, сталкиваемся с проблемой принадлежности исследованной керамики не носителям курганного обряда захоронений (скифам), а представителям местного оседлого населения (кобанская культура?).

[4] Приведенная таблица в книге Н.А.Гаврилюк (1999, с.330, табл.9, *1*), «звездочками» маркирующая лишь присутствие тех или иных растений в коллекциях, при отсутствии количественных (цифровых) данных не позволяет выснить причину столь существенных расхождений.

[5] В упоминавшейся коллекции с Мотронинского городища число отпечатков многорядного ячменя при увеличении коллекции выросло всего в два раза (с 11 до 21 экз.), а его доля при этом сократилась с 29 до 5%.

[6] В лаборатории естественнонаучных методов ИА РАН за стандартный принят объем в 10 л (или 1 ведро) почвы.

[7] В этой работе мягкая пшеница подразумевается в широком смысле (*Triticum aestivum s.l.*), включая и собственно мягкую *Tr. aestivum*, и карликовую *Tr. compactum*, и т.н. особую популяцию, состоящую из мягкой и карликовой пшениц *Tr. aestivo-compactum*. По мнению большинства исследователей именно мягкая пшеница являлась основой зернового экспорта из Северного Причерноморья в Грецию.

[8] Сбор и флотация образцов проведены И.С.Каменецким в ходе разведочных работ 1992 г. на этих поселениях.

ЛИТЕРАТУРА

Бессонова С.С., Скорый С.А., 1999. Хозяйственная деятельность обитателей Мотронинского городища // Скифы Северного Причерноморья в VII-IV вв. до н.э. (проблемы палеоэкологии, антропологии и археологии). Тез. докл. междунар. конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Б.Н.Гракова.

Былкова В.П., 1999. К проблеме культурного соотношения скифских поселений Нижнего Поднепровья и синхронных поселений сельской округи Ольвии // Скифы Северного Причерноморья в VII-IV вв. до н.э. (проблемы палеоэкологии, антропологии и археологии). Тез. докл. междунар. конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Б.Н.Гракова.

Гаврилюк Н.А., 1999. История экономики Степной Скифии VI-III вв. до н.э. Киев.

Гаврилюк Н.А., Пашкевич Г.А., 1991. Земледельческий компонент в экономике степных скифов конца V-IV вв. до н.э. // СА. № 2.

Лебедева Е.Ю., 1991. Палеоботанические исследования на античных памятниках Восточного Крыма // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. - V в. н.э.). Киев.

Лебедева Е.Ю., 1994. Результаты исследований палеоботанических материалов с меотских памятников Прикубанья // Боспорский сборник. 5. М.

Лебедева Е.Ю., 1999а. Палеоботанические исследования на поселении Мастище // Археология Центрального Черноземья и сопредельных территорий. Тез. докл. региональной научной конференции. Липецк.

Лебедева Е.Ю., 1999б. Палеоэтноботанические источники по земледелию скифской эпохи: проблемы интерпретации // Скифы Северного Причерноморья в VII-IV вв. до н.э. (проблемы палеоэкологии, антропологии и археологии). Тез.докл. межд. конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Б.Н.Гракова. М.

Масленников А.А., 1998. Эллинская хора на краю Ойкумены. Сельская территория европейского Боспора в античную эпоху. М.

Пашкевич Г.А., 1991. Палеоэтноботанические находки на территории Украины. Памятники I тыс. до н.э. — II тыс. н.э. Каталог I. Киев.

Пашкевич Г.А., 1992. Культурные растения Украины от неолита до средневековья (по палеоэтноботаническим материалам) // Научный доклад диссертации на соискание ученой степени доктора биологических наук. Киев.

Пашкевич Г.А., 1999. Палеоботанические исследования скифских памятников Северного Причерноморья // Скифы Северного Причерноморья в VII-IV вв. до н.э. (проблемы палеоэкологии, антропологии и археологии). Тез. докл. междунар. конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Б.Н.Гракова.

Пашкевич Г.О., Гейко А.В., 1998. Палеоботанічні дослідження та деяки питання виготовлення кераміки скифського часу з дніпровського лісостепового лівобережжя // Археологічний літопис Лівобережної України. № 1-2. Полтава.

Пузикова А.И., 1969. Поселения Среднего Дона // МИА. № 151.

Шрамко Б.А., Янушевич З.В., 1985. Культурные растения Скифии // СА. № 2.

Янушевич З.В., 1976. Культурные растения Юго-Запада СССР по палеоботаническим исследованиям. Кишинев.

Янушевич З.В., 1986. Культурные растения Северного Причерноморья. Палеоэтноботанические исследования. Кишинев.

Janusevic Z.V., 1981. Die Kulturpflanzen Skythiens // Zeitschrift für Archaologie. 15.

Г.А.ПАШКЕВИЧ

ПАЛЕОЭТНОБОТАНИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СКИФСКИХ ПАМЯТНИКОВ СТЕПНОЙ ЗОНЫ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Степные просторы Северного Причерноморья с конца VII в. до н.э. были заселены кочевыми скифскими племенами. Земледелие, как новая отрасль экономики при полукочевом образе жизни степных скифов, формируется, согласно археологическим данным, на границе V-IV вв. до н.э. (Гаврилюк Н.А., 1999, с.68,69). Проблема возникновения земледелия у скифских племен привела к поиску объективных источников для ее решения. К числу таких следует отнести палеоэтноботанические данные, интенсивное выявление и исследование которых проводится в Институте археологии НАН Украины в течение свыше двух последних десятилетий. Объектами исследования являются обугленные зерновки и семена, а также их отпечатки на фрагментах керамики ряда поселений и курганных могильников, расположенных в зоне обитания скифов в конце V-IV вв. до н.э. Кроме случайных находок, выявляемых визуально при раскопках, на ряде поселений с целью увеличения объема исследованных данных проводилась промывка (флотация) образцов грунта, отобранных из зерновых и хозяйственных ям, жилищ, построек, а также из различных, преимущественно золистых участков культурного слоя. Такой подход значительно повышает достоверность выводов.

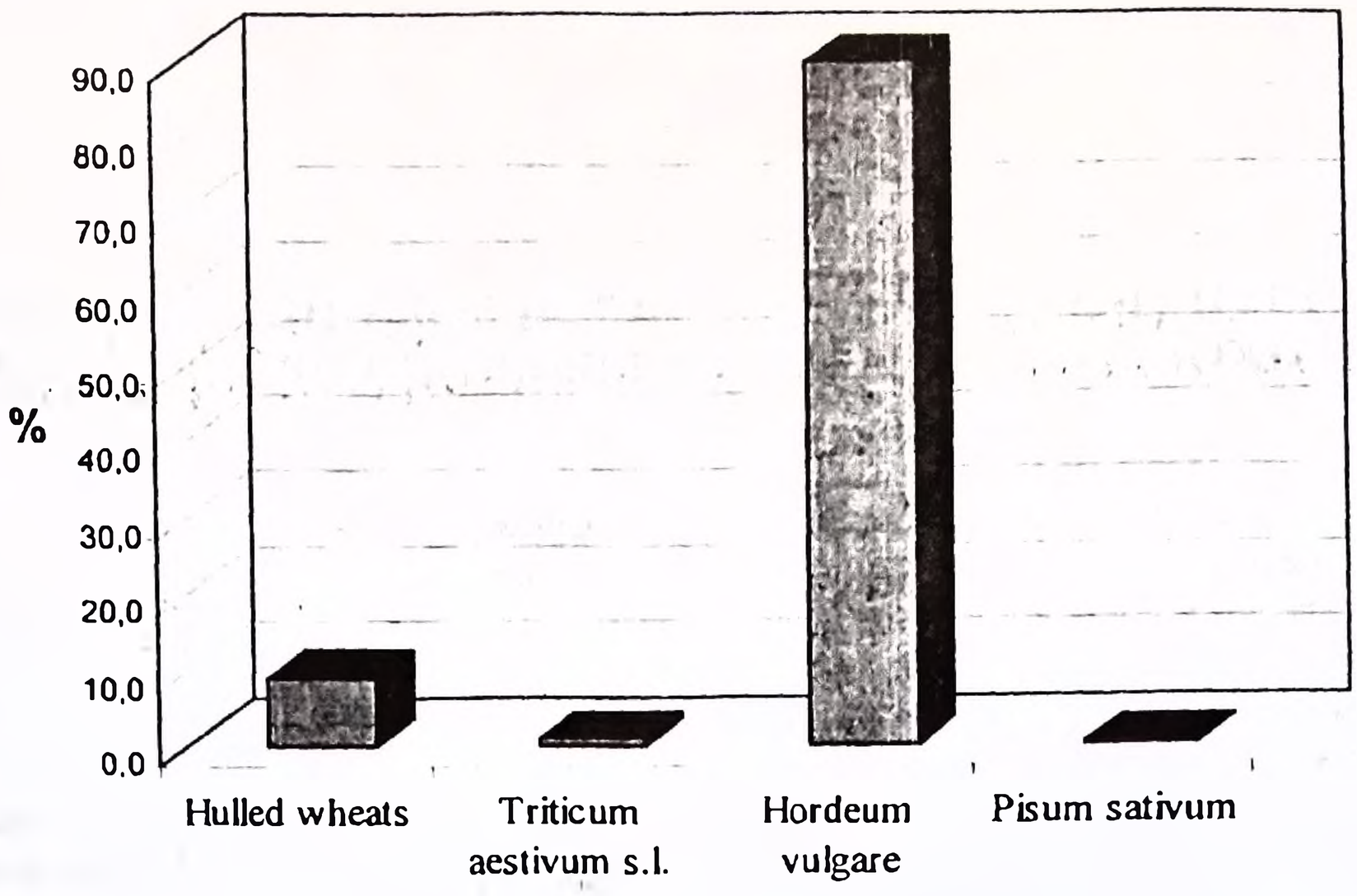
Одним из наиболее значимых памятников, материалы которого дают весомые доказательства появления земледельческого направления в экономике степных скифов, является поселение **Лысая гора**, расположенное в 3 км к западу от с.Васильевка Запорожской обл. Полномасштабные работы проводились здесь экспедицией Института археологии НАН Украины под руководством Н.А.Гаврилюк с 1984 по 1990 гг. На поселении бы ли вскрыты относительно небольшие жилища (полуземлянки), вокруг которых располагались многочисленные хозяйственные ямы (137), в некоторых находилось обугленное зерно. В культурном слое также встречались обугленные зерна. При раскопках 1986 г. с использованием геологических сит Н.А.Гаврилюк был отобран обугленный материал из пяти ям и один образец в заполнении помещения 2 полуземлянки 14 (10), которое датируется IV в. до н.э. (Гаврилюк Н.А., 1999, с.61-67). Дальнейшая обработка материала проводилась в лабораторных условиях автором. Как показали исследования, в каждом образце, кроме целых, находились в довольно большом количестве угольки и обломки зерновок, не поддающиеся определению (табл.1, рис.1).

Табл.1. Состав обугленного зерна из поселения Лысая Гора

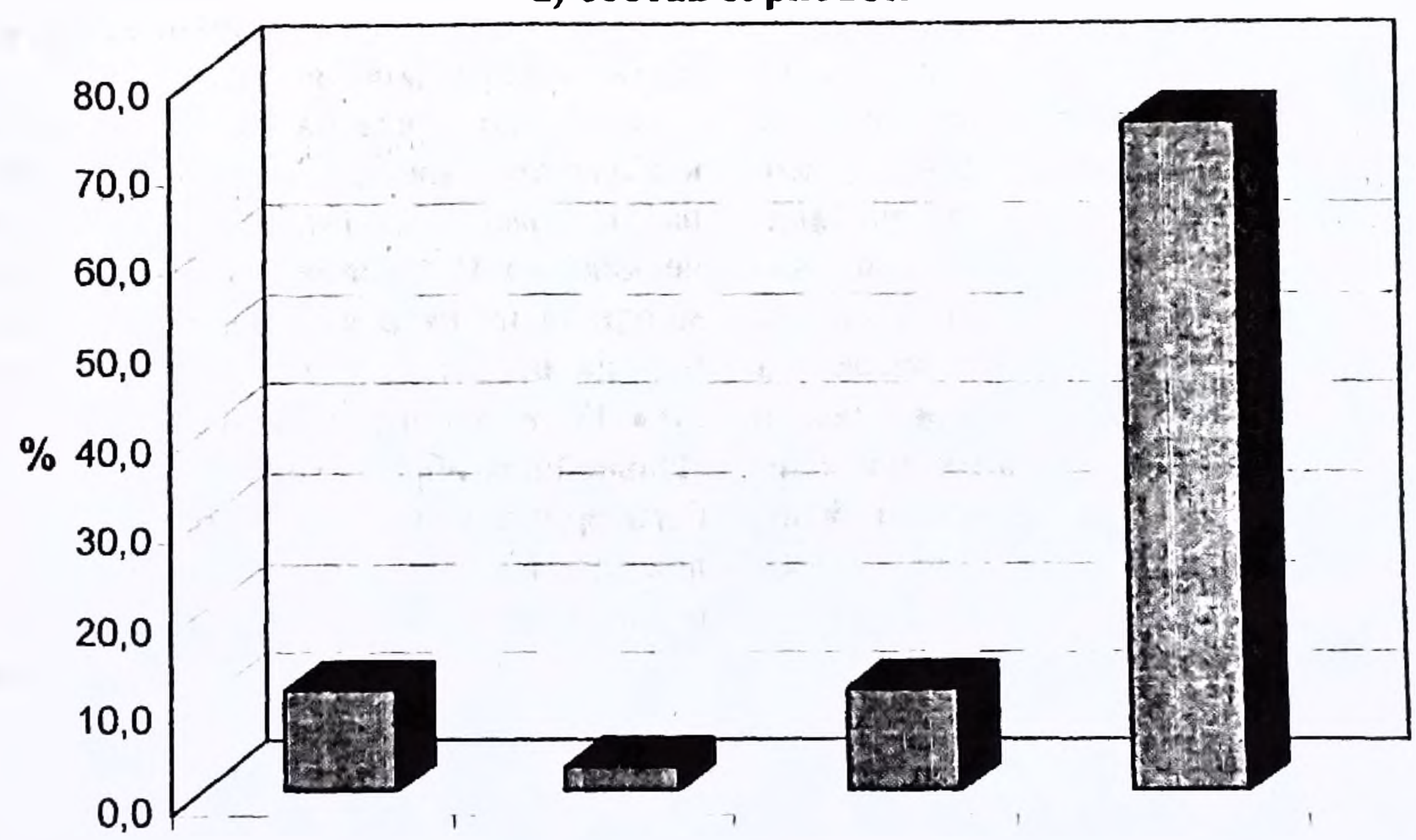
Образцы	Яма 1	Яма 2	Яма 3	Яма 4	Яма 5	Пом. 2	Кол-во	%
Объем образца (мл)	6.5	10	5	4	5	4		
объем зерновок (мл)	5,5	8	3	1	4	3		
Triticum monococcum	2	3	2				7	0.61
Triticum dicoccon	34	20	6	2	20	8	90	7.90
Triticum spelta	4	2			1		7	0.61
Triticum aestivum s.l.		1			8	1	10	0.87
Hordeum vulgare	186	295	187	52	139	165	1024	89.98
Pisum sativum					1		1	0.087
Количество зерновок	226	321	195	54	169	174	1138	100

В 1990 г. исследовался материал, полученный Н.А.Гаврилюк при промывке содержимого еще одной зерновой ямы. Установлен следующий состав, который по соотношению подсчитанных зерновок соответствует предыдущим находкам: преобладали зерновки пленчатого ячменя *Hordeum vulgare* — 116 шт., найдено 3 зерновки пшеницы двузернянки *Triticum dicoccon*, одна зерновка голозерной пшеницы *Triticum aestivum s.l.*, одна зерновка сорнополевой ржи Secale segetale и одно семя вики, неопределенное до вида.

На поселении Лысая Гора изучались также отпечатки зерновок на фрагментах лепной керамике (табл.2, рис.1). На днищах сосудов, на внешней и внутренней поверхностях стенок помимо зерновок зафиксировано значительное количество отпечатков растительного происхождения — чешуй, обломков соломин. В одном случае отпечатался колосок пшеницы двузернянки.



а) состав зерновок



б) состав отпечатков

Рис.1. Находки культурных растений в материалах поселения Лысая Гора

Табл.2. Состав отпечатков культурных и сорных растений, выявленный на фрагментах керамики поселения Лысая гора

Год раскопок	1984	1985	1986	1987	1989	1991
Кол-во исследованных фр-тов	21	24	26	Горшок	7	5
Triticum dicoccon	2		2		1	3
Triticum aestivum s.l.			1			1
Hordeum vulgare			4	1	2	1
Panicum miliaceum	9	16	28			
Secale sp.		1	1			
Bromus sp.					1	
Setaria sp.		1				
Неопред. злаки					2	
Неопред. отпечатки					1	

Таким образом, среди **обугленного зерна** абсолютно преобладают зерновки ячменя пленчатого. Они обнаружены в каждой зерновой яме в количествах, значительно превосходящих все остальные (см. табл.1). Второе место по количеству обнаруженного зерна принадлежит зерновкам пленчатых пшениц — однозернянке, спельте и двузернянке, с преобладанием среди них зерновок пшеницы двузернянки. Зерновки голозерной пшеницы представлены единично. Найдено всего лишь одно семя гороха.

Как видно из таблицы 2, среди **отпечатков** преобладают (53) отпечатки зерновок проса обыкновенного. Они чаще всего встречаются на фрагментах днищ, реже — на внутренней и внешней поверхностях стенок сосудов. Отпечатки зерновок ячменя пленчатого и пшеницы двузернянки представлены поровну — по восемь отпечатков. Двумя отпечатками представлены зерновки пшеницы голозерной. Выявлены также единичные отпечатки зерновок сорных растений — ржи сорнополевой, костра и щетинника; видовое определение последних крайне затруднительно.

На **Каменском городище,** существовавшем с середины V и до конца III вв. до н.э., этом «наиболее ярком памятнике скифской оседлости в степи» (Гаврилюк Н.А., 1999, с.36), раскопки которого проводятся с перерывами уже более ста лет, материалом для палеоэтноботанического исследования послужили образцы, полученные при промывке грунта, и также отпечатки на керамике. Образцы для промывки отбирались автором в 1989 г. в 12-и местах раскопа № 17 и на участке «Порт». На раскопе 17 прослеживается усадьба с жилой постройкой и тремя хозяйственными ямами. По археологическим находкам усадьба датируется второй половиной IV в. до н.э. Обугленное зерно выявлено в десяти из двенадцати промытых образцах (табл.3). Для сопоставимости результатов в каждой точке отбора образцов промывалось по два ведра грунта.

Табл.3. Состав обугленных зерновок и семян в образцах промывок из Каменского городища

Год	объект	код	кол-во	имя латинское	имя русское
1989	кв.1, транш. 5	Br	7	Brassicaceae	Крестоцветные
		Cha	4	Chenopodium album	марь белая
		Td	1	Triticum dicoccon	пшеница двузернянка
1989	кв.35-40	Br	4	Brassicaceae	Крестоцветные
		Cha	95	Chenopodium album	марь белая
		Hv	2	Hordeum vulgare	ячмень пленчатый
		Pm	7	Panicum miliaceum	просо обыкновенное
		Pp	3	Polygonum patulum	горец отклоненный
		Ps	1	Pisum sativum	горох посевной
		Rsp	2	Rumex sp.	щавель, неопред. до вида
		Td	1	Triticum dicoccon	пшеница двузернянка
1989	кв.39, н.слой	Br	7	Brassicaceae	Крестоцветные
		Cha	16	Chenopodium album	марь белая
		Hv	3	Hordeum vulgare	ячмень пленчатый
		Pm	14	Panicum miliaceum	просо обыкновенное
		Td	19	Triticum dicoccon	пшеница двузернянка
1989	кв.45, н.слой	Br	15	Brassicaceae	Крестоцветные
		Sg	8	Setaria glauca	щетинник сизый
1989	р.17,кв.27	Br	7	Brassicaceae	Крестоцветные
		Pm	3	Panicum miliaceum	просо обыкновенное
1989	р.17,кв.28	Br	1	Brassicaceae	Крестоцветные
		Cha	5	Chenopodium album	марь белая
		Pm	2	Panicum miliaceum	просо обыкновенное
		Td	1	Triticum dicoccon	пшеница двузернянка
1989	р.17,кв.29	Br	13	Brassicaceae	Крестоцветные
		Cha	27	Chenopodium album	марь белая
		Pm	2	Panicum miliaceum	просо обыкновенное
		Pp	1	Polygonum patulum	горец отклоненный
1989	р.17,кв.33	Br	12	Brassicaceae	Крестоцветные
		Pm	2	Panicum miliaceum	просо обыкновенное
1989	р.17,кв.35	Br	4	Brassicaceae	Крестоцветные
		Cha	5	Chenopodium album	марь белая
		Ecg	3	Echinochloa crusgalli	просо куриное
		Pm	1	Panicum miliaceum	просо обыкновенное
		Pp	1	Polygonum patulum	горец отклоненный
		Ps	2	Pisum sativum	горох посевной
		Td	1	Triticum dicoccon	пшеница двузернянка
1989	р.17,кв.38	Br	8	Brassicaceae	Крестоцветные

Как видно из этой таблицы, **зерновок** культурных растений выявлено немного и в каждом образце они представлены единичными находками, за исключением образца из кв.39, который был отобран рядом с зернотеркой. Здесь наряду с 19 целыми зерновками пшеницы двузернянки и тремя зерновками ячменя пленчатого находилось много обломков злаков, не поддающихся определению. Они образовались, возможно, в результате дробления зерна при использовании зернотерки.

Суммируя данные по находкам культурных растений на Каменском городище (табл.4, рис.2), видим, что их ассортимент представлен четырьмя видами. Преобладают зерновки проса обыкновенного (50%), на втором месте — зерновки пшеницы двузернянки, на третьем — ячменя пленчатого. Найдены здесь также три семени гороха посевного. Обильно представлены в пробах зерновки и семена сорных растений, среди которых больше всего найдено семян мари белой *Chenopodium album* (152) и семян представителей сем. *Brassicaceae* (78). Кроме них обнаружены зерновки проса куриного, щетинника сизого, семена горца отклоненного. Это типичные сорняки, засоряющие посевы культурных растений, а также известны и как рудеральные растения, встречающиеся в местах с нарушенным субстратом, изобилующим нитратами. Марь белая засоряет посевы зерновых культур, особенно изреженные посевы проса, разрастается на сорных, богатых нитратами, местах. Одно растение может давать до 100 тысяч семян. Высокое содержание белка и жиров в сравнительно большом зародыше способствовали тому, что в прошлом семена мари в некоторых местах собирали, вероятно, для использования в пищу. Известна находка 2,4 млн. семян мари белой в отложениях римского времени в Ютландии (Knörzer K.H., 1971, s.93). Щетинник известен как специализированный сорняк в посевах проса, встречается он также в составе местной флоры, растет на сорных местах, пустырях, вдоль дорог.

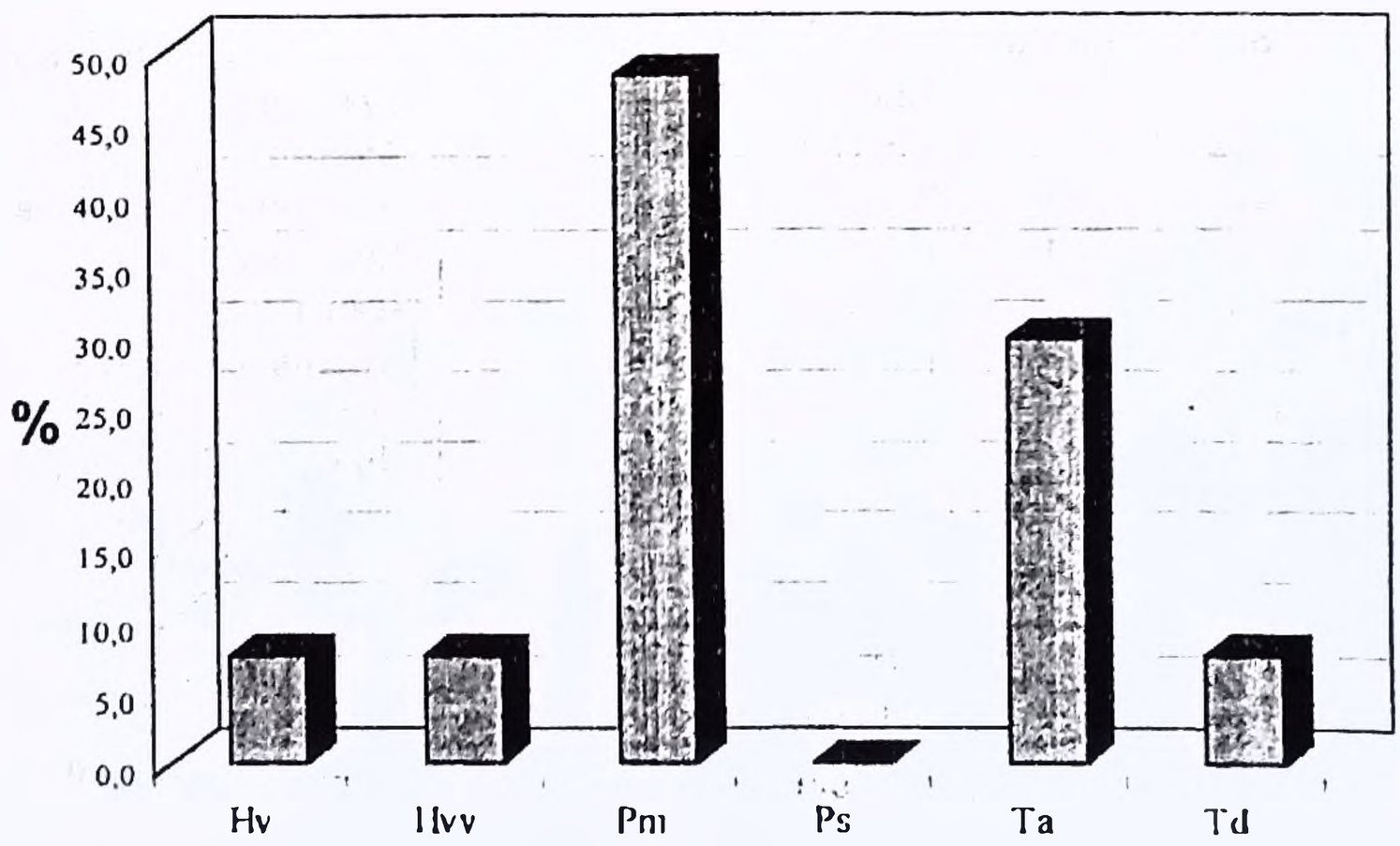


Рис.2. Находки культурных растений в материалах Каменского городища

Табл.4. Суммарный состав находок обугленных зерновок культурных растений из Каменского городища

код	кол-во	%	имя латинское	имя русское
Hv	5	8.06	Hordeum vulgare	ячмень пленчатый
Pm	31	50	Panicum miliaceum	просо обыкновенное
Ps	3	4.84	Pisum sativum	горох посевной
Td	23	37.1	Triticum dicoccon	пшеница двузернянка
Всего	62	100		

Вторым источником информации о составе растений, встречающихся на Каменском городище, послужили отпечатки их зерновок и семян на фрагментах керамики (табл.5). Как видно из таблицы, среди отпечатков культурных растений, как и среди обугленных зерновок, в материалах Каменского городища наблю-

Табл.5. Состав отпечатков культурных и сорных растений, выявленный на фрагментах керамики Каменского городища.

Год	код	кол-во	имя латинское	имя русское
1987	Ta	12	Triticum aestivum s.l.	Пшеница мягкая
1987	Pm	10	Panicum miliaceum	Просо обыкновенное
1987	Hv	1	Hordeum vulgare	Ячмень пленчатый
1987	Ecg	1	Echinochloa crusgalli	Просо куриное
1988	Csp	2	Cannabis sp.	Конопля,неопред. до вида
1988	Hv	3	Hordeum vulgare	Ячмень пленчатый
1988	Hvv	4	Hordeum vulgare var.co.	Ячмень голозерный
1988	Pm	4	Panicum miliaceum	просо обыкновенное
1988	Ss	2	Secale segetale	рожь сорнополевая
1988	Ta	4	Triticum aestivum s.l.	Пшеница мягкая
1988	Td	3	Triticum dicoccon	Пшеница двузернянка
1989	Pm	9	Panicum miliaceum	просо обыкновенное
1990	Ecg	2	Echinochloa crusgalli	просо куриное
1990	Pm	1	Panicum miliaceum	просо обыкновенное
1990	Ss	2	Secale segetale	рожь сорнополевая
1994	Pm	2	Panicum miliaceum	просо обыкновенное
1994	Td	1	Triticum dicoccon	Пшеница двузернянка

дается преобладание проса обыкновенного (табл.6, рис.1). Его значения почти такие же, как и среди находок зерновок — 48,15% отпечатки и 50% зерновки. На втором месте — отпечатки зерновок голозерной пшеницы, которые среди обугленного зерна вообще не выявлены. Пшеница двузернянка, ячмень пленчатый и ячмень голозерный выявлены в небольшом количестве (по четыре отпечатка каждого вида). Представлены в отпечатках зерновки и семена сорных растений: ржи сорнополевой, проса куриного. Конопля *Cannabis sp.*, отпечатки двух семян которой зафиксированы на фрагментах керамики Каменского городища, безусловно относится не к культурным растениям, а к тем, которые встречались в составе местной флоры. Находки ее в материалах скифских памятников вполне закономерны. По наблюдениям Геродота, конопля была известна скифам и находила применение в их быту: «Растет у них в стране конопля ... Она растет сама по себе и посеянная» (Herod., IV, 74,75).

Табл.6. Суммарный состав отпечатков культурных растений на фрагментах керамики Каменского городища

код	кол-во	%	имя латинское	имя русское
Hv	4	7.41	Hordeum vulgare	Ячмень пленчатый
Hvv	4	7.41	Hordeum vulgare var.co.	Ячмень голозерный
Pm	26	48.15	Panicum miliaceum	Просо обыкновенное
Ta	16	29.62	Triticum aestivum s.l.	Пшеница мягкая
Td	4	7.41	Triticum dicoccon	Пшеница двузернянка
Всего	54	100		

Результаты изучения отпечатков растений на фрагментах керамики ряда других степных памятников периода осседания скифов в IV в. до н.э. (раскопки Н.А.Гаврилюк, Б.Н.Мозолевского, В.В.Лапина, В.П.Былковой) представлены в табл.7. Как видно из таблицы, среди находок первое место принадлежит отпечаткам зерновок проса обыкновенного, на втором месте — отпечатки зерновок ячменя, главным образом, пленчатого, реже зафиксированы отпечатки зерновок ячменя голозерного. Почти в равных количествах с ячменем пленчатым представлены отпечатки пшеницы двузернянки. По одному разу зафиксированы отпечатки пшеницы голозерной и гороха.

Табл.7. Состав отпечатков культурных растений на фрагментах керамики степных скифских памятников IV-го в. до н.э.

памятник	год	объект	код	кол-во	имя латинское
Белозерское	1991	р.4,п.710	Td	1	Triticum dicoccon
Березань	1984	АБ-84/112	Hvv	1	Hordeum vulgare var.coeleste
Березань	1984	АБ-84/112	Pm	1	Panicum miliaceum
Березань	1984	АБ-84/242	Hv	1	Hordeum vulgare
Березань	1984	АБ-84/40	Ta	1	Triticum aestivum s.l.
В.Тарасовка	1986	п.2, сосуд	Pm	1	Panicum miliaceum
В.Тарасовка	1986	п.2, сосуд	Ts?	1	Triticum spelta
Водяное	1986	п.3, сосуд	Pm	1	Panicum miliaceum
Вольнянка	1986	Сосуд	Pm	1	Panicum miliaceum
Глубокая Пристань	1991	Р.4, п.61	Hv	1	Hordeum vulgare
Знаменское гор.	1994	Лепешка	Td	2	Triticum dicoccon
Ильичево	1964	к.5, п.4	Hvv	1	Hordeum vulgare var.coeleste
Ильичево	1964	к. 5, п.4, пряслице	Hvv	1	Hordeum vulgare var.coeleste
Карай Дубина	1957	п.2, горшок	Pm	1	Panicum miliaceum
Кут	1951	Курган 5, погр.5	Hv	1	Hordeum vulgare
Кут	1951	Курган 5, погр.5	Td	1	Triticum dicoccon
Кут	1951	Курган 5, погр.2	Td	1	Triticum dicoccon
Кут	1986	Горшок	Pm	1	Panicum miliaceum
Н.Рогачик	1992	Горшок	Pm	2	Panicum miliaceum
Первомаевка	1992	Горшок	Pm	2	Panicum miliaceum
Рогачик	1992	п.161, горшок	Pm	2	Panicum miliaceum
Совутинское гор.	1995	Яма 11, горшок	Pm	1	Panicum miliaceum
Усадьба Литвиненко	1990	Р.1,п.174	Pm	1	Panicum miliaceum
Усадьба Литвиненко	1990	Р.1,п.47	Hv	1	Hordeum vulgare
Усадьба Литвиненко	1990	Р.1,п.54	Pm	9	Panicum miliaceum
Херсон	1971	к.6, ров 38	Td	1	Triticum dicoccon
Херсон	1971	Р.1	Td	1	Triticum dicoccon
Чернеча	1986	Фр.керамики	Td	2	Triticum dicoccon
Чертомлык	1981	Зап.останец	Hv	3	Hordeum vulgare
Чертомлык	1981	Зап.останец	Pm	1	Panicum miliaceum
Чертомлык	1981	Юго-зап.останец	Pm	2	Panicum miliaceum

Большинство отпечатков хорошо передает морфологические особенности зерновок. Так, на отпечатках зерновок ячменя пленчатого видна характерная удлиненно-овальная форма зерновки с расширяющейся кверху бороздкой (если зерновка отпечаталась брюшной стороной) или три жилки наружной цветочной чешуи (если зерновка лежала спинной частью). Следует здесь отметить, что среди обугленных зерновок пленчатого ячменя отмечаются зерновки двух типов: крупные симметричные удлиненные и асимметричные, более узкие со скошенным основанием. Эта неоднородность указывает на принадлежность рассматриваемой группы злаков к форме многорядного ячменя. Для этой разновидности ячменя характерно наличие в «тройке» колоска двух боковых асимметричных зерновок и одной симметричной, более крупной, в центральной части. Размеры обугленных зерновок из пос.Лысая Гора (по 30 измерениям): длина L — 5,5 (5,7-6,4) мм, ширина B — 2,5 (2,2-3,0) мм, толщина T — 2,0 (1,7-2,5) мм, при величине индекса L/B =2,18.

Пшеница представлена в находках обугленными зерновками и отпечатками. Преобладающее значение принадлежит пленчатым пшеницам — в основном, двузернянке, в небольшом количестве представлена также пшеница спельта. Характерные отпечатки зерновок пшеницы двузернянки найдены на фрагментах лепной

керамики (см. табл.7), отпечаток колоска двузернянки представлен на фрагменте лепного сосуда из поселения Лысая Гора. Здесь же зафиксированы отпечатки чешуй с морфологическими признаками этой пшеницы. Обугленные зерновки пшеницы двузернянки (23 шт.) выявлены при промывках Каменского городища. Размеры их такие (по 30 измерениям): длина L: 5,2 (4,7-5,5) мм, ширина B — 2,4 (2,2-2,8) мм, толщина T — 2,1 (1,9-2,4) мм, при величине индекса L/B = 2,12.

Семь обугленных зерновок еще одной пленчатой пшеницы — спельты обнаружены среди находок в зерновых ямах Лысой горы. Зерновки имеют характерную форму — они удлиненно-овальные, каплеобразные, с заостренной вершиной и округлым основанием. Найдены также 11 обугленных зерновок мягкой пшеницы представлены в материалах поселения Лысая Гора и три отпечатка этой пшеницы выявлены среди отпечатков на фрагментах керамики Каменского городища.

Рожь — редкая находка. В материалах поселения Лысая Гора она представлена одной зерновкой и одним отпечатком. Зерновка узкая, с плоским основанием и заостренной верхушкой. Четыре отпечатка зафиксированы на Каменском городище. Вероятнее всего, эти зерновки принадлежали еще не культурной, а сорнополевой форме ржи *Secale segetale*, встречавшейся в посевах пшеницы как злостный сорняк. Ведь до тех пор, пока это растение не вошло в состав культурных, оно было известно как сорное. Н.И.Вавилов отмечал, что в Афганистане рожь называют «гандум дора», то есть растение, засоряющее посевы пшеницы или ячменя (Вавилов Н.И., 1926, с.27). Исходя из морфологических характеристик, установить принадлежность карбонизированной зерновки к культурной форме или сорной невозможно. Поэтому принято считать, что низкие проценты в образце зерновок ржи среди других злаков являются критерием того, что эти зерновки ржи принадлежат сорнякам (Behre K.-H., 1992, p.141).

Просо представлено обугленными зерновками (Каменское городище) и в виде отпечатков, которые имеют преимущество над отпечатками зерновок других культурных растений. Встречаются отпечатки зерновок вместе со следами чешуй, стеблей и листьев, т.е. отходов обмолота преимущественно на днищах лепных сосудов или в нижней части стенок. Попадание их туда связано, вероятно, с тем, что зерновки и растительная масса, оставшаяся от обмолота, использовались в процессе изготовления сосудов в качестве подсыпки под днища при их высушивании.

Если проанализировать агробиологические особенности культурных растений, возделывавшихся в Степной Скифии, то хорошо заметно, что среди них преобладают растения, для которых наиболее характерным качеством является засухоустойчивость. Это, прежде всего, просо обыкновенное и ячмень пленчатый. Известно, что просо по засухоустойчивости занимает одно из первых мест. Это растение аридной и субаридной зон очень ценится в районах с засушливым климатом — в тропиках, субтропиках и частично в умеренной зоне (Жуковский П.М., 1964, с.228). Благодаря быстрому созреванию (от посева до уборки требуется 60 — 65 дней), просо можно использовать для пересева в случае вымерзания пшеницы или ячменя. Важно и то, что сроки посева при этом могут быть поздними. К тому же, количество семян, необходимых для пересева, невелико. За подсчетами Колумеллы, проса нужно в 20 раз меньше средней нормы посева пшеницы и в 40 раз меньше нормы посева полбы (Колумелла, II, 9,17).

Для произрастания просу нужно очень немного влаги, и, как установлено, значительно меньше, чем какой либо другой зерновой культуре. Наиболее благоприятны для него богатые, достаточно влажные почвы и совсем не подходят пески.

Просо часто используется для пожнивных посевов на зеленый корм. На корм скоту используются и отходы обмолота зерновок, то есть мучель и лузга. Просяная солома и полова по кормовым достоинствам близки к луговому сену. Крупа, получаемая из проса — пшено, обладает высокими пищевыми достоинствами и хорошими вкусовыми качествами. Высокое содержание белка (12%) ставит просо на одно из первых мест среди других круп, а по содержанию жира (3,5%) оно уступает лишь овсяной крупе и чумизе. К тому же пшено быстро разваривается и легко усваивается (Растениеводство, 1971, с.143-152). Легкость и быстрота приготовления пищи из пшена обеспечили этому злаку популярность среди кочевых народов. Возможно, что скифы-кочевники использовали пшено для приготовления каш из толченой крупы с добавлением воды, молока или крови (Гаврилюк Н.А., 1987). Первые письменные сведения об использовании проса приводит Плиний, который сообщал, что сарматы готовили из пшена кашу и вкусный хлеб: «Просо особенно любят в Кампании, где из него делают особенную белую кашу и очень вкусный хлеб. Сарматские племена главным образом едят эту кашу, а также сырую муку с добавлением кобыльего молока или крови, пущенной из жил на бедре у коня. Эфиопы не знают никаких злаков, кроме проса и ячменя» (Плиний, с.312).

Согласно Колумелле, «из проса готовят хлеб, который можно не без удовольствия есть, пока он не остыл. Из могара, если его обтолочь и отсеять, а также из пшена выходит каша в каком угодно количестве, она даже вкусная, особенно с молоком» (Колумелла, II. 9,19).

В II-I вв. до н.э., как свидетельствуют древние авторы, просо и могар были в числе основных зерновых культур. Страбон называл просо одной из главных культур типичного кампанского севооборота после полбы. О надежности проса он писал так: «...Самый могучий способ против голода, потому что просо стойкое против всякой погоды и в нем никогда не бывает недостатка, если б иной хлеб плохо уродился» (цит. по: Кузишину В.И., 1968, с.111,113).

Просо очень плохо растет на засоренных местах, поэтому в прошлом его использовали в основном на

участках, освобожденных от леса (подсека) или от степной растительности (целина). К тому же зерно, собранное на подсеках, было более чистым от сорняков, имело хорошую всхожесть, морозостойкость.

Использование зерновок проса и отходов от его обмолота в качестве подсыпки под сырые сосуды, вероятно, и обусловило наличие в исследованных материалах преобладание его зерновок (в среднем, в пределах 60-70%). Занимало ли при этом просо одно из ведущих мест среди выращивавшихся растений? В соответствии с имеющимися данными, просо в последних веках I тыс. до н.э. — в начале I тыс. н.э. было хорошо известным культурным растением в Восточной и Центральной Европе, но значения его в посевах, возможно, были меньше, чем у племен, населявших территорию Украины. Находки проса здесь известны в материалах раннеславянских и соседних с ними племен: зарубинецкой (Пашкевич Г.О., 1989, с.31), липицкой и пшеворской культур (Paškevic, 1983, s.48; Козак Д.Н., Пашкевич Г.О., 1985, с.23), культуры карпатских курганов (Вакуленко Л.В., Янушевич З.В., 1974, с.37), киевской (Пашкевич Г.А., Терпиловский Р.В., 1981, с.99), черняховской культур (Рикман Э.А., Янушевич, З.В., 1966, с.79; Янушевич З.В., 1973). Значения его в палеоэтноботанических комплексах конца I тыс. до н.э. — начала I тыс. н.э. самые большие по сравнению с другими культурными растениями. Например, в материалах липицкой культуры просо составляет 48,5%, пшеворской — 55,86 %; для всех других культур указанного периода его значения превышают 60% (Пашкевич Г.А., 1988, с.171). Возможно, что в указанное время просо входило в состав основных зерновых культур, выращивавшихся на Правобережье Лесостепной части Украины. И в степной зоне Украины и Молдовы просо играло значительную, может быть, преобладающую роль в посевах. Ведь до недавнего времени в Степи наиболее ценились пшеница и просо. «Этот хлеб, не говоря уже о его большой ценности в торговле, есть, как его справедливо называют, хлеб степей... Для такого климата, как степной, где бездождие — вещь обыкновенная, понятно, что такое растение составляет бесценное сокровище» (Советов А.О., 1867, с.94). Большие значения проса отмечены также в материалах позднескифских городищ Нижнего Днепра (Pashkevich G.A., 1984, p.282).

Известны находки обугленных зерновок проса и их отпечатков для этого времени в материалах с территории Словакии (Hajnalova E., 1975, s.38,39; 1980, s.29), Германии (Knörzer K.-H., 1991, s.196,197), Польши (Gizbert W., Wozniak Z., 1964, s.76; Wasylikowa K., 1984, p.261). Самые большие находки проса зафиксированы на территории Польши. Таким образом, прослеживается определенная закономерность — значения проса уменьшаются при продвижении с востока на запад.

Дикий предок проса обыкновенного до сих пор не установлен. Сорные формы проса *Panicum miliaceum* subsp. *ruderale* (Kitag.) Tzvelev = *P. spontaneum* Lyssov ex Zhuk. с мелкими, опадающими при созревании колосками широко распространены в Центральной Азии, в Арало-Каспийском бассейне, в Монголии. Совсем недавно они распространились в Центральной Европе и Северной Америке. Вполне возможно, что из Центральной Азии происходят не только сорные, но и предки культурного проса. Ведь самые ранние находки проса культурного, относимые к V тыс. до н.э., происходят из Центральной и Восточной Европы и не связаны с основным центром происхождения культурных растений — Ближним Востоком (Zohary D. & M.Hopf, 1988, p.77,78). По мнению П.М.Жуковского, первичный очаг возделывания проса находился в Китае, и здесь оно было наиболее древней пищевой культурой (Жуковский П.М., 1964, с.229,230).

К засухоустойчивым растениям принадлежит также ячмень пленчатый. В засушливых районах урожайность его даже выше, чем у пшеницы (Растениеводство, 1986, с.87). Как и просо, ячмень — культура скороспелая. Период вегетации проходит за 60-110 дней. Поэтому в южных районах, где благоприятный для вегетации период длится благоприятны для ячменя плодородные, хорошо дренированные почвы, а на песчаных почвах его урожайность резко падает. Материалы раскопок показывают, что обнаруженные памятники оседлости степных скифов тяготеют к поймам рек и больших обводненных балок зоны со среднегумусными каштановыми черноземами, т.е. именно к тем местам, которые были наиболее благоприятными для выращивания вышеуказанных культур. На других типах почв Северного Причерноморья посевы этих культур дают меньшие урожаи. Кроме того, известно, что просо дает наивысшие урожаи при посеве на целине или по пласту многолетних трав, где засоренность поля минимальная (Растениеводство, 1986, с.130). Именно такая ситуация — использование целинных земель под посевы — была характерна для степных скифов в процессе их оседания в конце V — начале IV в. до н.э.

Ячменные зерна используются для приготовления каш еще с древних времен. Плиний в «Естественной истории» (NH, XVIII, 74) описывает, как греки готовят из ячменя кашу, предварительно вымачивая, затем высушивая и дробя его зерна и смешивая с семенами льна, кориандра и с солью. Мука из ячменя используется для выпечки хлеба, правда качество его намного ниже, чем приготовленного из пшеничных зерен. Подтверждением этого описания являются находки ископаемых лепешек или «булочек», в которых обнаружены дробленые зерновки ячменя и пшеницы, гороха, желудей. Список таких находок из разновозрастных памятников приводит Jane Renfrew (Renfrew J., 1973, p.192,193).

Ячмень является не только хорошей зерновой культурой, но еще и фуражной, так как используется для кормления свиней и лошадей, особенно в тех районах, где не выращивается овес. В средние века ячмень даже называли «конским», потому что он «кормит скотину лучше, чем пшеница, и людям здоровее, чем плохая

пшеница» (Агрикультура..., 1936, с.18). В хозяйстве находят применение и отходы обмолота ячменя. Солома и полова этой культуры имеют высокие кормовые достоинства и приближаются по качеству к среднему сену (Растениеводство, 1986, с.124). По наблюдениям Н.И.Вавилова, на Памире шестирядный голозерный ячмень выращивают специально на корм скоту и лишь небольшое количество зерна идет на приготовление лепешек, состоящих из смеси зерновок ячменя, проса, пшеницы, ржи и гороха, чины, бобов.

Таким образом, как показали палеоботанические исследования памятников степной зоны Северного Причерноморья, среди культурных растений, выращивавшихся скифами при переходе в V-IV вв. до н.э. от кочевого и полукочевого образа жизни к оседлому, были засухоустойчивые, быстросозревающие, дающие при необходимости по два урожая в сезон, использующиеся также в качестве корма для свиней и лошадей. Это, прежде всего, две зерновые культуры — ячмень пленчатый и просо обыкновенное. В этот состав входила и пшеница двузернянка — культура, для которой также характерна нетребовательность к качеству обработки почвы, устойчивость к болезням, надежность, т.е. способность давать урожаи даже в неблагоприятные годы. Возникновение земледельческого компонента в экономике Степной Скифии, по мнению Н.А.Гаврилюк, было вызвано внутренними потребностями скотоводческой отрасли, когда кормовые ресурсы региона перестали обеспечивать сбалансированное развитие основной отрасли экономики — скотоводства (Гаврилюк Н.А., Пашкевич Г.А., 1991). Ассортимент, в котором основное значение имели пленчатый ячмень и просо — культуры, находящие применение в качестве кормовых культур, свидетельствует о том, что он был ориентирован в значительной степени на обеспечение скота фуражом.

ЛИТЕРАТУРА

Агрикультура в памятниках Западного средневековья: переводы и комментарии, 1936. М.-Л.

Вавилов Н.И., 1926. Центры происхождения культурных растений // Труды по прикладной ботанике и селекции. Т.26. № 2.

Вакуленко Л.В., Янушевич З.В., 1974. Землеробство на Прикарпатті в першій половині 1-го тисячоліття н.е. // Археологія. № 14.

Гаврилюк Н.А., 1987. Пища степных скифов // СА. № 1.

Гаврилюк Н.А., 1999. История экономики Степной Скифии VI-III вв. до н.э. Киев.

Гаврилюк Н.А., Пашкевич Г.А., 1991. Земледельческий компонент в экономике степной Скифии // СА. № 2.

Жуковский П.М., 1964. Культурные растения и их сородичи. Л.

Козак Д.Н., Пашкевич Г.О., 1985. Про землеробство племен Верхнього Подністров"я і Західного Побужжя на рубежі та в перших віках нашої ери // Археологія. № 50.

Пашкевич Г.А., 1988. Палеоботанические исследования в области славянской археологии // Труды V Международного Конгресса археологов — славистов. Т.4. Древние славяне. Киев.

Пашкевич Г.О., 1989. Культурні рослини заруби-нецького часу // Український ботанічний журнал. Т.43.

Пашкевич Г.А., Тертишовский Р.В., 1981. Сельское хозяйство деснинских племен III-V вв. // Использование методов естественных наук в археологии. Киев.

Плиний Гай, 1949. Естественная история. Книга XVIII // ВДИ. № 2.

Растениеводство, 1971. М.

Растениеводство, 1986. М.

Рикман Э.А., Янушевич З.В., 1966. Земледелие у племен черняховской культуры // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1964 год. Кишинев.

Советов А.О., 1867. О системах земледелия. СПб.

Страбон, 1964. География в 17 книгах. Пер. Г.А.Стратановского, М.

Янушевич З.В., 1973. Находки культурных растений на поселении у с.Лепесовка // Acta museorum agriculturae. Т.8. № 1. Pragae.

Behre K-E., 1992. The history of rye cultivation in Europe // Vegetation History and Archaeobotany. № 1.

Gizbert W., Wozniak Z., 1964. Rolnicza osada w Nowej Hucej-Mogile // Materialy archeologiczne. 5.

Hajnalova E., 1975. Some aspects of plant growing in the La Téne and early Roman periods in North-West Slovakia // Folia Quaternaria. Kraków. 46.

Hajnalova E., 1989. Súcasné poznatky z archeobotaniky na Slovensku // *Acta Interdisciplinaria* Archaeologica. *T.*6.

Knörzer K.-H., 1971. Urgeschichtliche unkäuter im Rheinland // Vegetatio. № 23.

Knörzer K.-H., 1991. Deutschland nördlich der Donau // Progress in Old World Palaeoethnobotany. A retrospective vi-ew on the occasion of 20 years of the International Work Gro-up for Palaeoethnobotany. — A.A. Balkema/Rotterdam/Brookfield.

Pashkevich G.A., 1984. Palaeoethnobotanical examination of archaeological sites in the Lower Dnieper region, dated to the last centuries BC and the first centuries AD // Plants and ancient man. Studies in palaeoethnobotany. — AA. Balkema / Rotterdam / Boston.

Renfrew J., 1973. Palaeoethnobotany. The prehistoric food plants of the Near East and Europe.

Zohary D. and M.Hopf, 1988. Domestication of plants in the Old World. Clarendon press — Oxford.

Wasylikowa K., 1984. Fossil evidence for ancient food plants in Poland // Plants and ancient man.

СКИФО-САРМАТСКАЯ ПРОБЛЕМА: НОВЫЕ ПОДХОДЫ, ГИПОТЕЗЫ, РЕШЕНИЯ

С.И.АНДРУХ

МОГИЛЬНИК МАМАЙ-ГОРА В НИЖНЕМ ПОДНЕПРОВЬЕ

Скифский мир — ярчайший культурный феномен степного пояса Евразии. В ходе многолетних исследований в рамках единой культурно-исторической общности стало возможным выделение нескольких локальных зон, отличающихся своими специфическими чертами. Одной из них является Северопричерноморская Скифия. Центром ее стало Нижнее Поднепровье. Именно здесь сосредоточена основная масса разнообразных по характеру скифских памятников (Черненко Е.В. и др., 1986, карты 2,3) как рядового населения, так и скифской аристократии. Памятники Нижнего Поднепровья, наряду с данными античных авторов, легли в основу реконструкции быта и хозяйства скифов (Гаврилюк Н.А., 1999), социальной стратификации общества (Бунятян Е.П., 1985) династийно-политической истории (Алексеев А.Ю., 1992), религиозных представлений (Бессонова С.С., 1983).

Однако необходимо отметить, что детальная реконструкция всех аспектов жизнедеятельности скифов затруднена состоянием источников. Античная традиция о скифах весьма отрывочна, поселения изучены недостаточно, погребальные памятники в большинстве своем были ограблены еще в древности.

В этой связи наиболее репрезентативным и перспективным для детального и полновесного изучения скифской культуры является могильник Мамай-Гора (Андрух С.И., Тощев Г.Н., 1999). Географически он занимает центральное положение среди памятников Причерноморской Скифии, соседствует с крупнейшим населенным центром — Каменским городищем и находится на равном расстоянии от курганных полей Солохи и Чертомлыка, занимая срединное положение (рис.1, *1*). По площади и количеству захоронений могильник на сегодняшний день не имеет себе равных в Причерноморьи и является одним из крупнейших в Евразийском степном поясе.

Первое обследование памятника с промерами больших насыпей проведено в 1947-1948 гг. Скифской (Никопольской) экспедицией под руководством Б.Н.Гракова. В 1976 г. проведено повторное обследование памятника сотрудниками ИА АН Украины и составлен план могильника, на котором представлено курганное ядро из 5 крупных, высотой до 8 м, и 10 более мелких насыпей.

В 1988 г. начато исследование памятника археологической экспедицией Запорожского госуниверситета. В этом и последующем годах в результате визуального осмотра, данных аэро- и топосъемки было установлено, что площадь могильника достигает 30 га, на которых зафиксировано более 200 насыпей; преобладающая часть их снивелирована. Значительная по размерам площадь курганного поля уничтожена в ходе строительства водо-накопительного бассейна. Часть памятника находится под лесополосой, часть обрушена в результате оползней (при сопоставлении топокарт до строительства Каховского водохранилища с современным состоянием местности установлено, что с конца 1950 гг. до настоящего времени обрушилось более 400 м береговой линии).

В ходе полевых работ было решено отказаться от общепринятой практики раскопок видимых насыпей и перейти к методике сплошного вскрытия поверхности поля. В результате исследования межкурганного пространства открыто большое количество комплексов, не фиксировавшихся на поверхности, и найдены отдельные предметы. Подобная методика раскопок здесь наиболее результативна (Молодин В.И., 1992; Малышев А.А., Дмитриев А.В., 1996; Тощев Г.Н., 1996).

За 12 полевых сезонов (1988-1999 гг.) с помощью указанной методики и вручную на береговой оползневой линии было вскрыто немногим более 5000 кв.м, где исследовано 166 курганов и два грунтовых могильника эпохи неолита и бронзы, содержавших в общей сложности около 500 захоронений.

Курганный могильник основан в эпоху энеолита — бронзы, когда и было сооружены крупные насыпи, составившие ядро памятника. Начало раннего железного века представлено одним впускным захоронением новочеркасского типа (рис.1, *2–4*) в курган эпохи бронзы. К скифской эпохе относится 335 погребений из 161 кургана (несколько захоронений впущены в 2 кургана эпохи бронзы, насыпи которых были досыпаны и окружены рвами). Скифские насыпи располагались вокруг курганного ядра. Основная концентрация комплексов зафиксирована к югу от него — иногда расстояние между рвами отдельных курганов достигало 20-30 см.

В южном и восточном секторах могильника прослежены случаи перекрытия насыпей друг другом. Наиболее яркие примеры — перекрытие погребения кургана 153 рвом кургана 65 (раскопки 1990 и 1994 гг.), и перерезание рва кургана 91 погребением кургана 100

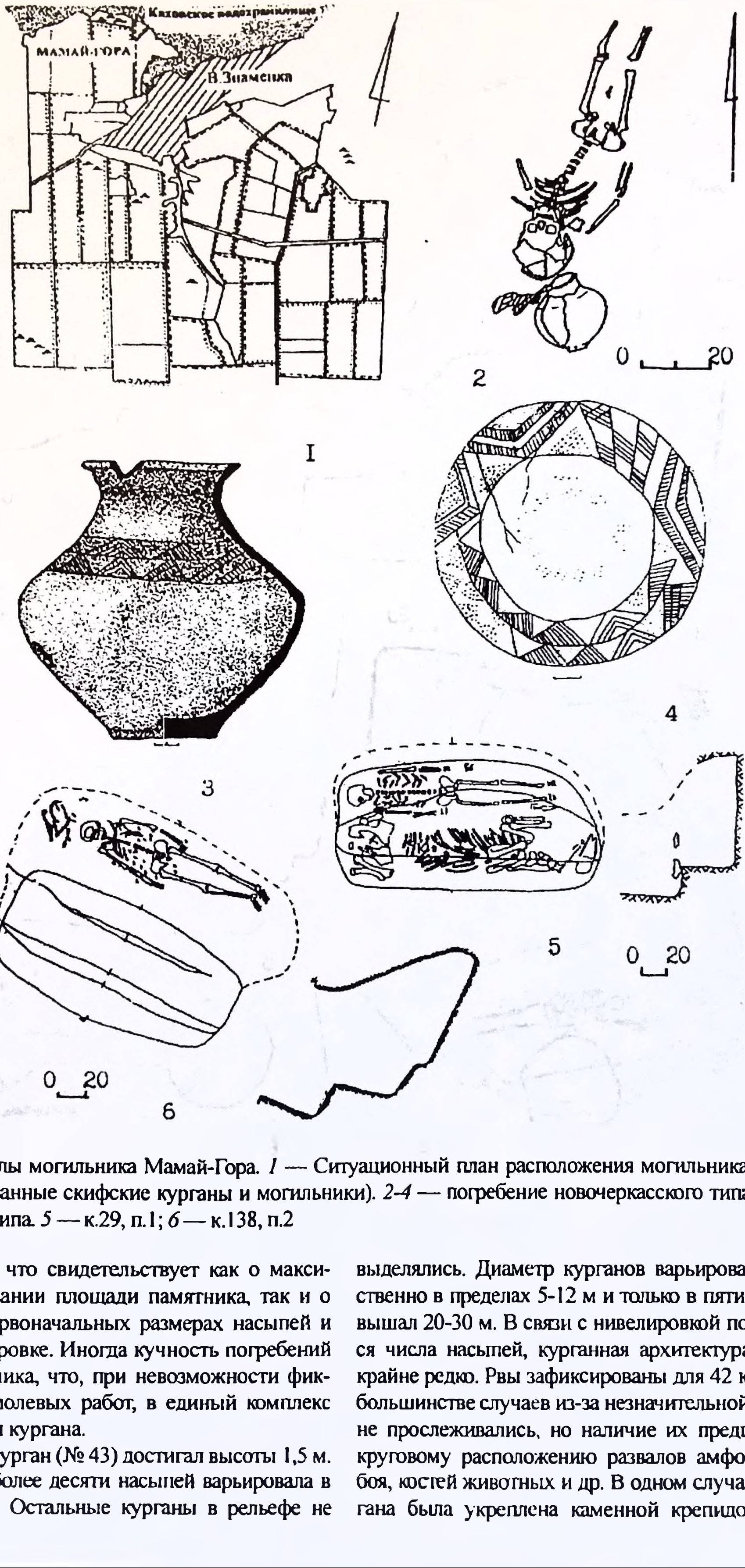


Рис. 1. Материалы могильника Мамай-Гора. *1* — Ситуационный план расположения могильника Мамай-Гора (нанесены исследованные скифские курганы и могильники). *2-4* — погребение новочеркасского типа — к.161, п.; *5,6* — катакомбы I типа. *5* — к.29, п.1; *6* — к.138, п.2

(раскопки 1991 г.), что свидетельствует как о максимальном использовании площади памятника, так и о незначительных первоначальных размерах насыпей и их быстрой нивелировке. Иногда кучность погребений была настолько велика, что, при невозможности фиксации рва в ходе полевых работ, в единый комплекс включались два-три кургана.

Единственный курган (№ 43) достигал высоты 1,5 м. Высота немногим более десяти насыпей варьировала в пределах 0,2-0,8 м. Остальные курганы в рельефе не выделялись. Диаметр курганов варьировал преимущественно в пределах 5-12 м и только в пяти случаях превышал 20-30 м. В связи с нивелировкой подавляющегося числа насыпей, курганная архитектура прослежена крайне редко. Рвы зафиксированы для 42 комплексов. В большинстве случаев из-за незначительной глубины они не прослеживались, но наличие их предполагается по круговому расположению развалов амфор, амфорного боя, костей животных и др. В одном случае насыпь кургана была укреплена каменной крепидой. У насыпи

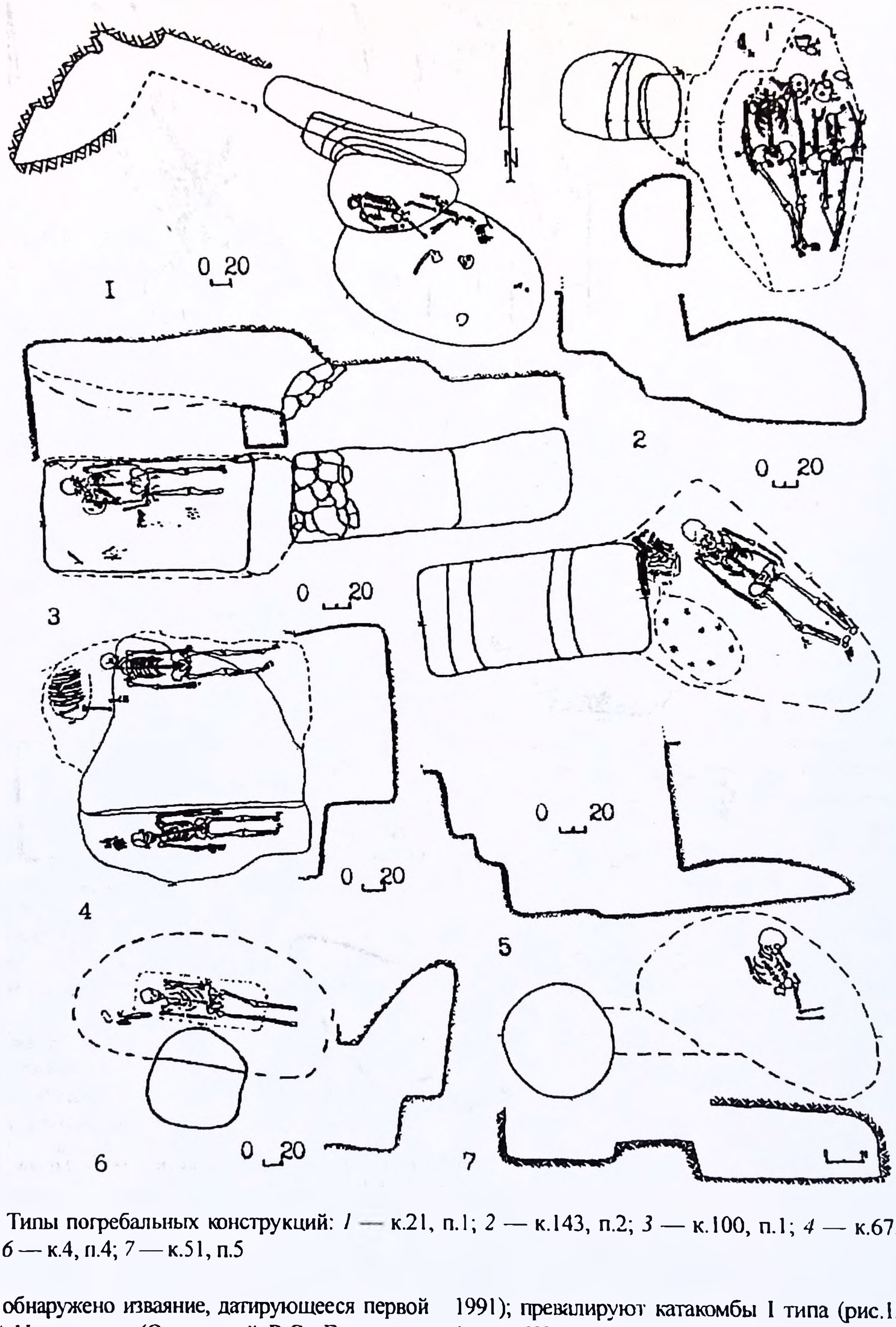


Рис. 2. Типы погребальных конструкций: *1* — к.21, п.1; *2* — к.143, п.2; *3* — к.100, п.1; *4* — к.67, п.5; *5* — к.103, п.1; *6* — к.4, п.4; *7* — к.51, п.5

кургана 4 обнаружено изваяние, датирующееся первой половиной V в. до н.э. (Ольховский В.С., Евдокимов Г.Л., 1994, с.24, рис.30; Андрух С.И., Тощев Г.Н., 1999, с.42, рис.9, *24*).

Погребальный обряд типичен для скифских памятников конца V-IV вв. до н.э. Под курганной насыпью располагалось от 1 до 10 захоронений, чаще одно или два погребения. Захоронения совершены преимущественно в катакомбах различных типов (Ольховский В.С., 1991); превалируют катакомбы I типа (рис.1, *5,6*; 2, *1*) (около 60%), катакомбы III и V типов и простые грунтовые ямы количественно практически равны (рис.2, *2,5*) (около 30% в совокупности). Другие типы катакомб редки (рис.2, *3,4,6,7*). Сразу же отметим, что в простых ямах были совершены преимущественно захоронения детей, реже взрослых. Особо отметим п.1 в к.3, совершенное в яме подквадратной формы с обожженными стенками, перекрытой деревянными плахами. В ката-

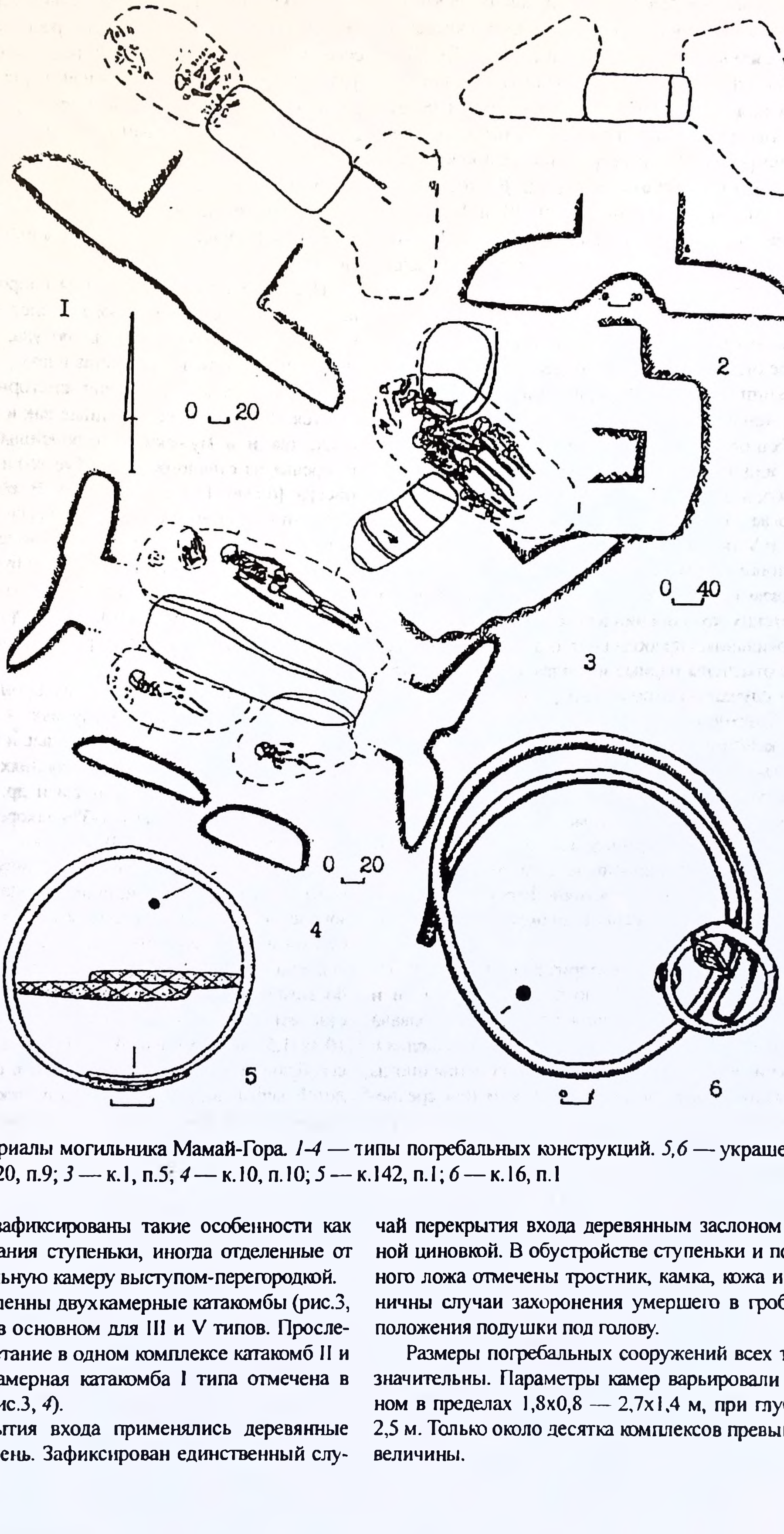


Рис. 3. Материалы могильника Мамай-Гора. *1-4* — типы погребальных конструкций. *5,6* — украшения. *1* — к.11, п.1; *2* — к.20, п.9; *3* — к.1, п.5; *4* — к.10, п.10; *5* — к.142, п.1; *6* — к.16, п.1

комбах I типа зафиксированы такие особенности как ровики у основания ступеньки, иногда отделенные от входа в погребальную камеру выступом-перегородкой.

Немногочисленны двухкамерные катакомбы (рис.3, *1,2*). Отмечены в основном для III и V типов. Прослежено также сочетание в одном комплексе катакомб II и V типов. Трехкамерная катакомба I типа отмечена в одном случае (рис.3, *4*).

Для перекрытия входа применялись деревянные плахи, реже камень. Зафиксирован единственный случай перекрытия входа деревянным заслоном и плетеной циновкой. В обустройстве ступеньки и погребального ложа отмечены тростник, камка, кожа и др. Единичны случаи захоронения умершего в гробовище и положения подушки под голову.

Размеры погребальных сооружений всех типов незначительны. Параметры камер варьировали в основном в пределах 1,8x0,8 — 2,7x1,4 м, при глубине 1,2-2,5 м. Только около десятка комплексов превышали эти величины.

Под насыпью сооружались, как правило, однотипные погребальные конструкции, но зафиксирована и взаимовстречаемость типов I и V; I и III; I и VIII; III и V и т.д. Прослежены случаи прямой стратиграфии — перекрытия или перерезания погребальных ям более поздними, что даст новые данные для исследования эволюции погребальных конструкций. Наиболее ранними можно считать катакомбы I типа. Долгое время они сосуществуют с катакомбами II, III и V типов. Позднейшими в катакомбах III типа выступают захоронения с южной ориентацией погребенных, наложившихся на аналогичные конструкции с северной ориентацией костяков.

Большая часть погребений не ограблена или нарушена в ходе ограбления частично, что дает данные для реконструкции положения умершего и состава инвентаря более чем в 70% комплексов.

Погребенные уложены вытянуто на спине. Согнутые руки или ноги отмечены редко. В катакомбах I типа преобладает ориентация погребенных головой на запад, иногда с отклонениями, реже на восток. В катакомбах III и V типов доминирует ориентация С-Ю, или с отклонениями. Отмечен один случай трупосожжения с сожжением на стороне. Выделяется незначительная группа детских захоронений в позе «лягушки».

На могильнике преобладают одиночные погребения, реже отмечены парные и коллективные, немногочисленны случаи дозахоронений (соответственно 7, 3 и 1,5%). Дозахоронения в уже существующие погребальные конструкции совершены через первичную входную яму или через второй входной колодец. Иногда дозахоронение погребенного совершалось во входном колодце. В ряде случаев можно проследить временной промежуток, прошедший между первичным захоронением и дозахоронением — кости раннего погребенного нетронуты, но частично перекрыты, незначительно смещены, сложены в анатомическом порядке, разбросаны.

Выявлены прекрасные материалы о времени и методах ограбления могил: 1) до разложения тканей и обвала свода; 2) до разложения тканей, после обвала свода; 3) после разложения тканей. После ограбления в трех перечисленных выше случаях захоронения иногда перекрывались более поздним скифским или средневековым погребением. Ограбление происходило через входной колодец, через свод и через грабительский лаз, ведущий со стороны.

Реконструкция погребально-поминальной и ритуальной практики дополняется также находками панцирей черепах, костяков собак в захоронениях и костяков лошадей во входном колодце, или в отдельной яме (в последнем случае — без черепа). Следы поминальной тризны прослежены практически для всех объектов и представлены амфорным боем и развалами амфор, фрагментами лепной керамики и целыми ее экземплярами, костями животных, черепами лошадей и др. в насыпях и во рвах.

Особо следует отметить комплексы ритуальных (жертвенных?) ям, компактно располагающихся на северной периферии могильника, в которых найдены фрагменты лепной керамики и амфорной тары, панцири черепах. Здесь же прослежены участки рвов, не связанных с конкретными комплексами, в заполнении которых найдены фрагменты керамики, камни, кости животных и разрозненные человеческие кости. Фрагменты или целые человеческие кости также сопровождают некоторые захоронения данного участка могильника.

Практически все погребения сопровождались инвентарем, в составе которого представлены украшения, предметы вооружения, посуда, орудия труда, предметы туалета, конская узда и др.

Наиболее многочисленной категорией находок являются украшения, встреченные как в женских и детских, так и в мужских захоронениях. Превалируют ожерелья из стеклопастовых бус различной формы и бисера (около 150 погребений). В состав ожерелий входили в немногих случаях подвески из камня, раковин, клешней краба, бронзовые колечки (рис.4, *1*). Обычно ожерелье состояло из 10-40 бусин, в ряде случаев их количество превышало сотню. В одном из захоронений, кроме ожерелья, зафиксированного на погребенном, найдено второе, размещавшееся в бронзовой шкатулочке (рис.4, *5*).

Серьги различных типов из бронзы (рис.4, *2-4*), реже серебра, в единичных случаях — из золота, браслеты бронзовые (рис.3, *5*), железные и из бус найдены, соответственно, в 69 и 64 погребениях. Кольца, перстни, нашивные бляшки, пронизи и др. изделия из металла редки, встречены в 1-3% захоронений (подробнее см.: Андрух С.И., 1999).

Особо выделим находки трех гривен. Две изготовлены из железного прута, причем одна украшена бронзовыми колечками, с продетыми в них подвесками-бусами и зубом животного. Уникально третье изделие, условно названное гривной. Оно найдено в достаточно богатом погребении женщины на левой ключице. Представляет собой свернутый в 1,5 оборота, диаметром 10,3x11,5 см, серебряный прут с припаянным к нему серебряным кольцом, украшенным в свою очередь золотой амфоровидной подвеской и стеклянной боченковидной бусиной желто-зеленого цвета (рис.3, *6*).

Украшения из погребений могильника значительно пополняют классификационные схемы и своды, и, в сопоставлении с памятниками сопредельных и периферийных регионов Скифии, дают возможность для выявления общих черт и локальных особенностей в использовании определенных типов этой категории инвентаря. Кроме того, они представляют полновесные сведения об убранстве рядовых скифов Нижнего Поднепровья, что, вероятно, позволит в дальнейшем выявить локальные варианты в его оформлении. Благодаря массовым антропологическим определениям имеются данные для реконструкции убранства всех половозрастных групп.

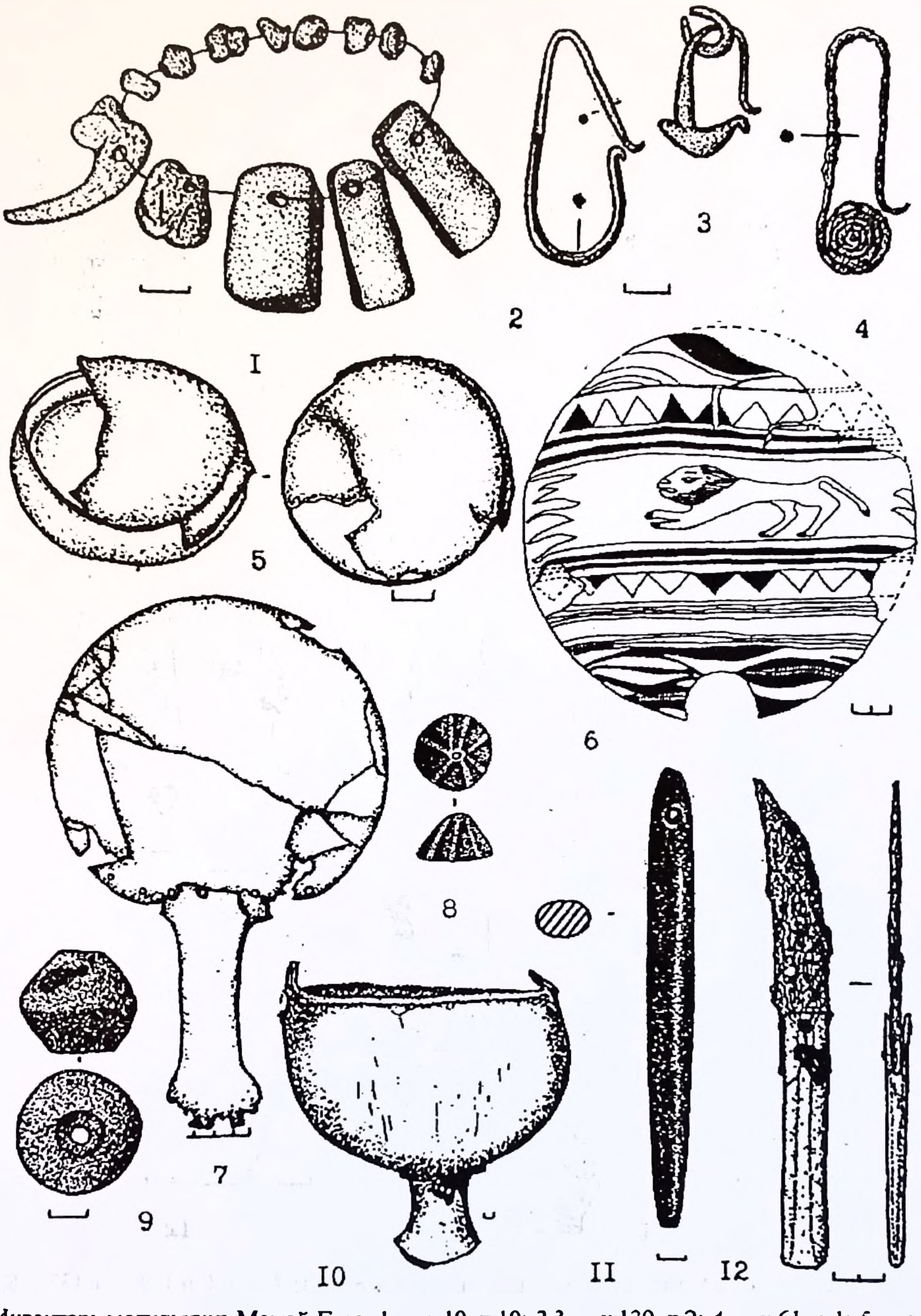


Рис. 4. Инвентарь могильника Мамай-Гора. *1* — к.10, п.10; *2,3* — к.139, п.2; *4* — к.61, п.1; *5* — к.90, п.2; *6* — к.4, п.8; *7* — к.100, п.1; *8* — к.40, п.1; *9* — к.20, п.1; *10* — к.4, п.6; *11* — к.4, п.4; *12* — к.137, п.1

В 11 женских захоронениях найдены зеркала с боковыми ручками (рис.4, 7), изготовленными из бронзы, кости, дерева. В ряде случаев отмечен тлен от футляров из кожи, ткани, дерева. Уникально полихромное изображение льва, украшавшее футляр из растительной ткани (рис.4, *6*).

Достаточно представительна серия наступательного вооружения. Преобладают наконечники стрел бронзовые трехгранные и трехлопастные базисные или втульчатые (рис.5, *6*) V-IV вв. до н.э. — они встречены более чем в 100 погребениях. Количество их в одном комплексе варьирует от 1 до 90, в колчанный набор входили, как правило, 10-40 бронзовых наконечников. В одном захоронении зафиксированы три колчанных набора. Редки железные и костяные наконечники (рис.5, *7,8*).

Наконечники копий и их фрагменты встречены в 17 погребениях. Преобладают наконечники остролистной формы без ребра, датирующиеся IV в. до н.э. (рис.5, *2*). Один экземпляр относится к наконечникам

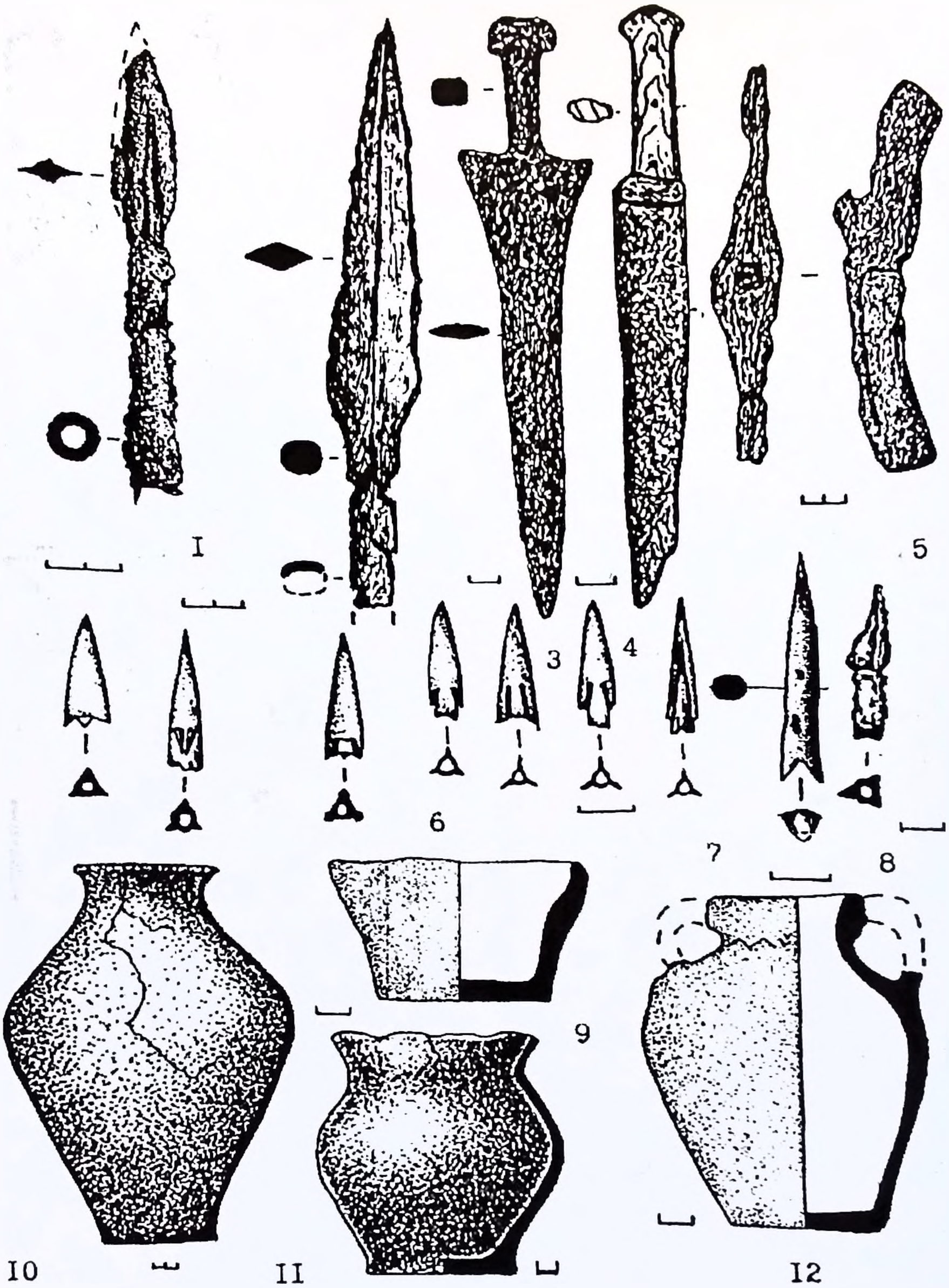


Рис.5. Инвентарь могильника Мамай-Гора. *1* — к.62, п.2; *2* — к.62, п.1; *3* — к.4, п.4; *4* — к.137, п.8; *5* — к.108, п.3; *6* — к.100, п.1; *7* — к.133, п.1; *8* — к.69, п.1; *9* — к.10, п.4; *10* — к. 69, п.2; *11* — к.96, п.2; *12* — к.143, п.2

лавролистной формы с ребром (рис.5, *1*). В единственном случае наконечник был вбит в дно камеры.

Мечи и их фрагменты найдены в 7 захоронениях. Представлены четырьмя акинаками с брусковидным навершием (рис.5, *3*), двумя однолезвийными мечами с прямым клинком и наборной рукоятью (рис.5, *4*), одним однолезвийным мечом с изогнутым клинком и наборной рукоятью. Датируются IV в до н.э.

Единичны находки боевого топора (рис.5, *5*), железных панцирных пластинок, бронзовых бляшек от наборного пояса.

Выделяются мужские и женские захоронения, а также захоронения детей с оружием, что дает дополнительные материалы как для реконструкции системы вооружения рядовых скифов, так и для понимания места половозрастных групп в военном деле.

Конская узда зафиксирована в 5 погребениях. Реконструируемые экземпляры представлены двухчленными удилами и S-овидными псалиями.

Лепная посуда (целые формы и фрагменты) встречена в 26 захоронениях, а также в заполнении рвов и насыпях курганов. Она типична для степных скифских

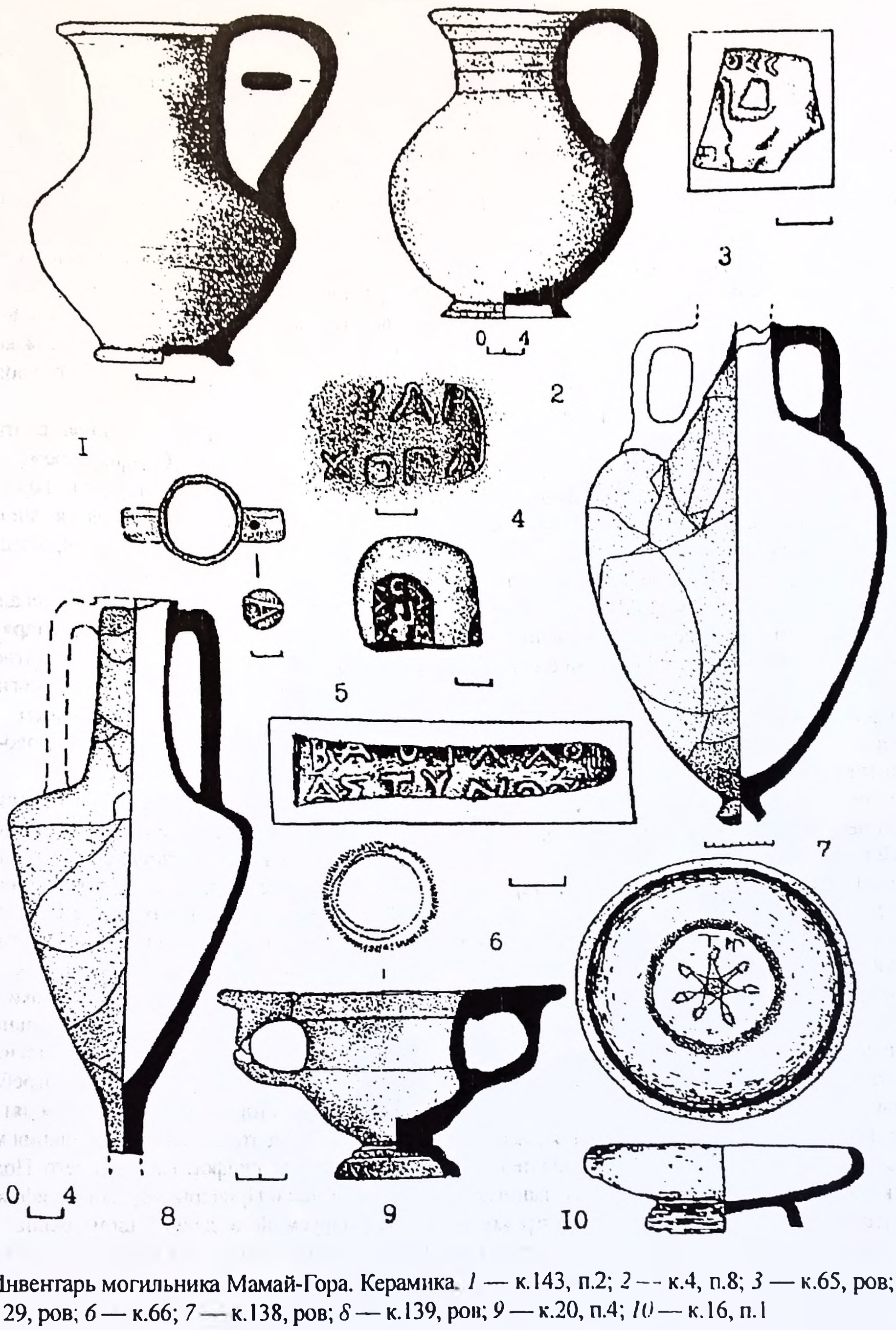


Рис. 6. Инвентарь могильника Мамай-Гора. Керамика. *1* — к.143, п.2; *2* — к.4, п.8; *3* — к.65, ров; *4* — к.141, ров; *5* — к.129, ров; *6* — к.66; *7* — к.138, ров; *8* — к.139, ров; *9* — к.20, п.4; *10* — к.16, п.1

памятников и представлена преимущественно горшками, реже чашками, одно- и двуручными кувшинами, гутусами (рис.5, *9-12*).

Представительна серия деревянных сосудов, среди которых — подносы для жертвенного мяса (81 погребение) и чаши (8 погребений). Подносы для мяса фиксировались, как правило, по наличию древесной трухи и железных, реже бронзовых, скобочек для скрепления деревянных плашек. В ряде случаев отмечена древесная труха или деревянные плашки при отсутствии скобок. В этих случаях, видимо, деревянные плашки скреплялись нитью, или же подносы были выдолблены из цельного куска дерева. Чаши встречены, в основном, в женских захоронениях. В них помещались орудия труда (шилья, пряслица) или лопатка крупного рогатого скота. Последние предположительно можно трактовать как культовые.

Выделяется также немногочисленная группа привозной керамики — серо-, реже красноглиняные кувшины, канфары, килик, лекиф, амфориск (?) и др.

(рис.6, *1,2,9*). Примечательна находка чернолакового блюда, на дне которого процарапаны буквы ТРГ (рис.6, *10*).

Более многочисленна амфорная тара, найденная во рвах и насыпях курганов. Среди реконструированных экземпляров и отдельных фрагментов выделены амфоры Гераклеи Понтийской, Фасоса, Менды, Хиоса, Синопы, Херсонеса, типа Солоха I и II (рис.6, *3-8*). Амфоры конца V — первой половины IV в. до н.э. происходят из курганов, где основными были захоронения в катакомбах I типа, реже III или VIII типов. Амфоры второй половины IV в до н.э. отмечены в курганах с основными погребениями в катакомбах V, VIII и IX типов, что свидетельствует о синхронности в существовании определенных типов погребальных конструкций.

Металлическая посуда представлена бронзовым котлом V-IV вв. до н.э. Отметим также находку бронзовой рельефной бляхи с изображением человеческого лица, ранее украшавшей ручку ситулы.

Орудия труда представлены ножами (155 погр.), пряслицами (83 погр.) шильями (44 погр.). Оселки, терочники, иглы немногочисленны. Необычной для погребального памятника является находка в одном из захоронений серпа.

Уникальна находка керамической пластинки вогнуто-выпуклой округлой формы, диаметром 3 см, прикрывавшей трепанационное отверстие. В этом же погребении у правой руки найдены зерна, изначально располагавшиеся в мешочке, от которого прослежен коричневый тлен.

В немногих погребениях встречены реальгар, смола, куски мела.

Более 90% всех погребений сопровождались напутственной пищей, расположенной у черепа, реже — у ног или сбоку от костяка. По определениям Е.П.Секерской, преобладали кости крупного рогатого скота, меньшим числом представлены кости овец, третье место среди остеологического материала занимали лошади.

Собрана представительная антропологическая коллекция (исследования Л.В.Литвиновой), окончательная обработка которой представит неоценимые данные о демографической ситуации в регионе, об антропологическом типе населения, его сходстве и различиях с населением других зон Причерноморской Скифии и т.д. Особо следует отметить, что на могильнике зафиксировано более 20% детских захоронений от общего количества погребений, что разительно отличается от материалов исследованных скифских памятников.

Получена значительная серия остеологического материала, на основании которой возможны выводы о полуоседлом характере хозяйства с преимущественным разведением крупного рогатого скота, его эволюции в пределах одного коллектива на протяжении столетия, и сопоставление с хозяйственно-экономическими структурами других регионов.

Исследования памятника не завершены, поэтому выводы носят предварительный характер. Скифский могильник Мамай-Гора функционировал на протяжении конца V — IV в. до н.э. На это указывают амфорные клейма, чернолаковая и гончарная посуда, а также весь вещевой комплекс памятника в целом. Не исключено, что зарождение его относится к V в. до н.э., когда был сооружен курган № 90 с трупосожжением, во рву которого обнаружены фрагменты пухлогорлых хиосских амфор.

Пик существования могильника соответствует периоду расцвета степной Скифии, времени, когда в непосредственной близости от Мамай-Горы и в Нижнем Поднепровье, в целом, возводятся многочисленные крупные насыпи и курганные поля, когда переживает расцвет Каменское городище.

В совокупности, параметры погребальных конструкций, состав и количество инвентаря характерны для рядового населения Скифии. Статистический и корреляционный анализ материалов могильника даст возможность вычленения различных социально-имущественных групп в едином «родо-племенном» или территориальном коллективе.

Захоронений лиц более высокого социального статуса на памятнике пока не обнаружено. Тем не менее, наличие мощного рва, в заполнении которого зафиксированы кости животных и многочисленные обломки амфор, в срезе полы одного из длинных курганов, позволяет предполагать открытие в будущем одного или даже нескольких захоронений высшей скифской аристократии, впущенных в курганы эпохи бронзы, вокруг которых и сформировался могильник рядового населения. Неординарные размеры могильника, возможность статистического анализа погребальных конструкций и категорий инвентаря возводят данный памятник в разряд эталонных для изучения многих сфер жизни рядовых скифов как Нижнего Поднепровья в частности, так и Причерноморской Скифии в целом.

Планируемый в дальнейшем анализ памятников рядового скифского населения степного Левобережного Поднепровья, и Нижнего Поднепровья в целом, в основе которого будут лежать материалы Мамай Горы, позволит получить максимально полную реконструкцию социально-экономической, политической, материальной, духовной и иных сфер жизни рядового скифского населения данного региона и сопредельных территорий.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев А.Ю., 1992. Скифская хроника. СПб.

Андрух С.И., 1999. Металлические украшения в убранстве рядовых скифов (по материалам могильника Мамай-Гора) // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (К 100-летию Б.Н.Гракова). Запорожье.

Андрух С.И., Тощев Г.Н., 1999. Могильник Мамай-Гора. Кн.I. Запорожье.

Бессонова С.С., 1983. Религиозные представления скифов. Киев.

Бунятян Е.П., 1985. Методика социальных реконструкций в археологии (на материале скифских могильников IV-III вв. до н.э.). Киев.

Гаврилюк Н.А., 1999. История экономики Степной Скифии VI-III вв. до н.э. Киев.

Малышев А.А., Дмитриев А.В., 1996. Археологические исследования в Цемесской долине // АО 1995 г. М.

Молодин В.И., 1992. Методика исследования курганных могильников сплошными площадями // Теория и методика исследований археологических памятников лесостепной зоны. Липецк.

Тощев Г.Н., 1996. О методике раскопок крупных могильников степной зоны // Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит — бронзовый век). Материалы международной конференции. Ч.2. Донецк.

Ольховский В.С., 1991. Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII-III вв. до н.э.). М.

Ольховский В.С., Евдокимов Г.Л., 1994. Скифские изваяния VII-III вв. до н.э. М.

Черненко Е.В., Бессонова С.С., Болтрик Ю.В. и др., 1986. Скифские погребальные памятники степей Северного Причерноморья. Киев.

С.С.БЕССОНОВА, С.А.СКОРЫЙ

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБИТАТЕЛЕЙ МОТРОНИНСКОГО ГОРОДИЩА

В число научных интересов Б.Н.Гракова входило также исследование лесостепных городищ. В 1957 г. экспедиция Московского Государственного университета под руководством Б.Н.Гракова и Н.Г.Елагиной проводила раскопки на чернолесском городище Московская Гора, а в 1958-1960 гг. — на Бельском городище. Бывал Б.Н.Граков и на Мотронинском городище, краткая характеристика которого приведена в его работе (Граков Б.Н., 1971, с.123,124).

Мотронинское городище (площадь около 200 га) — одно из крупнейших городищ правобережной Украинской Лесостепи скифского времени, расположено в центре излучины, образуемой руслом р.Тясмин. Оно находится на окраине большого лесного массива в урочище Холодный Яр[1] и занимает край небольшой возвышенности размерами около 5х2 км.

За 9 сезонов работы экспедиции «Холодный Яр» Института археологии НАНУ (1988-1996 гг.) вскрыта площадь около 3500 кв.м в пределах главным образом внутреннего укрепления городища. Поселение скифского времени существовало здесь с конца VII, примерно, до середины V вв. до н.э., а период наиболее интенсивной жизнедеятельности можно датировать концом VI — началом V в. до н.э. Полученные в ходе раскопок материалы позволяют сделать следующие заключения о хозяйственной деятельности обитателей городища: основу хозяйства составляли скотоводство и земледелие.

Как природные условия в окрестностях городища, так и археологические данные позволяют заключить, что скотоводство было доминирующей отраслью производящего хозяйства. Только за семь полевых сезонов (1988-1994 гг.) на раскопанной площади 3063 кв.м обнаружено более 21,5 тыс. костей животных, среди которых кости диких животных составляли 10,7%. Определены[2] кости 1144 особей представителей фауны: 1043 особи домашних животных и 90 диких, 6 особей птиц, 3 — рыб и 2 — черепах. Главное место среди костных остатков животных принадлежало крупному рогатому скоту (овцы — около 23%, 240 особей и козы — 4,3%, 45 особей). Крупный рогатый скот использовался также в качестве тягловой силы (есть кости волов). Кости лошади составляли более 21% общего количества (222 особи). Лошадей использовали для верховой езды, о чем свидетельствуют находки костяных псалиев со следами длительного употребления. Кости свиней составляли около 18% (190 особей), собак — 5,6%. Последние встречались среди пищевых отходов в мусорных ямах и в жертвоприношениях. Несколько иное соотношение видов животных зафиксировано на раскопе II в западной части внутреннего укрепления, а также на раскопе IV (центральный зольник). На раскопе II на первом месте кости свиньи, на втором мелкий рогатый скот, на третьем и четвертом соответственно крупный рогатый скот и лошадь. Подобное соотношение видов животных отмечено на поселениях VII — начала VI вв. до н.э. бассейна Ворсклы — Западное укрепление Бельского городища, Мачухи, Пожарная Балка (Моруженко А.А., 1985, табл.1). Следует отметить, что на раскопе II встречено более значительное, по сравнению с иными раскопами, количество ранних (VI в. до н.э.) находок. На раскопе IV на первом месте кости мелкого рогатого скота, на втором — крупного рогатого скота, на третьем — лошадей, четвертом — свиней и пятом — собак. Такой состав костных остатков объясняется, возможно, спецификой объекта как священного участка (Бессонова С.С., 1999). В целом же соотношение видов животных на Мотронинском городище наиболее близко данным, зафиксированным на другом памятнике бассейна р.Тясмин — Шарповском городище (VI-IV вв. до н.э.): крупный рогатый скот, мелкий рогатый скот, кони и свиньи[3] (Фабріціус І.В., 1949, с.110). Увеличение доли крупного и мелкого рогатого скота — по сравнению с периодом VII-VI вв. до н.э., когда кости свиньи повсеместно преобладают в пищевых остатках, — отмечено и на других поселениях, синхронных Мотронинскому: восточном укреплении Бельского городища, Полковой Никитовке (Моруженко А.А., 1985, табл.1).

Скотоводство имело, вероятно, придомно-отгонный характер. Наряду с зимним содержанием молодняка под одной крышей с жилым помещением или в небольших помещениях ямного типа, можно предполагать внестойловое содержание основной массы скота в специальных загонах и укрытиях на территории городища (в нее входят и участки с пересеченным рельефом и водными источниками) и прилегающих балках[4]. Что касается помещений для содержания молодняка, то к таковым пока условно относим одно помещение полуземляночного типа (раскоп VI) с неровным, в выбоинах полом. Специализированных орудий для заготовки сена не обнаружено, за исключением, может быть, одного фрагмента, условно названного косой[5].

К выводу о ведущей роли скотоводства в хозяйстве населения Шарповского городища пришла в свое время И.В.Фабрициус. Как отмечает исследовательница, ни одного прямого или непосредственного признака, указывающего на наличие земледелия, здесь нет, хотя и допускает существование подсечного земледелия (Фабріціус І.В., 1949, с.110). Также в зарубинецкое время, которое по уровню развития производительных сил близко скифскому времени, скотоводство, по заключению Е.В.Максимова, было экономически более выгодным, чем земледелие и занимало преимущественное положение в системе хозяйствования (Максимов Е.В., 1982, с.75).

Кости диких животных, как упоминалось, составляли 10,7% всех костей животных (около 9% по количеству особей). Это исключительно кости животных, на которых охотились ради получения мяса: кабан (23 особи), благородный олень (22 особи), зубр (10 особей), лось (8 особей), косуля (20 особей), заяц (11 особей), медведь (7 особей), бобр, мясо которого также использовали в пищу (9 особей). Кости пушных животных редко попадают на поселения, но все же их полное отсутствие может свидетельствовать о мясном направлении охоты. Соотношение костей диких и домашних животных (см. выше) свидетельствует о значительной хозяйственной освоенности территории в окрестностях городища (см.: Белан Н.Г., 1975; Романчук С.П., 1979, с.74).

Система земледелия и способы обработки почвы пока недостаточно ясны. Можно предполагать преобладание переложной системы, хотя удобных для обработки земель в окрестностях городища мало. Пойменные земли находятся лишь в долине небольшой безымянной ныне речки (вероятно, Креселки), притока Тясмина, огибающей городище на расстоянии 3-4 км с юго-востока. К тому же, пойменные земли обычно используются для выпаса скота и заготовки кормов. В настоящее время наиболее плодородные в ближайшей округе почвы находятся на территории самого городища. Возможно, отдельные его участки обрабатывались и в скифское время. Могли возделываться также относительно ровные пространства на ближайших подступах к городищу с юга, где, судя по расположению курганных групп, лесов в скифское время вообще не было или они были сведены. Можно также предполагать, что, как и во времена зарубинецкой культуры (Максимов Е.В., 1982, с.70-73), земледелие у населения бассейна р.Тясмин было пашенным с использованием деревянного рала. Для дополнительной обработки земли могли использовать железные мотыжки (найдены 2 экз., рис.1, *1,2*). Найдены также обломки трех небольших железных серпов (рис.1, *4-6*; раскоп II), и одного серповидного орудия (рис.1, *7*). Длина серпов была не более 15 см, деревянная ручка насаживалась на шип, отогнутый перпендикулярно по отношению к плоскости лезвия. Для переработки зерна служили каменные зернотерки (6 фрагментов) и округлые небольшие терочники. Открыто около двух десятков ям для хранения зерна, некоторые обожжены в придонной части. На раскопах IV и XV обнаружены компактные скопления хозяйственных ям, из которых часть можно считать зерновыми. Многочисленные отпечатки зерновок злаковых культур встречались на донцах сосудов, пряслицах, глиняных лепешках, обмазке жилищ. В видовом отношении 419 отпечаток зерновок распределяются следующим образом[6]: просо посевное — 392 отпечатка, ячмень пленчатый многорядный — 21, пшеница мягкая — 3, пленчатая пшеница или полбадвузернянка — 2, овес — 1. В одном случае зафиксирован отпечаток гороха, по одному отпечатку сливы и кизила. Значительное количество зерновок проса было обнаружено в мусорном заполнении ямы № 3\1991 на раскопе IV.

По-видимому, полученные данные более или менее объективно отражают соотношение злаковых культур в системе земледелия, хотя, как показывает применение метода флотации культурного слоя поселений, удельный вес зерновых культур в палеоботаническом спектре памятника может измениться (Лебедева Е.Ю., 1999, с.73). Преобладание проса и в меньшей мере ячменя вообще характерно для поселений лесостепной зоны Украины скифского времени, в особенности на Днепровском Правобережье (Ковпаненко Г.Т., Янушевич З.В., 1975, с.148,149; Шрамко Б.А., Янушевич З.В., 1985; Янушевич З.В., 1986, с.32,33,81). Более разнообразен состав зерновых культур, среди которых значительное количество пшеницы разных видов, на поселениях бассейна Ворсклы, прежде всего на Бельском городище, а также на Днестре (поселение Иване-Пусте) (Янушевич З.В., 1986, с.22-30; Ганіна О.Д., 1968, с.188), относящихся к VII-VI вв. до н.э. На более поздних памятниках, как правобережных, так и левобережных, преобладали находки проса, на втором месте ячмень и в незначительном количестве пшеница[7], в том числе единичные отпечатки голозерных разновидностей (Шрамко Б.А., 1962, с.199; Шрамко Б.А., 1973, с.106; Шрамко Б.А., Янушевич З.В., 1985, табл.5, рис.8). Как уже отмечалось (Янушевич З.В., 1986, с.50), лишь находки голозерных, «экспортных» сортов пшеницы и ячменя, которые в лесостепи довольно редки, могут быть ориентирами для определения территорий, откуда мог осуществляться экспорт зерна в греческие причерноморские колонии. Вероятно, правы исследователи, ставящие под сомнение возможность широкого и регулярного экспорта зерна в скифское время если не с территории Украинской Лесостепи вообще (Щеглов А.Н., 1987, с.111,112), то, по крайней мере, Днепровского Правобережья (Шрамко Б.А., 1987, с.121). Однако это не исключает возможности вывоза зерна в сопредельные территории лесостепи или степи. Как свидетельствуют данные этнографии (Дулов В.И., 1952). даже при неразвитом земледелии и ограниченном ассортименте зерновых культур хлебная торговля возможна и даже выгодна.

Из домашних промыслов главнейшим было керамическое производство. Берега Тясмина изобилуют

С.С.БЕССОНОВА, С.А.СКОРЫЙ

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБИТАТЕЛЕЙ МОТРОНИНСКОГО ГОРОДИЩА

В число научных интересов Б.Н.Гракова входило также исследование лесостепных городищ. В 1957 г. экспедиция Московского Государственного университета под руководством Б.Н.Гракова и Н.Г.Елагиной проводила раскопки на чернолесском городище Московская Гора, а в 1958-1960 гг. — на Бельском городище. Бывал Б.Н.Граков и на Мотронинском городище, краткая характеристика которого приведена в его работе (Граков Б.Н., 1971, с.123,124).

Мотронинское городище (площадь около 200 га) — одно из крупнейших городищ правобережной Украинской Лесостепи скифского времени, расположено в центре излучины, образуемой руслом р.Тясмин. Оно находится на окраине большого лесного массива в урочище Холодный Яр[1] и занимает край небольшой возвышенности размерами около 5х2 км.

За 9 сезонов работы экспедиции «Холодный Яр» Института археологии НАНУ (1988-1996 гг.) вскрыта площадь около 3500 кв.м в пределах главным образом внутреннего укрепления городища. Поселение скифского времени существовало здесь с конца VII, примерно, до середины V вв. до н.э., а период наиболее интенсивной жизнедеятельности можно датировать концом VI — началом V в. до н.э. Полученные в ходе раскопок материалы позволяют сделать следующие заключения о хозяйственной деятельности обитателей городища: основу хозяйства составляли скотоводство и земледелие.

Как природные условия в окрестностях городища, так и археологические данные позволяют заключить, что скотоводство было доминирующей отраслью производящего хозяйства. Только за семь полевых сезонов (1988-1994 гг.) на раскопанной площади 3063 кв.м обнаружено более 21,5 тыс. костей животных, среди которых кости диких животных составляли 10,7%. Определены[2] кости 1144 особей представителей фауны: 1043 особи домашних животных и 90 диких, 6 особей птиц, 3 — рыб и 2 — черепах. Главное место среди костных остатков животных принадлежало крупному рогатому скоту (овцы — около 23%, 240 особей и козы — 4,3%, 45 особей). Крупный рогатый скот использовался также в качестве тягловой силы (есть кости волов). Кости лошади составляли более 21% общего количества (222 особи). Лошадей использовали для верховой езды, о чем свидетельствуют находки костяных псалиев со следами длительного употребления. Кости свиней составляли около 18% (190 особей), собак — 5,6%. Последние встречались среди пищевых отходов в мусорных ямах и в жертвоприношениях. Несколько иное соотношение видов животных зафиксировано на раскопе II в западной части внутреннего укрепления, а также на раскопе IV (центральный зольник). На раскопе II на первом месте кости свиньи, на втором мелкий рогатый скот, на третьем и четвертом соответственно крупный рогатый скот и лошадь. Подобное соотношение видов животных отмечено на поселениях VII — начала VI вв. до н.э. бассейна Ворсклы — Западное укрепление Бельского городища, Мачухи, Пожарная Балка (Моруженко А.А., 1985, табл.1). Следует отметить, что на раскопе II встречено более значительное, по сравнению с иными раскопами, количество ранних (VI в. до н.э.) находок. На раскопе IV на первом месте кости мелкого рогатого скота, на втором — крупного рогатого скота, на третьем — лошадей, четвертом — свиней и пятом — собак. Такой состав костных остатков объясняется, возможно, спецификой объекта как священного участка (Бессонова С.С., 1999). В целом же соотношение видов животных на Мотронинском городище наиболее близко данным, зафиксированным на другом памятнике бассейна р.Тясмин — Шарповском городище (VI-IV вв. до н.э.): крупный рогатый скот, мелкий рогатый скот, кони и свиньи[3] (Фабріціус І.В., 1949, с.110). Увеличение доли крупного и мелкого рогатого скота — по сравнению с периодом VII-VI вв. до н.э., когда кости свиньи повсеместно преобладают в пищевых остатках, — отмечено и на других поселениях, синхронных Мотронинскому: восточном укреплении Бельского городища, Полковой Никитовке (Моруженко А.А., 1985, табл.1).

Скотоводство имело, вероятно, придомно-отгонный характер. Наряду с зимним содержанием молодняка под одной крышей с жилым помещением или в небольших помещениях ямного типа, можно предполагать внестойловое содержание основной массы скота в специальных загонах и укрытиях на территории городища (в нее входят и участки с пересеченным рельефом и водными источниками) и прилегающих балках[4]. Что касается помещений для содержания молодняка, то к таковым пока условно относим одно помещение полуземляночного типа (раскоп VI) с неровным, в выбоинах полом. Специализированных орудий для заготовки сена не обнаружено, за исключением, может быть, одного фрагмента, условно названного косой[5].

К выводу о ведущей роли скотоводства в хозяйстве населения Шарповского городища пришла в свое время И.В.Фабрициус. Как отмечает исследовательница, ни одного прямого или непосредственного признака, указывающего на наличие земледелия, здесь нет, хотя и допускает существование подсечного земледелия (Фабріціус І.В., 1949, с.110). Также в зарубинецкое время, которое по уровню развития производительных сил близко скифскому времени, скотоводство, по заключению Е.В.Максимова, было экономически более выгодным, чем земледелие и занимало преимущественное положение в системе хозяйствования (Максимов Е.В., 1982, с.75).

Кости диких животных, как упоминалось, составляли 10,7% всех костей животных (около 9% по количеству особей). Это исключительно кости животных, на которых охотились ради получения мяса: кабан (23 особи), благородный олень (22 особи), зубр (10 особей), лось (8 особей), косуля (20 особей), заяц (11 особей), медведь (7 особей), бобр, мясо которого также использовали в пищу (9 особей). Кости пушных животных редко попадают на поселения, но все же их полное отсутствие может свидетельствовать о мясном направлении охоты. Соотношение костей диких и домашних животных (см. выше) свидетельствует о значительной хозяйственной освоенности территории в окрестностях городища (см.: Белан Н.Г., 1975; Романчук С.П., 1979, с.74).

Система земледелия и способы обработки почвы пока недостаточно ясны. Можно предполагать преобладание переложной системы, хотя удобных для обработки земель в окрестностях городища мало. Пойменные земли находятся лишь в долине небольшой безымянной ныне речки (вероятно, Креселки), притока Тясмина, огибающей городище на расстоянии 3-4 км с юго-востока. К тому же, пойменные земли обычно используются для выпаса скота и заготовки кормов. В настоящее время наиболее плодородные в ближайшей округе почвы находятся на территории самого городища. Возможно, отдельные его участки обрабатывались и в скифское время. Могли возделываться также относительно ровные пространства на ближайших подступах к городищу с юга, где, судя по расположению курганных групп, лесов в скифское время вообще не было или они были сведены. Можно также предполагать, что, как и во времена зарубинецкой культуры (Максимов Е.В., 1982, с.70-73), земледелие у населения бассейна р.Тясмин было пашенным с использованием деревянного рала. Для дополнительной обработки земли могли использовать железные мотыжки (найдены 2 экз., рис.1, *1,2*). Найдены также обломки трех небольших железных серпов (рис.1, *4-6*; раскоп II), и одного серповидного орудия (рис.1, *7*). Длина серпов была не более 15 см, деревянная ручка насаживалась на шип, отогнутый перпендикулярно по отношению к плоскости лезвия. Для переработки зерна служили каменные зернотерки (6 фрагментов) и округлые небольшие терочники. Открыто около двух десятков ям для хранения зерна, некоторые обожжены в придонной части. На раскопах IV и XV обнаружены компактные скопления хозяйственных ям, из которых часть можно считать зерновыми. Многочисленные отпечатки зерновок злаковых культур встречались на донцах сосудов, пряслицах, глиняных лепешках, обмазке жилищ. В видовом отношении 419 отпечаток зерновок распределяются следующим образом[6]: просо посевное — 392 отпечатка, ячмень пленчатый многорядный — 21, пшеница мягкая — 3, пленчатая пшеница или полба-двузернянка — 2, овес — 1. В одном случае зафиксирован отпечаток гороха, по одному отпечатку сливы и кизила. Значительное количество зерновок проса было обнаружено в мусорном заполнении ямы № 3\1991 на раскопе IV.

По-видимому, полученные данные более или менее объективно отражают соотношение злаковых культур в системе земледелия, хотя, как показывает применение метода флотации культурного слоя поселений, удельный вес зерновых культур в палеоботаническом спектре памятника может измениться (Лебедева Е.Ю., 1999, с.73). Преобладание проса и в меньшей мере ячменя вообще характерно для поселений лесостепной зоны Украины скифского времени, в особенности на Днепровском Правобережье (Ковпаненко Г.Т., Янушевич З.В., 1975, с.148,149; Шрамко Б.А., Янушевич З.В., 1985; Янушевич З.В., 1986, с.32,33,81). Более разнообразен состав зерновых культур, среди которых значительное количество пшеницы разных видов, на поселениях бассейна Ворсклы, прежде всего на Бельском городище, а также на Днестре (поселение Иване-Пусте) (Янушевич З.В., 1986, с.22-30; Ганіна О.Д., 1968, с.188), относящихся к VII-VI вв. до н.э. На более поздних памятниках, как правобережных, так и левобережных, преобладали находки проса, на втором месте ячмень и в незначительном количестве пшеница[7], в том числе единичные отпечатки голозерных разновидностей (Шрамко Б.А., 1962, с.199; Шрамко Б.А., 1973, с.106; Шрамко Б.А., Янушевич З.В., 1985, табл.5, рис.8). Как уже отмечалось (Янушевич З.В., 1986, с.50), лишь находки голозерных, «экспортных» сортов пшеницы и ячменя, которые в лесостепи довольно редки, могут быть ориентирами для определения территорий, откуда мог осуществляться экспорт зерна в греческие причерноморские колонии. Вероятно, правы исследователи, ставящие под сомнение возможность широкого и регулярного экспорта зерна в скифское время если не с территории Украинской Лесостепи вообще (Щеглов А.Н., 1987, с.111,112), то, по крайней мере, Днепровского Правобережья (Шрамко Б.А., 1987, с.121). Однако это не исключает возможности вывоза зерна в сопредельные территории лесостепи или степи. Как свидетельствуют данные этнографии (Дулов В.И., 1952). даже при неразвитом земледелии и ограниченном ассортименте зерновых культур хлебная торговля возможна и даже выгодна.

Из домашних промыслов главнейшим было керамическое производство. Берега Тясмина изобилуют

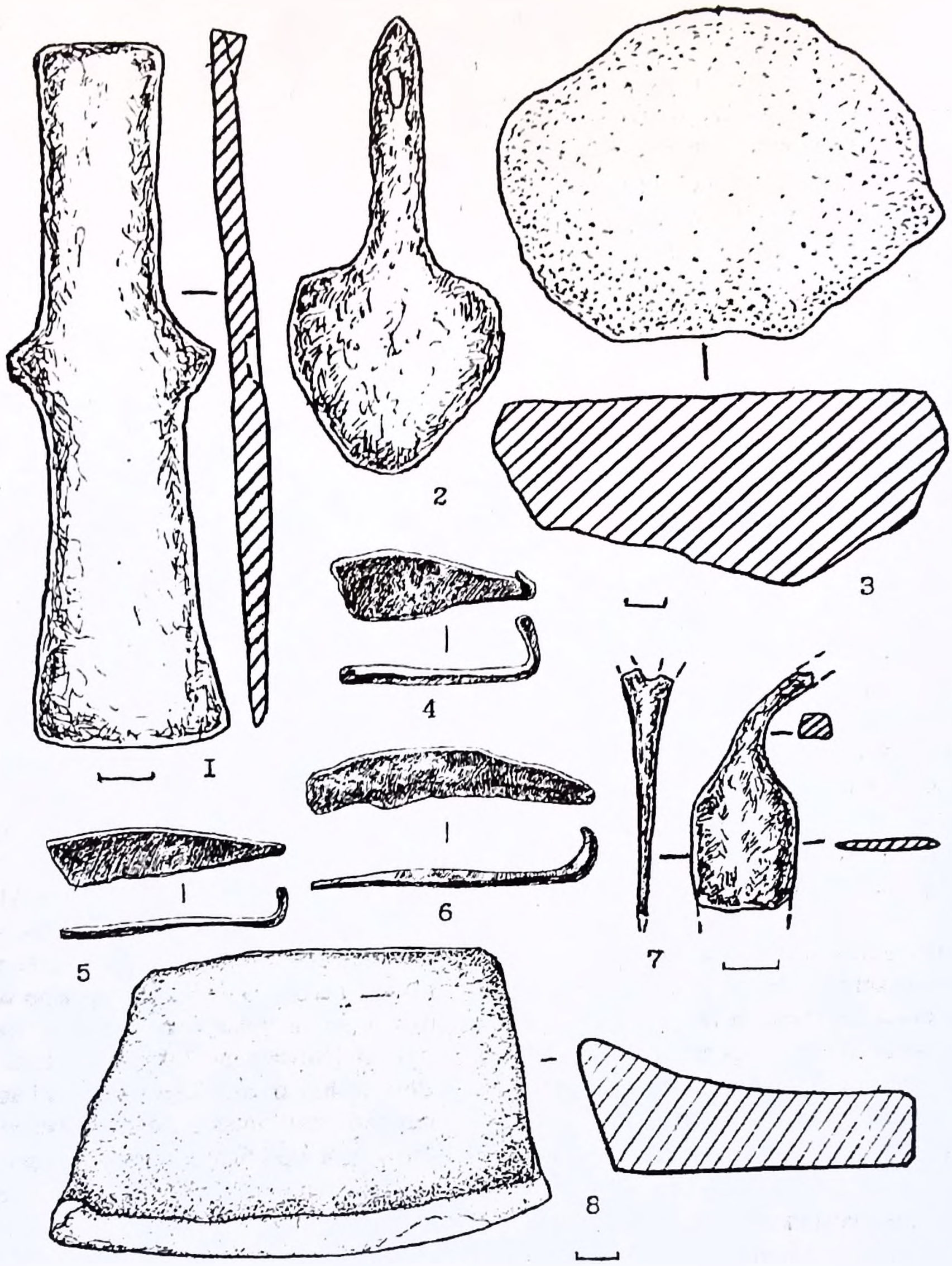


Рис.1. Земледельческие орудия труда. *1* — тесловидное орудие; *2* — мотыжка; *3* — обломок зернотерки; *4-6* — серпы; *7* — тесловидное орудие; *8* — фрагмент «блюда». *1,2,4-7* — железо; *3,8* — камень

прекрасными гончарными глинами (Максимович Н., 1901, с.349). На городище обнаружены несколько небольших глинищ и запасы гончарной глины вблизи жилищно-хозяйственных комплексов. Всего найдено 43 тыс. фрагментов лепной посуды и около 50 целых и археологически целых сосудов. Обжиг костровой, неравномерный. Черепок в изломе обычно двух- или трехцветный. Примеси (видимые): кварцевый песок, слюда, дресва, неопределенные органические остатки. Фрагменты лощеных сосудов составляли от 4,5 до 12% на различных раскопах, чаще 9-11%. Фрагментов со слабо подлощенной поверхностью от 20-30% и выше. В комплексах, относящихся к позднему периоду существования городища, количество лепных фрагментов наименьшее. Много каменных, керамических и костяных орудий для заглаживания поверхности сосудов. Для этой цели часто использовали фрагменты античных амфор: ножки, ручки и стенки, сточенные в виде неправильных трапеций или кружков. Близкую форму имели и костяные орудия, изготовленные из сколов трубчатых костей или крупных ребер (рис.2). Костяные пластинки использовались для заглаживания по сырой глине — мягкой, хорошо отмученной, то есть для лощения сосудов.

Большое разнообразие типов сосудов, в особенности столовых и корчаг, а также орнаментации сосудов могут свидетельствовать о сложности этнического состава населения городища, в особенности на раннем этапе его существования. Можно выделить единичные кизил-кобинские (или северокавказские?) и гальштатские типы сосудов. К V в. до н.э. происходит обеднение керамического комплекса и его унификация — сокращается количество типов сосудов и типов орнаментов. Фрагменты античных сосудов (16500 фраг-

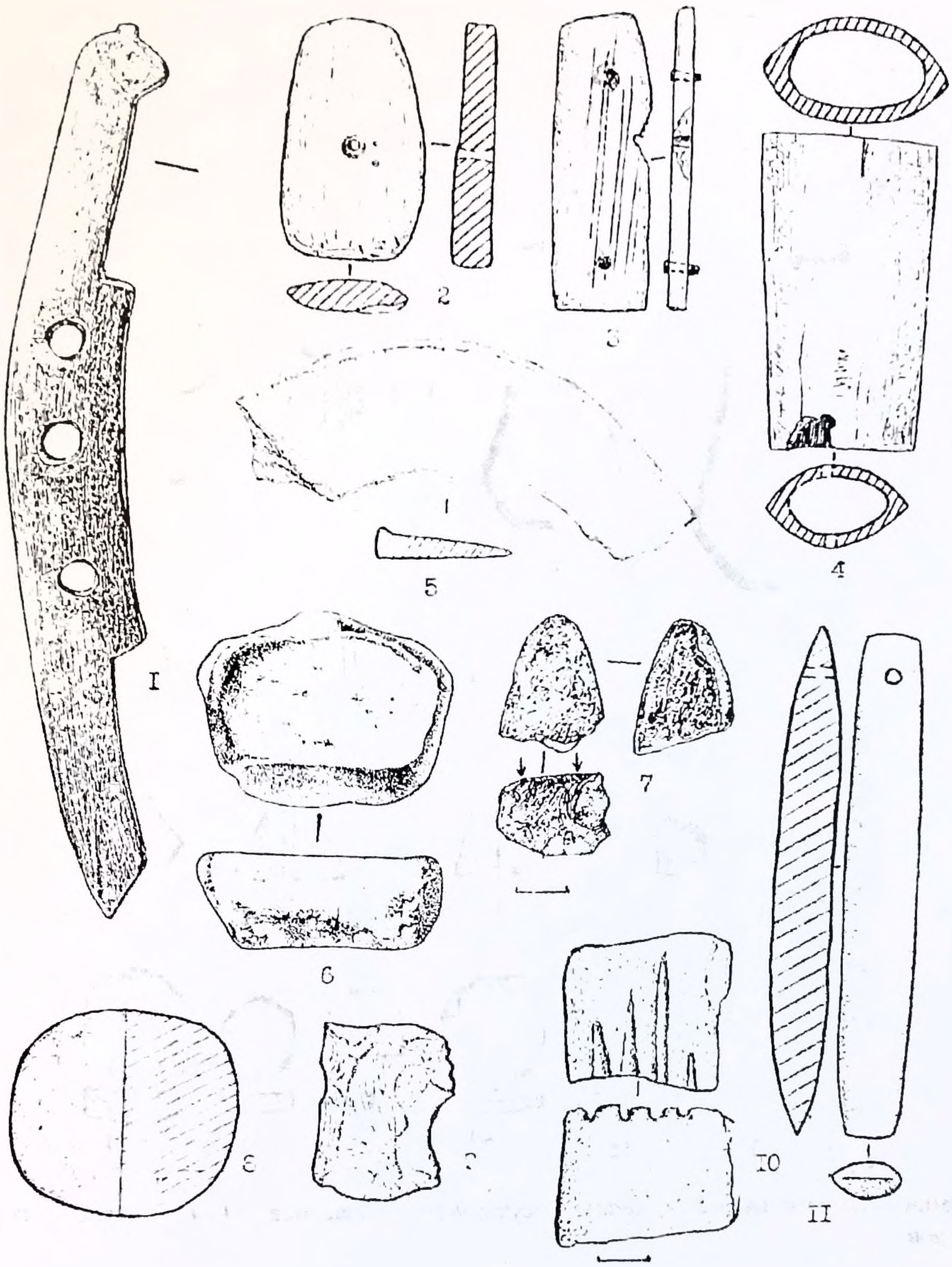


Рис.2. Изделия из кости и камня. *1* — псалий; *2* — пластинка; *3* — фрагмент ручки ножа; *4* — деталь ножен для наконечника копья; *5* — орудие для обработки кожи; *6* — лощило; *7* — «утюжок»; *8* — терочник; *9* — скребок; *10* — абразив для заточки шильев и игл; *11* — оселок. *1-5* — кость; *6-11* — камень

ментов) составляли в среднем 15,5% от всей массы фрагментов керамики, причем наибольшее их количество относится к последней трети VI — первой четверти V в. до н.э.

Многочисленны и разнообразны глиняные пряслица (всего 205 экз.). Преобладают пряслица биконической и усеченно-конической формы. Среди последних встречаются наиболее крупные экземпляры, высотой 2-2.5 см и диаметром основания до 4 и 4,6 см. В среднем высота пряслиц колеблется от 1,7-1,8 см до 2,7-3 см, наибольший диаметр соответственно от 2 см до 3,5 см (рис.3, *9-19*).

Коллекция изделий из кости и рога насчитывает около сотни находок. Это рукоятки ножей и шильев, костяные псалии, уздечная бляшка, футляр для наконечника ножен, бытовые предметы (застежка, пряслице) и культовые (ложечка, пластинки с обточенными краями, иногда со сквозным отверстием в центре и с орнаментом). Из кости изготовлены следующие орудия труда: проколки, струги для мездрения кожи, утюжок для разглаживания кож, орудие для сгонки волос. Для разглаживания мягких кож (очистка, лощение, разминание) использовались шпатели из частей тазовых костей (рис.2, *5*), сколов трубчатых костей, а также пластинки из крупных ребер или трубчатых костей, аналогичные упомянутым пластинкам для лощения сосудов. При изготовлении костяных изделий применялись такие операции как резка, стро-

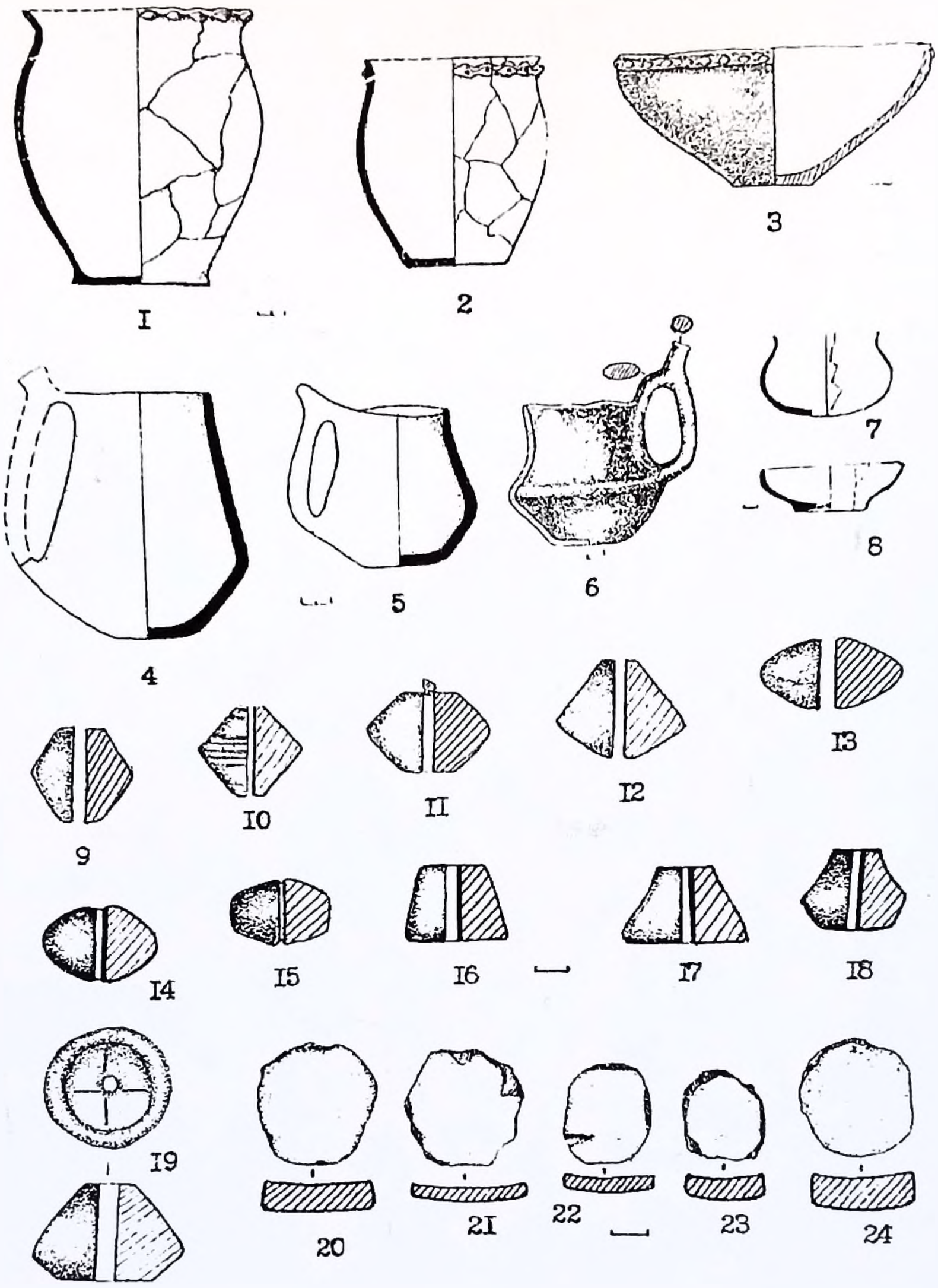


Рис.3. Керамические изделия. *1-8* — лепная посуда; *9-19* — пряслица; *20-24* — орудия для обработки поверхности сосудов

гание, пиление, сверление, прочерчивание иглой или острым лезвием.

О значительном развитии промыслов, связанных с обработкой кожи и изготовлением из нее различных изделий, свидетельствует большое количество железных шильев и проколок (Недопако Д.П., 1999, с.164). Можно предположить, что, кроме изготовления одежды, это мог быть шорный промысел и изготовление защитного вооружения (кожаная основа панцырей), колчанов и т.д. Очень редки находки стеклянных бус и стеклянных капель (раскоп XV), однако надежных данных о местном изготовлении бус нет. Орудий, связанных с обработкой дерева, также не найдено, за исключением таких универсальных орудий как ножи и шилья. Отпечатки тесаных или ровно расколотых плах встречаются на глиняной обмазке жилищ.

Каменные орудия довольно многочисленны, свыше 200 экз. Они изготовлены из песчаника, гранита, гранито-гнейса, кварцита, диорита[9]. В бассейне Тясмина имеются выходы камня, из них наиболее крупные — у пгт.Каменка (гранит) и г.Чигирин (песчаник). Среди каменных орудий труда преобладают округлые растиральники различной формы и орудия типа утюжков со следами сработанности. Последние, скорее всего, были орудиями для обработки керамики, однако до проведения трасологических анализов сложно судить о назначении всех упомянутых категорий орудий, в том числе наличии среди них орудий для растирания зерна. О находках фрагментов зернотерок упоминалось выше. Многочисленны различные абразивы, в том числе оселки (11 экз.) и бруски со следами заточки острых металлических предметов — копий, стрел, шильев и иголок (рис.2, *10,11*). Найдены также три шлифовальные плиты для металлических предметов и две плиты для шлифования древков стрел.

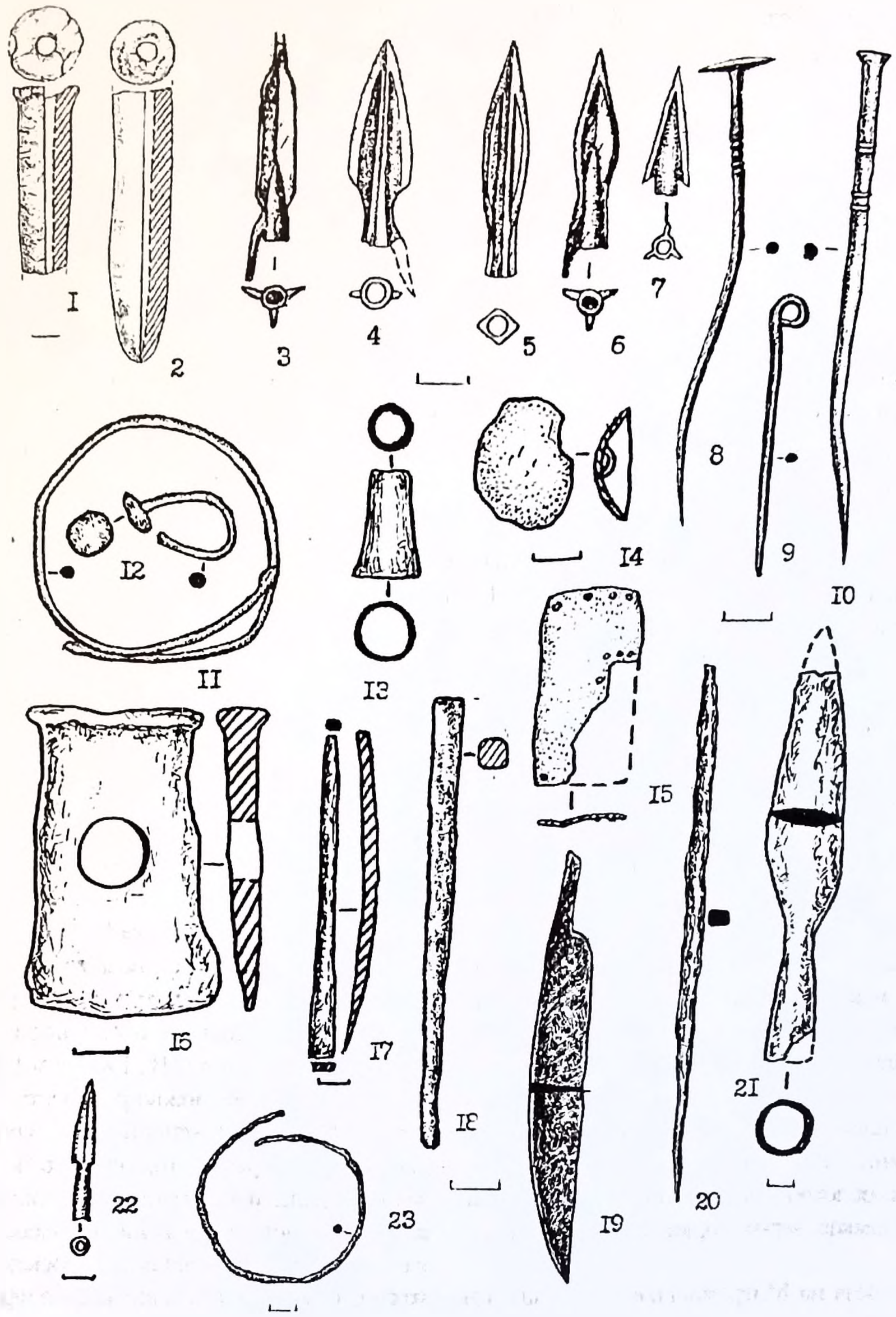


Рис.4. Предметы, связанные с бронзолитейным и кузнечным ремеслами и готовые изделия. *1,2* — полые цилиндры; *3* — наконечник стрелы (полуфабрикат); *4-7,22* — наконечники стрел; *8-10* — булавки; *11,23* — браслеты; *12* — серьга-заушница; *13* — ворварка; *14* — полусферическая бляшка; *15* — панцырная пластинка; *16,17* — зубила; *18* — пробойник; *19* — нож; *20* — шило; *21* — наконечник копья. *1,2* — глина; *3-15* — бронза; *16-23* — железо

Важную роль в хозяйственной деятельности населения Мотронинского городища играли металлургия и металлобработка, традиции которых в бассейне Тясмина восходят к доскифскому периоду (Тереножкин А.И., 1961). Остатков производственных сооружений не обнаружено. Следы добычи и обработки металла встречаются в разных частях городища. То есть, какого-либо территориального выделения этого ремесла, видимо, не было. Можно лишь отметить особую концентрацию находок, связанных с выплавкой и обработкой металла, в юго-восточной части внутреннего укрепления городища, к сожалению, пока слабо исследованной.

В статье, опубликованной в 1948 г., Б.Н.Граков высказал ряд важных положений, касающихся литейного и кузнечного ремесла у скифов. 1) В функции населения Лесостепной Скифии (как и Нижнеднепровской территории) в какой-то мере входило изготовление бронзовых и железных изделий для окружающих степей. 2) Изделия металлургических городищенских мастерских Скифии являлись товаром, и греческий импорт поступал на лесостепные городища в обмен на руду и железные изделия. 3) Греческие представления о том, что скифы являлись изобретателями железного оружия и выражение «скифское железо» у Эсхила и Гелланика — значительно более реальное представле-

ние, чем это казалось раньше (Граков Б.Н., 1948, с.43-47). Очевидно, как это следует из контекста статьи, Б.Н.Граков подразумевал под этим роль скифов как организаторов и стимуляторов производства[10] железа и металлов вообще в лесостепной зоне и в скифской степи. Все эти положения получили подтверждение и развитие, в частности, в археологии скифского периода на территории лесостепи. Особое значение имеет первое положение, касающееся не только хозяйственной деятельности лесостепного населения, но и взаимоотношений его с номадами. Как справедливо заключает Б.А.Шрамко, в раннескифское время, до конца V в. до н.э., основные центры добычи и обработки железа находились в лесостепи, а не в степной Скифии. «Именно здесь производилась основная масса изделий из железа и стали, в том числе оружие и другие местные изделия так называемых «скифских типов» (Шрамко Б.А., 1971, с.94,95). Остается лишь не ясным, в какой мере это производство было ориентировано на собственные нужды, а в какой — предназначалось для обмена, или может быть, дани степным номадам. Присутствие номадов возле всех значительных центров металлобработки свидетельствует об их явной заинтересованности в продукции этих центров.

Следы бронзолитейного производства на Мотронинском городище представлены находками шлаков, в том числе с каплями металла, несколькими бронзовыми слиточками, металлическим ломом, обломками двух литейных форм, наконечником стрелы с необрубленным литником (рис.4, *3*). Возможно, для отливки булавок предназначались два полых глиняных стержня (рис.4, *1,2*). Коллекция бронзовых изделий составляет 95 находок. В основном это наконечники стрел, также одна ворворка, панцырная пластинка, мелкие бронзовые украшения и их обломки, фрагменты стенок котлов. Часть из этих обломков, вероятно, являлась производственным сырьем.

Обработка железа на Мотронинском городище, как и в бассейне Тясмина в целом, базировалась на болотных рудах, которых в этом регионе, удаленном как от значительных рудных залежей в Полесье, так и криворожской руды, было недостаточно[11]. Экономией металла объясняются, вероятно, небольшие размеры некоторых железных изделий, например, серпов. Их реконструируемые размеры не превышают 15 см[12]. О производстве железа свидетельствуют находки шлаков и оплавленных кусочков железа, куска железа-полуфабриката. Обнаружены 89 железных изделий (рис.1, *4-7*; 4, *16-23*). В основном это орудия труда, реже украшения (5 булавок, 3 браслета, 1 кольцо) и предметы вооружения (наконечник копья, стрела). Среди орудий труда преобладали ножи (28 экз.), шилья и проколки (27 экз.), иглы (2 экз.). Кузнечные инструменты представлены 4 стальными пробойниками и 2 зубилами, земледельческие орудия упомянуты выше. Ассортимент железных изделий насчитывает всего 17 наименований (кроме упомянутых выше, сюда входят также кованые гвозди и штыри, а также крюк), из них 9 — орудия труда. Это сопоставимо с ассортиментом железных орудий труда VI в. до н.э. бассейнов Ворсклы и Псла — 12 наименований (Шрамко И.Б., 1994, с.46). Металлографический анализ 36 железных изделий (ножи, шилья, иглы, серпы, копье и др.) свидетельствует, что уровень специализации ремесленников был довольно высоким — 84% изделий изготовлено из металла с малым количеством неметаллических включений. Только 14% предметов изготовлены из кричного железа, 19% изделий подвергались цементации, в одном из ножей обнаружены не очень четкие следы пакетирования. Явные следы закалки имеет один нож. Отмечено большое количество шильев и проколок высокого качества, в том числе изготовленных из стали (Недопако Д.П., 1999).

Следующий период развития кузнечного ремесла, представленный в слоях V-IV вв. до н.э. на поселениях бассейнов Ворсклы и Псла и характеризующийся широким набором железных инструментов, в частности, расширением видов специализированных орудий для обработки железа (Шрамко И.Б., 1994, с.47), на Мотронинском городище и вообще на поселениях Днепровского Лесостепного Правобережья не представлен. Приведенные данные не позволяют согласиться с точкой зрения о связи прогресса в черной металлургии раннего железного века в основном с потребностями земледелия (Паньков С.В., 1987, с.54). По крайней мере, этот вывод вряд ли можно распространять на скифский период. Прогресс в черной металлургии скифского периода был, скорее всего, связан с потребностями оружейного дела, и производство металлического, прежде всего железного вооружения на лесостепных поселениях было одной из главных предпосылок их непрерывного существования в течение всей скифской эпохи.

Мотронинское городище, подобно иным крупным городищам раннескифского периода, можно считать центром территориальной структуры типа вождества, близко подошедшей к порогу раннеклассового общества (Бунятян К.П., 1999, с.193). Природные ресурсы для ведения экстенсивного земледельческо-скотоводческого хозяйства в окрестностях городища не были рассчитаны на длительное существование здесь крупного поселения. Ремесленное производство, получившее определенный стимул в раннескифский период, исчерпало себя с изменением политической и экономической ситуации в V в. до н.э. (распад правобережных лесостепных вождеств, перемещение торговых путей и т.д.). Видимо, в этом кроются причины относительной кратковременности функционирования городища.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Холодный Яр — лесистое урочище с пересеченным рельефом общей площадью около 30 тыс.га в Чигиринском р-не Черкасской обл.

[2] Определения археозоолога Е.П.Секерской.

[3] Если только порядок перечисления видов животных в статье соответствует их количественному соотношению.

[4] Этнографические параллели относительно зимнего внестойлового содержания скота в условиях сурового климата см. в работе: Писларий И.А., 1995, с.61,62.

[5] В статье Д.П.Недопако (1999, с.162,164,172) косами ошибочно названы обломки серпов (3 экз.), тогда как серповидное орудие названо косой. Впрочем, слабоизогнутые серпы Мотронинского городища действительно напоминают маленькие косы.

[6] Определения палеоботаника Г.А.Пашкевич.

[7] Некоторую путаницу внесли в свое время публикации В.В.Хвойки (их неоднократно цитировали) о массовых якобы находках пшеницы на Пастырском и Мотронинском городищах (Хвойка В.В., 1905, с.99; 1913). В первоначальном же отчете о раскопках этих данных нет. Среди находок возле Мотронинского жертвенника зерна злаков вообще не упоминаются, а в почве возле жертвенника на Пастырском городище «попадались обугленные желуди или орехи и зерна обугленной пшеницы» (АЛЮР, т.I, 1899, с.91; т. III, 1901, с.181,182). Вероятно, исследователь несколько «сгустил краски», стремясь усилить аргументацию в пользу земледельческого характера культов, связанных с открытыми им жертвенниками.

[8] Здесь и далее определение костяных орудий произведено А.Н.Усачуком.

[9] Определения постоянного сотрудника экспедиции геолога В.В.Романюка.

[10] Наиболее четко мысль о роли объединений степных номадов как организаторов «на больших пространствах международного разделения труда», о подчинении ими периферийных степному миру центров производящего хозяйства сформулирована В.Ю.Зуевым (Зуев В.Ю., 1997, с.7). Вряд ли подобная глобализация в сфере производства и обмена была возможна в скифское время, хотя скифское присутствиевсюду совпадает с расцветом металлургии железа (Паньков С.В., 1987, с.53). Существуют и предположения о роли скифов в создании некоторых металлургических центров (Еременко В.Е., 1997, с.53).

[11] Мнение В.И.Бидзили, занимавшегося исследованием металлургии зарубинецкого времени.

[12] Для сравнения: серпы Бельского городища достигают в длину 17-20 см (Шрамко Б.А., 1987, с.86, рис.13, *1*; 24, *5*; 35), а Переверзевского городища в богатом железом Посеймье — 20-25 см (Пузикова А.И., 1997, с.58).

ЛИТЕРАТУРА

АЛЮР, 1899. Т.I. Киев.

АЛЮР, 1901. Т.III. Киев.

Белан Н.Г., 1975. Фауна зарубинецкого поселения Канев-4 // Природная обстановка и фауна прошлого. Вып.9. Киев.

Бессонова С.С., 1999. Центральный зольник Мотронинского городища // Евразийские древности. 100 лет Б.Н.Гракову: архивные материалы, публикации, статьи. М.

Буйтян К.П., 1999. Давнє населення України. Київ.

Ганіна О.Д., 1968. Зерна та насіння рослин з поселення в с.Іване-Пусте // Археологія. Т.XXI. Київ.

Граков Б.Н., 1948. Литейное и кузнечное ремесло у скифов // КСИИМК. Вып.22. М.

Граков Б.Н., 1971. Скифы. М.

Дулов В.И., 1952. Земледелие у тувинцев в XIX — начале XX вв. // Материалы по истории земледелия СССР. М.

Еременко В.Е., 1997. Относительная и абсолютная хронология Европейской Скифии: взгляд со стороны // Stratum. Петербургский археологический вестник. СПб.-Кишинев.

Зуев В.Ю., 1997. К вопросу о «савроматской культуре» (препринт). СПб.

Ковпаненко Г.Т., Янушевич З.В., 1975. Отпечатки злаков на керамике из Трахтемировского городища // Скифский мир. Киев.

Лебедева Е.Ю., 1999. Палеоботанические источники по земледелию скифской эпохи: проблемы интерпретации // Скифы Северного Причерноморья в VII-IV вв. до н.э. (проблемы палеоэкологии, антропологии и археологии). Тез. докл. междунар. конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Б.Н.Гракова. М.

Максимов Е.В., 1982. Среднее Поднепровье на рубеже нашей эры. Киев.

Максимович Н., 1901. Днепр и его бассейн. Киев.

Моруженко А.А., 1985. Животноводство и охота племен междуречья Днепра и Дона в VII-III вв. до н.э. // Проблемы археологии Поднепровья. Вып.2. Днепропетровск.

Недопако Д.П., 1999. Обробка заліза на Мотронинському городищі // Археологія. № 1. Київ.

Паньков С.В., 1987. Металургія заліза в лісовій та лісостеповій зонах Східної Європи в I тис. до н. е. // Археологія. № 58. Київ.

Писларий И.А., 1995. Животноводство населения в эпоху бронзы Степной Украины // Хозяйство древнего населения Украины. Ремесла и промыслы древнего населения Украины. Ч.1. Киев.

Пузикова А.И., 1997. Памятники скифского времени бассейна р.Тускарь (Посеймье). М.

Романчук С.П., 1979. Историко-ландшафтный анализ древних систем хозяйства // Физическая география и геоморфология. Вып.22. Киев.

Тереножкин А.И., 1961. Предскифский период на Днепровском Правобережье. Киев.

Фабріціус І.Е., 1949. Тясминська експедиція // АП УРСР. Т.2. Киев.

Хвойка В.В., 1905. Городища Среднего Поднепровья, их значение, древность и народность // Тр.XII АС. Т.І. Харьков.

Хвойка В.В., 1913. Древние обитатели Среднего Приднепровья. Киев.

Шрамко Б.А., 1962. Древности Северского Донца. Харьков.

Шрамко Б.А., 1971. К вопросу о значении культурно-хозяйственных особенностей степной и лесостепной Скифии // МИА. № 177. М.

Шрамко Б.А., 1987. Бельское городище скифской эпохи (город Гелон). Киев.

Шрамко Б.А., Янушевич З.В., 1985. Культурные растения Скифии // СА. № 2.

Шрамко И.Б., 1994. Развитие кузнечного ремесла у племен бассейнов Ворсклы и Псла в скифскую эпоху // Древности. Харьковский историко-археологический ежегодник. № 1. Харьков.

Щеглов А.Н., 1987. Северопонтийская торговля хлебом во второй половине VII — V вв. до н.э.: письменные источники и археология // Причерноморье в VII-V вв. до н.э. Материалы V Международного симпозиума по древней истории Причерноморья. Ванн-Тбилиси.

Янушевич З.В., 1986. Культурные растения Северного Причерноморья. Кишинев.

Ю.В.БОЛТРИК

СКИФСКИЙ КУРГАН КАК ЕДИНЫЙ АНСАМБЛЬ

К концу XX в. курган как объект смысловой дешифровки рассматривался с различных точек зрения: как архитектурный памятник (Грязнов М.П., 1961; Черниций М.П., 1980; Андросов А.В., 1989; Ольховский В.С. 1993), как способ организации сакрального пространства (Раевский Д.С., 1985, с.28-32; Пяткин Б.Н., 1987; Мозолевский Б.Н., 1992), как отражение поминально-погребальной обрядности древних (Черниций М.П., 1984; Ольховский В.С., 1991), как объект архитектурной иконографии, как архитектурный микрокосм, воплощающий идеологические воззрения его создателей (Лелеков Л.А., 1976; Ольховский В.С., 1999). Иными словами, на уровне теоретических реконструкций курган предстает как единое сложное и многокомпонентное сооружение. Однако, в практике интерпретации конкретных памятников этот подход практически не находит применения. Если скифский курган содержит несколько могил с «богатым» инвентарем, то, как правило, за исключением центральной, все эти могилы трактуются как впускные, т.е. разновременные. Порой подобная заданность приводила отдельных исследователей к невольному искажению реальной стратиграфической картины, когда в профилях бровок изображались несуществующие верхние части входных колодцев боковых могил. С другой стороны, во многих полевых отчетах и публикациях скифских курганов их авторы отмечают, что открытые в кургане могилы совершены в очень короткий промежуток времени, а иногда добавляют, что они «практически одновременны». Один из немногих случаев признания одновременности двух входных ям зафиксирован в Верхнетарасовке, гр.III, к.83 (Ольховский В.С., 1991, с.34). Поэтому проблема перевода теоретического взгляда на скифский курган в плоскость практической археологии существует. Решение ее во многих случаях затруднено неадекватным отражением в полевой документации реальной ситуации на конкретном памятнике. Безусловно, нельзя отрицать наличия в скифском погребальном массиве разновременных комплексов, имеющих одну или несколько собственно впускных могил, но это скорее исключение, чем правило. Сегодня есть основания утверждать, что многие курганы IV в. до н.э. являются единовременными ансамблями. В связи с этим возникает необходимость пересмотреть традиционый взгляд на часть боковых могил, вторые входные ямы, дополнительные дромосы и так называемые грабительские лазы как на асинхронные элементы курганного комплекса.

В последние годы усилиями ряда исследователей уточнена хронология базовых памятников Европейской Скифии. Однако дальнейшие поиски в области дробной хронологии курганов скифской элиты порой приводят к тупику. В значительной мере это зависит от восприятия кургана как разновременного комплекса. Примерами могут служить комплексы Чертомлыка и Александрополя, все подкурганные сооружения которых одновременны (Болтрик Ю.В., Фіалко О.Є., 1995; Болтрик Ю.В., 1997), но до сих пор они воспринимаются как асинхроннные.

В известной мере понимание боковых могил скифских курганов как асинхронных по отношению к центральной могиле базируется, с одной стороны, на современной тафологической практике, с другой — на аналогии с курганами эпохи бронзы, с их разнокультурными и разновременными погребениями. Это вынуждает нас усилить высказанные ранее соображения по поводу целостности больших курганов скифов и рассмотреть этот аспект скифского погребального строительства, подкрепляя привлечением круга конкретных памятников.

Обычно к курганам скифов применяют принцип: «один покойник — одно могильное сооружение» (исключения составляют могилы коней, конюших или охранников), что приводит к определению боковых могил как сооружений более поздних по отношению к центральной могиле.

Одним из наиболее ярких примеров одноактного кургана-ансамбля является Братолюбовский курган (Кубышев А.И., 1993; Kubyśev A., 1996). Его комплекс состоит из центрального погребального сооружения с двумя входами, у каждого из которых находятся могилы коней, и тремя могилами сопровождающих лиц. Семиметровая насыпь этого кургана, к сожалению, раскопана с одной контрольной бровкой, а процесс ее создания авторами раскопок традиционно трактуется как разновременный (хотя и признается одновременность трех могил). Три отмеченные ими насыпи не являются отражением хронологических этапов в создании кургана, а объясняются конструктивной необходимостью — вальки и камни первоначальной обваловки, черноземная крошка досыпки, камни крепиды.

Анализ трех стратиграфических разрезов насыпи Казенной Могилы убеждает в том, что процесс возведения кургана и всех его подземных сооружений происходил одновременно. К югу от центрального сооружения с двумя синхронными входами располагалось погребение коня в катакомбе, а за ним могила с двумя камерами. Во входной яме этой могилы находились две разобранные повозки, в одной из камер лежала

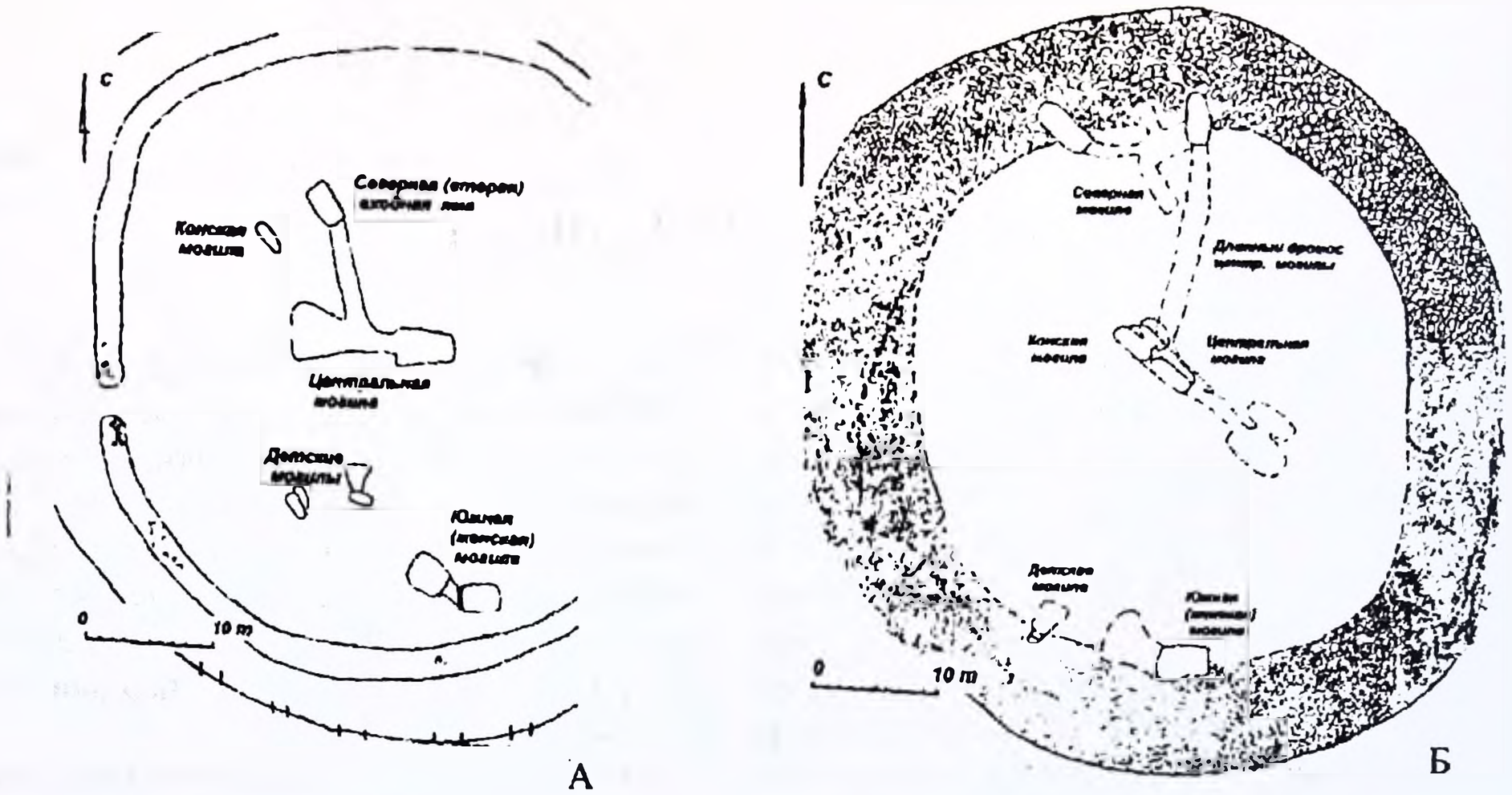
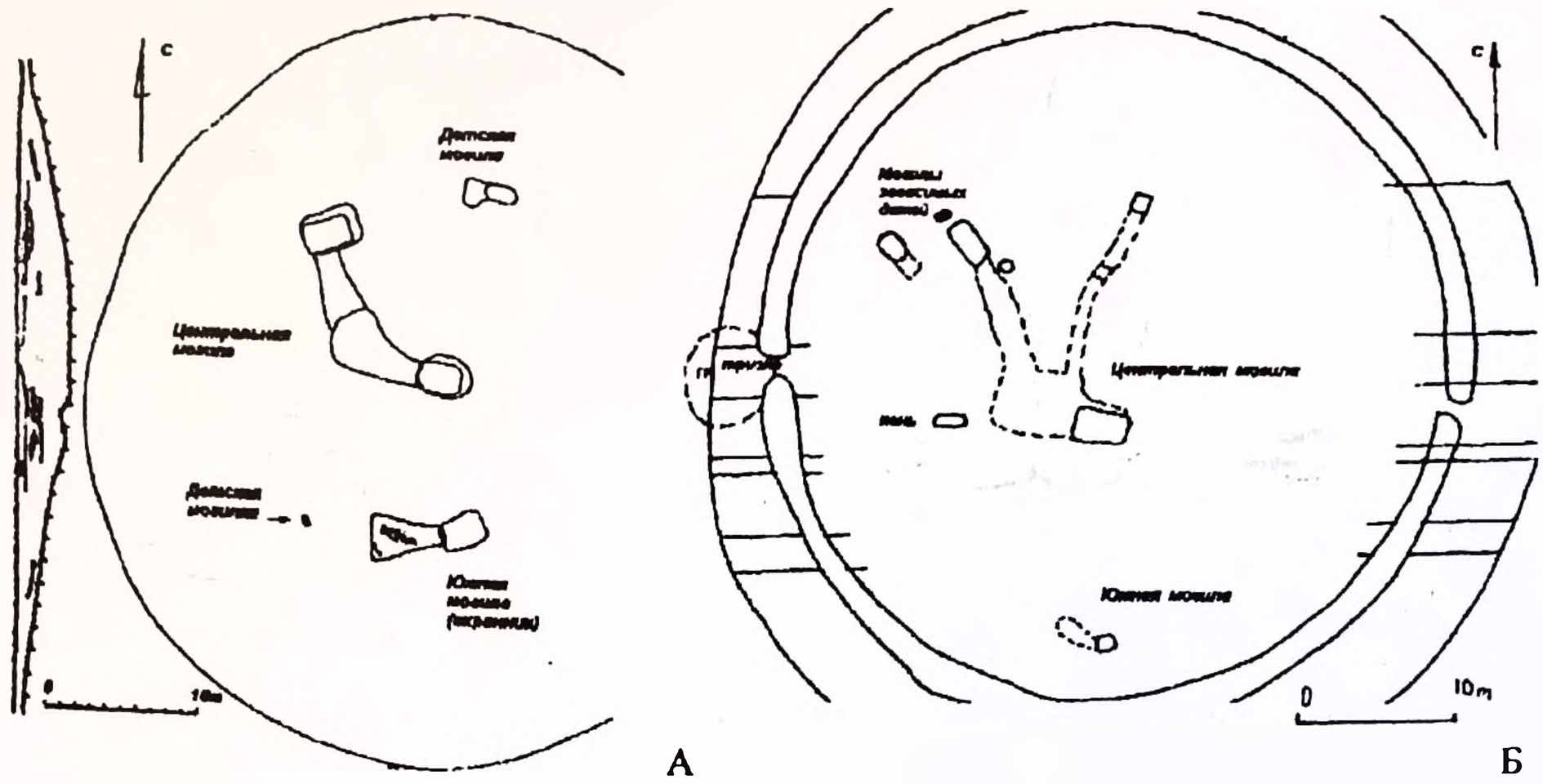


Рис. 1. Сходство планировочных схем Вишневой и Гайманової Могил (одинаковое расположение Южных женских могил). *А* — Вишневая Могила (общая схема); *Б* — Гайманова Могила (общая схема)

женщина в богатом убранстве, а в другой — предположительно мужчина. Линзы выкида в разрезах кургана, оторванные от уровня погребенного чернозема или расположенные на его периферии, особенно «взбирающиеся» на склон насыпи, обычно трактовались как следы более поздних сооружений. Однако размещение выкида у северной входной ямы центрального сооружения Казенной Могилы свидетельствует в пользу одновременности всего комплекса. В западном направлении уходила технологическая дорожка, оставленная в теле строящейся насыпи и впоследствии заполненная материковой глиной из второй входной ямы. У самой ямы выкид с внешней стороны лежал на погребенном черноземе, а с другой поднимался по склону первоначальной обваловки. Последняя фиксировалась благодаря слоям камыша, декорировавшим ее внутреннее пространство.

В определенной мере комплекс Казенной Могилы (Бидзиля В.И. и др., 1974) выступает связующим звеном с другими элитными курганами. Хронологическая близость объясняет сходство в устройстве Бердянского кургана и Казенной Могилы. Композиционная схема центральной могилы Бердянского кургана — расположенные рядом две шахты входных ям с развернутыми в противоположные стороны камерами — подобна устройству Южной гробницы Казенной Могилы и Солохи I. Хотя в двух последних случаях камеры устроены из одной ямы.

Схема Казенной Могилы (имеется в виду размещение дополнительных могил близ главной оси кургана в секторе 30-35°) перекликается со схемами Бердянского, Братолюбовского и Александропольского курганов. Отдельные элементы этой схемы находят параллели в Огузе (расположение входных ям Центральной и Южной могил) и Чертомлыке (расположение погребения виночерпия и «винного склада» относительно входа в длинный дромос). Кроме того, в северных секторах Гайманової Могилы и Братолюбовского кургана удивительно совпадает разметка в расположении входных ям боковых могил и входных шахт длинных дромосов — одинаковое расстояние между ямами (около 9 м) усиливается одинаковым углом (35°) их размещения на дуге, образованной крепидой. В остальной части своих подкурганных пространств эта пара курганов не имеет сходных черт. Но использование разметочного модуля проявляется еще в самой Гайманової Могиле, в южном секторе, строго напротив входных ям в Северную могилу и длинный дромос размещены детская (№ 3) и женская (№ 4) могилы, входные ямы которых разнесены на почти такое же расстояние, как и в северной связке. Это совпадение в деталях можно было и проигнорировать, если бы в южных секторах других курганов не оказалось подобных могил. Аналогии этой детали планировки подкурганного пространства мы находим в: Вишневой Могиле и Гюновке к.11 (Отрощенко В.В. и др., 1976), Носаках к.14 (Бидзиля В.И. и др., 1977), Владимировке к.12 (Чередниченко Н.Н. и др., 1975), Отрадном к.3 (Гребенников Ю.С., 1980, с.157, рис.2). Сопутствуют этим гробницам погребения детей, в первых двух курганах они устроены рядом, в других курганах они перемещены в западный сектор. В плане длинные оси южных могил (чаще это могилы женщин, реже охранников) слегка изгибаются, как бы повторяя дугу края насыпи или же обваловки, тогда как длинные оси детских могил во всех случаях направлены к центру кургана (рис.1;2).



А Б

Рис. 2. Сходство в размещении Южных могил (зависимых лиц) на схемах курганов 14 ур.Носаки и 12 с.Владимировка. *А* — Курган 14 ур. Носаки с.Балки (общая схема); *Б* — Курган 12 с.Владимировка (обшая схема)

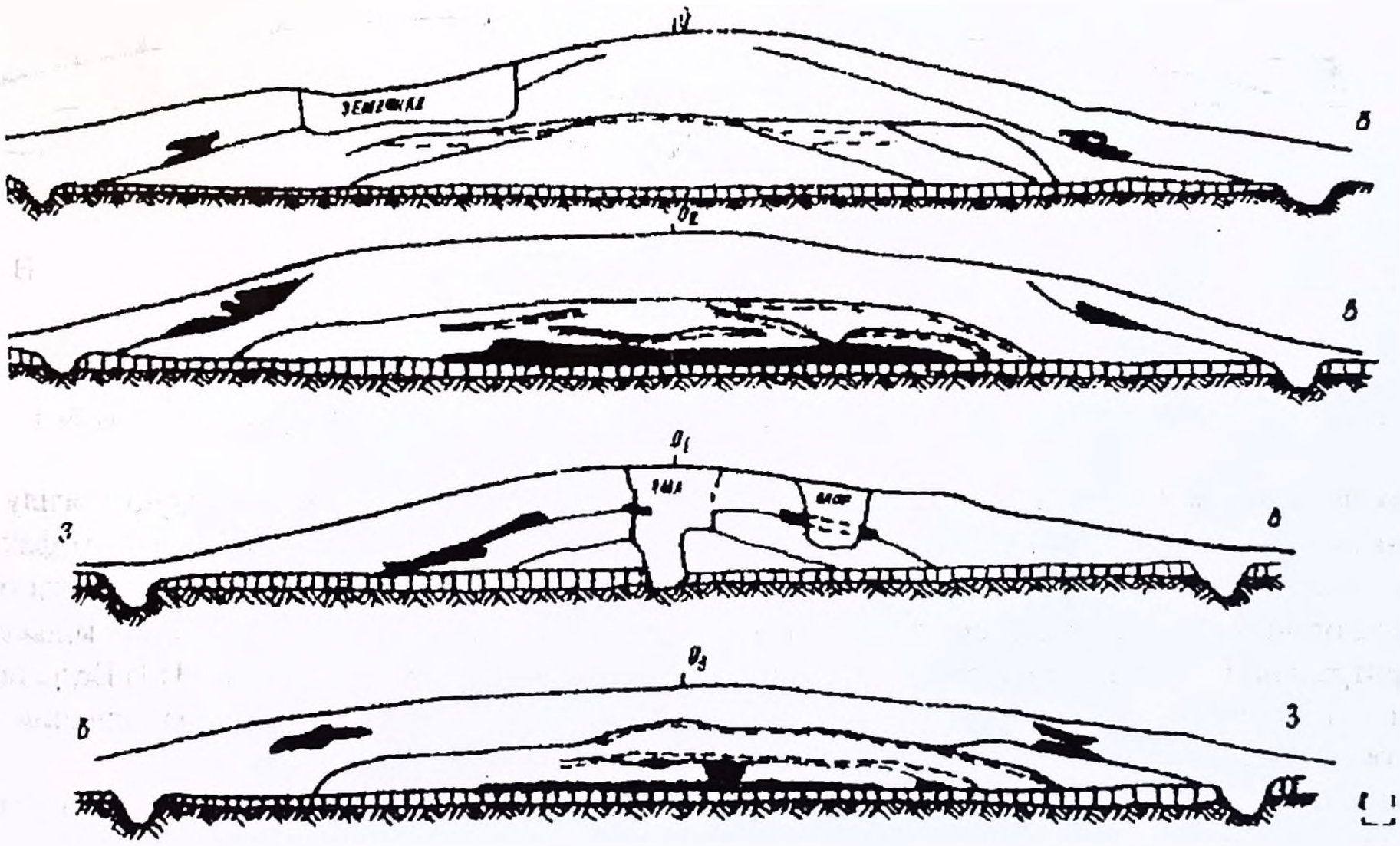


Рис. 2а. Разрезы насыпи кургана 12 с.Владимировка. Пример насыпи одноактного кургана (Уплощенная насыпь — ядро первоначальной обваловки, на ее внешних склонах лежит выкид периферийных могил)

В Вишневой Могиле близ южной женской гробницы находятся две детских могилы[2], одна из них совершена в катакомбе, другая в подбое. Примечательно, что своим расположением в подкурганном пространстве пара этих детских могил симметрична второй входной яме и сопровождающей ее конской могиле. Осью для симметрии выступает погребальная дорожка, концы которой увязаны с разрывами рва. Сходство в расположении дополнительных могил указывает на существование определенного канона, который учитывался на стадии разметки подкурганного пространства.

Ряд боковых вспомогательных могильных сооружений можно продолжить за счет могилы молодой скифянки со служанкой из Первого Мордвиновского кургана и женской могилы Верхнего Рогачика. Боковая могила Первого Мордвиновского кургана. расположенная на южной периферии кургана, совершена в обычном подбое, сооружение которого в три раза уступает центральному по размерам и вдвое по глубине. Золотое убранство погребенной (высокий головной убор, ожерелье, серьги, браслеты, шесть перстней) как будто бы не указывало на ее зависимый статус. Снимает сомнения информация Н.Е.Макаренко[3], руководившего раскопками этого кургана. Он пишет, что могила располагалась «за пределами основной насыпи (т.е. первоначальной обваловки — Ю.Б.), под присыпкой» и находилась под каменным покрытием т.е. крепидой (Макаренко Н.Е., 1916, с.270-272). Таким образом, могила являлась составной частью изначального ансамбля.

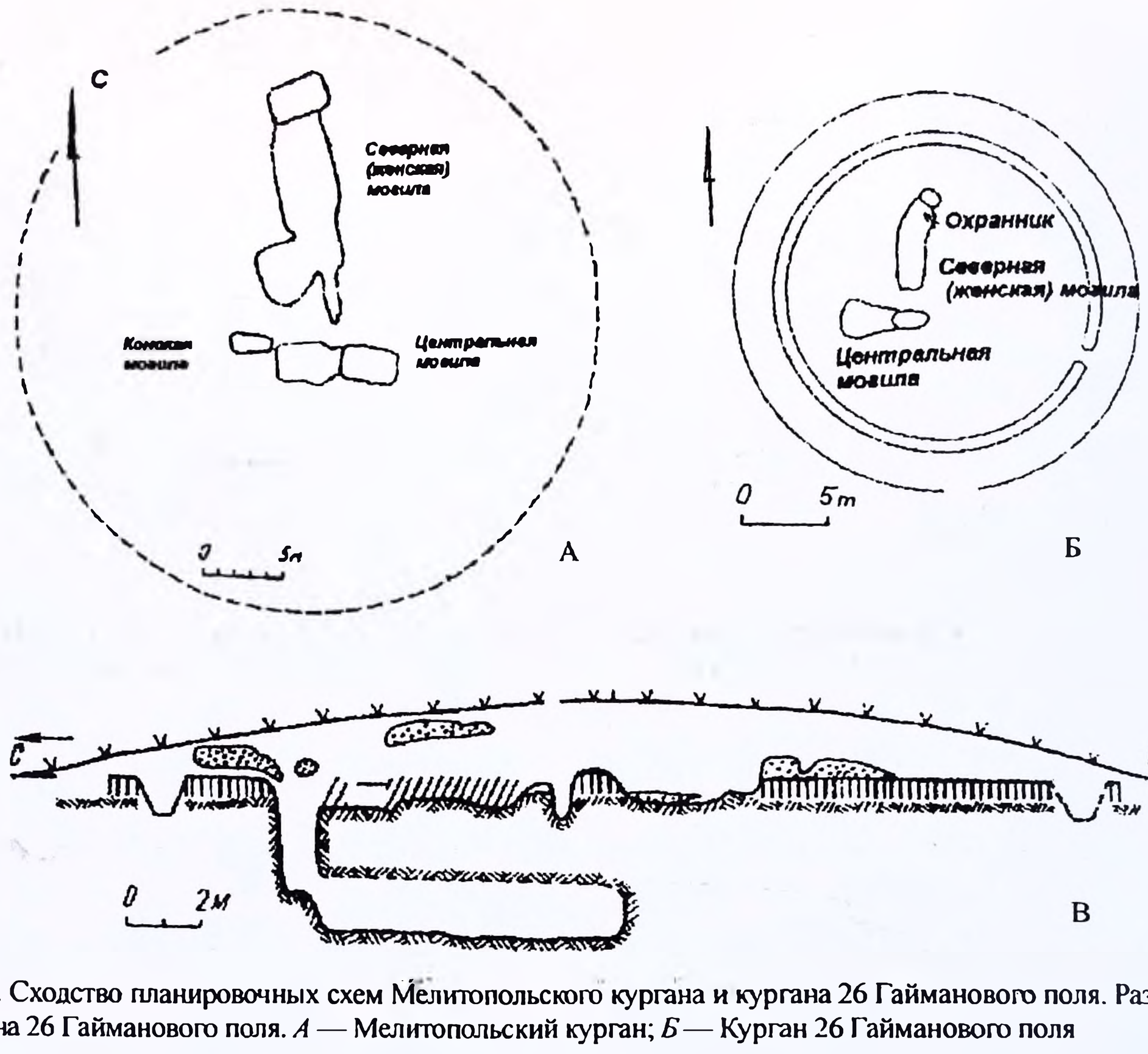


Рис.3. Сходство планировочных схем Мелитопольского кургана и кургана 26 Гайманового поля. Разрез насыпи кургана 26 Гайманового поля. *А* — Мелитопольский курган; *Б* — Курган 26 Гайманового поля

Верхний Рогачик. Боковая могила в этом кургане, в отличии от других ее прототипов, расположена в северном секторе. Вслед за автором раскопок Н.И.Веселовским принято было считать женскую могилу центральной, а сложное сооружение с двумя камерами — боковой могилой. Ранее мы высказали мнение о том, что женская могила не является центральной (Болтрик Ю.В., 1997, с.31). Центральной могилой в Верхнем Рогачике было сооружение с двумя входами, ведущими в расположенную к востоку от центра камеру. В центре же находилась входная яма, а не камера, как считалось прежде, поэтому в нее и вели грабительские мины — ситуация обычная для входных ям центральных могил. Вторая входная яма этого сооружения находилась в юго-восточном секторе кургана, ее положение и послужило определяющим для автора раскопок. К центру от нее шел пятнадцатиметровый дромос, который перпендикулярно входил в другой дромос (дл. 4,25 м), соединявший центральную входную яму и камеру.

Таким образом, устройство кургана Верхний Рогачик было подобно конструктивным схемам подземелий, зафиксированных в курганах Рогачицкого поля, Желтокаменки, к.12, у с.Владимировка, и отличалось от них лишь ориентацией[4]. А поскольку в Верхнем Рогачике длинный дромос был устроен с юга, то и «оппозиционную» ему женскую могилу разместили в северном секторе. Заметим, что сам факт путаницы в положении могил косвенно свидетельствует в пользу единства комплекса Рогачика, поскольку мотивы, которыми руководствовался Н.И.Веселовский, могли основываться, к примеру, на наличии выкида близ женской могилы.

Еще одну группу курганов, которую объединяет сходство планировочной схемы, составляют Мелитопольский курган, к.26 Гайманового поля (Тереножкин А.И. и др., 1977 с.179-181, рис.31,32) и к.13 у пос.Акимовка (Болтрик Ю.В. и др., 1984) (рис.3). В свое время мы пересмотрели очередность могил в самом известном из группы — Мелитопольском кургане. Определение Б.Н.Мозолевским в этом кургане женской могилы как основной (Тереножкин А.И. и др., 1988) мы отвергли, отдав предпочтение мужской в качестве основной и главной могилы (Болтрик Ю.В., 1997, с.32,33). Ситуация под двухметровой насыпью к.26 гр. Гаймановой могилы, где все три погребения оказались одновременны, заставляет вновь вернуться к проблеме внутренней хронологии Мелитопольского кургана. Но сначала о кургане 26. В нем боковая могила (№ 3) является синхронной центральной (№ 2), поскольку вокруг ее входной ямы кольцом лежит материковый выкид, а над просевшей камерой могилы (№ 3) близ входа, на уровне

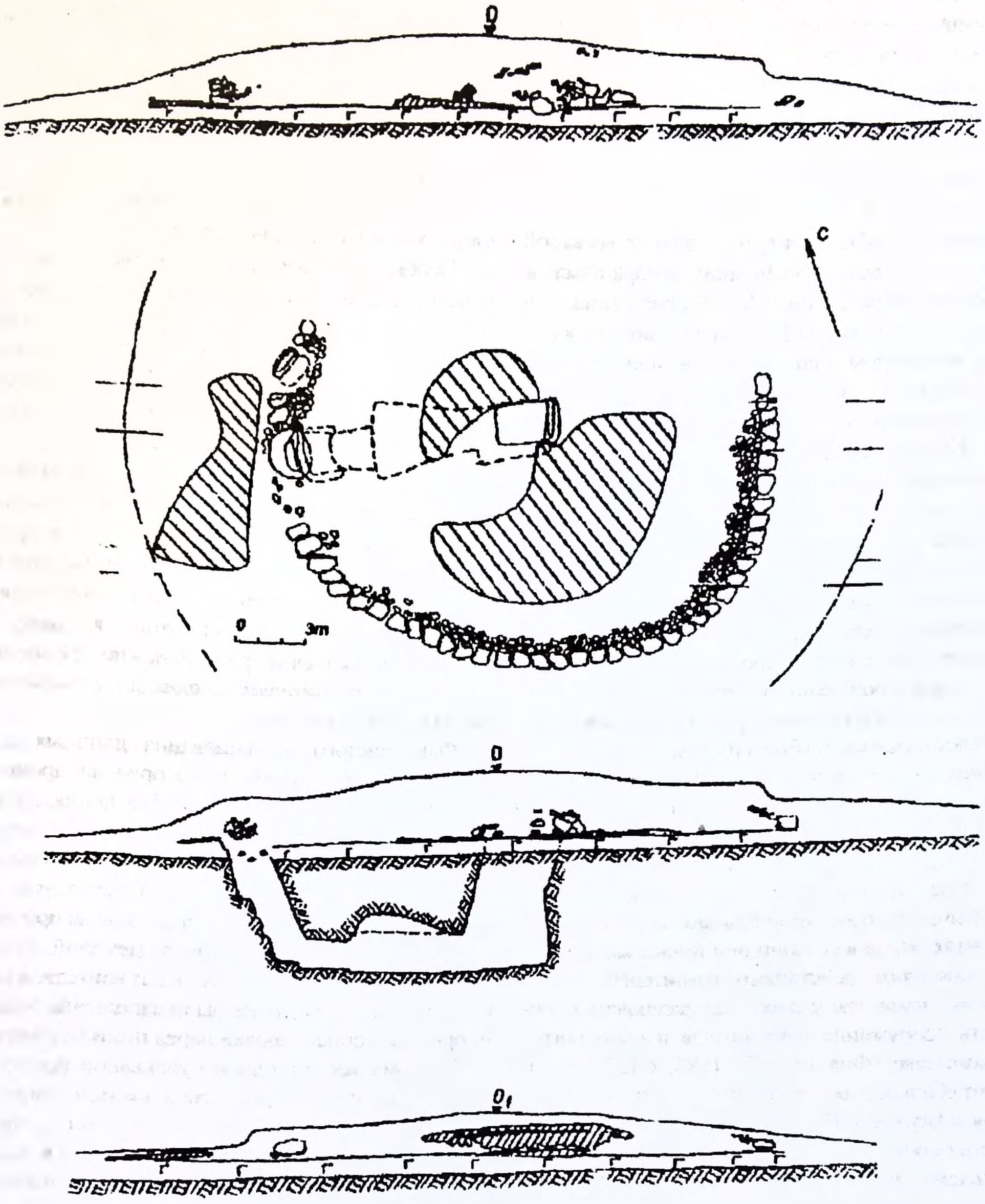


Рис.4. План и разрезы насыпи Кальковой Могилы

древней поверхности находилось погребение зависимого лица (№ 1)[5]. Южный край вытянутой камеры боковой могилы около двух метров не доходил до входной ямы центральной и был как бы нацелен на нее. Причем ширина камеры боковой могилы совпадала с первоначальной длиной центральной входной ямы. Сходную картину дает и общий план Мелитопольского кургана, здесь вытянутая камера женской могилы также своим слепым ходом, как перстом, указывает на стык входной шахты с камерой Центральной могилы. В Мелитополе из-за фрагментарности разрезов насыпи стратиграфическая ситуация оказалась крайне сложной и запутанной, что было обусловлено разрушенностью центральной части кургана. Поэтому и возникли различные взгляды по поводу последовательности могил в Мелитопольском кургане. Ключевыми аргументами Б.Н.Мозолевского в трактовке женской могилы — как основной — были: факт присутствия в 1,5 м от ее входной ямы на уровне древней поверхности линзы материкового выкида и наличия отрезка рва, зафиксированного в разрезах насыпи, причем дуга его была повернута в направлении входа в женскую могилу. Наши возражения сводились к тому, что признание женской могилы основной диссонирует с ее необычной ориентацией в южном направлении, поскольку в IV в. до н.э. подобная ориентация основных могил не фиксируется, тогда как впускные могилы подобной формы в северном секторе кургана известны. А фрагмент рва не связан с курганом и сущест-

вовал до его возведения, так как он заполнен «каштановым черноземом», кольцевые же рвы курганов заиливаются темным (до черного) грунтом, смытым с насыпи; к тому же в месте фиксации ров должен бы быть заполненным глиною из расположенной рядом мужской могилы. Также трудно представить, что ров диаметром 16 м мог окружать сооружение, длинная ось которого на 7 м больше его радиуса.

Отталкиваясь от общей ситуации вокруг мужской могилы, мы признавали ее основной, возвращаясь к первоначальному определению А.И.Тереножкина, что ныне и является объективной реальностью. Женская могила таким образом становилась впускной. Хотя следует признать, что в своих рассуждениях относительно женской могилы Мелитополя мы остановились на полпути. Приведя аналоги схеме планировки Мелитополя, следовало задаться вопросом — как устроители впускных могил этих комплексов угадывали все элементы сходства? А это могло быть только в случае единовременного сооружения обеих могил, их создатели действовали по заранее известной схеме. Поэтому следует признать частичную правоту Б.Н.Мозолевского в отношении принадлежности женской могиле выкида на древней поверхности. Что доказывает лишь синхронность могил в кургане, принять и понять которую десять лет назад мы не были готовы.

Погребальные сооружения элитных курганов Степной Скифии в большинстве случаев имели по два входа, устроенных одновременно. Один устраивался с переферии подкурганного пространства, другой — в его центре. Соединявшие переферию и центр длинные дромосы обычно считают вторичными сооружениями, а в тех случаях, когда в сечении они имеют малые размеры, их обясняют действиями грабителей. После исследования Огуза, где удалось зафиксировать одновременность сооружения двух входов в один погребальный комплекс (Фиалко Е.Е., 1994, с.125-128), и анализа погребальных сооружений Чертомлыка, Александрополя и Верхнего Рогачика (Болтрик Ю.В., 1997, с.29-35) есть основания под иным углом зрения истолковывать схему и последовательность устройства сооружений с длинными дромосами и двумя входными ямами.

Убедительный аргумент в пользу синхронности сооружений с двумя входами дает Калькова Могила (Мозолевский Б.Н. и др., 1986). В этом небольшом кургане (рис.4) стратиграфически зафиксирован факт сооружения обеих входных ям еще до возведения насыпи, линзы выкида лежат близ них на уровня погребенного чернозема, а периферийную яму перекрывает крепида. На предварительную разметку сооружения указывает короткий дромос второй входной ямы, входящий в торцевую стенку камеры строго по ее длиной оси.

Катакомбы с планировкой в виде косого креста чертомлыцкого типа (Бессонова С.С., 1997) обычно воспринимают без дромосов, которые ошибочно трактуют как грабительские ходы. Ряд обстоятельств — направленность этих ходов с севера, значительные поперечные размеры и удивительная «вписываемость» в общий контекст сооружения свидетельствуют в пользу принадлежности этих конструктивных элементов к единому заранее спланированному комплексу. Заметим, что к ряду элитарных курганов с крестообразной планировкой катакомб (Чертомлык, Козел, Мордвиновские I и II) следует добавить и рядовой памятник с подобным сооружением — Шмальки к.4, также имеющий небольшой дромос с северной стороны.

Особые сложности представляет процесс «возвращения» ансамблю кургана «отнятых» у него узких и длинных подземных ходов, определенных в большинстве случаев раскопщиками как грабительских. В археологической практике расчистка ходов, считавшихся грабительскими, не была обязательной, поэтому информации о них не так уж и много.

Сомнения в отношении узких и длинных ходов, считавшихся грабительскими, высказывал еще Д.Н.Анучин. Возражая против мнения в принадлежности грабителям «лазейки» Чертомлыцкого кургана, он приводит в пример «лазейки» диаметром около метра в других курганах и приходит к выводу, что ими могли пользоваться и грабители, «но приписывать все такие ходы грабителям ... едва ли возможно» (Анучин Д.Н., 1909, с.67,68).

Факт частого использования длинных дромосов грабителями (а потому и восприятия дромосов как грабительских ходов) требует объяснения. Дело в том, что входные шахты длинных дромосов, устроенные под полой кургана, демаскировались талыми водами. Незначительный слой насыпи на периферии кургана не мог защитить заполнение шахт и вода продавливала или промывала его вовнутрь подземелий. Образовавшимся провалом и пользовались грабители, а поскольку дромосы и камеры не были заполнены полностью, то проблема ориентировки перед ними не стояла.

Поэтому, когда в одной публикации помещены рядом два кургана с одинаковой схемой «ограбления» (Гребенников Ю.С., 1987, с.149,157, рис.1,2), где совпадают направление, форма, глубина и точка в подземном погребальном сооружении, в которую приходит «грабительский лаз», возникает закономерный вопрос — каким образом древние грабители угадывали все сложные параметры? Как им удавлось так безошибочно определять угол наклона своего лаза, что он точно выходил на уровень пола камеры или дна входной ями? А в тех случаях когда этот лаз был горизонтальным, как грабители могли согласовывать глубину сооружения, в которое он направлен, с глубиной ямы, из которой ход начинался? Возникает и еще один вопрос — почему грабители «теряют» остатки инвентаря то в своем ходу, то на выкиде возле него? К примеру, какой смысл грабителям выносить на поверхность целую амфору и оставлять ее у входа в лаз, как это вроде бы было сделано во II Мордвиновскому кургане (Лесков О., 1974, с.60; Лесков А.М., 1981, с.160). Тем более, что местоположение этой амфоры не случайно и перекликается с расположением амфор «винного склада» Чертомлыка.

устроенного близ входа в дромос в северо-западном секторе. Продолжая тему длинных дромосов — «грабходов», следует обратиться к сходству элементов сооружений Братолюбовского кургана, Томаковской Близницы и Солохи I. В двух первых курганах дромос уходит к дополнительному входу из северо-восточного угла камеры. Из той же точки и в том же направлении уходит от погребальной камеры первой могилы Солохи ход, считающийся грабительским. Отмеченное сходство дает основание предполагать в нем начало длинного дромоса и ожидать, что под нераскопанной северной полой Солохи может оказаться еще один вход и не исключаем, что при нем возможна дополнительная могила коней.

Вероятно, истинные грабительские ходы в курганах есть и их совсем немного. Пожалуй, с определенной долей сомнения можно согласиться с существованием длинного грабительского лаза в Желтокаменке. В этом кургане сочетаются длинный дромос и ход, пробитые почти в одном направлении, но на разной глубине.

Расположение входов длинных дромосов (как и мнимых грабительских лазов), как правило, совпадают с линией крепиды или же внешним краем первичной обваловки. Эту закономерность можно объяснить двояко: 1. Создатели погребального комплекса одновременно сооружали наземную и подземную части его, а длинный дромос запланировано «поднырывал» под первичную обваловку, начинаясь у ее внешней стороны. 2. Это же, спустя определенное время, могли сделать и устроители для второго (или третьего) входа, то же могли сделать и грабители. Но во втором варианте при выполнении работ по впуску второй входной ямы и соответствующего дромоса их производителей ожидали бы значительные сложности. Во-первых, со временем насыпь кургана оплывала, ее край перемещался и трудно было найти границу обваловки, к тому же ее скрывала окончательная досыпка. Во-вторых, непросто было под уже готовую насыпь направить подземный ход, так что его длинная ось образовывала с длинной осью катакомбы перпендикуляр или же определенный угол, который повторяется в ряде памятников, или же так, чтобы эти оси совпадали, образовывая одну прямую. Учитывая, что подкурганные сооружения ориентировались по солнцу и их длинные оси отклонялись в соответствии с точками захода светила в различное время года (Генинг В.Ф., Генинг В.В., 1985), спустя определенное время попасть в подземную часть кургана с соблюдением выше упомянутых условий было нереально.

Косвенным доказательством существования одновременных сопровождающих могил могут служить факты местонахождения повозок. Повозки находятся в боковых могилах 30-35-градусного сектора близ оси С-Ю и отсутствуют в центральных могилах (исключение Гайманова могила — здесь они есть в обеих могилах). На фоне ограбленных основных гробниц достаточно богатый погребальный инвентарь боковых могил служил психологической преградой на пути признания их сопровождающими, т.е. подчиненными главному погребенному. Однако, помещение по две повозки в боковые могилы Александрополя и Казенной Могилы, при достаточно ординарном характере остального инвентаря, указывает на зависимое положение погребенных в них. Совпадение в размещении колесниц, как и сам факт их находки, косвенным образом подчеркивает вспомогательный или, точнее, дополнительный характер этих могил. Погребенных в боковых могилах считают жрицами (Бердянский курган и Казенная Могила), зависимыми лицами (Александрополь) или «царицами» (Гайманова и Толстая Могилы).

Таким образом, на основании анализа планиграфии подкурганного пространства и стратиграфии насыпей скифских курганов приходим к следующим выводам.

1. В подавляющем большинстве случаев элитные курганы скифов это одноактные, сложные, многокомпонентные сооружения, все элементы которых устраивались синхронно и являлись деталями одного ансамбля. Главная идея этих сооружений подчинена обеспечению перехода умершего в потусторонний мир с соотвествующим кругом зависимых соумирающих, помещенных в отдельные боковые могилы, которые ошибочно трактуются как впускные, т.е. асинхронные.

2. Отдельные элементы кургана эволюционировали, отпочковываясь от основного сооружения или же сливаясь с ним.

3. Признание факта синхронности и подчиненности дополнительных могил главному погребенному указывает, как низко в скифском обществе находился порог стоимости жизни зависимых лиц.

4. Расширяется список сопровождавших господина в загробный мир. В известной мере подтверждается информация Геродота (IV, 71,4) о шести удушенных подданных — от наложницы до вестника, которых хоронили вместе с царем. Факт нахождения соумирающих не в одной могиле с господином может быть объяснен изменениями в обряде, произошедшими со времени Геродота. Во всяком случае, в к.13 у В.Знаменки, одном из наиболее ранних степных курганов, зависимые лица находились в одной большой могиле с хозяином. А спустя несколько поколений сопровождающих особ стали хоронить в отдельных могилах различной формы как внутри первоначальной обваловки, так и за ее пределами.

В заключение следует отметить, что развитие погребальных конструкций Степной Скифии отражало социальные изменения, происходившие в конце V — первой половине IV в. до н.э. Однако, корни традиции сооружения курганных ансамблей с комплексами сопровождающих могил уходят за пределы скифского времени, в эпоху срубной культуры, где известны курганы с могилами зависимых лиц.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] В публикации Носаковских курганов (Бидзиля В.И. и др., 1977, рис.39) детская могилка (№ 5) не показана на плане, поскольку ее сочли неопределенной. Однако, курганы со сходными планировочными схемами убеждают, что эта могилка — часть скифского комплекса.

[2] В 1976 г. при раскопках Вишневой Могилы детские могилки мы сочли впускными, сейчас же анализ планиграфии кургана нас убеждает, что они — составная часть ансамбля кургана. Погребение девочки в незасыпанной катакомбе опубликовано (Прилипко Я.П., Болтрик Ю.В., 1991).

[3] Первый Мордвиновский курган исследовался в 1914 г. по инициативе М.И.Ростоцева, повторно раскапывался А.М.Лесковым в 1970 г. Поскольку эти работы должны были стать эталоном курганных исследований в Российской Империи, то они велись тщательно, насыпь снимали вручную, оставляя бровки через каждые 1,5 м с последующей фотофиксацией. К сожалению, на сегодня большая часть этой уникальной полевой документации считается утраченой.

[4] Косвенным аргументом в пользу целостности комплекса Верхнего Рогачика может служить скелет человека, встреченный в 11 м к западу от центральной входной ямы (а не женской могилы) на уровне древней дневной поверхности (Всссловский Н.И., 1914). В нем следует видеть зависимое лицо, положенное на погребальной дорожке, которая оставлялась в первоначальной обваловке до времени захоронения главного погребенного и соединяла западную полу кургана и вход в могилу. По аналогии с другими большими курганами, близ этого скелета можно предполагать и могилу коней, до которых роскопщики могли и не дойти.

[5] Заметим, что в курганах зависимые лица, если для них не устроена отдельная могила, как правило, укладывались на древней дневной поверхности.

ЛИТЕРАТУРА И АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Андросов А.В., 1989. Архитектура скифских курганов Украины: традиции и инновации // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Тезисы докладов конференции. Запорожье.

Анучин Д.Н., 1909. И.Е.Забелин в первую половину его научной деятельности (1842-1876) // Древности. ТМАО. 22/2.

Бессонова С.С., 1997. К вопросу о крестообразной планировке скифских погребальных сооружений // Боспор и античный мир. Нижний Новгород.

Бидзиля В.И., 1969-70. Отчет о работе Северо-Рогачикской экспедиции ИА АН УССР. Ч.1. Гайманова Могила // Архив ИА НАНУ, инв. № 1969-70/37.

Бидзиля В.И., Ляшко С.Н., 1974. Отчет о раскопках курганов эпохи бронзы и раннего железного века в Запорожской области // Архив ИА НАНУ, инв. № 1974/10.

Бидзиля В.И., Болтрик Ю.В., Мозолевский Б.Н., Савовский И.П., 1977. Курганный могильник в уроч. Носаки // Курганные могильники Рясные Могилы и Носаки. Киев.

Болтрик Ю.В., 1997. Про місце жіночих поховань в найбільших курганах Скіфії // Археологія. № 1.

Болтрик Ю.В., Фиалко Е.Е., 1984. Отчет о работе Приазовской экспедиции // Архив ИА НАНУ, инв. № 1984/5.

Болтрик Ю.В., Фіалко О.Є., 1995. Могили скіфських царів другої половини IV ст. до н.е. // Археологія. № 2.

Веселовский Н.И., 1914. План гробниц в кургане села Верхний Рогачик 1914 года // Архив ИИМК РАН, ф.1, д.61/1914.

Генинг В.Ф., Генинг В.В., 1985. Метод определения древних ориентировок по сторонам горизонта // Археология и методы исторических реконструкций. Киев.

Гребенников Ю.С., 1980. Скифский курганный могильник у с.Отрадное // Археологические памятники Поингулья. Киев.

Гребенников Ю.С., 1987. Курганы скифской знати в Поингулье // Древнейшие скотоводы степей юга Украины. Киев.

Грязнов М.П., 1961. Курган, как архитектурный памятник // Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований в 1960 г. М.

Кубышев А.И., 1993. Скифский курган V в. до н.э. у села Братолюбовка на Херсонщине // Resumes. First international simposium «Sevtopolis» «Burial mounds in South-east Europe». Kazanlak.

Лелеков Л.А., 1976. Отражение некоторых мифологических воззрений в архитектуре восточноиранских народов в первой половине I тысячелетия до н.э. // История и культура народов Средней Азии. М.

Лєсков О., 1974. Скарби курганів Херсонщини. Київ.

Лесков А.М., 1981. Курганы: находки, проблемы. Л.

Макаренко Н.Е., 1916. Первый Мордвиновский курган // Гермес. № 11-12.

Мозолевский Б.Н., 1992. Отражение космологических представлений скифов в погребальной обрядности знати // Киммерийцы и скифы. Тезисы докладов научной конференции посвященной памяти А.И.Тереножкина. Мелитополь.

Мозолевский Б.Н., Полин С.В., Николова А.В., Левченко В.Н., 1986. Отчет о работе Орджоникидзевской экспедиции в 1986 г. // Архив ИА НАНУ, инв. № 1986/15.

Ольховский В.С., 1991. Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII-III вв. до н.э.). М.

Ольховский В.С., 1993. Архитектура скифского кургана V-IV вв. до н.э. // Resumes. First international

simposium «Sevtopolis» «Burial mounds in South-east Europe». Kazanlak.

Ольховский В.С., 1999. К изучению скифской ритуалистики: посмертное путешествие // Погребальный обряд. Реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений. М.

Отрощенко В.В., Болтрик Ю.В., Ляшко С.Н., Бессонова С.С., 1976. Отчет Запорожской экспедиции // Архив ИА НАНУ, инв. № 1976/6.

Прилипко Я.П., Болтрик Ю.В., 1991. Опыт реконструкции скифского костюма на материалах погребения скифянки из Вишнёвой Могилы // Курганы Степной Скифии. Киев.

Пяткин Б.Н., 1987. Представления древних людей о пространстве и времени по курганным намогильным сооружениям. Новосибирск.

Раевский Д.С., 1985. Модель мира скифской культуры. М.

Тереножкин А.И., Ильинская В.А., Мозолевский Б.Н., 1977. Скифский курганный могильник Гайманово поле (раскопки 1968 г.) // Скифы и сарматы. Киев.

Тереножкин А.И., Мозолевский Б.Н., 1988. Мелитопольский курган. Киев.

Фиалко Е.Е., 1994. Погребальный комплекс кургана Огуз // Древности скифов. Киев.

Чередниченко Н.Н., Бессонова С.С., Болдин Я.И., 1975. Отчет Верхнетарасовской экспедиции ИА АН УССР о раскопках курганов // Архив ИА НАНУ, инв. № 1975/10.

Чернопицкий М.П., 1980. Курганная группа как архитектурный ансамбль (опыт композиционно-художественного подхода) // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Кемерово.

Чернопицкий М.П., 1984. Курган в системе древней обрядности // Скифо-сибирский мир (искусство и идеология). Кемерово.

Kubyšev A., 1996. Der Bratoljubovka-Kurgan. Die Grabanlage eines skythischen Nomarchen? // Hamburger Beiträge zur Archeologie 18, 1991. Mainz.

С.Б.ВАЛЬЧАК

ОСНОВНЫЕ МОТИВЫ ОРНАМЕНТАЦИИ УЗДЕЧНЫХ ПРИНАДЛЕЖНОСТЕЙ ЮГА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В НАЧАЛЕ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА

Изучение рельефного орнамента на функциональных и декоративных элементах конской упряжи неоднократно служило основой для построения различными исследователями гипотез о генезисе и хронологическом соотношении памятников начала раннего железного века. Внимание уделялось анализу орнаментации удил, реже — костяных и бронзовых псалиев, особенно принадлежащих одному уздечному комплекту или найденных в закрытом археологическом комплексе (Ложкин М.Н., Петренко В.Г., 1981, с.71; Петренко В.Г., 1983, с.44-46; Эрлих В.Р., 1991, с.35-42; 1994, с.102-105; Вальчак С.Б., 1997а, с.88-104). Именно орнаментацию этих двух важнейших категорий археологического материала хотелось бы рассмотреть подробнее[1].

Морфологический анализ удил и псалиев предскифского времени на территории юга Восточной Европы позволил разделить предскифские памятники региона (на основании обработки всего массива бронзовых уздечных комплектов) на три хронологических группы: предновочеркасскую, предклассическую новочеркасскую и классическую новочеркасскую (Вальчак С.Б., 1995; 1997а; Лесков А.М., Эрлих В.Р., 1999, с.67-69). Накопление археологического материала позволило существенно пересмотреть предыдущие (двухуровневые) хронологические схемы (Терножкин А.И., 1976; Эрлих В.Р., 1991; Вальчак С.Б., 1994). Основой для исследований послужили комплексы с бронзовыми трехпетельчатыми псалиями. Анализ совстречаемости удил с бронзовыми трехдырчатыми псалиями (с отверстиями в тулове и утолщениях тулова) и однотипными им костяными изделиями дает возможность синхронизировать эту совокупность с первой и второй группами предложенной хронологической схемы. Не менее двух хронологических этапов — жаботинский и келермесский, — определяются и для раннескифского периода.

Для первой (предновочеркасской) хронологической группы предскифского периода имеется немного уздечных комплектов с трехпетельчатыми псалиями. В них превалируют однокольчатые и треугольно-конечные удила с ложновитым рельефом (рис.2, *3*) и округлыми в сечении стержнями (Вальчак С.Б., 1997а, с.91-95). Орнаментация псалиев отмечена лишь у типа Фарс 2-35 на выпуклой (внутренней) стороне лопасти. Она заключается в помещении на приостренном или закругленном крае лопасти ромбической или овально-ромбической рельефной фигуры[2], изредка треугольный выступ отмечен и у основания лопасти. Параллельно бытуют лишенные орнаментации экземпляры псалиев этого и других типов (Вальчак С.Б.,1997а, с.91-95, рис.2-6).

Еще меньше комплектов с различными типами трехдырчатых псалиев. Это находки из п.56 могильника Сержень-Юрт, п.51 и 83 мог. Пшиш I, п.112 мог. Николаевский и Верхнего Кобана (Козенкова В.И., 1982, табл.XX, *1,12*; Kozenkova V., 1994, Taf.52, *10-12*; Сазонов А.А., 1995, рис.9, *2*; 4, *2*; Анфимов Н.В., 1971, рис.2, *1*; Иессен А.А., 1953, рис.19, *2*). Существует еще несколько археологических комплексов, в которых найдены псалии без удил.

Основным мотивом орнамента является расположение рельефного диска на пересечениии стержня псалия с элементом крепления (трубкой-муфтой). Орнаментальные диски, вероятно, связанные с солярной символикой, зачастую расположены не только на внешней (вогнутой), но и на внутренней (выпуклой) стороне псалия (рис.1, *1*; 3, *1*). Синхронно бытуют и неорнаментированные псалии типа Черногоровка (рис.2, *10*).

В рамках абсолютной хронологии группа 1, на мой взгляд, может быть датирована 1-й половиной — серединой VIII в. до н.э.

На заключительном этапе бытования изделий первой хронологической группы и в начале второй, когда в мастерских Восточной Европы сформировалась своя традиция исполнения в бронзе как «степных» (непосредственно восходящих к позднебронзовой эпохе), так и «центральноевропейских» псалиев, начинается период экспериментирования и появляются (наряду с уже известными) новые мотивы орнаментации. Освоенные мастерами-бронзолитейщиками основные формы удил и псалиев начинают многократно тиражироваться. Появление «экспериментальных» изделий объясняется, скорее всего, стремлением заказчика обладать несколько отличающимися от массы подобных металлическими деталями уздечки.

В это же время, наряду с округлым, начинает появляться в однокольчатых и треугольно-конечных удилах подпрямоугольное сечение стержней (рис.2, *7*). К финальному этапу бытования уздечных комплектов первой группы относится, по моему мнению, и появление

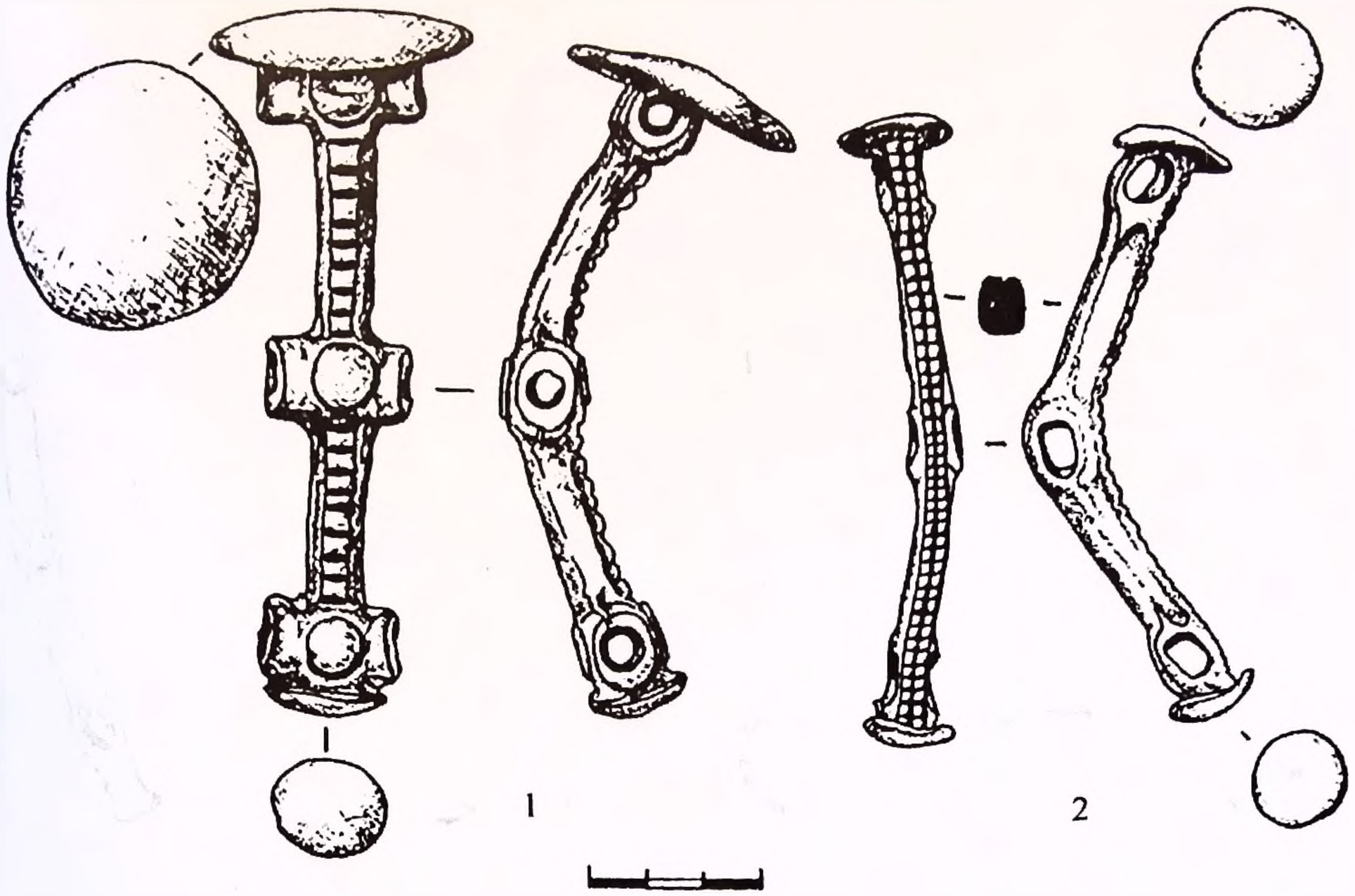


Рис.1. *1* — Сержень-Юрт, п.38 (ИА РАН); *2* — Гуров хут., случайная находка (Новочеркасский музей, II-144)

на юге Восточной Европы традиции изготовления двукольчатых удил. Не исключено, что эта новация отражает влияние конструктивных особенностей узды восточных регионов Евразии (Вальчак С.Б., 1997б, с.28,29).

На псалиях трехдырчатых, как правило, неорнаментированных, изредка появляются рельефные горизонтальные пояски (ложная обмотка), охватывающие утолщения около верхнего и нижнего отверстия (рис.2, *8,9*), или упрощенный вариант такого мотива — насечки на внешней стороне (рис.1, *1*). Имеются и удила с подобным рельефом (рис.2, *1*). Такие бронзовые псалии найдены в п.3 и 61 мог.Пшиш I (Сазонов А.А., 1995, рис.3, *1,2*; 8, *3*) и п.38 мог.Сержень-Юрт (Козенкова В.И., 1982, табл.XX, *11*).

Комплексы этих погребений синхронизированы с концом первого (предновочеркасского) и началом второго (предклассического новочеркасского) этапа предположительно. Ближайшие аналогии им найдены западнее Днестра и в Средней Европе (Смірнова Г.І., Войнаровський В.М., 1994, с.137-141; Podborsky W., 1970, Taf.53, *2*). Представляется, что, вопреки мнению Г.И.Смирновой и В.Н.Войнаровского (Смірнова Г.І., Войнаровський В.М., 1994, с.140), наибольшие восточноевропейские соответствия эти комплексы находят в материалах группы 2 предлагаемой периодизации, эта группа в абсолютных рамках может датироваться серединой — 2-й половиной VIII в. до н.э.

Взаимовстречаемость различных изделий в комплексах позволяет предполагать определенную взаимозависимость в мотивах орнаментации поверхности псалиев и стержней удил. Так, на втором этапе развития уздечных принадлежностей предскифского периода при сохранении более ранних форм активно используются шнуровой («веревочка») и двурядно-прямоугольный рельефы стержней однокольчатых и двукольчатых удил (рис.2, *4*; 3, *2*) (Вальчак С.Б., 1997а, с.99,100, табл.1-3). В это же время аналогичные виды орнамента появляются на бронзовых псалиях типа Фарс 14 (Дударев С.Л., 1991, табл.19, *2,4*), вариантов Камышеваха (Иессен А.А., 1953, рис.19, *3*; Раев Б.А., 1979, табл.16, *14*; Батчаев В.М., 1985, табл.6, *15,16*; Шарафутдинова Э.С., Дубовская О.Р., 1987, рис.1, *5*) и Малая Цимбалка (Крупнов Е.И., 1950, рис.49; Иессен А.А., 1953, рис.3, *5*; Вальчак С.Б., 1992, с.93,94; Дударев С.Л., 1995, табл.) (рис.1, *2*; 3, *4*). Удила и псалии с одинаковым декором, по всей вероятности, бытовали синхронно, о чем свидетельствует уздечный комплект из п.32 Белореченского 2-го могильника (рис.2, *4,5*). Украшая один из предметов, мастер вполне мог использовать аналогичный мотив орнамента и для другого. Намного чаще встречаются уздечные комплекты с различной орнаментацией удил и псалиев. Так, редкие модификации псалиев варианта Малая Цимбалка со шнуровым орнаментом встречены в комплектах из Кисловодска (рис.2, *3,6*) и п.2 (1948 г.) Каменномостского могильника (рис.3, *2,3*) с различными типами удил и разным рельефом стержней (Иессен А.А., 1953, рис.2, *II*; 3, *5*; Крупнов Е.И., 1950, рис.49), причем, первый из них отражает совстречаемость ранней и более поздней традиции рельефной орнаментации, а второй — демонстрирует сочетание двух различных, но характерных для рассматриваемого (второго) этапа новшеств. Точно так же иллюстрируют определенную синхронность архаичных типов удил (треугольноконечных и однокольчатых) и рельефов на них (ложно-

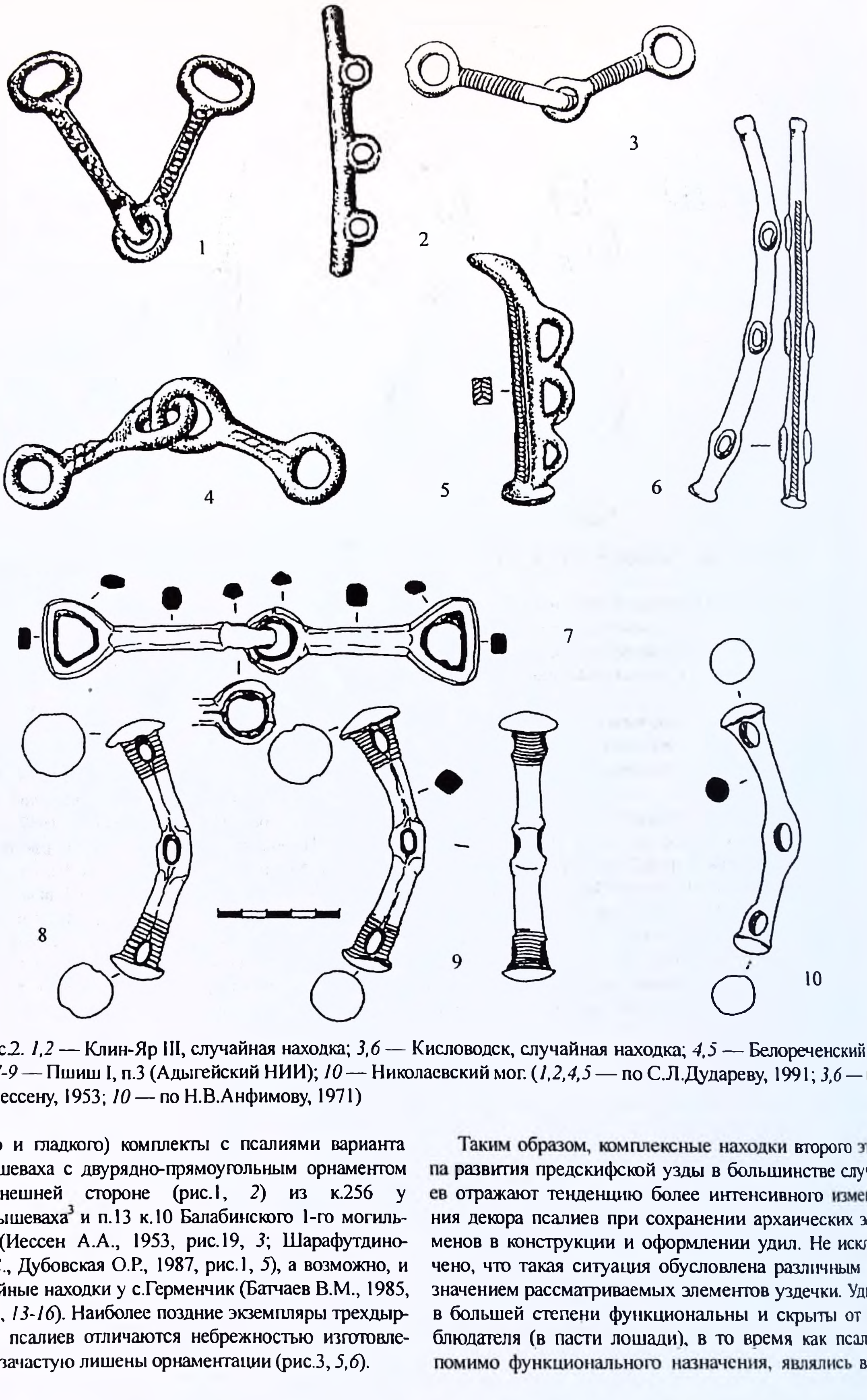


Рис.2. *1,2* — Клин-Яр III, случайная находка; *3,6* — Кисловодск, случайная находка; *4,5* — Белореченский 2, п.32; *7-9* — Пшиш I, п.3 (Адыгейский НИИ); *10* — Николаевский мог. (*1,2,4,5* — по С.Л.Дудареву, 1991; *3,6* — по А.А.Иессену, 1953; *10* — по Н.В.Анфимову, 1971)

витого и гладкого) комплекты с псалиями варианта Камышеваха с двурядно-прямоугольным орнаментом на внешней стороне (рис.1, *2*) из к.256 у с.Камышеваха[3] и п.13 к.10 Балабинского 1-го могильника (Иессен А.А., 1953, рис.19, *3*; Шарафутдинова Э.С., Дубовская О.Р., 1987, рис.1, *5*), а возможно, и случайные находки у с.Герменчик (Батчаев В.М., 1985, табл.6, *13-16*). Наиболее поздние экземпляры трехдырчатых псалиев отличаются небрежностью изготовления и зачастую лишены орнаментации (рис.3, *5,6*).

Таким образом, комплексные находки второго этапа развития предскифской узды в большинстве случаев отражают тенденцию более интенсивного изменения декора псалиев при сохранении архаических элементов в конструкции и оформлении удил. Не исключено, что такая ситуация обусловлена различным назначением рассматриваемых элементов уздечки. Удила в большей степени функциональны и скрыты от наблюдателя (в пасти лошади), в то время как псалии, помимо функционального назначения, являлись важ-

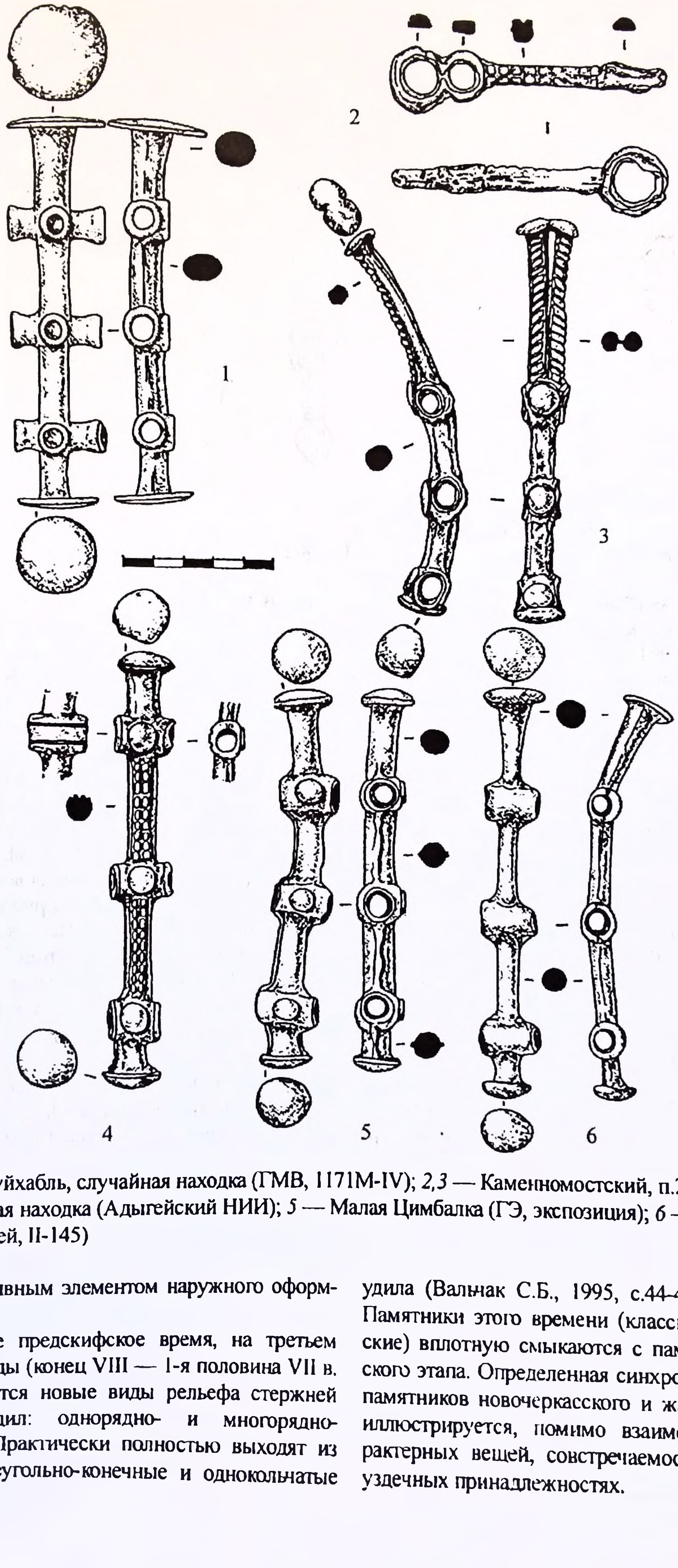


Рис.3. *1* — Тауйхабль, случайная находка (ГМВ, 1171М-IV); *2,3* — Каменномостский, п.2 (ГИМ, Б-858); *4* — Пшиш I, случайная находка (Адыгейский НИИ); *5* — Малая Цимбалка (ГЭ, экспозиция); *6* — Нижний Дон (Новочеркасский музей, II-145)

ным и информативным элементом наружного оформления уздечки.

В позднейшее предскифское время, на третьем этапе развития узды (конец VIII — 1-я половина VII в. до н.э.), появляются новые виды рельефа стержней двукольчатых удил: однорядно- и многорядно-прямоугольные. Практически полностью выходят из употребления треугольно-конечные и однокольчатые удила (Вальчак С.Б., 1995, с.44-47; 1997а, с.99,100). Памятники этого времени (классические новочеркасские) вплотную смыкаются с памятниками жаботинского этапа. Определенная синхронность в бытовании памятников новочеркасского и жаботинского пластов иллюстрируется, помимо взаимопроникновения характерных вещей, совстречаемостью орнаментов на уздечных принадлежностях.

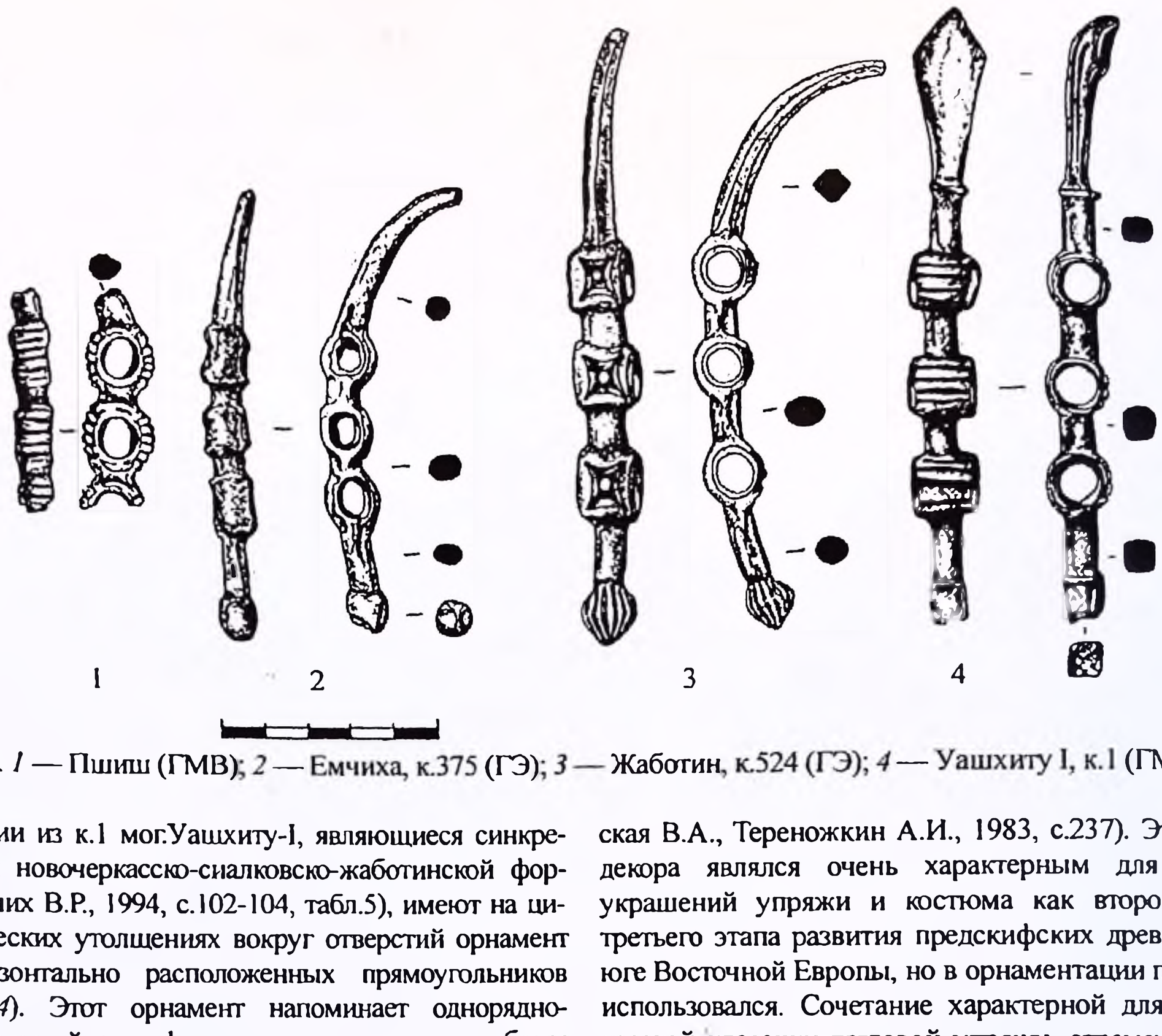


Рис.4. *1* — Пшиш (ГМВ); *2* — Емчиха, к.375 (ГЭ); *3* — Жаботин, к.524 (ГЭ); *4* — Уашхиту I, к.1 (ГМВ)

Псалии из к.1 мог.Уашхиту-I, являющиеся синкретической новочеркасско-сиалковско-жаботинской формой (Эрлих В.Р., 1994, с.102-104, табл.5), имеют на цилиндрических утолщениях вокруг отверстий орнамент из горизонтально расположенных прямоугольников (рис.4, *4*). Этот орнамент напоминает однорядно-прямоугольный рельеф двукольчатых удил чуть более раннего времени, например, из мог.Пшиш, курганов у Шевченковки[4] и Махошевской (Кожухов С.П., Эрлих В.Р., 1988, с.155, рис.4, *3*; Вальчак С.Б., 1997а, рис.1, *4*; 1997в, рис.7). Аналогичный орнамент отмечен на псалиях типа Жаботин 524 (чаще неорнаментированных — рис.4, *2*) в к.1/2 могильника Хаджох и оригинального псалия из п.39 мог.Кубанский (Сазонов А.А., 1997, рис.14, *11,12*; 1998, с.115). Близка к ним и внекомплексная находка на Псекупском могильнике (Эрлих В.Р., 1994, табл.32, *3*) (рис.4,*1*). Очень интересно, что на костяных псалиях из п.15 мог. Сиалк В, выполненных в позднебронзовой традиции, имеется аналогичный однорядно-прямоугольный орнамент лицевой поверхности (Ghirshman R., 1939, Pl.LVII, *791a-b*).

В комплексе из Хаджоха присутствуют как характерные для новочеркасской классики двукольчатые удила и детали тягловой упряжи, так и бронзовые псалии типа Жаботин 524 и трехпетельчатые келермесского типа (Сазонов А.А., 1997, с.86-89). Упомянутое погребение Кубанского могильника демонстрирует характерную для раннескифского периода зооморфную орнаментацию псалиев (Анфимов Н.В., 1965, рис.42). В эпонимном комплексе из к.524 у Жаботина однорядно-прямоугольный рельеф присутствует на стремечковидных удилах «раннескифского облика», а на псалиях (рис.4, *3*) появляется орнамент в виде композиции из «косого креста», вписанного в прямоугольник с вогнутыми сторонами (Иессен А.А., 1953, рис.24; Ильинская В.А., Тереножкин А.И., 1983, с.237). Этот мотив декора являлся очень характерным для бляшек-украшений упряжи и костюма как второго, так и третьего этапа развития предскифских древностей на юге Восточной Европы, но в орнаментации псалиев не использовался. Сочетание характерной для новочеркасской классики тягловой упряжи, стремечковидных удил «раннескифского облика» и псалиев типа Жаботин 524, но с зооморфным оформлением нижнего конца («копыто») зафиксировано в комплексе из хутора Алексеевский (Иессен А.А., 1954, рис.7). Интересно, что цилиндрические утолщения вокруг отверстий псалиев этого комплекса декорированы многорядно-прямоугольным рельефом (Петренко В.Г., 1983, с.44-46 рис.8, *10*). Псалии типа Жаботин 524, геометрический и зооморфный орнаменты уздечных пронизей, а также характерные для классических новочеркасских древностей детали тягловой упряжи и многорядно-прямоугольный рельеф на удилах «азиатского облика» отмечены и в находках из к.1/1 мог.Хаджох (Сазонов А.А., 1997, с.90,91, рис.14, *13-16*).

Однорядно- и многорядно-прямоугольная орнаментация стержней удил продолжает существовать и в комплексах келермесского хронологического этапа (рис.5, *2*), например, в курганах 3/Ш-4/Ш и 24 Келермесского могильника (Галанина Л.К., 1983, табл.3, *7,8,10*; Галанина Л.К., Алексеев А.Ю., 1990, рис.6, *18*). Кроме того, в это же время на стержнях удил появляется орнаментация в виде «косого креста» (рис.5, *3*), ранее характерная для псалиев типа Жаботин 524 (Галанина Л.К., 1983, табл.3, *13*). Сохраняется и традиция геометрического декорирования псалиев, преимущественно костяных. Наряду с зооморфными завершениями верхнего и нижнего концов псалиев, вписанные в прямоугольник «косые кресты» и окружности украшают выступы у

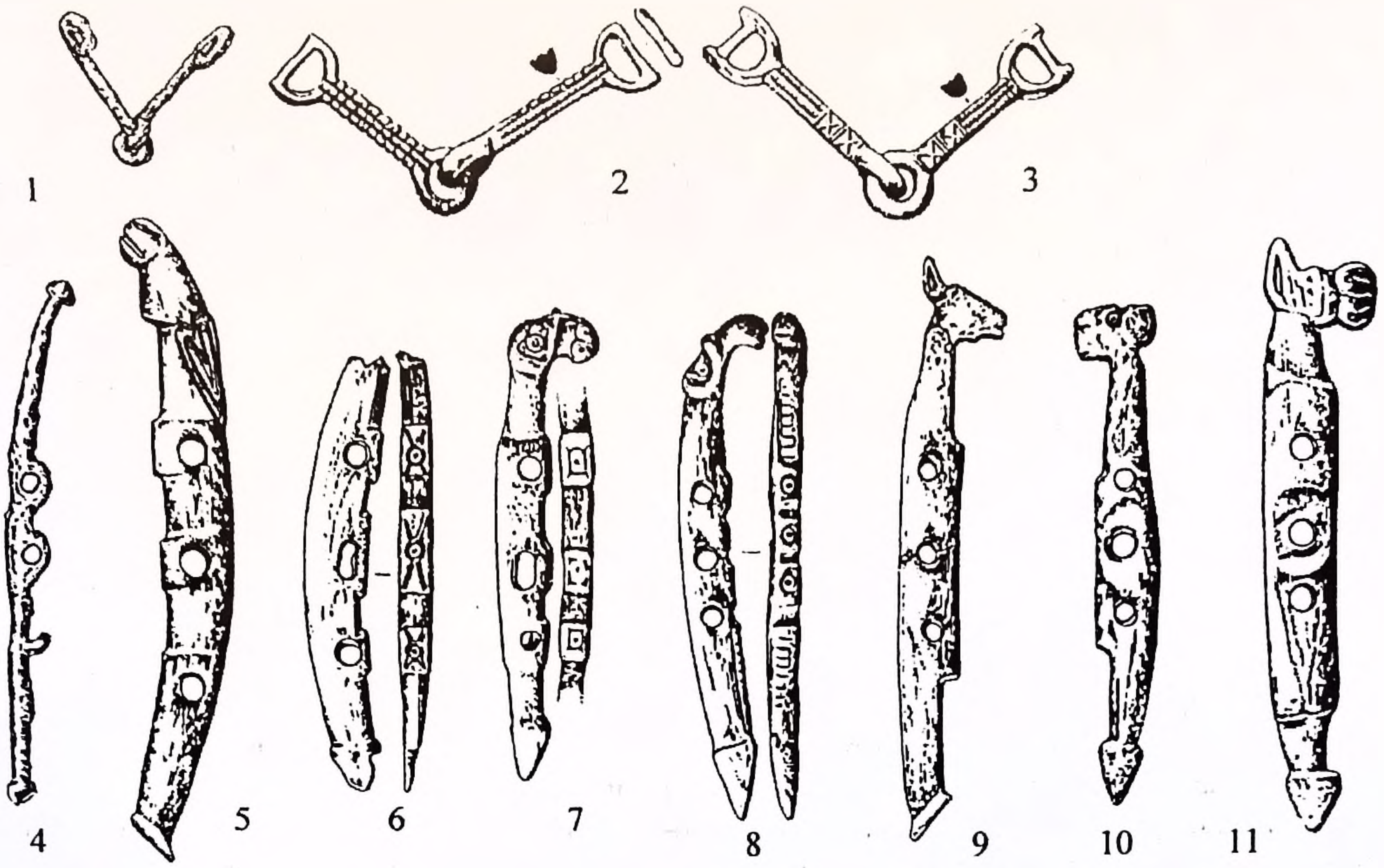


Рис.5. *1,4,6,8,10,11* — Аксютинцы, к.470; *2,3* — Келермес, к.3/Ш-4/Ш; *5* — Волковцы, к.477; *7* — Аксютинцы, к.468; *9* — Волковцы, к.478 (*1-11* — по Л.К.Галаниной, 1977, 1983)

отверстий на внешней стороне (имитация петель) костяных псалиев из кк. 468 и 470 близ с.Аксютинцы и к.Б у с.Басовка (рис.5, *6-8*), п.68 мог. Тли. Изредка наблюдается однорядно-прямоугольный и шнуровой декор внешней стороны псалиев (Галанина Л.К., 1977, табл.19, *2;* 20, *2,3;* 27, *5*; Техов Б.В., 1980, с.21, рис.2, *5,6,9*). Подобные псалии, очень часто встречающиеся с железными удилами (рис.5, *1*), по форме и декору являются подражанием более ранним металлическим псалиям типа Жаботин 524 и трехпетельчатым псалиям келермесского типа (рис.5, *4-11*).

Вопрос о полной или частичной синхронизации комплексов классического новочеркасского, жаботинского (предкелермесского) и келермесского пластов остается дискуссионным. Все ли новшества, в том числе и декоративные, возникающие в позднейший предскифский период в Восточной Европе, жестко связаны хронологически, как это предполагает А.А.Сазонов, с появлением в регионе «предметов раннескифского облика» (Сазонов А.А., 1997, с.91) или имеет место традиционное производство и использование автохтонным населением ранее созданных форм и конструкций?

На мой взгяд, сегодняшнее количество и уровень обработки материала позволяют придерживаться концепции В.Р.Эрлиха, выделившего ряд лишенных «раннескифского влияния» классических новочеркасских комплексов (Эрлих В.Р., 1994, с.98-123). Столь же четко определяются комплексы жаботинского и келермесского хронологических этапов и переходные между ними. Анализ традиции орнаментации удил и псалиев позволяет заключить, что восточноевропейские комплексы начала раннего железного века демонстрируют постепенность замены традиционного вещевого набора, а также, частичное сосуществование новых и старых форм и мотивов декора, возможно связанного с изначально различными этническими или территориальными группами населения региона. При этом существует гораздо большее количество комплексов, которые по характерным признакам однозначно и справедливо относятся теми или иными исследователями к конкретной хронологической группе.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Рассматриваются лишь основные мотивы орнаментации удил и псалиев. Декор бляшек-украшений упряжи нуждается в отдельном исследовании. Благодарю В.И.Козенкову (ИА РАН), Л.К.Галанину, А.Ю.Алексеева и Ю.Ю.Пиотровского (ГЭ), Л.М.Носкову и В.Р.Эрлиха (ГМВ), А.П.Мошинского (ГИМ), А.А.Сазонова (Адыгейский НИИ) и Б.А.Раева (Новочеркасский музей) за предоставленную возможность изучения коллекций и помощь в работе.

[2] Эта фигура часто и безосновательно интерпретируется как «копыто».

[3] Удила из Камышевахи имеют очень изношенный ложновитой рельеф. Осмотр произведен автором в 1998 г. в экспозиции ГИМ.

[4] Удила из Шевченковки изучены автором после их реставрации И.Г.Сарачевым в лаборатории кафедры археологии МГУ, хранятся в Полтавском краеведческом музее.

ЛИТЕРАТУРА И АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Анфимов Н.В., 1965. Отчет об археологических работах в 1965 г. в Краснодарском крае // Архив ИА РАН. Р-1. № 3174.

Анфимов Н.В., 1971. Сложение меотской культуры и связи ее со степными культурами Северного Причерноморья // Проблемы скифской археологии (МИА. № 177). М.

Батчаев В.М., 1985. Древности предскифского и скифского периодов // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972-1979 гг. Т.2. Нальчик.

Вальчак С.Б., 1992. К вопросу о дате погребения Черногоровского кургана // История и археология Слободской Украины. Тез. докл. и сообщ. Всеукраинской конференции. Харьков.

Вальчак С.Б., 1994. Хронология черногоровского этапа (по материалам уздечных наборов) // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. II. Тез. докл. междунар. конференции. Запорожье.

Вальчак С.Б., 1995. Удила предскифского периода и киммерийские лошади Восточной Европы // Харьковский историко-археологический ежегодник «Древности»-1995. Харьков.

Вальчак С.Б., 1997а. Предскифская узда Восточной Европы: уздечные комплекты с трехпетельчатыми псалиями (классификация и хронология) // Древности Евразии. М.

Вальчак С.Б., 1997б. Узда азиатского типа в предскифских памятниках Европы // Проблемы истории и археологии Украины. Тез. докл. конференции. Харьков.

Вальчак С.Б., 1997в. Предскифские колесницы и «новочеркасские клады» (некоторые дополнения к проблеме) // Памятники предскифского и скифского времени на юге Восточной Европы (МИАР. № 1). М.

Галанина Л.К., 1977. Скифские древности Поднепровья (Эрмитажная коллекция Н.Е.Бранденбурга) // САИ. Вып. Д1-33. М.

Галанина Л.К., 1983. Раннескифские уздечные наборы (по материалам Келермесских курганов) // АСГЭ. Вып.24. Л.

Галанина Л.К., Алексеев А.Ю., 1990. Новые материалы к истории Закубанья в раннескифское время // АСГЭ. Вып.30. Л.

Дударев С.Л., 1991. Из истории связей населения Кавказа с киммерийско-скифским миром. Грозный.

Дударев С.Л., 1995. К проблеме взаимодействия племен Северного Кавказа с ранними кочевниками в предскифскую эпоху. Армавир.

Иессен А.А., 1953. К вопросу о памятниках VIII-VII вв. до н.э. на юге Европейской части СССР // СА. Вып.XVIII.

Иессен А.А., 1954. Некоторые памятники VIII-VII вв. до н.э. на Северном Кавказе // ВССА. М.

Ильинская В.И., Тереножкин А.И., 1983. Скифия VII-IV вв. до н.э. Киев.

Козенкова В.И., 1982. Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры. Восточный вариант // САИ. Вып. В2-5. М.

Кожухов С.П., Эрлих В.Р., 1988. Археологические разведки левого берега Краснодарского водохранилища // Материальная культура Востока. Ч.II. М.

Крупнов Е.И., 1950. Археологические исследования в Кабардинской АССР в 1948 году // УЗ Кабардинского НИИ. Т.V. Нальчик.

Лесков А.М., Эрлих В.Р., 1999. Могильник Фарс/Клады. Памятник перехода от эпохи поздней бронзы к раннему железному веку на Северо-Западном Кавказе. М.

Лесскин М.Н., Петренко В.Г., 1981. Уздечный набор из Краснодарского края // КСИА. Вып.167.

Петренко В.Г., 1983. Скифская культура на Северном Кавказе // АСГЭ. Вып.23. Л.

Раев Б.А. (сост.), 1979. Музей истории донского казачества. Каталог археологических коллекций. Новочеркасск.

Сазонов А.А., 1995. Ранняя группа конских жертвоприношений протомеотского могильника Пшиш-I // Археология Адыгеи. Майкоп.

Сазонов А.А., 1997. К вопросу о хронологии протомеотских колесничных наборов в эпоху киммеро-скифских походов // Новые исследования археологов России и СНГ (Археологические изыскания. Вып.42). СПб.

Сазонов А.А., 1998. Могильник Чишхо: поздние протомеоты и раннескифские древности // Юбилейные международные XX «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа (тез. докл.). Ставрополь.

Смірнова Г.І., Войнаровський В.М., 1994. Мошанецький скарб бронз кімерійського типу з Середнього Подністров'я // Археологія. 1.

Тереножкин А.И., 1976. Киммерийцы. Киев.

Техов Б.В., 1980. Скифы и Центральный Кавказ в VII-VI вв. до н.э. (по материалам Тлийского могильника). М.

Шарафутдинова Э.С., Дубовская О.Р., 1987. О двух группах погребений предскифского времени в Северном Причерноморье // Проблемы археологических культур степей Евразии. Кемерово.

Эрлих В.Р., 1991. Бронзовые уздечные наборы и проблема хронологии предскифского и раннескифского времени Закубанья // Древности Северного Кавказа и Причерноморья. М.

Эрлих В.Р., 1994. У истоков раннескифского комплекса. М.

Ghirshman R., 1939. Fouilles de Sialk pres de Kashan 1933, 1934, 1937. T.II. Paris.

Kozenkova V., 1992. Serzen-Jurt. Ein Friedhof der späten Bronze- und frühen Eisenzeit im Nordostkaukasus // MAVA. Bd.48. Mainz am Rhein.

Podborsky W., 1970. Mahren in der Spätbronzezeit und an der Schwelle der Eisenzeit. Brno.

В.И.ГУЛЯЕВ

ОБ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕГО ДОНА В V-IV ВВ. ДО Н.Э.

В дореволюционный (до 1917 г.) период (А.А.Спицын, Н.Е.Макаренко, М.И.Ростовцев) и в первые четыре десятилетия советской эпохи (В.А.Городцов, С.Н.Замятнин, А.Ф.Шоков и др.) территория Среднего Дона с ее богатейшими курганными могильниками типа «Частых курганов» под Воронежом и курганов у с.Мастюгино (современный Острогожский р-н Воронежской обл.) безоговорочно включалась всеми исследователями в состав Европейской Скифии. Границы последней охватывали обширные пространства степной и лесостепной зон между Дунаем на западе и Доном на востоке. При этом предполагалось, что курганы и городища Воронежщины принадлежали именно скифам. Вот что писал по этому поводу выдающийся российский археолог М.И.Ростовцев: «Как далеко заходила власть скифов на север и на восток, выяснить затруднительно. Несомненно, что течение Днепра и его притоков, вплоть до Киевщины и Полтавщины, находилось под их властью. Погребения этих местностей, в которых чрезвычайно силен восточный скифский элемент, определенно говорят об этом. По Дону мы находим такие же погребения, как только что упомянутые киевские и полтавские, вплоть до Воронежа» (Ростовцев М.И., 1918, с.35). Далее, со свойственной ему проницательностью, М.И.Ростовцев отметил глубокое родство аристократических погребений скифской эпохи в степной и лесостепной (включая Средний и Нижний Дон) частях Европейской Скифии. «В ближайшем сходстве с Солохой открыты однородные, одновременные и очень богатые курганные погребения в знаменитом Чертомлыке, в Александропольском кургане, в курганах Деевском и Серогозских, в 1-ом Мордвиновском кургане, в курганах около Рогачика и Б.Лепетихи... Ту же картину в Придонье дает ряд курганов в урочище «Частые курганы» около Воронежа и некоторые курганы около станицы Елизаветовской в устье Дона; в среднем Приднепровье знаменитый «золотой» Рыжановский курган и ряд других; в Полтавщине — курганы огромного некрополя, расположенного около деревень Будки, Волковцы и Аксютинцы. Все эти погребения отличаются, прежде всего, необычайным *обилием золотых и серебряных вещей*.. (курсив мой. — В.Г.) ... Ножны *мечей* и *гориты* для луков и стрел обложены золотом..., золотом украшены рукояти мечей, древки и ремни *нагаек*, золотом обшиты *головные уборы, одежда, пологи, покрывавшие погребенных*...; почти во всех погребениях находятся золотые, но чаще всего *серебряные сосуды;* золотом обтягиваются любимые в скифском обиходе — религиозном и светском — *деревянные сосуды;* золотом и серебром блещет *конская сбруя*...; золотые шейные *гривны*, браслеты и кольца украшают мужчин и женщин; масса ювелирных, часто очень тонких вещей сопровождают в гробницу женщин — ожерелья, серьги, браслеты, височные привески, кольца...» (Ростовцев М.И., 1918, с.50-53).

Таким образом, по М.И.Ростовцеву, на Среднем Дону в VI-III вв. до н.э. обосновались скифы. Правда, справедливости ради, следует сказать, что в те времена для территории Среднего Дона не было известно ни одного городища и ни одного поселения скифской эпохи, и все выводы ученых строились только на курганных материалах.

И все же, до 1950-х гг. XX в. никаких сомнений в том, что по всему Дону в VI-III вв. до н.э. жили именно скифы, у большинства исследователей не возникало. Дон (Танаис) считался восточной границей Скифии. А согласно античной письменной традиции, владения самого могущественного скифского племени — «скифов-царских» — граничили на востоке именно с Доном-Танаисом (Геродот, IV, 29). Кстати, в 1947 г. в своей книге «Скіфи» выдающийся российский скифолог Б.Н.Граков вполне определенно высказался за этническое единство всех племен Геродотовой Скифии, в которых он видел народность иранской принадлежности, занимающую область распространения скифской культуры в степной и *лесостепной* (курсив мой. — В.Г.) полосе Северного Причерноморья (Граков Б.Н., 1947).

Ситуация резко изменилась после Первой всесоюзной конференции по вопросам скифо-сарматской археологии (1952 г., Москва), когда степные и лесостепные области Северного Причерноморья были отделены друг от друга своего рода «великой китайской стеной», и Воронежская группа курганов VI-III вв. до н.э. отошла к «скифоидным» по культуре, но не скифским по этносу и языку племенам лесостепи — северным соседям скифов по Геродоту (Граков Б.Н., Мелюкова А.И., 1954). Как известно, «главным конструктором» этой гипотезы был именно Б.Н.Граков, отказавшийся от своих прежних взглядов.

В 1954 г. на Среднем Дону начала свои работы по изучению древностей раннежелезного века крупная археологическая экспедиция ИА АН СССР (до 1956 г. — ИИМК АН СССР), возглавляемая П.Д.Либеровым. После более чем 15 ле: интенсивных исследований на про-

сторах Воронежской и Белгородской областей, П.Д.Либеров, основываясь на новых значительных по объему материалах (полученных в результате раскопок десятков поселений и городищ, свыше 100 курганов, данных палеозоологии и топонимики), не только поддержал взгляды своего учителя, Б.Н.Гракова, о нескифской принадлежности населения Среднего Дона в VI-III вв. до н.э., но и отождествил его с будинами и гелонами Геродота, связав будинов с финно-угорским этносом (Либеров П.Д., 1969, с.5-26; 1975, с.109-115). Идея эта (правда, без точной идентификации этнической и языковой принадлежности будинов) была поддержана тогда многими археологами. Именно будинам приписывал, например, культуру Воронежщины VI-III вв. до н.э. Б.Н.Граков. Правда, он расширил будино-гелонскую территорию далеко за пределы Среднего Дона, включив в нее все Лесостепное Приднепровское Левобережье (Граков Б.Н., 1971, с.151-164).

Данная концепция продолжает существовать и в наши дни. В числе самых последних высказываний на интересующую нас тему следует упомянуть монографию воронежского археолога А.П.Медведева «Ранний железный век лесостепного Подонья (археология и этнокультурная история)», изданную в 1999 г. Ссылаясь на соответствующие работы Б.Н.Гракова и П.Д.Либерова, он также помещает на Среднем Дону в скифское время будинов и гелонов, но, в отличие от либеровской точки зрения, ограничивавшего будино-гелонские земли только пределами Воронежской и Белгородской областей, А.П.Медведев предпочел граковский вариант: он считает, что будины и гелоны жили от левого берега Днепра до среднего течения Дона. Далее, согласно его мнению, в VI-IV вв. до н.э. на Среднем Дону обитали одновременно две разные этнокультурные группы. Одна — пришельцы и завоеватели, «скифоидные гелоны», иранцы по языку. Их культура представлена только военно-элитарными погребениями в воронежских курганах. Другая — автохтонное население, собственно будины — *оседлые* (курсив мой. — В.Г.) обитатели поселений и городищ, погребальные комплексы которых пока не известны; также неизвестными остаются их язык и этнос (Медведев А.П., 1999). Здесь уместно заметить, что ни Б.Н.Граков, ни П.Д.Либеров никогда подобных взглядов не высказывали; они определенно считали культуру курганов и городищ скифского периода и в лесостепном Подонье во всей Левобережной Приднепровской лесостепи единой.

В конце 1970-х гг. известный российский археолог К.Ф.Смирнов в очень осторожной форме высказал предположение о том, что ближайшие соседи будинов Среднего Дона — савроматы — оказали на них очень значительное культурное влияние, а отдельные савроматские группы даже проникали на юг указанного региона в V-IV вв. до н.э. и оставили там свои могильники (у с.Мастюгино и у с.Дуровка) (Смирнов К.Ф., 1983, с.26,27).

Его идеи развил впоследствии ростовский исследователь В.Е.Максименко, объявивший о единстве культуры населения Среднего и Нижнего Дона в V-IV вв. до н.э. и отождествивший эту культуру только с савроматами (Максименко В.Е., 1998, с.60-62).

Особую точку зрения на этническую принадлежность носителей среднедонской культуры раннежелезного века высказала историк И.В.Куклина. Она связывает их с меланхленами Геродота (Куклина И.В., 1985).

Наконец, в последнее время ряд московских археологов вновь вернулся к традиционной, «ростовцевской» концепции о том, что на Среднем Дону жили скифы (Пузикова А.И., 1995; Гуляев В.И., Савченко Е.И., 1995; Гуляев В.И., 1999, с.108-112).

Близкое по смыслу мнение высказал и А.Ю.Алексеев (Санкт-Петербург). Правда, он приписывает воронежские курганы V-IV вв. до н.э. не собственно скифам, а группе «отделившихся скифов», упомянутых Геродотом (Алексеев А.Ю., 1987, с.46-49).

Таким образом, налицо необычайная пестрота мнений и довольно слабая фактологическая обоснованность многих из вышеупомянутых гипотез. Обычно, каждый исследователь истолковывает (а то и «исправляет») на свой лад сведения из четвертой книги Геродота и иллюстрирует свою версию отдельными археологическими фактами. И здесь я абсолютно разделяю мнение петербургских коллег Ю.А.Виноградова и К.К.Марченко. «Одной из дополнительных причин существующих трудностей, — пишут они, — является отсутствие самостоятельной на сей счет разработки материалов самой археологией и, как следствие, неоправданно прямолинейное сопоставление ее данных с данными письменных источников. Следует заметить к тому же, что в таком сопоставлении отдельным, вырванным из контекста свидетельствам материальной культуры скифской эпохи отводится, как правило, сугубо вспомогательная роль: служить дополнением, подсветкой или просто иллюстрацией того или иного сообщения древних авторов. Между тем, успехи скифо-сарматской и античной археологии позволяют использовать археологические данные как вполне надежную первичную базу для полнокровных исторических реконструкций» (Виноградов Ю.А., Марченко К.К., 1990, с.45).

И это тем более справедливо, что всем исследователям хорошо известен факт значительной неопределенности сведений античных авторов (и, прежде всего, Геродота) о расселении скифов и их соседей. А эта неопределенность, в свою очередь, допускает самые разные толкования источника.

Так, по воле некоторых ученых, будины (а с ними, естественно, и гелоны) «кочуют» по лесным и лесостепным областям Восточной Европы от Днепра на западе до Камы и Вятки на востоке. Более того, исходя из все той же античной письменной традиции, историк Л.А.Ельницкий убедительно продемонстрировал возможность размещения будинов и гелонов на Кавказе (Ельницкий Л.А., 1977). Поэтому ожидать больших прорывов в данном направлении в ближайшее время, видимо, не приходится.

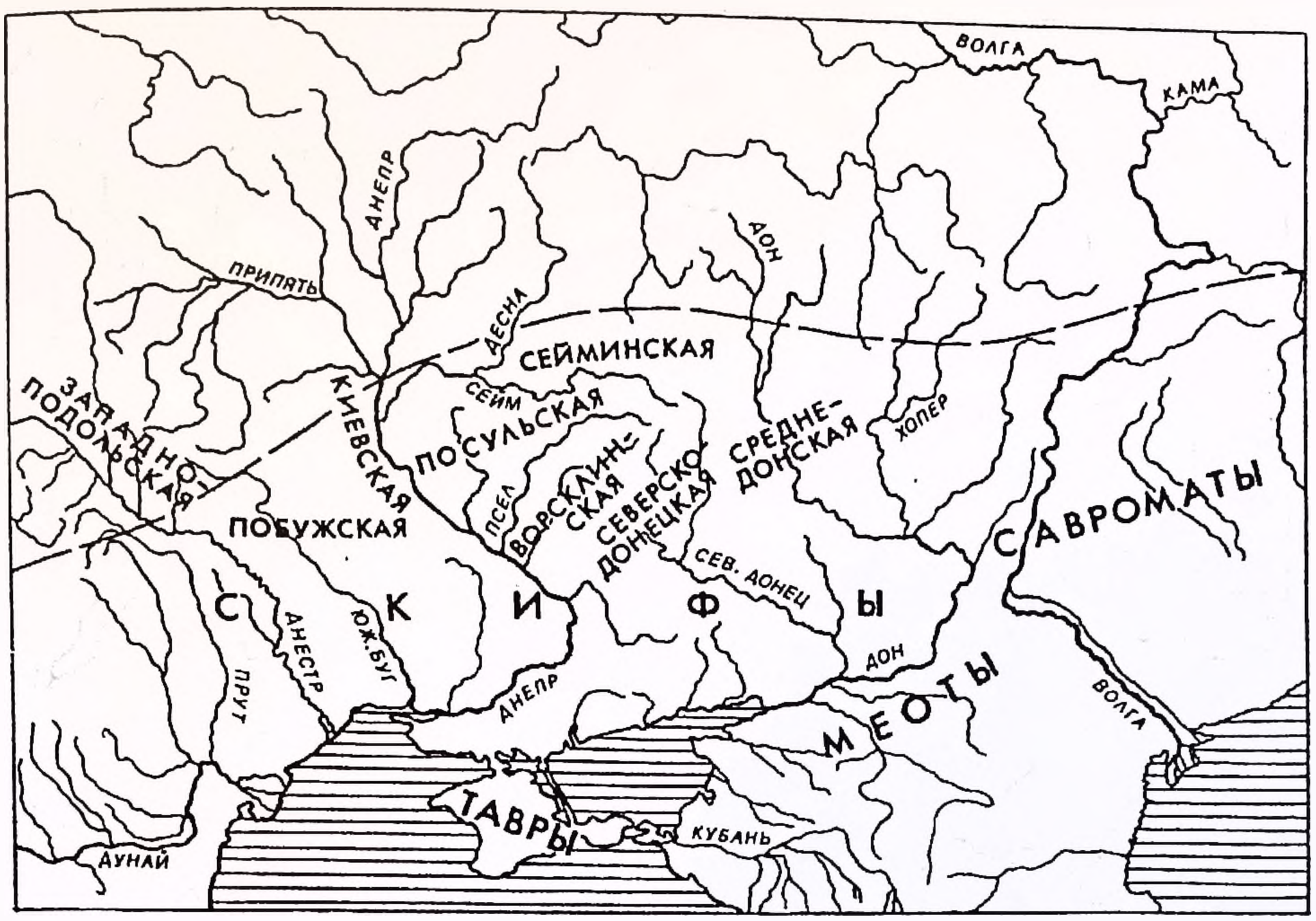


Рис.1. Карта распространения культур скифского времени в Северном Причерноморье (с указанием локальных вариантов в лесостепи)

Гораздо больше шансов на успешное решение вопроса об этнокультурной принадлежности населения Среднего Дона в скифское время дает, на мой взгляд, тщательный анализ местных археологических вещевых комплексов и сопоставление его итогов с синхронными памятниками сопредельных территорий, особенно на западе — в Левобережной украинской лесостепи и на юге — на Нижнем Дону.

При таком сопоставлении выясняется, что среднедонская культура V-IV вв. до н.э. по всем своим внешним показателям — неотъемлемая часть культуры лесостепного левобережного Приднепровья — от Сулы и до Ворсклы, Псла и Оскола (включая и бассейн Северского Донца): налицо полное сходство погребальных обрядов, характера поселений (особенно городищ), систем хозяйства (земледелие и скотоводство), ремесел, основных категорий вещей, религиозных культов и т.д. (Граков Б.Н., 1971, с.146-150; Медведев А.П.,1999). С другой стороны, заметное сходство (можно даже сказать, близкое родство) наблюдается и между инвентарем из курганных захоронений V-IV вв. до н.э. Воронежской группы и нижнедонских могильников правого берега и дельты Дона и междуречья Дона и Северского Донца (Максименко В.Е., 1983; 1998; Копылов В.П., 1999).

Мне представляется, что тезис о почти полном тождестве культур Левобережной Украинской лесостепи и среднедонских памятников в скифскую эпоху (V-IV вв. до н.э.) уже достаточно прочно усвоен большинством современных исследователей и поэтому доказывать его еще раз нет особой нужды. Но для Нижнего Дона дело обстоит несколько по-другому. Общая историческая картина в указанном регионе заметно осложнялась противоречивостью сведений античных авторов, недостаточной археологической изученностью и приграничным географическим положением его на стыке трех больших этнокультурных областей: скифов («царских» или «номадов», по Геродоту) — на западе, вплоть до устья Дона-Танаиса; савроматов — на востоке, за Доном, в задонских и заволжских степях; и меотов — на юго-востоке, в Прикубанье. А здесь еще и эллины со своими торгово-хозяйственными интересами, построившие в дельте Дона и по берегам Азовского моря (Меотиды) немало поселков и факторий. Стоит ли удивляться, что среди археологов до сих пор нет единого мнения по поводу этнокультурной принадлежности населения Нижнего Дона (особенно в дельте и на правом берегу этой реки) в VI-IV вв. до н.э.

Наиболее изученным археологическим комплексом в данном регионе, бесспорно, является сейчас Елизаветовское городище и его курганный могильник (дельта Дона). Однако, при этом, одни ученые связывают городище и могильник с меотами (И.С.Каменецкий), другие — с савроматами (Б.Н.Граков, К.Ф.Смирнов, В.Е.Максименко), третьи — с собственно скифами. (М.И.Ростовцев, А.А.Миллер, М.И.Артамонов, В.П.Шилов, И.Б.Брашинский, К.К.Марченко, В.П.Копылов) (Степи ..., 1989, с.46). «Наиболее убедительной представляется мне, — пишет один из ведущих российских скифологов,

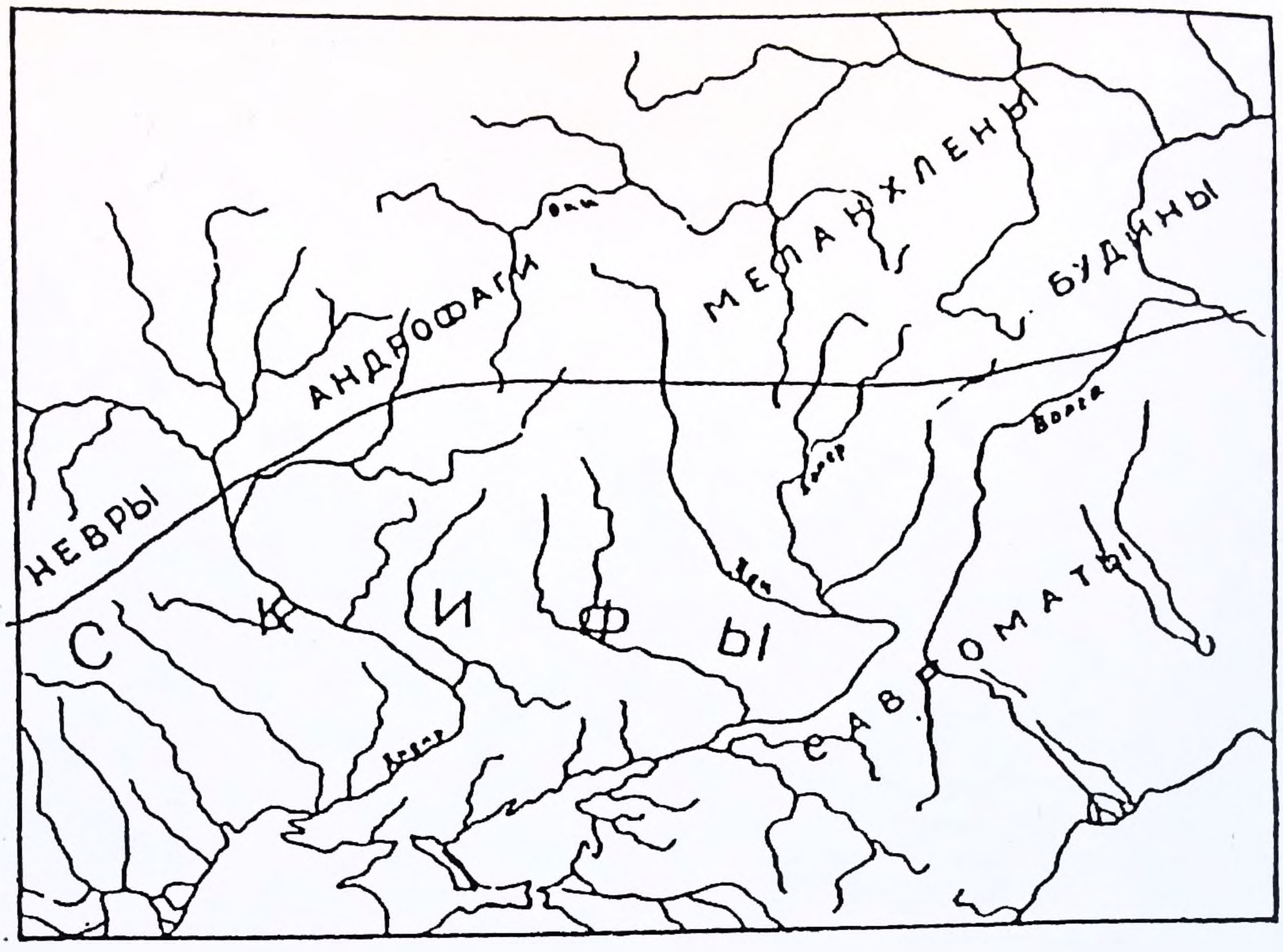


Рис.2. Этнокультурная карта Геродотовой Скифии (по В.И.Гуляеву)

А.И.Мелюкова, — гипотеза о скифской принадлежности Нижнедонской группы археологических памятников...» (Мелюкова А.И., 1989, с.46). Я также присоединяюсь к ее мнению. Здесь достаточно привести один факт — курган № 8 группы «Пяти братьев» Елизаветовского некрополя, раскопанный в 1959 г. В.П.Шиловым. Под девятиметровой курганной насыпью в каменном склепе с каменным же дромосом был обнаружен скифский вождь или «царь» со всеми своими сокровищами. О его принадлежности именно к высшей скифской знати красноречиво говорят, помимо многочисленных изделий из золота и серебра типичных для богатых курганов степной Скифии, две вещи — золотой горит со сценами из жизни Ахилла и железный меч с рукоятью, обтянутой золотой фольгой со штампованными зооморфными изображениями (на самой рукояти — олень, на перекрестье — два орлиноголовых грифона в геральдической позе). Точно такие же гориты (сделанные одним греческим мастером, в одной мастерской и даже с одной матрицы) были найдены в самых знаменитых «царских» курганах степных скифов: в Мелитопольском, Ильинецком, Чертомлыке и в Вергине (Македония) — в предполагаемой гробнице Филиппа Македонского, победителя скифского царя Атея. Меч же из кургана № 8 группы «Пять братьев» является точной копией меча из Чертомлыка (Шилов В.П., 1961, с.150-159) (рис.4).

Выше уже отмечалось, что еще с начала 1980-х гг. К.Ф.Смирнов и его ученик — В.Е.Максименко обратили внимание на большое сходство (и даже идентичность) курганных комплексов V-IV вв. до н.э. на правом берегу Дона и в междуречье Дона и Северского Донца со среднедонскими погребениями того же времени (речь идет о группе курганов близ пос.Шолоховского, курганы № 4 и 25 Сладковского могильника, курган у х.Кащеевка, курган у х.Карнауховского и др.) (Смирнов К.Ф., 1983; Максименко В.Е. и др., 1983). Правда, оба исследователя за этим культурным единством населения Подонья скифской эпохи видят савроматский (сарматский) этнос. Но не это главное. Принципиально важен здесь сам вывод о культурном (и, вероятно, этническом) родстве обитателей Среднего и Нижнего Дона в V-IV вв. до н.э. На мой взгляд, данное родство скорее можно объяснить тем, что оба региона входили составной частью в Европейскую Скифию, образуя ее восточный форпост. Больше того, только так можно истолковать факт глубокого и принципиального сходства среднедонских древностей с памятниками лесостепного левобережного Приднепровья (Посульская, Поворсклинская, Донецкая группы) — с одной стороны, и красноречивые параллели между элитарными захоронениями Левобережного лесостепного Приднепровского и Среднедонского регионов с богатейшими курганами степной скифской знати — с другой. Все эти совпадения и параллели будут понятны и объяснимы, если мы вернемся к старой концепции М.И.Ростовцева о единой Скифии, включавшей в свои пределы как степную, так и лесостепную зоны Северного Причерноморья, от Дона

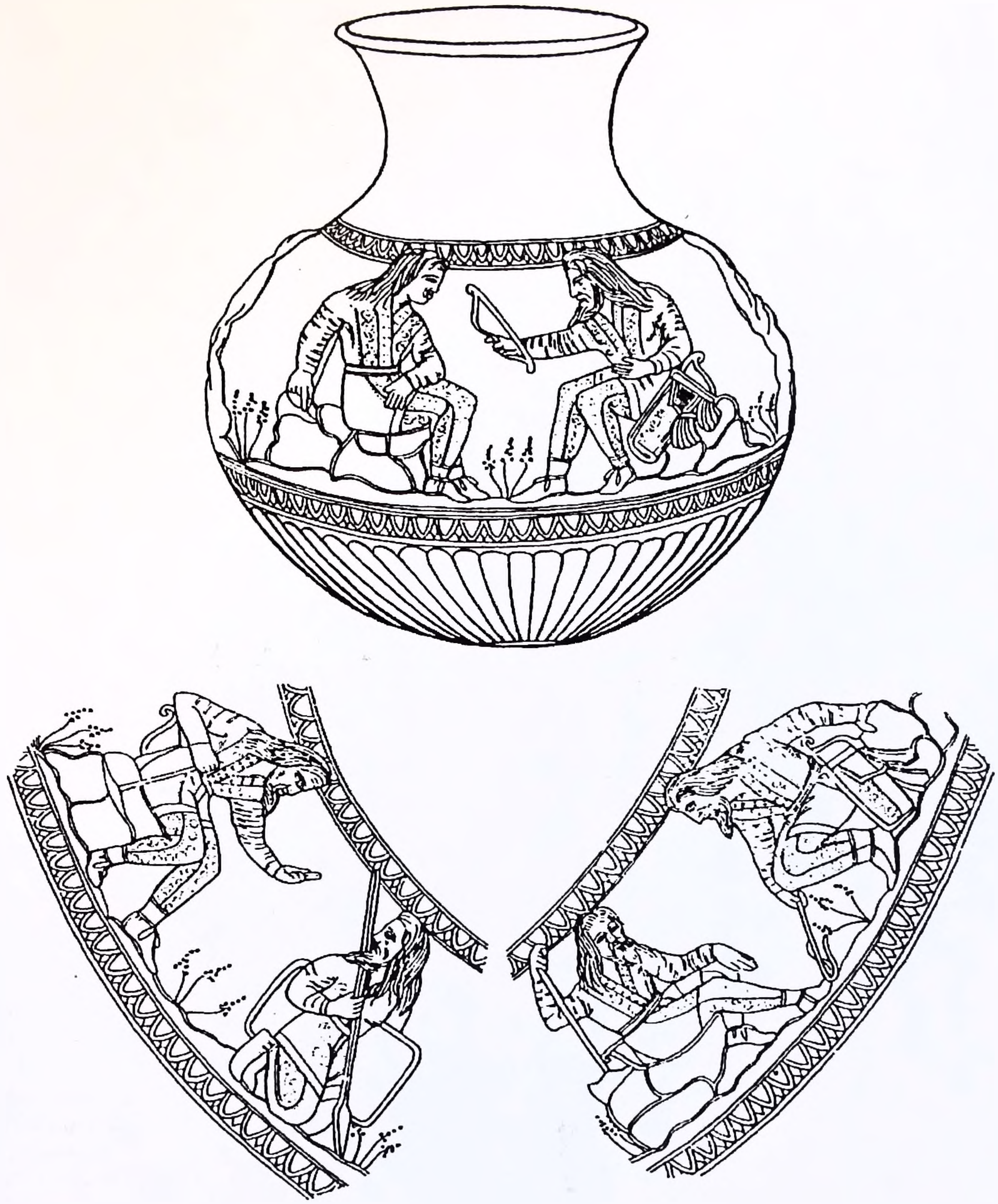


Рис.3. Серебряный сосуд из Частых курганов

до Дуная. Те же взгляды исповедовал до 1952 г. Б.Н.Граков. Упорно отстаивали аналогичную точку зрения в 1960-80-х гг. крупнейшие украинские скифологи А.И.Тереножкин и В.А.Ильинская (Тереножкин А.И., Ильинская В.А., 1983, с.10-14 и др.). Видимо, не без их влияния, на близких позициях стоят сейчас многие наши украинские коллеги (Бессонова С.С., 1983, с.5). Даже А.И.Мелюкова, назвавшая в 1952 г. все лесостепные племена от Дуная до Дона «нескифскими», несколько «смягчила» свои взгляды, признав «скифской» как раз самую спорную на сегодняшний день область лесостепи — Средний Дон. «Что касается археологических данных, — отмечает она, — то Воронежские курганы, пожалуй, больше других локальных групп лесостепи ближе всего к скифским кочевническим погребениям, хотя и имеют немало черт савроматской культуры» (Мелюкова А.И., 1989, с.47).

В 1970-х гг. известный российский скифолог А.П.Манцевич, после тщательного анализа находок из курганного могильника у с.Мастюгино, в 65 км к югу от Воронежа (дореволюционные коллекции из раскопок А.А.Спицына и Н.Е.Макаренко, хранящиеся в Гос. Эрмитаже), пришла к следующему заключению: «Самые тесные культурные и экономические связи населения Среднего Дона с обитателями Каменского городища (на Нижнем Днепре, близ Никополя. — *В.Г.*),

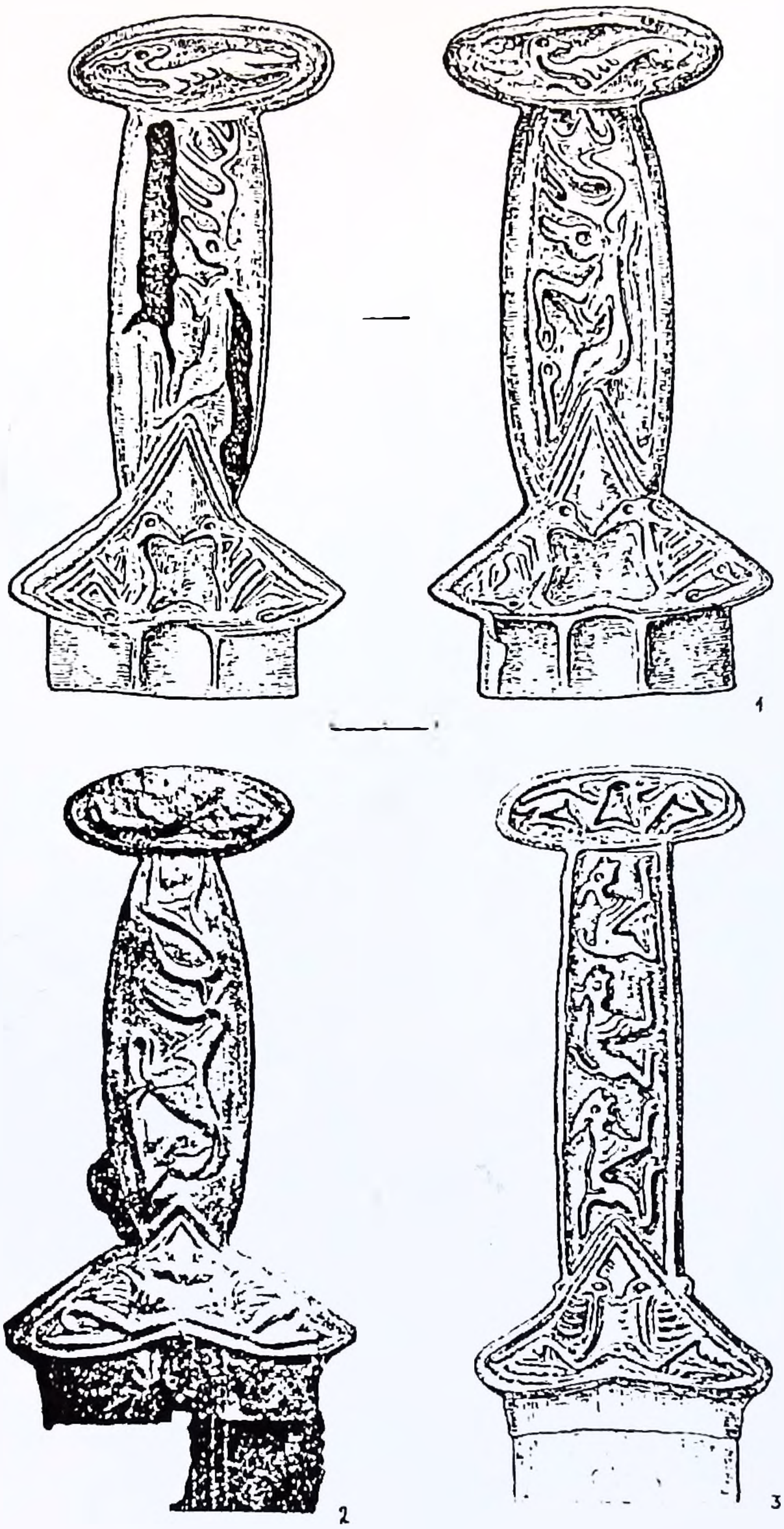


Рис.4. Скифские железные мечи с обложенной золотом рукоятью: *1* — курган № 7, мог-к. Колбино I. Средний Дон; *2* — Чертомлык; *3* — курган № 3, группа «Частые курганы» под Воронежем

областью «царских» курганов степного Поднепровья (Солоха, Огуз, Мордвинов, Чмырева могила, Малая Лепетиха, Шульговка) засвидетельствованы уникальными художественными предметами... Из всех курганов, исследованных в Мастюгинском могильнике, II курган дает наиболее яркую картину широких связей населения Среднего Дона с окружающими племенами. Инвентарь захороненных в нем лиц мало отличается от инвентаря представителей богатой верхушки Скифии и Боспора» (Манцевич А.П., 1973, с.41). Можно лишь добавить, что серебряный ритон из этого кургана второй половины IV в. до н.э. является точной копией ритуального сосуда, обнаруженного в Мордвиновском «царском» кургане степного Приднепровья; две пары бронзовых с позолотой поножей (курганы № 2 и 3 у с.Мастюгино) сходны с «кнемидами» из «царских» скифских захоронений в знаменитой Куль-Обе (в Крыму) и в Ильинцах; золотые серьги с фигурой богини Кибелы, сидящей на львах (курган № 5 у с.Мастюгино), находят ближайшую аналогию опять-таки в «царском» степном кургане «Толстая Могила» (где была обнаружена уникальная золотая пектораль); золотой перстень с фигурами двух львов (отобран А.А.Спицыным у кладоискателей в с.Мастюгино в

1905 г.) почти идентичен золотому перстню из Куль-Обы (хотя там изображены не два, а четыре льва) (Манцевич А.П.. 1973, с.41,42). И этот список можно продолжить и дальше. Но я приведу еще только три наиболее ярких примера из других среднедонских памятников.

В 1997 г. при раскопках курганного могильника у с.Колбино Репьевского р-на Воронежской обл. мы обнаружили в неограбленном погребении знатной пожилой женщины (курган № 18) золотые серьги с фигурами пантер. Единственную аналогию им составляют серьги из захоронения «царицы» в кургане № 4 у с.Рыжановки под Киевом (третья четверть IV в. до н.э.) (Гуляев В.И., Савченко Е.И., 1998, с.115-132).

В 1998 г. в кургане № 7 близ того же с.Колбино нами был найден железный меч с рукоятью, обложенной тонким золотым листом со штампованным изображением фигур оленя и орлиноголовых грифонов в геральдической позе (Гуляев В.И., Савченко Е.И., 1999, с.155,160, рис.3, *8*). Точно такое же оформление рукоятей мечей встречается в Скифии лишь дважды (рис.4): в Чертомлыке в степном Приднепровье и кургане № 8 «Пять братьев» близ станицы Елизаветовской на Нижнем Дону (Шилов В.П., 1961, с.161).

Наконец, следует особо сказать и об огромной научной значимости находки серебряного шаровидного сосуда (рис.3) с изображениями знатных скифов на территории Среднего Дона («Частые курганы» под Воронежом, курган № 3, раскопки ВУАК, 1910 г.). М.И.Ростовцев посвятил данной находке специальную статью (Ростовцев М.И., 1914). Как известно, близкие по сюжетам ритуальные сосуды были обнаружены археологами в пределах Европейской Скифии почти за 200 лет интенсивных раскопок курганов только дважды: электровый кубок из кургана Куль-Оба в Крыму (Артамонов М.И., 1966, с.114, табл.226-229,232,233) и серебряная с позолотой чаша из кургана Гайманова Могила в степном Приднепровье (Золото степу..., 1991, с.373-375). Сам факт выборочности и редкости помещения таких священных и явно весьма почитаемых реликвий в могилы скифской знати — свидетельство высшего социального статуса людей, похороненных в названных курганах. По мнению многих исследователей — это верховные правители, «цари».

Интересную интерпретацию воронежскому серебряному сосуду из «Частых курганов» дает А.Ю.Алексеев. Принимая гипотезу Д.С.Раевского о семантике изображения на кубке (генеалогическая скифская легенда), он комментирует лишь необычный характер самого факта находки этого предмета на столь удаленной от главных центров Скифии территории. «Важным, — пишет он, — мне кажется другое: появление во второй половине IV в. до н.э. на широкой территории и на значительном удалении (Куль-Оба — «Частые курганы») сосудов с изображениями, призванными подчеркнуть, среди прочего, единство происхождения скифского народа. И если принять во внимание сообщение Геродота о существовании где-то на северо-востоке от Скифии области скифов, некогда отделившихся от «царских», а также вероятную локализацию этих скифов именно в области воронежских курганов, можно реконструировать попытку консолидации родственных этнических групп, удивительно близких по материальной культуре в конце IV в. до н.э.» (Алексеев А.Ю., 1987, с.46).

Таким образом, видимо, речь в данном случае идет не только о каких-то торговых и культурных контактах населения Среднего Дона с главными областями Скифии, но, практически, о полном совпадении и единстве культуры аристократических верхов всех земель, входивших в состав скифского государства (или союза племен). А это значит, что столь богатый ресурсами и необычайно важный в стратегическом отношении регион (пограничная зона с финно-угорскими племенами на севере и северо-востоке и савроматами на востоке; перекресток главных торговых путей), как Средний Дон, вероятно, находился в V-IV вв. до н.э. под пристальным вниманием властителей Скифии. И не исключено, что «номархом» (правителем) его мог даже быть какой-то отпрыск из правящего рода «скифов-царских», кочевья которых доходили как раз до Дона (рис.2).

Тот факт, что наиболее ранние находки скифской эпохи на Среднем Дону относятся на городищах к концу VI — началу V в. до н.э., а в курганных могильниках — к середине V — IV в. до н.э., убедительно доказывает сравнительно позднее (не ранее рубежа VI-V в. до н.э.) появление среднедонской культуры в этих местах и ее вполне сложившийся облик. Никаких близких предшественников ей в данном регионе не только в эпоху бронзы, но и в архаике раннежелезного века мы пока не имеем. Скорее всего, приход этой скифской группы на Средний Дон где-то на рубеже VI-V вв. до н.э. или в начале V в. до н.э. был связан с теми бурными политическими событиями в Скифии, которые отмечают многие современные исследователи для степной и лесостепной зон именно для этого времени (Алексеев А.Ю., 1992).

На мой взгляд, не так уж и важно, откуда именно пришли создатели среднедонской культуры в воронежские края — из левобережной украинской лесостепи (Копылов В.В., 1999) или с Нижнего Дона (Максименко В.Е., 1998). Более существенно то, что вслед за М.И.Ростовцевым, В.А.Ильинской, А.И.Тереножкиным, очень многие археологи на Украине и в России выступают сейчас за то, что в степной и лесостепной зонах Северного Причерноморья, между Дунаем и Доном, в VII-IV вв. до н.э. существовало единое военно-политическое объединение — Европейская Скифия, где скифы-пранцы занимали господствующее положение и не только контролировали окраинные области этого объединения, но и населяли их.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеев А.Ю., 1987. Хронография Скифии второй половины IV в. до н.э. // АСГЭ. Вып.28. Л.

Алексеев А.Ю., 1992. Скифская хроника. СПб.

Артамонов М.И., 1966. Сокровища скифских курганов. Л.

Бессонова С.С., 1983. Религиозные представления скифов. Киев.

Виноградов Ю.А., Марченко К.К., 1990. К проблеме ранней истории Скифии // Древнее Причерноморье. Материалы I Всесоюзных чтений памяти П.О.Карышковского. Одесса.

Геродот, 1990. История. IV // Кавказ и Дон в произведениях античных авторов. Ростов-на-Дону.

Граков Б.Н., 1947. Скіфи. Київ.

Граков Б.Н., 1971. Скифы. М.

Граков Б.Н., Мелюкова А.И., 1954. Об этнических и культурных различиях в степных и лесостепных областях европейской части СССР в скифское время // ВССА. М.

Гуляев В.И., 1999. Нижний Дон и Воронежские курганы V-IV вв. до н.э. // Евразийская лесостепь в эпоху металла (Археология Восточноевропейской лесостепи. Вып.13). Воронеж.

Гуляев В.И., Савченко Е.И., 1995. Терновое I — новый скифский курганный могильник на Среднем Дону // РА. № 4.

Гуляев В.И., Савченко Е.И., 1998. Новый могильник скифского времени на Среднем Дону (итоги исследований 1996-1997 гг.) // РА. № 4.

Гуляев В.И., Савченко Е.И., 1999. К вопросу о роли золота в погребальном ритуале скифов // Евразийские древности. 100 лет Б.Н.Гракову: архивные материалы, публикации, статьи. М.

Ельницкий Л.А., 1977. Скифия евразийских степей. Новосибирск.

Золото степу. Археологія України. 1991. Київ, Шлезвіг.

Копылов В.П., 1999. Население дельты Дона в V-IV вв. до н.э. // Скифы Северного Причерноморья в VII-IV вв. до н.э. (проблемы палеоэкологии, антропологии и археологии). Тез. докл. междунар. конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Б.Н.Гракова. М.

Куклина И.В., 1985. Этногеография Скифии (по античным источникам). Л.

Либеров П.Д., 1969. Проблема будинов и гелонов в свете новых археологических данных // Население Среднего Дона в скифское время. М.

Либеров П.Д., 1975. Этническая принадлежность населения Среднего Дона в скифское время // МИА. № 177. М.

Максименко В.Е., 1983. Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. Ростов-на-Дону.

Максименко В.Е., 1998. Сарматы на Дону (археология и проблемы этнической истории) (Донские древности. Вып.6). Азов.

Манцевич А.П., 1973. Мастюгинские курганы по материалам собрания Государственного Эрмитажа // Археологический сборник. Л.

Медведев А.П., 1999. Ранний железный век лесостепного Подонья (археология и этнокультурная история). М.

Мелюкова А.И., 1989. Скифы и нескифские племена степи и лесостепи Восточной Европы в VII-III вв. до н.э. // Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М.

Пузикова А.И., 1995. Скифы Среднего Дона (Белгородская и Воронежская области). М.

Ростовцев М.И., 1914. Воронежский серебряный сосуд // МАР. № 34. Петроград.

Ростовцев М.И., 1918. Эллинство и иранство на юге России. Петроград.

Смирнов К.Ф., 1983. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М.

Степи..., 1989. Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М.

Тереножкин А.И., Ильинская В.А., 1983. Скифия VII-IV вв. до н.э. Киев.

Шилов В.П., 1961. Раскопки Елизаветовского могильника в 1959 г. // СА. № 1.

В.В.ДВОРНИЧЕНКО

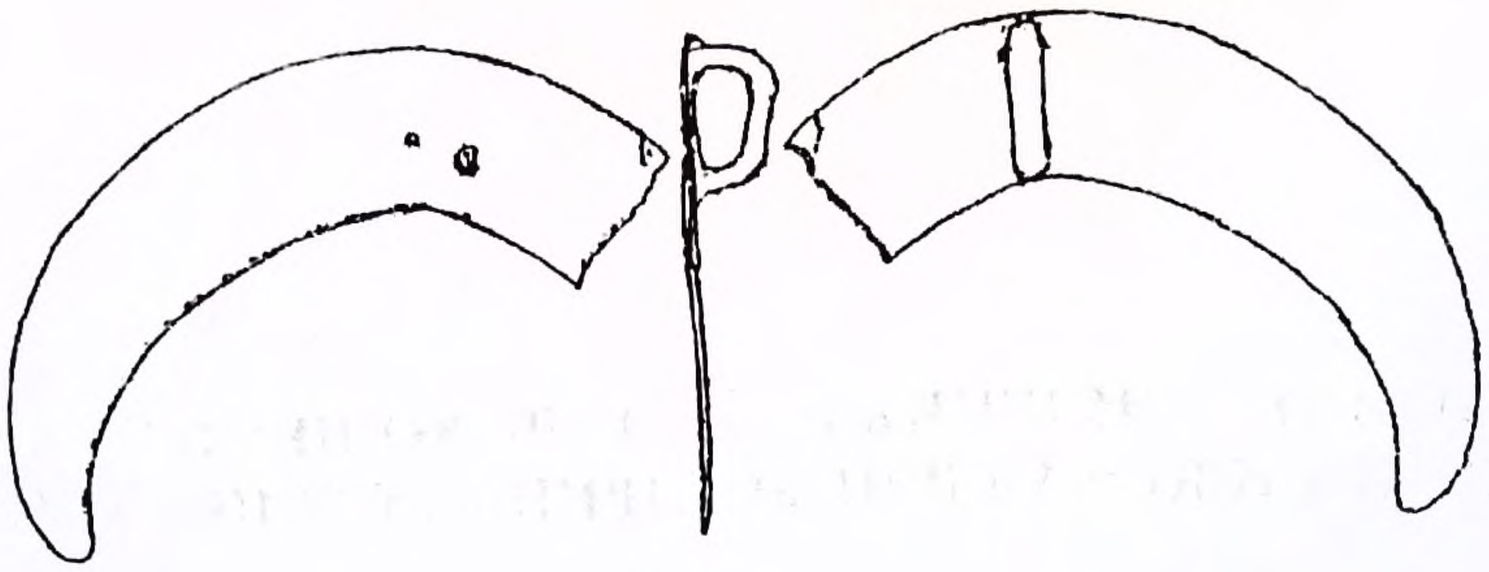
НОВЫЕ ПОСТУПЛЕНИЯ В СОСТАВЕ ХОШЕУТОВСКОГО КОМПЛЕКСА УЗДЕЧНЫХ ПРИНАДЛЕЖНОСТЕЙ

В сущности, искусство кочевников Нижней Волги скифской эпохи, чаще называемое савроматским, стало известным после открытия Б.Н.Граковым выдающегося памятника — кургана А-12 у с.Блюменфельд (Цветочное), где представлена серия вещей из бронзы, выполненных в зверином стиле, и кабаньи клыки, в орнаментации которых особенно ярко проявилось сочетание зооморфных и геометрических элементов. Уже в первой публикации комплекса в результате анализа художественных изделий Поволжья и Южного Приуралья Б.Н.Граков подчеркивал самостоятельное развитие своеобразного стиля этих территорий в рамках общего евразийского зооморфного стиля скифского времени (Grakov B., 1928, p.59; см. также — Граков Б.Н., 1999, с.30). Как особую провинцию скифо-сибирского звериного стиля выделял Волго-Уральскую область П.Д.Рау (Rau P., 1929, p.41-52).

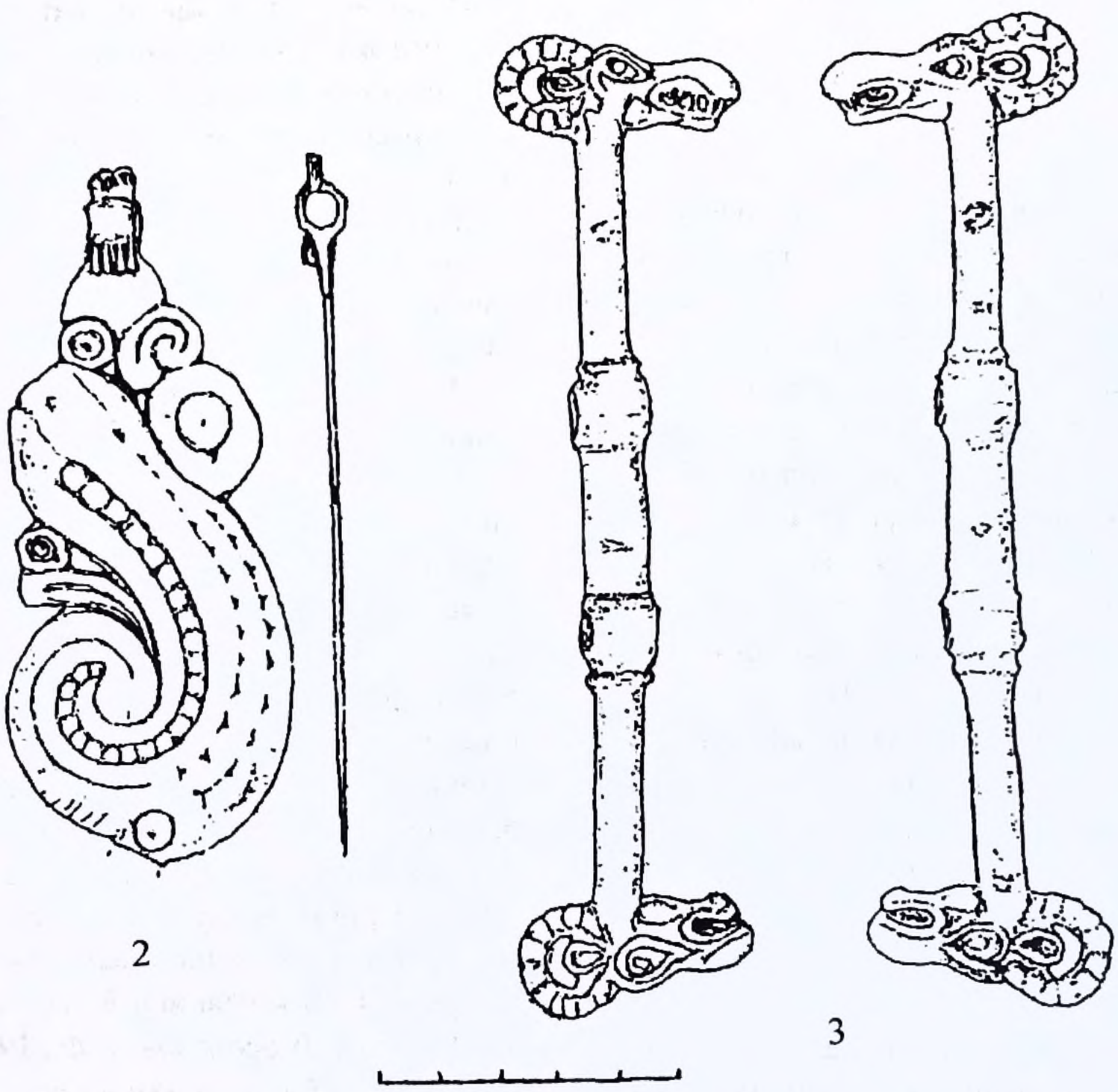
На базе рассмотрения гораздо большего круга материалов, накопленных к 1960-1970-м гг., также как провинцию зооморфного стиля Евразии выделял «савроматский» звериный стиль в рамках единой культуры К.Ф.Смирнов. Однако, он пришел к выводу о некоторых отличиях художественного стиля Поволжья и Южного Приуралья уже в VI в. до н.э., а для V в. до н.э., которым датируется большая часть зооморфных предметов, считал эти отличия заметными (Смирнов К.Ф., 1964, с.242,243). При этом он подчеркивал, что звериный стиль Нижнего Поволжья находился в большей степени под воздействием стиля Причерноморья и Северного Кавказа, а в Самаро-Уральской области, при значительном сходстве с поволжским, отличается своеобразием в выборе сюжетов, приемах стилизации и близок таким же изделиям Казахстана, Средней Азии, Минусинской котловины и Алтая, хотя и не тождественен им. Позднее Е.Ф.Чежина, проанализировав художественные особенности звериного стиля Нижнего Поволжья и Южного Приуралья, выделила также две группы, отличающиеся в сюжетно-стилистическом отношении. Она, вслед за К.Ф.Смирновым, отметила и разное направление культурных связей для двух регионов: для нижневолжского — тяготение к художественной культуре Скифии и Северного Кавказа, для приуральского — к Южной Сибири, Средней Азии и прикамским древностям, но в отличие от последнего, она ставила вопрос о возможной принадлежности их различным в этнокультурном отношении племенам (Чежина Е.Ф., 1983, с.27,28). Мы, в свою очередь, высказали мысль, что отмечаемое ранее некоторыми исследователями господствующее воздействие причерноморской скифской культуры на развитие культуры населения савроматского времени Нижней Волги не полностью соответствует действительности, т.к. уже со второй половины VI в. до н.э. довольно отчетливо проявляется влияние культуры южноуральских кочевников и их более восточных соседей (Дворниченко В.В, Очир-Горяева М.А., 1997, с.112).

В настоящее время, в связи с отрицанием большинством исследователей существования единства культуры Самаро-Уральского и Нижневолжского регионов, несколько по-иному ставятся вопросы о характере и направлении связей между ними, о роли воздействия на развитие их культуры со стороны восточных и западных соседей. В частности, в одной из последних работ Е.Ф.Корольковой (Чежиной), посвященных звериному стилю Прикубанья и его восточным аналогиям (Королькова Е.Ф., 1998а, с.77-80), нижневолжскому региону с конца VI в. до н.э. до конца I тыс. до н.э. отводится лишь роль буферной зоны для передачи в Северное Причерноморье и Прикубанье «периодически повторяющихся культурных импульсов, носителями которых были кочевники Южного Приуралья и Южной Сибири» (Королькова Е.Ф., 1980, с.80). При этом о возможных обратных импульсах для сложения звериного стиля Поволжья, а тем более Южного Приуралья, в отличие от более ранних работ автора, не говорится. Хотя она упоминает черты смешанного типа в искусстве нижневолжского населения, «параллели которым обнаруживаются, как в северокавказских находках, так и в культуре восточных соседей», но для первых допускается лишь роль активного посредника в «культурной экспансии уральско-казахстанского импульса на запад» (Королькова Е.Ф., 1980, с.79). Соответственно этим представлениям не отмечается и возможность сходства предметов искусства Алтая и Кубани прямой или опосредствованной связью с искусством ахеменидского Ирана, с чем, кажется, соглашался исследователь (Королькова Е.Ф., 1998б, с.173). В целом же, эти взгляды полностью отличаются от высказанных ранее.

При таком подходе вряд ли возможно говорить о культурном взаимодействии восточных и западных регионов в сложении звериного стиля Поволжья, которое отмечает Е.Ф.Королькова, скорее этим подчеркивается одностороннее культурное воздействие со стороны только одного — восточного центра. Правда, ею дан-



1



2

3

Рис.1.

ный процесс рассматривается не как одномоментное вторжение какой-то группы населения, а как постоянные контакты, но почему-то только односторонние. Впрочем, определенная заостренность взгляда автора на роли восточного импульса в сложении и развитии прикубанского и нижневолжского искусства, выраженная в тезисной форме, понятна. Но так ли уж безусловны односторонние воздействия при сложении культурного комплекса населения отдельных территорий?

Каждый памятник, помогающий нам разобраться в этом, чрезвычайно важен. Хошеутовский комплекс уздечных принадлежностей частично представлен ранее (Дворниченко В.В., Очир-Горяева М.А., 1997, с.99-115). В настоящее время в него входит около 350 бронзовых предметов, из которых 185 художественно оформлены. В конце 1999 г. при содействии Е.М.Пигарева — председателя Астраханского Общества краеведения, Государственный Исторический музей приобрел у одного из жителей с.Хошеутова шесть вещей, которые, несомненно, относятся к данному комплексу. Принадлежность их не вызывает сомнений, поскольку одна из них является обломком псалия с окончанием в виде обособленной головки оленя (один целый экземпляр и фрагмент парного ему находились в комплексе с 1986 г. (Дворниченко В.В., Очир-Горяева М.А., 1997, с.107,108, рис.1, *7*). Еще один псалий оказался парным к одному из трех, одинаково оформленных на концах головками горных козлов (Дворниченко В.В., Очир-Горяева М.А., 1997, с.105,106, рис.1, *5*). Две наременные бляшки оказались дополнением к шестнадцати известным в комплексе (Дворниченко В.В., Очир-Горяева М.А., 1997, с.107, рис.1, *8*). Два предмета не имеют соответствия в комплексе, но их отношение к нему вряд ли вызывает сомнение.

Один псалий является парным к одному из трех двудырчатых псалиев с круглым в разрезе прямым стержнем, с окончаниями в виде головок горных козлов,

направленных в одну сторону в плоскости отверстий, т.е., в основе своей. С-видных (рис.1, *3*). Разница с остальными экземплярами заключается в изображении ряда зубов в оскале во рту одной из головок, выполненных путем литья. Зубастая пасть при воспроизведении голов травоядных животных характерна только для изображений верблюдов в восточных регионах распространения звериного стиля скифской эпохи (Королькова Е.Ф., 1999, с.68-96), лишь одна пара псалиев с изображением на одном из концов голов верблюда встречена в этом же комплексе из с.Хошеутова (Королькова Е.Ф., 1999, рис.1, *6*). Нам уже приходилось говорить о том, что образ горного козла в такой трактовке связывается с восточными провинциями скифо-сибирского звериного стиля (Дворниченко В.В., Очир-Горяева М.А., 1997, с.106) и практически не проникает в восточноевропейский регион. Но на территориях, где он представлен достаточно широко, это в подавляющем большинстве случаев полные фигуры животных, подобное же оформление концов псалиев, кажется, до сих пор не встречалось. Чрезвычайно редки прорисовки зубов, хотя они встречены и на такой ранней вещи, как чекан из-под Красноярска в коллекции И.А.Лопатина, который отнесен автором каталога к VII в. до н.э. (Завитухина М.П., 1983, с.33, рис.14). Правда, рот козла, помещенного на обушке чекана, показан пропилом, а зубы треугольниками, выполненными дополнительной чеканкой. В V-IV вв. до н.э. прорисовки зубов во рту изображений горных козлов также редки. Н.Л.Членова указала нам несколько вещей из Ордоса, где присутствуют изображения голов горных козлов с прорисовкой зубов, но чаще в виде зигзага[1] (Sammlung Baron Edward von der Heydt, 1936, Abb. 34,35; Carter D., 1958, Pl. f.33; Salmoni A., 1988, Pl.IX, *12*). В общем, даже такая деталь, как изображение зубов во рту горного козла, подтверждают, на наш взгляд, роль восточного компонента в сложении звериного стиля Хошеутовского комплекса.

Еще одна вещь представляет собой бляху, видимо, налобник-бронзовую имитацию клыка с поперечной петлей на обороте (рис.1, *1*). Она оказалась обломанной с торца. Возможно на обломанной части находилось какое-то изображение. На сохранившейся части предмета (длина — 9,1см) внешняя поверхность гладкая, но ближе к торцовой части на ней помещено небольшое изображение в виде неправильного вертикального овала, выраженного узким валиком и рядом небольшой валик в виде запятой. До сих пор орнаментированные кабаньи клыки и их бронзовые имитации, украшенные только с торца изображением головы животного или геометрическим орнаментом и остальной гладкой поверхностью, встречались неоднократно на всех территориях их распространения (Чежина Е.Ф., 1991, рис.1, *10,11,14-16,19-21,27,32,34,44*), но на гладких поверхностях не было подобных мелких изображений, не соотносящихся с основным на торце.

Особый интерес среди новых вещей представляет крупная тонкая бляха-подвеска, видимо, также налобник в форме головы орлиного грифона, направленной при подвешивании вниз клювом (рис.1, *2*). Изображение плоскостное, выполненное в литейной форме с доводкой резцом. Большой глаз овальной формы имеет приострение в передней части, зрачок — в виде круга со слезницей и точкой в центре. Клюв грифона — крупного размера и имеет завернутые в полуспираль зубы. Роговица выражена двумя рядами низких треугольников. Ближе к нижнему концу клюва вырезан еще один круглый глаз с точкой в центре и слабо выраженной слезницей, здесь же над глазом прослеживается облом, который, видимо, должен был выразить гребень и роговицу второй головы, продолжающей первую. клюв второй головы не имеет зубов, а прочерчен лишь одной линией. В верхней части над головой грифона небольшая головка орлиного хищника, направленная слева направо. Глаз хищника круглый, зрачок также, в центре — возвышение с точкой-углублением в центре. клюв сильно закручен.

Еще одна головка орлиноголового хищника помещена в подклювье большого изображения. Глаз находится над клювом, зрачок овальный со слабо выраженной слезницей и углубленной точкой в верхней части приподнятого центра зрачка. Клюв входит в спиралевидно загнутое подклювье большой головы грифона. узкое крепление подвески выполнено в виде короткой втулки со слабо выраженными гранями, перпендикулярной плоскости бляхи. Под втулкой — 4 утолщенных каплевидных выступа. Над втулкой помещен в той же плоскости миниатюрный гребень в виде абриса орлиной головы, на которой подчеркнут углубленный глаз, и сделана попытка прорисовать роговицу и клюв. Длина подвески — 11,65 см.

Подобных уздечных блях-подвесок ни в Северном Причерноморье, ни на Северном Кавказе до сих пор не встречено. Впрочем нет близких им и в восточных регионах. По манере организации композиции и стилистическим особенностям данный предмет, на наш взгляд, принадлежит к кругу кубанско-причерноморских, т. к. в восточных провинциях распространения звериного стиля скифской эпохи подобных изображений голов грифона нет. Единичной можно считать находку уздечной бляхи в виде головы грифона из кургана 10 Переволочанского могильника в Южном Приуралье, выполненную в манере, не свойственной звериному стилю этого района, а также более восточных районов (Пшеничнюк А. Х., 1995, рис.11, *5*). Происхождение ее, скорее всего, надо связывать с западными причерноморско-прикубанскими центрами распространения звериного стиля.

Не совсем обычным на хошеутовской бляхе является способ крепления: втулка и щиток над нею в виде головы хищной птицы. Некоторое соответствие подобному креплению на ремне мы находим в золотых бляхах-подвесках ромбической формы от головных уборов конца VI — 1-ой четверти V вв. до н.э. из по-

---

[1] Выражаю благодарность Н.Л.Членовой за подсказанные аналогии.

гребения в Комсомольском и кургана 4 могильника Нартан, а также близких им украшениях из кургана 400 у с.Журовка и Фетгерсфельде (Дворниченко В. В., Плахов В. В., Очир-Горяева М. А., 1997, с.137). Они по форме напоминают более всего простейшие ромбовидные конские налобники, но с петлей на обороте, найденные в комплексах V в. до н.э. Впрочем, способ закрепления уздечных блях на ремне в виде неполной втулки был известен и на Алтае в V в., хотя и на деревянных изделиях (Руденко С. И., 1960, табл.CVI, *6,7*; CVII, *1-5*). Однако, по основным характеристикам способ крепления хошеутовского налобника все же ближе к указанным выше восточноевропейским образцам.

Не совсем обычен гребень над втулкой. Более всего он напоминает щитки в виде головы хищной птицы на бляхах-распределителях ремней, чаще всего встречающихся в Южном Приуралье (Смирнов К. Ф., 1964, рис.77, *11,15*). Возможно, и на хошеутовском налобнике появление такого щитка на вещи с изображением, связанным с прикубанско-причерноморским влиянием, нужно связывать с восточным импульсом.

Новые поступления в хошеутовском комплексе, как представляется, лишний раз доказывают, что звериный стиль нижневолжской провинции с конца VI — начала V вв. до н.э. формировался не только под воздействием скифской культуры Причерноморья и Северного Кавказа, но и культур кочевников восточных регионов. Но постоянной культурной экспансии со стороны восточных центров мы зафиксировать не можем.

ЛИТЕРАТУРА

Граков Б.Н., 1999. Памятники скифской культуры между Волгой и Уральскими горами // Евразийские древности. 100 лет Б.Н.Гракову: архивные материалы, публикации, статьи. М.

Дворниченко В.В., Плахов В.В., Очир-Горяева М.А., 1997. Погребения ранних кочевников из Нижнего Поволжья // СА. № 3.

Дворниченко В.В., Очир-Горяева М.А., 1997. Хошеутовский комплекс уздечных принадлежностей скифского времени на Нижней Волге // Донские древности. Вып.5. Азов.

Завитухина М.П., 1983. Древнее искусство на Енисее. Л.

Королькова Е.Ф., 1998а. Кубанский звериный стиль и его восточные аналогии // Скифы, хазары, славяне, древняя Русь. СПб.

Королькова Е.Ф., 1998б. Иконография образа хищной птицы в скифском зверином стиле VI-IV вв. до н.э. // Проблемы археологии, истории и культуры древних и средневековых обществ. СПб.

Королькова Е.Ф., 1999. Образы верблюдов и пути их развития в искусстве ранних кочевников Азии // АСГЭ. Вып.34. СПб.

Пшеничнюк А.Х., 1995. Переволочанский могильник // Курганы кочевников Южного Урала. Уфа.

Руденко С.И., 1960. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.-Л.

Смирнов К.Ф., 1964. Савроматы. М.

Чежина Е.Ф., 1983. Художественные особенности звериного стиля Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху // АСГЭ. Вып.23. СПб.

Чежина Е.Ф., 1991. Орнаментированные кабаньи клыки и их имитации в скифскую эпоху // АСГЭ. Вып.31. Л.

Carter D., 1958. The Symbol of the Reast: the Animal Style Art of Eurasia. New York.

Grakov B., 1928. Monuments de la culture scythique entre Volga et les monts Oural // ESA. Vol. 3.

Rau P., 1929. Die Gräber der frühen Eisenzeit in Unteren Wolga-gebiet. Pokrovsk.

Salmony A., 1933. Sino-Siberian Art in the Collection of C.T. Loo. Paris.

Sammlung Baron Edward von der Heydt, 1936. Wien.

В.П. КОПЫЛОВ

НАСЕЛЕНИЕ ДЕЛЬТЫ ДОНА В V — IV ВВ. ДО Н.Э.

Среди проблем скифо-сарматской археологии, рассматривавшихся Б.Н.Граковым, важное место занимали вопросы этногеографических и этносоциологических реконструкций*. Глубокое знание античной литературной традиции и археологического материала позволили ему показать преимущества комплексного анализа всей совокупности источников (Граков Б.Н., Мелюкова А.И., 1954; Граков Б.Н., 1954; 1971).

Проблема этнической интерпретации населения, оставившего курганы Елизаветовского могильника и одноименное городище в дельте Дона, имеет почти полуторавековую историю.

Одни исследователи связывали памятники дельты Дона со скифами, другие с меотами, третьи с савроматами, а четвертые отмечали смешанный характер населения в скифский период. Отстаивая правоту своих этнокультурных реконструкций, все исследователи ссылались на авторитет античных авторов, забывая предостережение М.И.Ростовцева не действовать механическим путем соединения археологических дат со сведениями античных авторов, а считаться со сложной картиной археологического материала. Иначе, писал этот выдающийся исследователь, «мы можем оказаться в положении Эфора и вместо реальной картины Скифии IV — III в. до Р.Хр. дать картину быта кочевых степняков вообще, на которую сбивается и часто реальная или представляющая реальные цели картина Геродота» (Ростовцев М.И., 1989, с.195).

В последние годы четко определились два подхода в оценке этнических и демографических процессов, происходивших в дельте Дона в VI-IV вв. до н.э. Исследователи Елизаветовского городища и его курганного могильника, анализируя археологические материалы указывают, что заселение этого района в конце первой четверти V в. до н.э. произошло в результате миграции из западных, собственно скифских, районов (Копылов В.П., 1989а, с.109; Житников В.Г., 1987, с.12; Копылов В.П., Янгулов С.Ю., 1992а, с.11,12).

Сторонники иного подхода, основываясь прежде всего на анализе письменных источников, отстаивают точку зрения, согласно которой население дельты Дона V — IV вв. до н.э. сформировалось в результате последовательного развития местного степного населения VI в. до н.э. (Максименко В.Е., 1983, с.113, сл.; Лукьяшко С.И., Максименко В.Е., 1988, с.30), считая его иксомато-язоматским (Лукьяшко С.И., 1992, с.57). В.Е.Максименко в своей последней работе пишет: «...Что даже то, что мы имеем в своем распоряжении (не только источники, но и новые приемы их обработки), позволяет внести коррективы в существующие выводы» (Максименко В.Е., 1998, с.56). Очевидно, именно новые приемы обработки источников позволили этому исследователю еще раз заключить, что «с язоматами можно связать археологические памятники дельты Дона (Елизаветовское поселение, курганы и т.д.) ...» (Максименко В.Е., 1998, с.70). Обосновывая вывод об исконности савроматских земель в низовьях Дона, а также Северского Донца (Максименко В.Е., 1997, с.41), автор строит его в основном на анализе данных античных авторов, хотя еще Д.Б.Шелов, рассматривая этническую историю Нижнего Подонья отмечал, что античные источники, дающие информацию по этому району, «очень неточны и часто противоречивы» (Шелов Д.Б., 1974, с.41, сл.).

Прежде чем перейти к рассмотрению археологических материалов, оставленных населением дельты Дона V-IV вв. до н.э., необходимо кратко остановиться на характеристике памятников «культурного горизонта» предшествующего времени, т.е. VII-VI вв. до н.э. Поселений этого времени, кроме греческой колонии в районе Таганрога, которая гибнет в третьей четверти VI в. до н.э., в Нижнем Подонье нет. Поэтому основным источником служат погребальные комплексы. Только в низовьях Дона, ниже впадения в него р. Маныч, как на левобережье, так и на правобережье Дона, нами учтено 29 погребений, содержащих в наборе инвентаря материалы, которые можно уверенно датировать VII-VI вв. до н.э. (Копылов В.П., 1990, с.59). Все погребения впускные, конструкцию погребальных сооружений удалось зафиксировать в 16 случаях и из них 12 раз (75%) они определялись как яма с подбоем. Достаточно стабильно расположение отдельных категорий погребального инвентаря в могилах. Так в 15 комплексах присутствовали керамические сосуды и в 13 (87%) они располагались в районе черепа погребенного. В 17 погребениях находились кости животных — остатки напутственной пищи, при этом в 13 комплексах — кости овцы, в 2 — кости лошади. В 16 погребениях (94%) они располагались в головах погребенного. Судя по расположению наконечников стрел и деталей колчана, он носился как на левом (67%), так и на правом (33%) боку. Из других категорий инвентаря в 4 комплексах были встречены оселки, а в 5 — кремень. Крайне важно, что в 4 комплексах обнаружены греческие амфоры (рис.1) Последние раз-

* Работа выполнена при финансовой поддержке ФЦП «Интеграция» в рамках проекта № М0022/99.

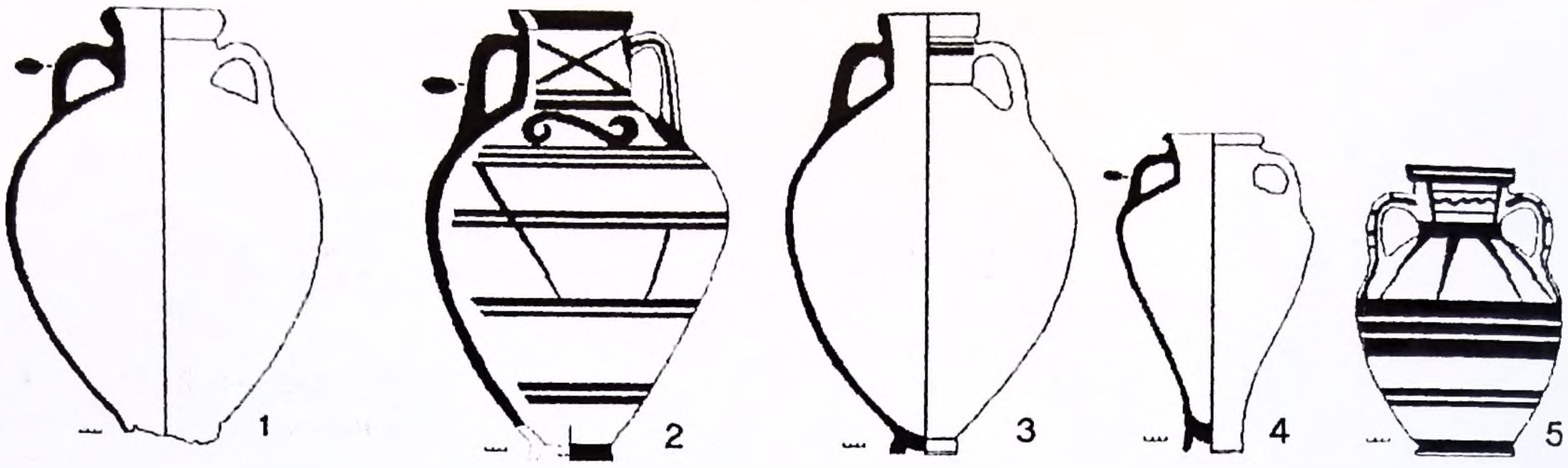


Рис.1. Амфоры из Нижнедонских погребальных комплексов VII — VI вв. до н.э. *1,2* — Красногоровка; *3* — Ново-Александровка; *4* — Хапры; *5* — Бушуйка

работки в области определения хронологии архаической греческой керамики, как у нас в стране (Монахов С.Ю., 1996, с.38-45; 1999, с.33-60), так и за рубежом (Rizzo M.A., 1990; Cook R.M., Dupont P., 1998), позволяют уточнить центры производства и датировку этих амфор, что, в свою очередь, дает возможность надежно определить хронологию погребальных комплексов. Так, в погребении 5 к.14 могильника Красногоровка III (Парусимов И.Н., 1996, с.30,31) были открыты две амфоры: самосская (рис.1, *1*) — последней четверти VII — первой трети VI в. до н.э. (Rizzo M.A., 1990, p.110-116, fig.213,352) и хиосская (рис.1, *2*) — конца VII — начала VI вв. до н.э. (Монахов С.Ю., 1999, с.37). В Ново-Александровском комплексе (к.7 п.8) (Максименко В.Е., 1983, с.178, рис.24, *12*) находилась милетская амфора (рис.1, *3*) типа (b) по классификации П.Дюпона, которая датируется второй-третьей четвертью VI в. до н.э. (Cook R.M., Dupont P., p.170, fig.23.7, *b*). Хапровский комплекс (к.25 п.1) с амфорой «круга Клазомен» (Монахов С.Ю., 1996, с.42, табл.2, *7*), так же может быть отнесен к концу VII — первой половине VI в. до н.э. (рис.1, *4*). И наконец, погребение 10 к.2 могильника Бушуйка (Беспалый Е.И., Парусимов И.Н., 1991, с.192, сл., рис.6, *20*) по расписной милетской амфоре (рис.1, *5*) типа (g) следует датировать первой половиной VI в. до н.э. (Cook R.M., Dupont P., 1998, fig.23.7, g). Поступление этих амфор кочевникам Подонья из милетской колонии в районе Таганрога не вызывает сомнений (Копылов В.П., 1998, с.91)

В рассматриваемом районе нет ни одного кочевнического комплекса, который можно было бы уверенно датировать временем позже третьей четверти VI в. до н.э. и именно в третьей четверти этого столетия прекращает функционировать одна из ранних милетских колоний Северного Причерноморья — Таганрогское поселение, основание которой относится ко времени не позднее рубежа третьей и последней четвертей VII в. до н.э. (Копылов В.П., Ларенок П.А., 1998, с.112).

Уточнение хронологии открытых на Нижнем Дону погребений скифского времени, надежно датированных греческой импортной керамикой, позволяет утверждать, что на сегодняшний день в этом районе нет кочевнических комплексов, хронология которых укладывалась бы в период с конца третьей четверти VI до конца первой четверти V в. до н.э. (Брашинский И.Б., 1980, с.205, сл.; Копылов В.П., 1994, с.25; 1996, с.34, сл.). В связи с этим нам представляется, что единичные находки обломков амфор последней четверти VI — первой четверти V в. до н.э., открытые на Елизаветовском городище за все годы раскопок, на случайный характер которых обращал внимание еще И.Б.Брашинский (1980, с.15), не позволяет удревнять время возникновения этого памятника (ср. Житников В.Г., 1997, с.50). Крайне незначительное количество таких находок, отсутствие каких либо остатков культурного слоя и отсутствие погребений этого времени, скорее всего указывает, что эти материалы несколько древнее времени основания Елизаветовского поселения. Попасть они могли туда в результате посещений греками дельты Дона еще до основания Елизаветовского поселения. Поэтому начальная дата основания Елизаветовского поселения — конец первой четверти V в. до н.э., предложенная еще И.Б.Брашинским, прежде всего на основании данных Елизаветовского могильника (Брашинский И.Б., 1977, с.76; 1980, с.15,205, сл.), пока не может быть пересмотрена и остается в силе.

В Нижнедонском регионе наблюдается хронологический разрыв в несколько десятилетий между кочевническими погребальными комплексами конца VII — VI вв. до н.э. и комплексами Елизаветовского могильника, где из 137 погребений, четко датированных греческой импортной керамикой, 48 относятся к V в. до н.э., из которых 11 еще к первой половине этого столетия (Копылов В.П., 1992, с.40).

Общая характеристика погребальных комплексов Елизаветовского могильника (Копылов В.П., Марченко К.К., 1986, с.24-31; 1998, с.93-98; Копылов В.П., 1989а, с.55-58; 1989б, с.108, сл.; 1992, с.40,41; Житников В.Г., 1997, с.52-55) и отдельных видов погребального инвентаря (Копылов В.П., Марченко К.К., 1980, с.155, сл.; Копылов В.П., 1980, с.24-27; Копылов В.П., Янгулов С.Ю., 1987, с.80-82; 1992а, с.41,42) позволяет провести сравнительный анализ погребальных комплексов конца VII -VI вв. до н.э. с комплексами Елизаветовского могильника.

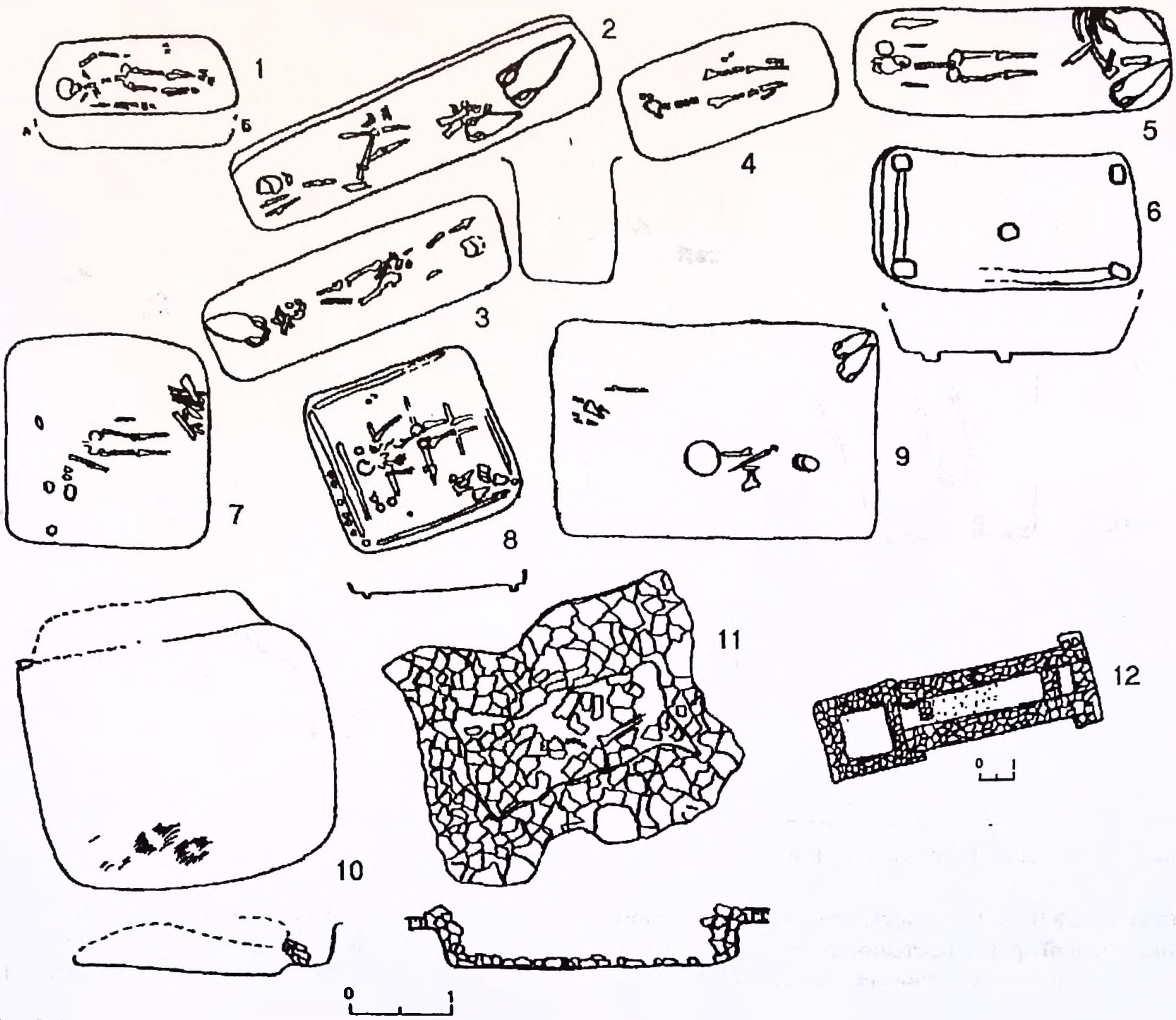


Рис.2. Виды и типы погребальных сооружений Елизаветовского могильника

Обратимся, прежде всего, к тем особенностям погребального обряда и погребального инвентаря Елизаветовского могильника, которые отличают его от степных комплексов Нижнего Подонья конца VII — VI вв. до н.э. Во-первых — значительные различия в конструктивных особенностях погребальных сооружений (рис.2). Во-вторых — отсутствие четкой стабильности погребального обряда в комплексах VII-VI вв. до н.э. и стандартность его в елизаветовских курганах на протяжении всего времени существования могильника. В третьих — существенные отличия в напутственной пище. Если в погребениях VII-VI вв. до н.э. встречаются преимущественно кости овцы, то в елизаветовских комплексах преобладают кости крупного рогатого скота, а появление незначительного количества костей овцы зафиксировано лишь в погребениях IV в. до н.э. Примечательно, что кости крупного рогатого скота значительно преобладают и в материалах Елизаветовского городища, а если учесть разницу в живом и убойном весе животных, то получается, что говядина составляла 58% от общего количества потребляемого мяса, конина — 37%, баранина — 4% (Мягкова Ю.Я., Байгушева В.С., 1996, с.95,96). В четвертых — большие различия в наборе и расположении погребального инвентаря в комплексах VII-VI вв. до н.э. и в погребениях елизаветовцев. И, наконец в пятых — различия принципиального характера комплексов лепной керамики, открытых в погребениях VII — VI вв. до н.э. и в комплексах Елизаветовского могильника.

Вышеперечисленные различия и существование хронологического разрыва в несколько десятилетий между нижнедонскими комплексами VII —VI вв. до н.э. и комплексами Елизаветовского могильника дают веские основания для того, чтобы подвергнуть сомнению вывод о генетической их преемственности. Важно подчеркнуть, что большинство перечисленных особенностей отличают елизаветовские погребения и от синхронных комплексов степной зоны Северного Причерноморья. Мы полагаем, что Елизаветовский могильник и одноименное поселение связаны с новой волной населения скифского типа, которое в конце первой четверти V в. до н.э. подчиняет себе весь район Северо-Восточного Приазовья. Анализ всей совокупности археологических источников свидетельствует, по нашему мнению, что появление гомогенного по составу населения в дельте Дона в конце первой четверти V в. до н.э. происходит в результате одноактного

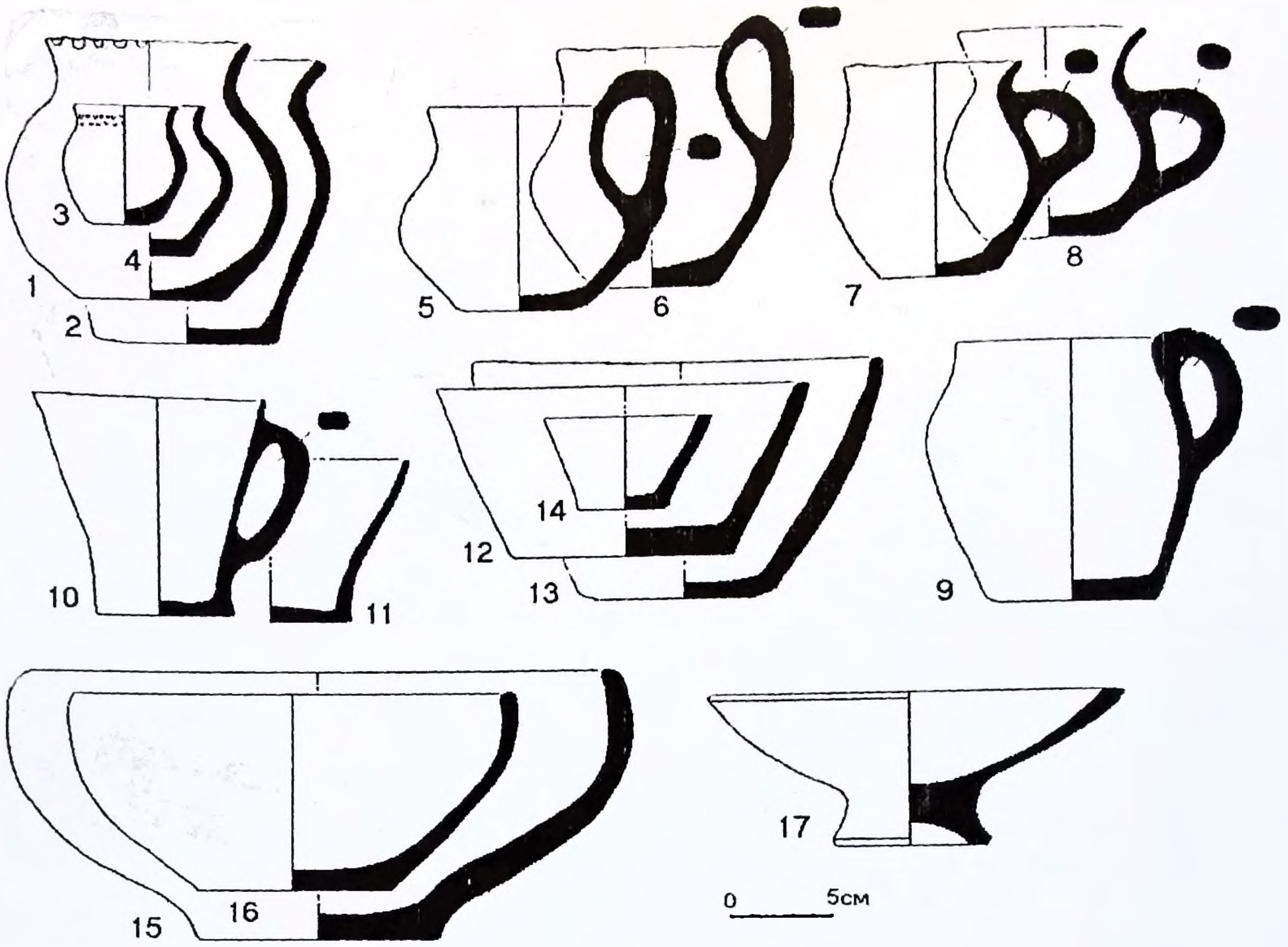


Рис.3. Типы лепной керамики из Елизаветовского могильника

действия, а не в результате постепенного превращения зимника кочевой орды в постоянное поселение.

Исследователи уже отмечали довольно сильные оседлые традиции у населения, оставившего Елизаветовское городище и одноименный могильник. Так, анализ комплекса лепной керамики городища позволил заключить, что «набор форм и размерных вариантов форм отображает быт традиционно оседлого населения, а также показывает определенное отличие комплекса от материалов степной зоны более западных районов Северного Причерноморья» (Марченко К.К., 1972, с.160). Количество, пол и возраст погребенных под одной насыпью позволяют говорить, что у населения, оставившего Елизаветовский могильник, встречались семьи как малые, так и расширенного типа. Важно, что в V в. до н.э. был достаточно распространен тип расширенной семьи, не встречающийся в IV в. до н.э. Традиция хоронить под одной насыпью членов какого-то определенного типа расширенной семьи, зафиксированная в курганах V в. до н.э., также может свидетельствовать о довольно прочных оседлых традициях у населения, оставившего Елизаветовский могильник (Копылов В.П., 1983, с.73) Этнографические материалы свидетельствуют, что у оседлого населения земледельческих районов расширенные типы семьи встречаются значительно чаще, чем у полукочевого и кочевого населения (Гаджиева С.Ш., 1979, с.19, сл.).

Изучение лепной керамики из елизаветовских курганов (рис.3, *1-17*) показало, что она корректнее городищенской отражает глубинные этнокультурные традиции, оставившего его населения и находит наиболее близкие аналогии в погребениях Днепровского лесостепного Левобережья (Копылов В.П., Марченко К.К., 1980, с.160). Даже сосуды I типа (рис.3, *1-4*), которые наиболее близки степной керамике IV в. до н.э., находят аналогии в комплексах более раннего времени лесостепного Днепровского Левобережья, в частности в Ворсклинской (Ковпаненко Г.Т., 1967, с.124,125, рис.52, *41,46*) и Посульской (Ильинская В.А., 1968, табл.LVIII, *7-9*; табл.LX, *2,4,5,8-10,18,30,24*) группах. Лощеная керамика из Елизаветовского могильника, представленная в основном мисками и кубками (рис.3, *5-17*), которая не характерна для степных комплексов Северного Причерноморья V в. до н.э., но преобладает в керамическом комплексе VI в. до н.э. Западного укрепления Бельского городища, где составляет 70% таких видов столовой посуды (Шрамко Б.А., 1987, с.110, рис.48, *6,8*). В связи с этим примечательно, что единственная керамическая антропоморфная скульптурка, найденная на Елизаветовском городище (рис.5, *12*), находит наиболее близкие аналогии именно в материалах Бельского городища (Шрамко Б.А., 1987, с.64, рис.24, *9,10*).

Миски преобладают и в керамических комплексах VI-V вв. до н.э. памятников Правобережного лесостепного Поднепровья, как на поселениях, так и в погребениях (Ковпаненко Г.Т. и др., 1989, с.77, рис.17, *23-25*; 18, *1*; с.81, рис.22, *8,12*). Наиболее часто лощеные миски встречаются в погребениях Поросской и Тясминской групп и в связи с этим примечательно, что

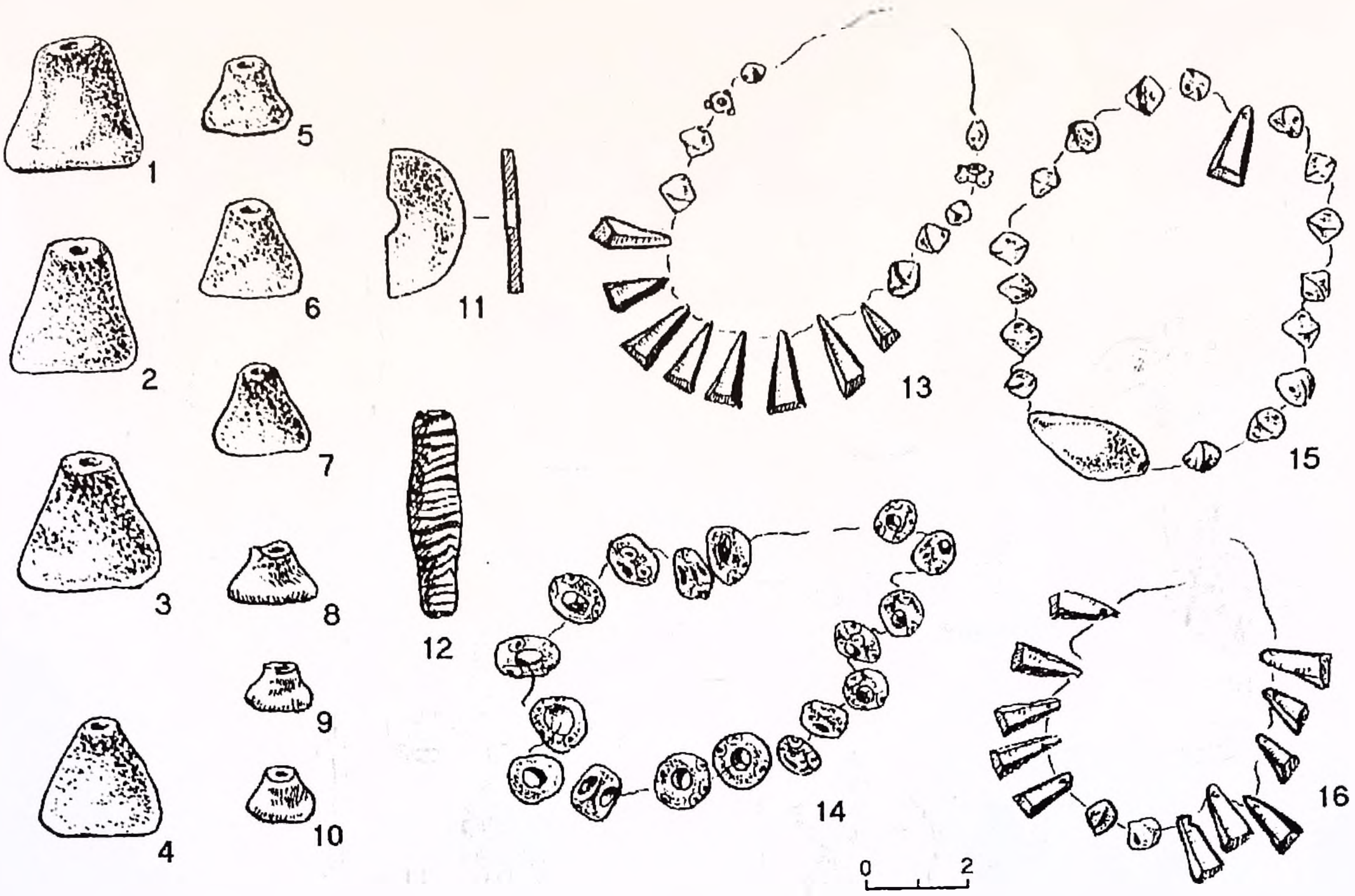


Рис.4. Пряслица и бусы из елизаветовских погребений. *1-11* — пряслица; *12-16* — бусы и пронизи

именно в комплексах этих групп наиболее часто встречаются амфоры и другая греческая импортная керамика. Так, в Поросье более 32% погребений содержат греческую импортную керамику (Ковпаненко Г.Т. и др., 1989, с.85). И именно в Поросье в VI-V вв. до н.э. доминирующей (88%) была западная, или с небольшим отклонением от этого направления, ориентировка усопших (Ковпаненко Г.Т. и др., 1989, с.39, табл.7). В Елизаветовских курганах из 210 погребений с прослеженной ориентировкой 82% погребенных также имели ориентировку в западный сектор.

Лощеные кубки, зафиксированные в памятниках V в. до н.э. лесостепного Правобережья (Ковпаненко Г.Т. и др. 1989, с.107, рис.33, *8-10*), находят аналогии как в синхронных комплексах Елизаветовского могильника (рис.3, *5,6*), так и в памятниках VI-V вв. до н.э. Поворсклинской и Посульской групп (Ковпаненко Г.Т., 1967, с.112, рис.52, *45*; Ильинская В.А., 1968, табл.X, *15*; LXIII, *3-5*). В связи с этим следует обратить внимание, что население, оставившее захоронения архаического времени в бассейне р. Ворскла, связано своим происхождением с Днепровским правобережьем, в частности с Поросьем (Ковпаненко Г.Т., 1981, с.78). Таким образом, наиболее близкие аналогии комплексу лощеной лепной керамики Елизаветовского могильника можно, прежде всего, обнаружить в памятниках VI-V вв. до н.э. лесостепного Поднепровья.

Своим происхождением связаны с лесостепными памятниками и такие погребальные сооружения Елизаветовского могильника как каркасно-столбовые склепы (рис.2, *6,8*), конструктивные особенности которых хорошо прослеживаются в строительных комплексах одноименного поселения (Brasinskij I.B. und Marcenko K.K., 1984, s.30-35, Abb.9,14,16). Близкие по устройству склепы известны в могильнике Скоробор, курган 1 1965 г. и другие (Шрамко Б.А., 1987, с.147). Для раннескифского времени столбовые склепы с канавками вдоль стен известны в Днепровском лесостепном Правобережье (Ковпаненко Г.Т. и др., 1989, с.33). Известны они и в курганах лесостепного Подонья, синхронных елизаветовским (Гуляев В.И., Савченко Е.И., 1995, с.99, рис.2,3; Медведев А.П., 1999, с.98, рис.46, *2а*).

Нам представляется, что все приведенные выше параллели между комплексами дельты Дона и лесостепного Поднепровья не случайны и имеют важное значение для решения вопросов, связанных с генезисом и этнической атрибуцией населения, оставившего Елизаветовский могильник и одноименное городище. Обитание этого населения в контактной зоне не могло не отразиться на его материальной культуре. Именно этим обстоятельством объясняется появление идеи о синкретичном характере культуры населения дельты Дона V-III вв. до н.э. (Шелов Д.Б., 1974, с.43). Поэтому при рассмотрении основных категорий археологических материалов следует в первую очередь обратить внимание на те элементы культуры, ареал которых ограничивался прежде всего коренным районом обитания определенной гомогенной группы населения. К такой категории материалов Елизаветовского могильника, позволяющим проследить генетические соответствия, относится, по нашему мнению, прежде всего

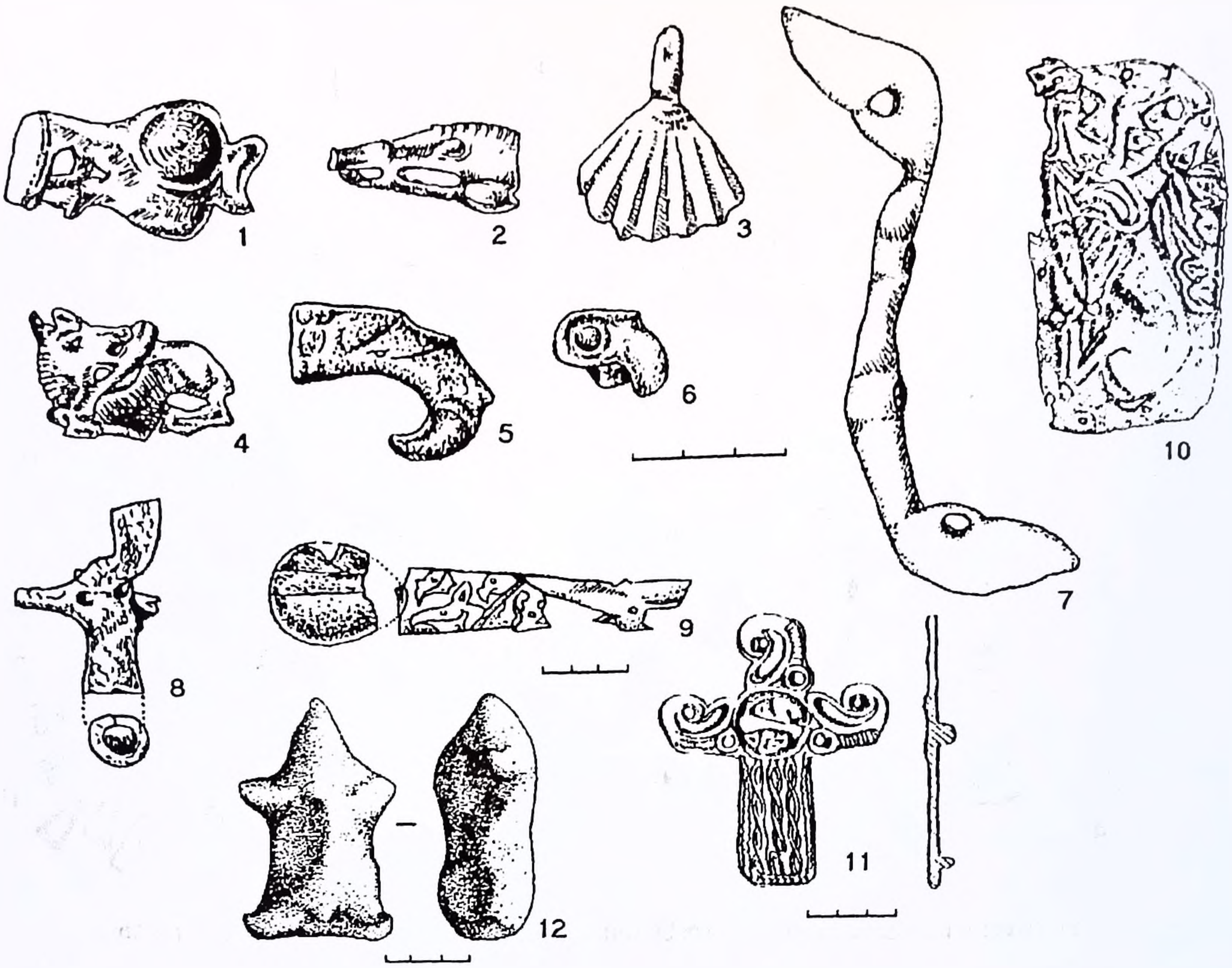


Рис.5. Предметы звериного стиля и антропоморфная скульптурка. *1-7,11* — бронза; *8,9* — кость; *10* — золото; *12* — керамика

лепная керамика. Такие категории материалов, как предметы звериного стиля (рис.5, *1-11*), мечи (рис.7, *1-3*), наконечники копий и дротиков (рис.7, *4*), ворварки (рис.7, *5*), наконечники стрел (рис.7, *6*) ножи (рис.7, *7*), пряслица (рис.4, *1-11*), украшения (рис.4, *12-16*; рис.6, *1-19*) в меньшей степени способны пролить свет на глубинные особенности происхождения населения дельты Дона V-IV вв. до н.э. Однако, даже среди этих категорий материалов, которые имеют широкое распространение в памятниках скифского времени, присутствуют отдельные вещи, устойчивые к разного вида инновациям и внешним культурным воздействиям. Так, среди украшений из Елизаветовского могильника присутствуют гвоздевидные серьги (рис.6, *1,2*), ближайшие аналогии которым можно найти в курганах и на поселениях лесостепного Днепровского Правобережья второй половины VI — V вв. до н.э. (Ковпаненко Г.Т. и др., 1989, рис.16, *21*; рис.20, *1*). В Поросье такие серьги был обнаружены у с.Бобрица и с.Пекари (Ковпаненко Г.Т., 1981, с.19, рис.15, *2*; с.48, рис.37, *7*). В материалах Елизаветовского поселения имеется бронзовая гвоздевидная булавка с массивной, слабовыпуклой шляпкой (Житников В.Г., 1989, с.160, рис.5, *22*). Близкие по форме булавки, не характерные для степных комплексов, встречаются на поселениях как лесостепного Днепровского Правобережья (Ковпаненко Г.Т. и др., 1989, с.101, рис.20, *38*), так и Левобережья (Шрамко Б.А., 1987, рис.12, *1,2*; 14, *1,2*).

Предметы, выполненные в зверином стиле, происходящие из Елизаветовского могильника, в подавляющем большинстве (рис.5, *1-7*) стилистически также ближе своим аналогам из памятников лесостепной зоны Северного Причерноморья. Так, бронзовый псалий S-видной формы, концы которого украшены конскими копытами (рис.5, *7*), ближе всего псалию, найденному в кургане 400 у с.Журовка (Ковпаненко Г.Т. и др., 1989, с.95, рис.27, *14*), а бронзовые бляшки в виде головы лося и вепря (рис.5, *1,2*) близки подобным бляшкам из Частых курганов (Медведев А.П., 1999, рис.54, *13,14*).

Исходя из вышеизложенного, можно заключить, что археологические комплексы из Елизаветовского могильника свидетельствуют об отсутствии генетической преемственности между ними и комплексами Нижнего Подонья VII-VI вв. до н.э. Анализ погребального обряда и характера заупокойного инвентаря елизаветовских курганов, а также данных строительных комплексов, лепной керамики и отдельных находок одноименного поселения позволяет отметить, что наибольшее количество сходства, параллелей и прямых аналогий в материалах, наиболее показательных в этническом плане, мы имеем прежде всего, в материалах более ранних и синхронных памятников лесостепной и, в меньшей степени, степной зоны Поднепровья.

Наличие в культуре населения дельты Дона черт, характерных как для оседло-земледельческих племен,

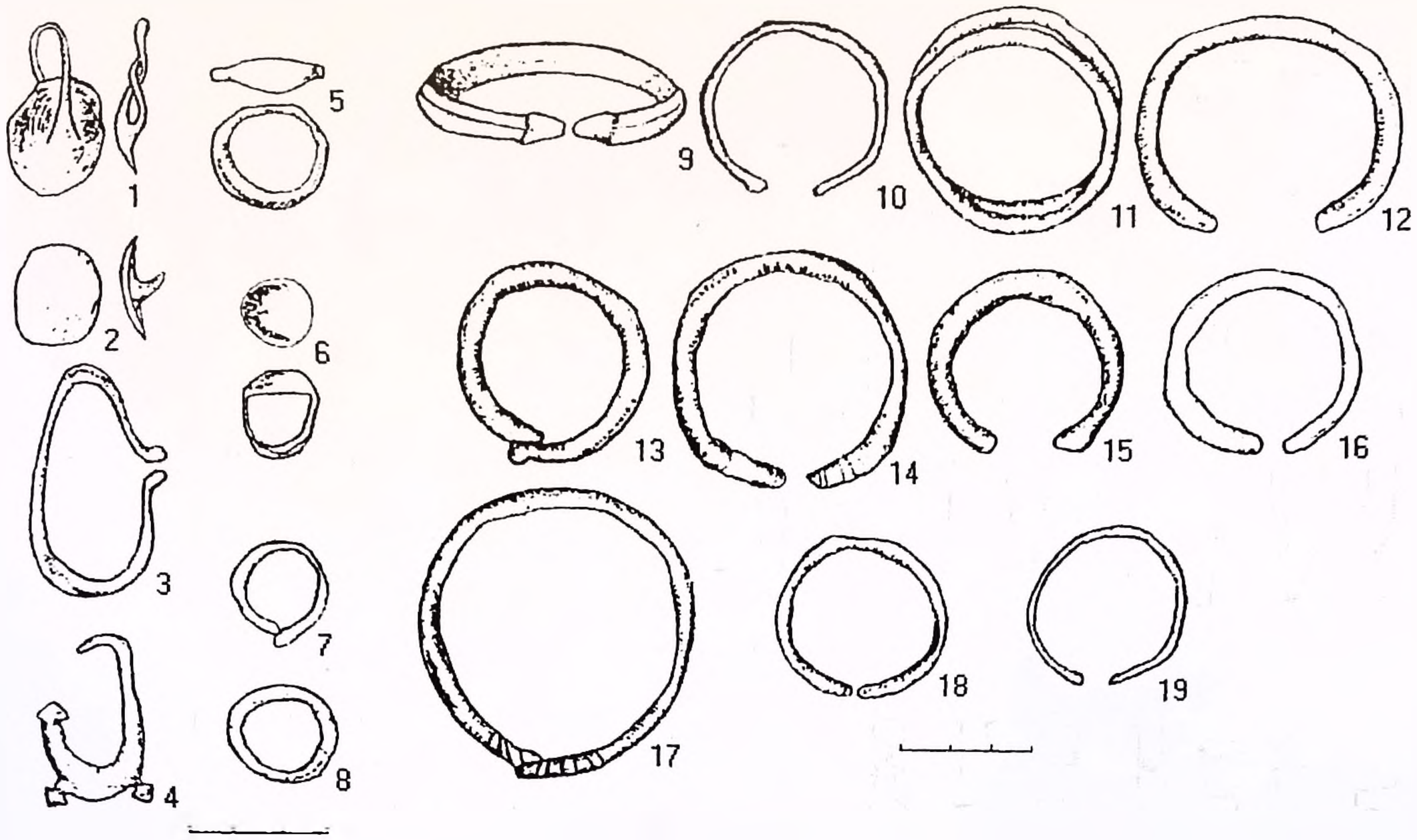


Рис.6. Украшения из Елизаветовского могильника *1-4* — серьги; *5-8* — перстни и кольца; *9-19* — браслеты

так и кочевников, можно объяснить тем, что в формировании этого этноса принимали участие этносы с различными экономическими укладами: оседло-земледельческим и кочевым. Очевидно, этот процесс складывания единого этноса протекал в лесостепном Поднепровье с конца VII и весь VI в. до н.э. и был обусловлен, прежде всего, социально-экономическими причинами (Скорый С.А., 1987, с.71) Еще М.И.Ростовцев отмечал, что в лесостепном Поднепровье «неминуемо должно было создаваться смешение двух укладов». Процесс смешения этносов с различными укладами экономики отмечены Геродотом как для лесостепи (IV, 108, 109), так и для Нижнего Побужья (IV, 17). Примечательно, что такие процессы смешения этносов происходят, прежде всего, вблизи крупных торговых и ремесленных центров, расположенных в местах пересечения торговых коммуникаций (Бунятян Е.П., Бессонова С.С., 1987, с.30). На смешанный характер скифской культуры Приднепровья указывал М.И.Ростовцев (1925, с.465), и именно он отметил, что Елизаветовский курганный некрополь «дает картину, типичную для некрополей около городищ Киевщины, Полтавщины и Подолья...» (1925, с.530). Одновременное присутствие двух локальных вариантов лесостепной культуры еще в VII в. до н.э. было зафиксировано на Бельском городище (Шрамко Б.А., 1987, с.18). Процессы этнокультурного взаимодействия населения лесостепи и степной зоны на отдельных этапах происходили с различной интенсивностью и зависели, в первую очередь, от военно-политической ситуации как в степной, так и лесостепной зонах Северного Причерноморья.

Считаем возможным предложить следующую модель этнополитической ситуации, которая сложилась в VII-VI вв. до н.э. на юге Восточной Европы. Уже в VII в. до н.э. скифские племена из степных районов Северного Кавказа проникают в районы лесостепного Поднепровья, где вступают в тесный контакт с местными оседло-земледельческими племенами. Экономика оседлых лесостепных племен базировалась на высокоразвитом земледелии и ремесле с признаками товарного производства. У этих племен уже в конце VII в. до н.э. сложились прочные связи с греческими центрами Северного Причерноморья (Онайко Н.А., 1966, с.14, сл.; Шрамко Б.А., 1987, с.179). Очевидно, необходимость рационального развития кочевого скотоводческого хозяйства скифов в тесной связи с экономикой земледельцев приводит к смешению двух этносов. В результате этого в течении VI в. до н.э. происходит сложение единой этнической общности с синкретичной материальной культурой при главенстве кочевнического элемента. Не исключено, что особенно интенсивно эти процессы стали протекать в последней трети VI в. до н.э., поскольку были вызваны активным передвижением в южнорусских степях отдельных групп кочевого населения в разных направлениях (Алексеев А.Ю., 1992, с.103,109). Возможно уже к началу V в. до н.э. в лесостепном Днепровском левобережье завершился процесс складывания компактного объединения во главе со скифами. Изучение погребальных сооружений скифского времени в степной и лесостепной зонах Северного Причерноморья позволило сделать вывод об оттоке в степь населения из лесостепи в V в. до н.э. (Ольховский В.С., 1991, с.65). Об оттоке в первой половине V в. до н.э. большей части населения, выделяемой исследователями в Ворсклинскую группу, свидетельствуют данные курганов у Бельского городища (Шрамко Б.А., 1987, с.176, сл.).

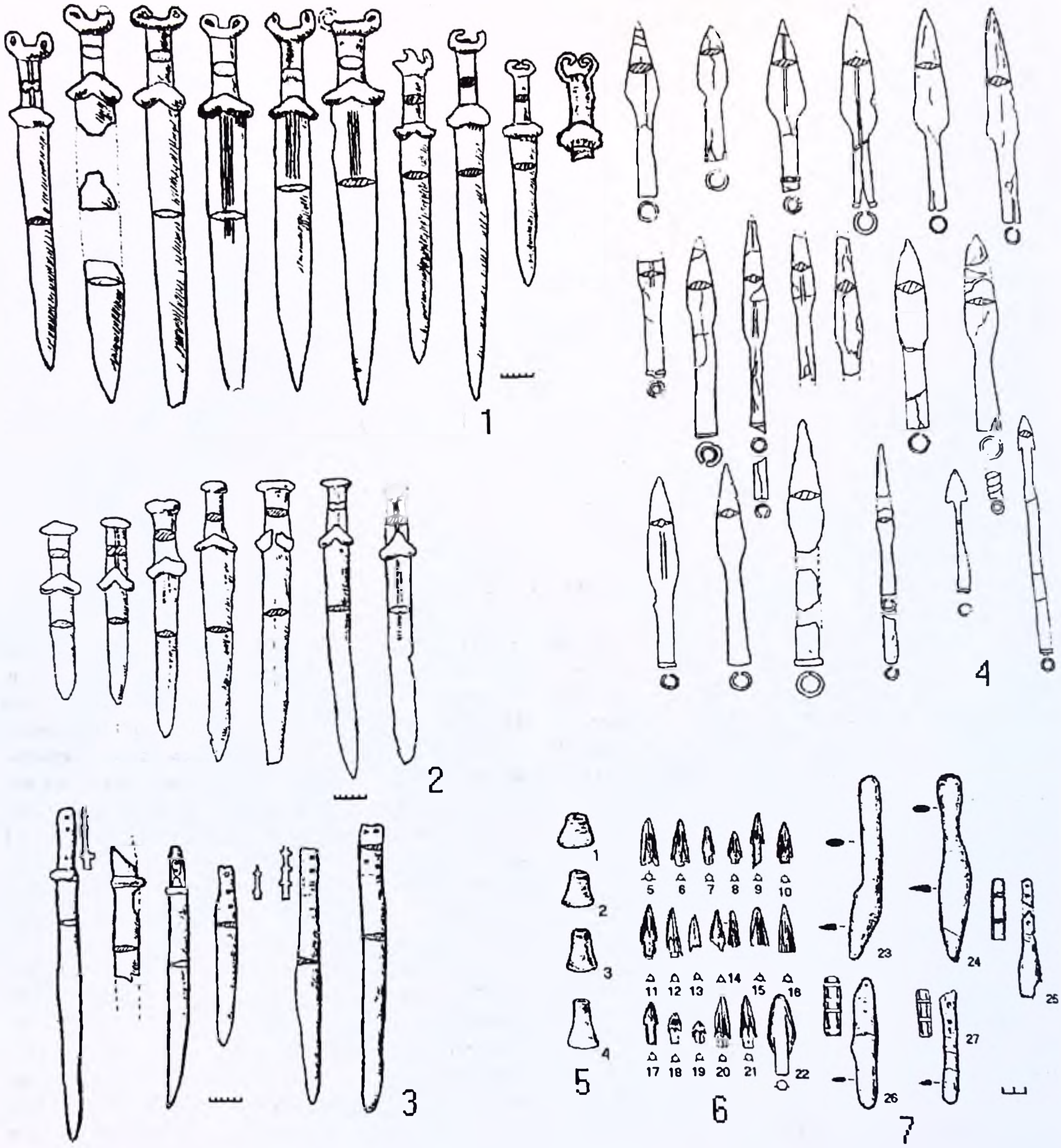


Рис.7. Предметы вооружения и ножи из Елизаветовского могильника. *1-3* — типы мечей и кинжалов; *4* — наконечники копий и дротиков; *5* — ворворки; *6* — типы наконечников стрел; *7* — ножи

Можно предположить, что именно сформировавшаяся в лесостепном Днепровском Левобережье новая этническая общность в конце первой четверти V в. до н.э. устанавливает контроль над таким важным районом, как устье Танаиса, являвшимся перекрестком сухопутных и водных торговых коммуникаций (Копылов В.П., 1994, с.89-91). Появления в дельте Дона нового населения, оставившего Елизаветовский могильник и одноименное городище, происходит после того, как военно-политические усилия скифов на западном направлении потерпели крах и восточное направление становится главным. Именно в конце первой — начале второй четверти V в. до н.э. фиксируется резкое обострение военно-политической ситуации в Северном Причерноморье, что потребовало укрепления восточных границ Скифии.

Комплексный анализ материалов донских лесостепных городищ позволил сделать убедительное заключение, что и они явно тяготеют к более ранним памятникам Днепровского лесостепного левобережья (Медведев А.П., 1999, с.86), а материальная культура среднедонских курганов, несмотря на известную локальную специфику, по основным своим параметрам полностью соответствует археологическим комплек-

сам скифской степи и лесостепи междуречья Дона и Днепра (Гуляев В.И., Савченко Е.И., 1998). Комплексный анализ материалов позволил заключить, что среднедонская культура V-IV вв. до н.э. по всем своим внешним показателям — неотъемлемая часть культуры лесостепного левобережного Поднепровья (Гуляев В.И., 1999, с.44).

Примечательно, что в середине V в. до н.э. скифоидное население городищ Посеймья VII-V вв. до н.э., которое принадлежало к кругу лесостепных культур скифского времени, под натиском юхновских племен с Десны вынуждены были покинуть свои обжитые места (Пузикова А.И., 1997, с.88). Именно в это время в бассейне Среднего Дона появляются памятники скифского типа. Сходство определяется керамикой и в устройстве оборонительных сооружений.

Появление в конце первой четверти V в. до н.э. в дельте Дона населения из лесостепного Левобережного Поднепровья, которое до конца IV в. до н.э. являлось полновластным хозяином в Северо-Восточном Приазовье, а также появление, очевидно, в это же время, памятников одного культурного горизонта в Среднем Подонье хорошо согласуется с «периодом перемен и нестабильности» во всем Северном Причерноморье (Виноградов Ю.А., Марченко К.К., 1991, с.150, сл.).

Важно подчеркнуть, что памятники дельты Дона и Среднего Дона являются памятниками одного культурного горизонта и появление их на Дону одновременно из одной культурной зоны позволяет говорить об их этническом родстве.

Дальнейшие разработки независимых типологических классификаций и уточнение хронологии археологических источников, построенных на региональных материалах (Яблонский Л.Т., 1999, с.43) должны дать более конкретную и объективную картину этнической истории Подонья в V-IV вв. до н.э.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев А.Ю., 1992. Скифская хроника. СПб.

Бунятян Е.П., Бессонова С.С., 1987. К вопросу об этнических процессах на Европейской части Боспора в скифское время // Киммерийцы и скифы. Тез. докл. конференции. Ч.I. Кировоград.

Беспалый Е.И., Парусимов И.Н., 1991. Комплексы переходного и раннескифского периодов на Нижнем Дону // СА. № 3.

Брашинский И.Б., 1977. Проблемы хронологии Елизаветовского городища в дельте Дона // Изв. СКНЦВШ. Сер. обществ. наук. Ростов-на-Дону.

Брашинский И.Б., 1980. Греческий керамический импорт на Нижнем Дону. Л.

Виноградов Ю.А., Марченко К.К., 1991. Северное Причерноморье в скифскую эпоху. Опыт периодизации истории // СА. № 1.

Гаджиева С.Ш., 1979. Очерки истории семьи и брака у ногайцев XIX — начала XX в. М.

Граков Б.Н., 1954. Каменское городище на Днепре // МИА. № 36.

Граков Б.Н., 1971. Скифы. М.

Граков Б.Н., Мелюкова А.И., 1954. Об этнических и культурных различиях в степных и лесостепных областях Европейской части СССР // ВССА. М.

Гуляев В.И., 1999. Об этнокультурной принадлежности населения Среднего Дона // Скифы Северного Причерноморья в VII-IV вв. до н.э. (проблемы палеоэкологии, палеодемографии и археологии). Тез. докл. конференции. М.

Гуляев В.И., Савченко Е.И., 1995. Терновое I — новый скифский могильник на Среднем Дону // РА. № 4.

Гуляев В.И., Савченко Е.И., 1998. Новый могильник скифского времени на Среднем Дону // РА. № 4.

Житников В.Г., 1987. Политическая и демографическая ситуация конца VI — начала V в. до н.э. на Нижнем Дону и возникновение Елизаветовского поселения // Античная цивилизация и варварский мир в Подонье — Приазовье. Тез. докл. конференции. Новочеркасск.

Житников В.Г., 1989. О бронзолитейном производстве Елизаветовского городища на Дону // СА. № 2.

Житников В.Г., 1997. К проблеме возникновения Елизаветовского городища на Дону // РА. № 1.

Ильинская В.А., 1968. Скифы Днепровского лесостепного левобережья (курганы Посулья). Киев.

Ковпаненко Г.Т., 1967. Племена скіфського часу на Ворсклі. Київ.

Ковпаненко Г.Т., 1981. Курганы раннескифского времени в бассейне р. Рось. Киев.

Ковпаненко Г.Т., Бессонова С.С., Скорый С.А., 1989. Памятники скифской эпохи Днепровского лесостепного Левобережья. Киев.

Копылов В.П., 1980. Мечи из погребений V в. до н.э. Елизаветовского курганного могильника // КСИА. Вып.162.

Копылов В.П., 1983. Типы семьи у населения дельты Дона и их развитие в V-IV вв. до н.э. // Проблемы хронологии археологических памятников степной зоны Северного Кавказа. Ростов-на-Дону.

Копылов В.П., 1989а. Распространенность категорий погребального инвентаря в комплексах Елизаветовского могильника V-IV вв. до н.э. // Историко-археологические исследования в г.Азове и на Нижнем Дону в 1988 г. Тез. докл. семинара. Азов.

Копылов В.П., 1989б. М.И.Ростовцев и проблема динамики населения дельты Дона в VI-III вв. до н.э. // Скифия и Боспор. Археол. материалы к конференции памяти М.И.Ростовцева. Новочеркасск.

Копылов В.П., 1990. Погребения раннескифского времени в устье Маныча // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1989 г. Вып.9. Азов.

Копылов В.П., 1992. Погребения V в. до н.э. Елизаветовского могильника на Дону // Киммерийцы и скифы. Тез докл. конференции. Мелитополь.

Копылов В.П., 1994. О транспортных сухопутных коммуникациях, проходящих через дельту Дона в скифское время // ПССАСП. Тез. докл. конференции. Запорожье.

Копылов В.П., 1996. Греческая колонизация и утверждение скифов в Северо-Восточном Приазовье // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и среднис века. Тез. докл. VIII конференции. Ростов-на-Дону.

Копылов В.П., 1998. Таганрогского поселение в системе раннегреческих колоний в Северном Причерноморье // Древнее Причерноморье. IV чтения памяти П.О.Карышковского. Одесса.

Копылов В.П., Ларенок П.А,, 1998. О времени основания Таганрогского поселения // Изучение памятников морской археологии. СПб.

Копылов В.П., Марченко К.К., 1980. Лепная керамика Елизаветовского могильника на Дону // СА. № 2.

Копылов В.П., Марченко К.К., 1986. К вопросу о взаимодействии этнокультурных массивов на Нижнем Дону и в Северо-Восточном Приазовье в V-III вв. до н.э. // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Ростов-на-Дону.

Копылов В.П., Марченко К.К., 1998. Елизаветовский курганный могильник на Дону (Общая характеристика) // Древнее Причерноморье. IV чтения памяти П.О.Карышковского. Одесса.

Копылов В.П., Янгулов С.Ю., 1987. О времени появления скифских однолезвийных мечей // Киммерийцы и скифы. Тез. докл. конференции. Ч.I. Кировоград.

Копылов В.П., Янгулов С.Ю., 1992а. Этнополитическая ситуация в низовьях Дона (вторая пол. VI — первая пол. V в. до н.э. // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Тез. докл. VI конференции. Ростов-на-Дону.

Копылов В.П., Янгулов С.Ю., 1992б. Доспех в погребениях Елизаветовского могильника на Дону // Киммерийцы и скифы. Тез. докл конференции. Мелитополь.

Лукьяшко С.И., 1992. К вопросу об этнической характеристике населения Северо-Восточного Приазовья в VI-IV вв. до н.э. // Донские древности. Вып.1. Азов.

Лукьяшко С.И., Максименко В.Е., 1988. Формирование «этносоциальной» области в Донской дельте в VI-V вв. до н.э. // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1987 г. Тез. докл. конференции. Азов.

Максименко В.Е., 1983. Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. Ростов-на-Дону.

Максименко В.Е., 1997. Начало проникновения сарматов в Северное Причерноморье и завоевание Скифии // Сарматы и Скифия (Донские древности. Вып.5). Азов.

Максименко В.Е., 1998. Сарматы на Дону (Донские древности. Вып.6). Азов.

Марченко К.К., 1972. Лепная керамика V-III вв. до н.э. с городища у станицы Елисаветовской на Нижнем Дону // СА. № 1.

Медведев А.П., 1999. Ранний железный век лесостепного Подонья. М.

Монахов С.Ю., 1996. Амфоры Клазомен и «круга Клазомен» // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Тез. докл. VIII конференции. Ростов-на-Дону.

Монахов С.Ю., 1999. Греческие амфоры в Причерноморье. Саратов.

Мягкова Ю.Я., Байгушева. В.С., 1996. Этнические и экологические аспекты в исследовании млекопитающих Елизаветовского городища // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Тез. докл. VIII конференции. Ростов-на-Дону.

Ольховский В.С., 1991. Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII-III вв. до н.э.). М.

Онайко Н.А., 1966. Античный импорт в Приднепровье и Побужье в VII-V вв. до н.э. // САИ. Вып. Д1-27. М.

Парусимов И.Н., 1996. Раннескифский комплекс у г.Азова // Материалы конференции. Ставрополь.

Пузикова А.И., 1997. Памятники скифского времени бассейна р. Тускарь (Посеймье). М.

Ростовцев М.И., 1925. Скифия и Боспор. Петроград.

Ростовцев М.И., 1989. Глава V. Государство, религия и культура скифов и сарматов // ВДИ. № 1.

Скорый С.А., 1987. К этно-культурной истории Украинской Правобережной лесостепи в скифскую эпоху // Киммерийцы и скифы. Тез. докл. конференции. Ч.II. Кировоград.

Шелов Д.Б., 1974. К этнической истории Нижнего Подонья // Известия СКНЦВШ. Сер. обществ. наук. № 3.

Шрамко Б.А., 1987. Бельское городище скифской эпохи (город Гелон). Киев.

Яблонский Л.Т., 1999. Скифы, сарматы и другие в XXI в. н.э. // Археология России в XX веке: итоги и перспективы. Тез. докл. конференции. М.

Brasinskij I.B. und Marcenko K.K., 1984. Elisavetovskoje Scythische Stadt im Don-Delta // AVA-Materialien. Band 27. Munchen.

Cook R.M., Dupont P., 1998. East Greek pottery. London - New-York.

Rizzo M.A., 1990. Complessi tombali dall Etruria Meridionale. Roma.

С.И.ЛУКЬЯШКО

К РЕКОНСТРУКЦИИ СОБЫТИЙ КОНЦА IV — НАЧАЛА III ВВ. ДО Н.Э. НА НИЖНЕМ ДОНУ

В центре нашего внимания оказался небольшой участок южнорусской степи, ограниченный реками: Доном, Манычем и Еей. Находясь на стыке Волгодонского, Северокавказского и Доно-Днепровского регионов, он концентрировал в культуре обитавших здесь народов различные традиции. В раннескифское время регион приобретает культурную специфику. Здесь появляются погребения в ямах с подбоями и в простых овальных или подпрямоугольных ямах, в которых располагались вытянутые на спине, изредка на боку, погребенные, ориентированные на запад, крайне редко — на восток, со специфическим набором инвентаря. Характеристика этой группы погребений предпринималась неоднократно (Кореняко В.А., Лукьяшко С.И., 1982; Максименко В.Е., 1983, с.38,39; Лукьяшко С.И., 1988, с.65-75; Лукьяшко С.И., Максименко В.Е., 1990, с.17-25; Копылов В.П., 1990, с.55-61; Беспалый Е.И., Парусимов И.Н., 1991, с.179-195). Границы распространения её на западе ограничены левым берегом Дона южнее устья Маныча, на севере левым берегом Маныча, где погребения обнаружены были в могильнике Плоский-1 у ст.Манычской, на востоке и юге районами ст.Новокорсунской и Брюховецкой (раскопки В.С.Бочкарева 1978, 1979 гг.). Население рассматриваемого участка степи соотносится с иксоматами античной письменной традиции.

В IV-III вв. до н.э. обстановка существенно меняется. Приморской археологической экспедицией в 1977 г. на левом берегу Дона впервые были обнаружены погребальные комплексы со скифской обрядностью и инвентарем. Тогда мы интерпретировали их как чужеродный скифский элемент на Донском левобережье (Головкова Н.Н., Лукьяшко С.И., 1980, с.15-34), а причины появления их представлялись эпизодом экономических связей.

По представлениям В.Е.Максименко, донское левобережье южнее Маныча во времена могущества державы Атея попадает под политическое господство скифов. Внешним выражением зависимости было появление скифских погребений на левом берегу Дона (Максименко В.Е., 1983, с.128; Максименко В.Е., 1998, с.73,74). Достаточных аргументов для утверждения подобной реконструкции нет и она носит гипотетический характер.

Предлагаемая В.Е.Максименко схема может быть существенно уточнена благодаря появлению новых памятников IV — начала III в. до н.э. Введение их в научный оборот и уточнение датировок ранее опубликованных комплексов позволяет полнее представить историю региона. Учитывая, что предварительные публикации Новоалександровских комплексов 1977 г. стали практически недоступны, а проведенная реставрация уточнила характеристику материала, начнем наш обзор с этой группы памятников.

НОВОАЛЕКСАНДРОВКА, 1977 (РАСКОПКИ С.И.ЛУКЬЯШКО)

Курган 1. Находился на водораздельной террасе. Высота кургана — 0,65 м, диаметр — 25,0 м. В центре насыпи основное погребение в Т-образной катакомбе (рис.1, *1,3*). Камера ориентирована по линии С-Ю с небольшим отклонением. Погребение ограблено дважды через колодец и боковой миной. В колодце обнаружена ручка светлоглиняной амфоры II-III вв. н.э., попавшая в воронку после ограбления (рис.2, *2*). В заполнении найдена костяная двусоставная рукоять железного ножа (рис.2, *1*), биконическое пряслице (рис.2, *3*), бронзовые скрепы от деревянных сосудов (рис.2, *6*) и пастовая биконическая бусина с поперечной полосой (рис.2, *5*).

Погребение окружал мощный глинистый выкид и прерывистый ровик. На древнем горизонте и в ровике обнаружены фрагменты амфор, из которых полностью или частично восстановлено 10 штук (8 херсонесских и 2 гераклейских) (рис.2, *8,9*). Херсонесские амфоры представлены экземплярами типа IБ (рис.1, *2,4,5*; 2, *4*; 3, *1,5,10,11*). На ручке одной амфоры сохранилось плохо оттиснутое клеймо Ксанфа (рис.3, *10*). Клейма астинома Ксанфа С.Ю.Монаховым датировались первой четвертью III в. до н.э. (Монахов С.Ю., 1989, с.131). По новейшим наблюдениям В.И.Каца клейма Ксанфа относятся к подгруппе Б первой хронологической группы 315-300 гг. до н.э. (Кац В.И., 1994, с.50,51,56).

Вторая клейменая херсонесская амфора представлена ангобированным экземпляром типа IIА с монограммным клеймом А (рис.2, *7*). Ближайшей аналогией является амфора № 211 каталога С.Ю.Монахова (Монахов С.Ю., 1989, табл.XIII, *211*), клеймо датируется концом IV в. до н.э. (Монахов С.Ю., 1989, с.131). В.И.Кац отметил, что появление «фабрикантских»

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 00354.

Рис.1. Новоалександровка-I, к.1. *1* — общий план кургана; *2,4,5* — амфоры из тризны; *3* — план и разрезы погребения 1

меток в виде отдельных букв, монограмм, сокращений» является характерной особенностью херсонесского клеймения подгруппы В первой хронологической группы (300-285 гг. до н.э.) (Кац В.И., 1994, с.52). Между первой и второй группой херсонесских клейм нет четкой хронологической границы, напротив, отмечаются случаи параллельного существования разнотипных штемпелей (Кац В.И., 1994, с.55).

Присутствие в закрытом комплексе клейма Ксанфа и моногаммного клейма А на ангобированной амфоре II типа важно для уточнения относительной хронологии херсонесских клейм. В нашем исследовании необходимо подчеркнуть, что дата комплекса может быть сужена до последнего десятилетия IV в. до н.э. Этот вывод подтверждается и тем, что близкая по типу амфора была обнаружена в погребении 2 кургана «Хомина Могила» (Мозолевский Б.Н., 1973, рис.34, *8*). На ручке амфоры было оттиснуто желобчатое клеймо астинома Геродота, принадлежащее подгруппе В, первой хронологической группе херсонесского клеймения по В.И.Кацу (Кац В.И., 1994, с.51).

Курган 5 находился рядом с курганом 1. Высота — 1,05 м, диаметр — 26,0 м. Основное погребение, в яме катакомбной конструкции, было окружено прерывистым ровиком (рис.4, *1,3*). В насыпи и в ровике кургана находок не обнаружено. Погребение ограблено. Со-

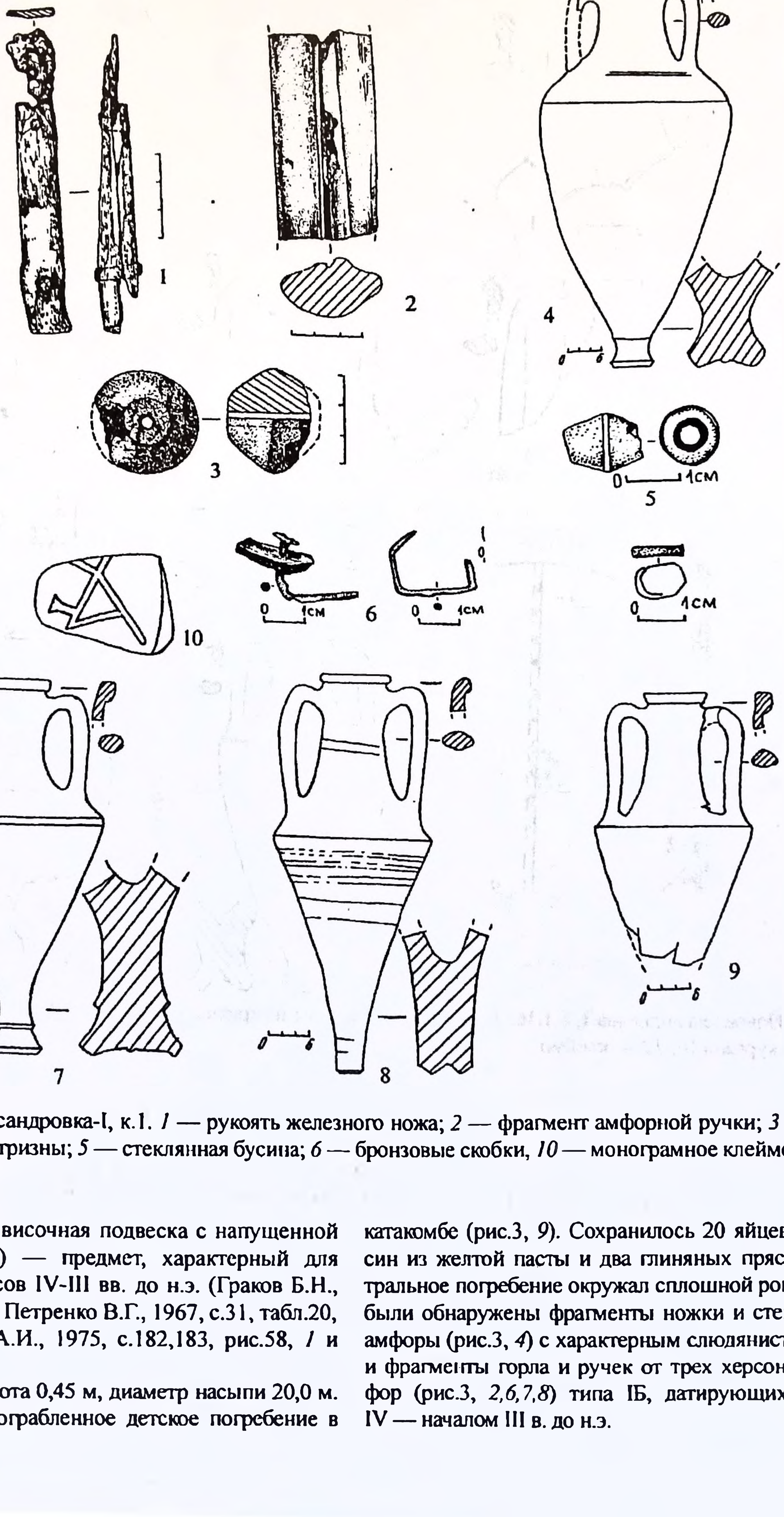


Рис.2. Новоалександровка-I, к.1. *1* — рукоять железного ножа; *2* — фрагмент амфорной ручки; *3* — прясло; *4,7-9* — амфоры из тризны; *5* — стеклянная бусина; *6* — бронзовые скобки, *10* — монограмное клеймо

хранилась золотая височная подвеска с напущенной бусиной (рис.4, *2*) — предмет, характерный для скифских комплексов IV-III вв. до н.э. (Граков Б.Н., 1962, с.93, рис.8, *6*; Петренко В.Г., 1967, с.31, табл.20, *16-21*; Мелюкова А.И., 1975, с.182,183, рис.58, *1* и др.).

Курган 16. Высота 0,45 м, диаметр насыпи 20,0 м. В центре кургана ограбленное детское погребение в катакомбе (рис.3, *9*). Сохранилось 20 яйцевидных бусин из желтой пасты и два глиняных пряслица. Центральное погребение окружал сплошной ровик. Во рву были обнаружены фрагменты ножки и стен хиосской амфоры (рис.3, *4*) с характерным слюдянистым тестом и фрагменты горла и ручек от трех херсонесских амфор (рис.3, *2,6,7,8*) типа IБ, датирующихся концом IV — началом III в. до н.э.

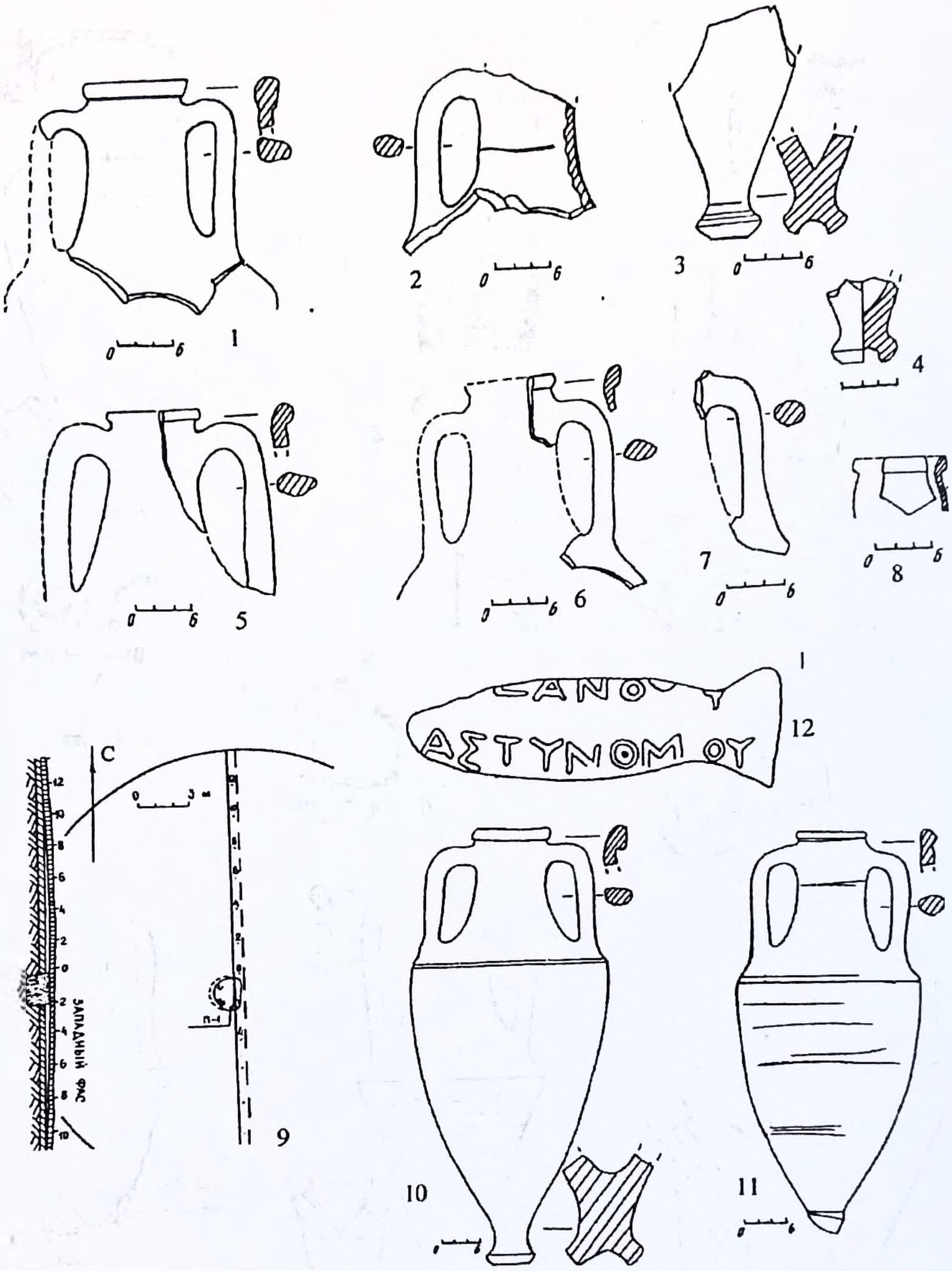


Рис.3. Новоалександровка-I, к.1,16. *1.3,5,10,11* — амфоры из тризны кургана 1; *2,4,6-8* — фрагменты амфор из насыпи кургана 16; *12* — клеймо

НОВОАЛЕКСАНДРОВКА, 1984 (РАСКОПКИ Е.И.БЕСПАЛОГО)

Курган 26, погребение 1. Погребение в Т-образной катакомбе с камерой ориентированной С-Ю. Могильная яма ограблена, из инвентаря сохранились лишь несколько втульчатых трехлопастных железных стрел и бусины подвески.

Курган 27, погребение 1. Представлен разрушенной Т-образной катакомбой с камерой, ориентированной З-В.

КРАСНОГОРОВКА-I (РАСКОПКИ Е.И.БЕСПАЛОГО).

В расположенном рядом с Новоалександровским могильнике Красногоровка-I, практически продолжающем курганный массив Высочино-Новоалександровка, исследовано ещё несколько интересующих нас курганов. **Курган 1**, погребение 3 в Т-образной катакомбе с камерой, ориентированой С-Ю. Погребение ограблено. Встречаются втульчатые трехлопастные и черешковые наконечники стрел.

Курган 30, погребение 1. В Т-образной катакомбе с камерой ориентированой С-Ю. Погребение ограблено. Встречаются железные втульчатые наконечники стрел и фрагмент железного втока дротика.

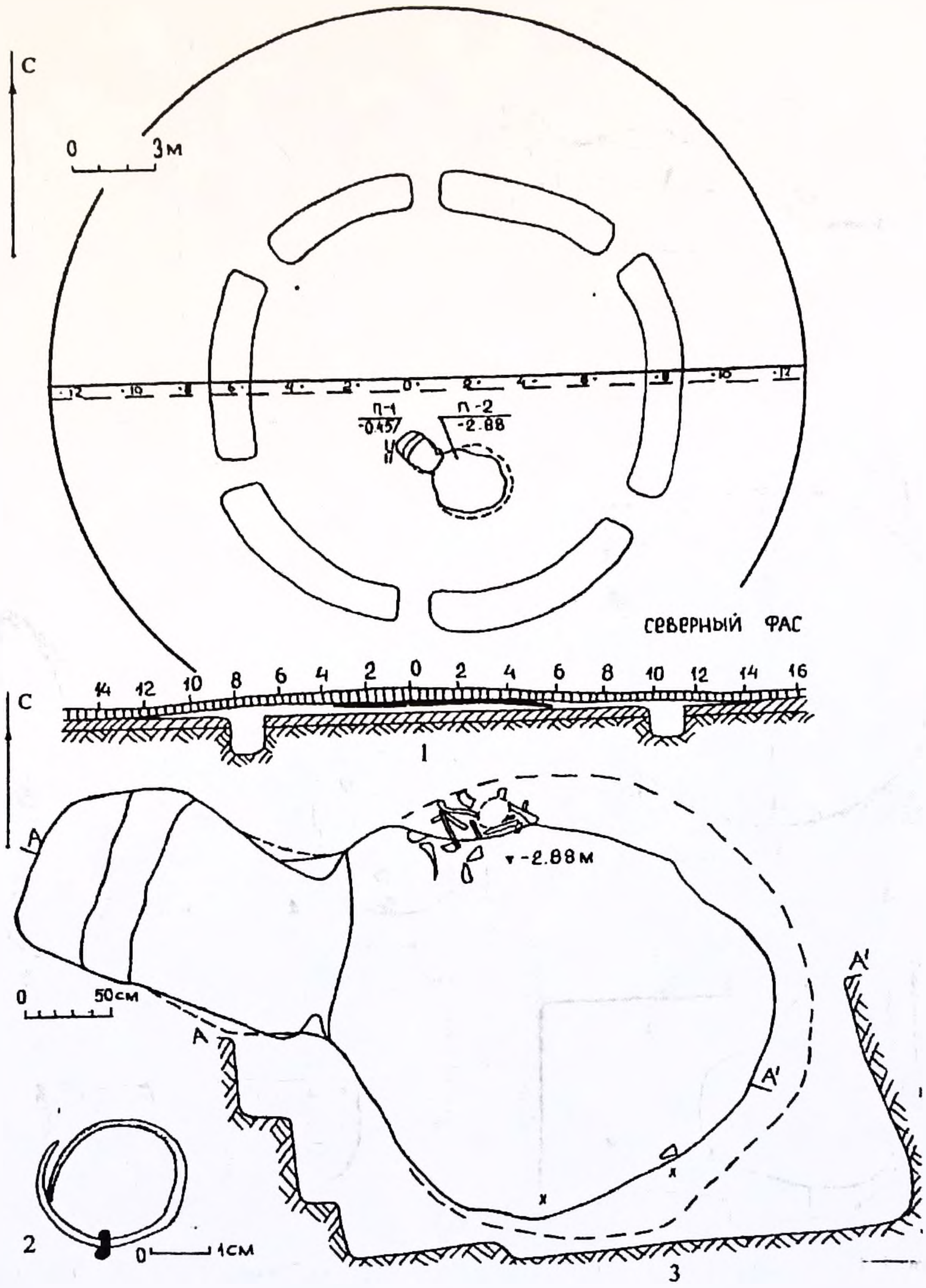


Рис.4. Новоалександровка-I, к.5. *1* — общий план кургана; *2* — золотая подвеска из погребения 2; *3* — план и разрез погребения 2

МОГИЛЬНИК ВЫСОЧИНО-I (РАСКОПКИ С.И.ЛУКЬЯШКО)

Курган 5. С центральным погребением в катакомбе или подбое и впускным погребением этого же времени (рис.5, *3*). В насыпи кургана обнаружен фрагмент красноглиняной амфорной ручки (рис.5, *5*).

Погребение 1. Находилось в северной части кургана. Глубина 1 м. Впускное (рис.5, *1*). Частично разрушено. Погребенный взрослый человек располагался вытянуто на спине головою на запад. В ногах погребенного обнаружен красноглиняный гончарный кувшин. Верхняя часть сосуда обломана в древности (рис.5, *2*). По тулову шла глубокая трещина, для скрепления которой просверлено три пары отверстий. Тулово сосуда имело яйцевидную форму, плавно переходило в узкое горло с округлым венчиком. Ручка сосуда лентовидная. Высота 25 см, диаметр тулова 18 см, диаметр дна 11 см, диаметр горла 8,5 см. Тесто светло-охристого цвета с мелкими белыми и слюдянистыми включениями. Сосуд находит аналогии в комплексе из кургана 2 у ст.Пластуновской (раскопки А.А.Нехаева 1977 г.), датированного И.И.Марченко по набору конской упряжи второй половиной IV в. до н.э. (Марченко И.И., 1996, с.84, рис.71, *4*).

Погребение 2. Основное. Обнаружено в центре кургана. Глубина 3 м. Могильная яма полностью ограблена. Пятно грабительской воронки прослеживалось с поверхности насыпи. Погребальная конструкция была подбойного или катакомбного типа с камерой в южной стене. Камера или подбой были ориентиро-

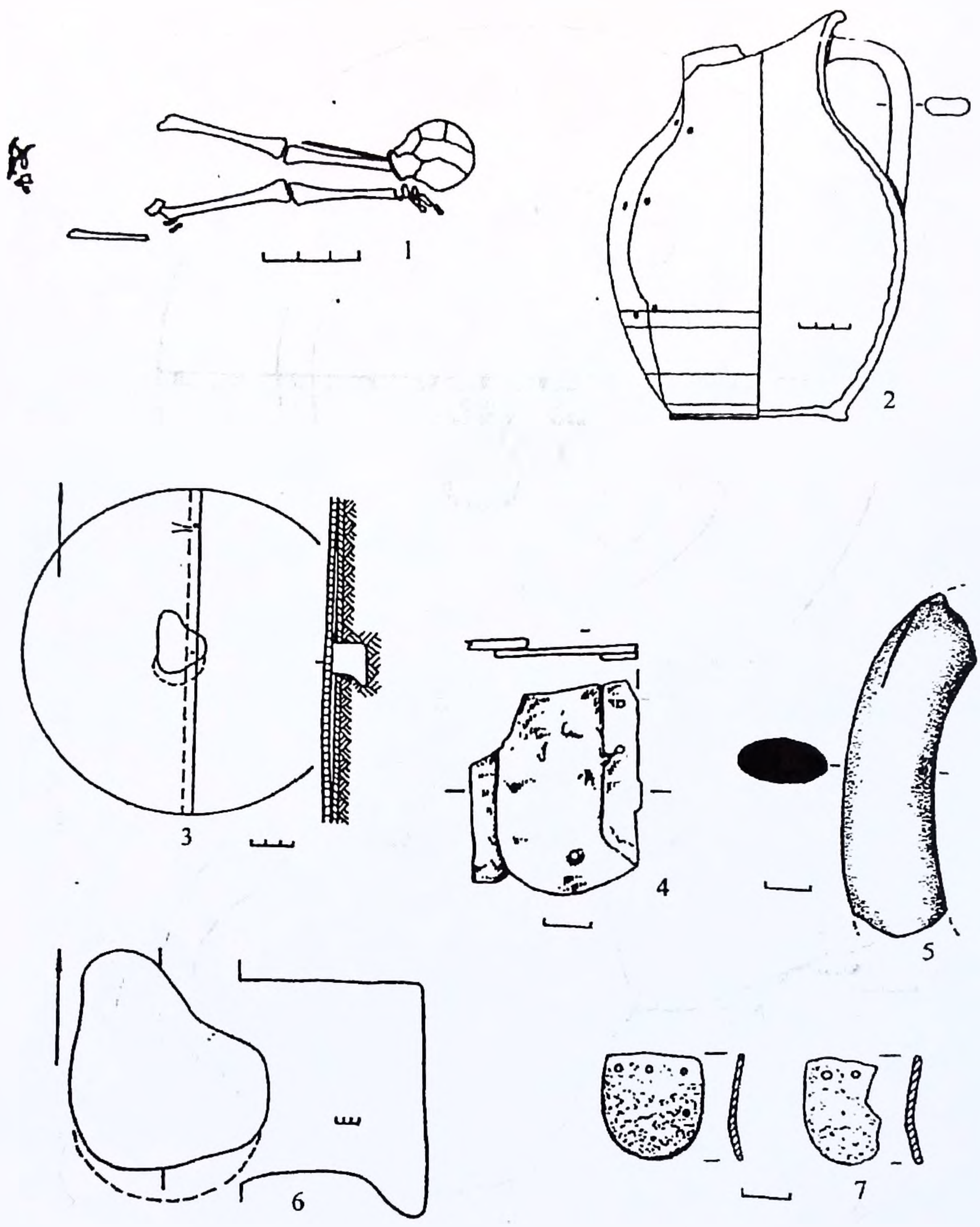


Рис.5. Высочино-I, к.5. *1* — план погребения 1; *2* — сосуд из погребения 1; *3* — общий план кургана; *4,7* — железные панцирные пластины; *5* — фрагмент амфорной ручки; *6* — план погребения 2

ваны по линии З-В (рис.5, *6*). В заполнении грабительской воронки обнаружены железные и бронзовые панцирные пластины: железные пластины с закругленным нижним краем, слабым изгибом в середине, с тремя отверстиями в верхней и одним в боковой части. Размеры пластин 2,2х2,4 см (рис.5, *7*); железные, удлиненные прямоугольные с закругленным нижним краем пластины с креплением по бокам и по нижнему краю. Размеры 3,8х2,6 см (рис.5, *4*), а так же фрагмент бронзовой пластины с отверстиями.

Материал позволяет датировать комплекс в рамках IV в. до н.э. Учитывая безусловную связь обоих погребений в кургане, можно и погребение 2 датировать второй половиной IV в. до н.э.

ВЫСОЧИНО-V (РАСКОПКИ Е.И.БЕСПАЛОГО)

Курган 4. Насыпь кургана была сооружена в скифское время, позже, в среднесарматское время, было впущено погребение и курган окружен рвом. Погребения сели друг на друга и были ограблены через грабительскую воронку в центре кургана. Форму погребального сооружения восстановить невозможно. В заполнении грабительской воронки обнаружен инвентарь. К скифскому времени относятся:

1. Фрагменты лепного сосуда с невысоким отогнутым венчиком и яйцевидным туловом. На горле два просверленных отверстия. Поверхность желто-серая, заглажена. В тесте встречаются известковые включения. Высота — 26,6, диаметры: венчика — 11, наибольший — 21, дна — 9,5 см (рис.6, *1*).

2. Два бронзовых трехлопастных коротковтульчатых наконечника с напушенными лопастями. Длина —

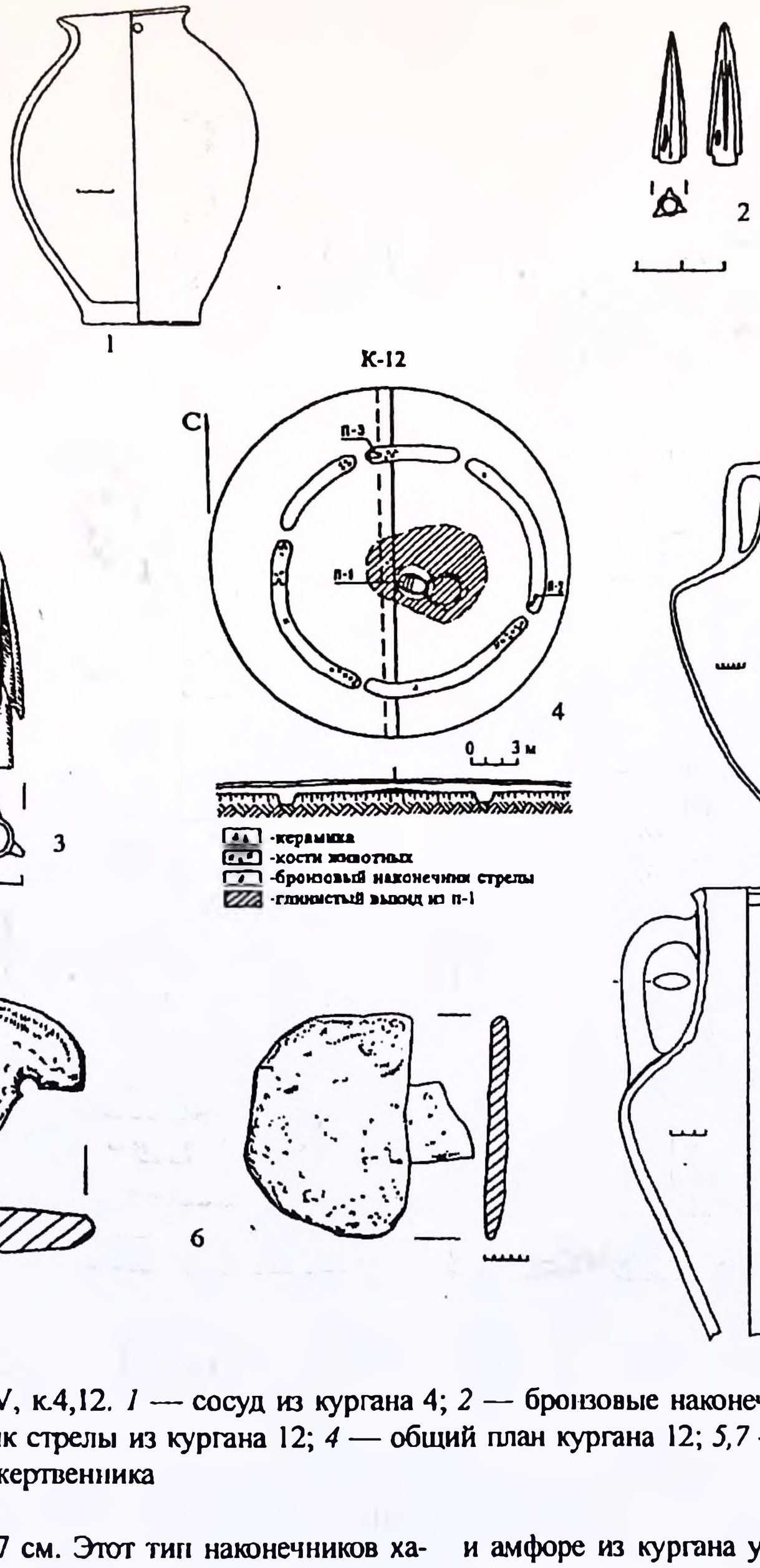


Рис.6. Высочино-V, к.4,12. *1* — сосуд из кургана 4; *2* — бронзовые наконечники стрел из кургана 4; *3* — бронзовый наконечник стрелы из кургана 12; *4* — общий план кургана 12; *5,7* — амфоры из кургана 12; *6* — фрагмент каменного жертвенника

2,9 см, ширина — 0,7 см. Этот тип наконечников характерен, в основном, для IV в. до н.э. (рис.6, *2*).

Курган 12. Сооружен в скифское время (рис.6, *4*). В центре — катакомбное погребение, окруженное мощным слоем выкида. Вокруг погребения кольцевой ровик диаметром около 18 м, ширина ровика 1,0 м, глубина 1,6-1,8 м. Ровик прерывистый, состоит из пяти неравных отрезков, разделенных перемычками. В заполнении и на дне ровика обнаружены остатки тризны и ритуальное погребение 2. В составе тризны: обломок горла и фрагменты стенок красноглиняной амфоры; хиосская амфора с кубаревидной ножкой, в тесте известковые включения. Высота 72,0 см, диаметр венчика 11,2 см, наибольший 44,5 см, ножки 6,4 см (рис.6, *5*). Амфора совершенно идентична находке из погребения в кургане у г.Азова (Максименко В.Е., 1983, рис.27, *1*) и амфоре из кургана у с.Новониколаевка; фрагменты аналогичной амфоры с более темной поверхностью; фрагменты херсонесской амфоры с астиномным клеймом Батилла[1] (рис.6, *7*). С.Ю.Монаховым время астиномного клеймения Батиллы относится к концу IV в. до н.э. (Монахов С.Ю., 1989, с.130). По мнению В.И.Каца, клеймо Батиллы относится к подгруппе А первой хронологической группы (325-315 гг. до н.э.) (Кац В.И., 1994, с.50). Сохранившаяся высота 38,0 см, диаметр венчика 10,0 см, наибольший диаметр — 21,0 см. На ручке по клейму полоса красной краски; в заполнении северного сектора встречены два обломка серого песчаника; из фрагментов песчаника обнаруженных в западном и северном отрезках ровика склеился крупный фрагмент каменного блюда-алтаря из светло-серого песчаника. Длина 25,5 см, толщина 2 см

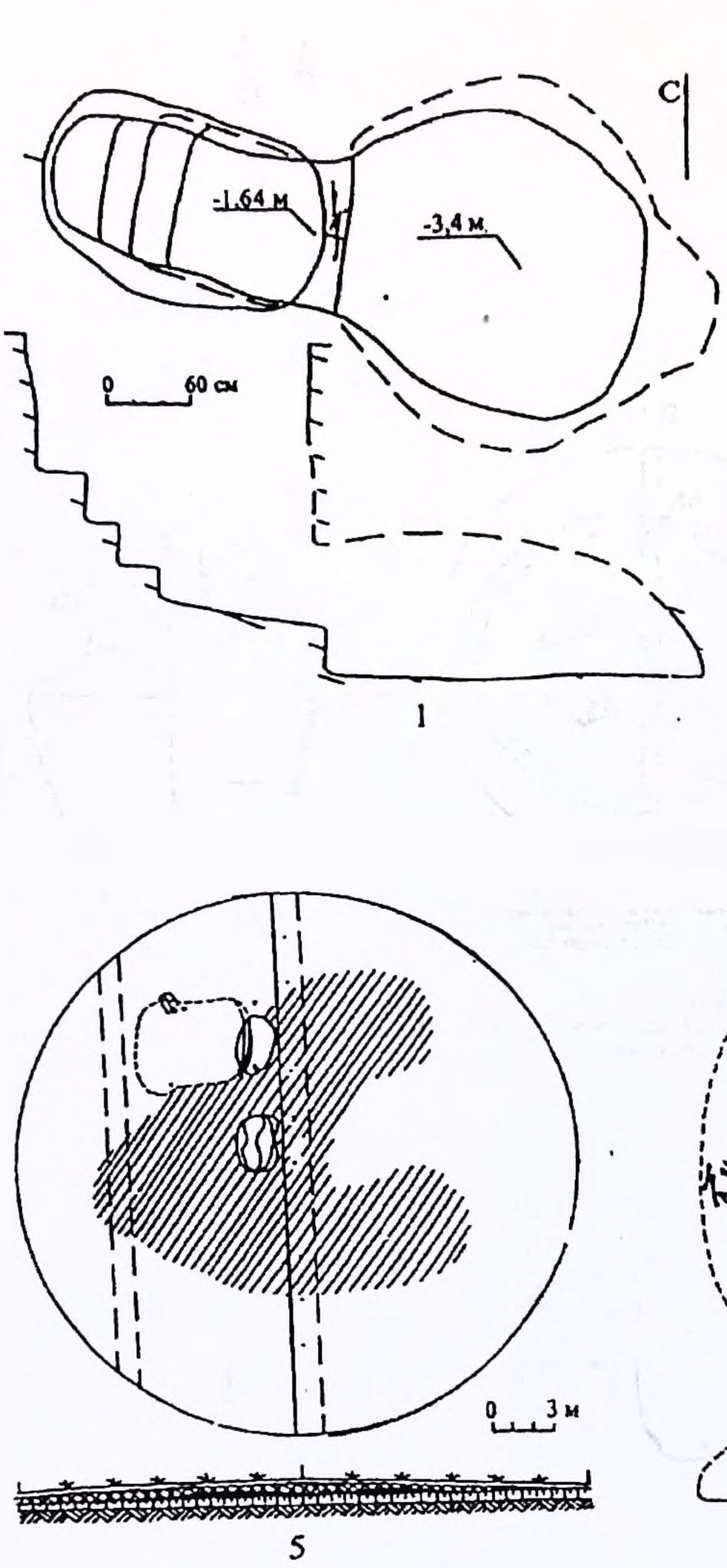


Рис.7. Высочино-V, к.12,27. *1* — план и разрез погребения из кургана 12; *2,3* — железные наконечники стрел из кургана 12; *4* — план погребения 2 кургана 12; *5* — общий план кургана 27; *6* — план и разрез погребения из кургана 27

(рис.6, *6*); в СВ секторе в заполнении рва найден бронзовый втульчатый трехгранный наконечник стрелы со следами древка во втулке. Длина 3,4 см, ширина 0,9 см (рис.6, *3*).

Кости животных встречались во всех отрезках ровиков — это кости лошади, четырех баранов и двух собак.

Погребение 1. Совершено в катакомбе в центре кургана на глубине 3,4 м. Входной колодец прямоугольной формы со скругленными углами (1х2 м). Ориентирован ВЮВ-ЗСЗ. Дно колодца ступеньками понижается ко входу в камеру. Камера овальной формы, ориентирована перпендикулярно колодцу (рис.7, *1*). Погребение ограблено, в заполнении встречены 2 фаланги, пяточная кость и несколько рёбер взрослого человека и остатки погребального инвентаря: 23 шт. железных трехлопастных втульчатых наконечников стрел, спекшихся вместе, длина 3,4 см, ширина 0,8 см, длина втулки до 1,5 см (рис.7, *2*); двухлопастной железный втульчатый наконечник стрелы, длина 3,5 см, ширина 1,0 см, длина втулки 2,3 см (рис.7, *3*); обломок плитки песчаника.

Погребение 2. Обнаружено в южной части восточного отрезка ровика. Глубина 1,66 м. Скелет взрослого человека лежал скорчено на правом боку, завалившись вперед, ориентирован черепом к ССВ, кисти перед лицом, пятки у таза. Под скелетом прослойка чернозема до 10 см.

По амфоре в тризне кургана комплекс может датироваться последней четвертью — концом IV в. до н.э.

Курган 27. Находился в 150 м к СВ от кургана 26. Высота насыпи 0,5 м, диаметр насыпи 25 м (рис.7, *5*). Курган насыпан в конце IV-III в. до н.э. Глинистый выкид уложен широким полукольцом с серединой в

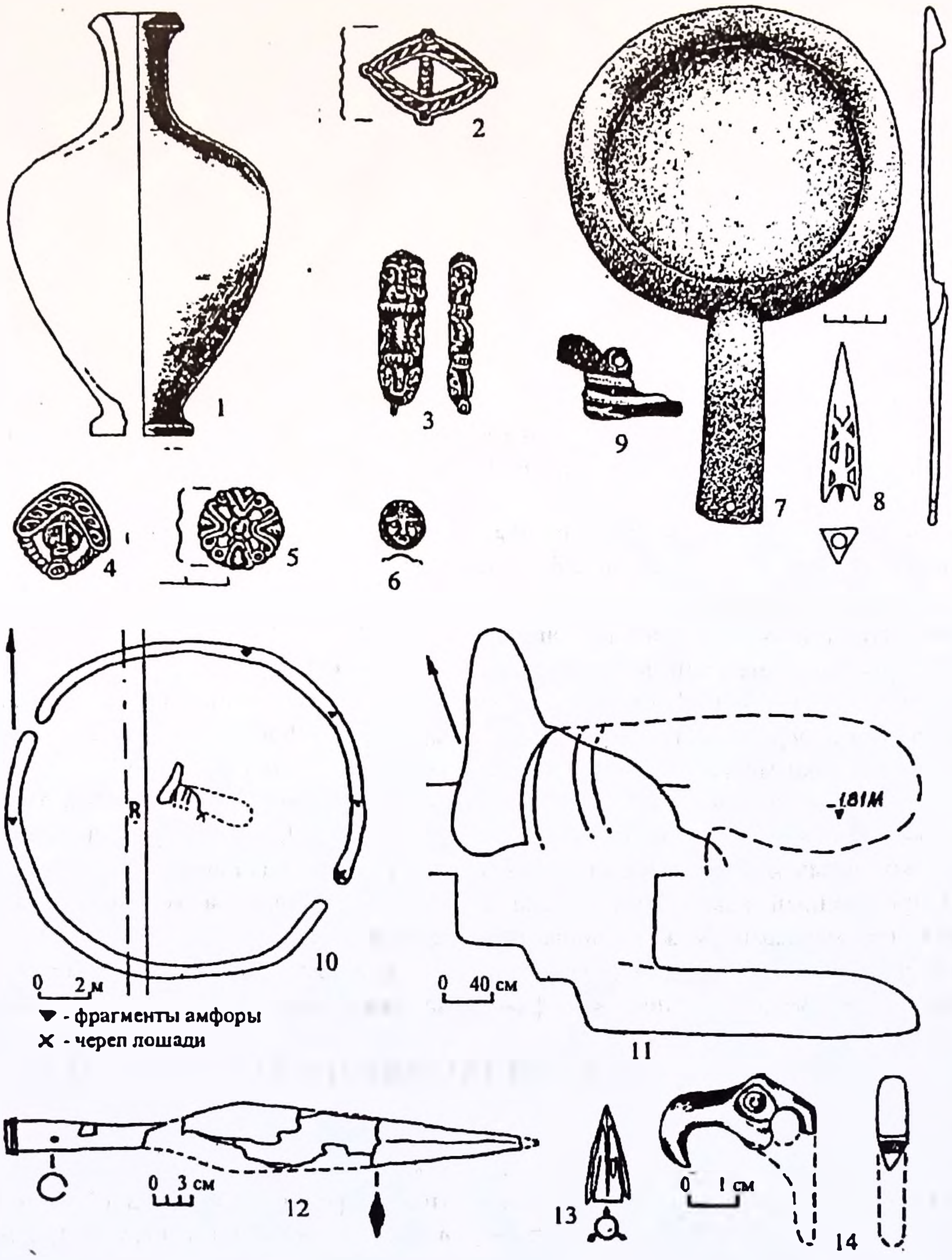


Рис.8. Высочино-V, к.27 (*1-9*), Новониколаевка, к.6 (*10-14*). *1* — флакон из кургана 27; *2-6* — золотые бляшки; *7* — бронзовое зеркало; *8* — бронзовый наконечник; *9* — стеклянная подвеска; *10* — общий план кургана 6 у с.Новониколаевка; *11* — план и разрез погребения 2; *12* — железный наконечник копья; *13* — бронзовый наконечник стрелы; *14* — бронзовый наносник

противоположном направлении от погребения. Геометрический центр кургана совпал с центром выкида. Погребение оказалось в северной поле кургана. В насыпи зафиксированы несколько ситуаций: на уровне древнего горизонта встречены фрагменты красноглиняного гончарного сосуда на кольцевом поддоне; фрагмент крупного лепного сосуда. По краю венчика косые насечки. Тесто грубое с примесью шамота и следами выгоревшей органики.

Погребение 2. Основное, скифского времени, совершено в катакомбе. Входной колодец овальной формы (1,4х2,6 м) ориентирован по линии С-Ю. Дно колодца плавно понижается к западной стенке, у стены ступенька высотой 0,8 м у дромоса вторая ступенька высотой 0,4 м. Камера ориентирована длинной осью З-В (4,7х4,4 м). Предполагается существование большого дромоса (2,8х3,9) и камеры, ориентированной по оси С-Ю (рис.7, *6*). Погребение ограблено.

Погребенная — взрослая женщина, вероятное положение определяется как вытянутое с ориентировкой головой на юг. Впрочем, возможна и иная трактовка положения погребенной. Под северной стенкой остались не потревоженные грабителями два бронзовых котла. Под южной стенкой находилось in situ бронзовое зеркало с широким валиком по краю и боковой ручкой. Диаметр диска 16 см, ширина валика 2 см, длина ручки 9,5 см (рис.8, *7*). Зеркало не находит точных аналогий. Рядом с зеркалом лежали три семигранных шара из черного оникса с наклеенными пластинами из молочного халцедона, поверх них пластины из

красного сердолика. На зеркале лежали следующие предметы: бочонковидная, поперечно вытянутая, бородавчатая бусина из египетского фаянса, покрытая бирюзовой глазурью; золотая трубчатая подвеска с проволочным ушком, длина 2 см.

Остальные находки встречены в заполнении: полая золотая подвеска каплевидной формы, (рис.8, *2*); пять аналогичных бляшек меньших размеров; две антропоморфные золотые накладки (рис.8, *3*); двенадцать золотых нашивных бляшек в виде четырех лепестковых розеток, лепестки образованы завитками бараньих рогов (рис.8, *5*). Этот мотив не встречается среди собственно скифских бляшек и характерен для сарматского искусства. Мы найдем его на фаларах из кургана II в. до н.э. у хут.Верхнего, Динского района Краснодарского края. Также в заполнении найдены: 12 нашивных бляшек в виде личин с головным убором (рис.8, *4*); 4 полусферические бляшки с припаянными петельками; 6 круглых бляшек личин (рис.8, *6*); 9 золотых бляшек в виде лежащей фигуры льва. Аналогии последним см.: (The treasures...,1991, с.73, рис.47). Далее — золотая обкладка горизонтальной деревянной ручки; остатки золотой прошивки обкладки миски; обломок золотой накладки на миску в виде головы птицы; 8 золотых гвоздиков двух видов: кованных и скрученных из фольги; 2 бронзовых литых колокольчика; бронзовый пирамидальный трехгранный наконечник стрелы с крестообразными перемычками между лопастями (рис.8, *8*); фрагмент железного ножа; 27 коротких костяных пластинок; обломок миски из египетского фаянса покрытой бирюзовой глазурью; фрагмент алебастрового сосуда; крупная круглая бусина; подвеска из глухого черного стекла в виде птицы (рис.8, *9*), аналогичная подвеска происходит из Херсонеса, тип 471 по классификации Е.М.Алексеевой (Алексеева Е.М., 1982, табл.47, *35*); 120 бисерин из желтого, зеленого и черного стекла; бусы из глухого стекла яйцевидной формы; обломок пронизи из коралла; бочонковидная бусина из египетского фаянса; красноглиняный флакон с туловом яйцевидной формы, высота — 10,5 см, наибольший диаметр — 6 см (рис.8, *1*). Этот флакон относится ко II типу по М.Парович-Пешикан (1974, с.109,110, рис.93, *6*). Датируется он концом IV — началом III в. до н.э. Наиболее близкий экземпляр найден в Ольвии в могиле 85/1901 г. Дата этого погребения надежно устанавливается в рамках начала III в. до н.э. Ещё один подобный флакон был обнаружен А.А.Миллером в кургане 4 Елизаветовского могильника в 1908 г. (Миллер А.А., 1910, рис.5, *17*). Флакон датирован И.Б.Брашинским концом IV — началом III в. до н.э. (Брашинский И.Б., 1980. Каталог № 226). По мнению Л.Форти, этот тип флаконов-лакримариев появляется в последних десятилетиях IV в. до н.э. и распространяется в начале III в до н.э. (Forti L., 1963, p.9,10, tabl.VI, *1-3,5*). Фрагменты камней и железа; на дне колодца находился крупный серолощеный сосуд; кости животных: нескольких лошадей, барана и 2-х зайцев.

Дата комплекса устанавливается по флакону в рамках последних десятилетий IV — начала III в. до н.э.

НОВОНИКОЛАЕВКА, 1990 (РАСКОПКИ Е.В.КОЗЮМЕНКО)

Курган 6, погребение 2. Комплекс был опубликован И.Н.Парусимовым (1999, с.55,56, рис.14). В кургане бронзового века в восточной части Доно-Кагальницкого водораздела обнаружено впускное ограбленное погребение в катакомбе (рис.8, *10*). Погребение разрушено позднейшей сарматской могильной ямой, ограблено и предметы из разных погребений обнаружены в заполнении и у дна сарматской ямы. К скифскому времени относится лавролистый наконечник копья (рис.8, *12*), бронзовый трехлопастный базисный наконечник стрелы (рис.8, *13*), наносник в виде головы хищной птицы (рис.8, *14*).

Вокруг погребения был выкопан ровик с двумя перемычками. В заполнении рва встречены фрагменты амфорной керамики, среди которых находилась так называемая кубаревидная ножка, аналогичная по типу амфорам из кургана 12 группы Высочино V и амфоре из кургана у г.Азова (раскопки Г.С.Бейсова 1980 г.). Курган 12 по херсонесской амфоре с клеймом Батилла датируется 325-315 гг. до н.э. Есть основания полагать, что и новониколаевский комплекс может быть датирован последней четвертью-концом IV в. до н.э. Хронологические наблюдения подтверждает близость формы наконечников копий в рассматриваемом комплексе и комплексе из кургана у г.Азова (Максименко В.Е., 1983, рис.27, *8*).

КРАСНОЕ ЗНАМЯ, 1983, ГР. КОЛДЫРИ (РАСКОПКИ Е.И.БЕСПАЛОГО)[2]

Курган 25. Находился на второй надпойменной террасе левого берега р.Маныч. Высота насыпи 0,4 м, диаметр около 25 м. Курган возведен в IV в. до н.э. над п.2 в яме овальной формы, ориентированной по линии СЗ-ЮВ и погребением 3 подбойной конструкции, ориентированном З-В. Могильные ямы погребений 2 и 3 перекрывало погребение 1 в катакомбе. Курган был окружен ровиком. В насыпи встречены фрагменты нижней части херсонесской и гераклейской амфоры (рис.9, *2,3*).

Погребение 1. Входной колодец представлял из себя яму овальной формы, размерами 0,74х1,5 м. Яма ориентирована по линии ССВ-ЮЮЗ. Вход в камеру находился в восточной стенке. Вдоль западной проходили две широкие ступеньки. Ещё одной ступенькой заканчивалось дно небольшого дромоса. Погребальная камера овальной фурмы (размером 1,7х2,6 м), ориентирована по оси СВ-ЮЗ. На дне камеры в «атакующей» позе на спине, головою на Ю-З лежал скелет взрослого

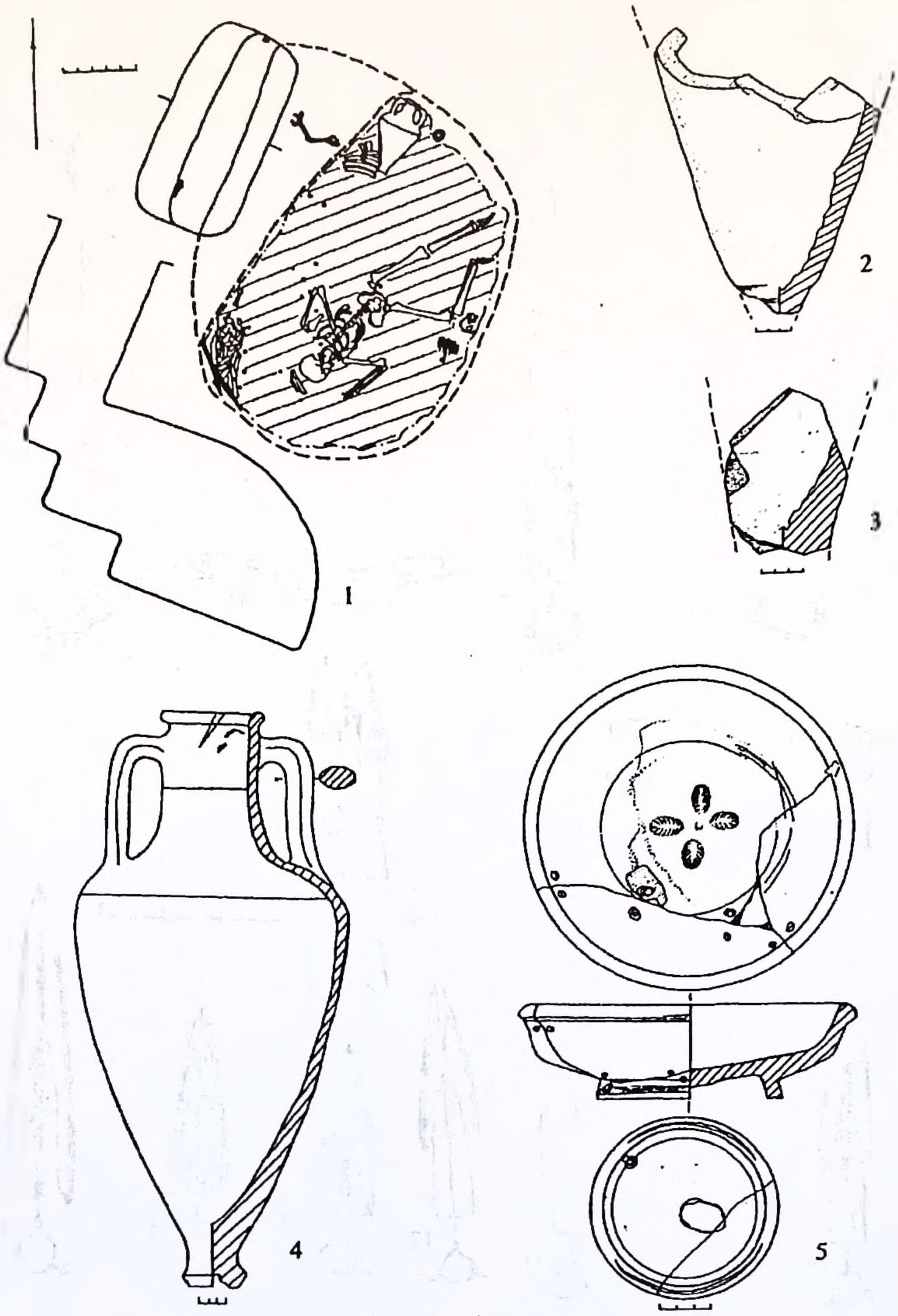


Рис.9. Пос.Красное Знамя, гр.Колдыри, к.25. *1* — план и разрез погребения; *2,3* — фрагменты амфор; *4* — херсонесская амфора; *5* — чернолаковая мисочка

мужчины. Руки согнуты в локтях: кисть левой — на груди, кисть правой — справа у черепа. Правая нога слабо согнута в коленном суставе (рис.9, *1*).

В заполнении входного колодца, на ступеньках обнаружены: нижние части ног лошади в сочленении с копытами; железные удила (рис.10, *5*) с плохо сохранившимися изогнутыми железными псалиями, с шишечками на концах; ребра животного и железный налобник. В северном углу лежала херсонесская амфора (рис.9, *4*) и железное кольцо. В юго-западной части погребения находились в беспорядочном положении железные шаровидные пронизки-обоймы кистей чепрака. У таза находилась стеклянная полосчатая бусина кубической формы (рис.10, *7*). В полуметре к западу от левого локтевого сустава лежал железный подток копья (рис.10, *3*). Железные наконечники копья и дротика с остатками древко обнаружены в юго-западном углу могильной ямы (рис.10, *1,2*). Здесь же, среди костей лошади, находился железный нож с горбатой спинкой. За черепом — чернолаковая мисочка (рис.9, *5*). Справа у коленного сустава — остатки колчана со 109 бронзовыми и железными наконечниками стрел (рис.10, *8-15*). Колчан был украшен в нижней части двумя бусинами (рис.10, *6*). Здесь же стоял лепной сосуд с обожженными песчаниковыми камнями и углями. В заполнении у стоп обнаружен рюмковидный подток дротика (рис.10, *4*).

Для датировки комплекса большой интерес представляет херсонесская амфора, относящаяся к типу IБ. Этот тип херсонесских амфор получает распространение в четвертой четверти IV в. и существует до конца III в. до н.э. (Монахов С.Ю., 1989, с.53-55). Чернолаковая миска ограничивает дату комплекса в пределах раннеэллинистического времени. Длительное использование предмета привело к существенной потертости внешней поверхности, миска была разбита и реконструирована при помощи скреп, продетых через отвер-

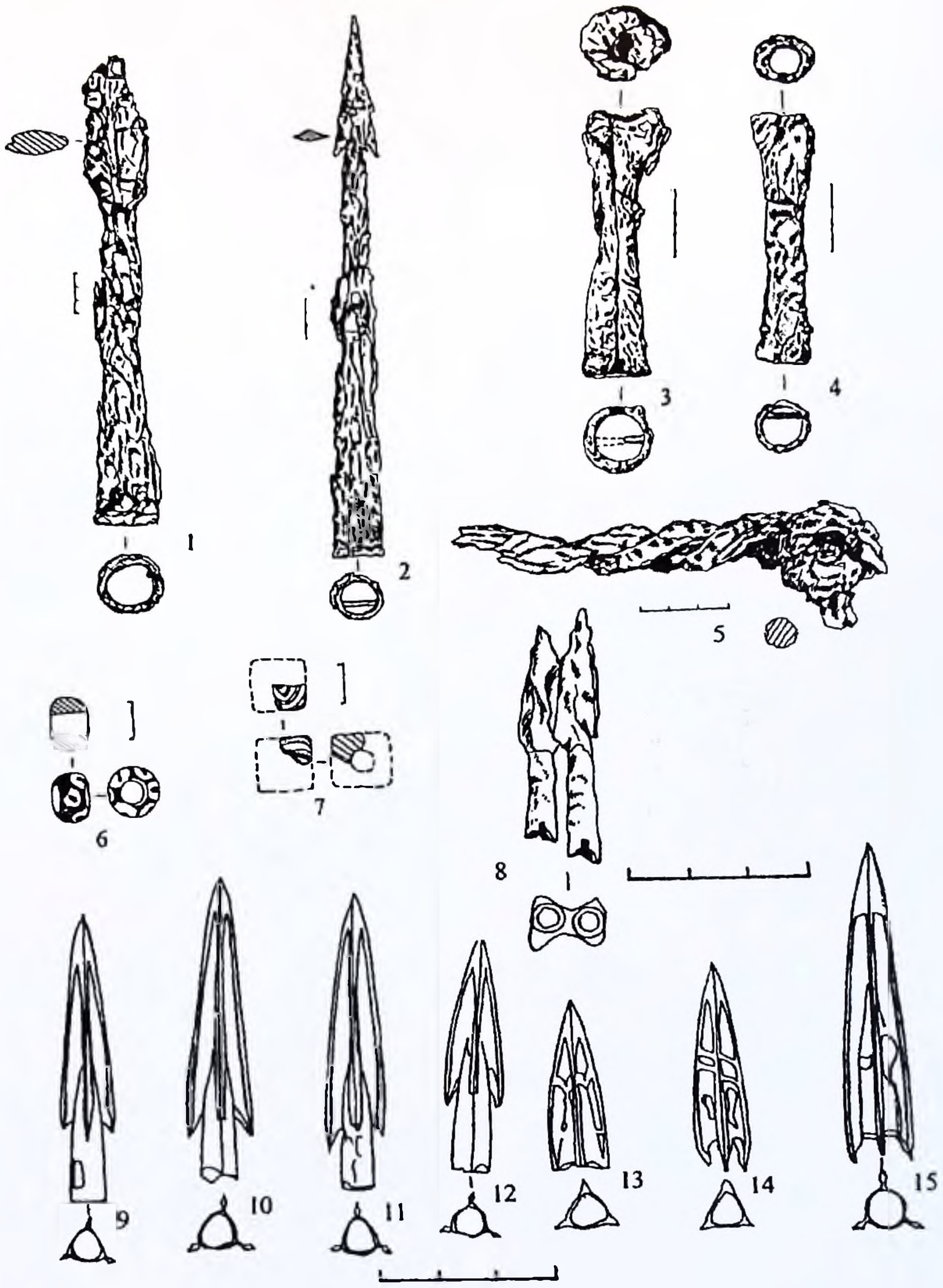


Рис.10. Пос.Красное Знамя, гр.Колдыри, к.25. *1* — железный наконечник копья; *2* — железный наконечник дротика; *3,4* — железные подтоки; *5* — железные удила; *6,7* — стеклянные бусы; *8* — железные наконечники стрел; *9-15* — бронзовые наконечники стрел

гия. Внутренняя поверхность покрыта лаком бурого цвета, на дне — четырехлепестковая пальметка (рис.9, *5*). Точная копия миски встречена в погребении 2 кургана 4 группы Страшной Могилы (Тереножкин А.И. и др., 1973, рис.30, *3*), датируемом IV в. до н.э. По-видимому, комплекс не выходит за рамки IV в. и может быть датирован по совокупности данных последней четвертью IV в. до н.э. Не противорсчит этому эллинистический характер украшений (бусы) и набор вооружения (наконечники копья, дротика и стрел).

Представленная группа погребений может быть дополнена ещё несколькими невыразительными комплексами, но, в целом, выборка представляется вполне репрезентативной. Погребения, несомненно, оставлены скифской группой. Индивидуальные насыпи, катакомбные сооружения, ровики и, наконец, предметы материальной культуры убеждают нас в этом. Пребывание скифов на донском левобережье не выглядит эпизодичным. Курганы составляют отдельные связанные между собой группы и позволяют говорить о длительном, в течение нескольких лет, присутствии оставившего их населения. В большинстве они основные в курганах, лишь в двух случаях погребения впущены в насыпи курганов более ранних эпох (одно такое погребение из группы Новоалександровка-II не включено в публикацию).

Важно отметить, что в тех случаях, когда материал погребального комплекса дает узкую дату, то время скифского присутствия на донском левобережье определяется в рамках последних десятилетий IV в. до н.э. Появление и исчезновение скифских погребений не может рассматриваться вне контекста истории Восточ-

ного Приазовья и, особенно, вне событий последнего этапа жизни Елизаветовского поселения. По мнению исследователей, IV в. до н.э. и, особенно, его вторая половина были временем экономического расцвета поселения (Брашинский И.Б., 1980, с.90). Торговые интересы варваров и Боспора привели к появлению боспорского выселка в дельте Дона (Марченко К.К., 1990, с.130-133). Период процветания неожиданно заканчивается запустением мелких поселений (Житников В.Г., 1994, с.191), а затем и Елизаветовского поселения и исходом его населения. Причины запустения поселения видятся во внешней угрозе со стороны восточных соседей (Виноградов Ю.А. и др., 1997, с.99). Затем на месте бывшего варварского поселка возникает боспорский эмпорий, разгромленный сарматами в 60-70-е гг. III в. до н.э. (Марченко К.К., 1990, с.137).

Время запустения варварского поселка определялось одними исследователями как самое начало III в. до н.э. (Житников В.Г., 1994, с.191; Марченко К.К., 1990, с.133), другими — как самый конец IV в. до н.э. (Копылов В.П. и др., 1991, с.32,33). В недавно вышедшей работе Н.Ф.Федосеева убедительно обоснована дата выведения боспорской колонии в дельту Дона — 305/304 г. до н.э. Исходя из анализа керамических клейм, разрыв между прекращением жизни на поселении и основанием колонии определен в 1-2 года (Федосеев Н.Ф., 1999, с.15), что позволяет датировать это событие временем около 307-306 гг. до н.э.

Как известно, в последнем десятилетии IV в. до н.э. разгорается борьба за боспорский престол (Диодор, XX, 22), в которой активное участие принимали скифы. Скифский контингент присутствует вместе с войсками Сатира в Прикубанье. Активизация скифской восточной политики в союзе с Боспором могла создать условия для появления в Задонье некой скифской кочевой группы. Противостояние сыновей Перисада закончилось установлением власти Эвмела, поддержанного враждебными скифам варварами. Политика Эвмела после восшествия на престол была направлена на ликвидацию оппозиции и установление гражданского мира в стране. Диодор указывает на активное покровительство Эвмела торговле, мореплаванию и на присоединение значительной части соседних варварских земель к Боспору. Появление боспорского эмпория в донской дельте в 305/304 г. соответствует политике Эвмела. Следует полагать, что скифо-боспорские отношения во время правления Эвмела оставляли желать лучшего. Ведь именно к скифскому царю Агару бежит Перисад сын Сатира.

Между варварами, населявшими Елизаветовское поселение на Дону, и Боспором существовали тесные партнерские взаимоотношения. Исход варваров с поселения в конце IV в. до н.э. нарушает логику предшествующего развития и, безусловно, связан с военно-политическим и династическим кризисом на Боспоре. Основание эмпория уже через год — два после прекращения жизни поселка было возможно лишь при наличии дружественных отношений с варварами-сарматами. После смерти Эвмела в 304/303 г. сыну его Спартоку удавалось поддерживать союзные отношения с сарматами и неукрепленная фактория в дельте продолжаст существовать.

Событийная линия, выстраиваемая на основе археологического материала, сопоставима с письменной версией Боспорской истории. Это обстоятельство позволяет уверенно утверждать, что появление скифских погребений на левом берегу Дона связано с активизацией скифской внешней политики в последних десятилетиях IV в. до н.э., а исчезновение скифских погребений в донском левобережье и запустение Елизаветовского поселка в самом конце этого столетия связано с последствиями военно-политического поражения скифов в ходе Боспорского династического конфликта.

Поражение скифской политики на Боспоре, Кубани и в Задонье имело ещё одно важное последствие. Это была первая победа сарматов и их союзников в борьбе со скифами, открывавшая новый этап во взаимоотношениях восточных и западных кочевников.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Пользуясь случаем, выражаю признательность А.С.Голенцову, определившему клеймо и сделавшему ряд важных замечаний по представленному материалу.

[2] Отдельные предметы из этого комплекса изданы в каталоге выставки в Токио, Киото, Фукиока в 1991 г. (The treasures of... 1991, фото 37-50).

ЛИТЕРАТУРА

Алексеева Е.М., 1982. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. Вып. Г1-12.

Беспалый Е.И., Парусимов И.Н., 1991. Комплексы переходного и раннескифского периодов на Нижнем Дону // СА. № 3.

Брашинский И.Б., 1980. Греческий керамический импорт на Нижнем Дону. Л.

Виноградов Ю.А., Марченко К.К., Рогов Е.Я., 1997. Сарматы и гибель «Великой Скифии» // ВДИ. № 3.

Головкова Н.Н., Лукьяшко С.И., 1980. Новые данные о херсонесском импорте на Нижнем Дону // Очерки древней этнической и экономической истории Нижнего Дона. Ростов-на-Дону.

Граков Б.Н., 1962. Скифские погребения на Никопольском курганном поле // МИА. № 115.

Житников В.Г., 1994. Боспорские колонии в низовьях Дона в первой трети III в. до н.э. // Вестник Танаиса. Ростов-на-Дону.

Кац В.И., 1994. Керамические клейма Херсонеса Таврического. Саратов.

Копылов В.П., 1990. Погребения раннескифского времени в устье Маныча // Историко-археологические исследования в г.Азове и на Нижнем Дону в 1989. Вып.9. Азов.

Копылов В.П., Васильев А.Д., 1991. Боспор и скифы дельты Дона (вторая половина IV - начало III в. до н.э.) // Вопросы археологии и истории Боспора. Воронеж-Белгород.

Кореняко В.А., Лукьяшко С.И., 1982. Новые материалы раннескифского времени на левобережье Нижнего Дона // СА. № 3.

Лукьяшко С.И., 1988. Этнические процессы на Нижнем Дону и Северо-Восточном Приазовье в VI-IV вв. до н.э. // Проблемы сарматской археологии и истории. Тезисы докладов. Азов.

Лукьяшко С.И., Максименко В.Е., 1990. Этнополитическая ситуация на Нижнем Дону и Северо-Восточном Приазовье в VI-V вв. до н.э. // Дон и Северный Кавказ в древности и средние века. Ростов-на-Дону.

Максименко В.Е., 1983. Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. Ростов-на-Дону.

Максименко В.Е., 1988. Сарматы на Дону // Донские древности. Вып.6. Азов.

Марченко И.И., 1966. Сираки Кубани. Краснодар.

Марченко К.К., 1990. Боспорские поселения на территории Елизаветовского городища на Дону // ВДИ. № 1.

Мелюкова А.И., 1975. Поселение и могильник скифского времени у села Николаевка. М.

Миллер А.А., 1910. Раскопки в районе древнего Танаиса // ИАК. № 35.

Мозолевский Б.Н., 1973. Скифские погребения у с.Нагорное близ г.Орджоникидзе на Днепропетровщине // Скифские древности. Киев.

Монахов С.Ю., 1989. Амфоры Херсонеса Таврического IV-II вв. до н.э. Саратов.

Паровић-Пешикан М., 1974. Некрополь Ольвии эллинистического времени. Киев.

Парусимов И.Н., 1999. Погребение скифского времени у с.Ново-Николаевка // Историко-археологические исследования в г.Азове и на Нижнем Дону в 1990 году. Вып.10. Азов.

Петренко В.Г., 1967. Правобережье Среднего Поднепровья в V — III вв. до н.э. // САИ. Вып. Д1-4.

Тереножкин А.И., Ильинская В.А., Черненко Е.В., Мозолевский Б.Н., 1973. Скифские курганы Никопольщины // Скифские древности. Киев.

Федосеев Н.Ф., 1999. Елизаветовское городище — Псоя — Танаис // Донская археология. № 3-4.

The treasures of nomadic tribes in south Russia, 1991. Tokyo.

Forti L., 1963. Gli unguentari del primo periodo ellenistico // Rendiconti dell' Academia di archeol.let. e bel. arti di Napoli, vol.XXXVII.

В.Е. МАКСИМЕНКО

НАСЕЛЕНИЕ МЕЖДУРЕЧЬЯ ДОНА И СЕВЕРСКОГО ДОНЦА В V-III ВВ. ДО Н.Э.

(САВРОМАТЫ, СИРМАТЫ, САРМАТЫ)

Среди вопросов, находившихся в центре внимания Б.Н.Гракова, был и вопрос, касающийся расселения племен эпохи раннего железного века на территории Восточной Европы (см., например: Граков Б.Н., 1947; 1953; 1971).

Не все его выводы и предположения принимались и принимаются безоговорочно, да и сам он умел считаться не только с мнением оппонентов, но и изменять свои взгляды под влиянием новых археологических материалов и исследовательских разработок (Мелюкова А.И., Яценко И.В., 1977, с.217,218).

Не останавливаясь подробно на взглядах Б.Н.Гракова по указанным проблемам, хотел бы особенно подчеркнуть одну из его важных мыслей, высказанную вместе с А.И.Мелюковой, о том, что культура и этнос не всегда равнозначны (Граков Б.Н., Мелюкова А.И., 1953, с.73). Такой подход имеет принципиально важное значение при решении проблемы, которая волнует не одно поколение исследователей, а именно: как соотнести этноним, четко фиксируемый по определенной территории письменной традицией (в данном случае античная традиция о савроматах и сирматах на донском Правобережье), с несоответствием той археологической культуре, которая по ряду признаков может принадлежать и другому этносу (в рассматриваемом нами случае — скифам или будинам).

Вопрос об этнической интерпретации археологических памятников V-III вв. до н.э. междуречья Дона, Северского Донца и реки Оскол[1] весьма дискуссионен, имеет давнюю историю и пока, на мой взгляд, далек от разрешения в силу ряда причин.

Во-первых, эта территория находилась на стыке нескольких этнических массивов — скифского, будино-гелонского и савромато-сирматского (позднее сарматского). Античная традиция, начиная с Геродота, рисует весьма неопределенную картину расселения этих племен, что дает возможность современным исследователям по-разному интерпретировать сообщения древних авторов и размещать по карте указанные племена, исходя из своих предположений .

Во-вторых (и это главное), археологические памятники на стыке Воронежской, Белгородской, Ростовской, Луганской (Украина) областей, в зонах степной и лесостепной изучены очень неравномерно. Памятники раннего железного века на юге Воронежской области и Белгородской исследованы лучше, нежели северные районы Ростовской области и Луганщина. Это, безусловно, не способствует выделению локальных групп археологических памятников в естественных географических границах и зонах вне современных административных делений.

Вряд ли кто будет оспаривать тот факт, что естественные (в данном случае речные) рубежи имели важное значение для установления границ проживания населения единой этнической или этнополитической группы, которая определяла границы своих владений именно по ним. Однако это вовсе не означает, что соседи обязательно должны были быть представителями другой этнической группы.

По существу, проблема этнической интерпретации памятников V-III вв. до н.э. сводится к двум основным вопросам: к какому этническому массиву относится данный район, — собственно скифскому, будино-гелонскому или савромато-сирматскому, и в какой степени сопоставимы этнонимы савроматы-сирматы-сарматы?

Изучению истории данного вопроса посвящена обширная литература. Достаточно обратиться к работам П.Д.Либерова (Либеров П.Д., 1969а, с.5-27; 1969б, с.27-40), К.Ф.Смирнова (Смирнов К.Ф., 1964; 1984), комментариям А.И.Доватура, Д.П.Каллистова и И.А.Шишовой к работе «Народы нашей страны в «Истории» Геродота» (1982, с.168-398).

В свое время и я имел возможность изложить свою точку зрения (Максименко В.Е., 1983; 1998). Однако, появившиеся в последнее время (1990-е гг.) новые археологические материалы и исследования вновь побудили меня высказать свое отношение к проблеме (Максименко В.Е., 1999, с.76,77)[2], поскольку в работах В.М.Клепикова и А.С.Скрипкина (1997, с.28-40), В.М.Клепикова (1999, с.62-95), А.П.Медведева (1999), А.А.Туаллагова (1999а, с.27-31; 1999б, с.11-15), А.В.Симоненко (1999), В.И.Гуляева (1999, с.43-45) эта тема приобрела новое звучание.

До недавнего времени большинство исследователей, включающих этот район в состав Геродотовой Скифии, считали, что памятники на этой территории являются собственно скифскими, тем более, что в материальной и духовной культуре населения степной и части лесостепной зон Восточной Европы очень много сходных элементов. В общих чертах, позиции приверженцев «скифской» принадлежности археологических памятников на данной территории можно обозначить

как желание отодвинуть восточную границу Скифии до всего степного правобережья Дона, включая и лесостепную зону. Использовав понятие «скифская культура» и не вдаваясь в детали, часть исследователей безоговорочно приняло это как синоним понятия «этнос», что, естественно, не верно. Отсюда повелась традиция считать все памятники степной и лесостепной зоны от Днепра до Дона скифскими (не только в политическом, но и в этническом смысле).

Думаю, что вопрос о некотором политическом единстве Скифии (но не позднее последней четверти IV в. до н.э.) вполне правомерен, в меньшей степени — территориальном, и совершенно неправомерно говорить об этническом единстве, о чем, собственно, писал Геродот и другие античные авторы.

В опубликованных тезисах доклада (Гуляев В.И., 1999, с.43-45) В.И.Гуляев изложил свое видение проблемы на этнокультурную принадлежность населения Среднего Дона в VI-IV вв. до н.э. Признавая сходство кочевнических комплексов так называемой среднедонской культуры с памятниками на рассматриваемой нами территории, он отметил, что носители этой культуры являются населением пришлым, не имеющим предшественников на данной территории, «неважно, пришли ли они из Левобережной украинской лесостепи или с Нижнего Дона» (разрядка моя — *В.М.*). Присоединяясь к точке зрения В.А.Ильинской и А.И.Тереножкина, В.И.Гуляев считает, что в степной и лесостепной зоне Северного Причерноморья между Дунаем и Доном в VII-IV вв. до н.э. существовало единое военно-политическое объединение — Европейская Скифия, где собственно скифы-иранцы занимали господствующее положение (Гуляев В.И., 1999, с.45).

С этим нельзя не согласиться, так как действительно, до развала скифской державы Атея после поражения в 339 г. до н.э. Европейская Скифия представляла собой мощное военно-политическое объединение. Но это было именно военно-политическое объединение, а не этническое. И на северных, и восточных границах Скифии жили народы, отличающиеся от собственно «скифов кочевников», «скифов царских» и т. д., о которых писал Геродот.

Если считать, что все кочевнические комплексы V-III вв. до н.э. междуречья Дона и Северского Донца являются памятниками «скифского типа», «скифоидными», близкими «скифской культуре», то такие определения вполне обоснованы и в правильности такого подхода не следует сомневаться.

Однако, это был этнический массив со своими особыми чертами материальной и духовной культуры и языковыми особенностями, что подчеркивают античные авторы. Эти обстоятельства позволили ряду современных исследователей усомниться в скифской этнической принадлежности этого населения.

Помимо скифов, еще несколько племен с конкретными этнонимами «претендуют» на роль насельников на указанной территории. Это будины (и гелоны, как часть будинов), савроматы и сирматы (с IV в. до н.э.). Все они явно носители археологической культуры скифского типа (скифоидной), но с ярко выраженными особенностями. Среднедонская культура явно отличается от собственно скифской степной и савроматской восточных регионов (по К.Ф.Смирнову), хотя ряд памятников V-III вв. до н.э. донского Правобережья степной зоны явно тяготеет к ней (Максименко В.Е., 1998, с.61,62).

Мнение о том, что будины занимали не только лесостепную, но и степную зону Подонья (по П.Д.Либерову), поддержки практически не получило и сторонников имеет мало. Попытки локализации будинов предпринимались скифологами неоднократно и присутствие их фиксировалось от пинских болот до Заволжья, Приуралья и даже на Кавказе (Доватур А.И. и др., 1982, с.352-356).

Финноугорская языковая принадлежность будинов, выдвинутая в свое время Ф.Брауном (Браун Ф., 1899, с.87) и поддержанная П.Д.Либеровым (Либеров П.Д., 1969а, с.37), также имеет мало последователей. Большинство ученых, начиная с М.И.Ростовцева (Ростовцев М.И., 1925, с.24,25), придерживаются мнения об их ираноязычности. Однако это вовсе не означает, что в лесостепи не проживали носители финноугорских языков, и будины, а также савроматы не испытывали их влияния.

Недавно А.П.Медведев, анализируя взгляды на проблему соотношения этнонимов «гелоны» и «будины» и размещения этих народов по данным археологии и античной традиции (Медведев А.П., 1999, с.129-145), дал свое видение проблемы. Склоняясь к точке зрения Б.Н.Гракова о том, что «земля будинов» — это обширная область Днепро-Донского междуречья, а среднее воронежское Подонье с его скифоидными памятниками — лишь восточная территория многочисленного народа будинов (Медведев А.П., 1999, с.138), А.П.Медведев считает, что «язык и этническая принадлежность будинов продолжает оставаться неизвестными» (Медведев А.П., 1999, с.143). С такой точкой зрения, вполне обоснованной, можно согласиться. Однако, следует отметить тот факт, что высказывания Геродота вовсе не свидетельствуют о том, что он «знает будинов лишь на Танаисе», как считает А.П.Медведев (1999, с.140). За Танаисом Геродот первый участок отводил савроматам (Геродот, IV.21)[3] и лишь за ними (выше, севернее — *В.М.*) помещал будинов. Нет сомнения в том, что Геродот плохо представлял себе верховья Танаиса и, как я уже отмечал (Максименко В.Е., 1983, с.126), в его время по Танаисом подразумевалось, скорее всего, лишь нижнее течение Дона и Северский Донец.

Далее, А.П.Медведев полагает, что среднедонские некрополи VI-V вв. до н.э. принадлежали ираноязычным гелонам, потомкам одной из групп расселившихся в восточноевропейской лесостепи «ранних» или «старших скифов» (Медведев А.П., 1999, с.141). С этим трудно согласиться, так как тогда придется при-

знать, что и памятники степной зоны междуречья Дона и Северского Донца, такие, как Шолоховский курган, Кащеёвский курган и курганы Сладковского могильника, синхронные воронежским и близкие им по многим параметрам, тоже являются гелонскими. Отмечу, что ни Геродот, ни современные авторы не фиксируют ни гелонов, ни будинов на Танаисе. Отсюда ясно, что их размещение на втором участке после савроматов (Геродот, IV,21) не дает возможности говорить о локализации последних на правобережье этой реки, в степной зоне, низовьях и среднем течении.

С локализацией савроматов к западу от Дона также не все однозначно. До недавнего времени скифологи, игнорируя мнение античных авторов, упорно фиксировали савроматов на донском Левобережье. Однако еще М.И.Ростовцев, анализируя античную традицию, помещал их в Подонье — Приазовье (Ростовцев М.И., с.33). Позднее К.Ф.Смирнов, частично признав идею М.И.Ростовцева, стал относить памятники VI-IV вв. до н.э. к западу от Дона до низовьев к савроматским (Смирнов К.Ф., 1964, с.163). М.Г.Мошкова считает, что ряд право- и левобережных комплексов IV в. до н.э. есть не что иное, как доказательство появления савроматов в том районе (Мошкова М.Г., 1977, с.209).

В настоящее время мало кто сомневается в присутствии савроматов к западу от Дона. Мне неоднократно приходилось высказывать подобную мысль (Максименко В.Е., 1983, с.65; 1998, с.68), но хочу еще раз подчеркнуть, что, на мой взгляд, это и есть геродотовы савроматы. В последних публикациях я осторожно отметил, что северной границей владений геродотовых савроматов могла быть часть лесостепной зоны Среднего Подонья. Под ними я подразумеваю ту группу кочевников, которые, удалившись от основного ядра у Меотиды (угла Меотиды, т.е. Таганрогского залива), поселились в 15 днях пути к северу (Геродот, IV, 116), а не савроматов-язаматов (по Эфору), которые отмечены непосредственно в низовьях Дона на Левобережье (Максименко В.Е., 1983, с.16). Удивляет то обстоятельство, что многие современные исследователи полагают, что савроматы по Геродоту поселились не к северу от угла Меотиды и Танаиса, а к югу и востоку (междуречье Дона и Нижней Волги).

Однако, на мой взгляд, это может быть совершенно другая группа савроматов, возможно, та, о которой говорил Диодор Сицилийский (II, 43), и к ней следует отнести памятники Аксеновского, Жутовского и ряда других могильников междуречья Дона и Нижней Волги.

Вероятнее всего, что савроматы, о которых сообщает Геродот, со временем усилились за счет притока населения из Задонья и составили ту группу населения, которая с IV в. до н.э. стала известна античным авторам под именем с и р м а т о в. Вторая группа савроматов (междуречья Дона и Нижней Волги) легла в основу будущего сиракского союза племен (Туаллагов А.А., 1999а, с.30), а третья (язаматы) — языгов. Это предположение, естественно, нуждается в серьезном подтверждении археологическими данными. Но и сейчас оно не кажется мне бездоказательным.

Этноним «сирматы» впервые упомянут псевдо-Скилаком (№ 68) и Эвдоксом Книдским (фр. Кн. I, 1) в IV в. до н.э. По псевдо-Скилаку (2-я половина IV в. до н.э.), «сирматы» (за скифами) народ и река Танаис, разграничивающая Азию и Европу. Как считал М.И.Ростовцев, его информатором мог быть человек, хорошо знающий восточные области Понта (Ростовцев М.И., 1925, с.24,25). Следующее сообщение сохранилось в трудах Стефана Византийского IV в. н.э. со ссылкой на Эвдокса Книдского, писавшего свое «Землеописание» в 60-е годы IV в. до н.э. «Сирматы — то же, что савроматы, как говорит Эвдокс в первой книге: «Вблизи Танаиса живут сирматы». (фр. кн.I, 1). О «сирматах» упоминает Плиний (VI, 48) в перечислении племен за Оксом (Амударьей).

Разбор и комментарии к этим упоминаниям мы находим у множества исследователей, как отечественных, так и зарубежных, и, надо признать, что большинство из них склоняется к мнению, что название «сирматы» не что иное, как неправильно понятое греками название «сарматы», ставшее господствующим к западу от Дона с IV-III вв. до н.э., с момента, когда племена новых номадов стали устанавливать господство в Скифии.

Тождество названий «сирматы» и «сарматы» признавал М.И.Ростовцев (1925, с.24,25) — это естественно решало вопрос о принадлежности сирматов к ираноязычным племенам, вопреки мнению других исследователей, в частности Ф.Брауна, который на основе лингвистического анализа пришел к выводу, что они (т.е. сирматы — *В.М.*) не могут совпадать с сарматами вообще, так как двойственность наименования сама по себе невероятна (Браун Ф., 1899, с.85). С другой стороны, он признавал, что «скорее они могли быть передовым отрядом сарматов в их движении на запад» (Браун Ф., 1899, с.86), но тут же отмечает, что сирматы не имели ничего общего ни с теми, ни с другими (скифами и сарматами), а составляли крайнюю часть финноязычных будинов (Браун Ф., 1899, с.87). Эту точку зрения в свое время активно поддерживал П.Д.Либеров (Либеров П.Д., 1969а, с.27-37), но сторонников он не нашел. Однако, «сирматская проблема» более многогранна, нежели выявление языковой принадлежности. Важен вопрос, откуда появились сирматы? По мнению А.А.Туаллагова, носители этнонима «сирматы» сформировались в дахо-массагетской среде и в большей степени связаны с этнонимом сираки (Туаллагов А.А., 1999а, с.30). Эту точку зрения он подкрепил в своей новой статье «Сирматы и сираки» (Туаллагов А.А., 1999б, с.11-15).

Отмечу, что Ю.М.Десятчиков (1974, с.9,10) считал сарматов-сирматов носителями прохоровской культуры и выходцами из заволжско — оренбургских степей (даи — дахи, родственные парнам).

Ф.В.Шелов-Коведяев полагает, что сообщение псевдо-Скилака о сирматах есть ни что иное, как свидетель-

ство о переходе в начале 2-й половины IV в. до н.э. сарматов через Дон (Шелов-Коведяев Ф.В., 1988, с.466).

К.Ф.Смирнов в своей последней работе «Сарматы и установление их политического господства в Скифии», обобщая все свои выводы по данному вопросу, писал: «Сирматы «Европы» — западные племена савромато-сарматского мира, жившие на правобережье Дона и в северном Приазовье», и далее: «Сирматы западных районов Дона и Приазовья — это прежде всего западные савроматы на последней ступени их развития, то есть до полного поглощения их новыми союзами ираноязычных кочевников, пришедших из приуральских и приаральских степей» (Смирнов К.Ф., 1984, с.40).

А.В.Симоненко полагает, что с и р м а т ы — это одна их групп поздних савроматов, обитавших по обоим берегам Танаиса (Симоненко О.В., 1999, с.22,23), а с а р м а т ы — более поздняя группа кочевников, появившихся в междуречье Дона и Днепра не раннее II в. до н.э. (Симоненко О.В., 1999, с.25). Археологические реалии подтверждают это (Максименко В.Е., 1998, с.79).

Д.С.Мачинский, подробно проанализировавший античную традицию, считает, что «сирматы» есть искаженное название сарматов (отличное от савроматов), «которые вместе с некоторыми савроматскими и меотскими племенами продолжили движение на запад, заняв в конце IV-III вв. до н.э. восточную и центральную часть древней Скифии» (Мачинский Д.А., 1971, с.51). С этим мнением я вполне солидарен.

На мой взгляд, «сирматы», появившиеся на восточных границах Скифии в IV в. до н.э., есть не что иное, как сформировавшееся новое объединение геродотовых савроматов и пришедших из Задонья «потомков» народа «сайрима» Авесты (Смирнов К.Ф., 1964, с.5) или тех, которых античная традиция знала под именем исседонов (Мачинский Д.А., 1971, с.54). Пришельцы принесли с собой новый этноним «сирматы», который со временем трансформировался в термин «сарматы». Это объединение нанесло первый удар по Скифии. Термин «сарматы» формируется постепенно и именно к западу от Дона. К последним векам до н.э. и особенно в первые века н.э., с появлением новых этнополитических объединений, он становится собирательным. В новое объединение вошла часть прежнего савромато-сирматского населения (носители савроматской археологической культуры) и новые пришельцы, носители раннесарматской (прохоровской) культуры, которую называют собственно сарматской. Именно они нанесли окончательный удар по Скифии. Источники свидетельствуют даже о вторжении полчищ варваров-сарматов под стены Херсонеса уже в 1-й четверти III в. до н.э.

В общем массиве сарматов можно найти корни тех племен, которые восходят и к савроматской культуре VI-IV вв. до н.э. (язаматы, языги, сираки) и более поздней — прохоровской и среднесарматской (аорсы, роксоланы).

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Указанная территория представляет собой замкнутую географическую зону, ограниченную естественными водными преградами. С запада — это нижнее течение Северского Донца до впадения р.Оскол (наиболее крупного левого притока). С юго-востока — это часть нижнего течения реки Дон, с северо-востока среднего течения р.Дон и с севера район протекания не очень больших речек (Потудань, Девица и др., впадающих в Оскол). Практически северная зона отмеченного района до Воронежа — это граница степной и лесостепной зон.

[2] К сожалению, в тезисах доклада по техническим причинам допущена досадная ошибка, существенно меняющая смысл фразы. Следует на с.77 читать: «На основе среднедонской культуры (этническую принадлежность как будинской, вероятно, следует пересмотреть), в V-III вв. до н.э. сформировалось этническое объединение кочевников, явно генетических н е с в я з а н н ы х с этническим массивом племен прохоровской культуры».

[3] Ссылки на античных авторов даны по В.В.Латышеву — «Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе».

ЛИТЕРАТУРА

Браун Ф., 1899. Разыскания в области готославянских отношений. СПб.

Виноградов Ю.Г., 1997. Херсонесский декрет о «несении Диониса» IOSPE I² 343 и вторжение сарматов в Скифию // ВДИ. № 3.

Граков Б.Н., 1947. Скіфи. Київ.

Граков Б.Н., 1953. Основные культуры скифского времени в Причерноморье и лесостепной зоне // Доклады на VI научной конференции Института археологии АН УССР. Киев.

Граков Б.Н., 1971. Скифы. М.

Граков Б.Н., Мелюкова А.И., 1953. Об этнических и культурных различиях в степных и лесостепных областях Европейской частии СССР в скифское время // ВССА. М.

Гуляев В.И., 1999. Об этнокультурной принадлежности населения Среднего Дона в V-IV вв. до н.э. // Скифы Северного Причерноморья в VII-IV вв до н.э. (проблемы палеоэкологии, антропологии и археологии). Тез. докл. междунар. конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Б.Н.Гракова.М.

Десятчиков Ю.М., 1974. Процесс сарматизации Боспора // Автореф. дис... канд. ист. наук. М.

Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А., 1982. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М.

Клепиков В.М., 1999. Погребения IV века до н.э. и начало раннесарматской миграции в Нижнем Поволжье // Археология Волго-Уральского региона в эпоху раннего железного века и средневековья. Волгоград.

Клепиков В.М., Скрипкин А.С., 1997. Ранние сарматы в контексте исторических событий Восточной Европы // Сарматы и Скифия (Донские древности. Вып.5). Азов.

Либеров П.Д., 1969а. Савроматы ли сирматы? // Население среднего Дона в скифское время (МИА. № 151). М.

Либеров П.Д., 1969б. Проблема будинов и гелонов в свете новых археологических данных // Население среднего Дона в скифское время (МИА. № 151). М.

Максименко В.Е., 1983. Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. Ростов-на-Дону.

Максименко В.Е., 1998. Сарматы на Дону. Азов.

Максименко В.Е., 1999. Памятники междуречья Дона и Северского Донца V-III вв до н.э. и проблема их этнического определения // Скифы Северного Причерноморья в VII-IV вв. до н.э. (проблемы палеоэкологии, антропологии и археологии). Тез. докл. междунар. конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Б.Н.Гракова. М.

Мачинский Д.А., 1971. О времени первого активного выступления сарматов в Поднепровье по свидетельствам античных письменных источников // АСГЭ. Вып.13. Л.

Медведев А.П., 1999. Ранний железный век лесостепного Подонья. Археология и этнокультурная история. М.

Мелюкова А.И., Яценко И.В., 1977. Скифская проблематика в трудах Б.Н.Гракова // Б.Н. Граков. Ранний железный век. М.

Мошкова М.Г., 1977. К вопросу о сирматах // Скифы и сарматы. Киев.

Ростовцев М.И., 1918. Эллинство и иранство на юге России. Пг.

Ростовцев М.И., 1925. Скифия и Боспор. Пг.

Симоненко О.В., 1999. Сармати північного Причорномор'я. Хронологія, періодизація та етнополітична історія // Автореф. дис... доктора істор. наук. Київ.

Смирнов К.Ф., 1964. Савроматы. М.

Смирнов К.Ф., 1984. Сарматы и начало установления их политического господства в Скифии. М.

Туаллагов А.А., 1999а. Сирматы // НАВ. Вып.2.

Туаллагов А.А., 1999б. Сирматы и сираки // Древности Кубани. Вып.15. Краснодар.

Шелов-Коведяев Ф.В., 1988. Скилак Кариандский. «Перипл обитаемого моря» // ВДИ. № 1.

С.В.МАХОРТЫХ

ОБ АКТУАЛЬНЫХ ВОПРОСАХ РАННЕСКИФСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

К числу проблем, привлекающих сегодня внимание специалистов в области археологии раннего железного века, относятся: определение времени появления памятников с древнейшими вещами скифского типа на юге Восточной Европы; выделение составляющих скифскую культуру компонентов и изучение их генезиса; переход от предскифского к раннескифскому комплексу и т.д.

Каждая из этих тем может стать темой отдельной монографии, поэтому в статье ограниченного объема я остановлюсь лишь на популярной в последние годы точке зрения о неразличимости и тождественности культур киммерийцев и скифов (А.Ю.Алексеев, Н.К.Качалова, Д.С.Раевский и др.). Особенно активно эта гипотеза отстаивается в работах А.И.Иванчика, которые в связи с этим будут привлекать наше особое внимание[1].

Парадоксально, что в основе этой точки зрения лежат материалы не юга Восточной Европы — основной территории распространения вышеназванных культур, а, главным образом, две-три находки из Малой Азии (Имирлер, Норшун-тепе). Подобная ситуация представляется нам методически неверной. Во-первых, основными археологическими свидетельствами пребывания номадов на древнем Востоке являются бронзовые наконечники стрел. Однако, по ним невозможно получить достаточно полное представление о культуре киммерийцев или скифов. Общепризнанно, что основным источником изучения культур номадов Евразии являются погребальные памятники. В Малой Азии наиболее известны лишь вещи из грабительских раскопок у Имирлера, а также предположительно разрушенное погребение и кенотаф на поселении Норшун-тепе. К сожалению, они не содержат полноценных данных о погребальной обрядности и культурном комплексе, оставившего их населения.

Во-вторых, немногочисленность и фрагментарность памятников кочевнического облика на древнем Востоке свидетельствует об эпизодичности и непродолжительности их пребывания в этом регионе. Необходимо учитывать специфику археологических следов кочевнических походов в районы обитания оседлых цивилизаций. Вторжения групп кочевых всадников оставляют только единичные следы, которые могут быть зафиксированы методами археологии лишь с большим трудом, несмотря на размах этих вторжений и их важное историческое значение.

В-третьих, следует учитывать факт участия в переднеазиатских походах главным образом мобильных военных отрядов, которые не могут претендовать на отражение всего спектра кочевнического общества. Очевидно, не случайно Плутарх (Марий, XI), рассказывая о передвижении в Азию киммерийского вождя Лигдамиса, называет его «незначительной частью целого».

Четвертым важным фактором является интернациональный характер этих военизированных объединений, признаваемый практически всеми исследователями. В переднеазиатских походах участвовали представители разных народов, в том числе и местные кавказские племена. Как уже отмечалось, инвентарный комплекс захоронения из Норшун-тепе является смешанным (Махортых С.В., 1998, с.102). Более 60% в нем составляют урартские и закавказские изделия (кольчатые удила с витыми стержнями, бронзовая палочка-застежка, топор, наконечники копий). Имеются там и собственно киммерийские предметы, в частности, бронзовое кольцо с обломанной подвижной муфтой.

Однако, например, А.И.Иванчик почему-то считает наиболее ярким признаком этого комплекса бронзовые пронизи в виде головок грифо-баранов. Именно они и позволяют, по его выражению, **приписать** данный комплекс носителю раннескифской культуры (Иванчик А.И., 1994, с.155). При этом А.И.Иванчик даже и не задумывается о том, что присутствие в этом наборе довольно показательных вещей скифского (пронизи) и киммерийского (кольцо с муфтой) типов наглядно свидетельствует не о тожественности культур киммерийцев и скифов, а об их самобытности и невозможности отождествления друг с другом. Тот факт, что эти предметы встречены в одном погребении, не удивляет. Скифы и киммерийцы одновременно действовали на Древнем Востоке, иногда в одних и тех же районах. В результате их контакта мог образоваться комплекс вещей, включавший как скифские, так и киммерийские предметы. Следует отметить также точку зрения о существовании союзнических отношений между киммерийцами и скифами во время их пребывания на Древнем Востоке (Граков Б.Н., 1947, с.13; Артамонов М.И., 1950; Лесков А.М., 1981, с.108; Медведская И.Н., 1992, с.104).

А.И.Иванчик, отождествляя культуры киммерийцев и скифов, пытается даже выделить некий киммерийский вариант внутри «раннескифской» культуры, опираясь при этом на все те же находки из Норшун-тепе и Имирлера. В качестве индикаторов киммерийской культуры, по его мнению, выступают выявленные

в Малой Азии каменные гробницы и биметаллические чеканы (ошибочно называемые им клевцами). Наличие обоих этих признаков на территории Центрального Предкавказья (имеются в виду Краснознаменские курганы, а также внекомплексные находки чеканов из Перкальского могильника и Гунделена) позволяет А.И.Иванчику отнести к киммерийцам и эту предкавказскую группу памятников. На умозрительность и необоснованность этих предположений А.И.Иванчика справедливо указал С.Л.Дударев (Дударев С.Л., 1998, с.88-91).

Именно поэтому также неудачной представляется попытка А.И.Иванчика определить на основании находок биметаллических чеканов «прародину» киммерийцев, с которой они пришли через Кавказ в Переднюю Азию. В одной работе он помещает ее в Казахстане и Приуралье, а в другой — уже в Приаралье и Поволжье (Иванчик А.И., 1994, с.160; 1995, с.20).

Говоря о каменных склепах как индикаторах киммерийской культуры, А.И.Иванчик упускает из вида, что подобные погребальные сооружения были распространены не только в Центральном Предкавказье, но и в Закубанье, а также в Западной Азии, например, в Тепе Гуране. Интересно, что в последнем случае каменная гробница была выявлена на поселении, как в Норшун-тепе (Дударев С.Л., 1998, с.91). Выше уже отмечалось, что синкретический набор погребального инвентаря из Норшун-тепе не позволяет однозначно считать этот памятник киммерийским или скифским. Судя по имеющимся археологическим данным, у кочевников VII в. до н.э. не существовало традиции устраивать свои захоронения на поселениях оседлых культур, поэтому можно предполагать, что в Норшун-тепе мы имеем дело с номадами-наемниками, навсегда обосновавшимися в Малой Азии. Как известно, письменными источниками зафиксированы примеры совместных действий кочевников с различными политическими объединениями Древнего Востока (Манна, Фригия, Урарту и т.д.), а также наемные отряды номадов на ассирийской службе (SAA 4,1; SAA 4,18; SAA 6, 204 и др.).

Таким образом, если мы понимаем культуру как целостное явление, охватывающее довольно широкий спектр погребальной обрядности и материального комплекса, то вопрос о тождественности культур киммерийцев и скифов не может решаться на материалах Древнего Востока, во-первых, из-за отсутствия там надежных источников, во-вторых, из-за локализации центров кочевнических объединений VIII-VII вв. до н.э. на территориях, располагавшихся к северу от Главного Кавказского хребта.

Важное значение для изучения истории номадов имеют клинописные источники, однако, нельзя их переоценивать. Например, некоторые авторы делают вывод, что, если в тех районах Анатолии, где найдены комплексы Норшун-тепе и Имирлер, аккадскими текстами зафиксированы киммерийцы, а скифы не упоминались на протяжении первых трех четвертей VII в. до н.э., то эти комплексы являются «чисто» киммерийскими (Алексеев А.Ю., Качалова Н.К., 1989, с.7,8; Медведская И.Н., 1992; Иванчик А.И., 1994, с.150,151).

К сожалению, исследователи не всегда учитывают особенности дошедшего до нас корпуса клинописных источников. Дело в том, что государственные архивы Ассирии сохранились в весьма лакунарном виде, не говоря уже о фрагментарности почти каждого документа. С другой стороны, ассирийские «анналы» и другие царские надписи, составлявшиеся с целью прославить царя, содержат лишь тенденциозно подобранные, отредактированные данные, и многие события не нашли здесь никакого отражения (Тохтасьев С.Р., 1993, с.92-94). В результате клинописные источники дают довольно фрагментарную картину истории пребывания номадов в Передней Азии, отражая лишь отдельные ее эпизоды. В связи с этим не упоминание в ассирийских источниках сведений о действиях скифов на территории Малой Азии в 670-630 гг. до н.э. не может служить надежным основанием для выделения киммерийского горизонта древностей в Малой Азии.

В настоящее время явно тенденциозный подход к интерпретации аккадских источников наметился в некоторых работах А.И.Иванчика. Привлекая их для подтверждения своей интерпретации исторических событий, он либо демонстрирует абсолютное доверие к клинописным текстам, как, например это было с вышеупомянутой «киммерийской» принадлежностью малоазийских памятников VII в. до н.э. (Имирлер, Норшун-тепе), либо наоборот, признает их скудными и двусмысленными (если они противоречат его точке зрения). В последнем случае показательна «более, чем сомнительная», по заявлению А.И.Иванчика, идея С.Л.Дударева о двух волнах вторжений киммерийцев в Переднюю Азию (Иванчик А.И., 1999, с.92). Заметим, однако, что эта идея, как, впрочем, и предположение самого А.И.Иванчика, основана на отсутствии упоминаний киммерийцев (а не скифов, как это было выше) в аккадских текстах между 714 и 679 гг. до н.э. При рассмотрении этой не понравившейся ему идеи А.И.Иванчиком овладевает чувство глубокого скептицизма, и он элементарно отмахивается от нее ссылками на «специфику клинописных источников и их лакунарность», добавляя при этом, что «киммерийцы могли просто не попасть в поле зрения составителей ассирийских текстов или не влиять на интересы Ассирии, а потому не упоминаться в текстах. Наконец, связанные с киммерийцами документы могли просто не сохраниться» (Иванчик А.И., 1999, с.92). На этих двух примерах (которые, к сожалению, не являются единственными) наглядно видно, что «методика» интерпретации клинописных документов одним и тем же автором может быть абсолютно произвольной.

В связи с вышеизложенным вряд ли оправдано возвращаться сегодня к «очень условной», по определению А.А.Иесена, идее о единстве культур киммерийцев и скифов, высказанной им при рассмотрении новочеркасских памятников Северного Кавказа (Иес-

сен А.А., 1953, с.130). Как известно, эта рабочая гипотеза базировалась на ограниченном и фрагментарном археологическом материале, зачастую не имеющем полевой документации. В настоящее время появился новый массовый материал, который не только дополнил отдельные комплексы, имевшиеся в распоряжении А.А.Иессена, но и позволил установить картину соотношения различных этно-культурных групп (киммерийцы, скифы, смешанные комплексы) на обширном пространстве степи и лесостепи от Днестра до Волги в IX-VII вв. до н.э.

Ниже я бы хотел кратко остановится на некоторых других важных вопросах, имеющих отношение к пребыванию на Древнем Востоке киммерийцев. Они получили тенденциозное и не соответствующее действительности толкование в ряде работ А.И.Иванчика, среди которых особенно выделяется его последняя статья в «Вестнике древней истории» (ВДИ), подводящая своеобразные итоги недавно прошедшей на страницах этого журнала дискуссии по киммерийской проблеме (Иванчик А.И., 1999)[2].

К числу дискуссионных проблем относится локализация страны Гамир, т.е. страны киммерийцев, упомянутой в донесении Ашшурицуа Саргону II (ABL 146). По мнению А.И.Иванчика, многие недоразумения объясняются тем, что исследователи, не специалисты в области ассириологии, неточно понимают сам термин «страна Гамир». Несомненно, что А.И.Иванчик относит себя к числу специалистов в этой научной области. Однако, именно в его работах присутствует путаница при локализации страны Гамир. За последние несколько лет А.И.Иванчик уже трижды (без каких-либо объяснений) менял свою точку зрения по этому вопросу. Так, в 1990 и 1993 гг. Гамир локализуется им к югу от Дарьяльского или Клухорского проходов, то есть в северной или западной Грузии (Иванчик А.И., 1990, с.19; Ivantchik A.I., 1993, с.53). В 1996 г. он размещает «страну Гамир» в Центральном Закавказье, в районе южной Грузии (Иванчик А.И., 1996, с.57). В 1994 и 1999 гг. Гамир перенесена в южное Закавказье на территории Северной Армении поблизости от крепостей Эребуни и Тейшебаини (Иванчик А.И., 1994, с.166; 1999, с.79). Любопытно, что в статье 1994 г. А.И.Иванчик приводит сразу две взаимоисключающие локализации страны Гамир, помещая ее вначале в северной Грузии, а пятью страницами ниже — в северной Армении (Иванчик А.И., 1994, с.161,166) Подобная неразбериха, помноженная на элементарное незнание А.И.Иванчиком географии кавказского региона[3], убедительно демонстрирует ограниченные возможности единичных и не вполне внятных аккадских документов для решения проблемы локализации страны Гамир независимо от того, чем пользоваться при их интерпретации: оригиналами или переводами, публикациями 1950-х или 1990-х гг.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что А.И.Иванчик локализует «страну киммерийцев» Гамир по соседству со страной Гурианния, которая, в свою очередь, отождествляется им с урартской областью Куриани, упомянутой в анналах Сардури II (Иванчик А.И., 1990, с.8). Следует подчеркнуть, что аналогичный подход использовался широким кругом авторов еще более 50 лет назад (Пиотровский Б.Б., 1944, с.295; Ельницкий Л.А., 1949, с.16; Меликишвили Г.А., 1959, с.222). Отсутствие у А.И.Иванчика ссылок на работы своих предшественников может объясняться либо тем, что они ему не знакомы, либо таким способом А.И.Иванчик пытается «подчеркнуть» свой вклад в изучение киммерийской проблемы, что, по меньшей мере, является некорректным.

Несколько лет назад мной было обращено внимание на то, что местонахождение и статус многих областей или стран, упоминаемых в ассиро-вавилонских клинописных источниках, остается еще не вполне ясным (Махортых С.В., 1994, с.18). В связи с этим обращает на себя внимание последняя из предложенных А.И.Иванчиком интерпретаций термина «страна Гамир». Он считает, что это «не более, чем этноним, снабженный детерминативом страны» или «не настоящий стабильный топоним, а просто район, занятый киммерийцами» (Иванчик А.И., 1999, с.79). Данная противоречивая интерпретация не способствует решению проблемы локализации этой области, что опять же свидетельствует о бесперспективности поиска ответа на этот вопрос в имеющихся аккадских текстах, и в первую очередь, из-за фрагментарности этих источников. На основании клинописных текстов сегодня, к сожалению, невозможно предложить убедительную локализацию этой области ни в Закавказье, ни в районе оз.Урмия. В этой ситуации особую ценность приобрело бы привлечение для решения этого вопроса дополнительных и независимых источников, например, археологических данных. Однако, на настоящий момент приходится констатировать, что археологическим подтверждением гипотеза о локализации страны Гамир к югу от Главного Кавказского хребта не располагает (Грантовский Э.А. и др., 1997, с.76).

Пока же, до определения реального и корректного содержания «кочевнических терминов» типа kur Ga-mir(ra), kur Gi-mir-ra-a-a в древневосточных текстах, следует, видимо, временно отказаться от использования названий «страна Гамир» или «страна Киммерийцев» применительно к областям, лежащим к югу от Главного Кавказского хребта. Конкретная же «страна киммерийцев», занимаемая этим народом и предположительно соотносимая со страной «Киммерией», упомянутой Геродотом, наиболее убедительно локализуется на Северном Кавказе.

В явно прослеживаемом стремлении любой ценой обосновать свою исключительность в толковании аккадских текстов о киммерийцах А.И.Иванчик не останавливается и перед прямой фальсификацией точек зрения своих оппонентов. Ниже лишь один из этих примеров я проиллюстрирую выдержками из текста оригинала своей статьи и сопровождающими их комментариями А.И.Иванчика.

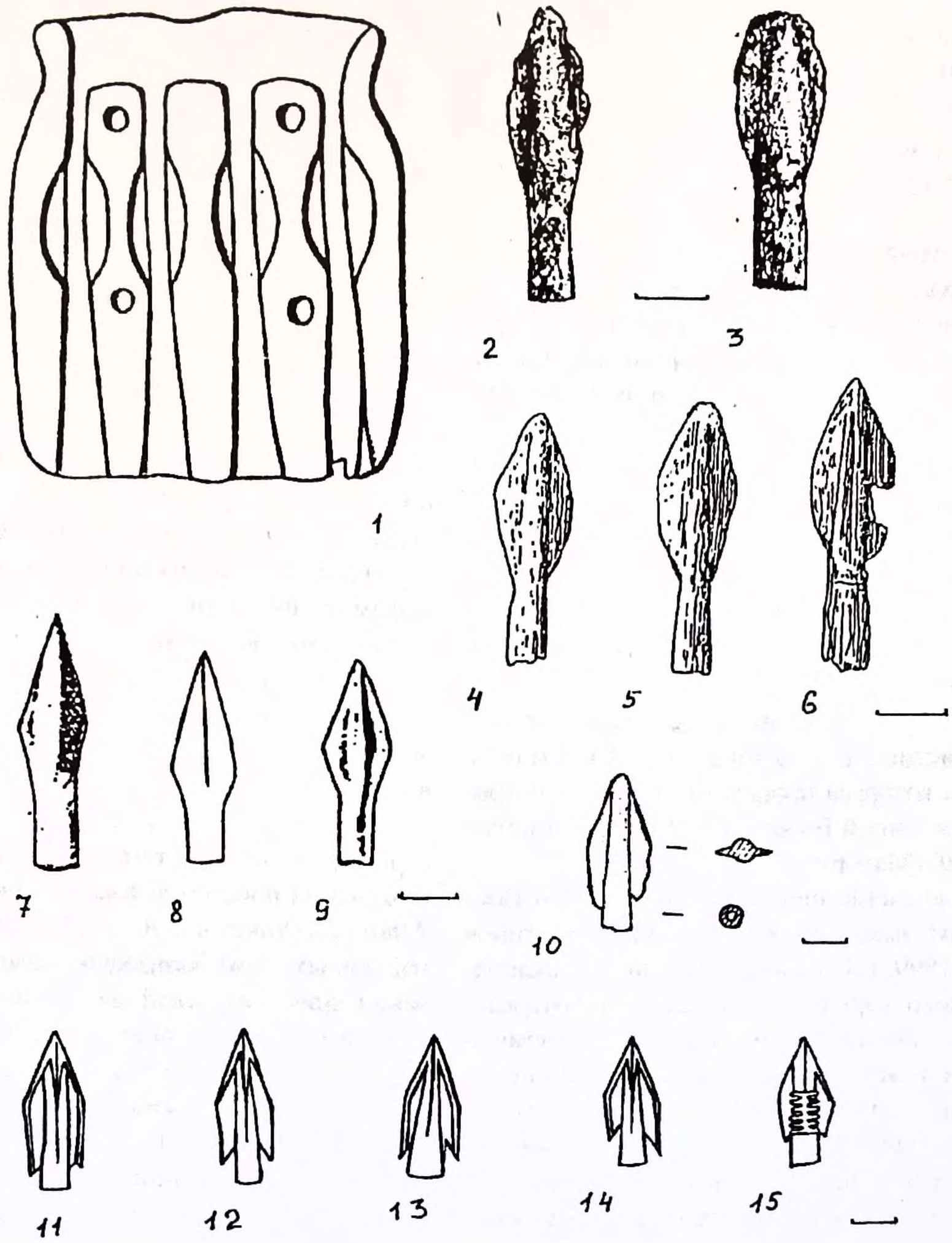


Рис.1. Литейная форма и бронзовые наконечники стрел. *1* — Новочеркасский клад; *2,3* — Гордион; *4-6* — Некрасовский курган; *7* — Белоградец; *8* — Амлаш, п.9; *9* — Носачевский курган; *10* — Каман-Калегуюк; *11-15* — Высокая могила, п.5

Так, к примеру, А.И.Иванчик пишет: «Не выдерживает критики предположение С.В.Махортых, что развитие коневодства в Манне объясняется пребыванием там части киммерийцев. В действительности коневодство в этом регионе было развито независимо от евразийских номадов и до их появления в регионе» (Иванчик А.И., 1999, с.89). Ниже приводится текст оригинала (со ссылками), который показывает абсурдность приписываемой мне А.И.Иванчиком точки зрения.

«В тоже время, нельзя забывать и о заинтересованности самих ранних кочевников в этом удобном для них районе Ирана, на что уже обращалось внимание в литературе (Мурзин, 1990). Необходимо только добавить, что начало его освоения было связано с киммерийцами, которые оценили стратегические и экономические возможности данного региона уже во второй половине VIII в. до н.э. С экономической точки зрения, важным является то обстоятельство, что в области оз.Урмия находились районы, жители которых отличались умением разводить лошадей (Кашкай, 1977). В ассирийских источниках при перечислении дани с приурмийских областей лошадь ставилась на первое место. Поселение Аниаштания на границе областей Суби и Сангибуту Саргон II называет «домом табунов». Особо следует выделить сообщение о том, что маннейский царь преподносит Саргону «упряжных коней вместе с их снаряжением» (Махортых С.В., 1998, с.98; ср.: Махортых С.В., 1994, с.21). Вынужден извиниться перед читателем за цитирование столь длинного отрывка, но другого способа продемонстрировать несостоятельность «критического метода» А.И.Иванчика я просто не вижу.

К сожалению, подобные примеры фальсификации целого ряда положений моей статьи не являются единичными в работе А.И.Иванчика (см.: Иванчик А.И., 1999, с.79, 89-91), однако, в силу ограниченного объема данной статьи, да и самой абсурдности искусственно созданной ситуации «дискуссионности», я не счи-

таю необходимым более останавливаться на этом вопросе[4]. Убедившись в том, что А.И.Иванчик не в состоянии адекватно изложить чужую точку зрения, уже не удивляешься приводившимся выше примерам тенденциозной интерпретации этим автором аккадских текстов.

Вклад А.И.Иванчика в изучении киммерийской проблемы не ограничивается анализом клинописных источников. В последнее годы он активно включился в изучение археологической культуры киммерийцев, однако, конкретные результаты, о чем отчасти уже упоминалось ранее, к сожалению, разочаровывают.

Как известно, к числу наиболее массовых следов пребывания номадов на древнем Востоке относятся многочисленные наконечники стрел с втульчатой формой насада, появление которых здесь связано с евразийским ареалом (Медведская И.Н., 1980). В начале 1990-х гг. мной была предпринята попытка выделить среди этих находок наконечники стрел предскифских типов. В качестве примера приводились два опубликованных трехлопастных наконечника из п.9 в Амлаше (Иран), аналогии которым происходят из таких погребений на юге Восточной Европы как Носачев и Белоградец (рис.1, *7-9*) (Махортых С.В., 1994, с.22).

Однако, А.И.Иванчик пишет, что на Древнем Востоке отсутствуют наконечники предскифских типов (Иванчик А.И., 1999, с.91). По его мнению, трехлопастные наконечники стрел, находимые в новочеркасских комплексах, имеют совершенно иную форму и несопоставимы с наконечниками из Ирана. Необходимо отметить, что, если филолог А.И.Иванчик не видит сходства между вышеназванными наконечниками, это не значит, что его нет на самом деле. Трехлопастные наконечники стрел из Амлаша и их причерноморские аналоги относятся к одному типу, сближаясь между собой общими пропорциями, ромбовидной формой головки и довольно длинной, выступающей втулкой без шипа. Верхняя часть этой втулки практически не выделена. Следует напомнить, что находки трехлопастных наконечников стрел из Носачева датируются VIII-VII вв. до н.э. и принадлежат к числу древнейших стрел этого типа на юге Восточной Европы. Именно они позволяют предполагать, откуда и каким населением подобные наконечники могли быть принесены в Переднюю Азию.

А.И.Иванчик считает, что трехлопастные наконечники из Амлаша не являются редкими в регионе, а принадлежат к типу, широко распространенному в Иране со второй половины VII в. до н.э. Однако, по данным И.Н.Медведской в Иране первой половины I тыс. до н.э., включая V в. до н.э., находки втульчатых трехлопастных наконечников стрел известны всего в восьми пунктах, причем в шести случаях их количество варьирует от 1 до 3 (Медведская И.Н., 1980, с.30-32). Эти факты не позволяют говорить об их широком распространении в регионе в эпоху скифской архаики.

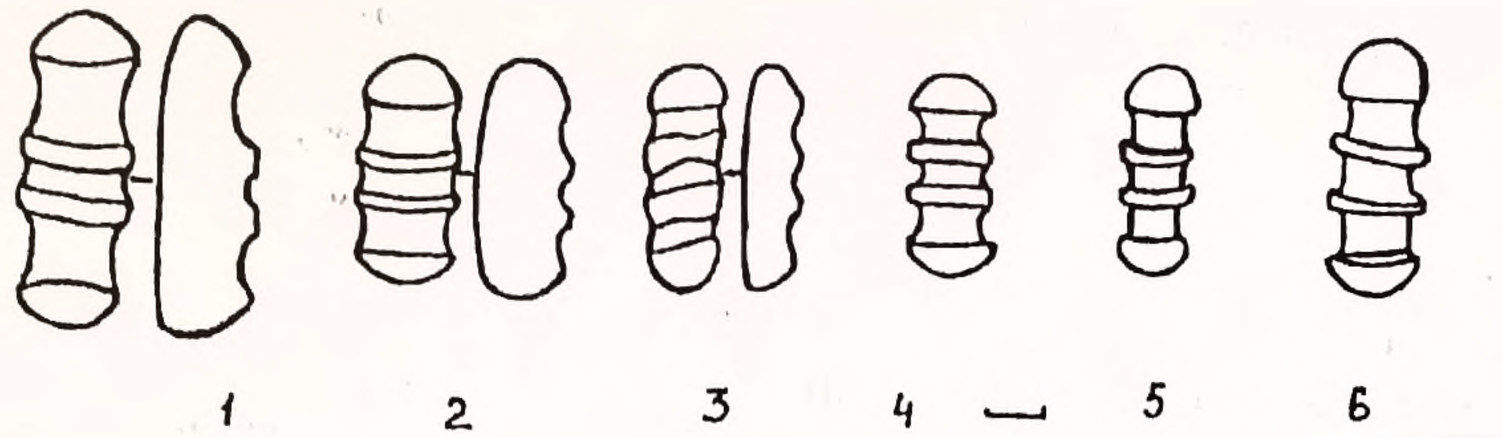
Многочисленные трехлопастные наконечники были найдены лишь в сокровищнице дворца V в. до н.э. в Персеполе. Однако они относятся к другому типу и отличаются от рассмотренных выше выделенной короткой выступающей втулкой, а также очертаниями и размерами головки, составляющей две трети или более размера наконечника стрелы.

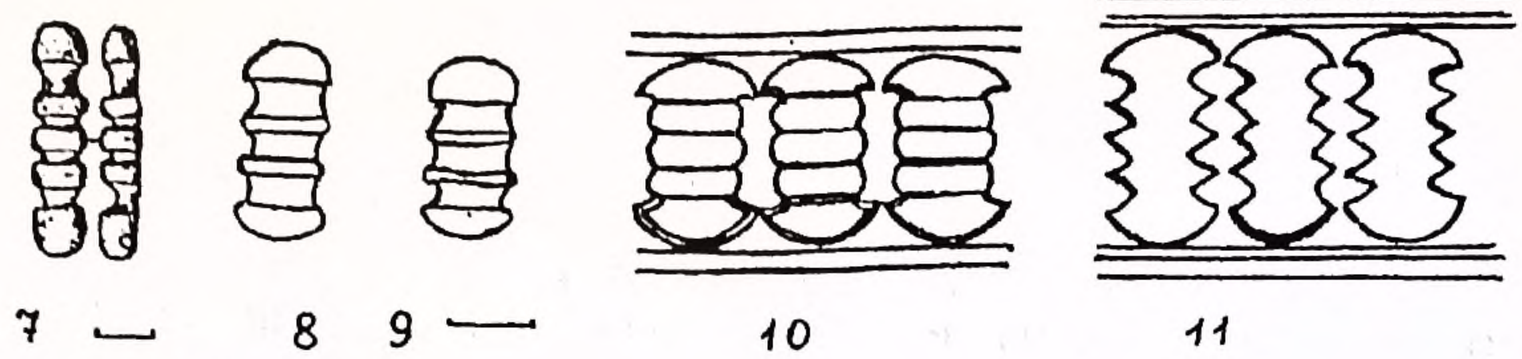
Поскольку А.И.Иванчик, знакомый с археологическими источниками только по публикациям, не увидел сходства между наконечниками из Амлаша и Носачева, неудивительно, что он не смог определить предскифские типы наконечников, найденные в столице Фригийского царства Гордионе. Речь идет о двухлопастных наконечниках стрел с довольно длинной втулкой и головкой листовидной формы (рис.1, *2,3*). Судя по литейной форме, найденной в Новочеркасском кладе, в ней изготовлялись листовидные наконечники стрел (рис.1, *1*). Ромбовидная форма придавалась некоторым из них лишь при отделке. Данное обстоятельство позволяет включать в новочеркасский тип наконечники с листовидной головкой и более-менее длинной втулкой, встреченные в памятниках VIII или начала VII вв. до н.э. юга Восточной Европы и древнего Востока, в том числе и в Гордионе.

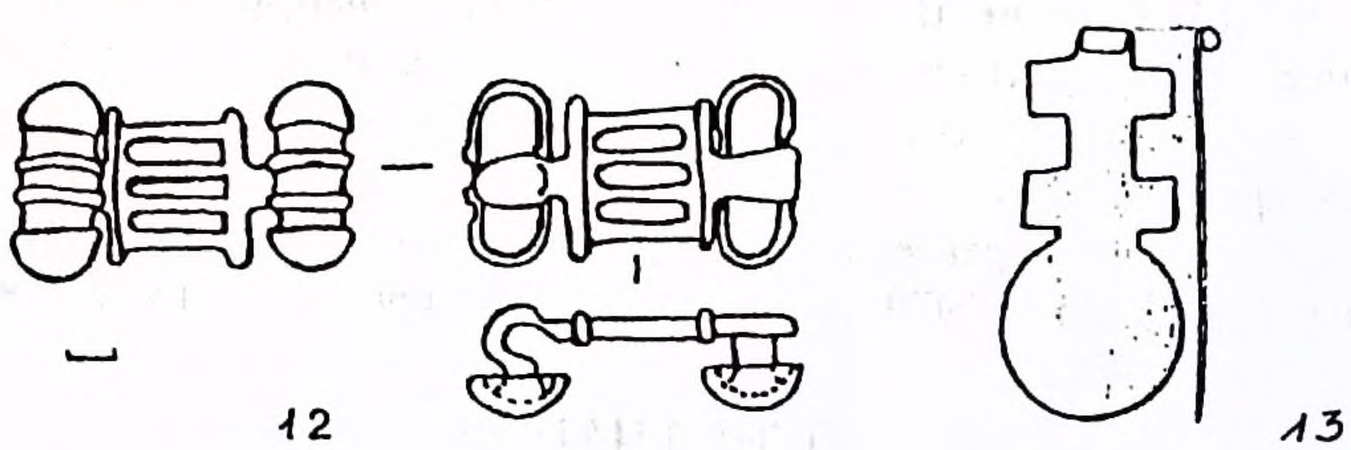
О присутствии на древнем Востоке наконечников стрел предскифских типов свидетельствуют и недавние находки на поселении Каман-Калегуюк в Центральной Анатолии (Yukishima R., 1998, s.185, Fig.4, *1*; 8, *1*). Среди найденных там бронзовых наконечников выделяется наконечник с короткой выступающей втулкой и башневидной головкой, который сближается автором публикации с наконечниками из предскифских захоронениях Северного Причерноморья: Высокая Могила, Малая Цимбалка и др. (рис.1, *10-15*). На основании этих параллелей такие наконечники рассматриваются как археологическое свидетельство, имеющее отношение к пребыванию киммерийцев в Анатолии.

Касаясь вопроса об археологических свидетельствах участия киммерийцев в переднеазиатских походах, я называл и ажурные пряжки из Носачевского погребения на Черкасщине, которые, по мнению опубликовавшей их Г.Т.Ковпаненко, находят аналогии среди деталей конского снаряжения, изображенных на рельефах дворцов времени Саргона II (721-705 гг. до н.э.) и Ашшурбанипала (668-627 гг. до н.э.). Я отмечал также, что подобные соответствия вероятно, могут служить археологическим подтверждением участия киммерийцев в переднеазиатских походах, поскольку прототипами для тех и других скорее всего послужили желобчатые ременные бляшки-застежки типа Высокой Могилы, Аржана и т.д. (рис.2, *1-12,14*) (Махортых С.В., 1992, с.32)[5].

Отмахиваясь от высказанной в последние годы точки зрения о заимствовании народами Передней Азии рассматриваемой формы бляшек у евразийских кочевников, А.И.Иванчик пишет, что находки таких бляшек от конских уборов известны в переднеазиатских памятниках конца IX в. до н.э. (Хасанлу) и никак не связаны с походами киммерийцев (Иванчик А.И., 1999, с.90). Заметим, что попытки соотнесения некоторых типов







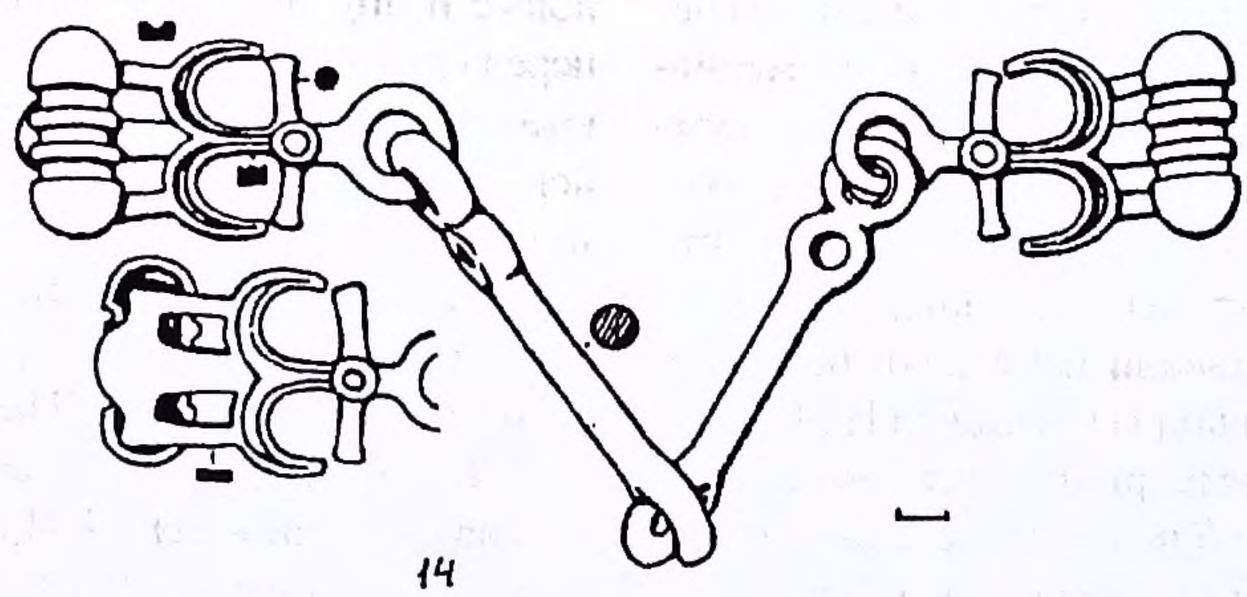


Рис.2. Принадлежности конского снаряжения и палочки-застежки. *1-6* — Аржан; *7* — Клин-яр III, п.58; *8,9* — Гордион, курган KY; *10,11* — Ассирия; *12* — Носачевский курган; *13* — Хасанлу; *14* — Квитки

блях из Хасанлу (например, в форме «банджо») с изображениями конского убора на ассирийских рельефах неоднократно предпринимались и до А.И.Иванчика (рис.2, *13*). Однако, мнения предшественников (Schauensee M., Dyson R., 1983, s.71), как, впрочем, и их критика (Muscarella O.W., 1988, s.70), элементарно игнорируются А.И.Иванчиком.

Как уже указывалось ранее, желобчатые ременные бляшки в виде застежек, а также их изображения на дополнительных привесках к удилам известны в предскифских (киммерийских) погребениях юга Восточной Европы. Особенно следует подчеркнуть тот факт, что вместе с ними в одном комплексе сочетаются находки, имеющие древневосточные истоки: полихромные ювелирные изделия, выполненные в технике перегородчатой инкрустации (Высокая Могила, п.2 и Квитки); бляха с изображением квадрата с вогнутыми сторонами в обрамлении полукружий (Носачевский курган) (Махортых С.В., Колесник О.О., 1998, с.139-141). Данное обстоятельство, неоспоримо подтверждает факт переднсазийско-восточноевропейских связей, наряду с датировкой этих погребений в пределах последней чстверти VIII или самого начала VII вв. до н.э., и позволяет соотноситъ их с первыми свидетельствами клинописных источников эпохи Саргона II о киммерийских походах на древний Восток.

Именно целый комплекс подобных свидетельств и соответствий (исторических, хронологических, географических, формально-функциональных) позволяет нам говорить о вероятности проникновении образцов, вызвавших ассирийские подражания, именно из Восточной Европы, а не из каких-либо других, гипотетически предполагаемых районов Евразии, не подкрепленных вышеназванным комплексом факторов.

Как известно, долгое время бронзовые ажурные пряжки от конской сбруи, найденные в Носачевском кургане, играли важную роль в определении даты памятников Новочеркасского типа. Аналогии им в тот

период были известны среди деталей упряжи коней, изображенных на дворцовых рельефах ассирийских царей Саргона II и Ашшурбанипала. Г.Коссак, указавший аналогии посаневским бляхам от конского убора на настенных росписях времени Тиглатпаласара III из Тил-Барсиба, отодвинул нижнюю хронологическую границу посаневского погребения до середины VIII в. (Kossack G., 1987), что представляется нам необоснованным. К сожалению, без внимания этого уважаемого исследователя остался тот факт, что Ф.Торо-Данжен, опубликовавший росписи с изображениями интересующих нас блях, лишь предположительно отнес их ко времени Тиглатпаласара III (Thureau-Dangin F., Dunand M., 1936; Madhloom T.A., 1970, s.24, pl.XII, *1*). Специальный анализ изображения колесниц и связанного с ними уздечного снаряжения на фресках из Тил-Барсиба был предпринят Т.Мадхлумом. В результате этот исследователь пришел к выводу, что изображения на так называемых ранних и поздних фресках из ассирийского дворца в Тил-Барсибе датируются VII в. до н.э. и не могут относиться ко времени ранее, чем годы правления Синнахериба (Madhloom T.,1970, p.23-26). Важны и наблюдения Р.Маллована, который обратил внимание на то, что многие детали фресок из Тил-Барсиба имеют хорошие параллели по времена Саргона и последующее за ним время (Mallowan M.E, 1937, p.333). Близкие соображения были высказаны и Р.Барнетом (Barnett R.D., 1957, p.187). Исходя из вышеизложенного, следует отметить, что отсутствуют надежные основания как для датирования Посаневского кургана серединой VIII в. до н.э., равно как и для ограничения времени бытования новочеркасских древностей последними десятилетиями VIII в. до н.э.

Проделанный выше краткий обзор, показал, что сохраняющиеся до сих пор сложности в изучении киммерийской проблемы состоят не только в самом характере и состоянии имеющихся в нашем распоряжении источников. Обращает на себя внимание и «субъективный фактор», и в частности отсутствие у некоторых исследователей четкого представления о киммерийцах и их культуре, чем, как было замечено еще Е.И.Крупновым, «собственно и объясняется многочисленность различных попыток освещения киммерийской проблемы» (Крупнов Е.И., 1958, с.177).

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Заметим, что отстаиваемая современными исследователями идея о неразличимости культур киммерийцев и скифов не является оригинальной. Близкие суждения более 40 лет назад высказывал И.М.Дьяконов, который, в отличие от нынешних авторов, считал, что киммерийцы и скифы ассирийских письменных известий VIII-VII вв. до н.э. оставили памятники не раннескифской, а доскифской культуры (Дьяконов И.М., 1956, с.228). По его мнению, киммерийцев невозможно археологически выделить из общей скифо-сакской массы. Ни киммерийцы, ни скифы, вторгшиеся в Переднюю Азию в VIII-VII вв. до н.э., не принадлежали к той археологической культуре, которая условно зовется «скифской». В период, когда киммерийцы и скифы вторглись на Ближний Восток, в степях Евразии господствовала позднесрубная, позднеандроновская и другие родственные и синхронные археологические культуры (Дьяконов И.М., 1981, с.98,99).

[2] В ходе этой дискуссии мной, к сожалению, лишь только в 1998 г. была опубликована статья «Киммерийцы и древний Восток», судьба которой сложилась непросто. Сама рукопись была подготовлена к печати значительно раньше, еще в 1990 г., и отправлена во ВДИ в 1991 г. Однако, тогда она не была принята к печати в связи с якобы поступившим на нее отрицательным отзывом. К сожалению, ни сам отзыв, ни оригинал статьи так и не были возвращены мне из редакции журнала. Однако, вскоре было прислано приглашение принять участие в организованной на страницах журнала дискуссии по киммерийской проблеме. Так, моя статья без каких-либо радикальных изменений вновь была послана в адрес журнала, где еще пролежала не менее четырех лет. В результате некоторые новые и опубликованные позже или непосредственно перед сдачей моей статьи в печать работы, касающиеся киммерийцев, просто не могли быть в ней полноценно использованы. Я останавливаюсь на этом вопросе только для того, чтобы показать необоснованность негодования А.И.Иванчика по поводу якобы игнорирования в моей статье результатов последних ассириологических достижений (Иванчик А.И., 1999, с.89).

[3] Так, например, обращает на себя внимание ошибочная локализация А.И.Иванчиком Центрального Закавказья к югу от Дарьяла и Клухора или же помещение им в книге явно не точной карты, на которой локализация таких областей как Эриахи или Гамир не согласуется с описанием их местоположения в тексте монографии (Грантовский Э.А. и др., 1997, с.73, сн.12; Дударев С.Л., 1998, с.90).

[4] Единственно, на что я хотел обратить внимание, так это на грубое смысловое искажение, допущенное при публикации текста моей статьи (Махортых С.В., 1998). Так, на с.98 следует читать: «В ассирийских источниках при перечислении дани с приурмийских областей дань лошадьми ставилась на первое место». По вине ответственного за подготовку материалов дискуссии к печати перед глаголом была поставлена частица «не», что исказило смысл предложения.

[5] Достоверность нашей гипотезы подтверждают и сами находки застежек типа Высокой Могилы в Западной Азии, и, в частности, в одном из Малых курганов (KY), раскопанных близ Гордиона (рис.2, *8,9*). Автор публикации, датируя этот курган началом VII в. до н.э., связывает его с захоронением кочевника, предположительно наемника-киммерийца (Kohler E.L., 1995, s.78,234, Fig.31, *j,k*).

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев А.Ю., Качалова Н.К., 1989. О киммерийцах в Северном Причерноморье // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Запорожье.

Артамонов М.И., 1950. К вопросу о происхождении скифов // СА. №2.

Граков Б.Н., 1947. Скіфи. Київ.

Грантовский Э.А., Погребова М.Н., Раевский Д.С., 1997. Киммерийцы в Передней Азии // ВДИ. №4.

Дударев С.Л., 1998. К вопросу о месте «киммерийских» комплексов из Западной Азии в системе хронологических и культурных связей Причерномоья, Кавказа и восточных районов Евразии // ВДИ. №4.

Дьяконов И.М., 1956. История Мидии. М.-Л.

Дьяконов И.М., 1981. К методике исследований по этнической истории («киммерийцы») // Этнические проблемы истории Центральной Азии. М.

Ельницкий Л.А., 1949. Киммерийцы и киммерийская культура // ВДИ. №3.

Иванчик А.И., 1990. Киммерийцы и Урарту накануне восьмого похода Саргона II // ВДИ. №3.

Иванчик А.И., 1994. К вопросу об этнической принадлежности и археологической культуре киммерийцев // ВДИ. №3.

Иванчик А.И., 1995. К вопросу об этнической принадлежности и археологической культуре киммерийцев // ВДИ. №.1

Иванчик А.И., 1996. Киммерийцы. М.

Иванчик А.И., 1999. Современное состояние киммерийской проблемы. Итоги дискуссии // ВДИ. №2.

Иессен А.А., 1953. Некоторые памятники VIII-VII вв. до н.э. на Северном Кавказе // Вопросы скифо-сарматской археологии. М.

Крупнов Е.И., 1958. Киммерийцы на Северном Кавказе // МИА. №68.

Лесков А.М., 1981. Курганы: находки, проблемы. Л.

Махортых С.В., 1992. Проблемы киммерийской истории и Кавминводы // Археология и краеведение Кавминвод. Кисловодск.

Махортых С.В., 1994. Киммерийцы на Северном Кавказе. Киев.

Махортых С.В., 1998. Киммерийцы и древний Восток // ВДИ. №2.

Махортых С.В., Колесник О.О., 1998. Древневосточные бляшки-розетки из Черкасской области // Музейні читання. Київ.

Медведская И.Н., 1980. Металлические наконечники стрел Переднего Востока и евразийских степей II — первой половины I тыс. до н.э. // СА. №4.

Медведская И.Н., 1992. Периодизация скифской архаики и Древний Восток // РА. №3.

Меликишвили Г.А., 1959. К истории древней Грузии. Тбилиси.

Пиотровский Б.Б., 1944. История и культура Урарту. Ереван.

Тохтасьев С.Р., 1993. К хронологии и этнической атрибуции памятников скифского типа на Ближнем Востоке и в Малой Азии // РА. №2.

Barnett R.D., 1957. A Catalogue of the Nimrud ivories. London.

Ivantchik A.I., 1993. Les Cimmeriens au Proche-Orient // Orbis Biblicus et Orientalis. Bd.127. Fribourg, Suisse, Gottingen.

Kohler E.L., 1995. The Lesser Phrygian Tumuli. Part.I. The Inhumations // The Gordion Exsavations Final Reports. Vol.II. University Museum Monograph 88. Pennsylvania.

Kossack G., 1987. Von den Anfangen des skythoiranischen Tierstils // Scythika. Munchen.

Madhloom T.A., 1970. The chronology of Neo-Assyrian Art. London.

Mallowan M.E.L., 1937. The Syrian city of Til-Barsib // Antiquity. Vol.11.

Muscarella O.W., 1988. Bronze and Iron. Ancient Near Eastern Artifacts in the Metropolitan Museum of Art. N.Y.

Schauensee M., Dyson R., 1983. Hasanlu horse trappings and Assyrian reliefs // Essays on Near Eastern Art and Archaeology in Honor of Charles Kyrle Wilkinson. N.Y.

Thureau-Dangin F., Dunand M., 1936. Til-Barsib. Paris.

Yukishima K., 1998. Metal arrowheads at Kaman-Kalehoyuk // Anatolian Archaeological Studies. Vol.VII.

А.П.МЕДВЕДЕВ

О НЕКОТОРЫХ ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИХ ПРОБЛЕМАХ ЭТНОГЕОГРАФИИ ПОДОНЬЯ В СКИФСКОЕ ВРЕМЯ

Проведенные в последние годы исследования позволили в общих чертах представить этнокультурную ситуацию, сложившуюся в скифское время в лесостепном Подонье в том виде, как она реконструируется по археологическим материалам (Медведев А.П., 1999). Сейчас можно попытаться скорректировать ее по другим, независимым от археологии источникам, прежде всего, по данным античной традиции. В отличие от племен, населявших наш край в предшествующие эпохи камня и бронзы и известных лишь по весьма условным названиям археологических культур, античные авторы не только сохранили имена многих народов раннего железного века, но в ряде случаев дали им яркие характеристики. При всей их скудности и противоречивости только сведения нарративных источников могут придать нашим археологическим реконструкциям более или менее определенную этническую окраску, а значит, и некую историческую конкретность. Не будь последних, этногеография Юга Восточной Европы, реконструируемая исключительно средствами археологии, выглядела бы совсем иной, во всяком случае намного беднее, чем ее видели современники-греки. Именно они сформировали литературные «образы» скифов и их соседей, которые до сих пор во многом определяют специфику скифологии в сравнении с другими областями отечественной археологической науки. Но сами по себе этнографические сведения обычно не лежат на поверхности нарративного источника. Они могут быть извлечены из его недр также лишь в результате специального исследования (Поплинский Ю.К., 1980, с.129).

К концу XX в. по проблеме этнической принадлежности населения Среднего Дона в скифское время накопилась богатая историографическая традиция. Анализируя одни и те же античные источники, одни исследователи на этой территории локализуют геродотовых будинов (Либеров П.Д., 1969, с.5-26; Граков Б.Н., 1971, с.131-151,160,161; Шрамко Б.А., 1975, с.120; Моруженко А.А., 1989, с.44-47), другие — так называемых «воронежских скифов» (Спицын А.А., 1918, с.132,133; Шоков А.Ф., 1952, с.3-36; Гуляев В.И., Савченко Е.И., 1995, с.100-102), третьи — «скифов отложившихся» (Рыбаков Б.А., 1979, с.116-122), четвертые — меланхленов (Рассадин С.Е., 1997, с.5-11), пятые — тиссагетов и иирков (Яйленко В.П., 1983, с.64), шестые допускают присутствие савроматов и сарматов (Смирнов К.Ф., 1984. с.26,27; Максименко В.Е., 1995). В итоге эта проблема оказалась настолько запутанной, что сейчас представляется более актуальной не разработка очередной оригинальной локализации, а взвешенный критический анализ уже имеющихся гипотез с привлечением максимально полного объема всех источников и современных наработок в области древней этногеографии. Но для начала важно разобраться, в чем причина столь существенных расхождений в интерпретации одних и тех же данных античных авторов. Только ли в скудности и противоречивости содержащейся у них этногеографической информации? Мне кажется, дело не только в этом, а прежде всего в самом отношении исследователей-археологов к сведениям античных авторов. Нередко они используют лишь часть информации, содержащейся в нарративном источнике, как правило, не противоречащей их заключениям. Вопрос о степени ее достоверности в контексте мировоззрения и исследовательских возможностей древнего автора или его информаторов обычно специально даже не рассматривается. Автор считает полезным напомнить некоторые принципиально важные подходы в исследовании этногеографии древней Скифии, намеченные в работах наших предшественников и прежде всего Б.Н.Гракова.

Основным и по существу единственным оригинальным письменным источником по этнической истории интересующего нас региона в середине I тыс. до н.э. является «Скифский логос» Геродота. Его изучение имеет в нашей стране давнюю, почти трехсотлетнюю традицию (Доватур А.И. и др., 1982, с.14-79). Сейчас ни у кого из исследователей не вызывает сомнений исключительно сложный и противоречивый характер этого источника, так как при его написании Геродот соединил в нем и более раннюю ионийскую традицию, и картину расселения в Скифии современных ему племен, и обширный фольклорный материал, полученный от скифов (Лелеков Л.А., Раевский Д.С., 1979, с.68-74; Виноградов Ю.Г. и др., 1990, с.21; Скржинская М.В., 1991, с.89-91). Специальные исследования последних десятилетий выявили различные, в том числе весьма далекие от науки, мотивации, которыми руководствовался «отец истории» при отборе и подаче материала (Barth R., 1968; Fehling D., 1971; Schepens G., 1980, s.33-93; Herodote, 1990). Здесь не представляется возможным рассмотреть все вопросы этой ключевой для древней истории Юга Восточной Европы источниковедческой проблемы. Я коснусь

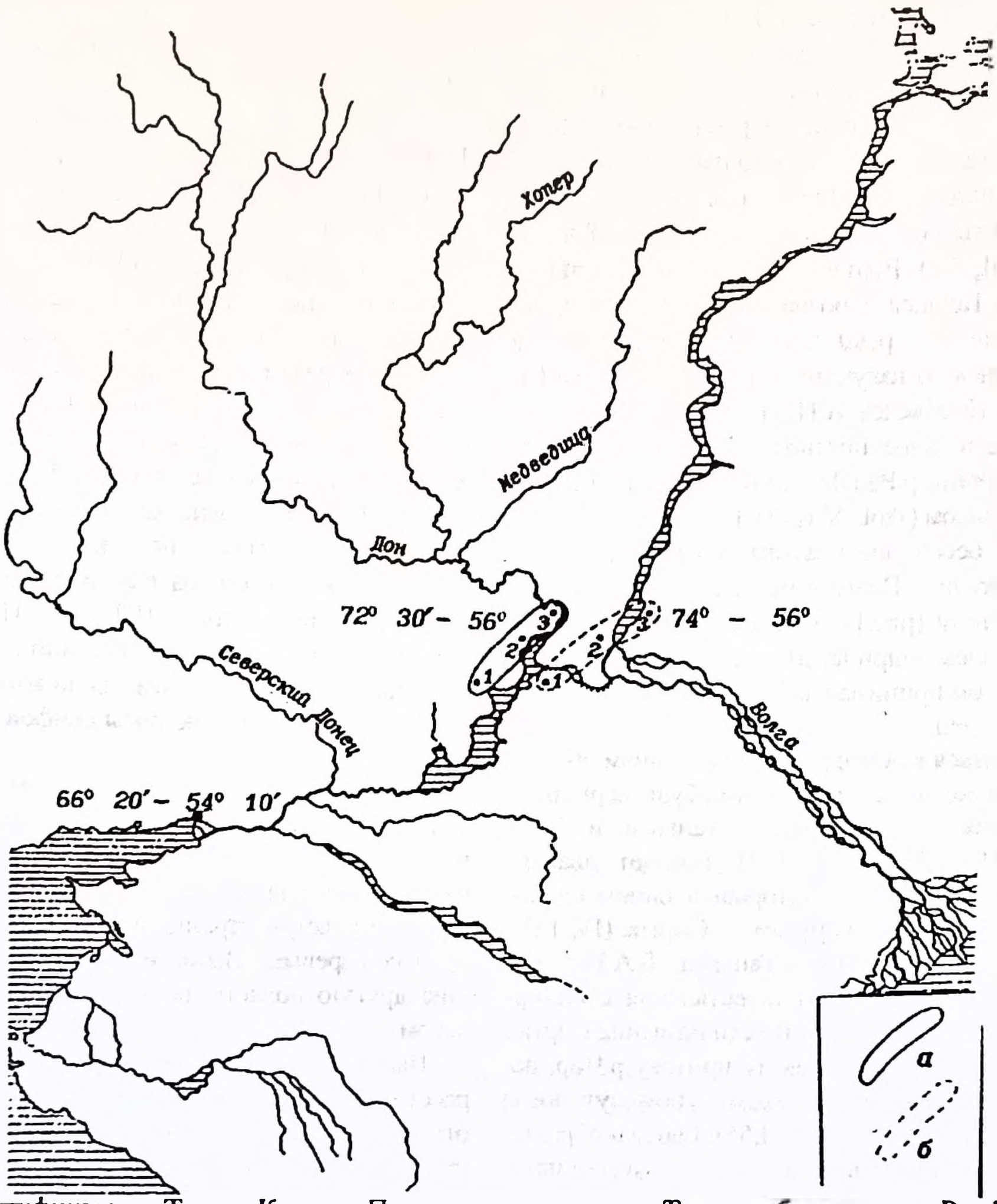


Рис.1. Идентификация р.Танаис Клавдия Птолемея: *а* — поворот Танаиса, *б* — поворот Ра; *1* — в эратосфеновских стадиях, *2* — в обычных стадиях, *3* — в царских стадиях

лишь тех ее аспектов, которые имеют непосредственное отношение к исторической географии Среднего и Верхнего Подонья. Среди них в первую очередь должны быть проанализированы те данные, которые могут быть использованы в качестве своего рода географических ориентиров при локализации этносов, проживавших во времена Геродота к северо-востоку от Скифии.

Начать исследование целесообразно с вопроса о р.Танаис. Дело заключается в том, что в трудах античных авторов реки заменяли современную систему географических координат. У того же Геродота почти все племена Скифии топографически «привязаны» к конкретным рекам. Вот почему непременным условием надежной научной реконструкции этнической карты Скифии является правильная идентификация античных гидронимов с современными наименованиями восточноевропейских рек. В полной мере это относится и к р.Танаис, так как по вопросу его идентификации у исследователей нет единой точки зрения. Сейчас в науке осталось два основных варианта отождествления Танаиса Геродота:

1. Танаис соответствует современному Дону;

2. Танаис — это современный Донец вместе с нижним течением Дона.

Первую точку зрения можно считать традиционной. До недавнего времени она господствовала в нашей науке (Тереножкин А.И., 1961, с.225; Шрамко Б.А., 1962, с.144; Смирнов А.П., 1966, с.75; Либеров П.Д., 1969, с.14; Граков Б.Н., 1971, с.15; Смирнов К.Ф., 1984, с.11). Однако после выхода в свет книги Б.А.Рыбакова возросло число сторонников отождествления Танаиса с Северским Донцом и низовьями Дона (Рыбаков Б.А., 1979, с.27,28,50,51; Максименко В.Е., 1983, с.13; Яйленко В.П., 1983, с.54; Шрамко Б.А., 1987, с.6; Стрижак О.С., 1988, с.102; Тереножкин А.И., Мозолевский Б.Н., 1988, с.224; Мачинский Д.А., 1993, с.13,18). Но, насколько известно, никто из них не проводил проверки степени ее обоснования на источниковом уровне.

В качестве ключевого аргумента Б.А.Рыбаков использовал координаты истоков р.Танаис, указанные в «Географическом руководстве» Клавдия Птолемея (Ptol., III, 5,4). Ученый обратил внимание на то, что они более

соответствуют истокам Северского Донца, нежели Дона (Рыбаков Б.А., 1979, с.27,28). Однако хорошо известно, что античные авторы знали более или менее достоверно лишь *низовья* восточноевропейских рек (Strabo, II, 5,43; XI, 22,2). В том же источнике можно найти гораздо более надежные данные для решения поставленной задачи. Это координаты поворота реки Танаис 72° 30' в.д. и 56° с.ш. (Ptol., III, 5,4). Выполненные нами расчеты от западного устья Танаиса однозначно показали, что, сообщая о повороте этой реки, александрийский ученый имел в виду Донскую излучину, но никак не устье Северского Донца (Медведев А.П., 1989, с.151,152). Они находят дополнительное подтверждение в сообщении Птолемея о повороте р.Ра (Волги) в том месте, где она сближается Танаисом (Ptol., V, 8,13). Его координаты 74° в.д. — 56° с.ш. бесспорно указывают на то, что здесь речь идет об излучине Волги в месте ее максимального сближения с Доном (рис.1). Таким образом, географические данные александрийского ученого скорее свидетельствуют, что он принимал за Танаис все-таки Дон, а не Северский Донец.

Если обратиться к более ранним сведениям об этой реке, то и там не встретим сколь-нибудь серьезных препятствий для отождествления Танаиса и Дона (Медведев А.П., 1993, с.127-137). Геродот дважды упоминает приток Танаиса, который в одном случае называет Гиргис (IV, 57), в другом — Сиргис (IV, 123). Исходя из своего понимания Танаиса, Б.А.Рыбаков отказался от обычного его отождествления с Северским Донцом. Он предложил отнести название Сиргис к Среднему Дону или его правому притоку р.Чир, потому что этот гидроним у Геродота упомянут после Танаиса (Рыбаков Б.А., 1979, с.54,55). Однако обращение к источнику в этом вовсе не убеждает. «Отец истории» сообщает лишь следующее: «В этот Танаис впадает другая река, название которой Гиргис» (IV, 57)*. Но непосредственно следующая за этим фраза: «Вот какие примечательные реки имеются у скифов» (IV, 58), с достаточным основанием позволяет отнести к последним не только Танаис, но и Гиргис. Ведь он мог быть одной из примечательных рек у скифов лишь в том случае, если сам являлся «скифским» (то есть правым) притоком Танаиса, ибо для Геродота, если перейти эту реку, «то там уже не скифская земля, но вначале область савроматов» (IV, 21).

Итак, осуществленная выше проверка данных Геродота и Птолемея о р.Танаис скорее подтверждает правомерность его традиционной идентификации с Доном, нежели с Северским Донцом и нижним течением Дона. Поэтому можно использовать эту реку в качестве надежного географического репера при локализации тех или иных древних народов.

Как известно, этногеографический экскурс «Скифского логоса» составляют четыре раздела, каждый из которых содержит перечень этносов в полосе земель, попавших в поле зрения историка (Жебелев С.А., 1953, с.338-346). Они всегда начинаются от моря и уходят «вверх», то есть вглубь материка: 1. По Гипанису (Южному Бугу); 2. К востоку от Борисфена (в левобережье Днепра); 3. За р.Пантикап (Днепро-Донское междуречье); 4. За Танаисом (Левобережье Дона и далее на восток к Приуралью). Они достаточно самостоятельны, но в целом неплохо согласуются между собой. В то же время отметим, что эти описания весьма существенно различаются не только числом упоминаемых в каждой перечне этносов (от двух до семи), но также объемом и степенью оригинальности их этнографических характеристик. Поэтому далеко не бесполезно установить, какие сведения Геродота заслуживают a priori большего, какие меньшего доверия, исходя прежде всего из самой природы источников, которые он использовал (Шишова И.А., 1981, с.16). Начну с анализа последней и самой пространной «полосы народов» за Танаисом, среди которых скорее всего и следует искать этнонимы скифоидного населения Подонья.

«Если перейти реку Танаис, то там уже не скифская земля, но вначале область савроматов, которые, начиная от самого дальнего угла озера Меотиды, населяют на расстоянии пятнадцати дней пути по направлению к северному ветру страну, лишенную и диких, и культурных деревьев. Выше их живут будины, занимающие другую область, всю поросшую разнообразным лесом.

Выше будинов к северу идет сначала пустыня на расстоянии более семи дней пути. За пустыней, если отклониться в сторону восточного ветра, живут тиссагеты, племя многочисленное и особое; живут они охотой. Рядом с ними в тех же самых местах обитает племя, имя которому иирки. Они также живут охотой... Выше иирков, если отклониться к востоку, живут другие скифы, отложившиеся от царских скифов и по этой причине прибывшие в эту страну.

До страны этих скифов вся земля, уже описанная мной, представляет плодородную равнину, а дальше земля каменистая и неровная. Если пройти большое расстояние этой неровной страны, то у подножья высоких гор обитают люди, о которых говорят, что они все — и мужчины, а также женщины — плешивые от рождения, курносые и с большими подбородками... название этого народа — аргиппеи» (IV, 21-23).

Сейчас вряд ли у кого возникает сомнение в том, что в основе геродотовой диатезы племен «за Танаисом» лежала древняя периэгеса — описание торгового пути из Гавани борисфенитов к приуральским аргиппеям и исседонам (Hennig R., 1935; Граков Б.М., 1947, с.23-38). Впрочем, на это указывает и сам Геродот, завершая его описание: «Вот до этих плешивых (т.е. аргиппеев — А.М.) о земле и о племенах, живущих перед ними, есть ясные сведения, так как до них добирается и кое-кто из скифов, у которых нетрудно разузнать, а также и у эллинов, как из гавани Борисфена, так

---

* Здесь и далее текст «Истории» Геродота приводится в переводе И.А.Шишовой по изданию (Доватур А.И. и др., 1982).

по Гипанису	по левобережью Борисфена	за Лантикапой	за Танаисом, к Приуралью
			"горы высокие" аргиппеи исседоны
"земля безлюдная" невры скифы-пахари ализоны каллипиды	"настоящая пустыня" андрофаги "пустыня" скифы земледельцы	"болота и земля безлюдная" меланхлены скифы кочевники	скифы отложившиеся иирки тиссагеты "пустыня" будины скифы царские савроматы

Рис.2. Зависимость этногеографической информации «Скифского логоса» от наличия или отсутствия торговых путей

и из других понтийских гаваней. А скифы, которые к ним прибывают, договариваются с помощью семи переводчиков, на семи языках» (IV, 24). Именно наличие надежного источника вроде периэгесы и связанных с ней занимательных рассказов торговцев, ходивших этим путем, позволило пытливому взгляду Геродота проникнуть глубоко внутрь практически неизвестного его современникам материка.

Некоторые исследователи не без оснований допускают возможность столь далеких путешествий не только скифских купцов, но и самих ольвийских греков и даже находят в их рассказах признаки автопсии, в частности, в геродотовом описании аргиппеев (IV, 23). Как известно, оно отличается этногеографической конкретностью. Здесь уместно напомнить, что филологический анализ указанной выше фразы о путешествиях к аргиппеям в одинаковой мере допускает два равноценных ее перевода, в том числе и такой: «не только некоторые из скифов, но и некоторые из эллинов ходят до земли плешивых» (Доватур А.И. и др., 1982, с.252). М.В.Скржинская обратила внимание на то, что только грек мог сравнить размер местного дерева «понтию» с обычным для него фиговым, а плод его, из которого аргиппеи приготавливали свой напиток «асхи», с бобом, так как для скифов бобы и особенно фиги были чуждыми культурами (Скржинская М.В., 1991, с.99,100). Судя по поэме Аристея Прокониесского «Аримаспейя», эллинская мысль не исключала возможности таких далеких путешествий уже в архаическую эпоху, тем более, что их главной целью могло быть уральское золото (Bolton J.D.P., 1962, p.104-141; Пьянков И.В., 1978, с.184-186). Археологические находки зеркал ольвийского типа, монет V-IV вв. до н.э. и свинцовых пломб с греческими надписями также дают определенные основания допускать, что эллинские купцы проходили весь путь до Урала (Смирнов К.Ф., 1964, с.260; Островерхов А.С., 1981, с.90,91).

В целом, изучение этногеографических описаний окраинных областей ойкумены в «Истории» Геродота демонстрирует одну любопытную закономерность. Он располагает более подробной и оригинальной информацией о тех народах, через земли которых проходили торговые пути (Медведев А.П., 1997, с.26,27). Это особенно заметно на материалах «Скифского логоса» (рис.2). Например, по течению р.Гипанис, служившей важнейшей торговой артерией западной части Скифии, Геродот знает четыре народа: каллипидов, ализонов, скифов-пахарей и невров (IV, 17). Даже о последних Геродоту удалось собрать оригинальные этногеографические сведения (IV, 105). По интересующему нас пути, связанному с р.Танаис, также упоминается не менее четырех этносов: савроматы, будины, тиссагеты и обитающих рядом с ними иирки (IV, 21,22). Причем два последних народа определенно локализуются уже в лесной зоне. В отличие от Борисфена (IV, 53) Геродот знает Танаис вплоть до его верховий в земле тиссагетов (IV, 123). Кроме того, после поворота этого пути на восток в сторону Приуралья путешественнику известен еще ряд народов («скифы отложившиеся», аргиппеи, исседоны). Весьма показательно, что за исключением «скифов отложившихся», в этом списке нет ни одного греческого псевдоэтнонима.

Для сравнения укажем, что к северу от Скифии в междуречье Борисфена и Танаиса взгляд Геродота не проникал дальше ближайших соседей скифов андрофагов и меланхленов, обитавших многократно ближе к Ольвии, нежели отдаленные затанаисские племена (IV, 18,20). К тому же в отличие от последних, получивших у Геродота более или менее пространные и весьма конкретные этногеографические характеристики в соответствии с его главной творческой установкой рассказывать об «удивительном» (I, 1), его упоминания об андрофагах и меланхленах практически не содержат никакой оригинальной информации помимо той, которая заложена в самих этих псевдоэтнонимах, скорее

Рис.3. Схема размещения соседей скифов по сторонам «Скифского квадрата»

всего сложившихся в местной греко-скифской среде (Жебелев С.А., 1953, с.342).

В этом смысле весьма показательна характеристика андрофагов. По-существу она только негативна. Геродот перечисляет не столько реальные этнические черты этого этноса, сколько обращает внимание читателя на отсутствие у них привычной для греков «цивилизованности». В полном соответствии с греческим этнонимом андрофагов отличают «самые жестокие нравы из всех людей, они не почитают справедливости и не имеют никакого закона..., только они одни питаются человеческим мясом» (IV, 109). По географическим представлениям Геродота, выше андрофагов никакого человеческого племени нет на всем известном ему протяжении (IV, 18). О меланхленах также говорится весьма скупо, по существу только то, что «они носят черные плащи, от которых они получили свое название, обычаи же у них скифские» (IV, 107). Как и в случае с андрофагами, «выше меланхленов болота и земля, безлюдная на всем известном нам протяжении» (IV, 20).

Складывается впечатление, что сведения об этих двух племенах получены Геродотом из иного источника, нежели рассказы о савроматах, будинах и других этносах, земли которых пересекал торговый путь из Ольвии в Приуралье. По-видимому, у ольвиополитов не было прямых контактов ни с андрофагами, ни с меланхленами. К ним уже не доходили торговые караваны, о чем свидетельствует практически полное отсутствие греческого импорта в верховьях Днепра и Донца, где обычно локализуют эти народы (Онайко Н.А., 1966, с.48, рис.3-7).

Как представляется, изложенные выше наблюдения в известной мере объясняет *неравноценность этногеографической информации* «отца истории» о ближних и дальних соседях скифов. При таком подходе становятся более понятными обширные лакуны и явные несообразности в этногеографии Лесостепной Скифии, в частности, отсутствие каких-либо упоминаний о гигантском городе Гелоне при описании левобережья Борисфена, если верно его отождествление с Бельским городищем на Ворскле (Шрамко Б.А., 1987, с.56-163). Видимо, Геродоту было известно, что этот деревянный город выстроен в земле «большого и многочисленного народа будинов» (IV, 108), восточную окраину которой только и пересекал торговый путь из Ольвии в Приуралье.

Таким образом, сам характер основного источника сведений Геродота о народах, живущих за Танаисом, существенно повышает доверие к содержащейся в нем этногеографической информации. Для «танаисского» участка этого торгового пути имеется возможность проверить степень достоверности сообщений «отца истории» об обитающих здесь народах по независимым данным археологии. В его пользу определенно свидетельствует наличие в Подонье трех сильно различающихся археологических культур середины I тыс. до н.э. (савроматской, среднедонской и городецкой), территориально точно соответствующих трем основным этносам (савроматам, будинам и тиссагетам), которые, согласно Геродоту, занимали нижнее, среднее и верхнее течение этой реки (IV, 21,22,123). Замечу, что столь редкое в науке совпадение данных различных по своей природе источников само по себе служит еще одним важным аргументом, существенно подкрепляющем отождествление Танаиса именно с Доном.

Иной характер обнаруживают сведения Геродота о далеких соседях скифов, обитавших по северной стороне «Скифского квадрата», среди которых скорее всего упоминаются и народы лесостепного Подонья. Вопрос об источнике этих сведений до сих пор остается открытым. Большинство антиковедов в рассказе о «Скифском тетрагоне» видят отражение географических представлений Геродота или его предшественни-

ков, возможно, восходящих к ионийской карте Скифии (Myres J.L., 1896, p.605; Minns E.H., 1913, p.27; Ельницкий Л.С., 1961, с.56; Шишова И.А., 1981, с.21; Нейхардт А.А., 1982, с.155-157; Доватур А.И. и др., 1982, с.342). Именно для эллинской географической мысли была свойственна «геометризация» описываемого пространства (Hartog F.L., 1980, p.351-353). Из современных исследователей в пользу греческих истоков «Скифского квадрата» недавно определенно высказался С.Р.Тохтасьев (Тохтасьев С.Р., 1987, с.91,92).

Другой подход к решению этой проблемы предложил Д.С.Раевский (Раевский Д.С., 1985, с.69,70). Как представляется, ему удалось весьма убедительно доказать в основном фольклорную, эпическую природу значительной части «Скифского логоса». По его мнению, геродотово описание «Скифского квадрата» скорее всего восходит к собственно скифским представлениям об обитаемом мире и его географии и отражает своего рода скифскую модель мира. Это относится и к сведениям об упоминаемых в эпизодах Скифо-Персидской войны далеких нескифских племенах.

Однако, как бы мы не решали вопрос в пользу античной «теоретической» (в изначальном значении этого слова) или фольклорной (в духе Д.С.Раевского) природы географии «Скифского квадрата», обращает на себя внимание *исключительно устойчивая последовательность* в перечислении Геродотом названий племен (рис.3), обитавших по его сторонам (IV, 100,102-110,119,123-125). Существенно то, что он всегда строго выдерживает их порядок даже при обратном перечислении с востока на запад, как, например, в связи с описанием хода военных действий на заключительном этапе Скифо-Персидской войны (IV, 123-125). Поэтому со времен Н.И.Надеждина, видимо, первого из ученых, обратившего внимание на эту закономерность, она служит своего рода лакмусовой бумажкой при проверке правильности размещения исследователями этносов по северной окраине «Скифского квадрата» (Надеждин Н.И., 1844, с.84-86).

Таким образом, при разработке вопросов этнической географии лесостепного Подонья в скифское время есть возможность использовать два, в определенной степени независимых блока упорядоченной этногеографической информации Геродота о периферийных племенах:

1. Перечень народов по Танаису с юга на север и далее на северо-восток, восходящий к античной торговой периэгессе;

2. Перечень народов вдоль северной стороны «Скифского квадрата», скорее всего, представляющий устойчивую эпическую формулу самих скифов, восходящую к их мифо-поэтическим представлениям о Скифии и ее окружении.

Для дальнейшего исследования важно то, что они содержат достаточно жесткие пучки этногеографической информации, которые к тому же *пересекаются в северо-восточном углу «Скифского квадрата».* Это существенно сужает диапазон поиска тех этнонимов, под которыми Геродот мог знать современное ему населсние по среднему и верхнему течению Танаиса. Здесь он постоянно упоминает лишь большой и многочисленный народ будинов, да переселившихся к ним гелонов (IV, 108,109). Скорее всего именно эти этносы и обитали на Среднем Дону в скифское время.

Если последовательно придерживаться этнонимии Геродота и достаточно хорошо изученных археологами культурных индикаторов причерноморских скифов V-IV вв. до н.э., то не остается сколь-нибудь серьезных научных оснований распространять их владения вплоть до современного Воронежа. По нашим наблюдениям, скифы время от времени «появлялись» на Среднем Дону в работах тех ученых, которые или не различали два разных значения этого этникона в античной традиции и, соответственно, в современной науке, или же в силу различных причин недостаточно учитывали специфику местных памятников. Блеск находок из воронежских курганов часто настолько сильно притуплял зрение археологов, что они становились невосприимчивыми к подчас неброским, а то и еле заметным проявлениям действительной этнокультурной специфики оставившего их населения. При несомненном сходстве инвентаря среднедонские курганы во многом сильно отличаются от скифских конца V-IV вв. до н.э. Достаточно напомнить общеизвестный факт — основным типом погребальных сооружений собственно скифов в это время становятся катакомбы, тогда как в лесостепном Подонье по-прежнему, захоронения совершались в столбовых склепах, дромосных гробницах, реже в простых грунтовых ямах. Письменные свидетельства и данные археологии указывают на то, что сложившаяся здесь этнокультурная ситуация была гораздо более сложной и уж во всяком случае не такой однозначной, чтобы всю ее можно было без насилия над источниками непротиворечиво описать с помощью старой гипотезы «Скифы на Среднем Дону».

ЛИТЕРАТУРА

Виноградов Ю.Г., Доманский Я.В., Марченко К.К., 1990. Сопоставительный анализ письменных и археологических источников по проблеме ранней истории Северо-Западного Причерноморья // Причерноморье в VII-V вв. до н.э. Тбилиси.

Граков Б.Н., 1947. Чи мала Ольвія торговельні зносини з Поволжям і Приураллям в архаічну і класичну епохи? // Археологія. Т.1.

Граков Б.М., 1971. Скифы. М.

Гуляев В.И., 1998а. «Золотой курган» скифского времени на Среднем Дону // Сибирь в панораме тысячелетий. Т.1. Новосибирск.

Гуляев В.И., 1998б. О результатах раскопок курганов скифского времени на Среднем Дону в 1993-1997 гг. // Вестник РГНФ. № 1.

Гуляев В.И., Савченко Е.И., 1995. Терновое I — новый скифский курганный могильник на Среднем Дону // РА. № 4.

Гуляев В.И., Савченко Е.И., 1999. К вопросу о роли золота в погребальном ритуале скифов // Евразийские древности. 100 лет Б.Н.Гракову: археологические материалы, публикации, статьи. М.

Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А., 1982. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М.

Ельницкий Л.С., 1961. Знания древних о северных странах. М.

Жебелев С.А., 1953. Скифский рассказ Геродота // Жебелев С.А. Северное Причерноморье. М.-Л.

Кузнецова Т.М., 1990. Торговые или священные пути греков? // Проблемы скифо-сарматской археологии. М.

Лелеков Л.А., Раевский Д.С., 1979. Скифский рассказ Геродота — фольклорные элементы и историческая информативность // НАА. № 6.

Либеров П.Д., 1969. Проблема будинов и гелонов в свете новых археологических данных // МИА. № 151.

Максименко В.Е., 1983. Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. Ростов-на-Дону.

Максименко В.Е., 1995. Сарматы: античная традиция и археологические данные // Доклад, прочитанный на I чтениях памяти К.Ф.Смирнова в Институте археологии РАН 27.XI.1995 г.

Мачинский Д.А., 1993. Скифия и Боспор. От Аристея до Волошина // Скифия и Боспор. Новочеркасск.

Медведев А.П., 1989. К вопросу об идентификации р.Танаис по данным Птолемея // Историческая география Черноземного Центра России. Воронеж.

Медведев А.П., 1993. Река Танаис в системе историко-археологических реалий скифского времени // Античная цивилизация и варварский мир. Новочеркасск.

Медведев А.П., 1997. Ольвийские торговые пути и степень достоверности этногеографических данных Геродота // Археологія. № 4.

Медведев А.П., 1999. Ранний железный век лесостепного Подонья (археология и этнокультурная история). М.

Моруженко А.А., 1989. Историко-культурная общность лесостепных племен междуречья Днепра и Дона скифского времени // СА. № 1.

Надеждин Н.И., 1844. Геродотова Скифия, объясненная через сличение с местностями // ЗООИД. Вып.1. Одесса.

Нейхардт А.А., 1982. Скифский рассказ Геродота в отечественной историографии. Л.

Онайко Н.А., 1966. Античный импорт в Приднепровье и Побужье VII-V вв. до н.э. // САИ. Вып. Д1-27. М.

Островерхов А.С., 1981. Ольвия и торговые пути Скифии // Древности Северо-Западного Причерноморья. Киев.

Поплинский Ю.К., 1980. Принципы этногеографических описаний в античной научной литературе // Африканский сборник. Вып.12. Л.

Пьянков И.В., 1978. Кочевники Казахстана VII в. до н.э. и античная литературная традиция // Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов Советского Востока. М.

Раевский Д.С., 1985. Модель мира скифской культуры. М.

Рассадин С.Е., 1997. Племена и народы «заскифского» Северо-Востока. Минск.

Рыбаков Б.А., 1979. Геродотова Скифия. М.

Скржинская М.В., 1991. Древнегреческий фольклор и литература о Северном Причерноморье. Киев.

Смирнов А.П., 1966. Скифы. М.

Смирнов К.Ф., 1964. Савроматы. М.

Смирнов К.Ф., 1984. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М.

Спицын А.А., 1918. Курганы скифов-пахарей // ИАК. Вып.65.

Стрижак О.С., 1988. Етнонімия Геродотової Скіфії. Київ.

Тереножкин А.И., 1961. Предскифский период на Днепровском Правобережье. Киев.

Тереножкин А.И., Мозолевский Б.Н., 1988. Мелитопольский курган. Киев.

Тохтасьев С.Р., 1987. Выступление в дискуссии по докладу Л.С.Клейна «Индо-арии и скифский мир» // НАА. № 5.

Членова Н.Л., 1983. Предыстория «торгового пути Геродота» // СА. № 1.

Шишова И.А., 1981. О достоверности географических сведений в Скифском рассказе Геродота // Летописи и хроники. М.

Шоков А.Ф., 1952. Скифы на Среднем Дону. Воронеж.

Шрамко Б.А., 1962. Древности Северского Донца. Харьков.

Шрамко Б.А., 1975. Некоторые итоги раскопок Бельского городища и гелоно-будинская проблема // СА. № 1.

Шрамко Б.А., 1987. Бельское городище скифской эпохи (город Гелон). Киев.

Яйленко В.П., 1983. К вопросу об идентификации рек и народов геродотовой Скифии // СЭ. № 1.

Barth R., 1968. Zur Bewertung und Auswahl des Stoffes durch Herodot // Klio. № 3.

Bolton J.D.P., 1962. Aristeas of Proconnesus. Oxford.

Fehling D., 1971. Die Quellenangaben bei Herodot. Berlin-New-York.

Hartog F.L., 1980. Le miroir d'Herodote. Paris.

Hennig R., 1935. Herodots Handelsweg zu den sibirischen Issedonen // Klio. № 28.

Herodote, 1990. Herodote et les peuples non Grecs. Geneve.

Minns E.H., 1913. Scythians and Greeks. Cambridge.

Myres J.L., 1896. An Attempt to Reconstruct the Maps used by Herodotus // Geographical Journal. Vol.VIII.

Schepens G., 1980. L'autopsie dans la metode des Historiens Grecs du V-e siecle avant J.-C. Brussel.

М.Г.МОШКОВА

НАЗНАЧЕНИЕ КАМЕННЫХ «ЖЕРТВЕННИКОВ» И «САВРОМАТСКАЯ» АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

Последние годы возобновился интерес к так называемым каменным «переносным алтарям» или «жертвенникам», определенные типы которых характерны для ранних кочевников Южного Приуралья и Зауралья в VII-IV вв. до н.э. Особое внимание этой категории вещей было уделено В.Ю.Зуевым. Достаточно определенные высказывания его по поводу «савроматских алтариков» и соответственно «савроматских жриц» появились в археологической литературе в конце 1980-ых гг. Он писал тогда: «Выделение более 40 лет назад Б.Н.Граковым особого рода женских погребений и атрибуция их как жреческих, привели его, а за ним и всех адептов этой гипотезы, к необходимости локализовать в Поволжье и Приуралье особую археологическую культуру, которой было дано имя савроматской». И далее: «Благодаря этому в изучении археологии и древней истории Евразии скифского времени сложилось такое положение, при котором ... Северное Причерноморье (так называемая Геродотова Скифия) было прочно отгорожено от азиатского мира плотной стеной «савроматов» Поволжья-Приуралья» (1989, с.50). Позднее В.Ю.Зуев, объединив в одно целое каменные столики, блюда, чашечки и плитки, рассмотрел их по трем позициям — территории распространения, хронологии, функциональному назначению — и пришел к выводу, что все это терочники для приготовления косметики (1996, с.14), которую употребляли скифские женщины на всей территории от Северного Причерноморья до Алтая. На основе этого он считает возможным утверждать отсутствие «савроматской культуры» и существование «скифской археологической культуры в масштабах Евразийского пояса степей» (Зуев В.Ю., 1996, с.15). В результате на основе рассмотрения одной категории вещей делаются кардинальные выводы этноисторического характера, касающиеся происхождения большого количества народов евразийских степей в скифо-савроматскую эпоху.

Прежде чем переходить к конкретному разбору достаточно многочисленной серии алтариков из курганов Южного Приуралья и Зауралья, необходимо сделать несколько замечаний, касающихся историографии вопроса о выделении «савроматской археологической культуры» и «савроматов» как этноса. Как известно, уже в 1918 г. М.И.Ростовцев, изучая материалы из Покровских и Прохоровских курганов, датировал первые V-IV, вторые III-II вв. до н.э. (Ростовцев М.И., 1918 с.76-78) и отметил их «специфические особенности» при сравнении с южнорусскими погребениями этого периода. Особое внимание М.И.Ростовцев уделил анализу изделий в зверином стиле из Южного Приуралья, подчеркнув отличие их от скифского и указав на его местные своеобразные черты и родство с сибирским звериным стилем. Говоря о прохоровских курганах, М.И.Ростовцев обратил внимание на «обилие однотипных погребений во всем Приуралье и соседнем Поволжье» (Ростовцев М.И., 1918, с.78).

В 1928 г. Б.Н.Граков при публикации знаменитого кургана Блюменфельд А-12, приводя аналогии найденным там материалам, все время ссылался на известные к тому времени памятники Южного Приуралья, рассматривая всю эту территорию (Поволжье-Южное Приуралье) как единый культурный регион. Но при этом он считал эту культуру скифской, принадлежащей тому же этносу, что и памятники степей Северного Причерноморья и Приднепровья, т.е. скифам (Grakov B., 1928). В 1929 г. при издании двух курганов из Приуралья Б.Н.Граков пишет, что в настоящее время он может «утверждать с уверенностью, что единство могил скифской эпохи в районе Волги и Оренбурга несомненно во всех деталях. Некоторые локальные особенности существуют, конечно, но они минимальны». К этим особенностям, присущим Южному Приуралью (по сравнению с Волгой), в первую очередь относятся блюда, являвшиеся частью ритуала, и во вторую — сходство могил Южного Приуралья с культурой Ананьино, правда, только в отношении вещей. И далее: «Пока можно констатировать единство культуры скифов регионов Волги-Урала в принципе и надеяться в будущем, что новые работы уточнят влияние этой культуры на различные территории и будут надежной опорой для утверждения о тех же различиях, о которых говорилось для скифских культур в районах Киева и Полтавы, общих по своей природе» (Grakov B., 1929, p.181). Следовательно, независимо от того, с каким этносом связывал Б.Н.Граков территорию Южного Приуралья и Нижнего Поволжья — сначала со скифами, позже с савроматами, она всегда для него существовала как единый культурный регион или единая археологическая культура с определенными локальными особенностями в Южном Приуралье.

В том же 1929 г. П.Рау собрал, проанализировал и датировал весь известный к тому времени нижневолжский материал (привлекая и южноуральские комплексы) VII-V вв. до н.э. и пришел к выводу, что население

Нижней Волги есть восточные соседи скифов, похожие на скифов, савроматы Геродота, живущие по ту сторону Дона в «Азии». Но добавил, что остаются вопросы для дальнейшего решения, в том числе «вопрос об этническом составе населения Самаро-Уральской области с блюдами на ножках и массивными наконечниками стрел и их отношение к савроматам Нижней Волги» (Rau P., 1929, s.60).

Такова была ситуация в области волго-уральского археологического материала к 1947 г., когда появилась статья Б.Н.Гракова, где вопреки позиции М.И.Ростовцева была предложена концепция, во-первых, о единстве археологической культуры (названной савроматской) от Дона до Южного Приуралья и, во-вторых, о соотнесении ее с савроматами Геродота, а также о генетической связи этой культуры с последующей — прохоровской, принадлежащей сарматам. Выделение Б.Н.Граковым особой савроматской археологической культуры, не идентичной скифской, основывалось не только и не столько на существовании женских погребений с жертвенниками и особом статусе этих женщин, сколько на специфике всего археологического материала, включая керамику, украшения, оружие, конскую сбрую и, разумеется, погребальный обряд. Концепция об особом положении женщин у савроматов (согласно сведениям Геродота и Псевдо-Гиппократа) и археологические следы этих сообщений в курганах Южного Приуралья VI-IV вв. до н.э. и затем в наиболее ранних могилах следующего этапа — IV-III вв. до н.э. (главным образом в погребальном обряде, топографии могил в кургане и курганов в могильнике), как и обнаружение переходных форм в ритуале и инвентаре, являлись для Б.Н.Гракова доказательством генетической связи «савроматов» Геродота с сарматами эллинистической эпохи (Граков Б.Н., 1947).

В дальнейшем К.Ф.Смирнов, оставляя в силе утверждение Б.Н.Гракова о распространении савроматской археологической культуры от Дона до Южного Приуралья, окончательно сформулировал тезис о существовании двух локальных вариантов внутри этой культуры, которые были намечены Б.Н.Граковым в 1929 г., когда он обратил внимание на некоторые локальные особенности памятников Южного Приуралья. В 1964 г. (с.197) К.Ф.Смирнов писал о том, что с савроматами Геродота он связывает лишь доно-волжский локальный вариант савроматской культуры, самаро-уральский — более неоднороден и может принадлежать исседонам, протоаорсам и возможно роксоланам, в 1977 г. он уточнил — исседонам и союзу дахо-массагетских племен (с.135). О том, что «савроматы Геродота» не обитали в Южном Приуралье, в 1970-е годы писали Д.А.Мачинский (1971), В.П.Шилов (1975), позднее М.А.Очир-Горяева (1988). Следовательно, кочевников Южного Приуралья давно уже никто не рассматривает как савроматов Геродота. Что касается разделения памятников от Дона до Зауралья на два локальных варианта савроматской культуры или на две (а может быть, и три) разные археологических культуры, то этот вопрос не столь принципиален, поскольку до сих пор не определены критерии, разделяющие эти понятия.

Но в последних работах В.Ю.Зуева весь запутанный и сложный клубок дискуссионных вопросов — о существовании савроматской археологической культуры вообще (или нескольких культур «савроматского» круга от Дона до Южного Приуралья и Зауралья), об этнической идентификация кочевников, обитавших в этих районах, характере их связей с окружающим кочевым и полукочевым миром — свелся в сущности к вопросу о функциональном назначении так называемых жертвенников, времени и территории их распространения. Однако, для выполнения даже этих задач, поставленных В.Ю.Зуевым, был необходим всесторонний источниковедческий анализ изучаемой категории предметов. Во-первых, надо было провести тщательную типологическую разработку всей серии подобных предметов на всей территории, о которой пишет В.Ю.Зуев, во-вторых, также подробно рассмотреть ситуации, при которых найдены жертвенники, сопровождающий их инвентарь и особенности погребального обряда рассматриваемых захоронений. К сожалению, этой части исследования у В.Ю.Зуева нет.

Хочу оговорить еще один момент. Термин «жертвеннику» применяется в этой статье лишь к предметам специально сделанным в виде столиков на высоких и низких ножках или плоских и чашевидных блюд. Только о таких вещах идет речь, когда упоминаются жертвенники из погребений савроматского времени от Дона до Южного Приуралья и Зауралья. Только такие вещи и будут рассмотрены на всей территории, где они встречаются. И только такой подход я считаю правомерным. Мне представляется некорректным привлечение плит, найденных в погребениях Нартана, в качестве «каменных предметов для приготовления косметики», появившихся в европейской части степей на Кавказе в середине VII в. до н.э. — Келермес и Нартан (Зуев В.Ю., Ильина Ю.И., 1997, с.7). Если находку из Келермеса можно рассматривать как обломок блюда-алтарика (Галанина Л.К., 1997, табл. 41, *412*), то плиты из курганов Нартана не имеют никакого отношения к нашей теме. Хотя автор раскопок и пишет о ритуальном назначении фрагментов обработанных каменных плит (Батчаев В.М., 1985, с.52), но ни он и никто другой ничего не могут сказать об их назначении. Это были обломки плит очень значительных размеров (67x38; 68x46; 70x38; 48x31; 30x20 см) с неровными краями. Только одна из них была почти целая (65x32 см). Плиты сделаны из разных материалов — песчаника, гранита и лицевая сторона их в большинстве случаев была тщательно зашлифована. Две плиты были прислонены к стенкам (Батчаев В.М., 1985, с.34,38). Никаких следов краски или древесных остатков на них не обнаружено. За исключением, возможно, одного случая (Батчаев В.М., 1985, с.34, рис.37, *24*), нет и следов сработанности. Как употреблялись эти плиты и в каких ритуалах, мы не знаем. Можно только с полной

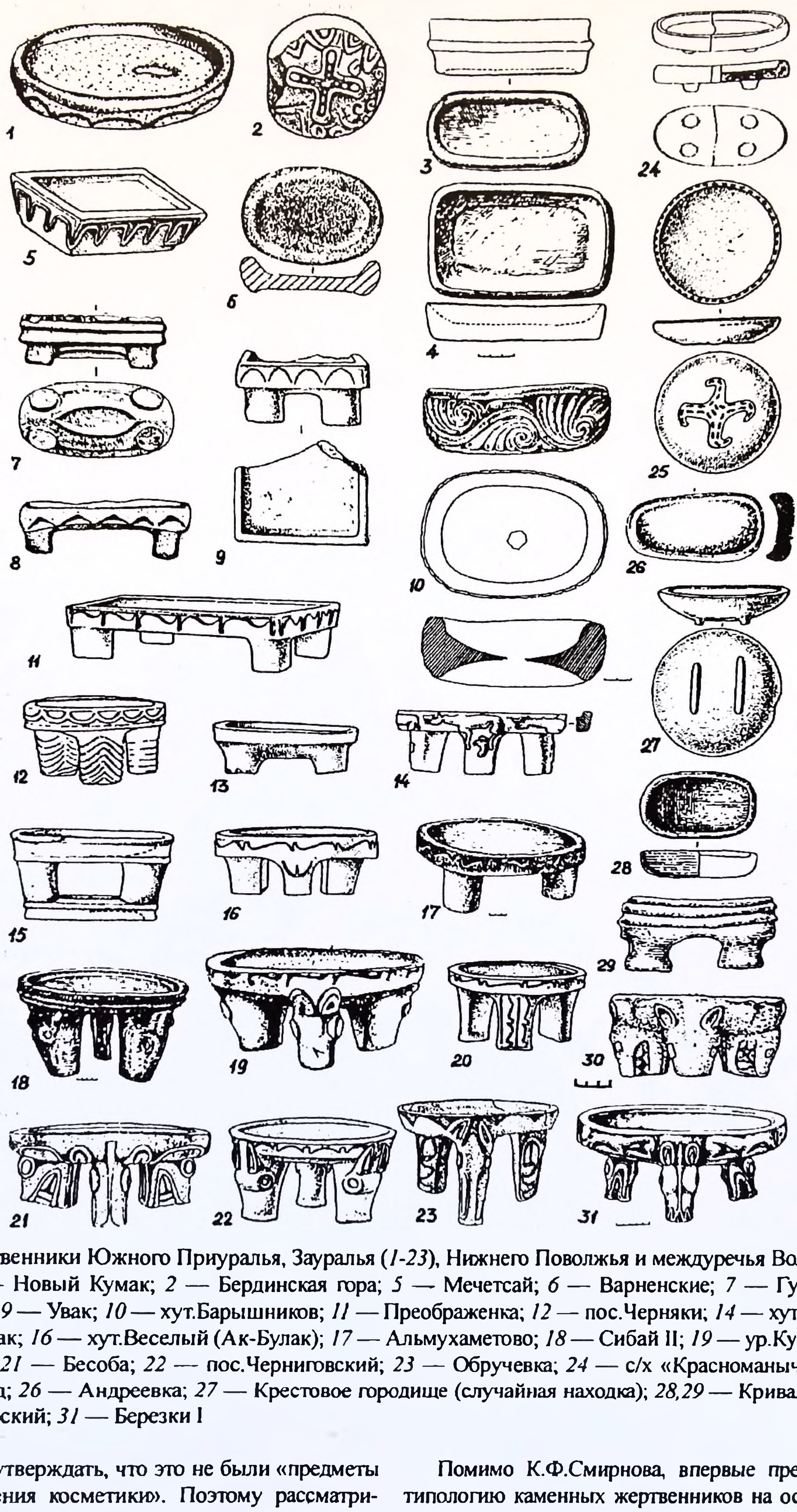


Рис.1. Жертвенники Южного Приуралья, Зауралья (*1-23*), Нижнего Поволжья и междуречья Волги-Дона (*24-31*): *1,3,4,13* — Новый Кумак; *2* — Бердинская гора; *5* — Мечетсай; *6* — Варненские; *7* — Гумарово; *8* — ур.Жалгызоба; *9* — Увак; *10* — хут.Барышников; *11* — Преображенка; *12* — пос.Черняки; *14* — хут.Крыловской; *15* — Тара-Бутак; *16* — хут.Веселый (Ак-Булак); *17* — Альмухаметово; *18* — Сибай II; *19* — ур.Кумиссай; *20* — Маячная гора; *21* — Бесоба; *22* — пос.Черниговский; *23* — Обручевка; *24* — с/х «Красноманычский»; *25* — Самарский уезд; *26* — Андреевка; *27* — Крестовое городище (случайная находка); *28,29* — Кривая Лука; *30* — хут.Краснодворский; *31* — Березки I

уверенностью утверждать, что это не были «предметы для приготовления косметики». Поэтому рассматривать их совместно с приуральскими, приаральскими и другими жертвенниками подобного типа нельзя.

Помимо К.Ф.Смирнова, впервые предложившего типологию каменных жертвенников на основании известных к тому времени 45 экз., очень серьезное исследование этой категории вещей принадлежит

В.Н.Васильеву (1998). В основу его типологии положено уже около 80 экз. жертвенников, происходящих только из Южного Приуралья и Зауралья и в большинстве случаев имевших полные сведения о комплексах, в которых они найдены. Ведущими признаками у обоих авторов были форма столика или блюда и наличие или отсутствие у них ножек.

В настоящей статье для общих подсчетов используется 72 экземпляра жертвенников с территории Южного Приуралья и Зауралья, основная часть которых собрана и К.Ф.Смирновым (1964) и В.П.Васильевым (1998). Однако я буду оперировать и другой выборкой, состоящей из 57 экз. подобных предметов, которые обнаружены в нетронутых погребениях или сохранившихся in situ в частично разграбленных могилах.

Из 72 целых и частично разрушенных жертвенников 54 экз. (75%) имели ножки, остальные 18 (25 %) были без ножек. Среди первых у 35 (64,8%) были круглые столики или блюда, у 19 (35,1%) ладьевидные, овальные, прямоугольные или прямоугольные со скругленными углами. Как видим, три четверти южноуральских жертвенников имели ножки и только одна четверть была без них, что совершенно не характерно для всей остальной обширной территории, где встречаются подобные находки. По форме столика или блюда жертвенники без ножек (18 экз.) также делятся на 2 группы: первая с круглыми (8 экз., 44,4%) и вторая (10 экз., 55,5%) с ладьевидными, овальными корытообразными и прямоугольными столиками. Довольно интересно хронологическое распределение жертвенников без ножек. Вторая группа (ладьевидные и др.) датируется в пределах VII-V вв. до н.э. (Варна, к.2 — VII-VI вв. до н.э.; VIII Верхне-Кардаиловский к.1 — VI в. до н.э., остальные V в. до н.э.), а круглые жертвенники без ножек (1-ая группа), за исключением одного и при этом обломка (I Аландский, к.1 — V в. до н.э.), обнаружены в могилах IV в. до н.э.

Среди жертвенников на ножках (54 экз.) нет такой жесткой связи между формой столика-блюда и датой. Все они датируются в пределах VI-V вв. до н.э., но в большинстве случаев V в. до н.э. (лишь 10 экземпляров, по-видимому, можно отнести к самому концу V — рубежу V-IV вв. до н.э., правда, 7 из них имеют круглые столики). Однако пропорционально среди круглых столиков лишь 8 (из 35), т.е. 22,8% относятся ко времени VI-V вв. до н.э., а среди ладьевидных, овальных и прямоугольных 6 (из 18) — 33,3% (в том числе 2 — VI в. до н.э. и 4 — VI-V вв. до н.э.). Следовательно, можно все-таки утверждать, что южноуральские и зауральские жертвенники на ножках с ладьевидными, овальными и прямоугольными столиками-блюдами чаще, чем с круглыми, встречаются в более ранних могилах. Такова ситуация с формами жертвенников, известных на территории Южного Приуралья и Зауралья. Все они представлены на рис.1, *1-23*.

Приведенная характеристика показывает, что жертвенники на ножках доминируют в представленной серии (75% от 72 экз.) , составляют большинство и экземпляры, имевшие круглые столики или блюда (64,8%). Наконец, южноуральские и зауральские жертвенники отличают еще два признака — во-первых, это сравнительно высокие ножки и, во-вторых, оформление их в виде морды животного (волка, медведя и др.), реже украшение геометрическим орнаментом. Однако зооморфные ножки, всегда в количестве 3-х, встречаются только у круглых жертвенников. На широкие бортики жертвенников также нередко наносился орнамент геометрический или в виде изображений в зверином стиле. Интересна еще одна деталь — среди круглых жертвенников на ножках (их 35 экз.) 28 (80%) оказались украшенными, в том числе в зооморфном стиле 21 экз. (75%) и геомстрическим орнаментом 7 экз. (25%).

Как известно, так называемые жертвенники встречаются почти на всем поясе Евразийских степей — в Северном Причерноморье, в Приаралье, Центральном и Северном Казахстане, Верхнем Приобье и на Алтае. Каковы же они?

Наиболее ранние жертвенники известны из сакских погребений Южного Приаралья (Сакар-Чага) и Нижней Сырдарьи (Уйгарак, Тагискен). В могильнике Сакар-чага, погребения которого автор раскопок датирует концом VIII-VII вв. до н.э. (Яблонский Л.Т., 1996, с.52) встречено немного подобных предметов (6 из 87 могил). Но лишь один из них (к.41, Сакар-чага 6, рис.2, *10*), найденный в погребении с трупосожжением женщины, представляет собой специально сделанный жертвенник клювовидной формы, лежавший вместе с катушкообразным пестиком. Здесь же находился железный жертвенный нож (L — 27,5 см) без деревянной рукояти (Яблонский Л.Т., 1996, с.125; рис.21, *9,10*). Все остальные предметы из могильника Сакар-чага — 3,6, названные Л.Т.Яблонским в одних случаях жертвенниками, в других зернотерками (Яблонский Л.Т., 1996, с.113-125), представляли собой неправильной формы небольшие (21-23 х 13-16 см) каменные плитки, лишь одна была чуть большего размера (34х22 см, рис.12, *65*), на которых или были следы растирания красной краски, или их сопровождали в могилах пестики со следами красной краски и реальгар. Л.Т.Яблонский считает, что в быту эти каменные плитки или зернотерки употреблялись по прямому назначению, а в погребальном обряде могли использоваться в качестве культовых символов (с.34). За исключением одного погребения, принадлежащего мужчине, во всех остальных могилах были захоронены женщины.

Восточное Приаралье (Уйгарак, Тагискен, рис.2, *7-9,11-16*) гораздо богаче жертвенниками по сравнению с Южным Приаральем. В Уйгараке их было обнаружено 10 экз. и в Тагискене 7 экз. Первые найдены в погребениях VII-VI вв. до н.э. (Вишневская О.А., 1973, с.120-126); вторые в могилах VII — середины VI вв. до н.э. (Итина М.А., Яблонский Л.Т., 1997, с.69,70). В каждом могильнике найдено лишь по одному экземпляру овальных жертвенников с чуть выступающими (Итина М.А., Яблонский Л.Т., 1997, рис.29, *6*) или очень невысокими 4-мя ножками (Вишневская О.А., 1973,

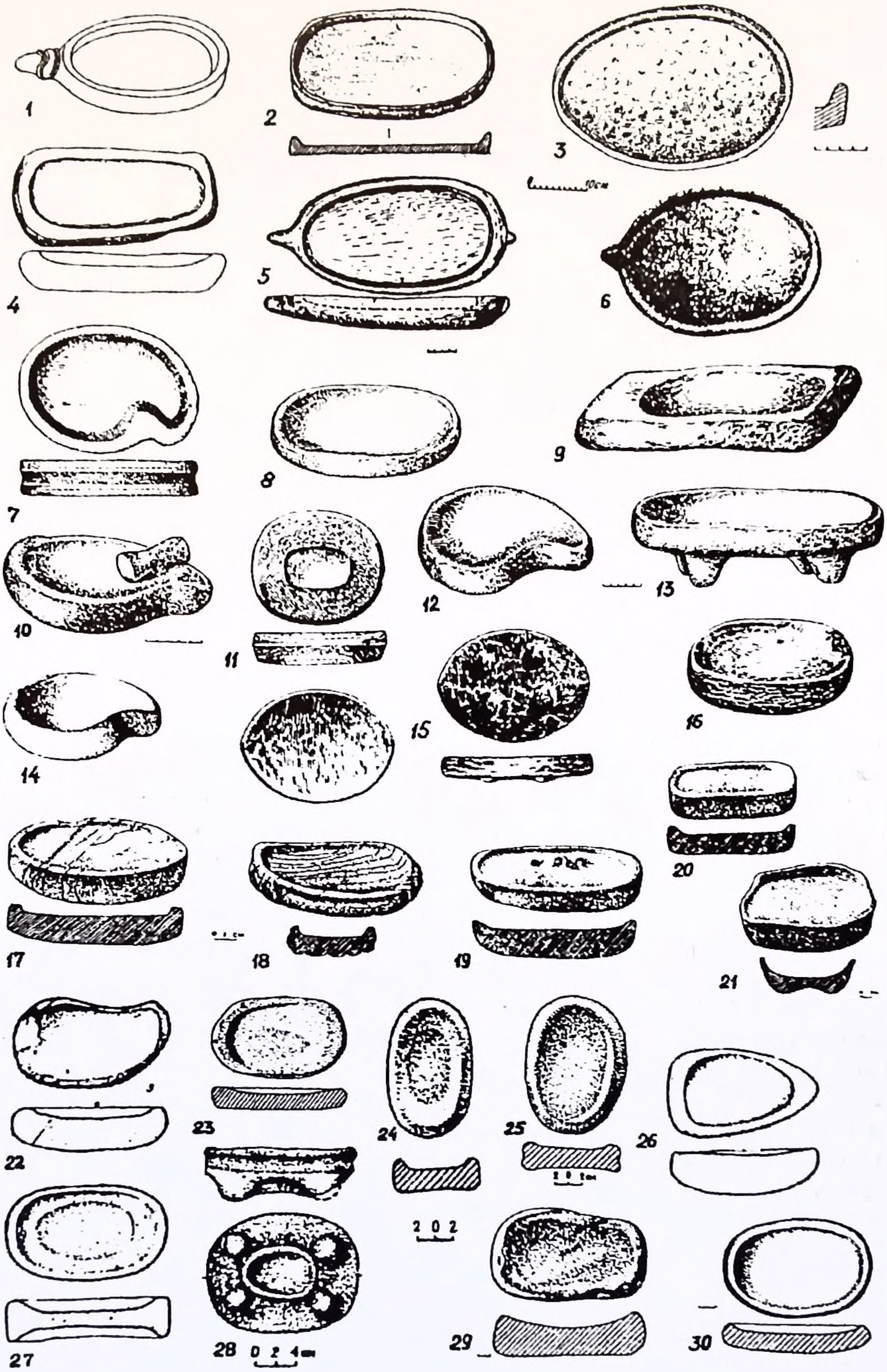


Рис.2. Жертвенники Северного Причерноморья (*1-6*), Приаралья (*7-16*), Центрального Казахстана (*17-21*) и Приишимья (*22-30*): *1* — Синявка; *2* — Бобрица; *3* — Журовка; *4* — хут.Поповка; *5* — Роменские курганы; *6* — Репяховатая Могила; *7-9,11-13* — Уйгарак; *10* — Сакар-чага 6; *14-16* — Южный Тагискен; *17,20* — Карамурун; *18,19,21* — Тасмола; *22,27* — ур.Алыпкаш; *23* — Бектениз; *24-26* — Улубай; *28* — Кенес; *29* — Графские развалины; *30* — ур.Саркара

табл.XXIV, *1*). Все остальные были плоские овальные, прямоугольные и клювовидные (последних в Уйгараке — 3; в Тагискене — 2). Несомненно, они являются специфическими формами, характерными именно для Приаралья VII-VI вв. до н.э. Правда, имеется еще одно упоминание о 2-х клювовидных жертвенниках, обнаруженных на территории Северного Казахстана в степной зоне правобережного Приишимья. М.К.Хабдулина относит их к VIII-VII вв. до н.э. и предполагает, что со временем клювовидные жертвенники станут датирующей категорией инвентаря для памятников VIII-VII вв. до н.э., ссылаясь при этом на находки из

Уйгарака и Тагискена (Хабдулина М.К., 1994, с.69). Однако, по мнению публиковавших их исследователей, дата тагискенских жертвенников укладывается в рамки VII — середины VI вв. до н.э. (Итина М.А., Яблонский Л.Т., 1977, с.70), а уйгаракских — VII-VI вв. до н.э. (Вишневская О.А., 1973, с.120-126).

На территории Центрального Казахстана (тасмолинская культура) также встречаются жертвенники (11 экз.). Все они овальные, изредка почти прямоугольные со скругленными углами, круглых нет (наружная, углубленная поверхность всегда овальна), в большинстве случаев жертвенники небольшие. Длина их колеблется в пределах 11-25 см, но обычно бывает 15-20 см. Все они плоские (рис.2, *17-21*). Жертвенники находились, как правило, в женских могилах, но в 3 случаях сопровождали мужчин. В одной из женских могил в носовой перегородке погребенной торчала костяная шпилька. На некоторых жертвенниках были заметны следы растирания каких-то красок, а на одном остатки древесных угольков. Датируются эти предметы поразному — часть VII-VI вв. до н.э., часть обнаружена в могилах V-IV или V-III вв. до н.э. (Кадырбаев М.К., 1966, с.362,392,402).

Восточнее, на территории Северного Казахстана, особенно в степной зоне правобережья Ишима, курганы кочевников также содержали каменные жертвенники (рис.2, *22-30*). По сведениям М.К.Хабдулиной, их известно чуть более 30. По форме столика или блюда они делятся на клювовидные, о которых писалось выше, овальные, составляющие основную массу находок (21 экз.), и подтреугольные или ладьевидные (3 экз.), общая дата — VIII-III вв. до н.э. За исключением одного экземпляра, все они без ножек, плоские (Хабдулина М.К., 1974, с.60, рис.58). Единственный жертвенник на 4-х ножках (VI-V вв. до н.э.) имел на дне еще и поддон (Хабдулина М.К., 1974, рис.13, *10*).

Наиболее многочисленная и более поздняя группа каменных жертвенников (или алтариков, по терминологии В.А.Могильникова) известна с территории Верхнего Приобья, включая Кулундинскую степь, где по сведениям В.А.Могильникова их насчитывается больше 50 экз. (рис.3, *4,8,9,11-22*). Появляются они здесь не ранее середины — 2-ой половины VI в. до н.э., но основная часть находок относится к V и IV-II вв. до н.э., хотя встречаются алтарики и в могилах III-II вв. до н.э. (Могильников В.А., 1997, с.88).

Доминирующую часть коллекции приобских алтариков составляют экземпляры без ножек овальной, очень редко подпрямоугольной или приближающейся к кругу формы. Овальные, подтреугольные и округлые алтарики сделаны обычно из гранитных валунов, что определяло их малые размеры (8-12 см) и форму. Прямоугольные и часть овальных изготовлялись из плотного мелкозернистого песчаника и размеры их значительно больше первых (16-22 см). Но иногда большие овальные алтарики были сделаны из гранита (до 22x10 см при высоте 1 см), как, например, в Рогозихе (Уманский А.П., 1992). Количество алтариков без ножек в несколько раз превышает количество их на ножках. Среди последних бывают подпрямоугольные столики обычно на 4-х круглых или подквадратных ножках, иногда эти ножки довольно высокие (например, из Рогозихи высота алтариков — 10 и 12 см). Но, как правило, ножки — 4, реже 2 или 3 — представляют собой как бы выступы и встречаются преимущественно на овальных столиках-чашах. Изредка овальные алтарики имеют кольцевые поддоны овальной формы. Как считает В.А.Могильников, наиболее ранними являются овальные алтарики без ножек казахстанского типа, которые появляются здесь в середине VI в. до н.э. и существуют до III-II вв. до н.э. Алтарики на небольших ножках-выступах и кольцевых поддонах могут быть датированы V-IV вв. до н.э. Он связывает появление их с разными волнами проникновения в степное и лесостепное междуречье Иртыша и Оби и Верхнее Приобье кочевого и полукочевого населения, в основном саков, с запада и юго-запада, которое начинается около 2-ой четверти — середины VI в. до н.э. (Могильников В.А., 1997, с.89).

Еще 2 жертвенника-алтарика известны из погребений Горного Алтая. Один овальной формы с 4-мя намеченными ножками на кольцевом поддоне из Каракольского кургана (Киселев С.В., 1949, с.192, табл.XXXII, *3*). Другой из II Пазырыкского кургана — в виде довольно большого (L — 35 см) прямоугольного столика с бортиком по краю, на 4-х круглых массивных сравнительно высоких ножках. Общая высота жертвенника 11 см. С.И.Руденко называет этот предмет «светильня», поскольку на внутренней поверхности его было 2 продолговатых желобчатых углубления, как он считает, для жира (Руденко С.И., 1953, с.81,80, рис.32,33). Оба жертвенника были найдены в элитных женских погребениях. В.А.Могильников упоминает о нескольких случайных находках жертвенников плоских и с намеченными ножками с территории Алтайского низкогорья. Он считает, что все эти предметы могли попасть сюда из приалтайских степей (Могильников В.А., 1997, с.91).

В лесостепном Прииртышье и Барабе (рис.3, *2,3,5-7,10*) также известны каменные жертвенники-алтарики, правда, немногочисленные (менее десятка). За исключением 3-х, все они плоские, овальные большего или меньшего размера, напоминающие центральноказахстанские образцы. Среди жертвенников на ножках один был большой (L-34) прямоугольной формы на 4-х массивных округлых довольно высоких ножках (Карташово — Могильников В.А., 1992, с.305, табл.126, *62*) и более всех походил на южноуральские и зауральские жертвенники. Экземпляр из могильника Старый Сад имел 4 чуть выступающие ножки, находившиеся в центральной части дна, и геометрический орнамент по бортику (Полосьмак Н.В., 1987, с.86, рис.78), который практически не встречаются нигде, кроме Приуралья и Зауралья и упомянутый экземпляр является единственным. В.А.Могильников и Н.В.Полосьмак датируют все эти предметы концом V-IV-III вв. до н.э.

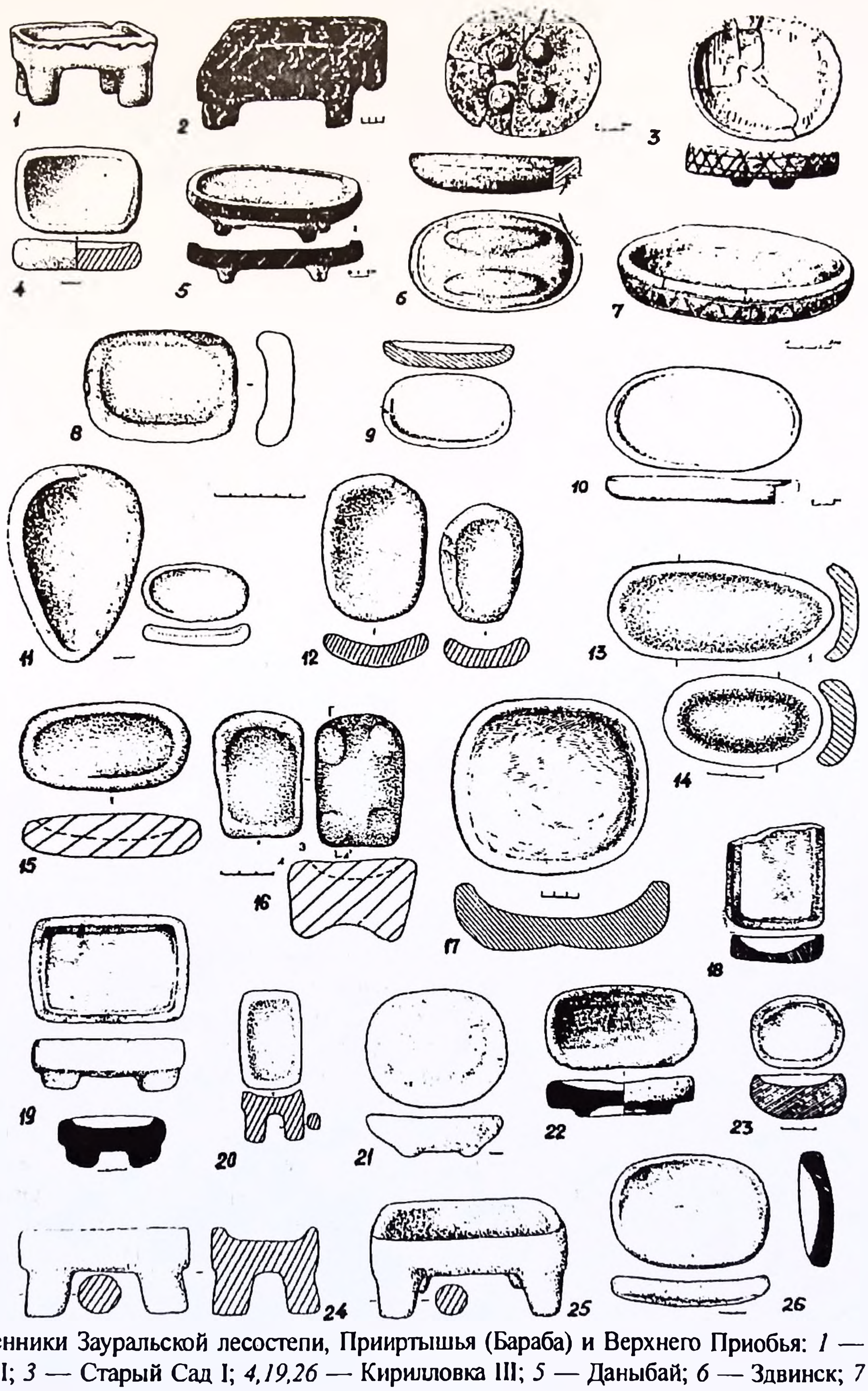


Рис.3. Жертвенники Зауральской лесостепи, Прииртышья (Бараба) и Верхнего Приобья: *1* — с.Катайское; *2* — Карташево II; *3* — Старый Сад I; *4,19,26* — Кирилловка III; *5* — Даныбай; *6* — Здвинск; *7* — Сопка II; *8,12* — МГК-1, могильник 1; *9* — Казанково X; *10* — Бергуль; *11* — Шелаболиха III; *13,14,17,20,24,25* — Рогозиха I; *15,16* — с.Усть-Алейка; *18,21,23* — Новотроицкое II; *22* — Масляха I

В зауральской лесостепи (Челябинская область) мне известны 4 находки жертвенников, все они имели ножки (Могильников В.А., 1997, рис.64). Один из них четырехугольный на 4-х ножках найден у с.Катайское (Смирнов К.Ф., 1964, рис.74, *2*). Еще один почти квадратный жертвенник тоже на 4-х ножках известен из разграбленного кургана у с.Березовка (Хабдулина М.К., Малютина Т.С., 1982, с.79). Оба последние экземпляра по форме, размерам и даже орнаменту на бортике катайского — аналогичны жертвенникам из погребений кочевников Южного Приуралья и Зауралья V в. до н.э.

Не менее интересна картина распространения жертвенников к западу от Южного Приуралья. Если когда-то отсутствие их на Нижней Волге и в междуречье Волги-Дона было одним из основных различий

этих регионов, то сейчас ситуация иная (рис.1, *24-31*). Целые экземпляры и их обломки, которых насчитывается уже не один десяток, сосредоточены в основном в двух районах Нижнего Поволжья: на севере около Самарской Луки и на юге — Астраханская область, междуречье Волги-Дона. В первом районе это небольшой обломок из кургана у с.Комарово на правом берегу Волги и остальные 5 с левобережья, поблизости от г.Самары. Среди последних 3 случайные находки — одно плоское круглое, два других на 2-х продольных ножках (Смирнов К.Ф., 1964, рис.74, *22,23*; 75, *1*) и еще 2 жертвенника из элитных погребений. Один из них плоский овально-удлиненный из кургана у с.Андреевка (Васильев И.Б., Матвеева Г.И., 1987, с.119) и второй — круглый на 3-х ножках в виде голов медведя из интереснейшего деревянно-сырцового сооружения могильника Березки I (Мышкин В.Н., Скарбовенко В.А., Хохлов А.А., 2000, рис.1, *1*). Еще один обломок с невысокой круглой ножкой происходит с правого берега (с.Даниловка, Белый Мар — чуть севернее Камышина; Смирнов К.Ф., 1964, рис.74, *6*). За исключением плоского небольшого овального жертвенника (15x10,5 см) из могильника Маляевка V на левом берегу Ахтубы (Сергацков И.В., Дворниченко В.В., Дьяченко А.Н., 1999, с.168), все остальные известные мне находки располагаются в низовьях правобережья Волги и в междуречье Волги-Дона. По сведениям В.В.Дворниченко, который учел, по-видимому, все находки жертвенников и их обломков, на упомянутой территории их насчитывается около 20 экз.[1] Сюда вошли жертвенники из могильников Кривая Лука (один на 2-х ножках и 3 овальные без ножек, среди последних один большой 31x19, h = 7 см — Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А., 1976), Центральный (овальный без ножек, бортик рифленый — Максименко В.Е., 1983, рис.60, *4*), Три брата (небольшой, овальный, плоский — Смирнов К.Ф., 1964, рис.5, *2а*), Красноманычский (на 4 невысоких ножках, овальный — Кореняко В.А., 1982, с.225, рис.2) и из знаменитого Краснодворского кургана (правый берег Дона). Последний самый интересный и единственный на территории Междуречья и Подонья. Это круглый небольшой столика на трех ножках, выполненных в виде головы волка, оскаленная пасть которого изображена на нижней части ножки. По бортику идет рельефный орнамент в виде сдвоенных дуг (Ильюков Л.С., 1998, с.56, рис.1; 3, *2*).

Знаменитые курганы у г.Константиновска (Кияшко В.Я., Кореняко В.А., 1976) и на западной окраине Ростова-на-Дону (Брашинский И.Б., 1973) я отношу к скифским памятникам и соответственно найденные там жертвенники рассматриваются в серии скифских находок подобных предметов.

В Европейской Скифии жертвенники или блюда встречаются лишь в правобережной и левобережной лесостепи, на Нижнем и Среднем Дону и в Центральном Предкавказье (рис.2, *1-6*). Это большие овальные нередко удлиненные песчаниковые блюда иногда клиновидной формы с бортиком и без ножек. Изредка одна из поперечных сторон бортика имела выступ в виде схематичного изображения головы барана (Синявка к.100 — Ковпаненко Г.Т., 1981, с.113,114, рис.62, 5). На некоторых жертвенниках эти изображения заменяются выступом треугольной формы. На одной из находок в Роменских курганах выступы были на обеих поперечных сторонах бортика (Ильинская В.А., 1968, с.151, рис.41, *6*). При очень небольшой высоте (2,5-4 см) размеры жертвенников, как правило, значительны (20-40 см, чаще 30-35 см на 13-25 см). Самые ранние находки скифских жертвенников известны в погребениях Северного Кавказа. Так, обломки жертвенников найдены в курганах Краснознаменского и Келермесского могильников которые датируются второй половиной VII в. до н.э. (Петренко В.Г., 1983, рис.42; 1990, с.76; Галанина Л.К., 1991, табл.41, *412*). К 1-й половине VI в. до н.э. относится погребение с жертвенником у города Константиновска (Кияшко В.Я., Кореняко В.А., 1976, с.176). Также VI в. до н.э. датируется и курган с жертвенником в городе Ростове-на-Дону (Брашинский И.Б., 1973, с.57). В правобережной и левобережной лесостепи жертвенники найдены не только в могилах VI в. до н.э., но и на поселениях (Ковпаненко Г.Т., 1981, с.114; Ильинская В.А., 1968, с.150; 1975, с.154). В V в. до н.э. жертвенники-блюда практически не встречаются.

Рассмотрение жертвенников на всей территории Евразийских степей и приведенные иллюстрации на рисунках 1,2,3 показывают, что простейшие из них — овальной формы — встречаются повсюду. Но, во-первых, в каждом из регионов превалирует та или иная форма и господствуют определенные размеры этих предметов. Во-вторых, в Южном Приуралье, Приаралье и на Ишиме известны специфические формы жертвенников (круглые, на ножках в зверином стиле, клювовидные), которые не встречаются более нигде. И, в-третьих, время существования их на разных территориях бывает различно, хотя в какие-то периоды они сосуществуют.

Обзор всех известных мне жертвенников показал, что экземпляры с круглыми столиками на ножках, а тем более украшенных в зверином стиле, не встречаются нигде кроме Южного Приуралья и Зауралья (лишь по одной находке известно из «савроматских» погребений в Нижнем Поволжье и на Нижнем Дону). Поэтому совершенно справедливо заключение В.Н.Васильева о том, что они «являются культурно-значимой категорией погребального инвентаря ранних кочевников Южного Урала» (1998, с.29).

Какова же роль этих жертвенников-алтарей в жизни и погребальном ритуале кочевников, каково их функциональное назначение?

В некоторых случаях понять функциональное назначение определенных вещей помогает их местонахождение и расположение сопровождающих их предметов. Напомню, что я оперирую выборкой из 54 погребений Южного Приуралья и Зауралья и лишь выборочно привлекаю данные с других территорий.

Большинство жертвенников находится в могилах около или поблизости от погребенных. Однако, суще-

ствуют и другие ситуации. Так, в нескольких курганах (Гирьяльский, к.2; I Аландский, к.1; Гумарово, к.1, п.2; к.3; Альмухаметово, к.8; Лебедевка V, к.51) жертвенники стояли на древнем горизонте около могильных ям, иногда вверх дном в насыпи кургана (в двух случаях рядом с жертвенником было зеркало — Новоорский I, к.3). А при трупосожжении в Аландском кургане обломки двух жертвенников находились на противоположных сторонах насыпи. Но самая интересная находка жертвенника была сделана в скифском кургане на Среднем Дону в могильнике Терновое I. В ровике, окружавшем единственное центральное погребение кургана, в одном из его незамкнутых концов на глубине 1,75 м лежал большой круглый жертвенник (d — 46,5 см) из серого крупнозернистого песчаника с заглаженным полусферическим дном и неглубокой чашевидной выемкой наверху. В разных частях ровика находились кости взрослой лошади. Кроме того, вдоль восточной стенки могилы зафиксирована полоска ярко-красного реальгара длиной 3,5 м и шириной 1 см (Гуляев В.И., Савченко Е.И., 1995, с.92,93, рис.5, *23*). Также по дну ровика были разбросаны обломки разбитого перед погребением каменного блюда в кургане у г.Константиновска (Кияшко В.Я., Кореняко В.А., 1976, с.71, рис.1; 2, *4*). Перечисленные выше жертвенники, разумеется, никак не могли быть связанными с косметическими наборами. Несомненно, что они как-то использовались в ритуалах, связанных с погребальным обрядом. Также о ритуально-сакральном назначении жертвенников можно говорить и тогда, когда этот предмет принадлежал не одному погребенному, а находился в могиле с коллективным захоронением и занимал в ней определенное место. В могильнике Обручевка (к.2, п.1 — Гаврилюк А.Г., Таиров А.Д., 1993) в центре ямы находился очаг с остатками золы и рядом с ним стоял круглый жертвенник на трех ножках, выполненных в виде волчьих голов. Еще в одном кургане (Заседателева С.Н., 1986), где были похоронены двое взрослых и двое детей, жертвенник лежал вверх дном в ногах погребенных. Наконец, в коллективной могиле (Смирнов К.Ф., 1977, с.23,24), где был верхний разрушенный слой погребенных, а на дне лежали двое взрослых и четверо детей, два жертвенника находились в свободной центральной части могилы. Весьма возможно, что жертвенники в коллективных могилах, несоотносящиеся ни с одним погребенным, являются достоянием семьи и употребляются в каких-то культовых церемониях и при жизни погребенных и при похоронном ритуале. Тем более, что в одном из погребений жертвенник находился рядом с очагом с золой.

В той же сакрально-культовой роли выступают жертвенники и в могильнике Тагискен. Из семи найденных там жертвенников в 3-х случаях они находились в площади ритуальных ямок, которые были вырыты по 4-м углам камеры (следов дерева в них не было), но не несли никакой функциональной нагрузки (Итина М.А., Яблонский Л.Т., 1997, с.16-18,27, рис.21,26,64). В одном из курганов в ямке вместе с жертвенником находилось зеркало, в другом — сам жертвенник лежал вверх дном.

Думаю, что во всех описанных выше могилах использование жертвенников в качестве предметов, связанных с выполнением каких-то ритуально-сакральных процедур, не вызывает сомнения.

Не менее интересен и набор предметов, встречающихся обычно совместно с жертвенниками и названных В.Н.Васильевым «жреческим» комплексом (1998, с.32), а В.Ю.Зуевым — туалетным набором (1996, с.10). Более обоснованным мне представляется состав набора, предложенный В.Н.Васильевым, поскольку он составлен на основе количественных подсчетов, а не на общих представлениях. Он включает зеркала, красящие вещества, раковины Grifea.

Особое место в этом наборе занимает зеркало. В используемой выборке из 54 погребений 33 (63,5%) содержали зеркала, которые, как правило, находились поблизости от жертвенников на них или под ними. Как считают многие исследователи, подкрепляя свое мнение историческими и этнографическими сведениями (Литвинский Б.А., 1964; Хазанов А.М., 1964), зеркало с глубокой древности, помимо бытового использования, являлось предметом культа и обладало магическими свойствами, в частности, охранителя. У многих народов зеркала почитали как изображение солнечного диска, то есть воплощенного солнечного божества. Знаменательно, что там, где на зеркалах различаются тыльная и лицевая стороны, они всегда лежат в могилах лицевой стороной вниз. К.Ф.Смирнов отмечал следы действия огня на некоторых зеркалах из могил, не связанных с трупосожжением и не имеющих продуктов горения. Значит, их специально помещали в огонь, прежде чем положить в могилу, что несомненно связано с представлениями о магических свойствах зеркал (Смирнов К.Ф., 1964, с.249).

В связи с восприятием зеркал как предметов сакрального характера очень важно наблюдение О.А.Вишневской о находках их в Уйгараке. Она пишет, что ни в одном женском погребении центральной и западной групп могильника, в том числе богатых и мало потревоженных, зеркал нет. Но они являются обязательным атрибутом инвентаря женских погребений с жертвенниками, которые находились только в восточной группе могильника. Также в качестве культово-сакрального предмета следует рассматривать знаменитое бронзовое зеркало-нож, найденное совместно с бронзовым жертвенным ножом в одном из мужских погребений Уйгарака (Вишневская О.А., 1973, с.85,72, табл.IV, *4,5*).

В Приобье в большинстве случаев могилы с жертвенниками также сопровождались зеркалами. Только там (и в Мечет-Сае) встречены зеркала-погремушки, на тыльной стороне которых изображены сцены культовых церемоний (Могильников В.А., 1997, рис.58, *2*; Шульга П.И., 1999, рис.3). Возможно, известные в Южном Приуралье, Приобье и на Алтае зеркала-погремушки были предтечей шаманских бубнов, так

как исполняли роль шумового сопровождения каких-то ритуальных обрядов, в том числе и погребального. Следовательно, зеркала в сочетании с жертвенниками, как правило, следует рассматривать как предметы сакрального характера.

Что касается красящих веществ и раковин Grifea, то первые находились в 29 (55,8%) южноуральских и зауральских погребениях, а вторые в 20 (38,5%). Очень редко (3 могилы) Grifea обнаружены в погребениях, где не было красящих веществ, хотя, как правило, эти находки сочетаются, и краски лежат именно в них.

Кроме вещей, перечисленных в «жреческом» комплексе В.Н.Васильева, есть еще одна группа предметов, нередко сопровождающая могилы с жертвенниками — это маленькие железные ножички (например, L — 4,4 см), шильца, костяные проколки, железные и бронзовые иглы, маленькие веточки (обнаружены в 11 из 54 могил). Во всех случаях им сопутствовали разнообразные краски — красная, синяя, зеленая, черная, в том числе сажа, реальгар, охра и сурик. И краски, и острые предметы находились около зеркала, на или под ним, рядом с жертвенником или под ним. За исключением одной могилы, где пол погребенного не определен, во всех остальных были погребены женщины (3 раза вместе с детьми и мужчиной). Уже неоднократно исследователи писали о том, что эти наборы могли использоваться для татуировки (Смирнов К.Ф., 1964, с.161; Мошкова М.Г., 1997, с.71; Васильев В.Н., 1998, с.32; Таиров А.Д., Бушмакин А.Ф., 2000), нанесение которой практиковалось различными народами с глубокой древности. Античные источники — Помпоний Мела, Плиний Старший — пишут об обычае раскраски лица и тела рисунками, которые нельзя смыть. А Плиний Старший прямо говорит об этом обычае у сарматов (Естественная история, кн.22). Изучение археологического (Руденко С.И., 1953, с.136-140; Полосьмак Н.В., 1994, с.93) и этнографического материалов (Руденко С.И., 1929; 1949; Пелих Г.И., 1972, с.132; Кочешков Н.В., 1989, с.34; Народы Сибири, 1956, с.606,723,800,911) свидетельствует о широком распространении этого обряда как в недавнем прошлом, так и в древности. Создание несмываемых рисунков, несомненно, является сакрализованным ритуалом и имеет магический смысл. Возможно, татуировка представляла собой определенную знаковую систему, своего рода «текст», и могла наноситься, судя по этнографическим данным, в связи с инициацией юношей и девушек, как знак защиты, принадлежности к определенному роду, обозначению социального статуса человека или с целью врачевания, которое относится к разряду знахарско-магических действий. Сама процедура нанесения ее являлось ритуалом и могла длиться не один день. Наносили татуировку обычно женщины, как правило, пожилые и самые уважаемые (Кочешков Н.В., 1989, с.34). Но, возможно, мужчины также могли совершать этот обряд. В одном из тасмолинских мужских погребений лежал перевернутый вверх дном жертвенник, а поблизости — украшенная резьбой костяная трубочка со следами голубой краски и деревянным кружком-пробкой (Кадырбаев М.К., 1966, с.359). Что касается семантики татуировки, то, как считает С.И.Руденко, она несомненно имела магический смысл (1949, с.153).

Для нашего исследования представляют интерес еще некоторые данные, а именно, — характер определенной группы жертвенников и существующие следы их функционального назначения. Выше уже было сказано, что среди жертвенников на ножках (54 экз.) около двух третей (35 экз.) составляли алтарики с круглыми столиками: один имел 2 ножки, еще один — 4 и 33 столика были на 3 ножках. У основной части последних (21 экз.) ножки жертвенников представляли собой скульптурные изображения морд или голов хищников, редко копытных животных. Еще на четырех экземплярах изображения зверей были нанесены по бортику, и семь экземпляров украшал геометрический орнамент — арочный или так называемый дельфинообразный (по Б.Н.Гракову). Как правило, орнамент был нанесен по бортику, но иногда он украшал и ножки. Очень редко геометрический орнамент находился на бортике прямоугольных столиков на четырех ножках. Звериный стиль как искусство, несомненно, связан с религиозно-мифологическими представлениями евразийских кочевников, в том числе обитавших и на территории между Доном и Южным Приуральем. Как считают некоторые исследователи, звериный стиль в своей основе имел и магические представления (Хазанов А.М., Шкурко А.И., 1976, с.45). Следовательно, ножки приуральских жертвенников, исполненных в зверином стиле, шествия зверей, вырезанные на бортиках, определяют для этих предметов особую роль, связанную с какими-то культовыми действиями. Кстати, у знаменитых иссыккульских жертвенных столов сохранившаяся ножка большого стола напоминает стилизацию ноги яка, а ножки малого — стилизованы в виде ног копытного животного (Зимма Б.М., 1941, с.12,15).

В качестве сакральных предметов следует рассматривать и бронзовые колесики-амулеты, находимые обычно поблизости от жертвенника или зеркала. А в одной из могил (Четыре Мара, к.5, п.1 — Заседателева С.Н., 1986, с.14-20) под перевернутым вверх дном жертвенником лежали амулет-колесико, очень маленький ножичек, фрагмент маленькой железной проколки и две веточки. Захоронение содержало двух детей и двух взрослых, по-видимому, женщину и мужчину. Погребальная яма была засыпана остатками горящего костра, обуглившейся почвой и золой. Огонь, следы которого разнообразны, вообще играл очень заметную роль в погребениях, содержавших жертвенники. Это были трупосожжения (Аландское I, к.1; Сибай, к.13; Новоорский II, к.4; Биш-Уба, к.1,2 и др.), частичное обожжение костяка и ямы (Гирьяльский, к.2), кострище на древнем горизонте или в яме (Кардаило IV, к.2 и др.) и в большинстве случаев угольки в могильной яме или в насыпи кургана. Трижды в могилах были обна-

ружены очаги. В Обручевском кургане он был в виде квадратной глиняной оградки с золой, угольками и прокаленным материком внутри. Возле его СЗ угла стоял жертвенник (Гаврилюк А.Г., Таиров А.Д., 1993, с.59-61). В двух курганах Бес-Обы прямоугольные очаги-кострища были углублены в материк на 5-15 см, на дне их мощный слой золы и древесного угля (Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж.К., 1978; Кадырбаев М.К., 1984). Структура песчаника, из которого, как правило, были сделаны жертвенники, по-видимому не выдерживала сильного нагрева и следов огня на их поверхности практически нет. Мне известно лишь одно упоминание, когда половина бортика и частично внутренняя поверхность жертвенника были закопчены (хут.Барышников, к.6, п.1 — Краева Л.А., 1999, с.179). В Приобье и на Алтае, где жертвенники нередко делались из гранита, дважды засвидетельствованы следы действия огня (Могильников В.А., Телегин А.Н., 1992, с.113; Киселев В.С.. 1949, с.192). Однако в массе своей они не содержали на своей поверхности следов нагара, жира и краски, что подчеркивает А.П.Уманский, описывая большую серию жертвенников из Рогозихинского могильника (1992, с.51-59). Также не отмечает никаких следов и В.А.Могильников, рассматривая все алтарики Приобья (1997, с.88-91).

Иногда в «савроматских» могилах с жертвенниками встречаются глиняные курильницы или небольшие сосудики со следами нагара внутри и снаружи (Новоорский II, к.2, п.2 и др.) О совместных находках алтариков и курильниц упоминает и В.А.Могильников для Приобья. Не исключено, что жертвенники могли использоваться в качестве подставок для курильниц с благовониями, как это было с иссыккульскими жертвенными столами. Известны погребения, где сами жертвенники стояли на специально сделанных возвышениях. В одном случае оно было выполнено из земли (Новоорский I, к.9, п.2), в другом — из глины с известью и рассматривалось исследователем как глинобитный алтарь (Смирнов К.Ф., 1964, с.58,94,249). Возможны и другие варианты использования жертвенников. Так, в одном из погребений Лебедевки (гр.VII, к.16, п.5) на жертвеннике и рядом с ним лежали кости животных. Неоднократно могилы с алтариками сопровождали жертвенные ножи с металлическими рукоятками (длиной от 20 до 32 см), которые лежали рядом с жертвенниками или с костями животных (Новый Кумак, к.5, п.3; Обручевка, к.2, п.1; Бес-Оба, кк.3,4).

Особо следует сказать о преднамеренной порче жертвенников. В одном из курганов он был разбит на несколько кусков и сброшен в могилу (Новый Кумак, к.24), в другом — рядом с зеркалом вдоль стены лежали куски разбитого жертвенника (Сынтас), в третьем — две части пополам разбитого жертвенника были сложены, но неверно и одна из них лежала вверх дном (Новотроицкий I, к.2, п.3), и, наконец, еще у одного — отбитая ножка была положена рядом (Новый Кумак, к.5, п.3). Нельзя не упомянуть и о находке в одном из курганов Покровки 2. Отбитый край блюда был найден под бедренной костью погребенной женщины, а сам жертвенник и большое (26х20 см) овальное, очень интересно орнаментированное зеркало находились в углу могильной ямы и частично в вырытой там нише (Яблонский Л.Т. и др., 1994, с.34, рис.50; 77, *4*). Еще в двух случаях (Новый Кумак, хут.Барышников) донья круглых плоских жертвенников были пробиты (рис.1, *1,10*).

Одним из основных аргументов В.Ю.Зуева для доказательства функционального назначения столиков-жертвенников в качестве предметов туалетного или косметического набора, на которых женщины растирали краски, нередко с жиром, для нанесение их на лицо и тело являются следы этих красок на жертвенниках. Однако в моей выборке из 57 жертвенников, сохранившихся in situ, лишь на четырех были следы красной краски (в том числе один раз охры) на внутренней поверхности дна, причем в одном случае краска была и на ножках, а в другом — на наружной стороне дна (Увак, к.7, п.1; Новотроицкий I, к.2, п.3; Горбатый мост, к.5; Обручевка, к.2, п.1). И, напротив, на 10-ти жертвенниках красной краской была натерта наружная часть их доньев. В одном из погребений (Новоорский, к.5, п.2 — Заседателева С.Н., 1982, с.15-17) на одной ножке жертвенника был вырезан какой-то знак, на другой — бессистемные линии и все это было затерто красной, желтой, зеленой и белой красками. Иногда красная краска лежала под жертвенником или около него. С жертвенниками связаны также находки обточенных кусочков дерева, обычно сосны, которые лежали иногда на их поверхности и служили, как считает В.Ю.Зуев, подобно галькам, в качестве растиральников. Однако, мне известен лишь один случай (Мечетсай, к.10, п.2), когда торцовая часть кусочка дерева была окрашена в ярко оранжевый цвет и лежал он под черепом женщины. К.Ф.Смирнов предполагал употребление смолы (куски ее найдены дважды с жертвенниками) и смолистых пород дерева, в частности, сосны в качестве фимиама, что более вероятно. Именно для этого, как он считал, их могли растирать на шероховатой поверхности жертвенника. Так, на алтарике из Тара-Бутака лежал кусочек соснового дерева со следами обработки, а углубление жертвенника было покрыто каким-то коричневым тленом растительного происхождения (Смирнов К.Ф., 1964, с.167; 1975, с.42). Но ни о какой «растертой и запекшейся (вероятно от присутствия жира) древесной массе, в окружении которой лежал кусочек древесины», о чем упоминает В.Ю.Зуев (1996, с.15), К.Ф.Смирнов нигде не пишет. За исключением одного случая из Ново-Кумакского могильника, где на верхней желобчатой части жертвенника отмечены «темно-серые (жирные?) пятна» (Мошкова М.Г., 1962, с.214) мне не известно ни одного упоминания следов жира. Недавно проведенные специальные исследования порошковообразных материалов (красные различных оттенков, синие, зеленые, черные, белые) из 10 погребений Южного Зауралья и Северного Казахстана не выявили явных признаков присутствия какого-то связующего вещества, например жира или масла (Таиров А.Д., Бушмакин А.Ф., 2001). Поэтому нельзя согла-

ситься с утверждением В.Ю.Зуева о том, что «очень часто на поверхности этих предметов (каменных столиков, блюд и чашечек — М.М.) имеются следы впитавшегося в поры жира, а также пятна разнообразных минеральных красителей» (Зуев В.Ю., 1996, с.14).

Существуют еще некоторые факты, противоречащие заявлениям В.Ю.Зуева. В нескольких могилах жертвенники и краскотерки находились вместе. Особенно интересны два случая. В могильнике Бес-Оба (к.3) большой круглый жертвенник с ножками в виде головы хищника и трехлепестковой рельефной фигурой на наружной стороне дна стоял справа от погребенной, поблизости находились кусочки реальгара. А у ног женщины лежала небольшая (10,5х6,5 см; h — 2-2,6 см) прямоугольная плоская каменная плитка — краскотерка, рядом с которой в матерчатом мешочке была красная краска в виде порошка В центре могилы находился очаг, во время захоронения в нем горел огонь (Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж.К., 1978, с.67). Два захоронение Новоорского I могильника (к.9, п.1,2 — Заседателева С.Н., 1984, с.7-11)[2], расположенные под прямым углом друг к другу и практически соприкасавшиеся, несомненно были связаны между собой, хотя могли быть совершены и с небольшим временным разрывом. При погребенном в узкой небольшой могиле (ориентирована З-В) находились две маленькие (7,5-7,8 х6,2-7,5 см; h — 1,5 см) и одна побольше (16,9х15,3 см; h — 3,7 см) специально сделанные краскотерки с круглыми и овальными углубленными ячейками, в одном случае вырезанными на обеих сторонах (большая плитка). Во всех ячейках были следы красной, черной, желтой и белой красок, иногда по нескольку сразу. Во второй большой и более глубокой яме (ориентирована С-Ю) при лежащем по диагонали костяке, рядом с ним, находилась плоская плитка-жертвенник (30х30 см), стоявший на небольшом земляном возвышении.

В одном из тагискенских курганов также вместе с овальным жертвенником находилась маленькая каменная пластинка со следами реальгара на одной из сторон (Итина М.А., Яблонский Л.Т., 1997, с.24).

Приведенные выше факты и ситуации, отражающие все стороны «сущности и окружения» жертвенников-алтариков, говорят о бесспорном сакральном характере большей части этих предметов, об участии их при отправлении церемоний, связанных с различными культами, существовавшими у евразийских кочевников, в том числе и с погребальным. Общеиндоевропейские мифы, культы, символы, распространенные на этой огромной территории, близкие мировоззренческие позиции способствовали появлению очень близких форм выражения обрядности в культовых церемониях и соответственно близких, но далеко не всегда идентичных предметов, обслуживающих эти культы.

Наиболее ясно читается связь южноуральских и зауральских жертвенников-алтариков с поклонением огню и солнцу (круглая форма столиков и блюд, краска на наружной стороне доньев, украшение их трех- и четырехлепестковыми фигурами, все виды огненного ритуала, колесики-амулеты рядом или под жертвенником и т.д.). По-видимому, кусочки реальгара, нередко находимые возле жертвенников, под ними или на них являются не косметической принадлежностью, а символом огня. Об этом можно говорить еще и потому, что реальгар — это ядовитое соединение мышьяка, его интенсивное и длительное применение могло оказывать отрицательное воздействие на здоровье людей (Таиров А.Д., Бушмакин А.Ф., 2001), а посему вряд ли его употребляли для косметических целей. Но даже если считать, что все жертвенники и плитки были предназначены только для растирания румян, белил и кусочков древесины, то все равно сама раскраска лица и тела, не говоря уже о татуировке являлась во многих случаях тоже сакрализованным действием, ритуалом и все связанные с ней предметы были почитаемы, сакральны. Из этнографии известно, что у некоторых народов, в частности у папуасов, во время похоронной процедуры люди, провожающие покойника, особой краской чернили свои лица, руки, грудь, выражая тем самым печаль, горе и разные другие чувства, вызванные смертью. Причем это выражение чувств было строго предписано обычаем (Токарев С.А., 1964, с.175). Близкие обычаи могли существовать и у евразийских кочевников. Мне представляется очень справедливым замечание К.Мейли о том, что смысл описанной Геродотом церемонии натирания скифскими женщинами своего тела густой древесной массой (Геродот, IV, 75) состоит вовсе не в косметическом очищении кожи, а в определенном обычае, который может быть связан с трауром (Доватур А.И. и др., 1982, с.315). Знаменательно, что в тексте Геродота сообщается, что и мужчины, и женщины Скифии все действия очищения своего тела и кожи проделывают после окончания похоронных церемоний. И текст об этих действиях идет у Геродота после подробного описания похорон царей и рядовых скифов (Геродот, IV, 71-75). Приводимые нами сведения о жертвенниках вовсе не означают, что женщины евразийских кочевников не пытались как-то украсить себя и не пользовались косметикой. В женских погребениях не раз находили мешочки с красками или просто краски, которые могли использоваться в качестве румян, маленькие сосудики с беловатым порошком, который мог быть пудрой или белилами и никаких жертвенников в этих могилах не было.

Все сказанное выше о жертвенниках свидетельствует только об одном — рассматриваемые нами предметы из южноуральских и зауральских погребений, как и подобные в Нижнем Поволжье и междуречье Волги-Дона, являются именно жертвенниками, использовавшимися в каких-то культовых церемониях. Ритуальное оформление этих жертвенников — ножки в зверином стиле, звери на бортиках — также говорит об их особом почитании и специальном назначении. Именно эту сторону подчеркивает Г.Бургер, говоря, что «в искусстве культовое нашло свое адекватное отражение» (1996, с.45). Но как именно использовали жертвенники, сказать трудно, можно только предполагать.

И последний вопрос, кому принадлежали погребения с жертвенниками? В нашей выборке из 54 комплексов в 21 бесспорно были захоронены женщины (один раз это была девочка), в 5 определение пола женщин стоит под вопросом и еще 9 погребений были парными или коллективными, в составе которых находились и женщины. Таким образом, в 29 могилах были погребены женщины, а возможно, и в 34-х. Для остальных могил нет антропологических определений. Но известны жертвенники и в мужских (определение антропологов) погребениях. Это уже упоминавшееся мужское захоронение в могильнике Березовка I (судя по другим курганам, возможно это был некрополь элитного воинского контингента) под деревянно-сырцовым сооружением — мавзолеем, как считают авторы. В центре, правда, разграбленной, могилы был вкопан прекрасный большой жертвенник (D=33 см) на 3-х ножках в виде голов хищников. Находился могильной яме и кусок краски. Совершенно необычное и грандиозное погребальное сооружение и предметы, оставшиеся после ограбления, в том числе остатки боевого наборного пояса, говорят о высоком социальном статусе похороненного здесь мужчины, возможно, принадлежавшего к жреческо-воинскому сословию (Мышкин В.Н., Скарбовенко В.А., Хохлов А.А., 2000, с.71-84). Среди погребений тасмолинской культуры также были засвидетельствованы мужское погребения с жертвенниками, о чем говорилось выше.

Однако, особенно интересные, необычные, знаковые ситуации встречаются именно среди женских погребений с жертвенниками. В одиночном кургане плато Сынтас (Железчиков Б.Ф., Кушаев Г.А., 1999, с.128,129) были захоронены две женщины. Отсеченная нижняя часть тела одной из них (начиная от тазовых костей) лежала слева от нее, около верхней части тела. Причем отсеченные кости нижней части туловища находились в анатомическом порядке. Именно с этой женщиной связаны предметы, лежавшие вдоль восточной и северной стенок могилы. Это были разбитый на куски жертвенник, зеркало, плита с терочником и разбитое пополам еще одно зеркало под плитой. Шею женщины украшало ожерелье из 37 бусин, на руках находились железные несомкнутые браслеты. На втором костяке был лишь один такой же железный браслет. Не исключено, что здесь мы столкнулись с одной из шаманских инициаций, мотивом «перековки» (расчленение тела шамана), который восходит, по мнению Вл.А.Семенова, по всей вероятности, к скифской эпохе, к идеям создания «ритуального двойника», играющего важную роль в погребальном обряде (1996, с.27). Тем более, что, как известно, первыми шаманами были именно женщины, занимавшиеся главным образом врачеванием, воспринимавшимся как магический обряд. В этой связи надо упомянуть пестик или терочник из можжевельника, лежавший в раковине Grifea вместе с зеленой краской в одной из женских могил с жертвенником (Тара-Бутак, к.3). Как считают некоторые исследователи (Балонов Ф.Р., 1996, с.43-45), можжевельник с древности до наших дней использовался в ритуальной и врачебной практике. В недавних и современных системах шаманистического круга можжевельник занимает особенно видное место. Не менее важен и факт человеческих жертвоприношений, засвидетельствованный при женском захоронении (Бес-Оба, к.7). Именно в женских погребениях находилась основная часть наборов для татуировки (8 из 12). С женскими захоронениями были связаны и могилы, содержавшие наиболее яркие следы огненного ритуала. Кромс уже упоминавшихся памятников, очень интересным оказался курган, бывший центральным в Верхне-Кардаиловском IV могильнике, с 2-мя каменными кольцами, галечной площадкой во внутреннем из них и 7-ю кострищами на этой площадке. Два кострища содержали обломки керамики и частично обожженные кости барана. В кургане находилось 5 погребений, основное принадлежало женщине, при которой были жертвенник, зеркало и кусочки мела (Иванов В.А., 1992, с.2-8). Очень древняя и очень стойкая идея неугасимости огня у большинства народов связывается именно с женщиной, бывшей всегда его хранительницей (Штернберг Л.Я., 1936, с.368-369).

Рассмотрение вполне репрезентативной выборки южноуральских и зауральских жертвенников или алтариков и привлечение к исследованию подобных предметов с территории евразийских степей и пограничных районов лесостепи скифо-савроматского времени позволяют сделать следующие выводы.

Анализ типологических характеристик и художественного оформления исследованных предметов, включая совокупность всех данных о расположении их в могиле, кургане, характере сопутствующего им инвентаря позволяют с полной уверенностью говорить об их сакрально-ритуальном назначении и считать жертвенниками или алтариками, которые играли предназначенную им роль при совершении культовых церемоний.

Очень близкие религиозно-мифологические представления населения, обитавшего на этих просторах, породили появление практически одних и тех же культов — в первую очередь огня, солнца и конечно погребального с уже оформленными канонами его исполнения, которые были различны в каждом из регионов. Соответственно появилась и определенная атрибутика и сходная ритуальная практика, связанная с выполнением церемониальных культовых действий. Однако характер выражения культовых церемоний как и предметы, участвовавшие в процессе их осуществления, были различны и одновременно близки, особенно простейшие формы.

Типы и художественное исполнение жертвенников Южного Приуралья и Зауралья составляют специфический пласт, характерный для археологического комплекса только этой территории и особенно ярко демонстрируют свою связь с ритуально-культовой практикой. В большинстве случаев они сопровождают женские погребения. Независимо от названия археологической культуры, существовавшей на территории Южного

Приуралья и Зауралья и этнонима населявших ее кочевников — перед нами культура и этнос, не равнозначные ни скифам Северного Причерноморья. ни племенам Приаралья, Центрального, Восточного и Северного Казахстана, верхнего Приобья, а также Алтая.

Почти одновременное появление простейших форм предметов культового назначения (разнообразные плоские жертвенники) у народов, имевших близкие религиозно-мифологические представления, возможно спонтанно. Но не исключена и возможность миграционных волн, способствовавших появлению одинаковых типов предметов ритуального назначения на широких территориях. Поэтому мне представляется вполне вероятным предположение В.А.Могильникова о появлении жертвенников в верхнем Приобье благодаря переселению сюда в середине-второй половине VI в. до н.э. какой-то части сакского населения из Приаралья и Центрального Казахстана. Также вероятно и появление в Верхнем Приобье в V-IV вв. до н.э. незначительного миграционного импульса из Южного Приуралья и Зауралья, принесшего с собой не только каменные алтарики на довольно высоких ножках, но и зеркала с утолщенным валиком и диагональный обряд погребения (Могильников В.А., 1997, с.86-91). Эта волна мигрантов могла идти по кромке лесостепи и степи. Возможно, со временем предметы культового назначения, наряду с другими категориями вещей, будут способствовать выявлению миграционных потоков различных этнических групп из разных регионов Евразийских степей.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Приношу глубокую благодарность В.В.Дворниченко за сообщенные мне сведения.

[2] Приношу глубокую благодарность С.Н.Заседателевой, разрешившей мне воспользоваться неопубликованным материалом.

ЛИТЕРАТУРА И АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Балонов Ф.Р., 1996. ARKEYTHOS, JUNIPERUS SP., Можжевельник: мифологические и ритуальные аспекты // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. СПб.

Батчаев В.М., 1985. Древности предскифского и скифского периодов // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972-1979 гг. Т.2. Нальчик.

Бургер Г., 1996. Начало и развитие магического мира юго-западной Европы в зеркале археологии // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. СПб.

Брашинский И.Б., 1973. Раскопки скифских курганов на Нижнем Дону // КСИА. Вып.133.

Васильев В.Н., 1998. К вопросу о сарматских жертвенниках кочевников Южного Приуралья // Уфимский археологический вестник. Вып.1. Уфа.

Васильев И.Б., Матвеева Г.И., 1987. У истоков истории Самарского Поволжья. Куйбышев.

Вишневская О.А., 1973. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII-V вв. до н.э. (по материалам Уйгарака). М.

Гаврилюк А.Г., Таиров А.Д., 1993. Курганы у села Обручевка в Южном Зауралье // Кочевники Урало-Казахстанских степей. Екатеринбург.

Галанина Л.К., 1997. Келермесские курганы. Царские погребения раннескифской эпохи. М.

Граков Б.Н., 1947. Пережитки матриархата у сарматов // ВДИ. № 3.

Гуляев В.И., Савченко Е.И., 1995. Терновое I - новый скифский курганный могильник на Среднем Дону // РА. № 4.

Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А., 1976. Отчет // Архив ИА РАН, р-1, д. № 6719.

Доватур А.И., Каллистов Д.В., Шишова И.А., 1982. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М.

Железчиков Б.Ф., Кушаев Г.А., 1999. Погребение на берегу озера Челкар в Западном Казахстане // Нижневолжский археологический вестник. Вып.2. Волгоград.

Заседателева С.Н., 1982. Отчет // Архив ИА РАН, р-1, д. № 10132.

Заседателева С.Н., 1984. Отчет // Архив ИА РАН, р-1, д. № 10512.

Заседателева С.Н., 1986. Отчет // Архив ИА РАН, р-1, д. № 11512.

Зимма Б.М., 1941. Иссыккульские жертвенники. Фрунзе.

Зуев В.Ю., 1989. «Савроматские жрицы» Б.Н.Гракова и археология скифов // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Тез. докл. конференции. Запорожье.

Зуев В.Ю., 1996. Научный миф о «савроматских жрицах» // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. СПб.

Зуев В.Ю., Ильина Ю.И., 1997. Скифский косметический столик из Ольвии // СГЭ. Вып.LVII. СПб. Отдельный оттиск.

Иванов В.А., 1992. Отчет // Архив ИА РАН, Ф-1, д. № 17384.

Ильинская В.А., 1968. Скифы днепровского лесостепного Левобережья (курганы Посулья). Киев

Ильинская В.А., 1975. Раннескифские курганы бассейна р.Тясмин. Киев.

Ильюков Л.С., 1998. Каменный столик (чаша) из хутора Краснодворского // Донская археология. № 1. Ростов-на-Дону.

Итина М.А., Яблонский Л.Т., 1997. Саки Нижней Сырдарьи. М.

Кадырбаев М.К., 1966. Памятники тасмолинской культуры // Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата.

Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж.К., 1978. Погребение жрицы, обнаруженное в Актобинской области // КСИА. Вып.154.

Краева Л.А., 1999. Памятники раннего железного века из западного Оренбуржья // Археологические памятники Оренбуржья. Вып.III. Оренбург.

Киселев С.В., 1949. Древняя история Южной Сибири. М.-Л.

Кияшко В.Ю. Кореняко В.А., 1976. Погребение раннего железного века у г.Константиновска-на-Дону // СА. № 1.

Ковпаненко Г.Т., 1981. Курганы раннескифского времени в бассейне р.Рось. Киев.

Кореняко В.А., 1982. Погребение савроматского времени на Восточном Маныче // СА. № 2.

Кочешков Н.В., 1989. Этнические традиции в декоративном искусстве народов Крайнего Северо-Востока СССР. Л.

Литвинский Б.А., 1964. Зеркало в верованиях древних ферганцев // СЭ. № 3.

Максименко В.Е., 1983. Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. Ростов-на-Дону.

Мачинский Д.А., 1971. О времени первого активного выступления сарматов в Поднепровье по свидетельствам античных письменных источников // АСГЭ. Вып.13.

Могильников В.А., 1992. Саргатская культура // Археология СССР. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.

Могильников В.А., 1997. Население верхнего Приобья в середине — второй половине I тысячелетия до н.э. М.

Могильников В.А., Телегин А.Н., 1992. Кирилловка III — могильник эпохи раннего железа на севере Кулунды // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири в эпоху металла. Барнаул.

Мошкова М.Г., 1962. Ново-Кумакский курганный могильник близ г.Орска // МИА. № 115.

Мошкова М.Г., 1997. Проблема миграций в сарматской археологии и работах К.Ф. Смирнова // Сарматы и скифы (Донские древности. Вып.5). Азов.

Мышкин В.Н., Скарбовенко В.А., Хохлов А.А., 2000. Кочевники Самарского Поволжья во второй половине I тысячелетия до н.э. // Раннесарматская культура. Самара.

Народы Сибири, 1956. М.-Л.

Очир-Горяева М.А., 1988. Савроматская культура Нижнего Поволжья VI-IV вв. до н.э. // Автореф. дис. ... канд. ист. наук Л.

Пелих Г.И., 1972. Происхождение селькупов. Томск.

Петренко В.Г., 1983. Скифская культура на Северном Кавказе // АСГЭ. Вып.23.

Петренко В.Г., 1990. К вопросу о хронологии раннескифских курганов Центрального Предкавказья // Проблемы скифо-сарматской археологии. М.

Полосьмак Н.В., 1987. Бараба в эпоху раннего железа. Новосибирск.

Полосьмак Н.В., 1994. «Стерегущие золото грифы». Новосибирск.

Ростовцев М.И., 1918. Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма. Пг.

Руденко С.И., 1929. Графическое искусство остяков и вогулов // Материалы по этнографии. Т.IV. Вып.2. Л.

Руденко С.И., 1949. Татуировка азиатских эскимосов // СЭ. № 1.

Руденко С.И., 1953. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.-Л.

Семенов Вл.А., 1996. Некоторые шаманистические элементы в культуре ранних кочевников Тувы // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. СПб.

Сергацков И.В., Дворниченко В.В., Дьяченко А.Н., 1999. Раскопки курганов близ Царевского городища // Нижневолжский археологический вестник. Вып.2. Волгоград.

Смирнов К.Ф., 1964. Савроматы. М.

Смирнов К.Ф., 1997. Савроматы и сарматы // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. М.

Таиров А.Д., Бушмакин А.Ф., 2001. Минеральные порошки из курганов Южного Урала и Северного Казахстана и их возможное использование // РА. № 1.

Токарев С.А., 1964. Ранние формы религии. М.

Хабдулина М.К., 1994. Степное Приишимье в эпоху раннего железа. Алматы.

Хабдулина М.К., Малютина Т.С., 1982. Погребальный комплекс V-VI вв. до н.э. из Челябинской области // КСИА. Вып.170.

Хазанов А.М., 1964. Религиозно-магическое понимание зеркал у сарматов // СЭ. № 3.

Хазанов А.М., Шкурко А.И., 1976. Социальные и религиозные основы скифского искусства // Скифо-сибирский звериный стиль и искусство народов Евразии. М.

Шилов В.П., 1975. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. М.

Штернберг Л.Я., 1936. Первобытная религия. Л.

Шульга П.И., 1999. Жреческие парные захоронения с зеркалами погремушками // Древности Алтая (Известия лаборатории археологии. № 4). Барнаул.

Яблонский Л.Т., 1996. Саки Южного Приаралья. М.

Яблонский Л.Т., Трунаева Т.Н., Веддер Дж., Дэвис-Кимболл Дж., Егоров В.Л., 1994. Раскопки курганных могильников Покровка 1 и Покровка 2 в 1993 году // Курганы левобережного Илека. Вып.2. М.

Grakov B., 1928. Monuments de la culture scytique entre la Volga et les monts Oural // ESA, III.

Grakov B., 1929. Deux tombeaux de l epoque scythique aux environs de la ville d Orenbourg // ESA, IV.

Rau P., 1929. Die Graber der frühen Eisenzeit im unterem Wolgagebiet. Pokrowsk.

В.Ю.МУРЗИН, Р.РОЛЛЕ

ГИБЕЛЬ ВЕЛИКОЙ СКИФИИ И ЦАРЬ АТЕЙ

Если обратиться к истории Великой Скифии и ее отображению в археологическом материале, то один из высочайших пиков в развитии этого политического объединения может быть уверенно определен в рамках IV в. до н.э. Как известно, именно тогда в северопричерноморских степях возводятся уникальные по своим масштабам и богатству курганные усыпальницы скифских аристократов. Не только специалистам, но и многим далеким от археологии людям знакомы названия таких курганов скифской знати как Бердянский, Мелитопольский, Гайманова и Толстая Могилы, Куль-Оба и других подобных им. Но даже на их фоне выделяются четыре исполинских кургана верховных владык Скифии — Александропольский, Козел, Огуз и Чертомлык, высота насыпей которых составляла не менее 20 м.

Хотя мы несколько скептически относимся к попыткам связать захороненных в этих памятниках лиц, в частности, основного погребенного в кургане Чертомлык, с именами конкретных скифских царей (Алексеев А.Ю., 1992; Болтрик Ю.В., Фіалко О.Є., 1995), вовсе не исключено, что под одной из грандиозных курганных насыпей покоился легендарный Атей (рис.1), активная деятельность которого оставила достаточно заметный след в истории Великой Скифии. Не случайно этот яркий исторический персонаж привлек самое пристальное внимание Б.Н.Гракова, который считал Атея создателем централизованного скифского государства (Граков Б.Н., 1950; 1971, с.40). Несмотря на наличие иной, наиболее полно аргументированной Д.П.Каллистовым (1969), точки зрения, согласно которой Атей был вождем лишь западной, оперировавшей в Придунавье, части скифской орды, авторы данной статьи полагают, что масштаб внешнеполитических и военных свершений Атея позволяет считать, что в своих деяниях он опирался на мощь всего скифского объединения. При этом, на первый взгляд, представляется очевидным, что экономические (основанные, прежде всего, на внешней эксплуатации) и воинские ресурсы последнего неизбывны, а скифское государство сильно в этот период как никогда. На его стабильность, казалось бы, не повлияли даже временное поражение скифов в Добрудже и трагическая гибель самого Атея. Во всяком случае, несколькими годами спустя скифы, согласно свидетельству Помпея Трога (XII, 2), сумели уничтожить грозную тридцатитысячную армию наместника Александра Македонского — Зопириона. Симптоматично также, что часть из больших курганов, словно бы символизирующих процветание Скифии, была насыпана уже после смерти Атея. К их числу относятся, возможно, громадные Александропольский курган и Огуз, которые А.Ю.Алексеев (1992, с.156,157,164) датирует примерно 330 — 300 гг. до н.э.

Однако вскоре ситуация коренным образом изменилась. С рубежа IV-III вв. до н.э. в Степном Причерноморье практически исчезают не только курганы скифской знати, но и могилы рядовых кочевников. Отныне остатки скифского населения концентрируются в указанном регионе лишь на ограниченных территориях предгорного Крыма и низовьев Днепра (Полин С.В., 1992, с.101). Это недвусмысленно свидетельствует если не о полной гибели Скифии как политического объединения, то, по крайней мере, о его упадке и нарушении структурного единства.

Как известно, существует немало версий относительно причин этого события. Напомним лишь о некоторых из них.

Еще с «легкой руки» М.И.Ростовцева бытует мнение о причастности к этой катастрофе восточных соседей скифов — сарматов, устремивших свою экспансию в Северное Причерноморье. Позднее эта версия была детально разработана Д.А.Мачинским (1971), который отнес события, описанные в известном рассказе Диодора Сицилийского (II, 43, 7) об опустошении Скифии сарматами, к концу IV в. до н.э. В настоящее время данная точка зрения активно поддерживается В.Е.Максименко (1997), Ю.А.Виноградовым, К.К.Марченко, Е.Л.Роговым (Виноградов Ю.А. и др., 1997а; 1997б) и некоторыми другими исследователями.

Сравнительно недавно Н.А.Гаврилюк (1989, с.21-24; 1999, с.306 и далее) выдвинула гипотезу, согласно которой гибель Великой Скифии была обусловлена негативными экологическими моментами, вызванными, в свою очередь, бурным ростом численности кочевых скифов. Это привело к усилению отрицательного антропогенного воздействия на среду обитания и, в частности, к дигрессии пастбищ. Подобная версия представляется нам весьма сомнительной по нескольким причинам. Прежде всего, кризисные явления на рубеже IV и III вв. до н.э. прослеживаются не только на материалах степных скифов, но и других этносов Северного Причерноморья, хозяйство и быт которых весьма отличались от скифских. Например, одновременно с исчезновением скифских курганов на территории Степного Крыма, как отмечает А.И.Щеглов (1998, с.149), прекращает свое существование и кизилкобинская культура. Кроме того, нам представляется, что кочевники, в силу особенностей своего образа жизни, более тесно связаны с природой чем, например,

Рис.1. Монета царя Атея

общества оседлых земледельцев. Они должны были достаточно тонко чувствовать возможности окружающей их экосистемы. Как свидетельствует история, они могли превращать в пастбища цветущие оазисы, но пастбища в пустыни — едва ли. Наконец, если бы такие процессы действительно имели место, их последствия накапливались бы постепенно и медленно. Следовательно, мы бы наблюдали картину достаточно длительного угасания Скифии, а не ее практически мгновенную гибель.

Еще одна концепция была предложена С.В.Полиным (Полін С.В., 1984; Полин С.В., 1992, с.99-123), который объясняет рассматриваемое нами событие через призму резких климатических изменений, имевших место в Восточной Европе, по его мнению, на рубеже IV и III вв. до н.э. Его точка зрения, несомненно восходящая к известным взглядам Л.Н.Гумилева, безусловно заслуживает внимания. Тем более что кризисные явления в этот период прослеживаются не только в степных районах, а охватывают более обширную территорию. В частности, они прослеживаются на территории лесостепных районов Северного Причерноморья, эксплуатация ресурсов которых со стороны кочевников было, по нашему мнению, основой экономического процветания Великой Скифии.

Вместе с тем мы должны констатировать, что о подлинных причинах гибели Великой Скифии, этой великой «кочевой империи» древности, мы все еще не можем судить со всей определенностью. Остается заключить, что данный исторический катаклизм был вызван целым «букетом» неблагоприятных внешних воздействий, механизм которых требует своего дальнейшего изучения. Однако, помимо этого, мы хотели бы обратить внимание на одно обстоятельство «внутрискифского», если так можно выразиться, характера, которое могло повлиять на степень сопротивляемости этно-социального организма Великой Скифии отрицательным внешним импульсам.

Но прежде необходимо коротко остановиться на особенностях военно-политического устройства скифской кочевой орды. Согласно Геродоту (IV, 120), последняя — во всяком случае, во времена войны с Дарием, — подразделялась на три «царства», во главе которых стоял верховный правитель и два более или менее зависимых от него владыки более низкого ранга. Очень вероятно, что все они были представителями одного разветвленного правящего рода. В свою очередь, «царства» состояли из более мелких структурных единиц, который Геродот назвал «номами». Косвенные данные (в частности наличие в курганах высшей скифской аристократии трех отдельных конских могил) позволяют предположить, что триадная военно-политическая организация была характерна для скифского общества и в IV в. до н.э. (Алексеев А.Ю. и др., 1991, с.65).

Несомненно, что в данном случае мы имеем дело с одной из разновидностей так называемых «сегментных структур», хорошо известных этнографам. Иными словами, таких пирамидальных образований, организация власти в которых на более низких таксономических уровнях повторяет организацию власти на самой вершине «пирамиды». При этом контроль вершины над нижестоящими сегментами обычно достаточно слабый (Куббель Л.Е., 1988, с.58,59).

Это наблюдение подтверждается и другими учеными, в частности Д.М.Кейнсом и его последователями, при исследовании современных пирамидальных управленческих структур в экономике. Характеризуя особенности последних, они указывают на их, если так можно выразиться, «суицидальный» характер, тенденцию к саморазрушению. Среди прочих недостатков подобных «пирамид» для нас особый интерес представляют два момента.

Инертность в принятии решений, замедленность в реагировании на внешние воздействия, поскольку решения принимаются лишь на самом «верху».

В древности это усугублялось несовершенством коммуникационных связей, хотя это несовершенство и не стоит абсолютизировать. В особенности это касается кочевых обществ — по образному определению некоторых эпических произведений номадов, хороший всадник на добром коне дорогу наматывает, как пряжу на веретено, или как аркан (Липец Р.С., 1984, с.155). И это иносказание вполне оправдано: татарский всадник, например, на своем малорослом и поджаром коне мог преодолеть за день от 85 до 130 км (Боплан Гійом Левассер де, 1990, с.54; Яворницький Д.І., 1990, с.324,325). Впрочем, последний показатель, если выражаться современным языком, несомненно относится к разряду «высших спортивных достижений». Не слу-

чайно Владимир Мономах в своем знаменитом «Поучении» (Літопис Руський, 1989, с.461) счел необходимым специально отметить, что ему неоднократно удавалось преодолеть, постоянно меняя коней, путь от Чернигова до Киева (примерно 140 км) до вечерни. Еще быстрее доставлялись важные сообщения при налаженной системе эстафет, когда гонцы, сменяя друг друга, день и ночь скакали к намеченной цели. Об эффективности такой организации красноречиво свидетельствует известный факт из истории монгольских завоеваний. Весть о наступившей 11 декабря 1241 г. в Каракоруме смерти великого хана Угэдэя уже через считанные недели достигла находившегося со своими туменами в сердце Европы Батыя, что принудило последнего прекратить продвижение на запад и поспешить на выборы нового хана. Хотя такая скорость передачи информации впечатляет, однако в экстренных случая она была, безусловно, все же недостаточной. Из этого примера следует очевидная и простая истина — чем протяженнее и обширнее была кочевая империя, тем более затрудненным было сообщение между ее отдельными частями. Следовательно, кочевое государство должно было иметь некие оптимальные размеры, превышение которых уже таило в себе угрозу саморазрушения. Возможно, во второй половине IV в. до н.э., Скифия простиравшаяся от Дона до Добруджи включительно, этот оптимум превысила.

Наличие центробежных тенденций изначально присуще пирамидальным структурам, что при определенных обстоятельствах может привести к самоотделению составляющих «пирамиду» сегментов. В случае кочевых объединений течение этого процесса, безусловно, было облегчено значительной подвижностью населения.

Подобные примеры нетрудно найти в истории средневековых номадов. Так, А.М.Хазанов (1975, с.252,253) со ссылкой на В.Тизенгаузена упоминает о том, как в начале XVI в. подданные покинули отличавшегося грубым характером хана Дешт-и-Кипчак Тахира. В 1537/38 г. пришел в полное расстройство улус Касим-хана. Если первоначально здесь обитало около миллиона человек, то позднее хан не мог найти здесь и одного телохранителя (Хазанов А.М., 1975, с.253)

Следует учитывать еще одно обстоятельство. Своеобразным катализатором центробежных тенденций внутри кочевых объединений было то обстоятельство, что практически во всех случаях они были неоднородны по своему этническому составу. Они складывались из «природных» подданных степных властелинов и покоренных силой оружия иных групп номадов или их потомков. Занимая подчиненное положение внутри кочевой орды, последние стремились к обретению самостоятельности.

Например, можно вспомнить имевшее место в начале XV в. отделение от Золотой Орды бывшего улуса темника и потомка Чингиза хана Ногая, в который входили, в основном, потомки половцев и других покоренных монголами этнических групп. О них — племенах кипчаков, усуней, канглы, кереитов и др., и сегодня напоминают такие фамилии современных ногайцев: Купчаковы, Исуновы, Канглиевы, Керейтовы и др. (Керейтов Р.Х., 1981). «Охота к перемене мест» была характерна для ногайцев и позднее. Так, зимой 1642 г. часть ногайцев (4 тыс. воинов с 15 тыс. женщин и детей), недовольная крымским ханом, перекочевала под Астрахань (Новосельский А.А., 1948, с.358).

Неоднородной по своим этническим истокам была и скифская кочевая орда. Об этом уже свидетельствует ее трехчленная военно-политическая структура, которая у кочевников обычно формируется в результате покорения других групп номадов. Таким образом, триадная организация, идеологическое единство которой обосновывалась через призму вымышленных кровнородственных связей и общего генеалогического древа, служила орудием господства опиравшейся на «природных подданных» правящей верхушки над вновь покоренными группами населения (Карагодин А.И., 1984). Эту же функцию выполняла и скифская трехчленная «пирамида», в которую в качестве зависимого подразделения должны были входить и потомки покоренных протоскифами исторических киммерийцев (Мурзин В.Ю., 1990, с.66 и далее).

Во многих подобных позднепотестарных и раннеполитических образованиях существовал особый порядок престолонаследования. Суть его заключалась в том, что власть передавалась не по прямой нисходящей линии, а по старшинству генеалогическому — от старшего брата к младшему, а затем к старшему племяннику. При этом движение к вершинам власти, в принципе, должно было происходить путем постепенной смены представителем правящего рода менее значительных уделов или улусов на более весомые. Теоретически, такой порядок «привязывал» удельных владетелей к центральной власти, на обретение которой со временем они могли надеяться. Однако, учитывая численность правящего рода (по свидетельству Страбона (VII, 4, 3), например, у царя крымских скифов Скилура было то ли 50, то ли 80 сыновей), этим надеждам далеко не всегда было суждено сбыться. Зачастую данное обстоятельство приводило к кровавым конфликтам между близкими родственниками. Отголоски таких конфликтов в скифском обществе дошли до нас в виде рассказов Геродота о печальных судьбах Анахарсиса и Скила. Естественно, для «внешнего пользования» их подоплеке была предана несколько иная окраска и эти представители царской фамилии были обвинены в предательстве обычаев и верований своих предков. Несомненно, все это не усиливало монолитность скифского объединения. Не случайно Фукидид (II, 97), отмечая военную мощь скифов, счел нужным заметить, что его слова справедливы лишь в тех случаях, когда скифы сохраняют единодушие.

Достаточно рыхлое скифское государство во многом должно было цементироваться авторитетом, воинским счастьем и личной харизмой его верховных владык. Безусловно, всеми этими качествами обладал и

Атей, который, судя по его гибели в более чем преклонном возрасте (Лукиан Самосатский, Долговечные, 10), длительное время находился у кормила власти. Косвенным подтверждением этому, по мнению Э.В.Яковенко (1986, с.45), может служить значительный хронологический разрыв между датой возведения кургана Солоха и царскими курганами IV в. до н.э. Но это значит, что и преемники Атея были людьми достаточно преклонного возраста. Именно поэтому, как считают Ю.В.Болтрик и Е.Е.Фиалко (Болтрик Ю.В., Фіалко О.Є., 1995, с.10,11) вскорс после его смерти умирают еще несколько верховных владык Скифии. Об этом свидетельствует хронологическая близость курганов скифских царей второй половины IV в. до н.э.. Таким образом, за короткий период времени прекратили свой путь те, кто долгие годы крепил могущество и единство Скифии.

Возможно, в иных обстоятельствах подобное течение событий не имело бы столь губительного развития. Однако в данном случае этот «управленческий кризис» совпал по времени с иными негативными факторами и затруднил адекватное реагирование на них. Возможно, это и ускорило гибель Великой Скифии или, вернее, ее развал. Весьма любопытно, что на ее обломках образовалось три самостоятельных образования: Крымская Скифия, Малая Скифия в Поднепровье и Малая Скифия в Добрудже, что невольно заставляет вспомнить о былой трехчленной военно-политической структуре единой скифской державы.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев А.Ю., Мурзин В.Ю., Ролле Р., 1991. Чертомлык. Скифский царский курган IV в. до н.э. Киев.

Алексеев А.Ю., 1992. Скифская хроника. СПб.

Болтрик Ю.В., Фіалко О.Є., 1995. Могили скіфських царів другої половини IV ст. до н.е. (пошук історичних реалій) // Археологія. № 2.

Боплан Гійом Левассер де, 1990. Опис України // Гійом Левасср де Боплан. Опис України; Проспер Меріме. Українські козаки та їхні останні гетьмани. Богдан Хмельницький. Львів.

Виноградов Ю.А., Марченко К.К., Рогов Е.Л., 1997а. Сарматы и гибель Великой Скифии // Донские Древности. Вып.5. Азов.

Виноградов Ю.А., Марченко К.К., Рогов Е.Л., 1997б. Сарматы и гибель «Великой Скифии» // ВДИ. № 3.

Гаврилюк Н.А., 1989. Домашнее производство и быт степных скифов. Киев.

Гаврилюк Н.А., 1999. История экономики Степной Скифии в VI-III вв. до н.э. Киев.

Граков Б.Н., 1950. Скифский Геракл // КСИИМК. Вып.XXXIV.

Граков Б.Н., 1971. Скифы. М.

Каллистов Д.П., 1969. Свидетельство Страбона о скифском царе Атее // ВДИ. № 1.

Карагодин А.И., 1984. Дуальная организация у приволжских калмыков // СЭ. № 5.

Керейтов Р.Х., 1981. Некоторые вопросы этногенеза ногайцев // Археология и краеведение — ВУЗу и школе. Тез. конференции. Грозный.

Куббель Л.Е., 1988. Очерки потестарно-политической этнографии. М.

Липец Р.С., 1984. Образы батыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе. М.

Літопис Руський, 1989. Переклад Л.Махновця. Київ.

Максименко В.Е., 1997. Начало проникновения сарматов в Северное Причерноморье и завоевание Скифии // Донские Древности. Вып.5. Азов.

Мачинский Д.С., 1971. О времени первого активного выступления сарматов в Поднепровье по свидетельствам античных письменных источников // АСГЭ. Вып.13.

Мурзин В.Ю., 1990. Происхождение скифов: основные этапы формирования скифского этноса. Киев.

Новосельский А.А., 1948. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.-Л.

Полін С.В., 1984. Про сарматське завоювання Північного Причорномор'я // Археологія. № 45.

Полин С.В., 1992. От Скифии к Сарматии. Киев.

Хазанов А.М., 1975. Социальная история скифов. М.

Щеглов А.Н., 1998. Еще раз о позднескифской культуре в Крыму (К проблеме происхождения) // Проблемы археологии. Вып.4. СПб.

Яворницький Д.І., 1990. Історія запорозьких козаків. Т.І. Київ.

Яковенко Э.В., 1986. О дипломатических контактах Боспора со Скифией времен Атея // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Ростов-на-Дону.

В.С.ОЛЬХОВСКИЙ

ИДЕЯ АНТРОПОМОРФНОСТИ В МОНУМЕНТАЛЬНОЙ СКУЛЬПТУРЕ СТЕПНОЙ ЕВРАЗИИ ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА

Изобразительное искусство является особой сферой ментально-практической деятельности человека. Зарождение его знаменовало наступление качественно нового этапа развития — формирование духовной сферы человеческого (само)сознания. Специфика изобразительного искусства на протяжении почти всего длительного периода его эволюции определялась прежде всего прямой связью с духовной жизнью индивида и общества — религиозно-мифологическими представлениями, эпосом, зачатками философии, эстетики и т.д.

В ряду проявлений изобразительного искусства особое место занимает монументальная скульптура. Многие древние народы Евразии в той или иной степени были знакомы с монументальным пластическим искусством. В данной работе предпринимается попытка анализа монументальной скульптуры кочевого населения степной зоны Евразии эпохи раннего железа, цель которого — выявление причин, времени и форм появления и развития идеи антропоморфности в искусстве разных (и не всегда родственных) народов и этнокультурных групп. Феномен антропоморфизма интересен и тем, что возник он на фоне доминировавшего в евразийской степи и лесостепи на протяжении всего I тыс. до н.э. искусства «звериного стиля»; последнее вполне справедливо считается формой проявления господствовавших в кочевых обществах религиозно-мифологических представлений.

Заметный рост интереса исследователей именно к монументальной скульптуре эпохи раннего железа был стимулирован как публикацией первых сводных работ, так и открытием в последние 20-30 лет значительного количества ранее неизвестных памятников. Немаловажным был и факт фиксации подобных памятников in situ с последующими раскопками открытых комплексов. Это дало в руки исследователей качественно новый и, главное, массовый материал, так как большая часть уже имевшихся в распоряжении специалистов памятников происходила из плохо документированных раскопок либо вообще была обнаружена случайно и депаспортизована. В изменившихся условиях монументальная скульптура кочевников, до начала 1970-х гг. рассматривавшаяся как яркое, но все же локальное и во многом неясное явление киммеро-скифо-сарматского «мира», превратилась в весьма ценный, а в некоторых аспектах и уникальный исторический источник, который нельзя не учитывать при изучении культуры кочевников евразийского степного пояса — скифов, сарматов, «киммерийцев», носителей культуры плиточных могил и т.д.

Очевидная структурная и информационная сложность памятников древней монументальной скульптуры потребовала разработки специальной методики их изучения. Так, с точки зрения источниковедения изваяние следует рассматривать как семиотический текст, реализующий комплекс социально значимых установок. Структурно же такой текст является информационной системой, состоящей из ряда информационных блоков, из которых наиболее значимыми для нашего исследования являются: форма, образ, предметный репертуар изображений, репертуар антропоморфных черт и семантика (Ольховский В.С., 1987).

Рассмотрение совокупности всех известных памятников монументальной скульптуры евразийских степей эпохи раннего железа позволяет разделить ее на две основные иконографические группы — антропоморфную и неантропоморфную. Иконографической основой (архетипом) памятников первой группы является человеческая фигура, вполне реалистически или обобщенно воспроизведенная в памятнике; иконография другой не столь определенна, но в основе ее лежит схематизированный образ некой вертикальной столбообразной фигуры или фалла (Ольховский В.С., 1989а). Памятники указанных иконографических групп морфологически в массе своей выражены достаточно ярко; «промежуточные» образцы скульптур, объединяющие признаки антропоморфного и неантропоморфного архетипа, хотя и встречаются, но не образуют отдельной группы, относясь все же к одной из двух выделенных групп. Критерием в данном случае служит СКУЛЬПТУРНАЯ выделенность (или невыделенность) головы: в первом случае изваяние считается антропоморфным, во втором — неантропоморфным. Визуально данные группы изваяний легко различимы.

Изваяния антропоморфной иконографической группы по степени воплощения образа делятся на фигуры (полное воплощение человеческой фигуры), полуфигуры (детализованные до пояса), бюсты (с проработкой головы и плеч) и силуэты (об антропоморфности памятника свидетельствует только его абрис, проработка антропоморфных элементов отсутствует). Морфологически же (с учетом поперечного сечения и его курвитуры) данные иконографические вариации воплощались в следующих видах изваяний: антропоморфных столбах, плоских скульптурах, антропо-

морфных плитах, статуарных рельефах и круглой скульптуре (Ольховский В.С., Евдокимов Г.Л., 1994, с.52). Реальные образцы указанных морфологических типов и иконографических вариаций антропоморфных и неантропоморфных памятников представлены оленными камнями, «киммерийскими» стелами, изваяниями и стелами скифов, а также кочевников восточной части евразийских степей.

Накопленные материалы позволяют выделить в евразийских степях и пограничных с ними регионах несколько зон («очагов») распространения монументальной скульптуры I тыс. до н.э., соотнеся их с выделенными иконографическими группами.

1. Центральноазиатская зона; состоит из нескольких подзон: монгольско-забайкальской, саяно-тувинской, зауральско-казахстанской, синьцзянской. Для первых двух (выделены В.В.Волковым, 1981) характерен неантропоморфный иконографический тип, воплощенный в оленных камнях (Членова Н.Л., 1962; Савинов Д.Г., 1994); антропоморфные памятники эпохи раннего железа там пока не выявлены. В зауральско-казахстанской и синьцзянской подзонах, выделяемых пока сугубо предварительно, известны памятники антропоморфного иконографического типа, датировка которых нуждается в уточнении, но и встречаются и неантропоморфные (Гуцалов С.Ю., Боталов С.Г., 1999; Таиров А.Д., Гуцалов С.Ю., 1999; Ковалев А.А., 1998; Варенов А.В., 1998).

2. Арало-Каспийская зона характеризуется решительным преобладанием антропоморфных памятников при наличии и неантропоморфных (Ольховский В.С., Галкин Л.Л., 1990; 1997; Самашев З.С., Ольховский В.С., 1996).

3. Причерноморско-кавказская зона состоит из не менее чем трех подзон: причерноморско-приазовской, крымской, кавказской, — обособленных географически и отчасти по типолого-хронологическим особенностям составляющих их памятников. Здесь при преобладании антропоморфов (Ольховский В.С., Евдокимов Г.Л., 1994; Ольховский В.С., Ложкин М.Н., 1992; Ольховский В.С., 1994; 1996) хорошо известны и неантропоморфные (фаллоидные) стелы (Тереножкін О.І., 1978; Членова Н.Л., 1984).

Наличие во всех трех зонах антропоморфных и неантропоморфных памятников, сходных по ряду основных признаков, дает основание для совокупного их рассмотрения по единой методике с целью решения проблем генезиса, хронологического соотношения, локальной специфики, назначения, семантики и этнокультурной принадлежности. Остановимся на проблеме антропоморфности памятников.

Хронологически наиболее древними образцами монументальной скульптуры рассматриваемого региона, относящимися к началу раннего железного века, являются оленные камни. Период их активного функционирования определяется исследователями по-разному, но преимущественно в пределах IX-VIII — VI-V вв. до н.э. Считается, что памятники типа оленных камней использовались разноплеменным (не обязательно близкородственным) населением Центральной Азии, но генезис их связан с территорией Монголии, откуда они распространились вместе с мигрирующим населением, а также путем «культурного обмена» и заимствования (историография данной проблематики весьма обширна; наиболее содержательные работы см.: Членова Н.Л., 1962; Кызласов Л.Р., 1978; Кубарев В.Д., 1979; Волков В.В., 1981; Новгородова Э.А., 1989; Савинов Д.Г., 1994). В последнее время получила широкое распространение трактовка оленных камней как памятников антропоморфных. Так, Н.Н.Диков заметил, что «все оленные камни являются олицетворением человека» (Диков Н.Н., 1958, с.45), а Н.Л.Членова заключила, что «оленные камни изображали ... человеческую фигуру» (Членова Н.Л., 1962, с.30). Основанием для такого вывода служила топографика — порядок размещения на стелах изображений предметов, в особенности оружия, который в целом соответствовал реальным способам подвески и ношения оружия и украшений древними обитателями евразийских степей. Дополнительным аргументом в пользу данной трактовки явилось открытие нескольких оленных камней, верхней части которых путем гравировки было придано сходство с человеческой головой, обозначены черты лица. При этом не вызывал сомнения факт, что доработка некоторых оленных камней в направлении их «антропоморфизации» была произведена значительно позднее их установки, в (ран-не)тюркское время (Ольховский В.С., 1989а, с.52). По имеющимся данным, не менее 96-98% выявленных оленных камней вообще не имеют пластически выраженной антропоморфности; лишь для нескольких из 600-650 экземпляров можно констатировать преднамеренность и изначальность придания их верхней части сходства с головой человека, как правило, путем гравировки (рис.1). Замечание, что оленные камни, «изображая человеческую фигуру, лишены признаков антропоморфности» (Савинов Д.Г., 1977, с.127), по сути верно, но вызывает закономерный вопрос: можно ли считать памятник, лишенный признаков антропоморфности, антропоморфным?

Объяснение отмеченного противоречия дано в одной из наших работ (Ольховский В.С., 1989а); суть его сводится к следующему. Изучение морфологии (пропорциональности, формы, зональности, фронтальности) оленных камней позволило выявить устойчивую морфологическую схему (архетип) оленных камней: это удлиненые блоки или плиты со скошенной либо косо скругленной вершиной, прямоугольные либо округлые в сечении, гравированными изображениями разделенные на две-три растоложенные по вертикали зоны. Какие-либо антропоморфные элементы, выраженные рельефом, гравировкой или контррельефом, оленным камням не свойственны. Отсюда вполне закономерен вывод: оленные камни по МОРФОЛОГИЧЕСКИМ признакам относить к антропоморфным памятникам нет оснований; морфологический архетип их иной.

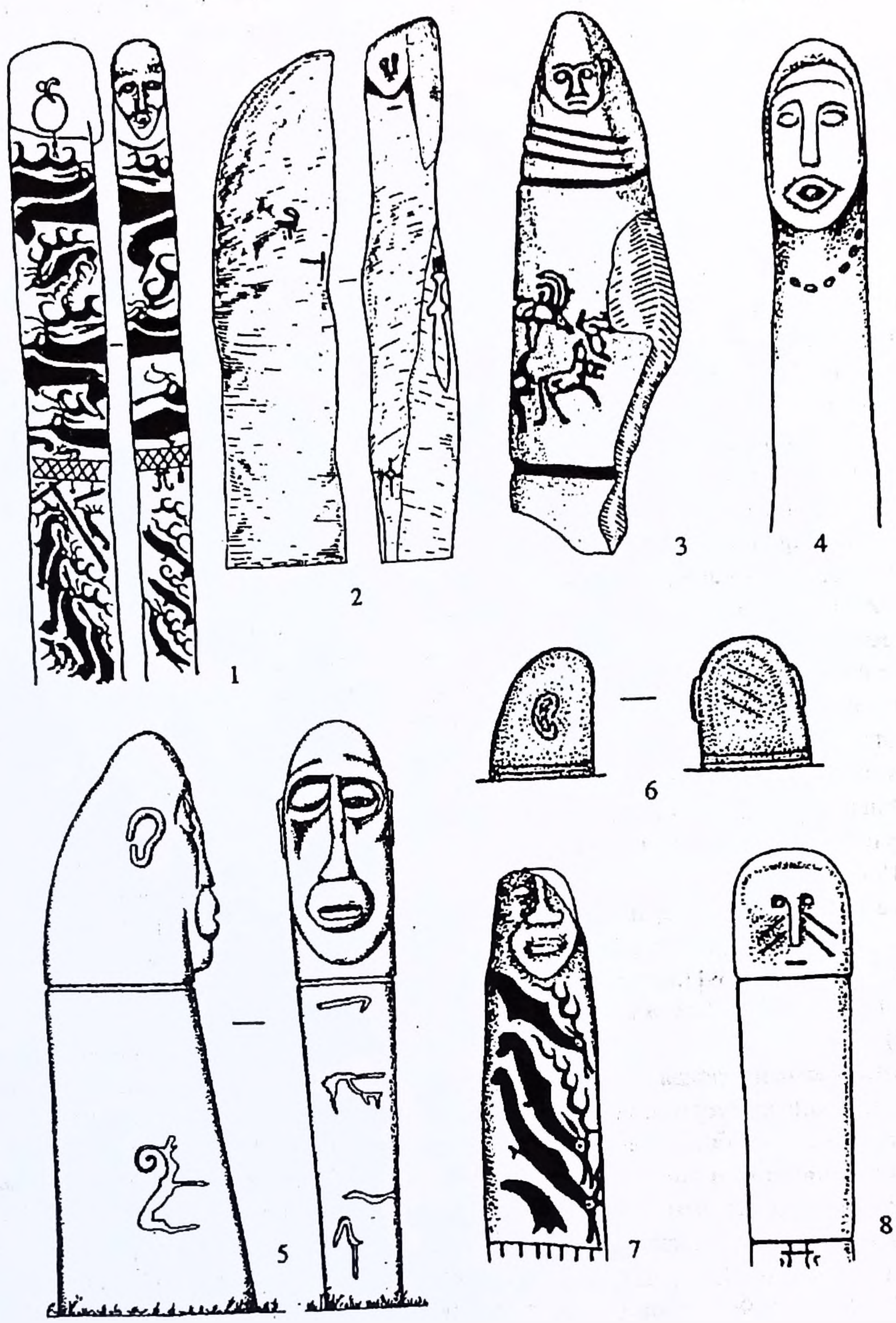


Рис.1. Оленные камни Монголии (*1,4,7,8*), Алтая (*2*) и Тувы (*3,5,6*) с элементами антропоморфности: *1* — Ушкийн-Увэр (по: Волков В.В., Новгородова Э.А., 1975); *2* — Чуйский камень, Алтай (по: Кубарев В.Д., 1979); *3* — из Туранского музея (по: Килуновская М.Е., Семенов Вл.А., 1999); *4* — Хубсугул, Агрын-бригада (по: Новгородова Э.А., 1989); *5* — у горы Чарга (по: Килуновская Э.А., Семенов Вл.А., 1999); *6* — Халыр, огр.9 (по: Плотников Ю.А., Худяков Ю.С., 1987); *7* — Хэнтэй аймак, Дунджаргалант сомон (по: Новгородова Э.А., 1989); *8* — Хубсугул, Шинэ идэр сомон (по: Новгородова Э.А., 1989). Масштабы разные

Однако наличие памятников с подработанной гравировкой верхней частью свидетельствует о том, что антропоморфная «трактовка» оленных камней все же не была чужда древним ваятелям. Но обратим внимание на следующий факт: изображая гравировкой, изредка рельефом черты человеческого лица (личину), ваятель практически никогда не моделирует голову скульптурно (подтеской). Все имеющиеся экземпляры с моделированной головой являются результатом доработки в тюркское время (Ольховский В.С., 1989а, с.52, рис.4). В случаях бесспорной синхронности оленных камней и нанесенных на них личин (Новгородова, 1989, с.183) очевидно акцентирование ваятелем изображения на передней грани памятника именно лица, а не головы в целом; боковые и тыльная грани «головы» остаются почти не проработанными. Личина же (за очень редкими исключениями) производит впечатление более или менее реалистичной маски, «приложенной» к камню (рис.1, *2,3*); при этом ФОРМА (морфологическая схема) самой стелы остается практически неизменной. Подоб-

ный прием моделирования антропозооморфных личин на узких лицевых гранях стел особенно присущ памятникам монументальной скульптуры окуневской культуры. О том, что на окуневских изваяниях изображены именно прикрепленные к стелам маски (шаманские, ритуальные), свидетельствуют правильная овальная форма личин, передко выделяемых и в виде рельефной полусферы; расположение их анатомически неправильно (в средней, а не в верхней части стел); нанесение на некоторые памятники (Вадецкая Э.Б., 1980, с.64, рис.9) парных изображений веревочек, необходимых для закрепления маски на лице. Данное наблюдение свидетельствует в пользу ранее высказывавшегося мнения о возможной генетической связи окуневских стел и оленных камней (Подольский М.Л., 1987; Савинов Д.Г., 1994, с.84-90; и др.). О весьма широком распространении масок в азиатском регионе (с эпохи энеолита-бронзы и до этнографической современности) и их ярко выраженной культово-магической роли свидетельствуют не только сюжеты петроглифов, но и реальные находки (например, таштыкские погребальные маски).

Помимо крайне редких изображений личин (и ушей; рис.1, *б*), никаких иных антропоморфных элементов оленные камни не несут. Мнение, что на камне из Самагалтая контррельефом изображены правая и, возможно, левая рука (Савинов Д.Г., Членова Н.Л., 1978, с.17; Савинов Д.Г., 1994, с.78), без сомнения, ошибочно (Ольховский В.С., 1989а, с.52); столь же сомнительно видеть в лучистых фигурах на трех оленных камнях из Тувы изображения ладоней (Килуновская М.Е., Семенов Вл.А., 1999, с.138, рис.10): уровень квалификации древних скульпторов безусловно позволял им изобразить именно человеческую ладонь, а не круг с отходящими от него лучами-отростками, однако это не делалось.

Памятники древней монументальной скульптуры являются носителями не только морфологического, но также иконографического и семантического архетипов (Ольховский В.С., 1994, с.146). Фактически же все эти архетипы глубоко взаимосвязаны, являясь «гранями» одного генерального архетипа. Так, морфологически и иконографически оленные камни более всего напоминают стилизованный фалл — известный во многих религиозно-мифологических системах семантический эквивалент мирового столпа или древа (Ольховский В.С., 1989а, с.54). Однако набор и характер размещение нанесенных на них изображений явно имитируют экипировку знатного воина: ожерелье, крупные серьги, пояс с подвешенным горитом и топором, меч и т.д., что говорит о сложном СЕМАНТИЧЕСКОМ АРХЕТИПЕ подобных стел, включающем и антропоморфность. Очевидный изоморфизм трех универсальных ключевых образов — мирового древа, фалла и мифологического первопредка (героя, демиурга), — выявляемый при анализе многих религиозно-мифологических систем (Пуруша, Паньгу, Имир и др.), дает ключ к пониманию причин скрытого антропоморфизма неантропоморфных оленных камней (и не только их).

Так, неантропоморфные стелы (в том числе оленные камни), нередко хронологически предшествующие антропоморфным изваяниям, явно аниконичны; они воспроизводят ЗНАК, символ (фалл = мировое древо/гора = ось мира). Нанесение на подобные стелы изображений предметов не меняло их знаковой сути и морфологии, но уточняло и объясняло их семантику: изображая фалл, стелы лишь символизировали антропоморфный (безусловно, весьма значимый) персонаж. При этом СИМВОЛИЗМ данного образа как эквивалента фалла/мирового древа должен был особенно отчетливо проявляться в ранних памятниках. Типологическое разнообразие оленных камней (Савинов Д.Г., 1994, с.70-83; и др.) вполне допускает наличие среди них подобных — древнейших — стел, возможно, почти лишенных «оленных» и прочих изображений, но максимально наглядно выражающих изначальный семантический архетип: гора = столб = фалл.

Надо полагать, что естественная эволюция религиозно-мифологических представлений, осложненная влияниями и заимствованиями, с течением времени приводила к усилению одних «граней» генерального архетипа при ослаблении других. Усложнение социальной структуры и связей, вероятно, усиление роли военных вождей и стремление последних закрепить и идеологически «обосновать» свою власть закономерно увеличивало общественный интерес как к самому феномену власти, так и генеалогии (реальной или фиктивной, мифологизированной), которая в условиях отсутствия письменности становилась важным (а часто беспрекословным) аргументом в борьбе за социальное и военное лидерство. Пожалуй, здесь кроются истоки особой популярности эпических героев, культ которых, несомненно, имел широчайшее распространение в кочевой и полукочевой евразийской среде в эпоху, нередко именуемую эпохой военной демократии. Набирающий силу культ героя, вождя, мифического первопредка и героизированных предков не мог не найти наглядного воплощения в монументальном искусстве. Для этого было достаточно лишь видоизменить некоторые иконографические элементы («план выражения») традиционных памятников — неантропоморфных стел, усилив «антропоморфность» его семантического архетипа без глубокого переосмысления генерального архетипа. И таким образом ключевой СИМВОЛ мировоззренческой модели — мировая гора (ось, фалл, центр) — начинает все больше осознаваться и как гигантская (человеческая) фигура (первочеловека-героя-первопредка), а затем — и конкретного вождя, разумеется, выступающего в роли земного воплощения мифологического героя. В практическом же плане каменные фаллоидные стелы начинают покрывать изображениями реальных и социально значимых предметов, тем самым демаскируя и демонстрируя их скрытую антропоморфность. Отметим, однако, что степень индивидуализации и антропоморфизации оленных камней на протяжении всего периода их существования так и не достигла критической черты, за

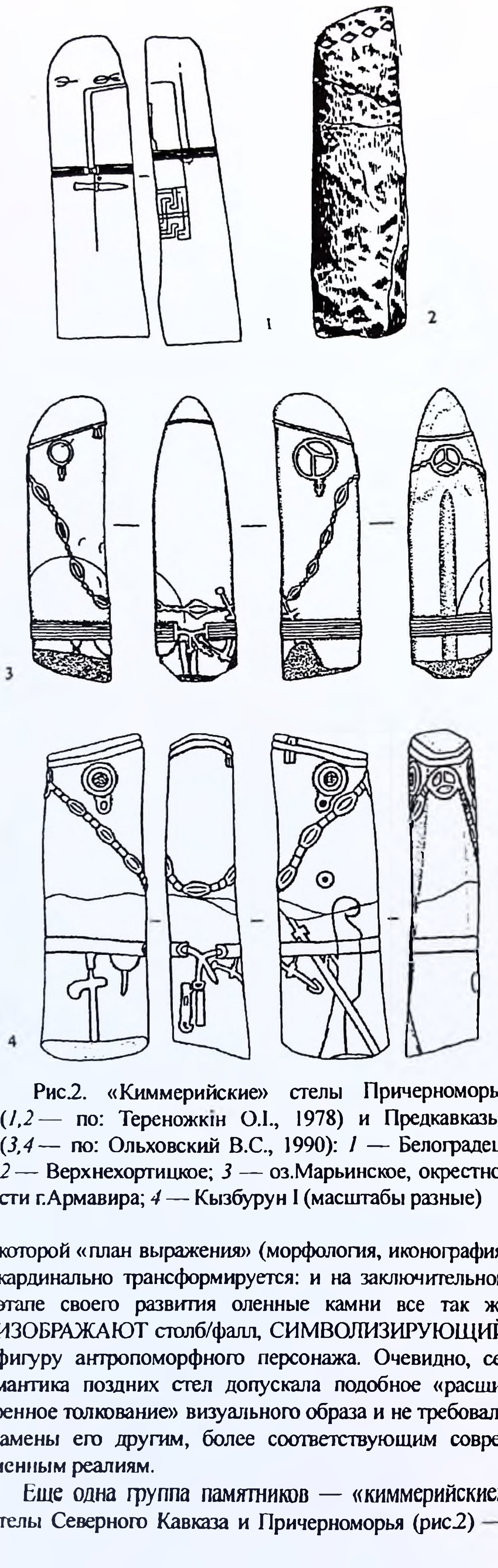


Рис.2. «Киммерийские» стелы Причерноморья (*1,2* — по: Тереножкін О.І., 1978) и Предкавказья (*3,4* — по: Ольховский В.С., 1990): *1* — Белоградец; *2* — Верхнехортицкое; *3* — оз.Марьинское, окрестности г.Армавира; *4* — Кызбурун I (масштабы разные)

которой «план выражения» (морфология, иконография) кардинально трансформируется: и на заключительном этапе своего развития оленные камни все так же ИЗОБРАЖАЮТ столб/фалл, СИМВОЛИЗИРУЮЩИЙ фигуру антропоморфного персонажа. Очевидно, семантика поздних стел допускала подобное «расширенное толкование» визуального образа и не требовала замены его другим, более соответствующим современным реалиям.

Еще одна группа памятников — «киммерийские» стелы Северного Кавказа и Причерноморья (рис.2) — своей морфологией и иконографией демонстрирует вершину «псевдоантропоморфизма» древнего неантропоморфного канона, воплощенного в оленных камнях Центральной Азии. Обилие и этнографическая точность изображенных на стелах предметов вооружения, амуниции и украшений буквально прокламируют антропоморфную и воинскую сущность образа, однако, НЕ ДЕМОНСТРИРУЯ его в пластической форме. Морфологически это все тот же фалл, иконографически «обогащенный» тщательно выполненной в рельефе и гравировке воинской атрибутикой (предметным набором). Складывается впечатление, что именно воспроизведение определенных предметов, а отнюдь не придание камню сходства с человеческой фигурой являлось основной задачей скульптора. Однако весьма строгое соблюдение фаллоидного морфологического канона и спорадическое воспроизведение древних культово-магических знаков (две-три косые черты на месте личины) не помешало ваятелям привнести в него отдельные элементы антропоморфности, не свойственные классическим оленным камням; это углубления, имитирующие ушные отверстия (ольвийская стела), впадина — позвоночный столб (рис.2, *3*) на тыльной грани (стелы из Армавира, Ольвии, Царевой Могилы, Белоградца), возможно, намеченные в рельефе лопатки (Армавир, Ольвия) (Ольховский В.С., 1990, с.120,121). Свойственное многим оленным камням свободное размещение изображений предметов и зооморфных символов на «киммерийских» стелах сменяется упорядоченным; из набора изображений почти исчезают явно мифологизированные зооморфные образы и композиции («летящие» и «стоящие» олени и др.), а оставшиеся превращаются в декоративные элементы украшений («серег», «щитов»); появляются элементы абстрактно-геометрической орнаментики (на «сумках»). Однако эти инновации, косвенно свидетельствующие об относительно более поздней дате «киммерийских» стел Восточной Европы по сравнению с основной массой оленных камней Центральной Азии, лишь усилили АНТРОПООБРАЗНОСТЬ стел, не изменив их заданной неантропоморфности. И оленные камни, и «киммерийские» стелы, изображая структурированный столб-фалл, лишь СИМВОЛИЗИРУЮТ фигуру антропоморфного персонажа.

Достаточно очевидно, что дальнейшая «антропоморфизация» образа, воплощаемого оленными камнями и «киммерийскими» стелами, без трансформации их морфологического и иконографического архетипов была просто невозможна. Переход к новой — антропоморфной — изобразительной модели означал бы кардинальное изменение «плана выражения» памятника, но допускал сохранение ядра древнего семантического архетипа («плана содержания»). Так, если оленные камни, изображая столб/фалл, символизировали человеческую фигуру, то сменяющие их антропоморфные изваяния изображали фигуру человека, символизирующую столб/фалл. Таким образом, вынужденное отрицание древнего морфолого-иконографического канона видо-

изменяло, но не упраздняло канона семантического, дополняя его.

Итак, социальная необходимость усиления роли военного лидера (к которому, без сомнения, перешли и функции ВЕРХОВНОГО ЖРЕЦА) явилась одной из основных причин утраты популярности, а затем и исчезновения древнего неантропоморфного архетипа оленных камней и «киммерийских» стел. Кроме того, резкое и почти повсеместное введение антропоморфной изобразительной схемы свидетельствует об определенном идеологическом (а также социально-экономическом и демографическом?) кризисе, происшедшем около рубежа VIII-VII вв. до н.э., охватившем значительную часть евразийского кочевого и полукочевого мира и отразившемся в монументальном искусстве.

Однако естественный консерватизм традиций и верований, сохранение и в новых условиях основного «ядра» древних религиозно-мифологических представлений заставляли скульпторов искать адекватную и более современную замену старому СИМВОЛУ, что и было сделано. Такой заменой стала человеческая фигура, образ которой латентно присутствовал и в древней изобразительной модели, и в ее семантическом архетипе. Как отмечалось выше, такая замена должна была иметь характер качественного скачка, ибо оленные камни и сменяющие их антропоморфные изваяния резко различаются и морфологически, и иконографически.

Предложенная схема «скачкообразной эволюции» монументальной скульптуры кочевников Евразии вполне убедительна в плане семантики, однако нуждается в подкреплении реальными находками. Кроме того, она предполагает наличие генетической связи по крайней мере некоторых типов оленных камней с хронологически следующими за ними раннескифскими изваяниями. Мнения о возможном наличии подобной связи не только с «семантической» (Раевский Д.С., 1983; Ольховский В.С., 1990, с.121; 1994), но и с иных позиций уже высказывались (Белозер В.П., 1978, с.52). Так, наметилась тенденция связывать черногоровско-новочеркасские либо только черногоровские памятники с ранними скифами, что означает признание скифской принадлежности по крайней мере некоторых «киммерийских» стел (Белозор В.П., 1986, с.11,13; Савинов Д.Г., 1994, с.164). Однако критерии отличия «киммерийских» оленных камней от «раннескифских» если и предлагаются некоторыми исследователями, но выглядят недостаточно конкретными и убедительными. Некоторой популярностью пользуется мнение, что на древнейшие скифские антропоморфные памятники оказала определенное влияние северопричерноморская (Чмыхов Н.А., Довженко Н.Д., 1987, с.130,134), передneазиатская (Шульц П.Н., 1967, с.237; Попова Е.А., 1976, с.109) антропоморфная скульптура эпохи бронзы, а также смыкающаяся во времени со скифской скульптура эпохи поздней бронзы, но не оленные камни и «киммерийские» стелы (Членова Н.Л., 1984, с.56). Отметим, что все перечисленные точки зрения нуждаются в более серьезном обосновании: приводимые в их пользу иконографические элементы сами по себе уникальны либо столь популярны и поэтому неопределенны, чтобы говорить о них как именно об иконографической основе значительно более поздних скифских изваяний трудно. По имеющимся данным, при естественном наличии элементов сходства ЛЮБОЙ антропоморфной скульптуры в степной зоне Евразии пока достоверно не зафиксированы памятники (кроме оленных камней и «киммерийских» стел), которые могли бы претендовать на роль ПРЯМОГО типологического и хронологического «предка» скифских антропоморфных изваяний (антропоморфные изваяния, найденные в Синьцзяне и связываемые с ранними скифами (Ковалев А.А., 1998, с.28), нуждаются в более четкой хронологической привязке).

Однако, если прямая связь аниконичных оленных камней Центральной Азии и «киммерийских» стел Причерноморья-Предкавказья представляется вполне обоснованной, то связь последних с иконичной раннескифской скульптурой требует более серьезного обоснования (Ольховский В.С., 1990, с.122).

Морфологически и в меньшей степени иконографически оленные камни и «киммерийские» стелы довольно однообразны, что свидетельствует о наличии изобразительной традиции, все же допускавшей определенную вариабельность. Границы этой вариабельности были, однако, весьма узки вследствие специфики воспроизводимого ЗНАКА (столб, фалл). Переход же к антропоморфной изобразительной модели давал ваятелям несравненно более широкие возможности для иконографических экспериментов. Очевидно, именно поэтому изваяния скифо-сарматского времени далеко не единообразны, различаются абрисом, поперечным сечением, степенью воплощения, позой и жестом воспроизводимого образа, что свидетельствует о поисках изобразительной схемы, в максимальной степени созвучной инновациям семантического архетипа. Формирование нового канона происходило в широких географических и хронологических рамках, но к началу III в. до н.э. так и не завершилось. Нет сомнения, что не только внутренние, но и внешние факторы явились причиной незавершенности этого процесса: подвижность населения, этническая миксация, смена этнокультурной среды, инокультурные художественные влияния и т.д.

Для реконструкции процесса формирования изобразительного канона были бы очень важны находки ранних изваяний в надежно датируемых комплексах. К сожалению, это случается крайне редко. Исходя из общетеоретических посылок, следует предполагать, что древнейшие скифские изваяния должны были сохранить морфологическую монолитность и зональность, а также иконографическую и репертуарную лаконичность, присущие оленным камням и большинству «киммерийских» стел. Это должны быть столбообразные фигуры с выделенной головой, но без моде-

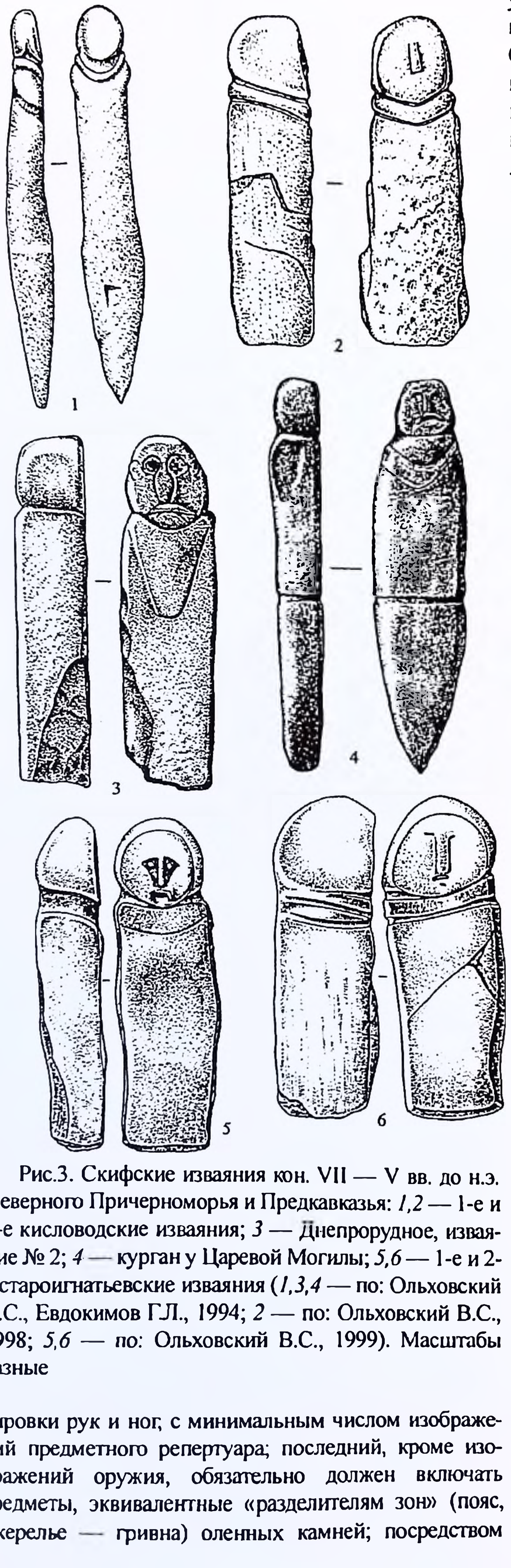


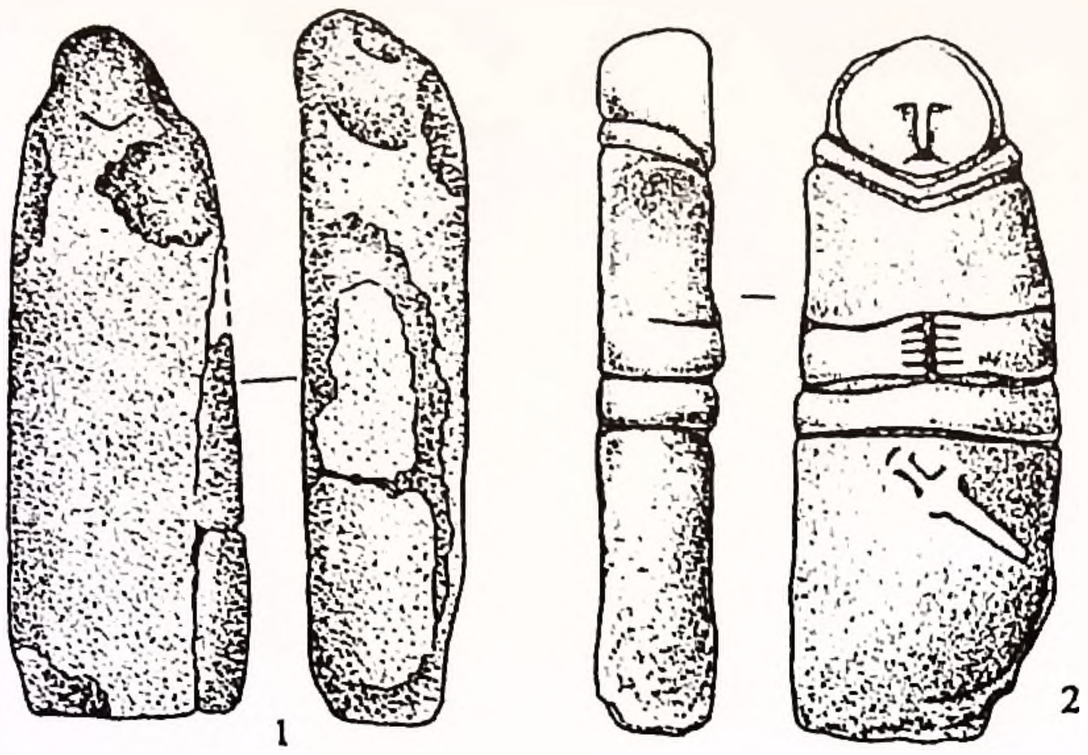
Рис.3. Скифские изваяния кон. VII — V вв. до н.э. Северного Причерноморья и Предкавказья: *1,2* — 1-е и 2-е кисловодские изваяния; *3* — Днепрорудное, изваяние № 2; *4* — курган у Царевой Могилы; *5,6* — 1-е и 2-е староигнатьевские изваяния (*1,3,4* — по: Ольховский В.С., Евдокимов Г.Л., 1994; *2* — по: Ольховский В.С., 1998; *5,6* — по: Ольховский В.С., 1999). Масштабы разные

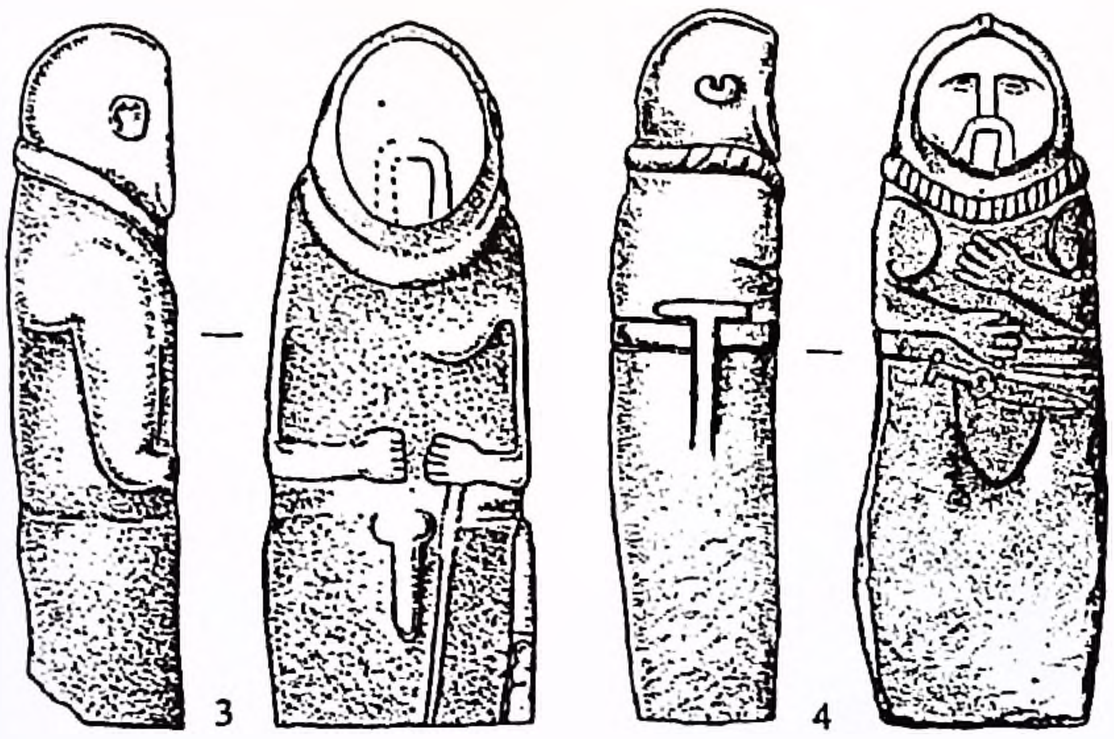
лировки рук и ног, с минимальным числом изображений предметного репертуара; последний, кроме изображений оружия, обязательно должен включать предметы, эквивалентные «разделителям зон» (пояс, ожерелье — гривна) оленных камней; посредством указанных разделителей подчеркивалась роль изваяний как зримых воплощений вертикали СТРУКТУРИРОВАННОГО УНИВЕРСУМА. В иконографическом отношении это должны быть бюсты или полуфигуры, а в морфологическом — антропоморфные столбы либо плоские скульптуры. Как реликт на подобные изваяния вполне могло наноситься изображение фалла.

Рассмотрение совокупности всех известных скифских изваяний позволяет без труда выявить среди них экземпляры, отвечающие гипотетическим признакам раннескифских изваяний (рис.3). К таковым следует отнести стелу из кург.16 Нартанского могильника (подтеской выделена голова, атрибутов нет; рис.4, *1*), изваяния-бюсты из кургана у Царевой Могилы (выделена голова, нанесены черты лица, изображены гривна и пояс-разделитель), 2-е днепрорудненское (голова, черты лица, гривна (?), 1-е и 2-е кисловодские (выделена голова, изображена гривна), 1-е и 2-е староигнатьевские (голова, черты лица, гривна) и др. (рис.3).

Особенности данной группы памятников следующие: минимальная антропоморфизация (скульптурно моделирована только голова, иногда ложбиной обозначен позвоночник), подчеркнутый геометризм (округлый или прямоугольный в сечении столб), явная зональность (деление фигуры поясом и гривной на две-три расположенные по вертикали зоны), минимальное количество изображений атрибутов (гривна, иногда пояс). Зафиксированные признаки будут идеально соответствовать гипотетическим характеристикам раннескифских изваяний, если допустить генетическую типологическую связь последних с предшествующими им «киммерийскими» стелами. К сожалению, ни одно из перечисленных изваяний не имеет привязки к определенно датированному вещевому комплексу; отнесение их к раннескифскому времени (конец VII-VI вв. до н.э.) производилось по изображениям атрибутов и по морфологически сходным экземплярам изваяний, имеющим более выразительный набор атрибутов.

Наряду с указанной группой изваяний, весьма «лаконично» воплощающих антропоморфный образ, имеется и другая, столь же ранняя, но с гораздо более развитой иконографией и набором изображений предметов (рис.4, *2-6*). Сопоставление подобных изображений с реальными предметами (оружием, украшениями) из раннескифских комплексов, а также обнаружение некоторых изваяний в хорошо датированных погребальных комплексах VI-V вв. до н.э. позволяет проследить дальнейшую эволюцию иконографии и морфологии скифских изваяний (Ольховский В.С., Евдокимов Г.Л., 1994). Так, репертуар антропоморфных черт становится богаче: появляются изображения рук, бедер, фалла, затем ног; значительно увеличивается набор изображаемых предметов: помимо гривны и пояса, часто встречаются изображения лука в горите, меча, топора или секиры, ритона и т.д. Расцвет скифской антропоморфной скульптуры приходится на период с рубежа VI-V по 1-ю треть IV в. до н.э. Подтес-





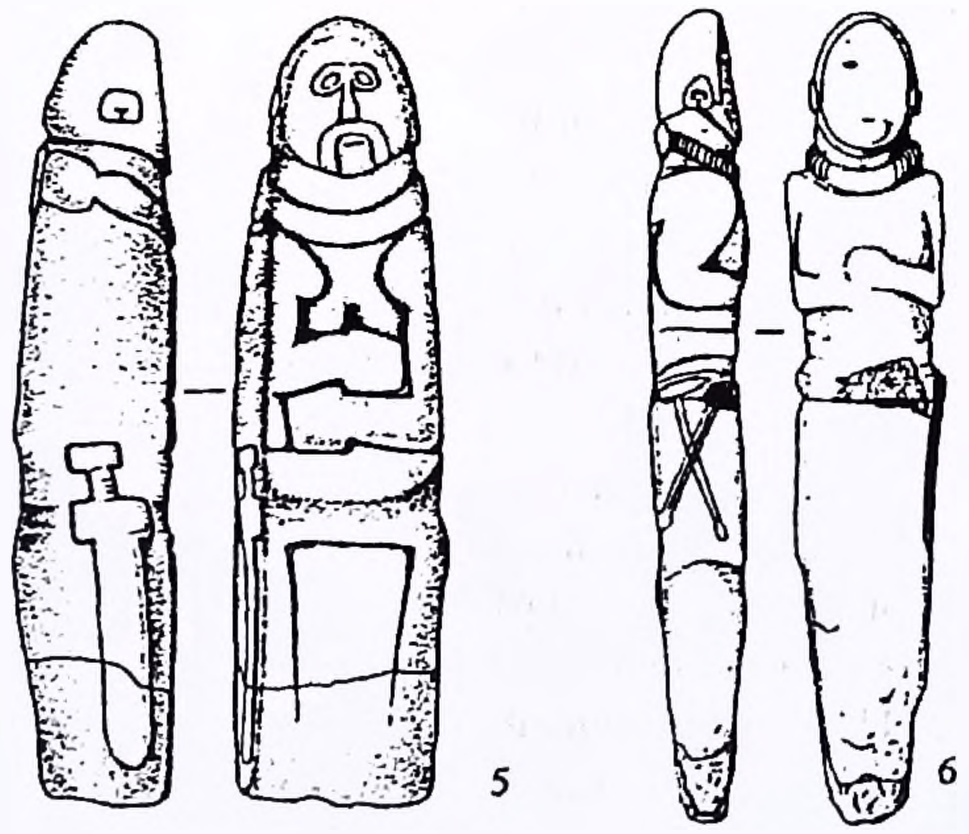


Рис.4. Скифские изваяния кон. VII — VI вв. до н.э. Северного Причерноморья и Кавказа: *1* — Нартан, кург.16; *2* — Грушевка; *3* — Манычская; *4* — Куцеволовка; *5* — Киевский музей; *6* — Зеиани (*1* — по: Батчаев В.М., 1985; *2-5* — по: Ольховский В.С., Евдокимов Г.Л., 1994; *6* — рис. В.С.Ольховского). Масштабы разные

кой и гравировкой скульпторы изображают человеческую фигуру до пояса или целиком; популярными становятся плоские скульптуры, хотя еще встречаются антропоморфные столбы и появляются круглые скульптуры.

Вряд ли будет ошибочным вывод о том, что морфолого-иконографическое разнообразие скифских изваяний на раннем и развитом этапе их эволюции отчасти обусловлено и инокультурными влияниями: попадая в чуждую этническую среду в ходе миграций и походов, скифы не могли не заимствовать некоторые особенности изобразительного искусства племен и народов, с которыми соприкасались; в то же время наблюдался и обратный процесс взаимовлияния. В итоге достаточно рано (не позднее середины VI в. до н.э.) фиксируются локальные различия групп скифских изваяний, в частности, в кавказском регионе, в плане и морфологии, и иконографии (Ольховский В.С., 1989б).

Обнаружение первых, несомненно ранних, скифских изваяний в Закавказье позволяет констатировать некое инокультурное влияние на процесс эволюции скифской монументальной скульптуры в регионе: иными причинами объяснить развитую иконографию ранних памятников трудно. Подтвердить вывод о возможном влиянии позднеассирийской или урартийской скульптуры на формирующуюся раннескифскую (Ольховский В.С., 1996) могло бы открытие в Закавказье и в прилегающих районах Передней Азии изваяний, имеющих «гибридную» иконографию и сходную морфологию. Гипотетически это должны быть антропоморфные столбы с выделенной головой, проработанными чертами лица и изображениями (в рельефе или гравировкой) рук, но не ног. Из предметного репертуара на подобных изваяниях скорее всего должны быть изображены пояса, топоры (секиры), возможно, мечи и гривны.

2-я половина IV — начало III вв. до н.э. — время упадка каменотесного искусства скифов: снижается общий художественный уровень изваяний, беднее становится набор атрибутов, появляются силуэтные изваяния и статуарные рельефы. Тенденция к примитивизации поздней монументальной скульптуры приводит к появлению элементов стиля «ретро»: своей простотой и лаконичностью некоторые поздние памятники напоминают значительно более ранние, относящиеся к периоду формирования антропоморфной изобразительной схемы.

Развитие идеи антропоморфизма особенно ярко проявилось еще в одном степном ареале — арало-каспийской зоне, где она реализовалась в каменной скульптуре святилищ байтинского типа, оставленных «сарматоидным» кочевым населением (Ольховский В.С., Галкин Л.Л., 1990). Иконографически данные памятники весьма близки основной группе скифских изваяний причерноморско-кавказской зоны при наличии ряда локальных особенностей, однако относятся к более позднему периоду (III-I вв. до н.э.). Они вполне антропоморфны (рис.5), воспроизводят фигуру мужчины-воина с соответствующим набором вооружения. При этом некоторые изваяния индивидуализированы — на лицевой части нанесены изображения морщин и т.д. Вместе с тем каноничность изобразительной схемы, сходной со скифской иконографической схемой, и стандартизированность байтинских изваяний может свидетельствовать об идентичности или большой близости их семантического архетипа («плана содержания»). Примечательно, что в арало-каспийском регионе

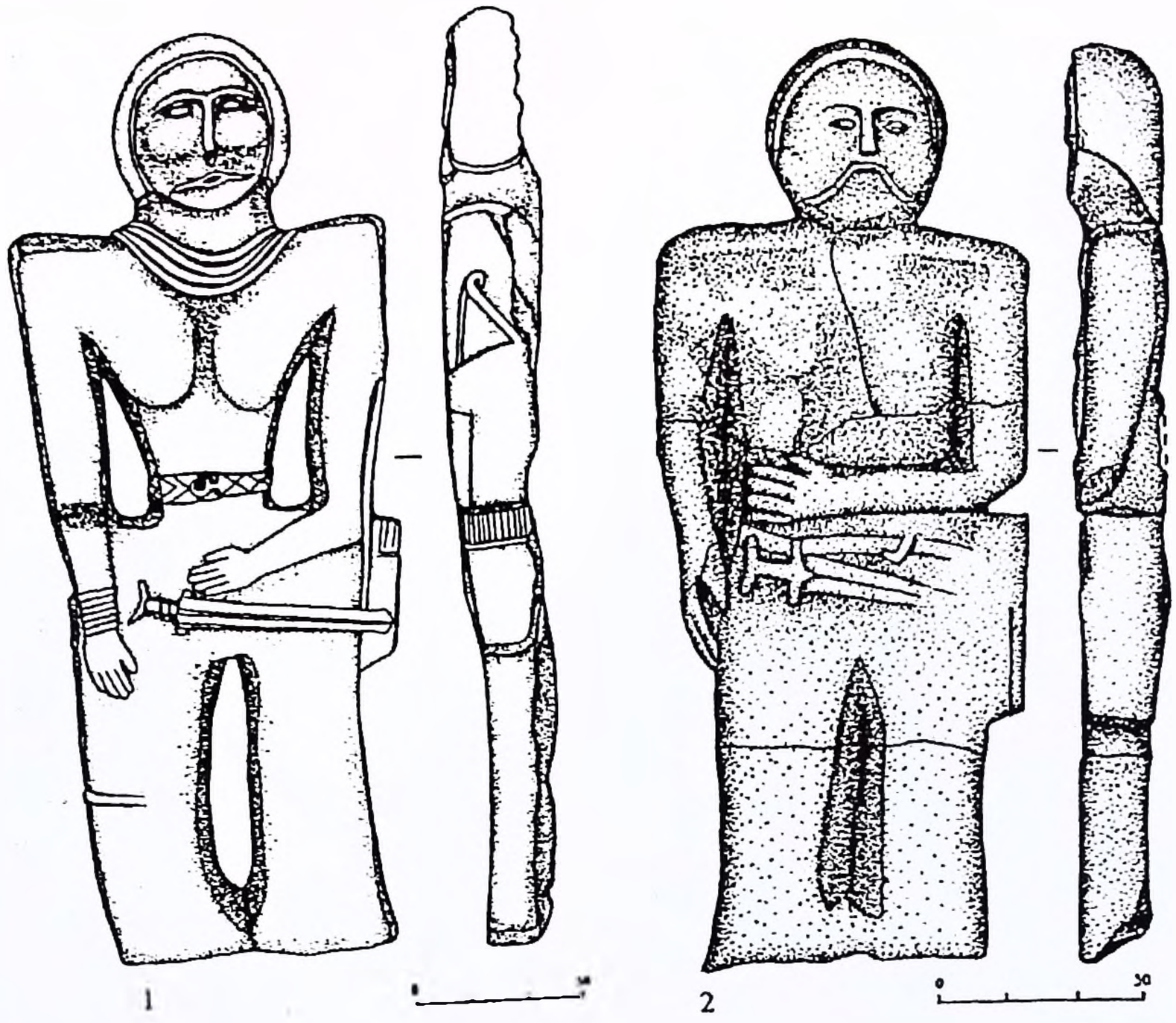


Рис.5. Изваяния кочевников арало-каспийских степей (плато Устюрт) III-I вв. до н.э.: *1* — курган Конай (по: Ольховский В.С., Галкин Л.Л., 1997); *2* — святилище Байте III (рис. В.С.Ольховского)

встречаются и неантропоморфные стелы (почти без изображений), морфологически вполне сопоставимые с оленными камнями и «киммерийскими стелами», но пока не поддающиеся точной датировке (Самашев З.С., Ольховский В.С., 1996). Прямая зависимость и взаимосвязь скифских и устюртских изваяний вряд ли имела место; сходство их скорее объясняется общей семантической подосновой.

В начале н.э. традиция создания монументальных антропоморфных памятников в евразийских степях постепенно сходит на нет; дольше всего она сохраняется у полуоседлого (?) и, вероятно, этнически неоднородного населения Крыма I-III вв. н.э., претерпевая заметные морфологические изменения.

Таким образом, имеющиеся данные позволяют констатировать, что:

1. В начале эпохи раннего железа в евразийских степях преобладает традиция создания неантропоморфных каменных изваяний;

2. Появление и быстрое возобладание новой — антропоморфной иконографической схемы связано с серьезной трансформацией господствующей мировоззренческой модели, вызванной изменившимися социальными, демографическими и другими условиями;

3. Основная семантическая идея и неантропоморфных, и антропоморфных памятников едина — она основывается на близости основного комплекса религиозно-мифологических представлений и в пластической форме реализует генерализованный символ освоенного мира, его центрального элемента;

4. При сохранении основного смыслового ядра указанных памятников наблюдается развитие их семантического поля в направлении увеличения «антропоморфности», что на начальном этапе может сопровождаться резкой (скачкообразной) сменой изобразительной модели;

5. Главные архитектонические характеристики и антропоморфных, и неантропоморфных изваяний степной Евразии — вертикальность и зональность, а в «плане выражения» — статичность;

6. Помимо глубокой семантической, не исключена и генетическая иконографическая связь раннескифских антропоморфных изваяний и «киммерийских» стел причерноморско-кавказского региона. Для более восточных районов подобная связь между антропоморфной кочевнической скульптурой и предшествующими ей неантропоморфными стелами также возможна, хотя и небесспорна;

7. Имея общую идеологическую подоснову, идея антропоморфности в монументальной скульптуре в разных экологических, этнокультурных и социальных условиях реализовывалась по-своему, развивалась самостоятельно, нередко испытывая, однако, инокультурные влияния.

8. Общность семантического архетипа обусловила определенное сходство антропоморфной скульптуры из разных регионов степного пояса Евразии. Развитие возникших очагов антропоморфизма проходило в разных экологических, этнокультурных и социальных условиях самостоятельно, но под влиянием не только внутренних, но и внешних факторов. Внешним фактором могли быть

контакты с оседло-земледельческими сообществами, обладавшими многовековыми традициями монументального искусства. Не вызывают сомнений достаточно длительные (и не только военные) контакты скифов с ассирийцами, урартийцами, другими этническими группами Передней Азии, эллинами; в более восточных регионах кочевники сармато-сако-массагетской этнокультурной общности активно контактировали с хорезмийцами, бактрийцами, согдийцами, а после походов Александра Македонского — и с населением эллинистических государств Средней Азии и Ближнего Востока.

9. Временное прекращение традиции создания каменных антропоморфных скульптур в евразийских степях связано с глобальным изменением этнокультурной ситуации — началом серии миграций эпохи Великого переселения народов.

ЛИТЕРАТУРА

Батчаев В.М., 1985. Древности предскифского и скифского периодов // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972-1979 гг. Т.2. Нальчик.

Белозер В.П., 1978. Оленные камни и киммерийские стелы // Археологические исследования на Украине в 1976-1977 гг. Тезисы докладов XVII конференции ИА АН УССР. Ужгород.

Белозор В.П., 1986. Скифские каменные изваяния VII-IV вв. до н.э. // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев.

Вадецкая Э.Б., 1980. Изваяния окуневской культуры // Вадецкая Э.Б., Леонтьев Н.В., Максименков Г.А. Памятники окуневской культуры. Л.

Варенов А.В., 1998. Оленные камни из Восточного Туркестана // Международная конференция по первобытному искусству. Тезисы докладов. Кемерово.

Волков В.В., 1981. Оленные камни Монголии. Улан-Батор.

Волков В.В., Новгородова Э.А., 1975. Оленные камни Ушкийн-Увэра (Монголия) // Первобытная археология Сибири. Л.

Гуцалов С.Ю., Боталов С.Г., 1999. Скифское изваяние в Южном Зауралье // 120 лет археологии восточного склона Урала. Первые чтения памяти Владимира Федоровича Генинга. Ч.1. Екатеринбург.

Диков Н.Н., 1958. Бронзовый век Забайкалья. Улан-Удэ.

Кипуновская М.Е., Семенов Вл.А., 1999. Оленные камни Тувы (Часть 2. Сюжеты, стиль, семантика) // Археологические вести. № 6. СПб.

Ковалев А.А., 1998. Каменные изваяния Черного Иртыша (еще раз о джунгарской прародине скифов) // Скифы. Хазары. Славяне. Древняя Русь. Тезисы докл. конференции. СПб.

Кубарев В.Д., 1979. Древние изваяния Алтая (Оленные камни). Новосибирск.

Кызласов Л.Р., 1978. К изучению оленных камней и менгиров // КСИА. Вып.154.

Новгородова Э.А., 1989. Древняя Монголия (Некоторые проблемы хронологии и этнокультурной истории). М.

Ольховский В.С., 1987. О методике источниковедческого анализа антропоморфных изваяний // Социально-экономическое развитие древних обществ и археология. М.

Ольховский В.С., 1989а. Оленные камни (к семантике образа) // СА. № 4.

Ольховский В.С., 1989б. Скифоидные изваяния Северо-Восточного Кавказа // Известия СКНЦВШ. Серия обществ. наук, № 2 (66).

Ольховский В.С., 1990. О северокавказских стелах эпохи раннего железа // СА. № 3.

Ольховский В.С., 1994. К проблеме генезиса скифской монументальной скульптуры // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (тезисы докл. междунар. конференции). II. Запорожье.

Ольховский В.С., 1996. Монументальная скульптура Кавказа эпохи раннего железа (некоторые итоги и перспективы исследования) // Между Азией и Европой. Кавказ в IV-I тыс. до н.э. СПб.

Ольховский В.С., 1998. К изучению скифской скульптуры Северного Кавказа // Историко-археологический альманах. Вып.4. Армавир-М.

Ольховский В.С., 1999. Скифские изваяния северо-восточного Приазовья // Евразийские древности. 100 лет Б.Н.Гракову: архивные материалы, публикации, статьи. М.

Ольховский В.С., Галкин Л.Л., 1990. Культовый комплекс на Устюрте (предварительное сообщение) // СА. № 4.

Ольховский В.С., Галкин Л.Л., 1997. К изучению памятников Северо-Восточного Прикаспия эпохи раннего железа // РА. № 4.

Ольховский В.С., Евдокимов Г.Л., 1994. Скифские изваяния VII-III вв. до н.э. М.

Ольховский В.С., Ложкин М.Н., 1992. К истории монументального искусства древнего населения Предкавказья // РА. № 3.

Плотников Ю.А., Худяков Ю.С., 1987. Оленные камни Южной Тувы // Скифо-сибирский мир. Искусство и идеология. Новосибирск.

Подольский М.Л., 1987. Окуневские изваяния и оленные камни // Скифо-сибирский мир. Искусство и идеология. Новосибирск.

Попова Е.А., 1976. Об истоках традиций и эволюции фурм скифской скульптуры // СА. № 1.

Раевский Д.С., 1983. Скифские каменные изваяния в системе религиозно-мифологических представлений ираноязычных народов евразийских степей // Средняя Азия, Кавказ и зарубежный Восток в древности. М.

Савинов Д.Г., 1977. О культурной принадлежности северокавказских камней-обелисков // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. М.

Савинов Д.Г., 1994. Оленные камни в культуре кочевников Евразии. СПб.

Савинов Д.Г., Членова Н.Л., 1978. Западные пределы распространения оленных камней и вопросы их культурно-этнической принадлежности // Археология и этнография Монголии. Новосибирск.

Самашев З.С., Ольховский В.С., 1996. Стелы Дыкылтаса (Западный Казахстан) // Вопросы археологии Западного Казахстана. Вып.1. Самара.

Таиров А.Д., Гуцалов С.Ю., 1999. Стелы и антропоморфные изваяния раннего железного века в степях Южного Урала // XIV Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов. Челябинск.

Терпиловский О.І., 1978. Кіммерійські стели // Археологія. № 27. Київ.

Членова Н.Л., 1962. Об оленных камнях Монголии и Сибири // Монгольский археологический сборник. М.

Членова Н.Л., 1984. Оленные камни как исторический источник (на примере оленных камней Северного Кавказа). Новосибирск.

Чмыхов Н.А., Довженко Н.Д., 1987. О древнейшем индоиранском компоненте в сложении скифской монументальной скульптуры // Древнейшие скотоводы степей юга Украины. Киев.

Шульц П.Н., 1967. Скифские изваяния Причерноморья // Античное общество. М.

Е.В.ПЕРЕВОДЧИКОВА

К ВОПРОСУ О СВЯЗЯХ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ, ПРИКУБАНЬЯ И НИЖНЕГО ПОДОНЬЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ СКИФСКОГО ЗВЕРИНОГО СТИЛЯ)

Вопрос о связях скифского звериного стиля областей Нижней Волги, Нижнего Дона и Кубани далеко не нов. Еще в 1928 г. Б.Н.Граков, вводя в научный оборот памятники скифской эпохи междуречья Волги и Урала, отмечал некоторое сходство отдельных произведений скифского искусства исследуемой территории с искусством более южных областей (Граков Б.Н., 1928). Однако в данной работе еще не шла речь об этом сходстве как об особом явлении.

Связи с южными областями как одна из отличительных черт звериного стиля Нижнего Поволжья — тезис, выдвинутый К.Ф.Смирновым в книге «Савроматы» (Смирнов К.Ф., 1964, с.243) и повторенный потом в специальной статье о зверином стиле (Смирнов К.Ф., 1976, с.80). Эта мысль впоследствии получила развитие в работах Е.Ф.Корольковой (Чежиной), посвятившей серию статей искусству Нижнего Поволжья и Приуралья (Чежина Е.Ф., 1983).

Включая этот признак в сумму различий звериного стиля Нижнего Поволжья и Южного Приуралья, исследователи, как правило, приводят все известные примеры стилистических параллелей искусства Нижнего Поволжья и предкавказских степей, не ставя задачи определить, в каком случае мы имеем дело с находками поволжских предметов на юге, а в каком — наоборот (за исключением резных клыков с зооморфными изображениями, рассмотренных Е.Ф.Чежиной (1991) как предметы несомненно поволжские, распространившиеся на другие территории). В то же время выяснение этого вопроса предоставило бы новые данные для освещения связей перечисленных областей.

В свете изложенного представляется актуальной попытка выделить среди сходных черт произведений звериного стиля Нижней Волги, Нижнего Дона и Кубани специфичные для каждой из этих областей и на основании этого — проследить некую структуру связей между ними.

Для материала V в. до н.э., когда скифский звериный стиль существует в виде локальных вариантов, выделяемых на основе распространения серий предметов с определенными признаками на той или иной территории, такая задача представляется выполнимой. Кроме того, можно сопоставлять найденные на разных территориях типологически исходные экземпляры и производные от них.

В русле такого подхода лежит уже упомянутая работа Е.Ф.Чежиной (1991), посвященная одной категории вещей — клыкам, оформленным в зверином стиле. Отделив поволжские клыки от приуральских по определенным характерным чертам, автор сопоставляет с ними отдельные находки подобных предметов на Кубани и Северном Кавказе, приводя наблюдения о более или менее осмысленном характере изображений на этих экземплярах. В этом случае можно с уверенностью считать, что перед нами пример распространения образцов специфически поволжского стиля в более южные области.

Возможно, о сходном явлении свидетельствуют бляшки в виде профильных изображений голов грифонов. Такие бляшки найдены в Поволжье в кургане А12 у с.Блюменфельд (Смирнов К.Ф., 1964, с.304, рис.11Б,20,21), в кургане 2 группы II у с.Молчановка (Смирнов К.Ф., 1964, с.306, рис.13, *6в*) и в разрушенном погребении (или погребениях — Максимов Е.К., 1976, с.210) у с.Новопривольное (Максимов Е.К., 1976, с.215, рис.3, *4-6*), а также у с.Бажиган на Ставрополье (Смирнов К.Ф., 1964, с.305, рис.12, *2а*) и в Прикубанье (куплены в Майкопе)*. В отличие от клыков, эти бляшки не составляют сколь-нибудь значительной серии. Сходные по конструкции, пропорциям и размерам, они различаются по деталям изображения. Головки из Блюменфельда (рис.1, *1,2*) выглядят наиболее понятно: ясно читается длинный раскрытый клюв, большой круглый глаз, над которым тремя штрихами показан хохолок. К.Ф.Смирнов находит им аналогии в курганах лесостепного Приднепровья V в. до н.э. (Смирнов К.Ф., 1964, с.218) , к ним можно добавить бляшку с весьма похожим изображением из кургана № 12 в урочище Стайкин Верх (рис.1, *3*), датирующегося VI в. до н.э.

Изображения грифонов на бляшках из Новопривольного (рис.1, *4-6*) выполнены в подобной схеме, с той только разницей, что здесь клюв превратился в морду хищника, такую же длинную, с двумя зубами в раскрытой пасти. На экземплярах из Молчановки (рис.1, *7*) клюв не такой длинный, не заостренный, как положено клюву, а в виде овала, внутри которого тоже показаны два зуба; над клювом намечена восковица, хохолка нет. К.Ф.Смирнов справедливо отмечает сходство этого изображения с костяной бляшкой из Бажигана (Смирнов К.Ф., 1964, с.218), на которой в клюве грифона тоже показаны зубы (рис.1, *8*). Однако бажиганский экземпляр общими пропорциями и конфигурацией клюва еще больше напоминает блюменфельдские. В целом же можно заметить, что в комплексе из

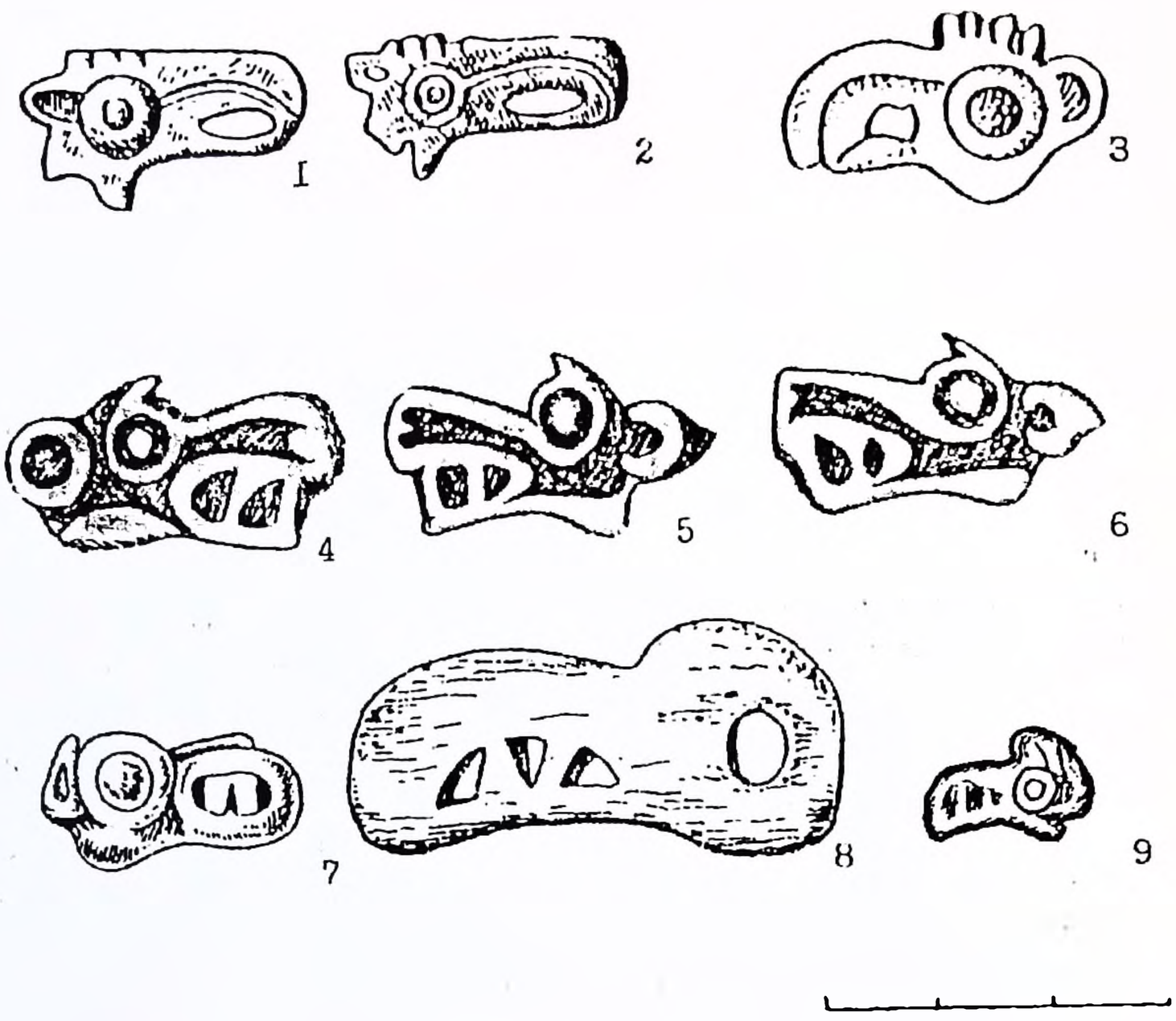


Рис.1. Изображения голов грифонов: *1,2* — Блюменфельд (Смирнов К.Ф., 1964, рис.11Б,20,21); *3* — курган в ур.Стайкин Верх (Ильинская В.А., 1968, табл.X, *6*); *4-6* — Новопривольное (Максимов Е.К., 1976, рис.3, *4-6*); *7* — Молчановка (Смирнов К.Ф., 1964, рис.13, *6в*); *8* — Бажиган (Смирнов К.Ф., 1964, рис.12, *2а*); *9* — Майкоп, покупка, ГЭ 2509/5-6

Бажигана представлен более стилизованный вариант изображения, нежели в поволжских курганах. То же можно сказать и о бляшке, приобретенной в Майкопе (рис.1, *9*), со схематически показанными зубами, хохолком с тремя штрихами и вытянутым вверх небольшим ухом .

Ситуация с этими бляшками не так однозначна, как ситуация с клыками, поскольку здесь нет выразительной серии, привязанной к определенному ареалу. В этом случае, видимо, следует опираться на то, что предметы из Нижнего Поволжья выглядят более понятными, менее стилизованными, нежели образцы из Прикубанья. Поэтому можно предположить, что поволжские предметы предшествовали прикубанским и что здесь перед нами пример распространения на юг схем, выработанных в Нижнем Поволжье — возможно, под некоторым влиянием образцов из лесостепного Приднепровья.

Похожую картину дают весьма схематические изображения не то морды, не то фигуры хищника анфас. Сходных форм бляшки такого типа также происходят из Нижнего Поволжья и Прикубанья. В Поволжье они найдены в разрушенном кургане у с.Новопривольное (Максимов Е.К., 1976, с.215, рис.3, *12-18*), в кургане у с.Старица (Смирнов К.Ф., 1964, с.235) и в погребении у с.Хошеутово (Дворниченко В.В., Очир-Горяева М.А., 1997, рис.1, *16*), из Прикубанья происходит комплекс предметов, приобретенный в Майкопе (ОАК за 1903 г.).

Все бляшки сходны по композиции: по сторонам от центральной линии, обозначающей нос, помещены большие круглые глаза, под которыми расположены сегментообразные фигуры, расчерченные полосками. На трех предметах из Новопривольного (рис.2, *1-3*) над глазами находятся уши, на трех других бляшках из того же комплекса (рис.2, *13-15*) на месте глаз помещены такие же сегментообразные фигуры, как и в нижней части бляшек. К.Ф.Смирнов и вслед за ним Е.К.Максимов полагают, что эти бляшки представляют фигуру хищника анфас, понимая сегментовидные выступы как изображение когтистых лап (Смирнов К.Ф., 1964, с.235; Максимов Е.К., 1976, с.217). Можно предположить и другую трактовку. На менее стилизованной бляшке похожей композиции, найденной в кургане у ст.Гурийская на Кубани (рис.2, *4*), на месте выступов-«лап» дугами показаны явно щеки, а не лапы зверя. По такой же схеме построены головки зверей анфас на костяных наконечниках предметов узды из кургана VI в. до н.э. у с.Будки в лесостепном Приднепровье (рис.2, *9-12*), по оформлению нижней части более всего сходные с хошеутовскими. В Хошеутове же найдена бляшка явно в виде морды хищника анфас, похожая при этом по общей схеме и пропорциям на все описанные (рис.2, *8*).Самые ранние изображения из рассмотренных представлены на костяных предметах из кургана у с.Будки, относящихся к VI в. до н.э. (Ильинская В.А., 1968, с.41). Заслуживает внимания, что на территории лесостепного Приднепровья эта схема получила развитие в конце VI-V вв. до н.э. Головки хищников анфас, как интересующего нас подпрямоугольного контура (Ильинская В.А., 1968, с.137, рис.38, *6*; табл.XIX , *16,17*; XLII, *2*), так и других форм (Ильинская В.А., 1968, с.46, рис.24, с.51, рис.25, *4*,

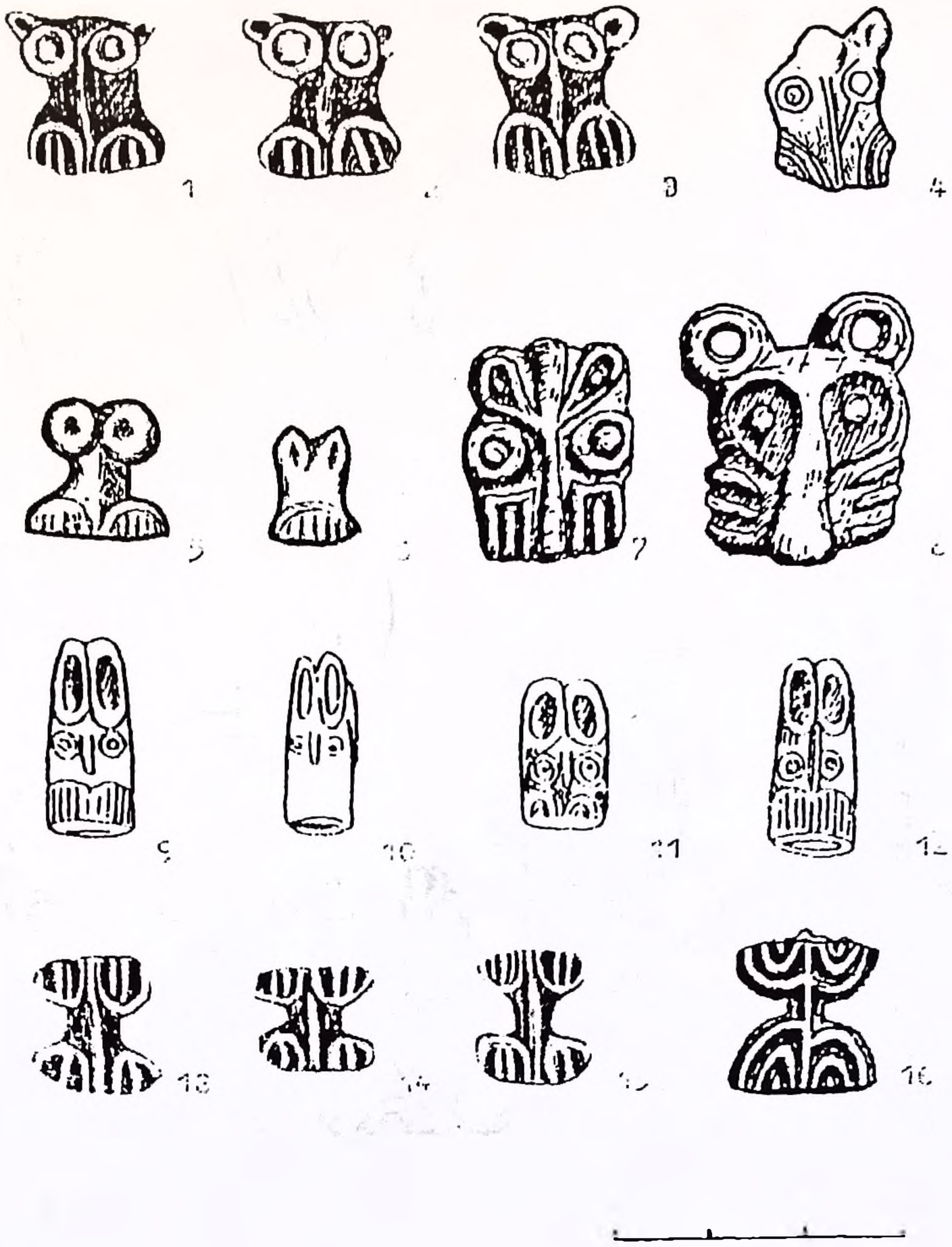


Рис.2. Изображения голов хищников анфас: *1-3* — Новопривольное (Максимов Е.К., 1976, рис.3, *16-18*); *4* — Гурийская, ГЭ 2501/33*; *5* — Хошеутово (Дворниченко В.В., Очир-Горяева М.А., 1997, рис.1, *17*); *6* — Майкоп, покупка (ОАК за 1903 г., с.169, рис.333); *7* — Майкоп, покупка (ОАК за 1903 г. , с.169, рис.334); *8* — Хошеутово (Дворниченко В.В., Очир-Горяева М.А., 1997, рис.1, *16*); *9-12* — Будки (Ильинская В.А., 1968, с.41, рис.19); *13-15* — Новопривольное (Максимов Е.К., 1976, рис.3, *12-14*); *16* — Хошеутово (Дворниченко В.В., Очир-Горяева М.А., 1997, рис.1, *15*)

табл.XVII, *9*; LII, *8,9*), составляют определенную серию в материале курганов Посулья, но предметы, подобные найденным в Поволжье и Прикубанье, здесь не встречаются.

В свете этого наблюдения комплекс из Новопривольного выглядит следующим образом. Интересующие нас бляшки в виде голов грифона и голов хищника анфас сочетаются в нем с бляшками в виде голов грифона, льва в профиль и крыла птицы (Максимов Е.К., 1976, с.211, рис.1, с.215, рис.3, *7,8,11,15*), характерными для звериного стиля лесостепного Приднепровья. В какой-то мере это может свидетельствовать в пользу гипотезы о лесостепном происхождении прототипов рассматриваемых бляшек. Присутствие же в этом памятнике типично поволжских клыков, с одной стороны, и отсутствие каких-либо специфически кубанских предметов — с другой — создает контекст, в котором рассмотренные бляшки могут выглядеть как местное развитие иконографических типов, разработанных в искусстве лесостепного Приднепровья. Поэтому, несмотря на немногочисленность этих предметов, можно все же предположить, что распространились они из Поволжья в Прикубанье, а не наоборот.

О движении в противоположном направлении, как представляется, свидетельствуют материалы комплекса уздечных принадлежностей из разрушенного погребения у с.Хошеутово в Нижнем Поволжье. В стиле изображений на этих предметах прослеживаются признаки искусства различных соседних территорий (Дворниченко В.В., Очир-Горяева М.А., 1997, с.112), среди которых можно выделить и прикубанские.

В первую очередь привлекают внимание псалии с окончаниями в виде копыт (рис.3, *1,2*). Авторы публикации памятника В.В.Дворниченко и М.А.Очир-Горяева приводят примеры их сходства с предметами из Прикубанья, Среднего Приднепровья и Среднего Подонья (Дворниченко В.В., Очир-Горяева М.А., 1997, с.104). Не возражая против обращения к такому кругу

Рис.3. Прикубанские параллели звериному стилю из Хошеутова: *1,2* — Хошеутово (Дворниченко В.В., Очир-Горяева М.А., 1997, рис.1, *2,3*); *3* — Семибратние курганы (ОАК за 1876 г., рис. на с.124, № 53); *4* — Майкоп (Borovka G., 1928, pl.8D); *5,6* — Хошеутово (Дворниченко В.В., Очир-Горяева МА., 1997, рис.1, *21,22*); *7* — курган Шунтук (Иессен А.А., 1955, рис. на с.32); *8* — Семибратние курганы (Артамонов М.И., 1966, с.35, рис.63); *9* — Семибратние курганы (ОАК за 1876 г., рис. на с.35, № 7); *10* — Хошеутово (Дворниченко В.В., Очир-Горяева М.А., 1997, рис.1, *14*); *11* — Семибратние курганы (ОАК за 1876 г., рис. на с.136); *12* — Тамань (Borovka G., pl.17C)

аналогий, хотелось бы заметить, что именно из Прикубанья происходит значительная серия псалиев с копытообразными окончаниями — прежде всего, из Семибратних курганов (напр.: ОАК за 1876 г., с.124, № 52-534; ГЭ, МСБр-24,25). Разнообразие форм копыт в данной серии позволяет предположить, что этот тип разрабатывался прежде всего на Кубани.

Из хошеутовских псалиев одна пара (рис.3, *1*) находит параллели в материале Семибратних курганов, сходство проявляется в основном в форме копыт и моделировке вещей. Особенную, однако, близость этой паре обнаруживают псалии с окончаниями в виде не копыт, а птичьих голов, происходящие из окрестностей Майкопа (рис.3, *4*). Сходство выражается не только в

общих пропорциях вещей, но и в близкой моделировке и пропорциях изображений. При этом завиток в нижней части головы на майкопских псалиях своим положением, размерами и очертаниями соответствует глазу головки птицы в основаниях копыта на псалиях из Хошеутова.

Другая пара псалиев этого типа (рис.3, *2*) отличается от описаной прежде всего по моделировке — в данном случае копыта плоские, причем голова птицы выделена рельефом. По отношению к оси псалия копыта расположены под другим углом, форма их угловатая. Проходящая по их краю полоска зерни также не находит себе аналогий. Сопоставление этих двух пар псалиев не оставляет сомнения в том. что последняя из описанных выглядит подражанием первой, выполненной в прикубанском стиле (возможно, принесенной с Кубани).

В подобном отношении к прикубанским образцам звериного стиля находятся изображения оленей на бляшках из этого комплекса (рис.3, *5,6*). Авторы публикации, не приводя подробной аргументации, полагают, что на этих бляшках показаны лоси, трактованные «в духе скифских лесостепных изображений» (Дворниченко В.В., Очир-Горяева М.А., 1997, с.109). С изображениями лосей животных на этих бляшках роднит, конечно, горбатая морда — однако, она характерна и для изображений оленей на бляшках из IV Семибратнего кургана (рис.3, *8,9*) и из кургана у хутора Шунтуки близ Майкопа (рис.3, *7*). Такие изображения оленей с подогнутыми ногами, повернутой назад головой и рогами, симметрично развернутыми в виде пальметки, составляют значительную серию в курганах Прикубанья. Хошеутовское изображение, выполненное в той же схеме, отличается от них меньшей компактностью, а также характером моделировки, не такой смягченной, как на прикубанских образцах. И хотя в Хошеутове не найдены изображения оленей кубанского типа, можно, думается, с уверенностью полагать, что, как и в случае с псалиями, здесь сказалось влияние звериного стиля Прикубанья.

Бляха в форме головы кабана (рис.3, *10*) также имеет прикубанские аналогии. Авторы публикации сравнивают ее с похожим предметом из Семибратних курганов (рис.3, *11*). К этому можно добавить изображение с Таманского полуострова (рис.3, *12*). Этот предмет узды особенно сходен с хошеутовским, поскольку в обоих случаях в трактовке образа присутствуют рельефные полоски, причем на обоих изображениях они помещены на углу нижней челюсти. Кроме того, на таманском экземпляре полоски расположены на носу и на лбу, обозначая гриву, а на хошеутовском — на лбу, повторяя контур верхнего века. Сходство изображений усиливается и похожей формой глаза — миндалевидной с круглым зрачком.

И, наконец, в состав этого комплекса входит бляха в виде головы грифона или хищной птицы с большим спирально загнутым клювом, выполненная в типично прикубанской манере: она совершенно плоская, детали изображения нанесены гравировкой (см. статью В.В.Дворниченко в настоящем сборнике).

Перечисленные примеры позволяют полагать, что за ними стоит некий двусторонний процесс взаимосвязей искусства Нижнего Поволжья и Прикубанья. Помимо Нижнего Поволжья, искусство Прикубанья обнаруживает некоторые связи с областями Нижнего Дона.

На левом берегу нижнего течения Дона в могильнике Криволиманский I найдена пара псалиев с окончаниями в виде протомы хищного зверя (Прохорова Т.А., 1987, с.252, рис.2, *7,8*). Т.А.Прохорова, опубликовавшая материал погребения, полагает, что по форме эти псалии близки к предметам из правобережья Среднего Днепра V в. до н.э., что в значительной мере послужило основанием для датировки погребения (Прохорова Т.А., 1987, с.252). В то же время гораздо более близкие параллели можно найти в зверином стиле Прикубанья IV в. до н.э. Именно в этом круге памятников часто встречаются изображения протом хищных зверей с согнутой лапой, касающейся раскрытой пасти (Переводчикова Е.В., 1987). На изображениях из Криволиманского эта лапа превратилась в витой стержень, который мог обозначать бороду зверя — подобно тому, как это показано на одной из золотых обкладок ритонов из Семибратних курганов (ОАК за 1877 г. Атлас, табл.I, *8*), где, правда, изображены и «борода», и лапа, которой она касается. Сам факт подобного недопонимания смысла изображения весьма типичен для звериного стиля Прикубанья IV в. до н.э., как типичны для него и общая моделировка, а также трактовка глаз, ушей и пасти зверя на псалиях из Криволиманского (Переводчикова Е.В., 1987).

Любопытен тот факт, что наши псалии найдены вместе с предметами в зверином стиле, характерными для лесостепного Приднепровья (Прохорова Т.А., 1987, с.252, рис.2), где они были распространены в V в. до н.э. — и это послужило реальным основанием для датировки погребения из Криволиманского V в. до н.э. (Прохорова Т.А., 1987, с.253). Как видим, датировка псалиев заставляет поставить эту дату под сомнение. Такая ситуация находит параллели в материале Елизаветовского могильника в дельте Дона.

В ряде погребений этого могильника найдены предметы узды, оформленные в зверином стиле, типичном для лесостепного Приднепровья V в. до н.э., при том, что погребения надежно датируются IV в. до н.э. по античному импорту (доклад В.П.Копылова на конференции, посвященной 100-летию Б.Н.Гракова в декабре 1999 г.). Видимо, здесь перед нами некое особое локальное явление, объяснение которому еще предстоит найти.

В данной же ситуации материалы Елизаветовского могильника представляют интерес в другом отношении. В этом могильнике вместе с упомянутыми предметами приднепровского звериного стиля найдены псалии с копытообразными окончания типично прикубанского облика (Копылов В.П., 1999, с.64, рис.1).

Подобное сочетание встречено и в Шолоховском кургане на Нижнем Дону, где найден предмет узды в виде головы оленя или оленерогого зверя (Максимен-

ко В.Е., 1983, с.166, рис.12, *8*), типичный для звериного стиля Прикубанья IV в. до н.э. и находящий аналогии в материалах курганов у ст.Воронежская (ОАК за 1903 г., с.74, рис.140-142,148) и Елизаветинская (Переводчикова Е.В., 1984, с.11, рис.4, *7*; с.12). В этом же кургане найдены предметы узды в зверином стиле, более характерном для областей Приднепровья (Максименко В.Е., 1983, с.166, рис.12, *10,11*).

К примерам связей искусства интересующих нас территорий можно добавить еще один факт. В Новочеркасском музее хранится пара наверший в виде головы оленя на втулке (Salmony A., 1936, p.54; Ильинская В.А., 1967, с.297, рис.3,4). По форме и стилю они наследуют навершию из Майкопского музея и относятся к типу наверший в виде головы животного на цилиндрической втулке, распространенному, в основном, на Кубани (Переводчикова Е.В., 1980, с.27, рис.1). Иными словами, перед нами хоть и уникальные, но несомненно прикубанские по форме и стилю предметы, которые каким-то образом оказались в области дельты Дона. Однако недавние изыскания Л.С.Ильюкова показали, что навершия из Новочеркасского музея были найдены в области излучины Дона, т.е. максимального сближения Дона и Волги (Ильюков Л.С., 1997, с.137,138).

Подводя некоторые итоги, можно заметить, что произведения звериного стиля Нижней Волги, Нижнего Дона и Кубани позволяют проследить некую структуру связей между искусством этих областей. Получается, что отдельные предметы в зверином стиле попадали с Волги на Кубань, с Кубани — на Волгу и Дон. Об этом можно судить с определенной уверенностью, поскольку в V-IV вв. до н.э. скифский звериный стиль этих областей отличается значительным локальным своеобразием.

Суммой специфических признаков отличается прикубанский вариант звериного стиля (Переводчикова Е.В., 1987). Звериный стиль Нижнего Поволжья, сложившийся на стыке западных и восточных областей степи, тоже достаточно специфичен (Королькова Е.Ф., 1994, с.75). Что же до искусства Нижнего Дона, то его особенности во многом определяются сочетанием прикубанских и приднепровских форм, не дающих специфического синтеза и легко определяемых с первого взгляда.

Хотелось бы знать, какие процессы отражает наблюдаемая картина связей между искусством этих областей. Менее всего, пожалуй, это похоже на какую-либо миграцию: не наблюдается никакого односторонне направленного движения значительной массы материала. Напротив — перед нами ситуация проникновения отдельных предметов в разные стороны, от одних четко определенных локальных очагов к другим. По этой причине невозможно согласиться с Е.Ф.Корольковой, предполагающей некий импульс из Южного Приуралья и более восточных областей через Нижнее Поволжье в Прикубанье (Королькова Е.Ф., 1998, с.79,80). Ни прослеженный в предлагаемой статье характер связей, ни специфика звериного стиля Прикубанья, имеющая свои корни, ни, наконец, особенности звериного стиля Нижнего Поволжья не позволяют разделить такую точку зрения, поскольку свидетельствуют о процессах явно другого рода.

Маловероятна также и трактовка этой ситуации как следов торговли — не только потому, что произведения звериного стиля едва ли могли являться ее предметом, но и потому, что торговые связи предполагают контакты более регулярные.

То, что мы наблюдаем на материалах звериного стиля, похоже на следы каких-то неупорядоченных, незначительных, но, тем не менее, повторяющихся связей — проникновения отдельных всадников за пределы своей территории, случайные встречи и т.п. Такие случайные, но повторяющиеся контакты могли происходить при пересечении маршрутов перекочевок. Разнообразие природных условий рассматриваемой территории делает такое предположение вполне вероятным.

ПРИМЕЧАНИЯ

*Автор выражает глубокую благодарность Л.К.Галаниной, позволившей привести рисунки неопубликованных вещей.

ЛИТЕРАТУРА

Артамонов М.И., 1966. Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. Прага-Л.

Дворниченко В.В., Очир-Горяева М.А., 1997. Хошеутовский комплекс уздечных принадлежностей скифского времени на Нижней Волге // Донские древности. Вып.5. Азов.

Иессен А.А., 1955. Несколько бронзовых предметов, найденных в районе станицы Тульской // СГЭ. Вып.VIII.

Ильинская В.А., 1967. Навершия из Майкопского и Новочеркасского музеев // СА. №4.

Ильинская В.А., 1968. Скифы днепровского лесостепного Левобережья (курганы Посулья). Киев.

Ильюков Л.С., 1997. Скифские навершия из Новочеркасского музея // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей. Саратов.

Копылов В.П., 1999. Население дельты Дона в V-IV вв. до н.э. // Скифы Северного Причерноморья в VII-IV вв. до н.э. (проблемы палеоэкологии, антропологии и археологии). Тезисы докладов междунар. конференции, посвященой 100-летию со дня рождения Бориса Николаевича Гракова. М.

Королькова Е.Ф., 1994. Звериный стиль «савроматского» времени и Филипповский курган // Проблемы истории и культуры сарматов. Тезисы докладов междунар. конференции 13-16 сентября 1994 года. Волгоград.

Королькова Е.Ф., 1998. Кубанский звериный стиль и его восточные аналогии // Скифы. Хазары. Славяне. Древняя Русь. Международная научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения профессора Михаила Илларионовича Артамонова. СПб.

Максименко В.Е., 1983. Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. Ростов-на-Дону.

Максимов Е.К., 1976. Новые находки савроматского звериного стиля в Поволжье // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М.

ОАК за 1876 г. СПб., 1879.

ОАК за 1903 г. СПб., 1906.

Переводчикова Е.В., 1980. Типология и эволюция скифских наверший // СА. №2.

Переводчикова Е.В., 1980. Прикубанский вариант скифского звериного стиля // Канд. диссертация. М.

Переводчикова Е.В., 1984. Характеристика предметов скифского звериного стиля // Археолого-этнографические исследования Северного Кавказа. Краснодар.

Переводчикова Е.В., 1987. О локальных чертах скифского звериного стиля Прикубанья // СА. №4.

Прохорова Т.А., 1987. Погребение эпохи раннего железа из могильника Криволиманский 1 // СА. №1.

Смирнов К.Ф., 1964. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М.

Смирнов К.Ф., 1976. Савромато-сарматский звериный стиль // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М.

Чежина Е.Ф., 1983. Художественные особенности звериного стиля Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху // АСГЭ. Вып.23.

Чежина Е.Ф., 1991. Орнаментированные кабаньи клыки и их имитации в скифскую эпоху // АСГЭ. Вып.31.

Borovka G., 1928. Scythian art. London.

Grakov B., 1928. Monuments de la culture scythique entre le Volga et les monts Oural // ESA, III.

Salmony A., 1936. An Unknown Scythian Find in Novocherkassk // ESA, X.

В.Г.ПЕТРЕНКО, В.Е.МАСЛОВ, А.Р.КАНТОРОВИЧ

ХРОНОЛОГИЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ГРУППЫ КУРГАНОВ МОГИЛЬНИКА НОВОЗАВЕДЕННОЕ-II

Хронология скифских древностей традиционно базируется на датировке греческих и восточных импортов с учетом эволюции предметов собственно скифской культуры, преимущественно вооружения и конской узды .

Б.Н.Граков уже в работе 1947 г. отмечал, что торговля скифов с греками становится регулярной с VII в. до н.э., о чем свидетельствовала найденная в скифских памятниках ионийская керамика конца VII в. до н.э., среди которой, в частности, были ойнохои и чаши. Такая посуда, по его мнению, могла быть в употреблении только у верхушки степного населения. Встреченные в этих же погребениях украшения поздневавилонского стиля могли поступать не только через греческих купцов, но и импортироваться через Кавказ (Граков Б.Н., 1947, с.42).

В данной статье публикуются инвентари четырех погребений высшей знати центральной группы могильника Новозаведенное-II — курганы 12,13,14,16 (находки из к.12 — см. Маслов В.Е., Петренко В.Г., 1998, рис.6-8; инвентари курганов 13,14,16 — см. рис.2,3 в данной статье)[1]. К сожалению, все они неполные ввиду основательного разграбления всех курганов могильника. В комплексе из к.16 встречено редкое для периода второй половины VII — начала VI в. до н.э. сочетание высокохудожественной ионийской керамики с передневосточными импортами. Это дает нам основание надеяться, что изучение этих материалов будет содействовать дальнейшему уточнению хронологии раннескифской эпохи.

В то же время, продолжаются поиски иных подходов к установлению абсолютной хронологии, в частности, с использованием радиокарбонных методов. В радиоуглеродных лабораториях Москвы и Киева для органических остатков из курганов 12,13,14,16 получены семь близких дат в интервале от 2670±80 до 2555±45 и 2490±60 лет тому назад. По данным А.Л.Александровского, после калибровки по программе Университета Вашингтона этот интервал сужается до 801-789 гг. до н.э. На хронологическую близость радиоуглеродных дат новозаведенских курганов с древнейшим из курганов Келермесского могильника — № 31 (2/В), который по археологическим данным датируется 660-640 гг. до н.э. (Галанина Л.К., 1997, с.192), обратили внимание петербургские ученые (Зайцева Г.И. и др., 1997, с.81).

В настоящее время радиокарбонные даты важны для нас не столько как абсолютные, сколько с точки зрения их относительной позиции, подтверждающей хронологическую близость новозаведенских курганов центральной группы между собой и с Келермесским могильником, тем более что об этом же свидетельствуют и археологические материалы.

Так, в курганах 12,13,16 обнаружены круглые золотые накладки с тисненым изображением, в центре которого находится четырехлучевая звездочка, обычно интерпретируемая как солярный знак. Абсолютное совпадение размеров и деталей рисунка ряда накладок из вышеперечисленных курганов (рис.1, *2)* дает основание предполагать, что они были сделаны с использованием одной матрицы в относительно короткий промежуток времени. В пользу того, что накладки изготавливались не большими сериями для массового распространения, а по индивидуальным заказам, говорит и разнообразие форм подобных накладок в Нартанском могильнике (Батчаев В.М., 1985, табл.27, *23,27*; 33, *26*; 37, *13,14*; 39, *27*; 41, *22*; 43, *41*; 48, *54*). Там их серии также невелики, однотипные накладки в разных курганах встречаются редко, и ни одна не повторяет новозаведенские. Однако следует заметить, что наиболее близкие последним происходят из древнейших нартанских курганов (Батчаев В.М., 1985, табл. 37, *13,14*; 41, *22*).

Присутствие в новозаведенском к.16 наряду с вышеуказанными и других видов подобных накладок может свидетельствовать в пользу некоторой разницы во времени между курганами новозаведенской центральной группы. Это побуждает нас рассмотреть подробнее те предметы инвентаря каждого из курганов, которые могут быть использованы при датировании.

Решающим моментом в определении хронологической позиции к.16 является находка в нем фрагментов двух североионийских сосудов — ойнохои и чаши на ножке (рис.1, *1*).

Фрагменты ойнохои относятся к передней и задней частям трилистного горла близ крепления ручки и несохранившегося носика слива. Видны следы отбитой ротеллии у основания высокой ручки. Под венчиком расположен хорошо выделенный рельефный валик, еще один подобный валик находится при переходе горла в плечо (рис.1, *1-А*).

С двух сторон от слива были нанесены изображения глаз-апотропеев, а под ручкой — пальметка и полоса с разомкнутым меандром. Орнаментальный фриз на горле представляет собой комбинацию ромбической

---

* Статья выполнена при поддержке РГНФ (грант № 98-01-00389).

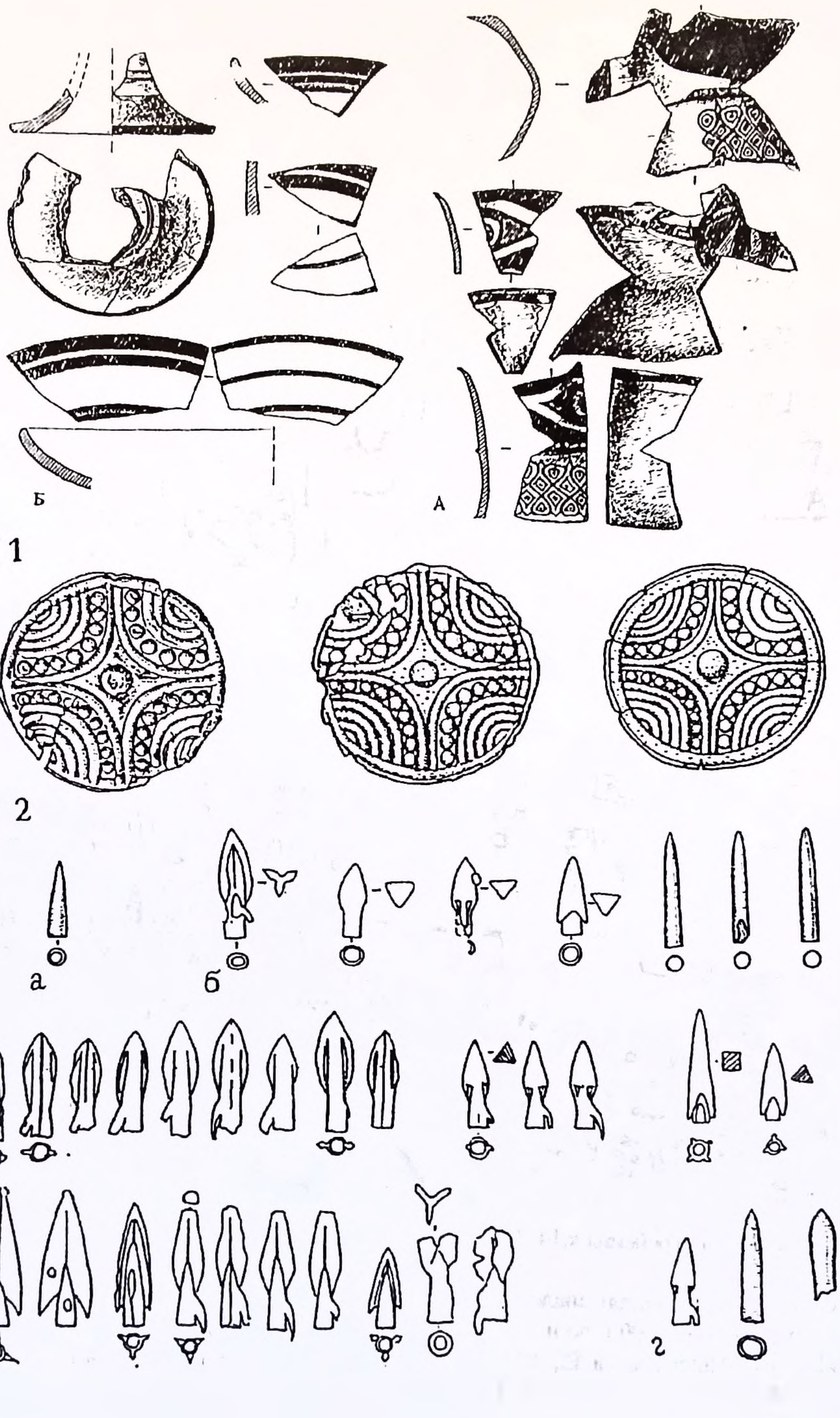


Рис.1. *1* — фрагменты североионийских сосудов из к.16: *А* — ойнохоя; *Б* — чаша; *2* — идентичные золотые накладки из курганов 12,13,16; 3 наконечники стрел: *а* — к.12; *б* — к.14; *в* — к.13; *г* — к.16

сетки с вписанными ромбическими фигурами и восьмеркообразной плетенки с вписанными фигурами с точкой в центре. Единственной известной нам аналогией этому мотиву является небольшой фрагмент с Таганрогского поселения конца VII — начала VI в. до н.э. (Копылов В.П., Ларенок П.А., 1994, с.5, кат. № 356, табл.15, *б*). Находка эта тем более важна, что может указывать на возможные пути поступления греческого импорта в северокавказские степи уже в столь ранний период.

Изображения глаз-апотропеев, как и ротеллии, появляются не ранее середины — последней четверти VII в. до н.э., но глаза с вытянутыми остроугольными окончаниями с использованием накладного пурпура,

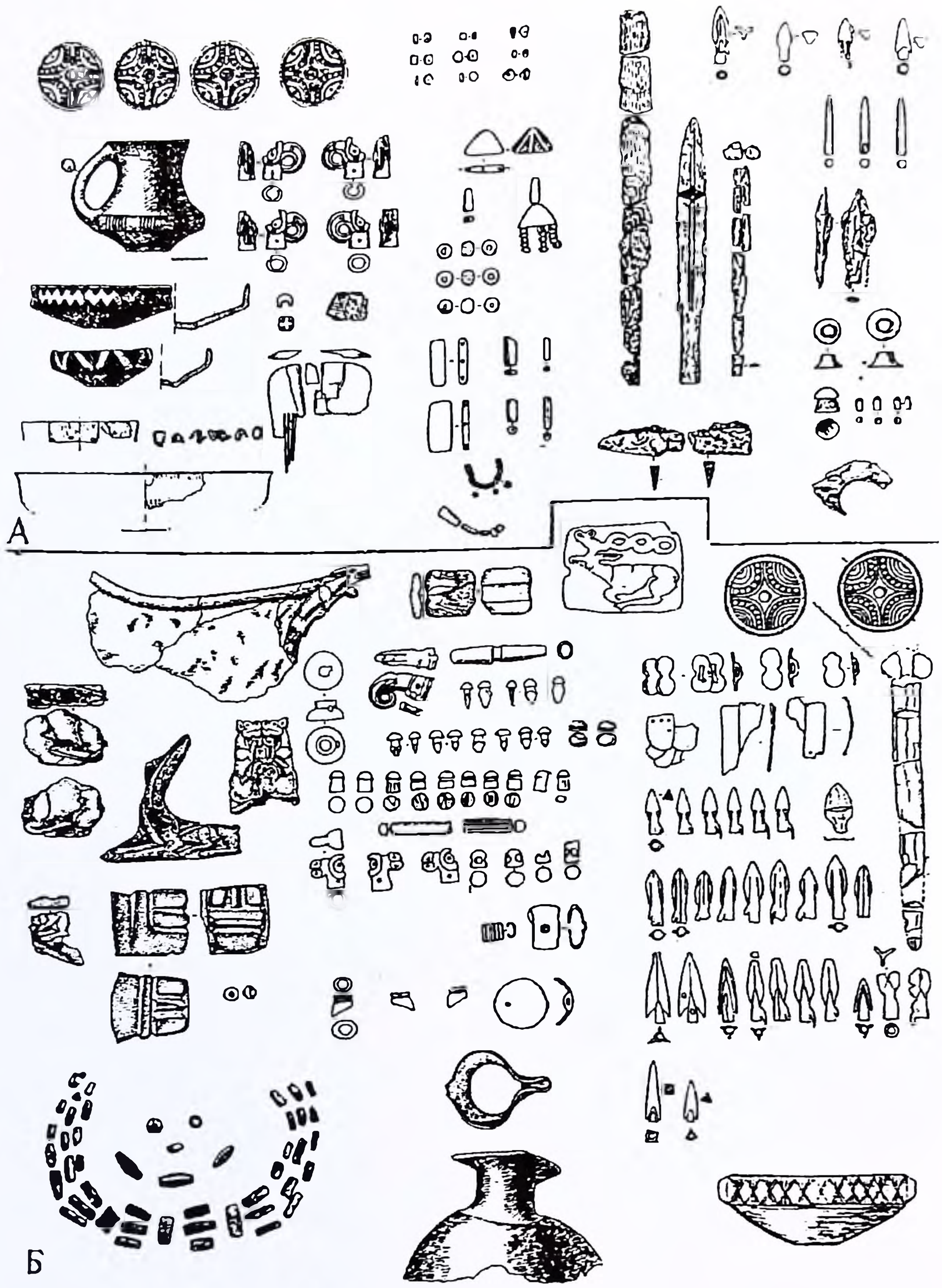


Рис.2. *А* — инвентарь погребения к.14; *Б* — инвентарь погребения к.13

обведенные белой краской, находят аналогии на ойнохоях, датирующихся не ранее 600 г. до н.э. (Dimitriu S., 1966, с.60, tabl.3, *33*; Walter-Karydi E., 1973, Taf.106, *882*; 107, *889,891,893*; 108, *901*; 111, *914*; Корпусова В.Н., 1987, с.34,40, рис.3).

Пальметки на внутренней стороне горла под ручкой нанесены также на ойнохоях из бывшего собрания Левицкого в Государственном Эрмитаже и из Камиреса на Родосе в собрании Британского музея (Фармаковский Б.В., 1914, табл.X, *3*; Walter-Karydi E., 1973, Taf.106, *883*). С последней ойнохоей наш экземпляр сближает также не закрашенное лаком поле под ручкой, в отличие от ойнохой второй половины — конца VII в. до н.э. (Walter H., 1968, Taf.95, *503*; Копейкина Л.В., 1972, рис.1, *б,в*).

По совместному использованию в росписи пурпура и накладной белой краски, а также использованию гравировки фрагменты могут быть датированы не ранее рубежа VII-VI вв. до н.э., а скорее началом VI в. до н.э. (Копейкина Л.В., 1970, с.94). В пользу относительно поздней датировки ойнохои свидетельствует небрежность, с которой нанесена гравировка контура пальметки и росписи плетенки орнамента на горле[2].

Фрагменты чаши относятся к резервуару и полой ножке, покрытых желтовато-белым ангобом и украшенных внутри и снаружи полосами темно-коричневого лака (рис.1, *1-Б*). Чаши такого типа появляются в VII в. до н.э., о чем свидетельствуют материалы некрополя Врулия на Родосе (Kinch K.F, 1914, tabl.5, *1*; 6, *1*; 7, *1а*; 8. *1а*), но ближайшие аналогии нашей находке происходят

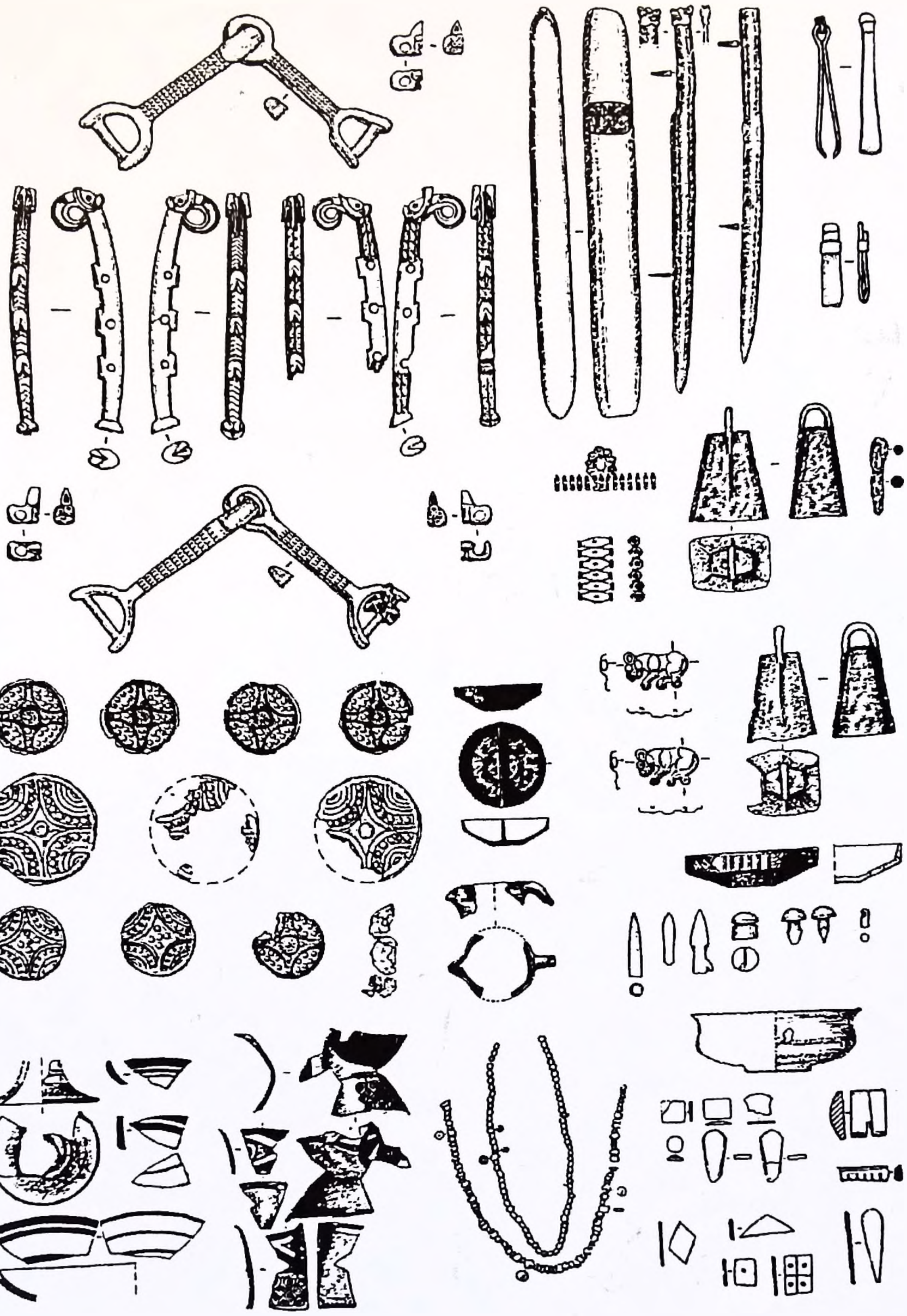


Рис.3. Инвентарь погребения в к.16

из слоев поселений первой половины VI в. до н.э. (Пантикапей, Истрия, Токра, Герайон на Самосе), а следовательно датировка чаши не противоречит датировке ойнохои (Сидорова Н.А., 1962, с.115-119; Dimitriu S., 1966, p.27, tabl.5, *68*; 9, *111-114,116-119*; Boardman J. H., 1966, p.44, pl.24, *615-628*; Walter-Karydi E., 1973, Taf.23, *244*).

Из этого же комплекса происходят многочисленные фрагменты двух краснолощеных кувшинов с носиком-сливом. Аналогичные кувшины были обнаружены и в курганах 5,10,13 Новозаведенского могильника (рис.2-Б). Их форма и характер обработки поверхности резко отличают их от местной керамики, что говорит об их импортном, скорее всего, закавказском происхождении[3] (Пиотровский Б.Б., 1959а, рис.51; Пикуль М.И., 1967, с.27, рис.5, *12,17*).

Одна из керамических мисок, найденных в к.16, будучи по тесту, форме и орнаментации типичной для данного могильника, имеет необычную конструктивную деталь — внутреннюю перегородку (рис.3). Вероятно, появление подобной формы обусловлено подражанием урартским светильникам, известным по находкам в кладовых Арин-берда и Кармир-Блура (Пиотровский Б.Б., 1959а, с.146, рис.14).

Уздечные принадлежности коней из к.16 состояли из бронзовых стремечковидных удил с четырехрядно-прямоугольным рельефом на стержнях, цельнокостяных

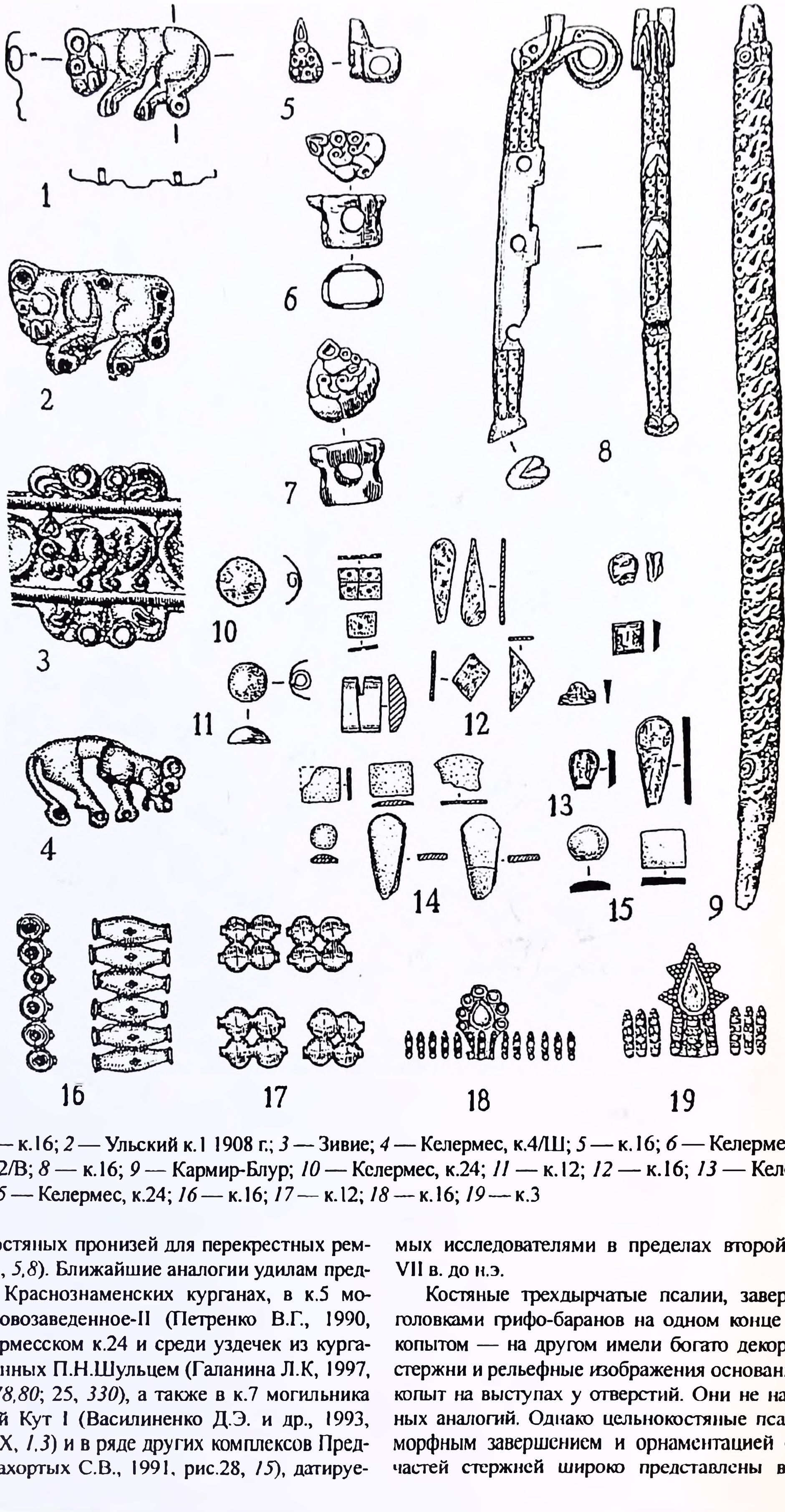


Рис.4. *1* — к.16; *2* — Ульский к.1 1908 г.; *3* — Зивие; *4* — Келермес, к.4/Ш; *5* — к.16; *6* — Келермес, к.24; *7* — Келермес, к.2/В; *8* — к.16; *9* — Кармир-Блур; *10* — Келермес, к.24; *11* — к.12; *12* — к.16; *13* — Келермес, к.24; *14* — к.16; *15* — Келермес, к.24; *16* — к.16; *17* — к.12; *18* — к.16; *19* — к.3

псалиев и костяных пронизей для перекрестных ремней (рис.3; 4, *5,8*). Ближайшие аналогии удилам представлены в Краснознаменских курганах, в к.5 могильника Новозаведенное-II (Петренко В.Г., 1990, с.68), в келермесском к.24 и среди уздечек из курганов, раскопанных П.Н.Шульцем (Галанина Л.К, 1997, табл.17, *77,78,80*; 25, *330*), а также в к.7 могильника Циплиевский Кут I (Василиненко Д.Э. и др., 1993, с.33-36, рис.X, *1,3*) и в ряде других комплексов Предкавказья (Махортых С.В., 1991, рис.28, *15*), датируемых исследователями в пределах второй половины VII в. до н.э.

Костяные трехдырчатые псалии, завершающиеся головками грифо-баранов на одном конце и конским копытом — на другом имели богато декорированные стержни и рельефные изображения оснований конских копыт на выступах у отверстий. Они не находят полных аналогий. Однако цельнокостяные псалии с зооморфным завершением и орнаментацией отдельных частей стержней широко представлены в уздечках

раннескифского периода как Предкавказья, так и Днепровской Правобережной и, особенно, Левобережной лесостепи: мотив головы грифо-барана — к.2 у с.Аксютинцы (Ильинская В.А., 1975, табл.XX, *16*); мотив копыт у отверстий псалиев — к.38 у с.Гуляй-город (Ильинская В.А., 1975, с.58, табл.II, *1*); мотив орнаментальной «елочки» и параллельных линий — к.432 Журовки (ИАК, вып.17, с.87, рис.13)[4].

Костяные цилиндрические пронизи с фигуркой свернувшегося хищника (рис.4, *5*) аналогичны пронизям из келермесского к.24 (рис.4, *6*) (Галанина Л.К., 1997, с.128, табл.24, № 374-376). Сходные, но более компактные фигуры украшают такие же пронизи из келермесского к.2/В (рис.4, *7*) (Галанина Л.К., 1997, табл.22, № 258-259)[5].

Наконечники стрел из к.16 — бронзовые и костяные (рис.1, *3-г*). Бронзовые — все, кроме одного, — оказались полностью окисленными, а многие распавшимися. Однако можно определить, что их было не менее 64. Большинство из них представлено трехгранными наконечниками с ложками в основании граней и шипом на втулке, аналогичными преобладающему типу стрел Южной могилы к.1 Краснознаменского могильника (Петренко В.Г., 1990, рис.2 К, *7-9*).

Найденные в этом же погребении золотые бляшки в виде кошачьего хищника (рис.4, *1*) почти идентичны таким же из 1-го Ульского кургана 1908 г. (рис.4, *2*), включая и такой признак, как проработка пальцев лап. Есть основания полагать, что ульские бляшки могли попасть в погребение во вторичном использовании, о чем свидетельствуют пробитые по контуру отверстия при наличии, как и на бляшках из к.16, петель на обороте (ОАК за 1908 г., с.118, рис.168, *а,б*). Композиционно-стилистическую близость с ними обнаруживают также изображения хищников на диадеме из Зивие (рис.4, *3*) и на обивке колчана из келермесского к.4/Ш (рис.4, *4*), отличаясь менее натуралистичной трактовкой лап и хвоста (Луконин В.Г., 1977, фото на с.27; Галанина Л.К., 1997, с.186, табл.5, № 51-*b*).

Парные бронзовые и железные ритуальные ножи широко представлены в евразийских древностях VII-V вв. до н.э. (Іллінська В.А., 1951, с.209; Яценко И.В., 1959, с.48; Смирнов К.Ф., 1964, с.106,107; Яблонский Л.Т., 1996, с.33). При этом бронзовым ножам с навершиями в виде головок хищников из к.16 (рис.3) наиболее близок длинный железный нож с бронзовым навершием из к.6 Берестняг второй половины VII в. до н.э. (Ковпаненко Г.Т., 1981, с.8,9, рис.2, *5*; Ковпаненко Г.Т. и др., 1989, с.271).

Следует отметить также наличие в к.16 бронзовой посуды кавказского производства, а именно фрагментов кружки и не менее восьми рельефно орнаментированных чаш (рис.3) , имеющих прямые аналогии как в погребениях ранней группы Нартанского могильника (Батчаев В.М., 1985, табл.27, *18*; 35, *7*; 37, *15*; 48, *38,39*), так и в комплексах скифского периода Тлийского могильника (Техов Б.В., 1980, рис.10, *4*; 20, *б*). Там же встречена тождественная нашей бронзовая кружка с ложковитой ручкой с зооморфным окончанием (Техов Б.В., 1980, рис.10, *2*).

В к.16 обнаружены костяные (рис.4, *12*) и янтарные (рис.4, *14*) вставки, аналогичные по форме, материалу и размерам вставкам, найденным в к.24 Келермесского могильника (рис.4, *13,15*) (Галанина Л.К, 1997, табл.31, *316,317,321,324,325*). Эти вставки были, скорее всего, инкрустациями вещей, поступавших из Урарту, о чем свидетельствуют находки в помещениях 4 и 13 Кармир-Блура фрагментов деревянной мебели, инкрустированных аналогичными по форме роговыми пластинками. Примечательно, что в помещении 4 Кармир-Блура было также обнаружено налучье, украшенное в скифском зверином стиле (Пиотровский Б.Б., 1950, с.51,53, рис.64).

Следующим по представительности является комплекс инвентаря из к.13. Отсюда происходит наибольшее количество наконечников стрел, сохранившихся очень плохо (рис.1, *3-в*; 2-А). К тому же при случайности выборок, которыми мы располагаем в разграбленных курганах, достоверность сравнения наконечников стрел по соотношению типов в комплексах не может быть достаточно высокой, и с известной долей условности можно представить только количественную характеристику, и чаще по отделам, чем по типам.

Бронзовые наконечники стрел из к.13 представлены двулопастными и трехлопастными в равном соотношении (26 и 25 экз.), при преобладании трехгранных (86 экз.). Большинство из их имело на втулках шипы. Близкое соотношение наконечников стрел мы также имеем в к.16 Нартанского и к.2 и 5 Новозаведенского могильников (Петренко В.Г., 1990, рис.1, Ж,З,Л; 2, Ж,З,Л).

Наличие стрел тех же отделов и типов было отмечено Л.К.Галаниной в к.2/В, 1 и 4/Ш и к.24 Келермесского могильника (Галанина Л.К., 1995, рис.2, *1-8*; 3, *1-20,21-44*), но в новозаведенском 13-м и келермесском 24-м курганах стрелы представлены в разных соотношениях: в первом случае преобладали трехгранные, а во втором — двулопастные наконечники. Однако преобладание двулопастных наконечников стрел в наборе не может являться бесспорным доказательством его древности. Так, например, в неограбленном п.8 к.7 Новоалександровки на 25 трехлопастных приходится 46 двулопастных наконечников стрел, тогда как дата комплекса устанавливается по амфоре в пределах VI в. до н.э. (Кореняко В.А., Лукьяшко С.И., 1982, с.157,158, рис.8-10).

Интересно отметить наличие в новозаведенских курганах 13 и 14 по одному экземпляру крупных железных наконечников стрел урартского типа (рис.2-А, Б) (Пиотровский Б.Б, 1950, с.39,40, рис.22).

Необходимо обратить особое внимание и на костяные наконечники стрел из к.13, один из которых — четырехгранный с короткими лопастями в основании, а три — трехгранные с арочным основанием грани, образующим внизу три лопасти (рис.1, *3-в*). Костяные стрелы этих типов практически не встречаются в

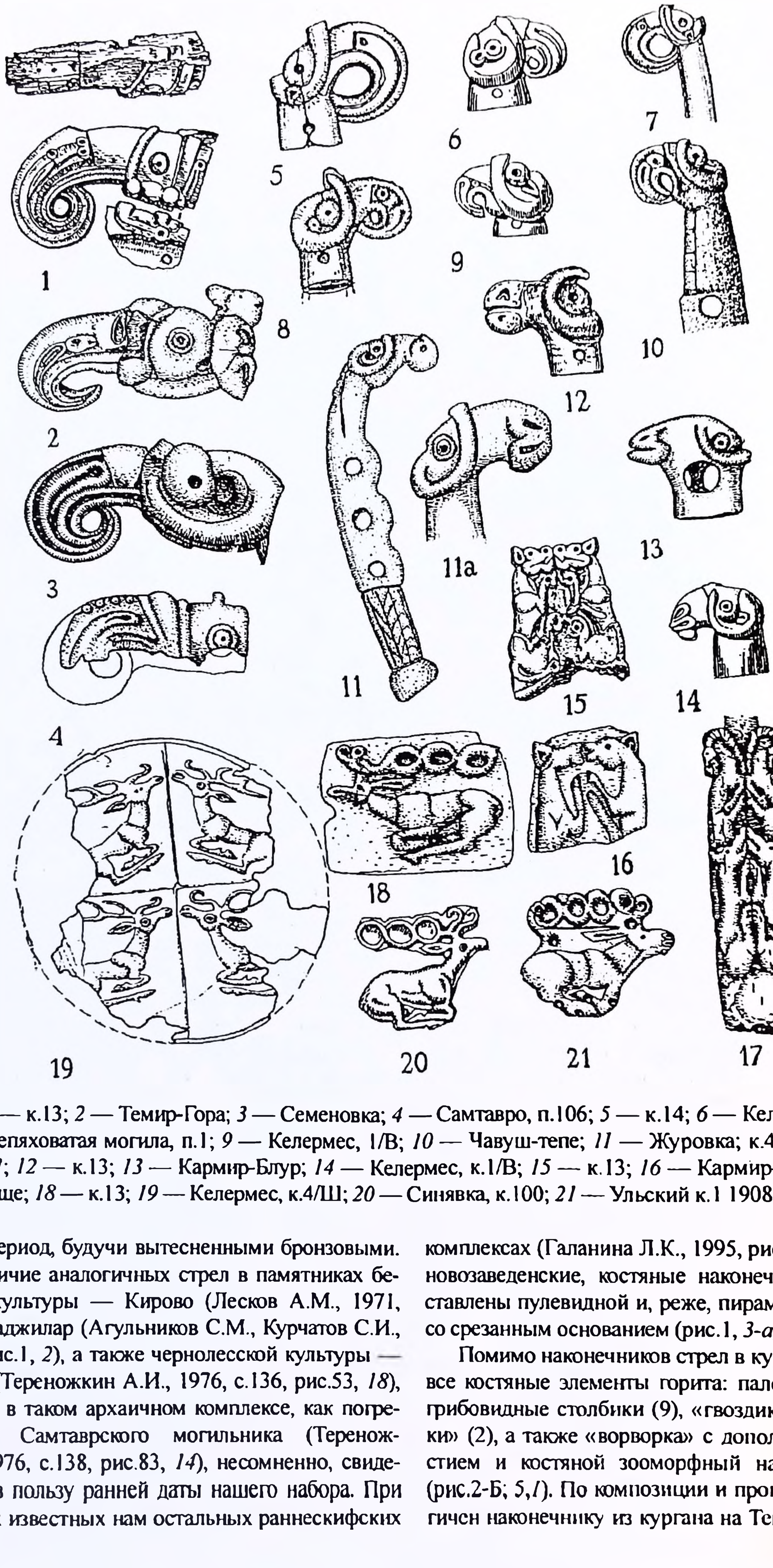


Рис.5. *1* — к.13; *2* — Темир-Гора; *3* — Семеновка; *4* — Самтавро, п.106; *5* — к.14; *6* — Келермес, к.1/В; *7* — к.16; *8* — Репяховатая могила, п.1; *9* — Келермес, 1/В; *10* — Чавуш-тепе; *11* — Журовка; к.432; *11-а* — Аксютинцы к.467; *12* — к.13; *13* — Кармир-Блур; *14* — Келермес, к.1/В; *15* — к.13; *16* — Кармир-Блур; *17* — Бельское городище; *18* — к.13; *19* — Келермес, к.4/Ш; *20* — Синявка, к.100; *21* — Ульский к.1 1908 г.

скифский период, будучи вытесненными бронзовыми. Однако наличие аналогичных стрел в памятниках белозерской культуры — Кирово (Лесков А.М., 1971, рис.2, *9*), Хаджилар (Агульников С.М., Курчатов С.И., 1994, с.5, рис.1, *2*), а также чернолесской культуры — Субботово (Тереножкин А.И., 1976, с.136, рис.53, *18*), равно как и в таком архаичном комплексе, как погребение 106 Самтаврского могильника (Тереножкин А.И., 1976, с.138, рис.83, *14*), несомненно, свидетельствует в пользу ранней даты нашего набора. При этом во всех известных нам остальных раннескифских комплексах (Галанина Л.К., 1995, рис.3, *20*), включая и новозаведенские, костяные наконечники стрел представлены пулевидной и, реже, пирамидальной формой со срезанным основанием (рис.1, *3-а,г*).

Помимо наконечников стрел в кургане обнаружены все костяные элементы горита: палочки-застежки (2), грибовидные столбики (9), «гвоздики» (6) и «кнопочки» (2), а также «ворворка» с дополнительным отверстием и костяной зооморфный наконечник на лук (рис.2-Б; 5,*1*). По композиции и пропорциям он аналогичен наконечнику из кургана на Темир-горе (рис.5, *2*)

(Яковенко Э.В., 1976, с.128-130, рис.1,2), их сближает и набор образов звериного стиля, использованных в качестве элементов зооморфных превращений. И в том и другом случае в клюв грифо-барана вписана практически идентичная голова копытного с длинным ухом. Мотив кошачьего хищника, хотя и имеет различную трактовку и положение на основном изображении, но на обоих налучьях использован в качестве зооморфной трансформации рога грифо-барана.

С точки зрения сходства общих пропорций и четкого членения головы на области глаза, восковицы и клюва с помощью тонкого рельефного валика, новозаведенской скульптуре близко фрагментированное налучье в виде головки хищной птицы из п.106 Самтавро (рис.5, *4*) (Абрамишвили Р.М., 1957, табл.I, *41*), а также налучье в виде головы грифо-барана из Семеновки, сходство которой с нашей дополняет и степень закрученности клюва (рис.5, *3*) (Leskov A.M., 1974, S.54, Abb.74). Из последнего комплекса происходит и набор наконечников стрел, близкий к набору из к.13 (Лесков А.М., 1975, рис.66, *9,12*.)

Анализ других изображений звериного стиля из к.13 позволяет уточнить его место среди раннескифских памятников. Фигура «летящего» оленя на костяной накладке (рис.2-Б; 5, *18*) по таким признакам, как форма и количество отростков рогов может быть сопоставлена в первую очередь с оленями из к.100 Синявки (рис.5, *20*) (Бобринский А.А., 1901, с.139, рис.71; Іллінська В.А., 1971, рис.2, *1*) и 1-го Ульского кургана 1908 г. (рис.5, *21*) (ОАК за 1908 г., с.118, рис.166). Общая композиция, трактовка морды и рогов сближает новозаведенского оленя также с оленем на навершии из п.1 к.1 ст.Говердовской (Шедевры..., 1987, с.75).

Морда новозаведенского оленя повреждена в нижней части, поэтому наблюдаемая клювовидность не может считаться бесспорной[6]. Однако несомненной представляется удлиненность морды, что позволяет сопоставить данное изображение с оленями на золотой пластине из к.4/Ш Келермеса (рис.5, *19*) (Галанина Л.К., 1997, табл.26, *54*), которых с новозаведенским объединяют также такие признаки, как некоторое выступание лопатки над уровнем спины, компоновка ног, форма и количество задних отростков рогов. Вообще ограничение задней части рогов тремя отростками в иконографии «летящего» оленя чаще встречается в эпоху скифской архаики. Помимо вышеназванных укажем такие изображения, как фигуры оленей на обивке горита и обушке секиры из Келермеса (Галанина Л.К., 1997, табл.5, *51*; 10, *6(b)*), на навершии из ст.Губской[7] (Марковин В.И., 1971, фото с.214), на поясе из Зивие (Луконин В.Г., 1977, фото на с.51), на туловище хищника на обломанной золотой пластине из Южного Тагискена (Итина М.А., Яблонский Л.Т., 1997, с.65, рис.29, *10*). Все вышеперечисленные находки датируются в пределах второй половины VII — начала VI вв. до н.э.

Из к.13 происходят еще три изображения оленей (рис.2-Б), однако в силу фрагментарности использовать их в наших построениях не представляется возможным.

Уздечные принадлежности из курганов 13 и 14 однотипны. Удила, унесенные грабителями, судя по окислам на челюстях лошадей, должны были быть бронзовыми. Они сопровождались псалиями из нестойких материалов с костяными насадками в виде головок баранов в к.13 (рис.5, *12*). и грифо-баранов в к.14 (рис.5, *5*). Такие псалии бытовали, вероятно, короткий отрезок времени, поскольку они встречены в ограниченном числе хронологически близких комплексов, а именно: в курганов 5 и 10 могильника Новозаведенное-II (Петренко В.Г., 1990, с.68), в курганов 1/В и 2/В Келермесского могильника (Галанина Л.К., 1997, табл.21, *166,167,179,180,191*; 23, *291,292*), а также в Репяховатой Могиле (рис.5, *8*) (Ильинская В.А. и др., 1980, с.35, рис.4, *13,14*; с.46,47, рис.17, *3*). Изображения грифо-барана на насадках на псалии из к.14 (рис.5, *5*) и к.1/В Келермеса (рис.5, *6,9*) практически идентичны и заключают в себе все основные признаки данного образа: четко выраженный клюв с дополнительной разделкой, бараний рог и ухо. Та же полнота образа свойственна и изображению на псалиях из к.16 (рис.5, *7*) и на переднеазиатских псалиях из Чавуш-тепе (рис.5, *10*).

Головки баранов на вышеназванных насадках из к.13 (рис.5, *12*) несколько отличаются от келермесских спецификой оформления конца морды и отсутствием уха, что объединяет их с головками баранов на костяной пронизи из Кармир-Блура (рис.5, *13*) (Ильинская В.А., Тереножкин А.И., 1983, рис. на с.35) и на окончаниях костяных псалиев из курганов 467 и 468 у с.Аксютинцы (рис.5, *11-а*) (Галанина Л.К., 1977, с.38, табл.18, *11*; 19, *2*). Псалии из к.13 помимо насадок на верхний конец имели парные костяные насадки, выполненные в виде копыт, очевидно, завершавшие нижний конец (рис.2-Б), как и у вышеупомянутых псалиев из келермесских курганов и Репяховатой могилы.

Следует отметить наличие в к.13, наряду с обычными костяными пронизями для перекрестных ремней, редкого типа бронзовых конусовидных пронизей, известного также в к.467 Аксютинцев (Галанина Л.К., 1977, табл.18, *10*) и к.1 у хут.Говердовского (Нехаев А.А., 1985, рис.109).

Анализ изображений звериного стиля на фрагментах рогового блюда из к.13 также свидетельствует в пользу относительно ранней датировки этого комплекса (Петренко В.Г., Маслов В.Е., 1999).

Фигура горного козла на роговом блюде из этого кургана своеобразна и не имеет прямых аналогий. В то же время по таким признакам, как крупный рифленый рог, положение туловища, задней ноги, шеи и головы, трапециевидность шеи новозаведенское изображение напоминает одну из шести фигур горного козла на келермесской секире (восьмая сверху — см. Галанина Л.К., 1997, табл.11, *6а*), а по наличию бороды и форме копыт, крупа и хвоста — горного козла на костяной ложечке из Дарьевки (Ильинская В.А., 1975, табл.XXXIV, *2*). В композиционном отношении (ис-

ключая позицию передней ноги и ориентацию шеи), а также по форме рога, уха и бороды ему близки безоаровые козлы, выполненные в ассирийском стиле на чаше из келермесского кургана 1/Ш (Галанина Л.К., 1997, с.146-148, табл.33, *23*).

Изображение двух геральдически расположенных кошачьих хищников (рис.2-Б; 5, *15*) также полностью соответствует канонам раннескифского искусства (Ильинская В.А., 1971, с.67-72, рис.1,2). Каждый из хищников в отдельности показан по схеме припавшего к земле, с приподнятым задом и вытянутыми вперед ногами, причем лапы и окончание хвоста оформлены в виде кружка с углублением в центре. Каплевидное торчащее вверх ухо и округлые глаз и ноздря находятся на одной линии.

Данной композиции соответствуют сюжеты на костяных пластинах из Кармир-Блура и Западного Бельского городища (рис.5, *16,17*) (Пиотровский Б.Б., 1959а, с.254,255, рис.88а; Шрамко И.Б., 1995, рис.1, *25*), особенно с учетом позы данных персонажей, показанных в геральдической сцене в характерном для скифского звериного стиля положении «припавшего к земле хищника», в противоположность большинству животных в сценах такого рода на предметах из раннескифских памятников, в композициях которых отчетливо просматривается влияние переднеазиатского искусства (Ильинская В.А., 1971, рис.1, *1-4*).

Золотые обкладки краев деревянных сосудов из к.14 (рис.2-А) лишены декора, как и в других раннескифских памятниках — к.1/Ш Келермеса и п.2 Репяховатой Могилы (Галанина Л.К., 1997, с.144,145, табл.39, *24,25*; Ильинская В.А. и др., 1980, с.53, рис.11, *2*). В это время они повторяют формы предскифского периода, к которому восходит традиция обкладки краев деревянных сосудов золотыми или бронзовыми листами (Отрощенко В.В., 1987). Обкладки с зооморфным декором появляются позднее — на рубеже VI-V вв. до н.э. (Манцевич А.П., 1966).

Следует отметить находку в к.14 неорнаментированного костяного одностороннего гребня с крупными зубьями и выпуклой спинкой, аналогии которому в других комплексах раннескифского времени нам не известны.

Как видим, при том, что все элементы инвентаря изучаемой группы входят в широкий круг памятников второй половины VII — начала VI вв. до н.э., для вещей из курганов 13 и 14 наибольшее сходство наблюдается с древнейшими Келермесскими курганами, с п.106 Самтавро, с курганом на Темир-горе и с Кармир-Блуром. Для предметов же из к.16 аналогии обнаруживаются преимущественно в Келермесских курганах, раскопанных Шульцем и в к.24 Келермеса, предположительно отождествляемом с к.3/Ш или 4/Ш, а также в к.1 Ульского аула (1908 г.) и к.100 у с.Синявки.

Таким образом, краткий анализ комплекса находок из избранных нами новозаведенских курганов показал, что они безусловно принадлежат к кругу предметов, связанных с памятниками келермесского типа. Между тем хронология памятников этого типа является предметом длительных дискуссий. Л.К.Галанина в настоящее время относит древнейшие курганы Келермеса к 660-640 гг. до н.э., а курганы Шульца датирует в пределах второй половины VII в. до н.э. (Галанина Л.К., 1997, с.190,192), несколько углубив предложенную ею же ранее дату этих комплексов (Галанина Л.К., 1983, с.53). И.Н.Медведская вслед за Г.Коссаком отнесла древнейшие Келермесские курганы к 700-650 гг., а курганы Шульца — к 650-600 гг. до н.э. (Медведская И.Н., 1992, с.87-90)

Как и Л.К.Галанина, мы не согласны с удревнением ранних Келермесских курганов. Необходимо признать, что хронологический разрыв между Новозаведенскими и Келермескими курганами, в любом случае, не может быть большим, учитывая вышеприведенные многочисленные параллели. В то же время, верхняя граница центральной группы новозаведенских курганов, и в частности к.16, определяется предметами античного импорта, которые пока не могут быть отнесены ко времени ранее рубежа VII-VI вв. до н.э. Комплекс находок из курганов 13 и 14 не может быть существенно удревнен по сравнению с материалами к.16, учитывая абсолютное совпадение отдельных типов вещей в этих комплексах.

Культурный комплекс курганов центральной группы Новозаведенского могильника отражает период активного взаимодействия с Закавказьем и Передней Азией, во время которого в Центральное Предкавказье попадали импортные предметы — в основном, по-видимому, из Урарту: бронзовая посуда; изделия, инкрустированные костяными и янтарными вставками; бусы из египетского фаянса; ювелирные изделия, а также керамические красно- и сероглиняные кувшины (курганы 5,10,13,16). Отмечаются заимствования закавказских керамических форм — кувшины с носиком-сливом из к.12, миска с перегородкой из к.16; есть и заимствования сюжетов изображений на керамике (Петренко В.Г., Маслов В.Е., 1997).

Присутствие в составе погребального инвентаря (курганы 3,12,16) золотых украшений одной схемы, выполненных как в совершенной технике скани, зерни, пастовых вставок, так и тиснением, свидетельствует в пользу существования ювелирных мастерских, работавших по заказам скифской знати с учетом разных потребительских запросов (рис.4, *10,11,16-19*).

Все вышесказанное позволяет полагать, что закавказские и переднеазиатские вещи не были предметами единовременного отчуждения, а появились здесь в результате тесных контактов, продолжавшихся весь период функционирования могильника, который не превышал жизни двух или трех поколений.

Вне зависимости от того, сохранилось ли Урарту к началу VI в. до н.э. как самостоятельное государство или превратилось в административную область в составе Мидии — Ураштy вавилонской хроники 609/608 гг. до н.э. и Урарту в речи Иеремии 594 г. до н.э., город Тейшебаини к этому моменту, видимо, еще существовал. Между тем из последней работы Э.А.Грантовского следует, что Урарту в это время, скорее всего, сохраняло

свою независимость. Автор, опровергая утверждение И.Н.Медведской об отсутствии после Сардури III (последнее упоминание о нем в ассирийских текстах относится к 644 г. до н.э.) правителей, от которых дошли надписи с царской титулатурой, указывает, что после Сардури III известен Руса III, сын Эримены, правивший именно как царь Урарту и оставивший ряд надписей как с царской титулатурой, так и без нее, во второй половине VII в. до н.э. (Грантовский Э.А., 1998, с.184,185).

Приведенные свидетельства непосредственных контактов между населением, оставившим могильник Новозаведенное-II, и Урарту, продолжавшихся, как мы видели на примере инвентаря к.16, до самого конца VII в. до н.э., ставит под сомнение утверждение И.Н.Медведской о том, что «находки скифских древностей в урартских крепостях и вне их должны датироваться первой половиной VII в. до н.э.» (Медведская И.Н., 1992, с.103).

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Далее указывается лишь порядковый номер вышеперечисленных курганов, без упоминания их принадлежности к могильнику Новозаведенное-II.

[2] Мы благодарим Н.А.Сидорову и Ю.И.Ильину за любезные консультации, в ходе которой они высказали точку зрения о датировке нашей находки последним десятилетием VII в. до н.э.

[3] Вполне вероятно, что по торговым путям подобные сосуды могли попадать и на Нижний Дон, о чем свидетельствует находка чрезвычайно близкого к нашим кувшина в к.14 могильника Красногоровка III у г.Азова в одном комплексе с ионийскими амфорами первой половины VI в. до н.э. (Парусимов И.Н., 1997, с.30,31).

[4] Составляющие элементы геометризированных орнаментальных зон на одной из пар новозаведенских псалиев, возможно, подразумевают последовательное соединение птичьих головок, переходящих одна в другую (клюв предыдущей птицы тождествен глазу последующей), образуя линию, напоминающую, с одной стороны, орнаментальный ряд на костяном стержне из Кармир-Блура (рис.4, *8,9*) (Пиотровский Б.Б., 1955, рис.9), с другой стороны, на боковой лопасти мельгуновского меча (Ильинская В.А., Тереножкин А.И., 1983, рис. на с.100).

[5] Ср. также изображения на костяных бутеролях из Нартана (Батчаев В.М., 1985, табл.21, *20*), Фаскау (Ильинская В.А., Тереножкин А.И., 1983, с.45, рис.3), Кармир-Блура (Пиотровский Б.Б., 1959б, с.177) и Дарьевки (Ильинская В.А., 1975, табл.XXXIV, *2*).

[6] В случае, если допустить наличие клювовидной морды у данного оленя, ближайшей аналогией ему по этому признаку могут считаться изображения оленей из Гумарово, которые сходны с ним и по другим выделяемым ниже признакам (Исмагилов Р.Б., 1988, с.34, рис.4).

[7] Навершие отнесено Е.В.Переводчиковой к IV типу по ее классификации, исходя из формы бубенца и сюжета изображения и датировано ею рубежом VII-VI вв. до н.э. (Переводчикова Е.В., 1980, с.26,29,39,40).

ЛИТЕРАТУРА И АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Абрамишвили Р.М., 1957. К вопросу о датировке памятников эпохи поздней бронзы и широкого освоения железа, обнаруженных на Самтаврском могильнике // Вестник Государственного музея Грузии. Т.XIX-А и XXI-В. Тбилиси. (на грузинском яз.).

Агульников С.М., Курчатов С.И., 1994. Курган белозерского времени у с.Хаджилар в Нижнем Поднестровье // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Тезисы докладов международной конференции. II. Запорожье.

Батчаев В.М., 1985. Курганы скифского времени у селения Нартан // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972-1979 гг. Т.2. Нальчик.

Бобринский А.А., 1901. Курганы и случайные находки близ м.Смелы. Т.3. СПб.

Василиненко Д.Э., Кондрашев А.В., Пьянков А.В., 1993. Археологические материалы предскифского и раннескифского времени из Западного Закубанья // Древности Кубани и Черноморья. Краснодар.

Граков Б.Н., 1947. Скіфи. Київ.

Галанина Л.К., 1977. Скифские древности Поднепровья (Эрмитажная коллекция Бранденбурга) // САИ. Вып.Д1-33.

Галанина Л.К., 1983. Раннескифские уздечные наборы (по материалам Келермесских курганов) // АСГЭ. Вып.24. Л.

Галанина Л.К., 1995. Раннескифские стрелковые наборы из Келермесских курганов // АСГЭ. 32. СПб.

Галанина Л.К., 1997. Келермесские курганы. М.

Грантовский Э.А., 1998. Иран и иранцы до Ахеменидов. М.

Зайцева Г.И., Посснерт Е., Алексеев А.Ю., Дергачев В.А., Семенцов А.А., 1997. Радиоуглеродные даты ключевых памятников в Европейской Скифии // Радиоуглерод и археология. Вып.2. СПб.

ИАК, 1905. Вып.17. СПб.

Іллінська В.А., 1951. Курган Старша Могила — пам'ятка архаичной Скіфії // Археологія. Т.V.

Ильинская В.А., 1971. Образ кошачьего хищника в раннескифском искусстве // СА. № 2.

Іллінська В.А., 1971. Золоті прикраси скіфського архаічного убору // Археологія. Вип.4. Київ.

Ильинская В.А., 1975. Раннескифские курганы бассейна р.Тясмин (VII-VI вв. до н.э.). Киев.

Ильинская В.А., Мозолевский Б.Н., Тереножкин А.И., 1980. Курганы VI в. до н.э. у с.Матусов // Скифия и Кавказ. Киев.

Ильинская В.А., Тереножкин А.И., 1983. Скифия VII-IV вв. до н.э. Киев.

Исмагилов Р.Б., 1988. Погребение Большого Гумаровского кургана в Южном Приуралье // АСГЭ. Вып.29. Л.

Итина М.А., Яблонский Л.Т., 1997. Саки нижней Сырдарьи. М.

Ковпаненко Г.Т., 1981. Курганы раннескифского времени в бассейне р.Рось. Киев.

Ковпаненко Г.Т., Бессонова С.С., Скорый С.А., 1989. Памятники скифской эпохи Днепровского Лесостепного Правобережья. Киев.

Копейкина Л.В., 1970. Особенности развития родосско-ионийской керамики в первой половине VI в. до н.э. и вопросы локализации некоторых ее групп // ВДИ. № 1.

Копейкина Л.В., 1972. Расписная родосско-ионийская ойнохоя из кургана Темир-Гора // ВДИ. № 1.

Копылов В.П., Ларенок П.А., 1994. Таганрогское поселение (каталог случайных находок у каменной лестницы, г.Таганрог, сборы 1988-1994 гг.). Ростов-на-Дону.

Кореняко В.А, Лукьяшко С.И., 1982. Новые материалы раннескифского времени на левобережье Нижнего Дона // СА. № 3.

Корпусова В.Н., 1987. Восточногреческая расписная керамика // Культура населения Ольвии и ее округи в архаическое время. Киев.

Лесков А.М., 1971. Предскифский период в степях Северного Причерноморья // Проблемы скифской археологии (МИА. № 177). М.

Лесков А.М., 1975. Предскифский период на Юге Украины. Дисс. на соискание уч. степени доктора ист. наук. М. // Архив ИА РАН. Р-II. № 2204. Альбом.

Луконин В.Г., 1977. Искусство древнего Ирана. М.

Манцевич А.П., 1966. Деревянные сосуды скифской эпохи // АСГЭ. Вып.8. Л.

Маслов В.Е., Петренко В.Г., 1998. Курган № 12 могильника Новозаведенное-II // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып.1. Ставрополь.

Марковин В.И., 1971. Бронзовое навершие из Прикубанья // СА. № 4.

Махортых С.В., 1991. Скифы на Северном Кавказе. Киев

Медведская И.Н., 1992. Периодизация скифской архаики и древний Восток // РА. № 3.

Нехаев А.А., 1985. Отчет о раскопках кургана у хут.Говердовского // Архив ИА РАН. Р-I. № 10923.

Отрощенко В.В., 1987. Традиция изготовления деревянных сосудов в эпоху бронзы и раннего железа на юге Восточной Европы // Киммерийцы и скифы (тезисы докладов). Мелитополь.

ОАК за 1908 г. СПб., 1912.

Парусимов И.Н., 1997. Раннескифский комплекс у г.Азова // Материалы конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Т.М.Минаевой. Ставрополь.

Переводчикова Е.В., 1980. Типология и эволюция скифских наверший // СА. № 2.

Петренко В.Г., 1990. К вопросу о хронологии раннескифских курганов Центрального Предкавказья // Проблемы скифо-сарматской археологии. М.

Петренко В.Г., Маслов В.Е., 1997. К трактовке сюжета с оленями на керамике из могильника Новозаведенное-II // Материалы конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Т.М.Минаевой. Ставрополь.

Петренко В.Г., Маслов В.Е., 1999. Роговые блюда могильника Новозаведенное II // Евразийские древности. 100 лет Б.Н.Гракову: архивные материалы, публикации, статьи. М.

Пикуль М.И., 1967. Эпоха раннего железа в Дагестане. Махачкала.

Пиотровский Б.Б., 1950. Кармир-Блур I. Ереван.

Пиотровский Б.Б., 1955. Кармир-Блур III. Ереван.

Пиотровский Б.Б., 1959а. Ванское царство (Урарту). М.

Пиотровский Б.Б., 1959б. Город бога Тейшебы // СА. № 2.

Сидорова Н.А., 1962. Архаическая керамика из Пантикапея // МИА. № 103.

Смирнов К.Ф., 1964. Савроматы. М.

Тереножкин А.И., 1976. Киммерийцы. Киев.

Техов Б.В., 1980. Скифы и Центральный Кавказ в VII-V вв. до н.э. (по материалам Тлийского могильника). М.

Фармаковский Б.В., 1914. Милетские вазы из России // Древности. ТМАО. Т.XXV. М.

Шедевры древнего искусства Кубани, 1987. М.

Шрамко И.Б., 1995. Раскопки на Западном укреплении Бельского городища в 1994 г. // Древности. Харьковский историко-археологический ежегодник. Харьков.

Яблонский Л.Т., 1996. Саки Южного Приаралья. М.

Яковенко Э.В., 1976. Предметы звериного стиля в раннескифских памятниках Крыма // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М.

Яценко И.В., 1959. Скифия VII-V вв. до н.э. М.

Boardman J.H., 1966. Excavations at Tocra. 1963 - 1965. The Archaic Deposits. London.

Leskov A.M., 1974. Die skythischen Kurgane // Antike Welt. Sondernummer.

Dimitriu S., 1966. Cartierul de locuinte din zona de vest a cetatii, in epoca arhaica (Sapaturi 1955-1960) // Histria II. Bucuresti.

Kinch K.F., 1914. Fouilles de Vroulia (Rhodes). Berlin.

Walter H., 1968. Frühe Samische Gefasse // Samos. Bd.V. Bonn.

Walter-Karydi E., 1973. Samische Gefasse des 6. Jahrhunderts v. Chr. // Samos. Bd.VI (1). Bonn.

А.Д.ПРЯХИН, Ю.Д.РАЗУВАЕВ

К ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЗАХОРОНЕНИЙ НА СЕМИЛУКСКОМ ГОРОДИЩЕ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ

Планомерные исследования поселений скифского времени в лесостепном Подоньс, ведущиеся экспедицией Воронежского госуниверситета, в последние два десятилетия привели к существенному увеличению объема материалов, характеризующих культуру местного скифоидного населения. Среди памятников, давших принципиально новые свидетельства, видное место принадлежит Семилукскому городищу.

Этот многослойный памятник, расположенный в г.Семилуки на правом берегу Дона (рис.1, *1*), систематически исследовался раскопками с 1984 по 1993 гг. На площадке и укреплениях городища было вскрыто 3602 кв.м (более трети всей площади). В результате открыты многочисленные жилые, хозяйственные, погребальные и культовые комплексы IV-III вв. до н.э. (Пряхин А.Д., Разуваев Ю.Д., 1995).

В ходе раскопок на территории городища были обнаружены массовые захоронения жителей поселка скифского времени в 14 погребальных комплексах (Пряхин А.Д., Разуваев Ю.Д., 1993а;1993б).

Погребения располагались в центральной части площадки городища среди строительных комплексов, некоторые — вдоль края мыса на границе поселка (рис.1, *2*). В них содержались останки 69 человек (предварительное определение основной части антропологического материала проведено научным сотрудником НИИ и музея антропологии МГУ Т.В.Томашевич). Кроме того, отдельные человеческие кости встречались в культурном слое и хозяйственных ямах.

Захоронения выявлены в девяти отдельных ямах (рис.2-4) и в пяти котлованах построек (рис.5,6). Ямы по форме практически не отличаются от сооружений хозяйственного назначения. Последние, очевидно, и использовались для совершения погребений (показательно, что на уровне дна встречались отдельные кости животных и фрагменты керамики, что характерно для заполнения хозяйственных ям). Четыре полуземляночные постройки из числа содержавших захоронения первоначально функционировали как жилища. В заполнении котлованов и в слое вокруг них встречались обычные культурные остатки, а в двух постройках имелись и очаги бытового назначения. Одна постройка, в которой среди скопления костей животных находились 12 человеческих черепов, имела совершенно необычную форму котлована (погребение 13). Не исключено, что она была культовой и, более того, сооружена специально для погребальных целей.

Многие котлованы построек и хозяйственные ямы, судя по сделанным в ходе раскопок наблюдениям, специально подготавливались для захоронений: в их стенках были сооружены один-два подбоя. Сверху, над могилами, имелось, видимо, какое-то перекрытие. Косвенные подтверждения этому зафиксированы в ходе раскопок: завалившиеся набок ноги умерших, раздавленные рухнувшей землей черепа и сосуды, сместившиеся нижние челюсти и др.

Погребения, за исключением двух, коллективные. В трех постройках и девяти ямах захоронены 45 полных костяков. Дополнительно в пять из этих погребений, а также в две отдельные постройки были помещены черепа и разрозненные кости по крайней мере еще 24 человек (сразу подчеркнем, что антропологических различий между обеими разновидностями захоронений нет).

Возраст определен у 50 умерших. Среди них дети до 9-10 лет составляют 25 чел. (50%), подростки и юноши от 11 до 16 лет — 5 чел. (10%), взрослые до 30 лет — 2 чел. (4%), взрослые старше 30 лет — 18 чел. (36%). Пол установлен у 24 мужчин (62%) и 15 женщин (38%). Причем, если в первых трех возрастных группах их примерно равное количество, то среди проживших более 30 лет было 13 мужчин и лишь 4 женщины.

Из умерших только один достиг возраста 52-58 лет, другие были не старше 45-50 лет, что близко к расчетным значениям средней продолжительности жизни в скифское время (Алексеев В.П., 1972, с.15). Обращает на себя внимание численное преобладание умерших младшего возраста. Это само по себе не удивительно, учитывая высокий уровень детской смертности в раннем железном веке (Федосова В.Н., 1994, с.75,76). Однако практически нет детей младенческого возраста от 0 до 2 лет, обычно составлявших основную долю в общем числе умерших естественной смертью.

Есть веские основания считать захоронения костяков в каждом из коллективных погребений практически единовременными. В 15 случаях костяки частично накладывались друг на друга, оставаясь при этом непотревоженными. Также in situ находились и кости многих скелетов, лежавших в погребениях вплотную друг к другу.

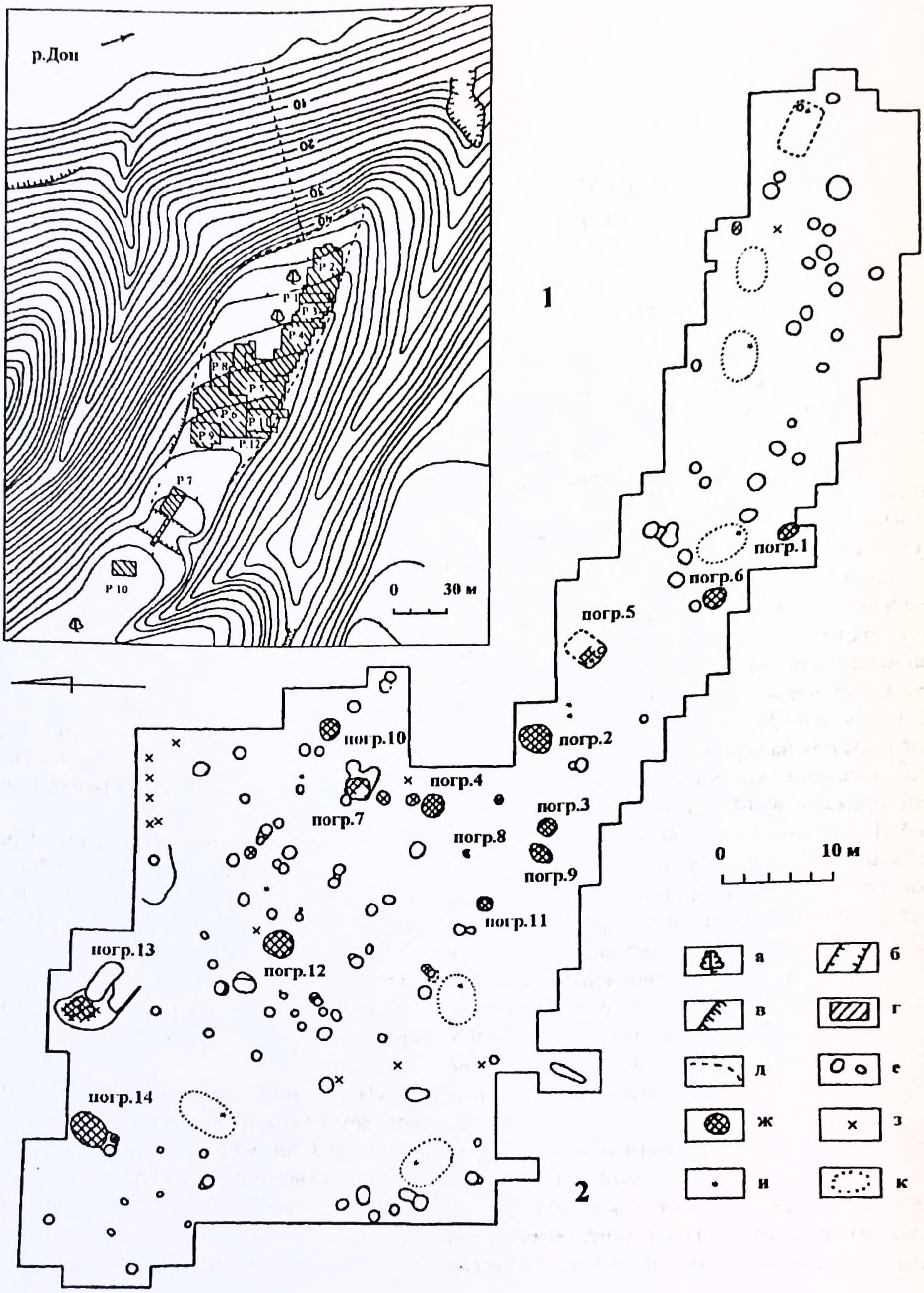


Рис.1. Семилукское городище. *1* — план памятника, *2* — план раскопов на площадке городища. *а* — деревья, *б* — ров, *в* — обнажение, *г* — раскоп, *д* — граница площадки городища, *е* — котлованы ям и построек скифского времени, *ж* — погребение, *з* — отдельная кость человека, *и* — очаг, *к* — границы предполагаемой постройки

Создается впечатление, что при выборе места захоронения учитывались размеры ям. Так, прослеживается определенная корреляция между площадью погребения и количеством находившихся в нем костяков. Ямы с погребениями по основанию, как правило, более крупные (в том числе и за счет подбоев), чем другие хозяйственные сооружения. При этом примечательно, что до двух третей костяков находились в подбоях или в непосредственной близости от них, таким образом, значительная часть площади погребения нередко оставалась свободной (рис.2,4,6).

При всем индивидуальном своеобразии поз погребенных вполне определенно просматривается основная черта обрядности: умерших хоронили в большей

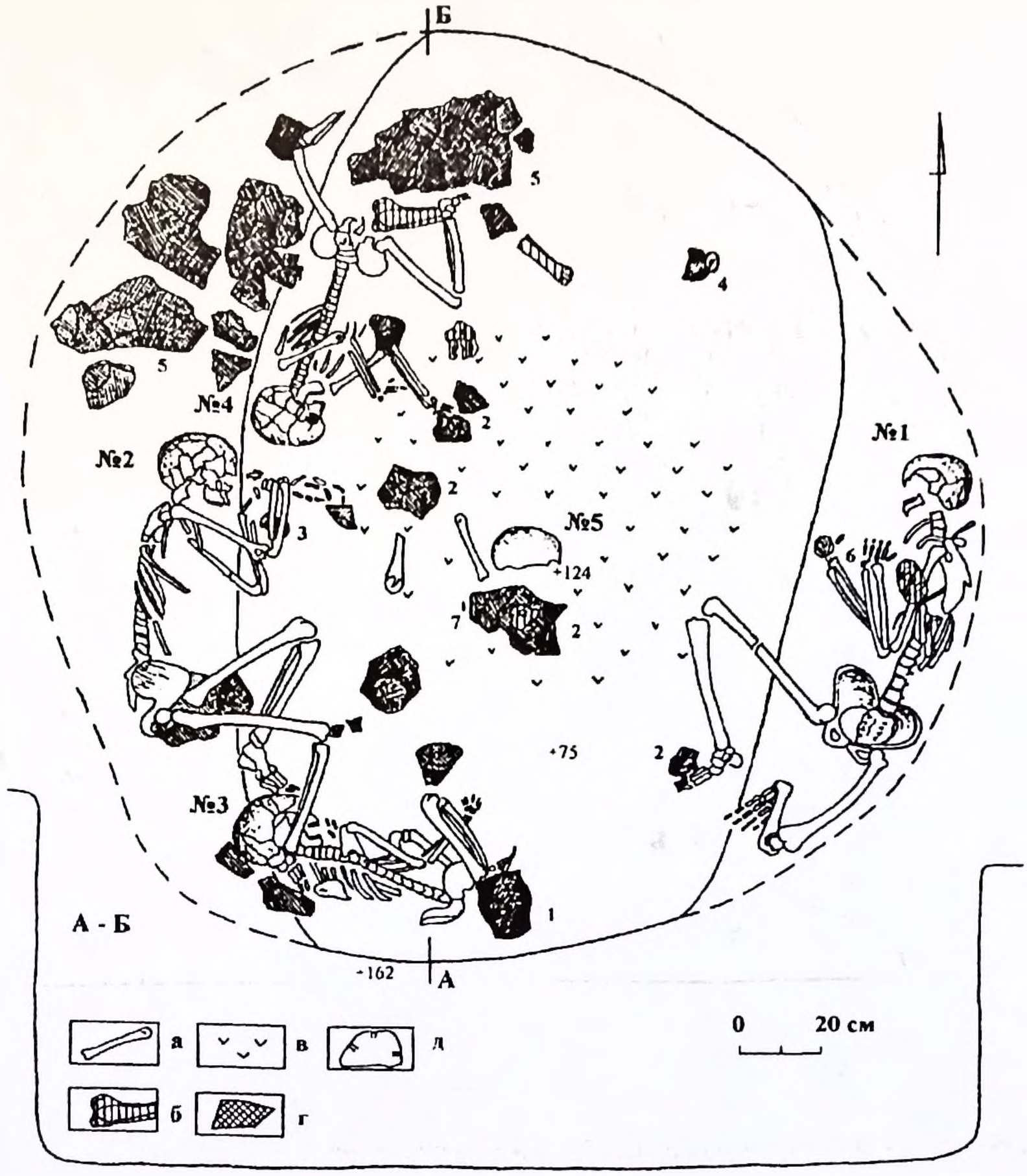


Рис.2. Погребение 4. *1-5* — лепные сосуды, *6* — две костяные пронизи, *7* — железный наконечник стрелы. *а* — кость человека, *б* — кость животного, *в* — угли, *г* — керамика, *д* — камень (к рис.2-7)

или меньшей степени скорченности. Основная масса костяков (31, т.е. около 70%) лежала скорченно на левом или правом боку. Руки были согнуты в локтях, кисти их находились, как правило, перед лицом или грудью умершего. Иногда одна рука могла быть отведена в сторону или вытянута вдоль туловища. Ноги согнуты в коленях, причем в половине случаев сильно, так что пятки располагались у таза. В некоторых случаях одна нога была подогнута больше другой.

Девять человек лежали на спине с разворотом головы и верхней части туловища на левый или правый бок. Ноги у большинства из них были, видимо, первоначально согнуты в коленях и приподняты, хотя у некоторых могли и сразу быть уложены набок. Руки умерших согнуты в локтях, кисти их обычно находились перед лицом или в районе черепа. В одном случае руки были раскинуты в стороны. Четыре человека лежали ничком скорченно или с подогнутыми ногами, лишь один — вытянуто на левом боку.

Умершие захоронены в самых разнообразных ориентировках, которые, по-видимому, не зависели от пола и возраста человека. Определяющим было местоположение покойных. Две трети костяков находились непосредственно у стенок могильных ям или чуть в стороне, но параллельно им. В пяти погребениях умершие лежали вдоль стенок как бы по кругу (рис.2,5,6).

Во многих случаях ориентировка костяков зависела и от расположения их относительно друг друга. Некоторые умершие, обычно разнополые или разновозрастные, лежат явно парами с противоположной ориентировкой. В четырех погребениях встречены парные захоронения близких по возрасту детей, лежавших рядом друг с другом практически в одинаковых позах. В одном случае две такие пары лежали с противоположной ориентировкой, «валетом» (рис.6).

Особо необходимо остановиться на двух детских захоронениях. В погребении 4 (рис.2) девочка около 6 лет лежала на спине с подогнутыми ногами среди обломков крупного тарного сосуда, которыми в этом месте почти сплошь было устлано дно ямы. В погребении 6 (рис.3) обнаружен костяк девочки около 8 лет, лежавшей скорченно на правом боку. В области поясницы находился развал верхней части одноручного кувшина. В горловине сосуда позвонков не было. Ясно, что к кувшину было приложено расчлененное надвое тело.

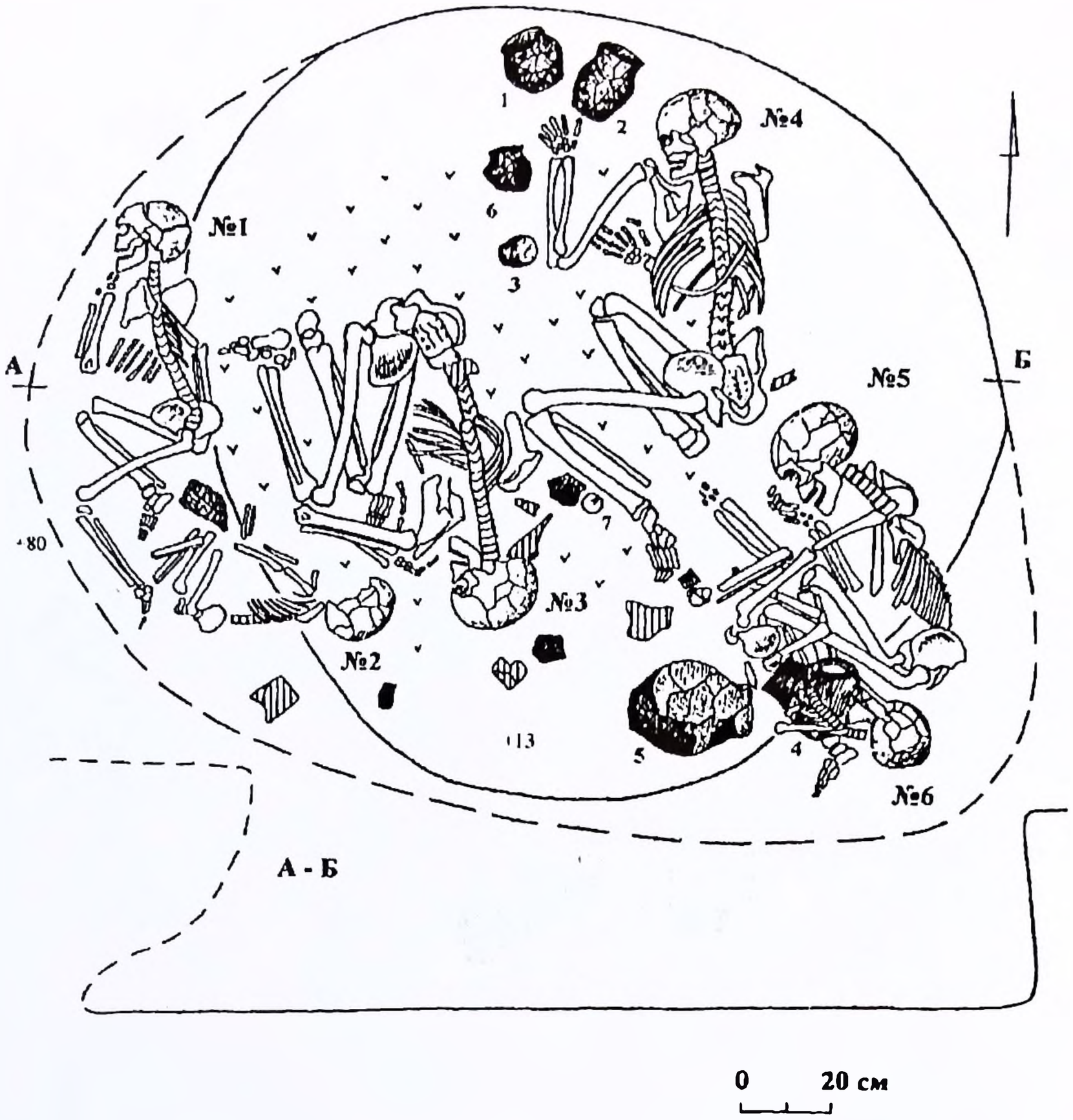


Рис.3. Погребение 6. *1-6* — лепные сосуды, *7* — каменное орудие

По-видимому, эти два захоронения следует рассматривать как своеобразное воплощение распространенного у многих народов обряда кувшинных погребений. Захоронения младенцев в амфорах или кухонных сосудах были характерны для позднескифского населения Крыма (Высотская Т.Н., 1972, с.38,39; 1984, с.138,139). Считается, что своим появлением в Северном Причерноморье и распространением у поздних скифов этот погребальный обычай обязан греческим колонистам (Кастанаян Е.Г., 1959, с.286; Шелов Д.Б., 1961, с.88; Высотская Т.Н., 1976, с.65). Однако он имеет более глубокие корни в идеологических представлениях древних народов Евразии (Кызласов И.Л., 1993, с.107). Можно вспомнить встреченное на нижнеднепровском Каменском городище и датирующееся IV-III вв. до н.э. погребение ребенка возрастом около 5 лет, костяк которого частично перекрывали фрагменты большого лепного сосуда (Граков Б.Н., 1954, с.214).

В архаических культурах сосуд, как часть мифологической картины мира, обладал многоплановой знаковой нагрузкой, являясь символом пространства, тела человека или животного, а также таких понятий как изобилие, источник блага и жизни (Антонова Е.В., 1986, с.35). Захоронение в нем умершего ребенка было связано с представлениями об обратимости смерти, возрождении к новой жизни.

Неслучайным представляется использование в погребении 6 верхней части кувшина. Имеющиеся данные указывают на особое место именно этой части сосудов в культовой практике северо-причерноморских народов. Горловины амфор входят в конструкцию жертвенников, встречающихся в скифских и боспорских курганах IV-III вв. до н.э. (Кастанаян Е.Г., 1950, с.130; Яценко И.В., 1960, с.102). На позднескифском городище «Чайка» (I в. до н.э. — I в. н.э.) верхние части амфор, лепных сосудов использовались при сооружении жертвенников в постройках (Попова Е.А., 1990).

В погребениях найдены разнообразные предметы: керамика, орудия труда, украшения, предметы вооружения. Однако не все из них можно рассматривать в качестве погребального инвентаря. Некоторые вещи, судя по их местоположению, попали в рассматриваемые комплексы из культурного слоя или уже находились в заполнении пола построек, дна хозяйственных ям. Непосредственно с погребенными связаны лепные сосуды и немногочисленные украшения (серьги, бусы, астрагал), обнаруженные на костяках.

Семилукские погребения во многом уникальны для скифского мира. Лишь на Коломакском городище в

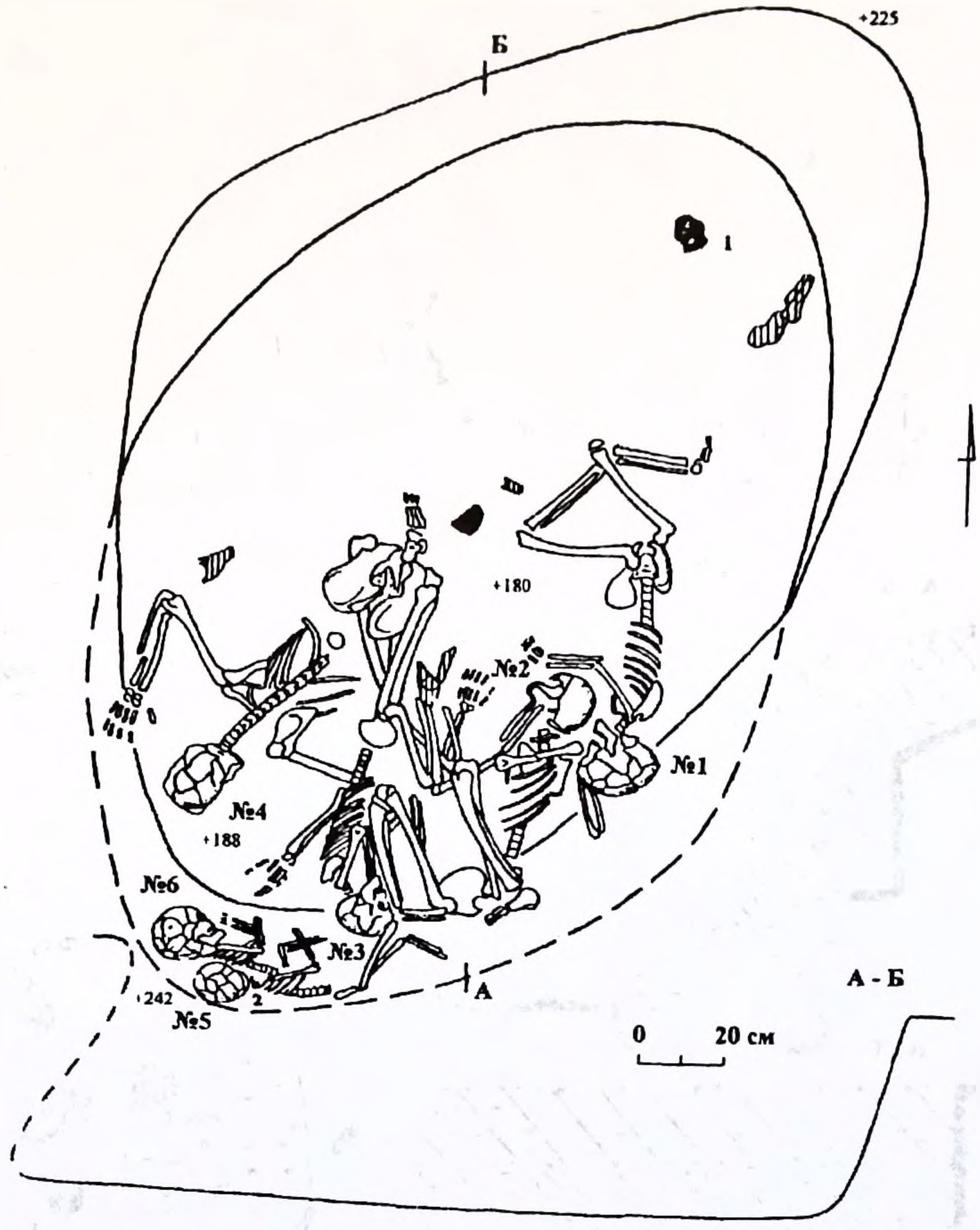


Рис.4. Погребение 9. *1* — лепной сосуд, *2* — две стеклянные бусины

бассейне р.Ворсклы в слое и в строительных комплексах обнаружены многочисленные останки людей, погибших в результате военного столкновения на рубеже IV-III вв. до н.э. (Радзиевская В.Е., 1992., с.178,179). Позы умерших сильно напоминают семилукские захоронения, а в ряде случаев можно говорить о прямой аналогии (скорченные костяки в хозяйственных ямах).

На некоторых других поселениях скифского времени известны отдельные подобные погребения. Лежавшие скорченно на боку скелеты женщины, двух детей и подростка найдены в хозяйственной яме с подбоями на поселении VI — нач. V вв. до н.э. у с.Долиняны на Среднем Днестре (Смирнова Г.И., 1981, с.44,45). Захоронения двух мужчин и женщины, лежавших ничком в двух мусорных ямах, выявлены на Мотронинском городище VI-V вв. до н.э. на правобережье Среднего Днепра (сообщение С.С.Бессоновой). Скелет ребенка, лежавшего сильно скорченно на боку, был найден среди костей животных и фрагментов керамики в хозяйственной яме на нижнеднепровском поселении IV-III вв. до н.э. у с.Михайловка (Лагодовская Е.Ф., Сымanович Э.А., 1973, с.240). Детские захоронения 2-ой половины IV-III вв. до н.э. обнаружены на Каменском городище, что дало основания Б.Н.Гракову говорить о существовании у скифов обычая погребения детей на территории поселка (Граков Б.Н., 1954, с.56).

Очевидно, захоронения детей и взрослых на территории поселений являются воплощением погребального обычая, существовавшего у носителей культур скифского типа. Таких захоронений известно относительно немного, но, что показательно, они встречены в разных регионах на разновременных памятниках. Можно предположить, что идеологические воззрения проживавших в пределах Скифии народов допускали возможность погребения соплеменников на территории поселка, в площади жилых и хозяйственных сооружений, надо думать, при каких-то неординарных обстоятельствах. В основе, скорее всего, лежала универсальная идея обратимости смерти и возрождения (Штернберг Л.Я., 1936, с.335,336), с древнейших времен занимавшая важнейшее место в погребальной практике земледельческих народов (Антонова Е.В., 1990, с.105-110).

Встреченные в погребениях черепа и отдельные кости (обычно разрозненные, лишь иногда в сочленении) лежали вперемежку с костями животных, фрагментами керамики, отдельными предметами. Иногда со скоплениями костей связаны углисто-золистые прослойки, комки обожженной глины и обломки извест-

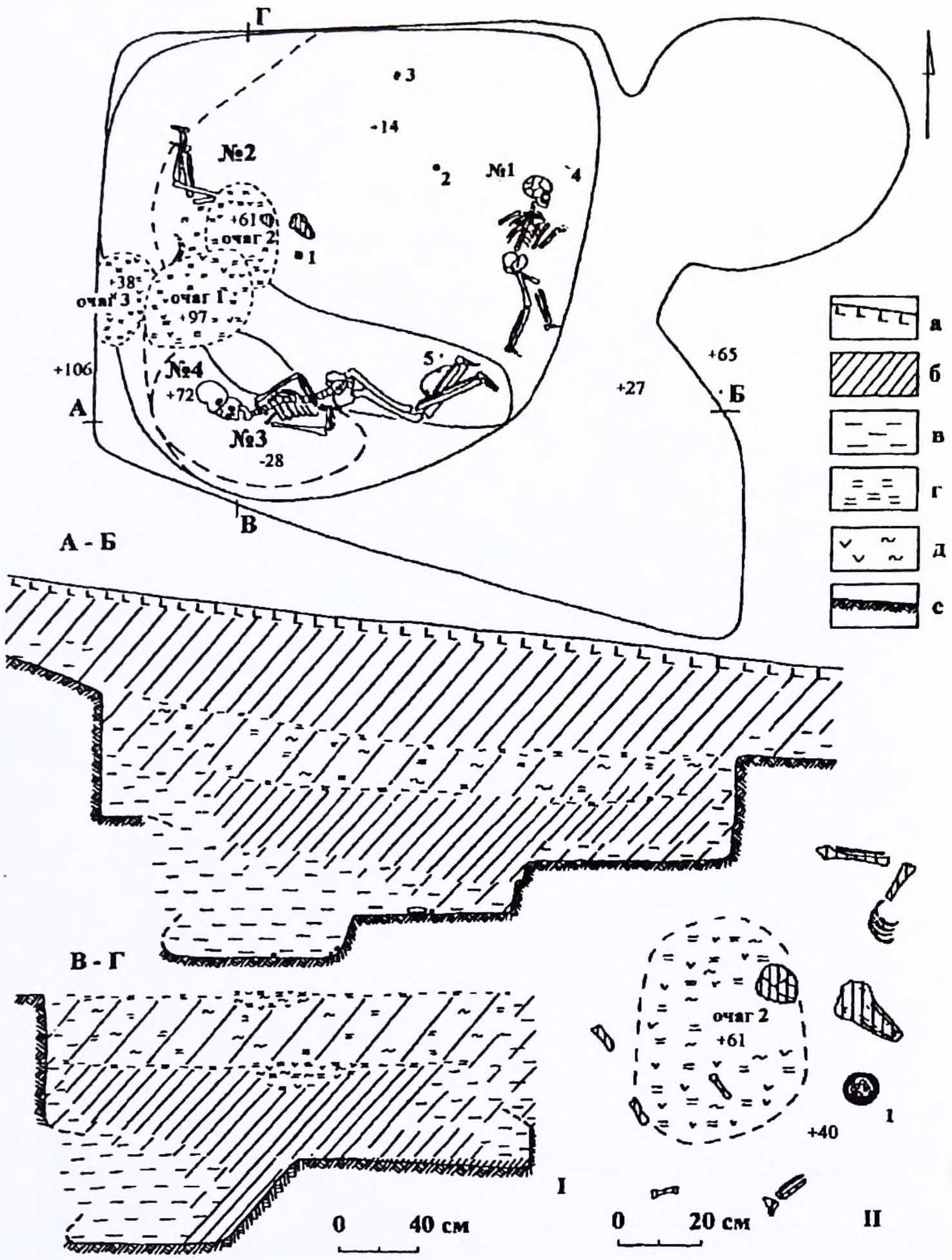


Рис.5. Погребение 7. *I* — план и профили постройки с погребением, *II* —план очага 2. *1* — заполненное мелом днище лепного сосуда; *2,5* — глиняные пряслица; *3* — каменный пестик; *4* — железное шило. *а* — дерн, *б* — суглинок, *в* — глина, *г* — обожженная глина, *д* — зола, *е* — материк

няковых камней. В погребениях, содержавших полные костяки, черепа и отдельные кости располагались в заполнении выше, поскольку, очевидно, подзахоранивались несколько позднее.

Так, в котловане постройки с погребением 7 выявлены три слоя заполнения толщиной 0,2-0,3 м (рис.5, *I*). В основании каждого слоя располагались очаги, частично перекрывавшие в плане друг друга. Особый интерес представляет средний слой заполнения, насыщенный золой и обожженной глиной. В нем найден череп взрослой женщины, многочисленные кости животных, фрагменты керамики. Возле очага лежали части скелета собаки (череп, нижняя челюсть и другие кости), кости овцы, а также придонная часть лепного сосуда, заполненная мелом (рис.5, *II*). Череп собаки был найден и в самом погребении 7 (еще одна такая находка сделана в погребении 3).

Скопления костей домашних животных, являющиеся остатками жертвоприношений, встречаются на многих лесостепных поселениях скифского времени (Андріенко В.П.,1974, с.89-91). Кости животных вместе с фрагментами керамики составляют материальные остатки заупокойных тризн в курганных насыпях (Ольховский В.С., 1991, с.122). Костяки собак нередко находят в жертвенниках на скифоидных поселениях (Андриенко В.П.,1981; Гавриш П.А., 1992, с.98; Пузикова А.И., 1969б, с.53), а также в скифских погребениях (Ольховский В.С., 1991, с.118). Тесная связь этого животного с миром мертвых хорошо известна (Литвинский Б.А.., Седов А.В., 1984, с.161-169).

Совершенно очевидно, что на Семилукском городище мы имеем дело с остатками особых погребально-жертвенных комплексов. Видимо, аналогичный комплекс в свое время был встречен на поселении № 3 в урочище «Частые курганы», расположенном на противоположном берегу Дона. Здесь обнаружен человеческий череп в скоплении костей животных и фрагментов керамики (Либеров П.Д., 1958, с.49). Назовем и жертвенник с тремя человеческими черепами, исследованный на среднедонском Кировском городище (Пузикова А.И., 1969а, с.79).

Рис.6. Погребение 14. *1-11* — лепные сосуды; *12* — астрагал; *13* — глиняное пряслице; *14,15* — каменные плитки; *16* — каменное орудие

Материалы поселений других территорий свидетельствуют о довольно широком распространении такого рода комплексов в скифское время. На вышеназванном Коломакском городище встречены хозяйственные ямы, содержавшие части человеческих костяков, перемешанные с костями животных, обломками керамики (Радзиевская В.Е., 1986, с.297). Жертвенник с костями собак и человеческим черепом исследован на Княшовском городище на р.Псел (Гавриш П.А., 1992, с.98). Человеческие черепа, костяки собаки встречались в жертвенных ямах поселения у с.Пожарная Балка (Андриенко В.П., 1981). Над уже упоминавшемся захоронением двух мужчин в мусорной яме Мотронинского городища был найден обломок черепа и глиняные «хлебцы». На поселении у с.Михайловка в двух хозяйственных ямах были обнаружены человеческие черепа, лежавшие среди костей животных и обломков керамики (Лагодовская Е.Ф., Сымонович Э.А., 1973, с.242). В одном из зданий кон. IV — нач. III вв. до н.э. Елизаветовского городища на Нижнем Дону среди бытовых остатков обнаружено скопление человеческих черепов и вотивных сосудов (Житников В.Г., Яковенко Э.В., 1987).

Вообще, обломки черепов, человеческие кости нередки на скифоидных поселениях (Мелюкова А.И., 1975, с.14; Петровская Е.А., 1967, с.106; Шрамко Б.А., 1987, с.75,78; Яковенко Э.В., 1967, с.177) и иногда интерпретируются как остатки культового каннибализма (Андриенко В.П., 1992, с.85; Іллінська В.А., 1970, с.35).

Датировка семилукских погребений IV-III вв. до н.э., т.е. основными рамками существования городища, подтверждается всем комплексом происходящих из них керамических и вещевых материалов. Однако наиболее вероятно, что появление могильника фиксирует финальный этап функционирования поселения, и должно быть поэтому отнесено к началу III в. до н.э. Пока неясно, синхронны ли все погребения или они совершались с каким-то временным интервалом. Несомненно, некоторое время на поселении происходили культовые действия, связанные с погребениями. Но в конце концов жизнь на нем была прервана. Не случайно в хозяйственных ямах городища сохранилось значительное количество развалов сосудов, каменных орудий и других культурных остатков.

Погребений, подобных рассматриваемым, на других скифоидных поселениях лесостепного Подонья не найдено. Скорее всего, появление их на городище следует объяснять событием экстраординарного характера. Таковым могла быть, например, эпидемия, явив-

шаяся причиной гибели значительного количества людей. Не потому ли среди умерших преобладают дети и люди старших возрастов (почти 90%)?

О причинах появления захоронений разрозненных костяков пока можно только догадываться. Возможно, часть умерших не была погребена своевременно. Лишь по прошествии времени сородичам удалось собрать оставшиеся части костяков, прежде всего черепа, и похоронить по особому обряду. Можно вспомнить и о достаточно распространенном обряде выставления трупов животным (Штернберг Л.Я., 1936, с.337), наличие которого предполагается в скифской среде (Бессонова С.С., 1990, с.22). С этим обрядом очень хорошо согласуется и существование на городище особой постройки — своего рода «хранилища черепов».

Разумеется, предложенная нами интерпретация во многом гипотетична и не исключает других версий. Так, совершенно иную версию предложил недавно А.П.Медведев (1997; 1999, с.145-149). Исходя из датировки погребений, он рассматривает их в контексте вооруженных конфликтов начала III в. до н.э., приведших к гибели скифоидных поселений восточноевропейской лесостепи. По мнению исследователя, останки умерщвленных людей были погребены по «сокращенному» обряду, а чаще всего беспорядочно сброшены в ямы без одежды и украшений. Отсутствие среди погребенных мужчин боеспособного возраста и молодых женщин объясняется, соответственно, гибелью первых вне городища и пленением вторых.

Фактические данные, на наш взгляд, во многом противоречат этой гипотезе. Прежде всего — на Семилукском городище отсутствуют следы разрушений и пожаров (исключение — сгоревшая внешняя линия укреплений, относящаяся к более раннему времени). Правда, М.В.Козловская, анализировавшая часть антропологических материалов, выявила следы проломов на двух детских черепах (Козловская М.В., 1999, с.57). Но ею же выявлены и свидетельства биологического стресса.

Впрочем, дело даже не в причине смерти. Для нас важно прежде всего то, что рассматриваемые захоронения совершены по определенному обряду, наиболее существенные черты которого заключаются в следующем. Умерших хоронили в жилых или хозяйственных сооружениях, нередко специально подготовленных, в большей или меньшей степени скорченности (отклонения в позах в ряде случаев несущественны, а в других вполне могут объясняться спешкой при захоронении и трудностью придания уже остывшему телу нужного положения), с сопровождающим, хотя и скудным, инвентарем. Некоторая система просматривается в расположении костяков, а также в размещении отдельных черепов и других частей скелета. Последние, как правило, находились среди скопления костей животных, обломков керамики, углей.

Конечно, давая оценку захоронений на Семилукском городище, следует учитывать их неординарность. Погребальный культ, как явление духовной и материальной культуры древних обществ, обладает сложной структурой, устойчивость отдельных элементов которой зависит от воздействия целого ряда факторов (Ольховский В.С., 1986). Среди последних немаловажное значение имеют обстоятельства смерти погребаемых. Особые формы захоронения детей и людей, умерших неестественной смертью, зафиксированы этнографией у многих народов (Штернберг Л.Я., 1936, с.339). В качестве примера уместно привести сообщения античных авторов об обычаях иранских народов, выставлявших трупы скончавшихся от болезней соплеменников (Страбон, XI, 8,6; XI, 11,8; XV, 3,20) или хоронивших их в земле (Геродот, I, 216).

Одновременная гибель многих людей (напомним, что в большинстве погребений сединовременно было захоронено от трех до шести человек), очевидно, не представлявшаяся естественной для жителей городища, определила специфику погребального обряда. Рассматривать захоронения в хозяйственных или жилых комплексах только с утилитарной точки зрения (стремление спрятать труп) вряд ли правомерно, учитывая огромное значение погребальной практики в жизни первобытного общества, особенно в кризисных ситуациях (Байбурин А.К., 1993, с.31,32). Оставшиеся в живых соплеменники, а в нашем случае именно они совершали захоронения (кострища над погребением 7 — явно следы заупокойного культа), просто обязаны были выполнить основные предписания ритуала.

Можно предположить наличие в скифское время нескольких погребальных обрядов, особенно учитывая культурную и этническую неоднородность населения лесостепного Подонья. Сосуществование у народов Северного Причерноморья разных способов захоронения подтверждается имеющимися источниками (Бессонова С.С., 1990, с.22-26). Судя по всему, те из обрядов, которые практиковались оседлым населением при обычных обстоятельствах, могли и не оставить материальных следов, по крайней мере на территории поселков.

ЛИТЕРАТУРА И АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Алексеев В.П., 1972. Палеодемография СССР // СА. № 1.

Андріенко В.П., 1974. Основні культові обряди та споруди у племен лісостепової Скифії // Вісник ХГУ. № 104. Історія. Вип.8.

Андриенко В.П., 1981. Раскопки поселения и курганов у с.Пожарная Балка // АО 1980 г. М.

Андриенко В.П., 1992. О материалах последнего этапа существования поселения Пожарная Балка II // История и археология Слободской Украины. Тез. докл. и сообщ. всеукраинской конференции, посвященной 70-летию XII Археологического съезда. Харьков.

Антонова Е.В., 1986. К исследованию места сосудов в картине мира древних земледельцев // Восточ-

ный Туркестан и Средняя Азия в системе культур древнего и средневекового Востока. М.

Антонова Е.В., 1990. Обряды и верования первобытных земледельцев Востока. М.

Байбурин А.К., 1993. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.

Бессонова С.С., 1990. Скифские погребальные комплексы как источник для реконструкции идеологических представлений // Обряды и верования древнего населения Украины. Киев.

Бессонова С.С., Скорый С.А., 1993. Исследование Мотронинского городища в 1992 г. // Археологічні дослідження на Україні 1992 року. Київ.

Высотская Т.Н., 1972. Поздние скифы в Юго-Западном Крыму. Киев.

Высотская Т.Н., 1976. Культы и обряды поздних скифов // ВДИ. № 3.

Гавриш П.А., 1992. Краткие итоги исследований Княшовского городища скифского времени на Псле // История и археология Слободской Украины. Тез. докл. и сообщ. всеукраинской конференции, посвященной 90-летию XII Археологического съезда. Харьков.

Граков Б.Н., 1954. Каменское городище на Днепре // МИА. № 36.

Житников В.Г., Яковенко Э.В., 1987. О культовом комплексе Елизаветовского городища из раскопок 1979 г. // Религиозные представления в первобытном обществе. Тез. докл. конференции. М.

Іллінська В.А., 1970. Андрофаги, меланхлени, будини або скіфи? // Археологія. Т.XXIII.

Кастанаян Е.Г., 1950. Обряд тризны в боспорских курганах // СА. Вып.XIV.

Кастанаян Е.Г., 1959. Грунтовые некрополи боспорских городов VI-IV вв. до н.э. и местные их особенности // МИА. № 69.

Козловская М.В., 1999. Об образе жизни среднедонского населения скифского времени // Скифы Северного Причерноморья в VII-IV вв. до н.э. (проблемы палеоэкологии, антропологии и археологии). Тез. докл. междунар. конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Б.Н.Гракова. М.

Кызласов И.Л., 1993. Мировоззренческая основа погребального обряда // РА. № 1.

Лагодовская Е.Л., Сымонович Э.А., 1973. Скифский могильник у с.Михайловка на Нижнем Днепре // Скифские древности. Киев.

Либеров П.Д., 1958. Отчет о работе Воронежского отряда лесостепной экспедиции ИИМК АН СССР в 1958 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 1726.

Либеров П.Д., 1965. Памятники скифского времени на Среднем Дону // САИ. Вып. Д1-31.

Литвинский Б.А., Седов А.В., 1984. Культы и ритуалы Кушанской Бактрии. Погребальный обряд. М.

Медведев А.П., 1997. Новые материалы о финале лесостепной Скифии // Донские древности. Вып.5. Азов.

Медведев А.П., 1999. Ранний железный век лесостепного Подонья. Археология и этнокультурная история I тысячелетия до н.э. М.

Мелюкова А.И., 1975. Поселение и могильник скифского времени у села Николаевка. М.

Ольховский В.С., 1986. Погребально-поминальная обрядность в системе взаимосвязанных понятий // СА. № 1.

Ольховский В.С., 1991. Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII-III вв. до н.э.). М.

Петровская Е.А., 1967. Раскопки на Хотовском скифском городище // Археологические исследования на Украине в 1965-1966 г. Киев.

Попова Е.А., 1990. Позднескифские жертвенники с городища «Чайка» // СА. № 3.

Пряхин А.Д., Разуваев Ю.Д., 1993а. Погребения на Семилукском городище позднескифского времени (раскопки 1986 г.) // Археологические памятники раннего железного века Окско-Донского междуречья. Рязань.

Пряхин А.Д., Разуваев Ю.Д., 1993б. Погребения на Семилукском городище позднескифского времени (раскопки 1987-1990 гг.) // Древние памятники Окского бассейна. Рязань.

Пряхин А.Д., Разуваев Ю.Д., 1995. Семилукское городище позднескифского времени на р.Дон (основные результаты раскопок 1984-1993 г.) // Археологические памятники Среднего Поочья. Рязань.

Пузикова А.И., 1969а. Поселения Среднего Дона // МИА. № 151.

Пузикова А.И., 1969б. Работы Воронежской лесостепной экспедиции // АО 1968 г. М.

Радзиевская В.Е., 1986. Исследования на Харьковщине // АО 1984 г. М.

Радзиевская В.Е., 1992. Основные итоги раскопок Коломакского городища // История и археология Слободской Украины. Тез. докл. и сообщ. всеукраинской конференции, посвященной 90-летию XII Археологического съезда. Харьков.

Смирнова Г.И., 1981. Новые данные о поселении у с.Долиняны (по материалам раскопок 1977-1978 гг.) // АСГЭ. Вып.22.

Федосова В.Н., 1994. Развитие современной палеодемографии (палеоэкологические аспекты анализа данных) // РА. № 3.

Шелов Д.Б., 1961. Некрополь Танаиса // МИА. № 98.

Шрамко Б.А., 1987. Бельское городище скифской эпохи (город Гелон). Киев.

Штернберг Л.Я., 1936. Первобытная религия в свете этнографии. Л.

Яковенко Э.В., 1967. Пастирське городище скіфського часу // Археологія. Т.XXI.

Яценко И.В., 1960. О двух жертвенниках-эсхарах в курганах побережья Днепровско-Бугского лимана // Труды ГИМ. Вып.37. М.

А.И.ПУЗИКОВА

ГОРОДИЩА И КУРГАННЫЕ МОГИЛЬНИКИ СРЕДНЕГО ПОДОНЬЯ: К ВОПРОСУ О ИХ ЭТНОКУЛЬТУРНОМ ЕДИНСТВЕ

В последнее время воронежские археологи много говорят и пишут о различиях этнокультурного облика городищ и курганных могильников Среднего Подонья (Пряхин А.Д., Разуваев Ю.Д., 1993а, с.74-94; 1993б, с.13-30; 1995, с.43-68; Березуцкий В.Д., 1995, с.53-64; Медведев А.П., 1992, с.167; 1999). Особенно четко утверждение о их различии прозвучало в докторской диссертации А.П.Медведева, а затем в изданной им книге (Медведев А.П., 1999). Посылки его следующие. Исходя из того, что количество подкурганных захоронений, по его мнению, не соответствует гораздо большей численности проживавшего на городищах населения, он считает: 1) что под курганами хоронили только элитарную, военно-аристократическую часть общества; 2) что у рядовых обитателей существовал другой, бескурганный грунтовый обряд погребения, результатом которого и явилось обнаружение нескольких грунтовых погребений: двух в Ольховке; пяти — на городище Мастище; одного, раскопанного мною в 1962 г. в хуторе Терновушка и четырнадцати — на городище Семилукском; 3) что в итоге на Среднем Дону в V-III вв. до н.э. существовали две культуры: земледельческо-скотоводческого оседлого населения и элитарной культуры военно-аристократического кочевого слоя. За этими культурами, по всей вероятности, скрываются по меньшей мере два народа-этноса (подчеркнуто мною. — А.П.).

Основными аргументами А.П.Медведева являются утверждения, что: 1) культурный слой городищ по сравнению с инвентарем могильников отличается бедностью; 2) в подкурганных погребениях нет кухонной посуды (горшков); 3) в захоронениях нет орудий труда.

Остановимся на этих утверждениях подробнее и обратимся к материалу. Количество городищ (60) и курганов (250, из которых раскопано 135) вроде бы действительно не соответствуют друг другу. Но где есть уверенность, что их изначальное количество было таковым? Даже в начале 1950-х годов, когда Воронежская Лесостепная экспедиция начинала свои работы в Подонье, количество курганов было несравненно большим. Насыпи исчезают ежегодно, катастрофически быстро в результате распашки и хозяйственной деятельности людей. Сам А.П.Медведев говорил мне о полностью распаханной группе курганов Мастюгино II; практически потерян для науки и недоисследованный курганный могильник Русская Тростянка I и Русская Тростянка II, располагавшийся в том же селе. На первом посажена лесополоса, второй — размыт талыми водами, поскольку располагался на косогоре. Количество подобных примеров можно многократно умножить. Кроме того, и в сохранившихся могильниках, несомненно, первоначальное количество насыпей было значительно большим. Возможно, что с течением времени археологи придут к убеждению копать не только видимые насыпи, а сплошными площадями, как это делает, например, С.И.Андрух на могильнике Мамай-гора (Андрух С.И., Тощев Г.Н., 1999, с.6,7) и как делал сам А.П.Медведев на Чертовицком комплексе памятников.

Не приходится говорить и о бедности культурного слоя среднедонских городищ. В подъемном материале на городище Б.Сторожевое и в культурном слое городища Волошино I обнаружены бронзовые зеркала с боковыми ручками (рис.1, *3,4*), аналогичные таковым же из курганных комплексов №№ 14 и 18 в Русской Тростянке (рис.1, *1,2*), только ручки у них были деревянными. В подъемном материале городища Волошино обнаружена золотая серьга; большое количество бус; посуда редких форм; обломки амфорной тары и т.д. Кроме того, и другие лесостепные регионы: Днепровское Левобережье и Правобережье, Северский Донец, Посеймье на городищах имеют всюду почти одинаковый, стандартный набор вещей. Если это железные орудия, то мы видим — ножи, серпы, шилья; поделки из кости — в основном, проколки, катушки, изредка — обломки изделий типа псалиев; из глины — пряслица, реже — культовые изделия в виде лепешек, зерен, антропоморфных и зооморфных фигурок и т.д.

В подкурганных погребениях Среднего Дона действительно нет горшков. Видимо, был такой обычай ставить в могилы усопших только кувшины и чашечки на поддонах с двумя отверстиями, которые могли служить как светильниками, так и сосудами для воскурения благовоний. Кстати, и те и другие очень часто подражали формам античной привозной керамики (рис.2, *2*; 3, *14*). На рисунках 2 и 3 воспроизведены целые формы и фрагменты чашечек из курганных комплексов и культурного слоя городищ.

Как видно при сравнении, их абсолютная идентичность не может вызвать ни малейшего сомнения.

В личной беседе со мной А.П.Медведев, ссылаясь на разницу инвентаря из курганов и материала городищ, говорил о ничтожном проценте кувшинов в городищенском материале. А вот В.Г.Петренко, писавшая

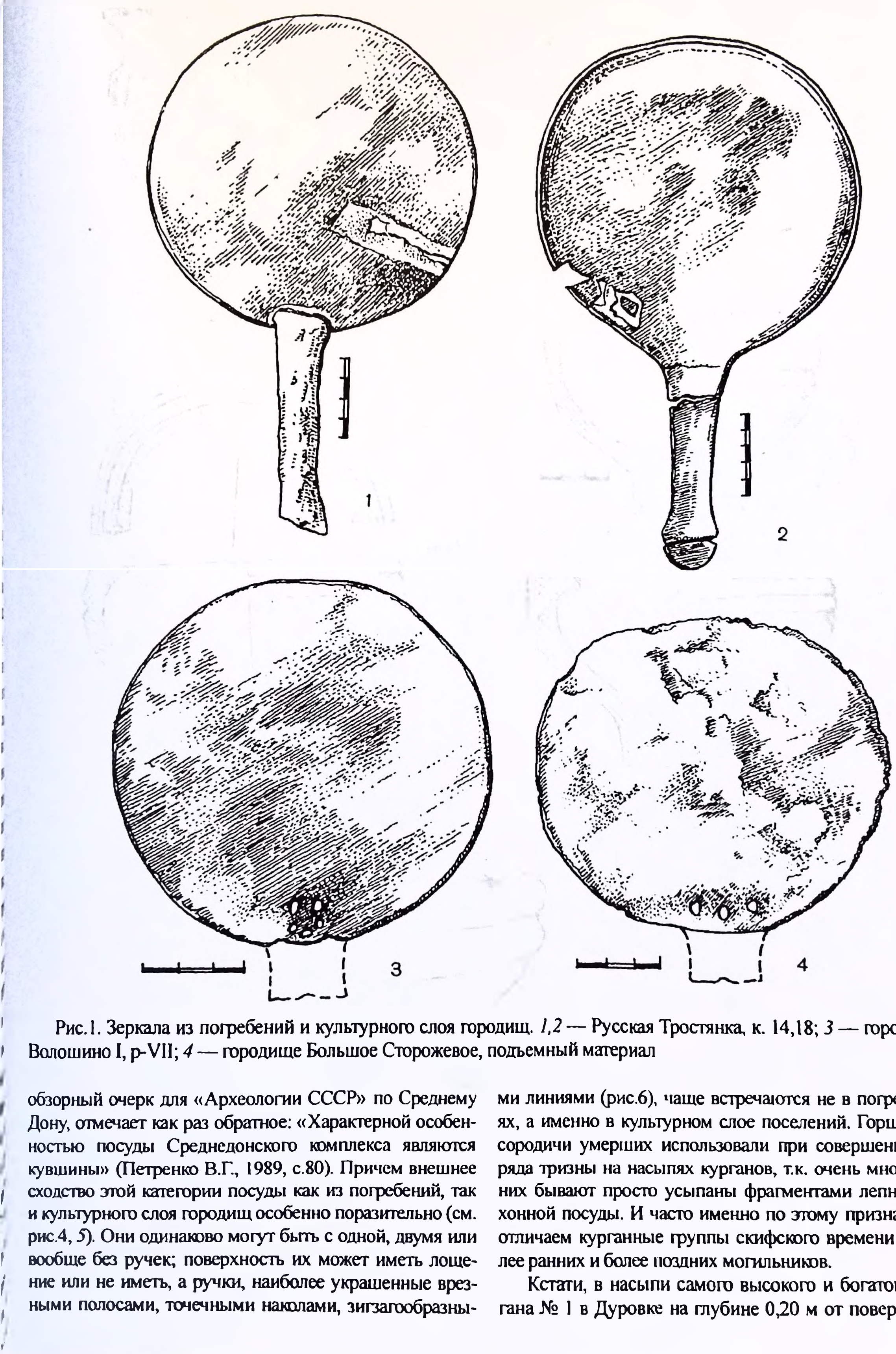


Рис.1. Зеркала из погребений и культурного слоя городищ. *1,2* — Русская Тростянка, к. 14,18; *3* — городище Волошино I, р-VII; *4* — городище Большое Сторожевое, подъемный материал

обзорный очерк для «Археологии СССР» по Среднему Дону, отмечает как раз обратное: «Характерной особенностью посуды Среднедонского комплекса являются кувшины» (Петренко В.Г., 1989, с.80). Причем внешнее сходство этой категории посуды как из погребений, так и культурного слоя городищ особенно поразительно (см. рис.4, *5*). Они одинаково могут быть с одной, двумя или вообще без ручек; поверхность их может иметь лощение или не иметь, а ручки, наиболее украшенные врезными полосами, точечными наколами, зигзагообразными линиями (рис.6), чаще встречаются не в погребениях, а именно в культурном слое поселений. Горшки же сородичи умерших использовали при совершении обряда тризны на насыпях курганов, т.к. очень многие из них бывают просто усыпаны фрагментами лепной кухонной посуды. И часто именно по этому признаку мы отличаем курганные группы скифского времени от более ранних и более поздних могильников.

Кстати, в насыпи самого высокого и богатого кургана № 1 в Дуровке на глубине 0,20 м от поверхности

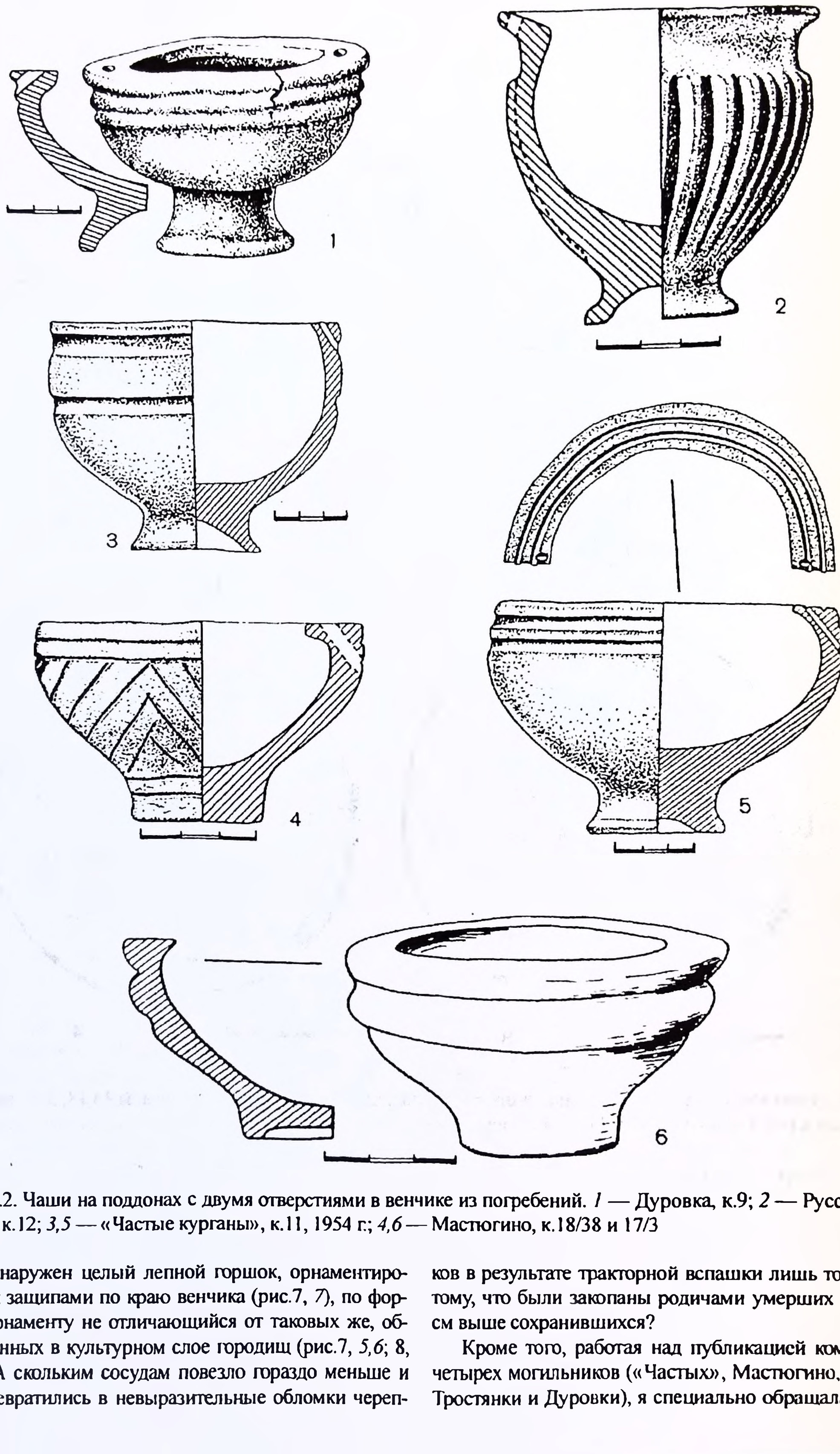


Рис.2. Чаши на поддонах с двумя отверстиями в венчике из погребений. *1* — Дуровка, к.9; *2* — Русская Тростянка, к.12; *3,5* — «Частые курганы», к.11, 1954 г.; *4,6* — Мастюгино, к.18/38 и 17/3

был обнаружен целый лепной горшок, орнаментированный защипами по краю венчика (рис.7, *7*), по форме и орнаменту не отличающийся от таковых же, обнаруженных в культурном слое городищ (рис.7, *5,6*; 8, *1-13*). А скольким сосудам повезло гораздо меньше и они превратились в невыразительные обломки черепков в результате тракторной вспашки лишь только потому, что были закопаны родичами умерших на 15-20 см выше сохранившихся?

Кроме того, работая над публикацией комплексов четырех могильников («Частых», Мастюгино, Русской Тростянки и Дуровки), я специально обращала внима-

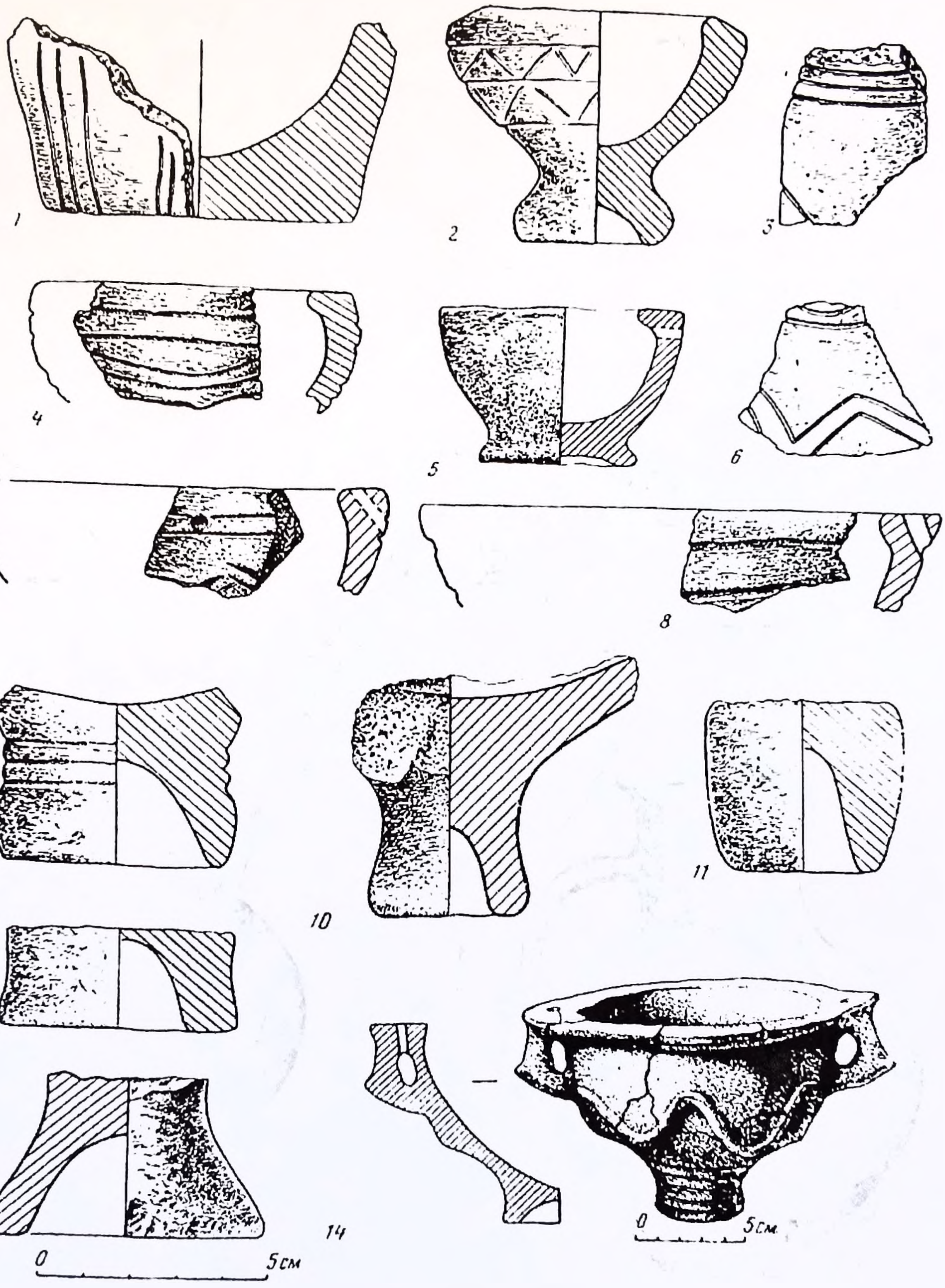


Рис.3. Орнаментированная керамика с городищ. Чаши на поддонах. *1,9* — Русская Тростянка; *2,4,8* — Кировское; *3,6,14* — Волошино I; *5,7,10-13* — Большое Сторожевое

ние на находки фрагментов кухонной посуды в курганных погребениях. И оказалось, что ни одной находки кухонной керамики не зафиксировано только в Мастогинской группе. В «Частых курганах» в пяти случаях (курганы №№ 12,13,38,39,40) черепки были обнаружены в насыпях; в трех (курганы №№ 10,22,23) — в засыпке могильных ям; а в кургане № 1 мелкие обломки лепной керамики были обнаружены среди человеческих костей на дне могилы. В Русской Тростянке обломки кухонной посуды обнаружены в насыпях двух курганов (№№ 6 и 8), причем в кургане № 8, судя по различным орнаментам, обломки принадлежали двум сосудам. В Дуровке в засыпке могил пяти курганов (№№ 2,4,5,6,17) были обнаружены черепки кухонной посуды, а в насыпи кургана № 7 на глубине 0,85-0,90 м — два обломка орнаментированных защипами венчиков лепных горшков. Есть аналогичные данные и по могильникам Терновое I и Колбино I[1]. В кургане № 3 в

Рис.4. Кувшины из курганных комплексов и с городища. *1-3* — Русская Тростянка, к.1,5,14; *4* — Дуровка, к.9; *5* — городище Волошино I, р.-VII

Терновое I фрагмент лепного венчика с защипами был обнаружен практически на дне могильной ямы, а в кургане № 1 могильника Колбино I лепной сосуд с серо-желтой поверхностью и защипами по краю был раздавлен и вмазан в погребальную площадку на древнем горизонте.

Не состоятелен аргумент и об отсутствии в подкурганных захоронениях орудий труда. Ножи, как орудия повседневного обихода и многогранного применения, находят почти в каждой могиле, как бедной, так и элитной. Орудия для обработки почвы — рала, изготовлялись из дерева и если бы не особо благоприятные условия их нахождения в торфяниках (рала из торфяников у д.д. Каплуновичи, Сергеевского, Токаревского), мы вообще бы не имели о них никакого понятия (Краснов Ю.А., 1987, с.85). В вопросе о назначении мотыг (или тесел) с заплечиками в науке нет единого мнения: одни исследователи считают их сельскохозяй-

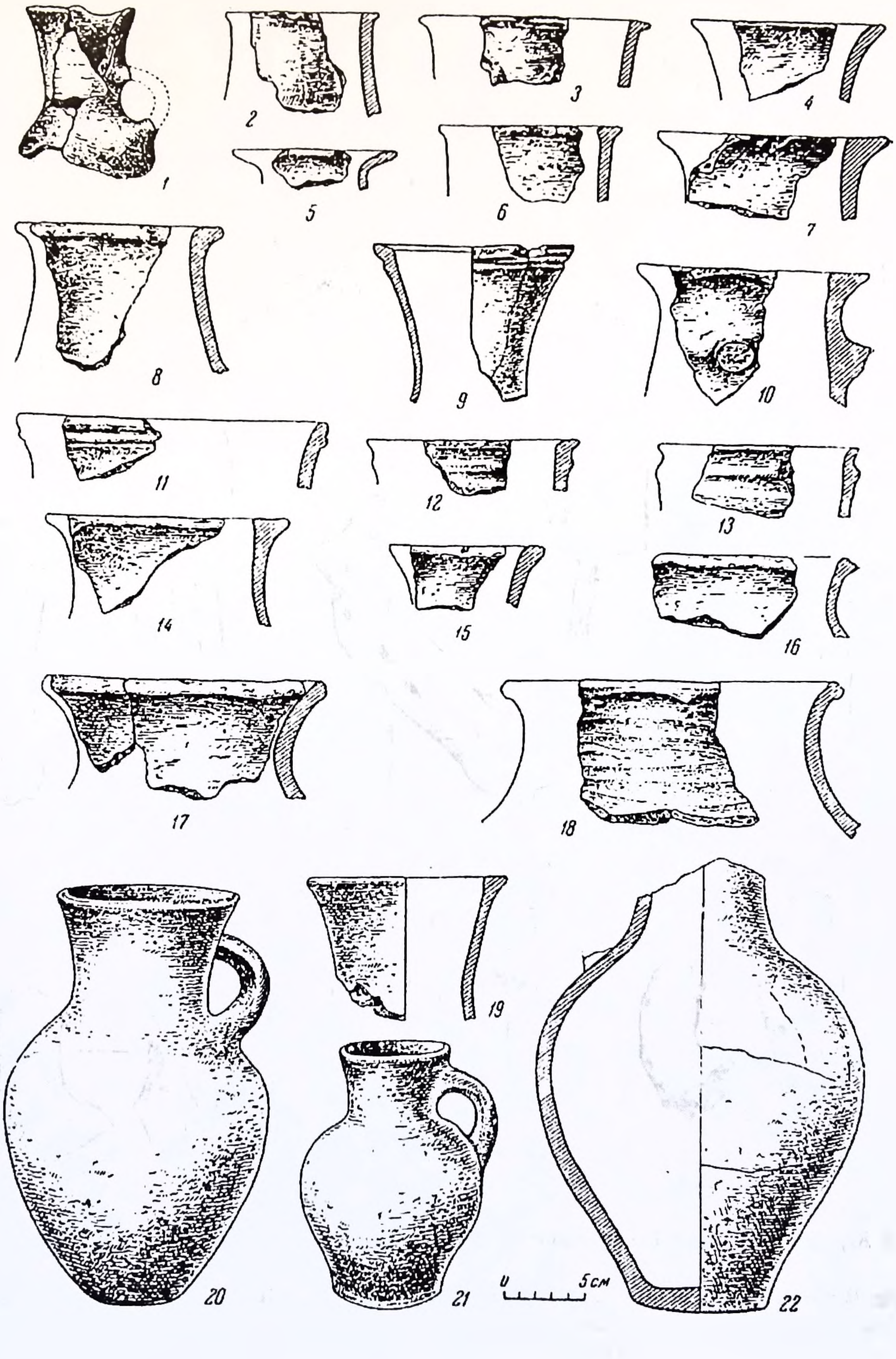


Рис.5. Керамика с городищ. Кувшины. *1,19* — Круглое; *2,3,6-8,10,11,13-18,22* — Кировское; *4,5* — Большое Строжевое; *9,12* — Волошино I; *20,21* — Русская Тростянка

ственными орудиями (Б.А.Шрамко, О.Н.Мельниковская, В.А.Ильинская); другие — орудиями для обработки дерева (тот же Б.А.Шрамко, С.Н.Замятнин, А.И.Пузикова). Кроме того, не только на Среднем Дону, но и в других регионах Лесостепи орудия труда в погребениях встречаются чрезвычайно редко. Об этом писали и В.А.Ильинская, и В.Г.Петренко и др. (Ильинская В.А., 1968, с.160-162; Петренко В.Г., 1967, с.26-28).

А теперь немного о грунтовых погребениях, обнаруженных в Ольховатке, Мастище, на Семилукском

Рис.6. Керамика с городищ. Ручки кувшинов. *1* — Круглое; *2* — Волошино I; *3-7* — Кировское

городище. Все они, на мой взгляд, вызваны какими-то экстремальными событиями: эпидемиями или, скорее всего, военными столкновениями. Особенно это относится к погребениям с Семилукского городища, где погребения совершены в подбоях котлованов жилищ или хозяйственных ям; большинство погребений коллективные (до 9 скелетов в одной яме); положение костяков неупорядочено: то скорченное на боку, то на спине с элементами скорченности, то вообще ничком[2]. Совершенно очевидно, что оставшиеся в живых родичи хоронили погибших поспешно, когда никакого обряда соблюсти было невозможно и принадлежность инвентаря определенным погребенным даже не просматривалась. И поэтому утверждение воронежских коллег, что данные могильники свидетельствуют о возможности существования на Среднем Дону «бескурганных могильников длительного накопления, принадлежавших рядовому населению» (Березуцкий В.Д., 1995, с.53-64), на мой взгляд, не состоятельно. Так категорично можно будет заявлять только после того, как таковой могильник будет обнаружен и полностью исследован (как, например, черняховские могильники). А

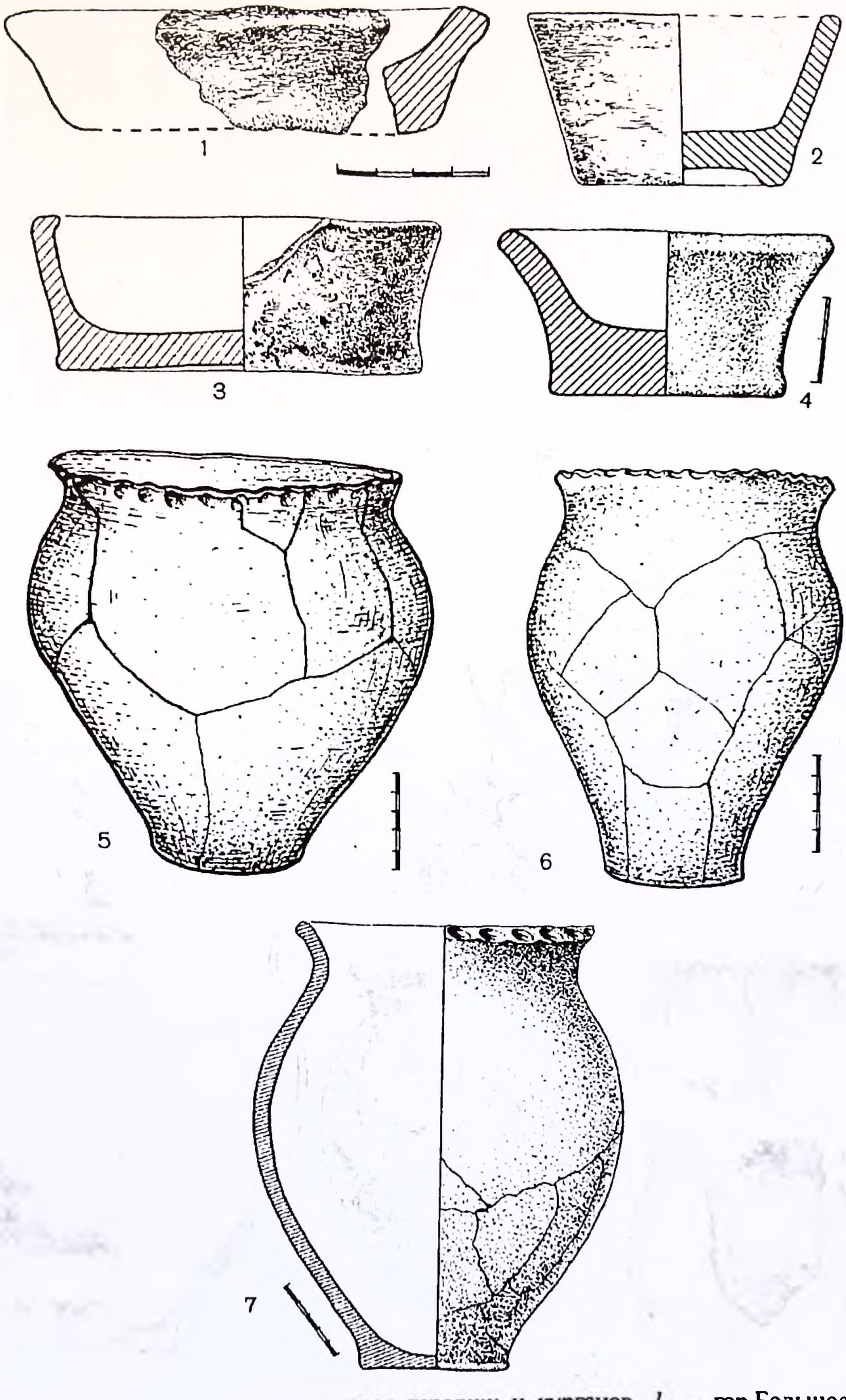


Рис.7. Плошки и горшки из культурного слоя городищ и курганов. *1* — гор.Большое Сорожевое; *2* — гор.Русская Тростянка; *3* — гор.Волошино I; *4* — Русская Тростянка, к.10; *5,6* — гор.Волошино I, р-VII; *7* — Дуровка, к.1

в данном случае речь идет пока только об отдельных, немногочисленных захоронениях, вызванных какими-то неординарными событиями. Вполне возможно, что в будущем взгляды воронежских коллег о существовании различных обрядов погребения и этносов получат свое подтверждение, но на данном этапе они требуют более серьезной и весомой аргументации. У меня же за многие годы работ одновременно на городищах и курганных могильниках, исходя из абсолютного сходства материала, сложилось твердое убеждение, что жители городищ хоронили своих родичей именно на кладбищах под курганами, всегда закономерно расположенных на возвышенных местах, на некотором расстоянии (2-8 км) от того поселка, где они жили.

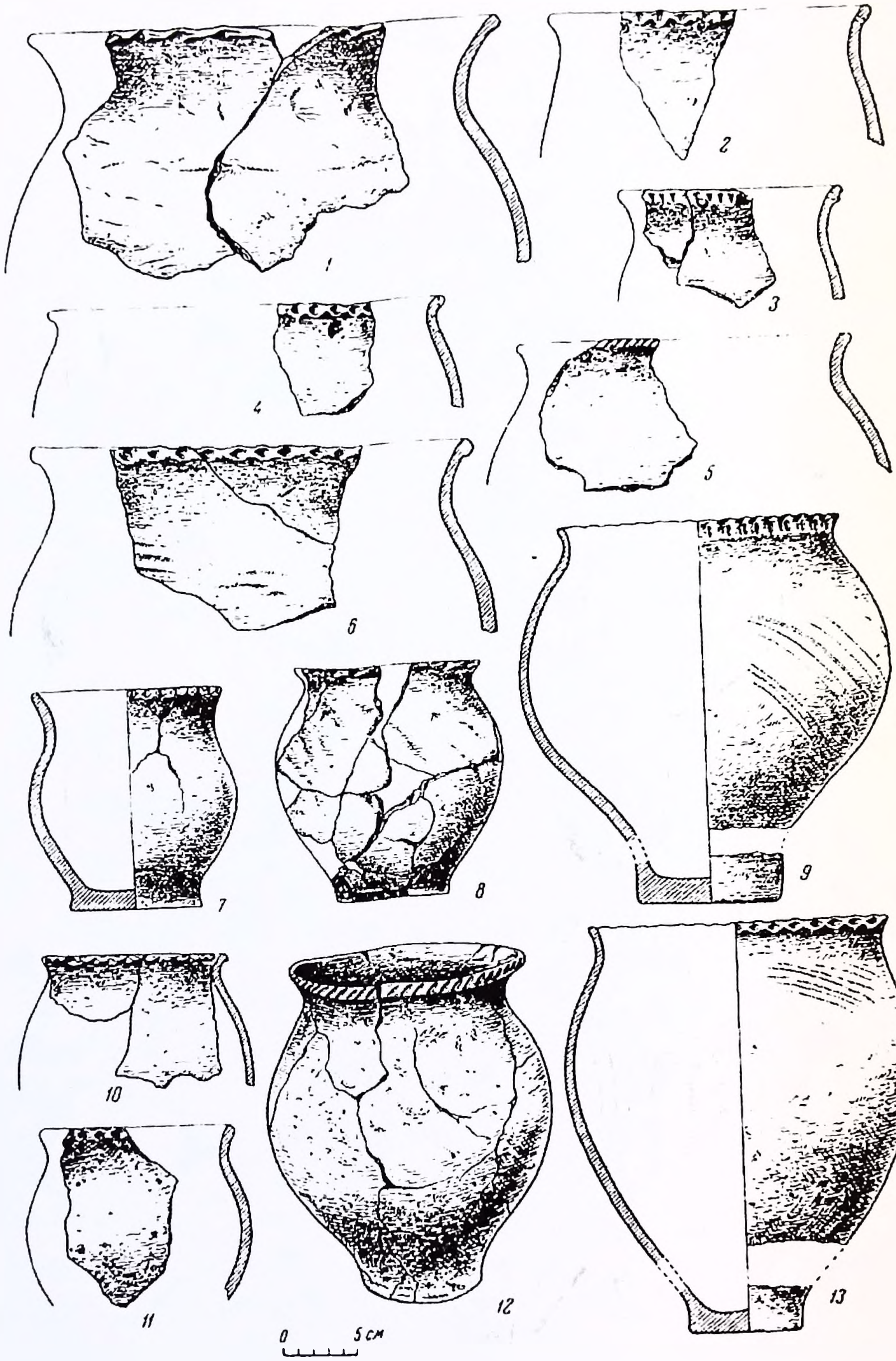


Рис.8. Керамика с городищ. Горшки. *1-3,5-7,11* — Кировское; *4,9,13* — Большое Сторожевое; *8* — Волошино I; *10* — Русская Тростянка; *12* — поселение 3

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Данные любезно сообщены мне В.И.Гуляевым.

[2] Результаты исследований на Семилукском городище я лично считаю наиболее значимым открытием в археологии РЖВ Среднего Дона в последнее время. К сожалению, авторы раскопок А.Д.Пряхин и Ю.Д.Разуваев склонны считать семилукские грунтовые захоронения особым обрядом погребения, свойственным рядовому оседлому населению. На мой взгляд, авторы с течением времени сами придут к выводу об ошибочности своих предположений.

ЛИТЕРАТУРА

Андрух С.И., Тощев Г.Н., 1999. Могильник Мамай-Гора. Кн.I. Запорожье.

Березуцкий В.Д., 1995. Курганы скифского времени Лесостепного Дона. Воронеж.

Гуляев В.И., Савченко Е.И., 1995. Терновое I — новый скифский курганный могильник на Среднем Дону // РА. № 3.

Гуляев В.И., Савченко Е.И., 1998. Новый могильник скифского времени на Среднем Дону (итоги исследований 1996-1997 гг.) // РА. № 3.

Ильинская В.А., 1968. Скифы Днепровского лесостепного Левобережья (курганы Посулья). Киев.

Краснов Ю.А., 1987. Древние и средневековые пахотные орудия Восточной Европы. М.

Либеров П.Д., 1965. Памятники скифского времени на Среднем Дону // САИ. Вып. Д1-31. М.

Медведев А.П., 1990. Сарматы и Лесостепь. Воронеж.

Медведев А.П., 1992. Земля донских будинов (территория, система расселения, внутренняя структура) // Теория и методика исследований археологических памятников лесостепной зоны. Липецк.

Медведев А.П., 1999. Ранний железный век Лесостепного Подонья. М.

Петренко В.Г., 1967. Правобережье Среднего Приднепровья в V-III вв. до н.э. // САИ. Вып. Д1-4. М.

Петренко В.Г., 1989. Локальные группы скифообразной культуры лесостепи Восточной Европы // Археология СССР. Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. М.

Пряхин А.Д., Разуваев Ю.Д., 1993а. Погребения на Семилукском городище (раскопки 1986 г.) // Археологические памятники РЖВ окско-донского междуречья. Рязань.

Пряхин А.Д., Разуваев Ю.Д., 1993б. Погребения на Семилукском городище позднескифского времени (раскопки 1987-1990 гг.) // Древние памятники Окского бассейна. Рязань.

Пряхин А.Д., Разуваев Ю.Д., 1995. Семилукское городище позднескифского времени на р.Дон (основные результаты раскопок 1984-1993 гг.) // Археологические памятники Среднего Поочья. Рязань.

Пузикова А.И., 1964. Два кургана из могильника скифского времени у с.Русская Тростянка // КСИА. № 102.

Пузикова А.И., 1966. Новые курганы скифского времени в Белгородской области // КСИА. № 107.

Пузикова А.И., 1969. Поселения Среднего Дона // МИА. № 151. М.

Пузикова А.И., 1969. Раскопки могильника скифского времени у с.Дуровка в 1965 г. // МИА. № 151.

Е.И.САВЧЕНКО

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД НАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕГО ДОНА В V-IV ВВ. ДО Н.Э. (ПО МАТЕРИАЛАМ МОГИЛЬНИКА «ТЕРНОВОЕ I — КОЛБИНО I»)

Число погребальных памятников скифской эпохи на Среднем Дону, изученных на уровне современной методики, невелико. Это, как правило, отдельные могилы, впущенные в курганы эпохи бронзы, или курганные группы типа «Частых Курганов» под Воронежем и у сел Мастюгино, Русская Тростянка, Дуровка, Ближнее Стояново, Староживотинное. При скудности сведений античных письменных источников, памятники археологии, в частности погребальные комплексы, в силу присущей им специфики являются важным источником для выяснения вопросов, связанных с хозяйством, бытом и культурой местных племен, их этническим составом и связями с соседними народами. Особая роль при этом принадлежит комплексно исследованным археологическим памятникам. Таким является курганный могильник у сел Терновое и Колбино, расположенный на стыке Острогожского и Репьевского р-ов Воронежской обл., который уже на протяжении семи лет (1993-1999 гг.) изучается Потуданской комплексной археологической экспедицией Института археологии РАН под руководством В.И.Гуляева. В работах экспедиции принимают участие, помимо археологов, — антропологи, палеозоологи, палеоботаники, почвоведы и др.

Курганный могильник «Терновое I — Колбино I» обнаружен П.Д.Либеровым в 1957 г. в ходе разведок Воронежского отряда Лесостепной скифской ИА АН СССР (Либеров П.Д., 1958, с.18). Осмотр проводился визуально, насчитано до 30 насыпей, сохранность которых признана удовлетворительной, топосъемка и фотофиксация не проводились. Повторно обследован П.Д.Либеровым в 1959 г., сфотографировано несколько больших курганов в начале и конце могильника, зафиксировано до 50 насыпей, большинство из которых «... на пашне заметны только в виде светлых пятен» и отмечен интерес местных жителей к древностям: «...На вершине его кладоискатели заложили небольшой шурф, но дойдя до горизонта прекратили работу» (Либеров П.Д., 1960, с.51,52). Интерес к памятнику у археологов возрастает, но большие объемы работ на других объектах и скудное финансирование Воронежской лесостепной экспедиции не дают возможности проводить здесь свои изыскания. И только в 1961 г. П.Д.Либеров смог вернуться к интересующему его могильнику. В своем дневнике исследователь отмечает: «...Экспедиция намеривалась произвести разведочные раскопки этого могильника в течение двух лет и только в настоящем сезоне удалось взять один маленький курганчик ручным способом» (Либеров П.Д., 1961, с.73). В северо-западной части курганной группы был раскопан самый крайний курган (№ 50 по плану П.Д.Либерова) диаметром до 14 м и высотой до 0,6 м, в котором исследовано шесть погребений, относящихся к срубной эпохе и позднесарматскому времени. После раскопок интерес к могильнику у Воронежской лесостепной экспедиции пропадает. И только лишь через 10 лет, занимаясь поисками погребальных памятников группы городищ на Тихой Сосне, П.Д.Либеров вновь обращает внимание на эту группу курганов, пытаясь связать Волошинские городища и могильник у сс.Терновое-Колбино (расстояние между ними по прямой свыше 18 км) (Либеров П.Д., 1971, с.22,23). В 1971 г. было уточнено количество курганов (52) и, наряду с раскопками одного кургана, снят план всех курганных групп могильника. Курган № 1 (по плану ПАЭ, снятому в 1995 г. — № 9) диаметром 38 м и высотой 2,2 м, оказался дважды ограбленным, но погребальный обряд и сохранившийся инвентарь (железные и бронзовые наконечники стрел, рюмковидные втоки, крючок-застежка в зверином стиле и серебряные бляшки поясного набора) позволили П.Д.Либерову отнести курган к среднедонской культуре скифского времени и датировать его IV в. до н.э. После этих исследований могильник был прочно забыт археологами более чем на 20 лет.

В 1989 г. на Среднем Дону начала свои работы вновь созданная в Институте археологии РАН Потуданская археологическая экспедиция (ПАЭ). Первоначально главное внимание в ее исследованиях было уделено разведкам — поискам новых и более тщательному обследованию уже известных древностей в пределах бассейна рек Потудань и Девица Воронежской обл. (Гуляев В.И., 1992; 1993).

Предполагалось, что постепенно, без значительных по масштабам раскопок, ПАЭ осуществит микрорегиональный анализ всех видов археологических памятников в пределах этого региона. Однако, уже начальный этап этого проекта совпал по времени с резким усилением всех видов хозяйственной деятельности на землях Центрального Черноземья и явным ослаблением власти в центре и на местах, что привело к резкому возрастанию разрушения памятников археологии.

Учитывая общую ситуацию, ПАЭ переориентировалась на охранные (спасательные) раскопки гибнущих курганов скифского периода, тем более, что в

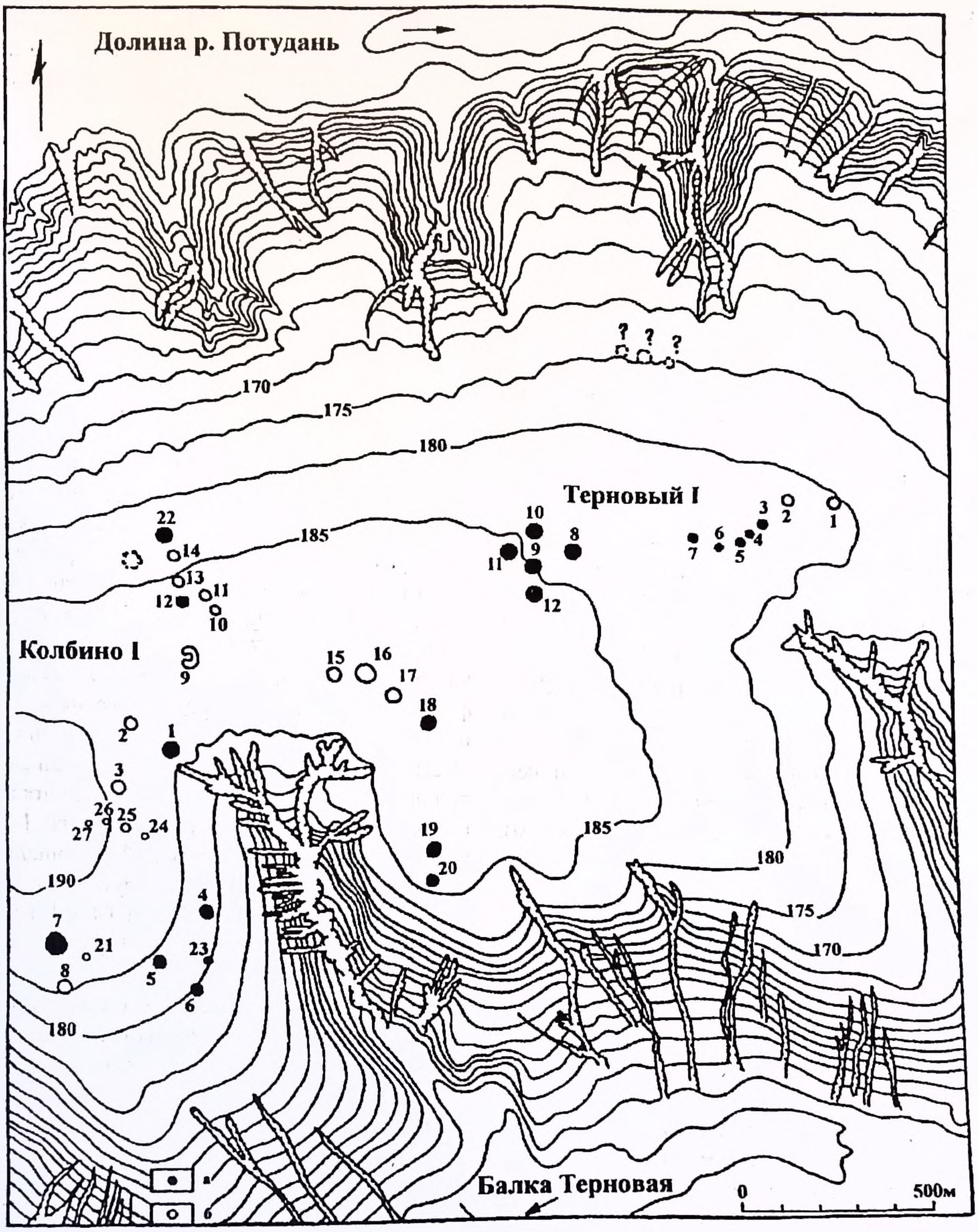


Рис.1. План могильника «Терновое I — Колбино I» (*а* — раскопанные курганы; *б* — нераскопанные курганы)

1992 г. удалось «вновь открыть» близ сел Терновое (Острогожский р-он) и Колбино (Репьевский р-н) Воронежской обл. большой курганный могильник (около 40 видимых насыпей) (Гуляев В.И., 1993, с.4,5). За период 1993 — 1998 гг. экспедицией был исследован 21 курган (Гуляев В. И., 1994; 1995; Гуляев В.И., Савченко Е.И., 1995, с.87-102; Гуляев В.И., 1996; 1997; Гуляев В.И., Савченко Е.И., 1997, с.105-109; Гуляев В.И., 1998; Гуляев В.И., Савченко Е.И., 1998а, с.145-149; 1998б, с.115-132; Гуляев В.И., 1999).

Топография и планировка могильника. Курганный могильник находится на плато, входящем в систему южного окончания Средне-Русской возвышенности, на южном склоне правого коренного берега р.Потудань (правый приток р.Дон), на высоте 190-195 м над уровнем моря и насчитывает свыше 40 видимых насыпей. Протяженность могильника около 2,5 км, а занимаемая площадь составляет 4,5 кв.км. На левом берегу реки находятся село Солдатское, а на правом — Колбино. От северо-восточной оконечности могильника до с.Солдатское — 3 км, от северо-западного края до с.Колбино — примерно 3,5 км. С юга курганы ограничены глубокой и широкой Терновой балкой, которая тянется на 18 км. За ней, на ее южном берегу, лежит с.Терновое, до которого не более 2,5 км (рис.1).

Судя по расположению курганов и их концентрации, прослеживается шесть групп.

Первая — северо-восточная — включает шесть курганов (Терн. I-1 — Терн. I-6). От кургана Терн. I-2 до церкви с.Солдатское — 3000 м, азимут 30°. Курганы располагаются в виде цепочки, идущей в направлении северо-северо-восток — юго-юго-запад. Насыпи настолько плотно идут друг за другом, что смыкаются своими полами (Терн. I-3 — Терн. I-6). Курганы Терн.I-1 и Терн.I-2 находятся на некотором удалении (не более 90-180 м) от основной группы. С юга и запада группа ограничена современными лесопосадками. Вероятно, к этой цепочке примыкает и курган Терн. I-7, лежащий в 100 м к западу-северо-западу от южной оконечности группы. Раскопаны курганы Терн. I-3, 4, 5, 6, 7.

Вторая группа — центрально-восточная — находилась в 240 м к западу от первой. В ней насчитывается пять курганов (Терн. I-8 — Терн. I-12), три из которых (курганы Терн. I-9, 11,12) составляют короткую цепочку ориентированную в северо-северо-восточном направлении. С востока к группе примыкает курган Терн. I-8, а с запада — курган Терн.I-11. Севернее курганов Терн. I-8, 10, 11 проходит грунтовая дорога, идущая от шоссе г.Воронеж — г.Острогожск в с.Колбино. Все насыпи раскопаны.

В 370 м от второй группы, к юго-западу от нее, располагается третья группа (центрально-западная), которая состоит из шести курганов (Колб. I-15 — I-20). Они находятся вблизи восточного борта одного из ответвлений Терновой балки и представляют собой цепочку вытянутую в направлении запад — юго-юго-восток. Три насыпи (Колб.I-18, 19, 20 раскопаны, одна из них (Колб. I-20) оказалась святилищем (?), возможно, кенотафом (?).

В четвертой (северо-западной) группе, лежащей в 250 м к северо-западу от третей — семь насыпей (Колб.I-9 — I-14, 22) и два небольших всхолмления, возможно это сильно распаханные курганы. Они образуют две параллельные цепочки, идущие в направлении север-юг. Севернее и западнее насыпей проходят грунтовые дороги из с.Колбино на колхозную пасеку и на шоссе Воронеж — Острогожск. Нами раскопаны насыпи Колб. I-12 и 22, курган Колб. I-9, вероятно, раскопан П.Д.Либеровым в 1971 г.

Пятая (западная) группа находится южнее четвертой, в 160 м от нее и насчитывает семь насыпей (Колб. I-1 — 3, Колб. I-24 — 27). Курганы Колб. I-2, 3 и 25 составляют небольшую цепочку, вытянутую в направлении север-юг, к ним с востока примыкает курган Колб.I-1. Насыпи Колб. I-24, 25, 26, 27 идут перпендикулярно первой цепочке в направлении запад-восток. Раскопан курган Колб. I -1.

Южнее пятой, в 270 м от нее, располагается шестая (южная) группа, в которой семь насыпей (Колб. I-4 — 8, 21,23) и одно небольшое всхолмление. Курганы Колб. I-7, 21, 5, 23 вытянуты в цепочку, идущую в направлении запад-восток, к которой с севера примыкает курган Колб. I- 4, а с юга насыпи Колб. I-6 и 8. Раскопаны насыпи Колб. I-4, 5, 6, 7 и 23.

Устройство и размеры насыпей. Раскопанные нами насыпи в количестве 21 относятся к скифскому времени. Впускных погребений в основную насыпь всего лишь три — одно из них — средневековое, датируется IX-XI вв. (Терн. I-6/2), два других — почти одновременны основным захоронениям (Терн. I-3/1 и Колб. I-18/1). Насыпи сооружены из плотного чернозема в один прием и не сохранили первоначального вида, поскольку подвергались распашке практически по всей площади (исключение составляет курган Колб.I-1, сооруженный в три приема). Их высота — от 0,2 м до 2,5 м. Курганы высотой до 1 м составляют свыше 50% могильника, о первоначальной их высоте судить сложно, но, по-видимому, она была не менее 2 м. Размеры сохранившихся курганов от 24x20 м до 54x41 м, но чаще всего в пределах 32x25 м. Вероятно, существовала прямая зависимость между высотой и размерами насыпи. Максимальные размеры кургана № 5 у с.Терновое — 54x45 м при высоте 1,4 м.

Тризны и кострища. В насыпях 16 курганов (Терн. I-3-9 и Колб. I-1, 4, 6, 7, 18, 19, 22, 23) обнаружены остатки тризн, состоящие из отдельных костей животных и фрагментов керамики. Среди животных в жертвоприношениях первое место занимает лошадь (10 случаев), затем идут коза-овца и крупный рогатый скот (соответственно пять и четыре случая). В некоторых курганах присутствуют два вида животных (Колб. I-1 — лошадь и мелкий рогатый скот; Колб. I-18 — лошадь и крупный рогатый скот и в Колб. I-6 — крупный и мелкий рогатый скот). В двух курганах Терн. I-6 и Колб. I-7 в наличии все три вида животных. Фрагменты керамики, найденные в насыпи курганов, мелкие и невыразительные. Они представлены: стенками тулова лепных и кружальных сосудов (соответственно восемь и два случая); обломками стенок и ручек амфор — шесть случаев, которые частично атрибутированы. Так в кургане Терн. I-3 в тризне присутствовала амфора из Синопы, а в кургане Терн. I-5 — находилась амфора из Гераклеи (весь амфорный материал могильника определенен — А.П.Абрамовым). В трех курганах (Терн. I-5, 6 и Колб. I-20), на уровне горизонта прослежены кострища — сильно прокаленные участки почвы ярко-оранжевого цвета, на поверхности которых лежала зола и мелкие древесные угольки. Кострища в плане подпрямоугольной, неправильно-округлой или неправильно-овальной формы, размером от 1,3x0,76 м (Колб. I-20) до 3,9x3,2 м (Терн. I-5). Мощность прокаленных площадок от 0,12 м до 0,2 м.

Внекурганные конструкции. Семь из 22 насыпей имели внекурганные конструкции в виде кольцевых ровиков с разрывом-перемычкой с северо-запада (Терн.I-5, 6, 8) или северо-востока (Терн. I-9 - 12). Минимальный внешний диаметр ровика 19 м (Терн. I-12), максимальный — 38 м (Терн. I-5). В разрезе все ровики полуовальной формы, шириной от 0,7 м (Терн. I-8) до 2,8 м (Терн. I-5), глубиной от 1,3 м до 2,1 м от уровня

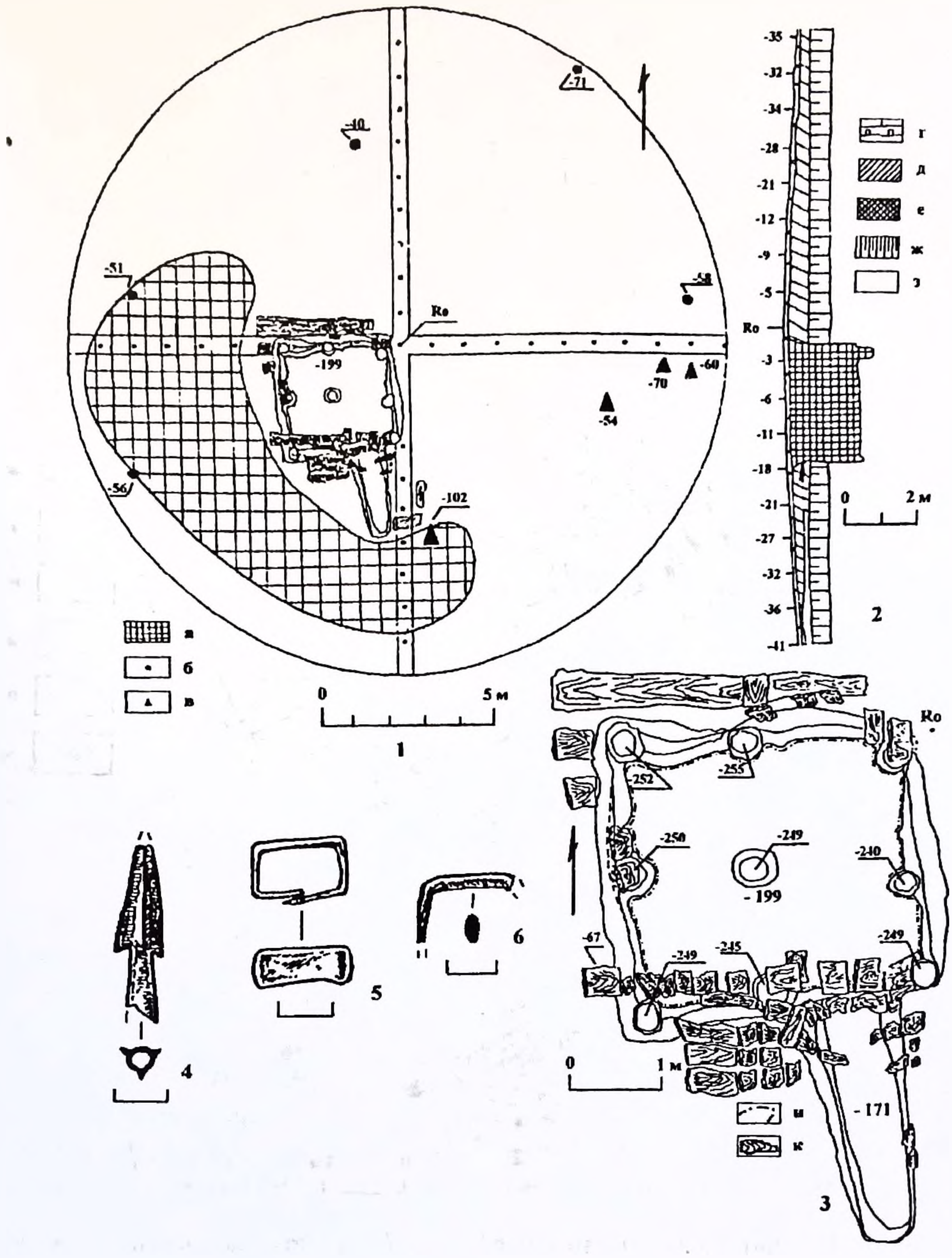


Рис.2. Курган Колб. I-22. Погребальное сооружение I типа. *1* — план кургана (*а* — выкид из могильной ямы; *б* — керамика; *в* — кости животных); *2* — стратиграфический разрез кургана — южный фас бровки (*г* — пахотный слой; *д* — насыпь; *е* — заполнение грабительской и могильной ямы; *ж* — погребенная почва; *з* — материк, метериковый выкид); *3* — план погребения (*и* — черный тлен; *к* — дерево перекрытия); *4* — наконечник стрелы; *5,6* — скобки (*4-6* — железо)

погребенной почвы. В пяти ровиках найдены кости животных — лошадь, коза-овца, а в трех, кроме костей — инвентарь: в кургане Терн. I-5 — блюдо-жертвенник из серого крупнозернистого песчаника, а в курганах Терн.I-9 и 10 — фрагменты красноглиняных амфор (соответственно Фасос и Менда).

Топография кургана. В большинстве курганов обнаружена одна основная могила, расположенная в центре под курганной насыпью. Лишь в курганах Терн. I-3 и Колб. I-18 было по два почти одновременных погребения. Основные захоронения располагались в центре, а впускные — в юго-западном (Терн.I-3) и в северо-западном (Колб.I-18) секторах.

Устройство погребальных сооружений. По местоположению погребального сооружения и его устройству все исследованные захоронения могут быть разделены на два типа.

Первый тип — 18 погребений (Терн. I-3/1, 3/2, 4, 5, 7, 8, 9, 10, 11, 12 и Колб. I-4, 5, 6, 12, 18/1, 18/2, 22, 23) — имеют сложную деревянную конструкцию типа склепа-гробницы, впущенного в могильную яму (рис.2).

Второй тип — четыре могилы (Терн. I-6 и Колб. I-1, 7, 19) — со сложной наземной деревянной каркасно-столбовой конструкцией типа склепа-гробницы на уровне погребенной почвы без могильной ямы (рис.3;4).

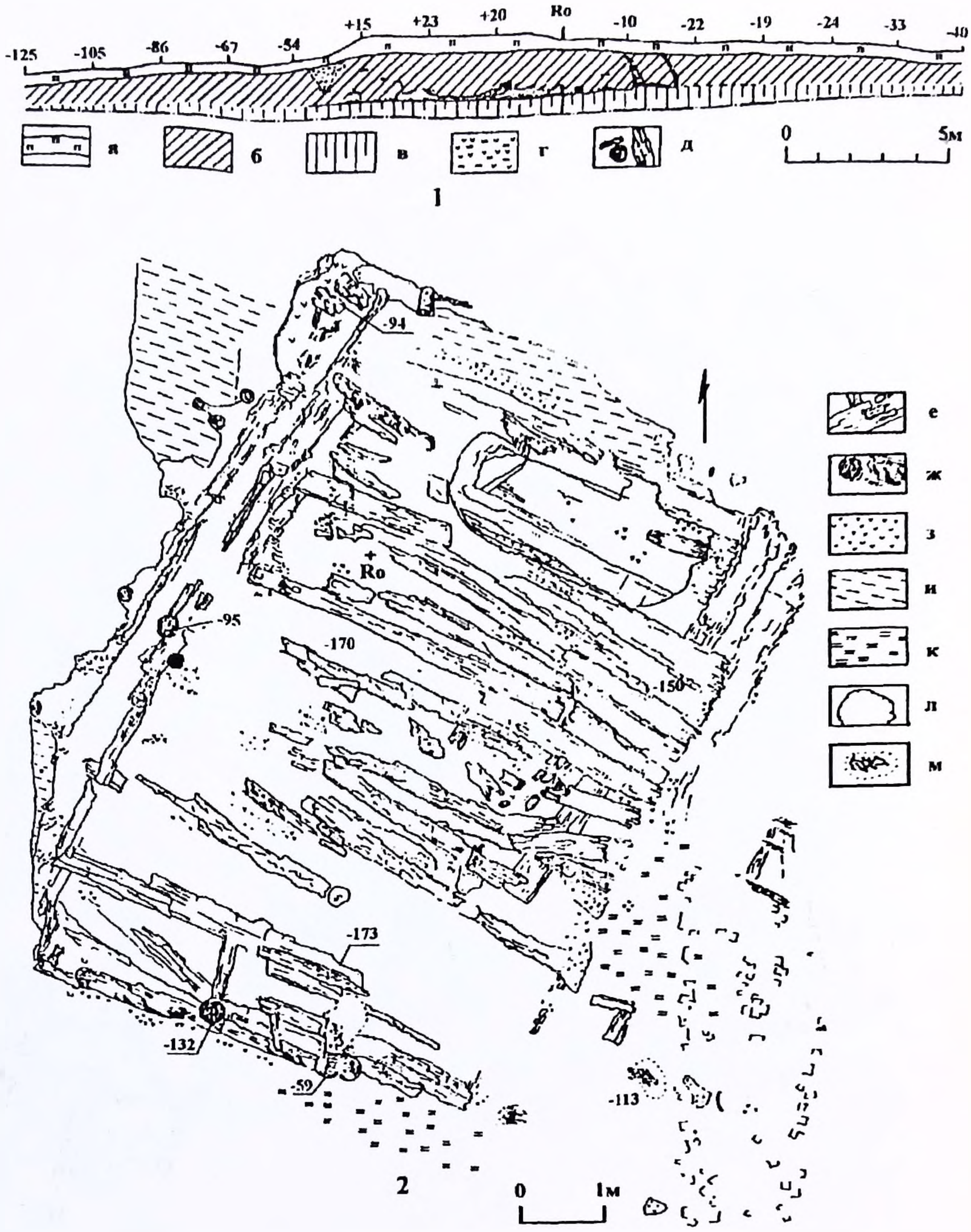


Рис.3. Курган Колб. I-7. Погребальное сооружение II типа. *1* — стратиграфичсский разрез кургана — восточный фас центральной бровки (*а* —пахотный слой; *б* — насыпь; *в* — погребенная почва; *г* — угли, прокал; *д* — дерево); *2* — план погребального сооружения — верхний слой (*е* — дерево; *ж* — обугленное дерево; *з* — уголь; *и* — белый тлен, камыш; *к* — прокаленный суглинок; *л* — границы грабительского лаза; *м* — деревянное блюдо)

Надмогильные сооружения первого типа состоят из двух основных конструктивных элементов — вала вокруг могилы, сооруженного из материкового выкида и игравшего роль опорной стенки, и опиравшихся на него или в его основание деревянных жердей, досок, бревен или плах, которые составляли перекрытие могилы.

Вал сооружен в виде неправильного кольца округлой или овальной формы (Терн. I-3, 5, 7-11 и Колб. I-4, 5, 6, 23), дуги (Колб.I-12, 22) (рис.2, *1*), квадрата (Терн. I-12 и Колб. I-18), сегментовидных полос, охватывающих с двух сторон могильную яму (Терн. I-4). Внешние размеры вала от 15,4x14,8 м (Терн. I-9) до 20,2x16,1 м (Терн. I-8), высота от 0,32 м (Терн. I-10) до 0,6 м (Колб. I-18), ширина от 2,8-7,4 м (Терн. I-10) до 10,25 м (Колб. I-18). Интересные конструктивные элементы прослежены в кургане Терн. I-10, где могильная яма была окружена двумя круговыми обваловками. Вначале была построена внешняя обваловка из светло-желтого суглинка, высотой до 0,2 м. Затем между этой обваловкой и краями могильной ямы, на погребенной почве, выстроена еще одна обваловка из прокаленного ярко-оранжевого суглинка, высотой до 0,32 м, с крупнокомковатой структурой. Почва для этой обваловки обжигалась за пределами кургана, т.к. никаких следов прокала на погребенной почве не обнаружено.

Деревянные перекрытия сооружались из досок, жердей, бревен, брусьев или плах. Диаметр жердей и бревен колебался от 0,07 м до 0,25 м, ширина досок, брусьев или плах достигала 0,3 м при толщине до

0,12 м. Деревянные конструкции плохо сохранились, так как почти все разрушены грабительскими ямами и практически мало что дают для понимания их устройства и внешнего вида. В 12 могилах перекрытие-накат изредка прослеживается только по остаткам дерева на материковом выкиде, иногда фиксируется на краях могильной ямы, но чаще всего встречается в заполнении погребений (Терн. I-3/1, 3/2, 4, 7, 12 и Колб.I-4, 5, 6, 12, 18/1, 18/2, 23). Судя по этим остаткам, накат, вероятно, был плоским и однослойным, внешние концы лежали на материковом выкиде или упирались в его основание. Лишь в трех случаях прослежены плоские двухслойные перекрытия, нижняя часть которого лежала в направлении север-юг, а верхняя — ориентирована на запад-восток (рис.2, *3*). Несколько надмогильных конструкций в курганах Терн. I-8, 9, 11 выпадают из этого круга сооружений. В них выявлены от 6 до 11 жердей, бревен или брусьев, веерообразно располагавшиеся на круговой обваловке, вокруг могильной ямы. Вероятно, здесь нам встретилось погребальное сооружение с надмогильной конструкцией в виде так называемого шатра. Высота перекрытия нигде не прослежена, но, вероятно, в определенной степени зависела от размеров опорного вала и в первую очередь, от его высоты. Ориентировочная высота перекрытия в кургане Терн. I-7 при высоте опорного вала до 0,7 м составляла 2,3 м от дна могилы, а в кургане Колб. I-5 при высоте вала до 0,5 м — не превышала 2,1 м.

Могильные ямы, достаточно обширные по площади, подпрямоугольной или подквадратной формы. Минимальные размеры — 3,54x2,7x2,5 м, площадь 9,6 кв.м (Терн. I-3/1), максимальные — 5,7x4,75x1,45 м, площадь 27 кв.м (Терн. I-5). Средняя площадь могил от 12 до 20 кв.м при глубине от 1,35 м (Колб. I-22) до 2,2 м (Терн. I-4). Определенной зависимости между величиной площади могильной ямы и ее глубиной не прослежено. Так, например, в кургане Терн. I-7 площадь могильной ямы 13,5 кв.м при глубине 1,85 м от уровня погребенной почвы, а площадь основного погребения из кургана Колб. I-18/2 — 25 кв.м при глубине 1,5 м.

Конструктивным элементом, объединяющим все могилы первой группы, служит наличие деревянного склепа, от которого сохранились: много истлевшего дерева в заполнении погребения; ямки от угловых, пристенных и центральных опорных столбов, которые поддерживали перекрытие и деревянные стены, а центральные, кроме того, возможно, делили помещение на два «зала»; следы в виде отпечатков и древесного тлена деревянных стен облицовки; желобки-канавки, идущие по периметру могилы, в которых крепилась нижняя часть вертикальной деревянной обшивки стен. Количество опорных столбов варьирует от 7 (Терн. I-12) до 20 (Терн. I-5). У большинства могильных ям от 9 до 10 опорных столбов, из которых четыре помещались по углам, четыре — вдоль стен и один-два — в центре, образуя параллельные ряды. Столбовые ямки в плане неправильно-округлые или овальные, в сечении конусовидной формы, диаметром от 0,15 м до 0,35-0,4 м, глубиной от 0,75 м до 0,98 м. Доски вертикальной обшивки стен гробницы шириной от 0,08 м до 0,2 м и толщиной до 0,03-0,05 м, крепились нижней частью в желобке-канавке, шириной от 0,08 м до 0,22 м и глубиной от 0,1 м до 0,25 м, внутренние стенки которого имели наклон к центру могилы.

Особенностью некоторых погребений является наличие коридора-дромоса, который прослежен у семи могил (Терн. I-4, 5 и Колб. I-4, 12, 18/2, 22, 23) (рис.2, *3*). Размеры этих входных коридоров от 2,9x1,0x1,06 м (Колб. I-22) до 9,4x1,4x1,6 м (Колб. I-12). В одном случае дромос входил в погребальную камеру с севера (Терн. I-4), в трех случаях — с юга (Колб.I-12, 22, 23) и еще в трех — с востока (Терн. I-5 и Колб. I-4, 18/2). Дно дромоса или полого спускалось к камере, или имело небольшую входную ступеньку, высотой 0,3-0,6 м. Со стороны могильной ямы вход оформлялся двумя столбами, которые создавали портал. Примечательно, что желобок-канавка, идущая по периметру камеры, у входного проема не прокапывалась. Вероятно, стены дромосов имели деревянную облицовку и перекрытие, остатки которых удалось проследить в кургане Терн. I-5 (желобок-канавка вдоль продольных стен) и в кургане Колб. I-18/2 (отпечатки досок). В остальных случаях они не сохранились из-за значительного разрушения могил при ограблении, хотя в заполнении дромосов встречены обломки истлевшего дерева. Изредка в дромосах располагалась напутственная пища в виде грудной части взрослой лошади (Терн. I-4), а в кургане Терн. I-5, кроме частей туш двух взрослых лошадей, находились: железный нож с деревянной рукоятью, железная ворворка, бронзовая литая овальная бляшка с петлей на обороте, остатки деревянного блюда или подноса со следами ремонта бронзовой полоской, лепная чаша на поддоне — «курильница», два лепных кувшинообразных горшка и лепной желтоглиняный кувшин.

В ориентировке погребальных сооружений преобладает направление север-юг — семь случаев (Терн. I-3/1, 8 и Колб. I-5, 6, 12, 18/1, 22), затем следует направление северо-восток — юго-запад — шесть случаев (Терн. I-4, 5, 9, 11,12 и Колб. I-18/2) и в пяти — отмечено направление запад-восток (Терн.I-3/2, 7, 10 и Колб. I-4, 23).

Основной характерной чертой погребального цикла захоронений второго типа — в курганах Терн. I-6 и Колб. I-1, 7, 19 — является сожжение всего погребального сооружения с одновременным возведением насыпи над его завалом. Конструктивный элемент этих погребений — наземный каркасно-столбовой склеп-гробница подпрямоугольной формы, который сооружался на заранее подготовленной площадке — снятый дерн и обряд очищения огнем (Колб. I-1), вымостка камышом (Колб. I-7, 19) (рис.3, *1*). Площадь склепов от 29,76 кв.м (Колб. I-19) до 67,07 кв.м (Колб. I-1). Все четыре гробницы ориентированы по длинной оси в

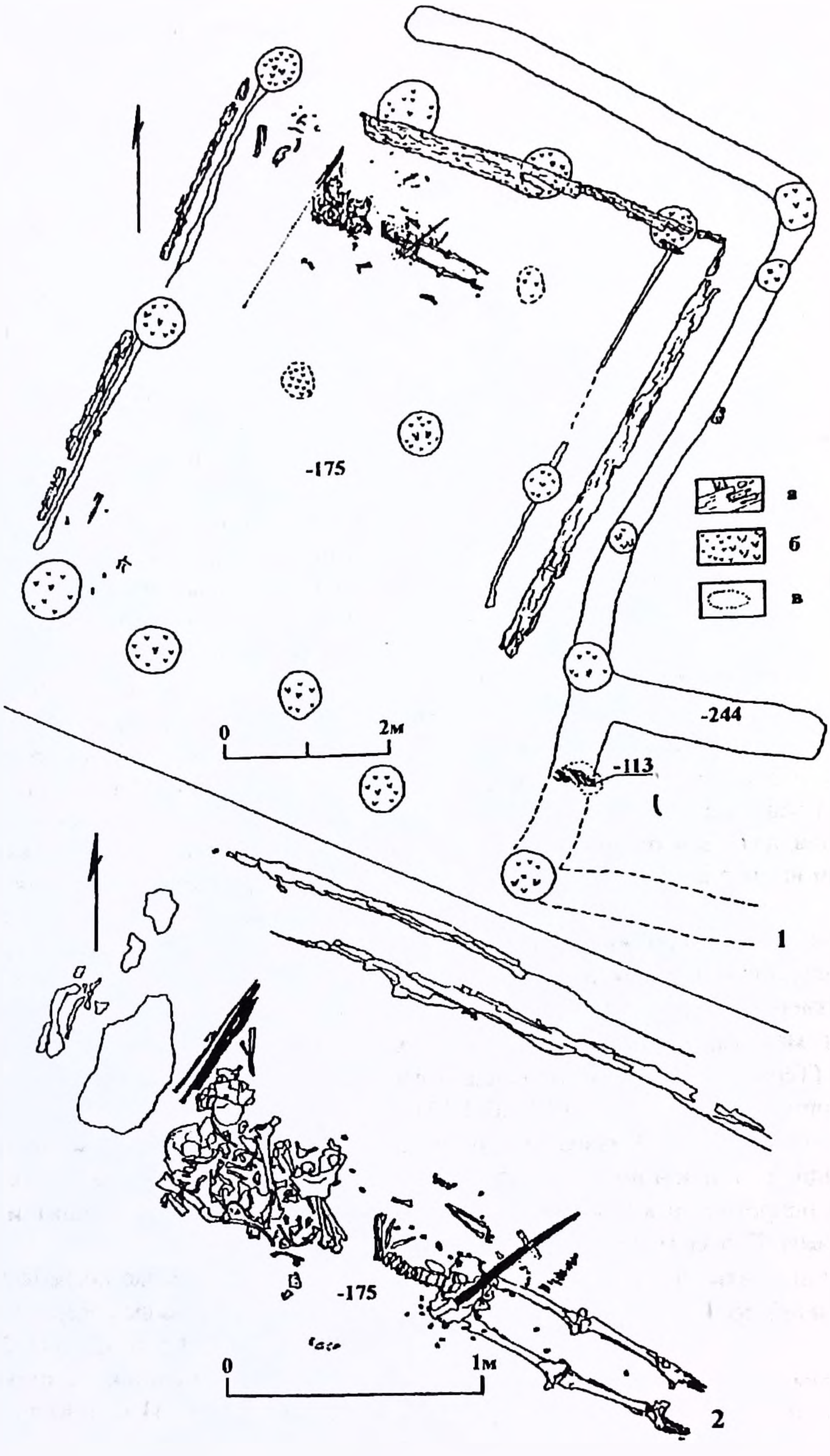


Рис.4 . Курган Колб. I-7. Погребальное сооружение II типа. *1* — план погребального сооружения — нижний слой (*а* — деревянные стены; *б* — уголь; *в* — деревянное блюдо); *2* — деталь плана погребения — останки погребенных и инвентарь

направлении север-юг. От погребальных сооружений сохранились: остатки перекрытия и деревянной каркасно-столбовой конструкции, дромос и столбовые ямки с остатками сожженных столбов. Количество столбовых ямок в каждой гробнице варьирует от 24 (Колб. I-19) до 48 (Колб.I-1). Функциональное назначение столбов, вкопанных в эти ямки: располагаясь по периметру площадки в два ряда (основной и вспомогательный), «держали» деревянные стены; делили помещение склепа на два «зала» — северный и южный и поддерживали шатровое перекрытие, высотой свыше 2 м, нижние края которого крепились в желобке-канавке, идущей по периметру площадки, с ее внешней стороны. Диаметр столбовых ямок от 0,25 м до 0,7 м, глубина от 0,7 м до 1,0 м.

Гробница имела вертикальные стены, толщиной от 0,2 м (Колб. I-1) до 0,35 м (Колб.I-7, 19) и вероятной высотой до 1,0-1,5 м, от которых сохранились отдель-

ные участки высотой до 0,6-0,7 м от уровня погребенной почвы. Стены сооружались из уложенных горизонтально друг на друга колотых плах (Колб. I-7, 19) (рис.4, *1*) или плотных связок камыша (Колб. I-1), зажатых между столбами основного и вспомогательного рядов. При помощи столбов и связок камыша к западной стенке гробницы в кургане Колб. I-1 было пристроено дополнительное помещение длиной 3,5 м и шириной 1,8 м.

В трех погребальных сооружениях (Колб. I-1, 7, 19) прослежены остатки шатрового перекрытия из толстых жердей (тонких бревен), диаметром до 0,12-0,16 м, под которым в склепе из кургана Колб. I-7 обнаружено еще однослойное перекрытие-накат из толстых бревен, диаметром 0,25-0,35 м (рис.3, *2*), а в гробнице из кургана Колб. I-19 выявлен накат-перекрытие из бревен уложенных в два ряда, с прослойкой прокаленного чернозема ярко-оранжевого цвета, толщиной до 0,2-0,25 м.

Во всех гробницах вход в наземное помещение находился в южном «зале» у юго-восточного угла и в одном случае (Колб. I-19) удалось проследить его оформление в виде своеобразного портала из двух столбов. От входа отходил наземный коридор-дромос подпрямоугольной формы, вытянутый по своей длинной оси в направлении запад — восток (Колб. I-1) и запад-северо-запад — восток-юго-восток (Колб. I-7, 19). Размеры дромосов от 3,05х1,8 м (Колб. I-7) до 6,0х2,1 м (Колб. I-19). Стены наземного коридора, в двух гробницах (Колб. I-1, 7), сооружены из плотного сильно пережженного суглинка ярко-оранжевого цвета (обжигался за пределами курганов), в одном склепе (Колб. I-19) построены из горизонтально уложенных на ребро колотых плах, обвалованных снаружи черноземом. Под фундамент стен, в погребенной почве, вырыты канавки, слегка углубленные в материк. Их ширина не превышала 0,6 м (Колб. I-7) (рис.4, *1*), а глубина доходила до 0,74 м (Колб. I-1). В некоторых случаях вблизи дромоса совершались какие-то действия, попадающие под условное обозначение «тризны» или «жертвоприношения». Именно здесь встречались древесные угольки, зола, кости и черепа животных: лошадь, овца (Колб. I-1), две лошади (Колб.I-19).

На дне трех гробниц (Терн. I-6 и Колб. I-1, 7) находился деревянный помост-настил из продольно уложенных бревен-лаг и поперечно лежащих досок, который в результате сожжения превратился в слой спрессованного угля, а дно склепа из кургана Колб. I-19 было выстлано камышом, от которого сохранился плотный слой серо-белого тлена.

Способ захоронения, количество погребенных, половозрастной состав. Все лица, за одним исключением (в кургане Колб. I-1 мужской костяк был сожжен на стороне и кальцинированные кости помещены в северном «зале»; здесь же помещалась женщина, похороненная по обряду трупоположения), захороненные в исследованных курганах, похоронены по обряду ингумации. В связи с ограблением и разрушением почти всех могил (исключение составляет погребение Колб. I-18/1), не всегда ясны поза умерших их местоположение и ориентировка. Достоверно можно говорить лишь о четырех случаях, где прослежены местоположение и поза покойников, а также их ориентировка. Все умершие лежали вытянуто, на спине, в двух случаях ориентированы головой на запад — коллективное захоронение в кургане Колб. I-5 и парное захоронение в кургане Колб. I-18/1, по одному случаю — на юг — курган Терн. I-4 и на северо-запад — парное захоронение в кургане Колб. I-7. Покойники лежали у юго-западной стенки (Терн. I-4), у северной и южной стенки (Колб. I-5), у северной стенки (Колб. I-7, 18/1). В семи случаях они размещались на подстилке из органики, вероятно, кожи или шкуры (Терн. I-3/2, 5, 7, 8, 10 и Колб. I-5, 22); в двух погребениях прослежена подстилка из темно-бордового войлока — кошма (Колб. I-18/, 18/2); в одном склепе на подстилку использовался камыш (Колб. I-19) и в четырех гробницах зафиксирован деревянный помост из продольных лаг и поперечных досок (Терн. I-4, 6 и Колб. I-1, 7).

В 22 исследованных погребениях обнаружено 32 захороненных человека, из которых: 18 скелетов принадлежали мужчинам, 12 — женщинам и два — детям (определение антропологического материала проведено к.б.н. М.В.Козловской). В кургане Терн. I-3/1 кости человека не найдены — они полностью уничтожены грабителями.

В 13 могилах располагалось по одному покойнику (Терн. I 3/2, 4, 7, 8, 9, 10,11, 12 и Колб. I-12, 18/2, 19, 23), при этом в восьми случаях это мужчины (к мужским погребениям нами отнесено и захоронение подростка 10-12 лет в кургане Терн. I-4, который, вероятно, уже прошел обряд инициации и похоронен с мужским инвентарем). В пяти одиночных погребениях похоронены женщины (Терн. I-3/2,5,8,10 и Колб. I-12). Следующую группу составляют парные погребения: в трех случаях захоронены мужчина и женщина (Колб. I-1, 7, 18/1) (рис.4, *2*), в одном — двое мужчин (Колб. I-22) и в одном случае (Терн. I-6) — женщина и ребенок (соответственно 25-30 лет и 4-6 лет), возможно связанные родственными узами (мать и дитя?). Еще в трех случаях прослежены коллективные захоронения, которые распределялись следующим образом: двое мужчин и женщина (Колб. I-4), две жещины и ребенок (Колб. I-5), трое мужчин (Колб. I-6).

В исследованных курганах доминируют мужские погребения — 36,4%, женские составляют 23%, парные — 23% и коллективные — 13,6%. В парных и коллективных погребениях мужские захоронения превалировали над женскими. По возрасту погребенные распределялись следующим образом: мужчины 20-30 лет — 5, 30-40 лет — 6, 40-50 лет — 5, старше 50 лет — 1; женщины 20-30 лет — 6, 30-40 лет — 3, 40-50 лет — 2, 50-60 лет — 1.

Состав инвентаря и его положение в могиле. Несмотря на ограбление (исключение составляет Колб. I-18/1), раскопанные курганы содержали достаточно

многочисленный и разнообразный инвентарь. Среди находок на первом месте находятся различные виды вооружения. Оружие найдено в 17 из 22 могил. Чаще всего это наконечники стрел (бронзовые, железные, костяные) из колчанных наборов, которые обнаружены в 16 из 17 погребений с оружием, причем в некоторых захоронениях число их довольно значительно. Так, курган Колб. I-5 отличался особым обилием стрел — 202 экз. В его колчанный набор (или наборы ?) входили семь бронзовых, пять костяных и 190 железных наконечников стрел, которые подразделяются на втульчатые трехлопастные — 114 экз., втульчатые с плоским пером — 63 экз. и черешковые с плоским пером — 13 экз. Второе место среди находок оружия занимают наконечники копий, дротиков и втоки от них, которые найдены в восьми могилах. Железные наконечники копий (семь экз.) обнаружены в пяти погребениях (Терн. I-4, 12 и Колб. I-5, 6, 7), при этом в курганах Колб. I-5, 7 при погребенных находилось по два экз. копий. Втоки копий (четыре экз.) встречены в тех же погребениях, что и наконечники, за исключением кургана Колб. I-5, где при двух наконечниках находился один втоК и кургана Колб. I-7, где втоки отсутствуют (вероятно, в том и другом курганах втоки унесены грабителями). Железные наконечники дротиков (10 экз.) найдены в четырех могилах (Терн. I-4, 12 и Колб. I-5, 7), в одном из них, в кургане Колб. I-7, обнаружено четыре экз. Втоки дротиков обнаружены в восьми захоронениях (15 экз.), при этом в четырех (Терн. I-6, 9 и Колб. I-4, 6) наконечники дротиков отсутствуют. В четырех погребениях (Колб. I-1, 4, 7, 18/2) зафиксированы железный меч и фрагменты мечей (рис.4, *2*). У сохранившегося экземпляра в кургане Колб. I-7, навершие, рукоять и перекрестье покрыты золотой тисненой обкладкой из толстой фольги, украшенной изображениями животных в зверином стиле. В трех могилах (Колб. I-4, 5, 19) сохранились остатки железных пластинчатых доспехов-панцирей, а в кургане Колб. I-5 — их два экземпляра.

Из предметов снаряжения можно отметить многочисленные ворворки (бронзовые, костяные и железные), которые использовались как застежки панцирей; железные пряжки в шести экз. (четыре пряжки типа «сюльгамы» и две обычные — круглорамчатые) (Колб. I-5, 6, 7, 18/1) и четыре поясных крючка-застежки — два из них выполнены в зверином стиле (у бронзового, из кургана Терн. I-4, загнутый конец украшен головкой ушастого орлиноголового грифона, а на противоположном — фигурка стоящего медведя с открытой зубастой пастью; второй — железный из кургана Колб. I-5, обтянут сверху золотой фольгой и представлял собой птицу в полете: длинная вытянутая шея, широко раскинутые крылья и веерообразно распущенный хвост), остальные два железных крючка (Колб. I-5, 7) представлены во фрагментах. Различные виды вооружения обнаружены во всех без исключения мужских погребениях, а также, что весьма важно, и в трех чисто женских захоронениях (Терн. I-5, 6 и Колб. I-5).

Комплектность сохранившихся предметов вооружения и снаряжения в могилах представлена таким образом. В кургане Терн. I-4, где был захоронен подросток 10-12 лет, найдены: копье, вток копья, два дротика, два втока дротиков, наконечники стрел (железные втульчатые трехлопастные и с плоским пером, черешковые с плоским пером, костяные втульчатые), поясной крючок-застежка. В кургане Колб. I-4 (погребены мужчина + мужчина + женщина) прослежены: меч, вток дротика, наконечники стрел (железные втульчатые трехлопастные и с плоским пером, костяной втульчатый), панцирь. В погребении из кургана Колб. I-5 (захоронены женщина + женщина + ребенок) обнаружены: два копья, вток копья, два дротика, три втока дротиков, наконечники стрел (бронзовые трехлопастные и трехгранные, железные втульчатые с трехлопастным и плоским пером, черешковые с плоским пером, костяные черешковые), два панциря, два поясных крючка-застежки, три пряжки (две из них — сюльгамы). В кургане Колб. I-7 (мужчина + женщина) присутствовали: меч, два копья, пять дротиков, три втока дротиков, наконечники стрел (железные втульчатые с трехлопастным пером), поясной крючок-застежка, пряжка-сюльгама, плеть.

Второе место среди обнаруженного материала занимает посуда, которая прослежена в 15 из 22 захоронений. В восьми погребениях найдена лепная керамика, которая представлена: горшками — семь экз. (Терн. I-3/1, 5, 6 и Колб. I-1, 4,); миской (Терн. I-10), кувшином (Терн. I-5), чашами на поддоне (Терн. I-3/2, 5). Кружальная привозная керамика встречена в 11 могилах: из них — кувшины (3 экз.) в двух захоронениях (Терн. I-8, 10), чернолаковый канфар — в одном (Колб. I-12) и амфоры (9 экз.) — в восьми погребениях. По месту производства амфорная тара распределяется следующим образом: в гробнице из кургана Терн. I-3/2 — Синопа; в Терн. I-5 — Гераклея; в Терн. I-7 — Фасос; в Терн. I-9 — Менды; в Колб. I-1 — Пепарет II (2 экз.); в Колб. I-18/1 — Колхида; в Колб. I-18/2 — Пепарет II; в Колб. I-19 — неизвестный средиземноморский центр. Деревянные чаши, большая часть которых с золотыми обивками, обнаружены в пяти могилах (Терн. I-8, 10 и Колб. I-4, 7, 18/1), а деревянные блюда или подносы — в двух захоронениях (Терн. I-5 и Колб. I-7). Примечательно, что этот вид посуды в том и другом курганах располагался в дромосе. Металлическая посуда зафиксирована в двух случаях: в гробнице кургана Колб. I-1 прослежены следы бронзового котла (сам котел украден, а ярко-зеленые кости козы-овцы, находившиеся в нем, были брошены грабителями в погребении); в склепе кургана Колб. I-18/1 найден гладкий серебряный кубок.

Взаимовстречаемость различных видов посуды в одном погребении выглядит таким образом: три лепных горшка, лепной кувшин, лепная чаша на поддоне, деревянное блюдо, амфора (Терн. I-5); два кружальных кувшина, деревянная чаша с золотыми обивками (Терн. I-8); лепная миска, кружальный кувшин, дере-

вянная чаша с золотыми обивками (Терн. I-10); лепной горшок, две амфоры, бронзовый котел (Колб. I-1); деревянная чаша с золотыми обивками, деревянное блюдо (Колб. I-7); амфора, деревянная чаша с золотыми обивками, серебряный кубок (Колб. I-18/1); лепной горшок, амфора, кружальный кувшин (Колб. I-19). Лепная (горшки, миска, кувшин и чаша на поддоне), кружальная привозная (кувшины, черный лак, серебряный кубок) и деревянная (чаши, блюдо-поднос) посуда наиболее характерна для женских погребений или для захоронений где присутствует женщина. В то же время, в мужских захоронениях или в могилах где присутствует мужчина, повсеместно встречается такой вид посуды как амфора. В двух случаях амфоры обнаружены и в чисто женских погребениях (Терн. I-5, 6). Вероятно, этим типом посуды подчеркивался высокий социальный статус погребенных.

Орудия труда найдены в 16 могилах. Среди этой категории инвентаря превалируют железные ножи с костяной рукояткой (19 экз.), которые обнаружены в 13 захоронениях (Терн. I-4, 5, 6, 9, 10, 12 и Колб. I-1, 5, 6, 7, 12, 18/1, 18/2), что несомненно связано с мясной напутственной пищей. В двух погребениях встречено по два экз. ножей (Колб. I-1, 6); в гробнице из кургана Колб. I-7 — три экз., а в склепе кургана Колб. I-5 — четыре экземпляра. Железные шилья (девять экз.) присутствуют в семи гробницах (Терн. I-8, 10, 11 и Колб. I-4, 5, 6, 18/1), железное сверло-буравчик — в одной (Колб.I-18/1), глиняные и костяные пряслица — в четырех (Терн. I-10 и Колб. I-4, 6, 12). В трех случаях пряслице найдено в женских могилах, в одном — в коллективном мужском захоронении (Колб. I-6).

Конский убор, символизирующий захоронение коня, встречен в десяти погребениях (Терн. I-4, 5, 9, 11 и Колб. I-4, 5, 6, 7, 18/1, 19). В состав конских уборов входили: железные кольчатые удила; двухдырчатые железные, бронзовые и роговые псалии S-овидной, С-овидной и гвоздевидной форм; различных размеров железные кольца; железные и бронзовые налобники; железные, бронзовые и костяные ворворки; роговые разделители ремней со сквозными и глухими отверстиями; бронзовые бляшки, украшавшие упряжь; железные подпружные пряжки. В некоторых погребениях (Терн. I-4 и Колб. I-5, 7) обнаружено по несколько комплектов узды. Так, в гробнице из кургана Терн. I-4 найдено четыре комплекта упряжи — четыре пары железных удил, восемь псалиев из рога и железа, семь костяных и бронзовых ворворок, пять бронзовых бляшек, семь железных колец и три разделителя из рога. Некоторые детали узды (псалии, налобники и бляшки) выполнены в зверином стиле. Конский убор присутствовал как в мужских, так и в женских захоронениях (Терн. I-5 и Колб. I-5).

Предметы быта и туалета немногочисленны. Среди них можно отметить бронзовые и серебряные зеркала (Терн. I-6 и Колб. I-5, 18/1). Одно из них, найденное в гробнице из кургана Колб. I-18/1, было завернуто в льняную ткань и помещено в кожаный футляр, вероятно, расшитый стеклянными бусами и бисером. В одном из погребений (Терн. I-8) обнаружен гребень из рога, навершие которого украшала фигура лежащего гепарда. К бытовым предметам можно отнести железные скобки и крюки. В трех случаях прослежены туалетные наборы, в состав которых входили реальгар (Терн. I-5 и Колб. I-12, 18/1) и белила (Колб. I-18/1).

Украшения обнаружены в десяти могилах. Они представлены: сложносоставными золотыми серьгами — пять экз. (по два экз. в гробницах из курганов Терн. I-6 и Колб. I-18/1 и один экз. в кургане Колб. I-5); костяной булавкой (Колб. I-5); кожаным нагрудником, расшитым золотыми зооморфными бляшками в виде голов кабанов — 74 экз. (Колб. I-18/1); шестью золотыми перстнями с ромбовидным щитком и незамкнутыми концами (Колб. I-18/1); тремя железными браслетами (Терн. I-4 и Колб. I-1/5); золотыми нашивными бляшками (зооморфные, полусферические, «тройнички», пальметки и др.), которые украшали погребальный полог, одежду и обувь. Немногочисленные бусы (золотые, стеклянные одноцветные, глазчатые, полосатые, мозаичные, зооморфные) и бисер встречены в семи могилах (Терн. I- 5, 6 и Колб. I-1, 4, 5, 7, 18/1). Бусы входили в состав ожерелий, ими же (особенно бисером) расшивали футляры (Колб. I-18/1) и колчаны (Колб. I-7). Украшения наиболее характерны для женских погребений или для захоронений, где присутствует женщина (исключение — железный браслет из гробницы в кургане Терн. I-4, где был похоронен подросток).

Напутственная мясная пища найдена во всех 22 погребениях. Чаще всего в качестве жертвенного животного использовали коня — 19 случаев, на втором месте — козу-овцу — 9 случаев, реже — крупный рогатый скот — четыре случая (остеологические определения — к.б.н. Ек.Е.Антипиной). В двух погребениях (Терн. I-6 и Колб. I-7) прослежено по две особи лошадей, а в одном захоронении (Колб. I-5) встречены кости трех особей различного возраста. В гробницах из курганов Терн. I-4, 6 обнаружены все три вида животных — лошадь, крупный и мелкий рогатый скот. В кургане Колб. I-7 в состав напутственной пищи входили две лошади и крупный рогатый скот, а в пяти захоронениях (Терн. I-11 и Колб. I-1, 4, 12, 19) напутственная пища состояла из лошади и козы-овцы.

А.П.Медведев провел сравнительную характеристику видового состава животных, входивших в напутственную пищу в среднедонских, скифских, савроматских и лесостепных правобережных курганах (Медведев А.П., 1999, с.111, табл.8). Из результатов сравнения следует, что лошадь превалирует на Среднем Дону и в Степи, крупный и мелкий рогатый скот — на Днепровском лесостепном Правобережье, а коза-овца — у савроматов. По этим показателям «скотоводы Среднего Дона стояли гораздо ближе к причерноморским скифам нежели савроматам, у которых в стаде преобладали овцы — надежный индикатор более выраженного кочевого хозяйства» (Медведев А.П., 1999, с.110,111)

Разграбленность могил не позволяет достоверно определить первоначальное положение основной массы инвентаря. Вещи, сохранившиеся in situ, располагались так: колчан со стрелами — в двух случаях (Колб. I-5, 18/1) — справа, в одном (Колб. I-7) — у левой руки; копья и дротики — в ногах (Колб. I-5), справа вдоль тела покойника (Колб. I-7), слева от него, на противоположном конце могилы, у входа (Терн. I-4); меч — на левом бедре (Колб. I-7); панцирь — в ногах (Колб. I-5), плеть — у правой руки (Колб.I-7).

Первоначальное положение посуды зафиксировано в пяти случаях: лепная посуда — горшки, кувшин, чаша на поддоне — в дромосе (Терн. I-5 и Колб. I-1); амфоры — в центре могилы (Терн. I-3/2 и Колб. I-18/1), в углу (Колб. I-18/2) или у входа дромоса в гробницу (Колб. I-1); деревянные блюда или подносы — в дромосе (Колб. I-5 и Колб. I-7); деревянная чаша с золотыми обивками — в изголовье покойного, а серебряный кубок — у правого плеча (Колб. I-18/1).

Конский убор находился у южной стенки, в противоположной стороне от ног погребенного (Колб. I-7) или же у восточной стенки могилы (Терн. I-4 и Колб. I-5), а предметы быта, в частности, зеркало — в ногах (Колб. I-18/1) или справа у пояса (Колб. I-5).

Украшения располагались согласно функциональному назначению: серьги — справа и слева от черепа, нагрудное украшение типа пекторали — на груди, перстни — на пальцах рук (Колб. I-18/1), золотые нашивные бляшки украшали погребальный полог (Колб. I-7) и одежду погребенных: ворот, рукава, подол (Колб. I-18/1). В одном случае — серебряными полусферическими бляшками была расшита обувь покойника (Колб. I-18/1). Расположение стеклянных бус и бисера прослежено в трех случаях: в одном — они входили в состав ожерелья и располагались в районе черепа (Колб. I-5) в двух других — ими был расшит кожаный футляр с зеркалом (Колб. I-18/1) и колчан со стрелами (Колб. I-7). Реальгар из туалетного набора лежал справа от черепа, а белила, совместно с зеркалом, в кожаном футляре — в ногах (Колб. I-18/1).

Местоположение мясной пищи достоверно определено лишь в восьми погребениях: в дромосе (на блюде или подносе) четыре случая (Терн. I-4, 5 и Колб. I-1, 7) (рис.4, *1*); в центре могильной ямы, у центрального столба — два случая (Колб. I-5, 18/1); у западной стенки погребальной камеры (Терн. I-12) и в бронзовом котле (Колб. I-1) — по одному случаю.

Попытка реконструкции погребального обряда

Попытаемся восстановить (призвав на помощь стратиграфию и личные наблюдения раскопщиков) последовательность операций при сооружении гробниц и захоронении покойника.

Погребальный обряд в сооружениях первого типа (склеп-гробница, впущенная в могильную яму.

1. Расчищается, выравнивается и слегка утаптывается погребальная площадка.

2. Проводится обряд обезвреживания места захоронения (изредка на площадке встречаются кострища — участки прокаленного суглинка с мелкими древесными угольками и светло-серой золой).

3. Выкапывается подпрямоугольная или подквадратная могильная яма, ориентированная в широтном или меридиональном направлениях. Некоторые могилы сооружаются с входом в виде подпрямоугольного коридора-дромоса, который входил в погребальную камеру с севера, юга или с востока.

4. Выкид из могильной ямы укладывается вокруг нее кольцом, дугой, полосой или квадратом (чаще все-го выкиды в форме кольца или квадрата — с разрывом-перемычкой, изредка — без нее, сплошные).

5. На дне могильной ямы, у стен и в углах, а также по центру роются ямы, в которые ставятся столбы. Центральные столбы (или столб) более мощные, чем угловые и пристенные. Последние слегка наклонены к центру могилы и в верхней части соединены брусьями-лагами. Вдоль стен, на дне, прокапывается узкий и неглубокий желобок-канавка, соединяющий столбовые ямы.

6. Стены гробницы возводились из вертикально стоящих досок, нижние концы которых крепились в желобках-канавках, а верхние — опирались на брусья-лаги, соединявшие столбы. Стены дромоса также имели деревянную облицовку.

7. Сооружение перекрывалось в один или в два слоя бревнами, жердями или плахами. Чаще всего края перекрытия лежали на материковом выкиде или упирались в его основание. Изредка вместо плоского перекрытия строилось шатровое.

8. Пол склепа выстилался кожами или шкурами, изредка войлоком-кошмой и совсем редко возводился деревянный помост-настил.

9. В северной части гробницы, вдоль стен, размещался покойник или покойники, рядом с ним — оружие, снаряжение и личные вещи. Напутственная пища — часть туши животного с железным ножом чаще всего помещалась в центре склепа, у центрального столба, изредка в дромосе.

10. Одновременно со строительством погребального сооружения возводится насыпь и в это же время совершаются жертвоприношения-тризны.

11. Курган завершен.

12. Через небольшой промежуток времени, или сразу же, насыпь кургана оконтуривается погребальным кольцевым ровиком с разрывом-перемычкой с северо-запада или северо-востока. Во время сооружения ровика совершаются поминальные тризны.

Погребальный обряд в сооружениях второго типа (наземная склеп-гробница, сооруженная на древнем горизонте).

1. Расчищается, выравнивается и утаптывается погребальная площадка, при этом в некоторых случаях счищается вся растительность.

2. На погребальную площадку укладывается тонким слоем дерево, вероятно, хворост и поджигается (тонкий слой углей с сажей и золой лежал на поверхности погребальной площадки) — обряд обезвреживания места захоронения.

3. По периметру площадки в два ряда, а по центру в один ряд роются ямы, в которые ставятся столбы. Столбы центрального ряда более мощные, чем столбы располагающиеся по периметру. У столбов по краям площадки наклон к ее центру, в верхней части они соединены горизонтальными брусьями-лагами. По периметру площадки, с внешней стороны, прокапывается неглубокий и нешироκий желобок-канавка.

4. Между внешними и внутренними столбами укладываются горизонтально друг на друга плахи или связки камыша, которые образуют вертикальные стены.

5. Изредка к основному помещению при помощи двойных столбов с запада пристраивалось дополнительное помещение.

6. С восточной стороны гробницы, к юго-восточному углу пристраивался наземный коридор-дромос, вход которого в склеп оформлен порталом из двух столбов. Под фундамент продольных стен дромоса вырываются две нешироκие и неглубокие канавки. Стены выкладываются из блоков сильно прокаленного чернозема (обжиг производился за пределами площадки), изредка они обшиваются вертикальными досками и перекрываются в один слой.

7. Из толстых бревен сооружается плоское однослойное или двухслойное перекрытие-накат гробницы, изредка между слоями наката располагалась мощная прослойка земли. Перекрытие поддерживалось столбами стен и лежало на лагах, соединяющих столбы. Из тонких бревен или толстых жердей поверх основного перекрытия, возводилось дополнительное шатровое перекрытие (крыша). Нижние концы этой крыши укреплялись в желобке, окружавшем гробницу и присыпались небольшой обваловкой с внешней стороны.

8. Ряд центральных столбов делит склеп на два зала — северный и южный. Сооружалась ли какая-либо деревянная перегородка между помещениями или они отделялись друг от друга пологом, не установлено.

9. В «залах» сооружались деревянные настилы из продольных лаг и поперечных досок, изредка пол гробницы выстилался камышом.

10. В северном «зале» размещался покойник или покойники, их оружие, снаряжение, личные вещи, бронзовый котел с пищей или часть туши животного с железным ножом, в южном — конское снаряжение, дополнительная утварь, одна или несколько амфор.

11. В дромосе, на дно или на деревянное блюдо (поднос) укладывается часть туши животного — напутственная пища.

12. Деревянный склеп поджигался в северной части. Ни скелет, ни один из предметов инвентаря не носит следов обжига.

13. В это же время возводится насыпь, земля которой тушит огонь пожара. Время совершения тризн-жертвоприношений по сторонам от дромоса (до пожара или после) не установлено.

14. Насыпь возведена, изредка (один случай) через небольшой промежуток времени она подсыпается.

15. Курган завершен.

Общеизвестно, что погребальный обряд является одним из наиболее устойчивых этнографических признаков. На его формирование влияют различные факторы: экономические, экологические, этнические (внешние контакты), идеологические, физиологические (пол и возраст), социальные (Ольховский В.С., 1986, с.65-76). В силу этого он не может быть результатом простого влияния одного народа на другой. Формирование погребальных обычаев происходит лишь в результате тесного взаимодействия, сосуществования или ассимиляции этнических групп — носителей определенных традиций, ритуалов и строительных приемов (Моруженко А.А., 1989, с.29).

Сравнительный анализ погребального обряда могильника «Терновое I — Колбино I» с лесостепными и степными захоронениями скифского времени выявил ряд черт, которые составляют особенности кочевнического похоронного ритуала и не связаны с лесостепным погребальным обрядом. К ним относятся: наличие внекурганных сооружений в виде кольцевых ровиков; надмогильные сооружения в виде «шатра»; помещение в могилу конского снаряжения, символизирующего захоронение коня; напутственная мясная пища, в том числе и в бронзовом котле; поджигание деревянной гробницы. Эти же отличия сближают исследованные курганы с памятниками Степи. Близость со скифскими степными погребениями наблюдается и в некоторых предметах инвентаря (деревянное блюдо или поднос, бронзовый котел, ажурный меч с золотыми обкладками рукоятки, деревянные чаши с золотыми обкладками). Последние по сути являются этнографической деталью, свойственной погребениям степных скифов (Ковпаненко Г.Т. и др., 1988, с.17).

Детали погребального обряда и особенности инвентаря не оставляют сомнений в том, что могильник «Терновое I — Колбино I» стал местом захоронения коллектива, ведущего военизированный, вероятнее всего, кочевой образ жизни. Несмотря на ограбление могил, в 18 из 22 захоронений (82%) обнаружено различное вооружение и конское снаряжение, символизирующее погребение коней. Чрезвычайно показательно, что оружие встречено и в четырех чисто женских могилах. Особенно интересно в этом смысле погребение в кургане Колб.I-5: рядом с останками «амазоноκи» найдены два копья, два дротика, два колчана с 265 наконечниками стрел, два панциря, два крючка-застежки, трое удил и семь псалиев. Наличие защитного вооружения и конской упряжи в женских погребениях скифского времени — явление, до последнего времени практически неизвестное.

Учитывая высокую степень вооруженности лиц, погребенных в могильнике «Терновое I — Колбино I» и наличие конского снаряжения, было бы заманчиво трактовать рассматриваемые захоронения как погребения специализированной воинской прослойки — дружинников. Тем более, что в рассматриваемый период (V-IV вв. до н.э.) факт существования подобных воин-

ских контингентов сомнений не вызывает (Мелюкова А.И., 1964, с.70; Черненко Е.В., 1968, с.167). Но некоторые обстоятельства не позволяют интерпретировать наши курганы как дружинные захоронения. Во-первых, в отдельных могилах, помимо мужчин, были погребены женщины и, что особенно показательно, дети (Терн.I-6, Колб.I-5). Во-вторых, сложность устройства погребальных сооружений, размеры могил и сохранившийся инвентарь (состав, количество) не демонстрируют социальной однородности, а свидетельствуют в пользу социальной дифференциации погребенных.

Сложность погребальных конструкций как в могиле, так и на уровне древнего горизонта, наличие конской упряжи, выразительного и разнообразного инвентаря, совпадение всех деталей оформления рукоятей и технология изготовления ажурных лезвий мечей из кургана Колб.I-7 и «царского» кургана Чертомлык вполне определенно наводят на мысль, что могильник является местом погребения знати, правящей верхушки племени, иными словами, племенной аристократии. Правящая верхушка племенного коллектива всегда занимала самую высокую ступеньку на внутренней иерархической лестнице (Бунятян Е.П., 1985, с.131). Именно в ее руках сосредоточивались максимальные богатства: в том числе, парадное вооружение, посуда, дорогие украшения, которые широко использовались в повседневной жизни и сопровождали знатного покойника в загробный мир (например, погребальный инвентарь из курганов Колб.I-7 и Колб.I-18/1) (Гуляев В.И., Савченко Е.И., 1998б, с.131). Поскольку род и племя выступали в качестве основы воинского подразделения, племенная знать являлась и воинской верхушкой.

ЛИТЕРАТУРА И АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Бунятян Е.П., 1985. Методика социальных реконструкций в археологии (по материалам скифских могильников IV-III вв. до н.э.). Киев.

Гуляев В.И., 1992. Отчет о работах Потуданской археологической экспедиции ИА РАН в 1991 г. на территории Репьевского и Острогожского районов Воронежской области // Архив ИА РАН. Р-1. № 15974.

Гуляев В.И., 1993. Отчет о работах Потуданской археологической экспедиции ИА РАН в 1992 г. на территории Острогожского района Воронежской области //Архив ИА РАН. Р-1. № 17130.

Гуляев В.И., 1994. Отчет о работах Потуданской археологической экспедиции ИА РАН в 1993 г. // Архив экспедиции.

Гуляев В.И., 1995. Отчет о работах Потуданской археологической экспедиции ИА РАН в 1994 г. // Архив экспедиции

Гуляев В.И., 1996. Отчет о работах Потуданской археологической экспедиции ИА РАН в 1995 г. // Архив экспедиции.

Гуляев В.И., 1997. Отчет о работах Потуданской археологической экспедиции ИА РАН в 1996 г. // Архив экспедиции.

Гуляев В.И., 1998. Отчет о работах Потуданской археологической экспедиции ИА РАН в 1997 г. // Архив экспедиции.

Гуляев В.И., 1999. Отчет о работах Потуданской археологической экспедиции ИА РАН в 1998 г. // Архив экспедиции.

Гуляев В.И., Савченко Е.И., 1995. Терновое I — новый скифский курганный могильник на Среднем Дону // РА. № 4.

Гуляев В.И., Савченко Е.И., 1997. О предварительных итогах работ Потуданской археологической экспедиции в 1993-1996 гг. // Археология восточноевропейской лесостепи. Вып.10. Воронеж.

Гуляев В.И., Савченко Е.И., 1998а. Роговой гребень скифского времени с территории Среднего Дона // РА. № 3.

Гуляев В.И., Савченко Е.И., 1998б. Новый могильник скифского времени на Среднем Дону (итоги исследований 1996-1997 гг.) // РА. № 4.

Ковпаненко Г.Т., Бессонова С.С., Скорый С.А., 1988. Новые погребения скифского времени в Поросье // Первая Правобережная краеведческая конференция: Тез. докл. Кировоград.

Либеров П.Д., 1958. Отчет о работе Воронежского отряда Лесостепной скифской экспедиции ИИМК АН СССР в 1957 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 1460.

Либеров П.Д., 1960. Отчет о работе Воронежского отряда Лесостепной экспедиции ИА АН СССР в 1959 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 1871.

Либеров П.Д., 1961. Отчет о работе Воронежской Лесостепной экспедиции ИА АН СССР в 1961 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 2258.

Либеров П.Д., 1971. Отчет о работе Воронежской Лесостепной экспедиции ИА РАН в 1971 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 4549.

Медведев А.П., 1999. Ранний железный век лесостепного Подонья // Археология и этнокультурная история I тысячелетия до н.э. М.

Мелюкова А.И., 1964. Вооружение скифов // САИ. Вып. Д1-4. М.

Моруженко А.А., 1989. Историко-культурная общность лесостепных племен междуречья Днепра и Дона в скифское время // СА. № 4.

Ольховский В.С., 1986. Погребально-поминальная обрядность в системе взаимосвязанных понятий // СА. № 1.

Черненко Е.В., 1968. Скифский доспех. Киев.

Н.Н.ТЕРЕХОВА, В.Р.ЭРЛИХ

ДРЕВНЕЙШИЙ ЧЕРНЫЙ МЕТАЛЛ НА СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КАВКАЗЕ
(К ПРОБЛЕМЕ ВЫДЕЛЕНИЯ ТРАДИЦИЙ)

В круг научных интересов Б.Н.Гракова всегда входили проблемы, связанные с древнейшей железообработкой. Эти проблемы затрагивались в курсе «Ранний железный век», который он читал в Московском университете, и который вышел отдельным изданием (Граков Б.Н., 1977). В 1958 г. он посвятил специальную статью старейшим находкам железных вещей в Европейской части СССР (Граков Б.Н., 1958), где обобщил все известные к этому времени данные по древнейшему использованию как самородного (метеоритного) железа, так и кричного. В ней он пришел к выводу, что процесс восстановления и получения железа был известен уже в середине II тыс. до н.э., решительное же наступление железа на бронзу относится к VIII — первой половине VII в. до н.э (Граков Б.Н., 1958, с.9).

В русле проблем, намеченных Б.Н.Граковым, и следует рассматривать эту работу, посвященную древнейшему черному металлу Северо-Западного Кавказа. Здесь переходный период к железному веку, или, по выражению Гракова «период решительного наступления железа на бронзу», представлен памятниками протомеотской группы. В немногочисленных известных здесь памятниках финальной бронзы — белозерских и кобяковских, железные изделия пока не обнаружены. Однако в протомеотских могильниках черный металл присутствует уже в значительном количестве. В Николаевском могильнике имеется около 10% железных изделий от общего числа металлических вещей (Анфимов Н.В., 1958-1959), в могильнике Фарс для наиболее ранних грунтовых комплексов — 12% (Лесков А.М., Эрлих В.Р., 1999, с.6 и сл.), в могильнике Пшиш, достаточно растянутом во времени, количество железных предметов составляет 28% от общего числа металлических (Сазонов А.А., 1991-1994), а в несколько более позднем по отношению древнейшим протомеотским памятникам Кубанском могильнике железные предметы составляют треть от общего количества металлических — 33 % (Анфимов Н.В., 1964).

Привлечение методов естественных наук в исследовании железных изделий позволяет значительно расширить информативность этого источника.

Задачей настоящего исследования было не только получить технологические характеристики изделий из черного металла, но и наметить истоки производственных традиций в этом регионе, учитывая всю сложность и многокомпонентность формирования протомеотских памятников.

К сожалению далеко не все железные предметы в силу очень плохой сохранности могли быть подвергнуты металлографическому исследованию. Однако нам удалось собрать серию изделий из черного металла из памятников предскифского времени Северо-Западного Кавказа, таких как Фарс, Кубанский могильник, Псекупский могильник, курган Уашхиту.

Металлографическое исследование было приведено в лаборатории естественнонаучных методов Института археологии РАН[1].

Из могильника Фарс металлографическому изучению было подвергнуто 6 изделий (первой половины — третьей четверти VII в до н.э.) (Лесков А.М. Эрлих В.Р., 1999, с.68-71). Это наконечники копий (3 экз. — погр.31,33,40), наконечник дротика (п.27), ножи (погребения 9 и 31) (рис.1).

Обобщая результаты их изучения, можно сказать, что изготовившие их мастера прекрасно владели приемами пластической обработки черного металла, умели определять по цвету каления необходимую для оптимальных результатов ковочную температуру. Ни на одном предмете не обнаружено следов перегрева металла, трещин. Для формовки сложнопрофилированных изделий применялись обжимники и штампы. Таковые, например, использовались для выведения ребра жесткости на пере копий (погр.31,33). Ясно, что подобная практика была приобретена в результате длительного опыта именно кузнецами по черному металлу, а не бронзолитейщиками, для которых этой задачи не стояло, поскольку любую сложную форму предмета они могли получить отливкой.

Два основных технических открытия в истории черного металла — искусство получения стали и термическая ее обработка — были хорошо известны мастерам, изготовившим изделия из могильника. За исключение наконечника дротика из п.27, все проанализированные предметы изготовлены с использованием стали. Это либо цельностальные изделия (нож из п.31, наконечник копья из п.40), либо стальной слой покрывает поверхность изделия.

В первом случае сталь получена путем сквозной цементации (науглероживания) полосовой заготовки, во втором — поверхностного науглероживания уже готового предмета, причем только с одной стороны (нож из п.9, наконечники копий из погр. 31 и 33). Вторая сторона была преднамеренно защищена от проникновения углерода (возможно, покрыта глиной). В результате получалось как бы двухслойное изделие —

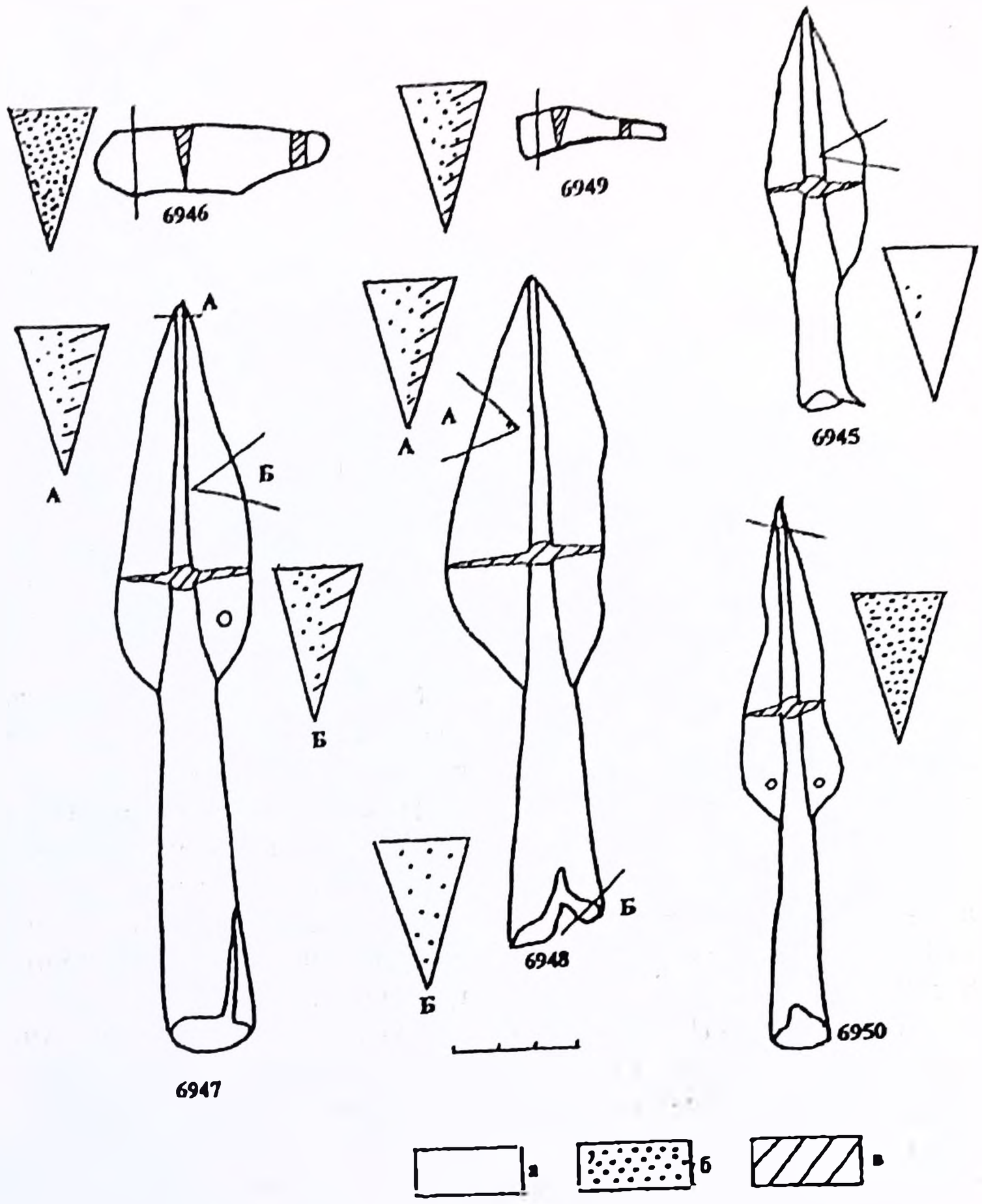


Рис.1. Изделия из черного металла из могильника Фарс/Клады, подвергнутые металлографическому анализу и их технологические схемы. Номера на рисунках соответствуют номерам анализов. 6945 — п.7; 6946 и 6947 — п.31; 6948 — п.33; 6949 — п.9; 6950 — п.40; *а* — железо; *б* — сталь; *в* — термообработанная сталь

твердое и в то же время достаточно упругое (не ломкое). Можно с уверенностью говорить о том, что изделия из могильника Фарс/Клады являются продукцией высококвалифицированных мастеров, хорошо знавших свойства черных металлов и умевших подбирать адекватные способы их обработки. Сам процесс искусственного получения стали был достаточно трудоемким — так для получения науглероженного слоя толщиною в 5 мм необходимо было выдерживать предмет при нагревании в течение 9 часов при температуре 910° (Maddin R., 1984, p.8, fig.4).

Совершенно иную картину дал Кубанский могильник, где было исследовано 4 наконечника копий, а также цельножелезный кинжал, подражающий биметаллическим кинжалам группы III (по С.Н.Дудареву) (Дударев С.Н., 1999, с.103,104) из Псекупского могильника (рис.2). Эти изделия были откованы из железа со следами случайной науглероженности.

В отличие от фарсовских изделий, которые были откованы из цельнометаллической заготовки, кубанские наконечники копий изготовлены из пакетированной заготовки (сваренной из нескольких полос металла), что, скорее всего, связано с отсутствием заготовок достаточного размера. Здесь не обнаружено приемов цементации (преднамеренного получения стали) и термообработки. При изготовлении навершия псекупского кинжала не была использована конструктивная сварка — оно было откована из того же куска металла.

Нож из Уашхиту (рис.2, ан.6951) был изготовлен из высокоуглеродистой стали с применением закалки в твердом охладителе. Имеет равномерную структуру мелкоигольчатого мартенсита, микротвердость 572, 642 кг/кв.мм.

Изделия из Фарса находят следующие технологические аналогии в пределах Кавказского региона. Прием односторонней цементации отмечен для предскифского времени на Центральном Кавказе. Это, например, наконечник копья из п.188, ан.1642 Тлийского могильника (Вознесенская Г.А., 1975, стр.114).

Прием укрепления пера копья с помощью поверхностной цементации (образования на поверхности сталистого слоя) известен и в материалах из Эшерских кромлехов (Бгажба О.Х. и др., 1989, с.120, рис.1,

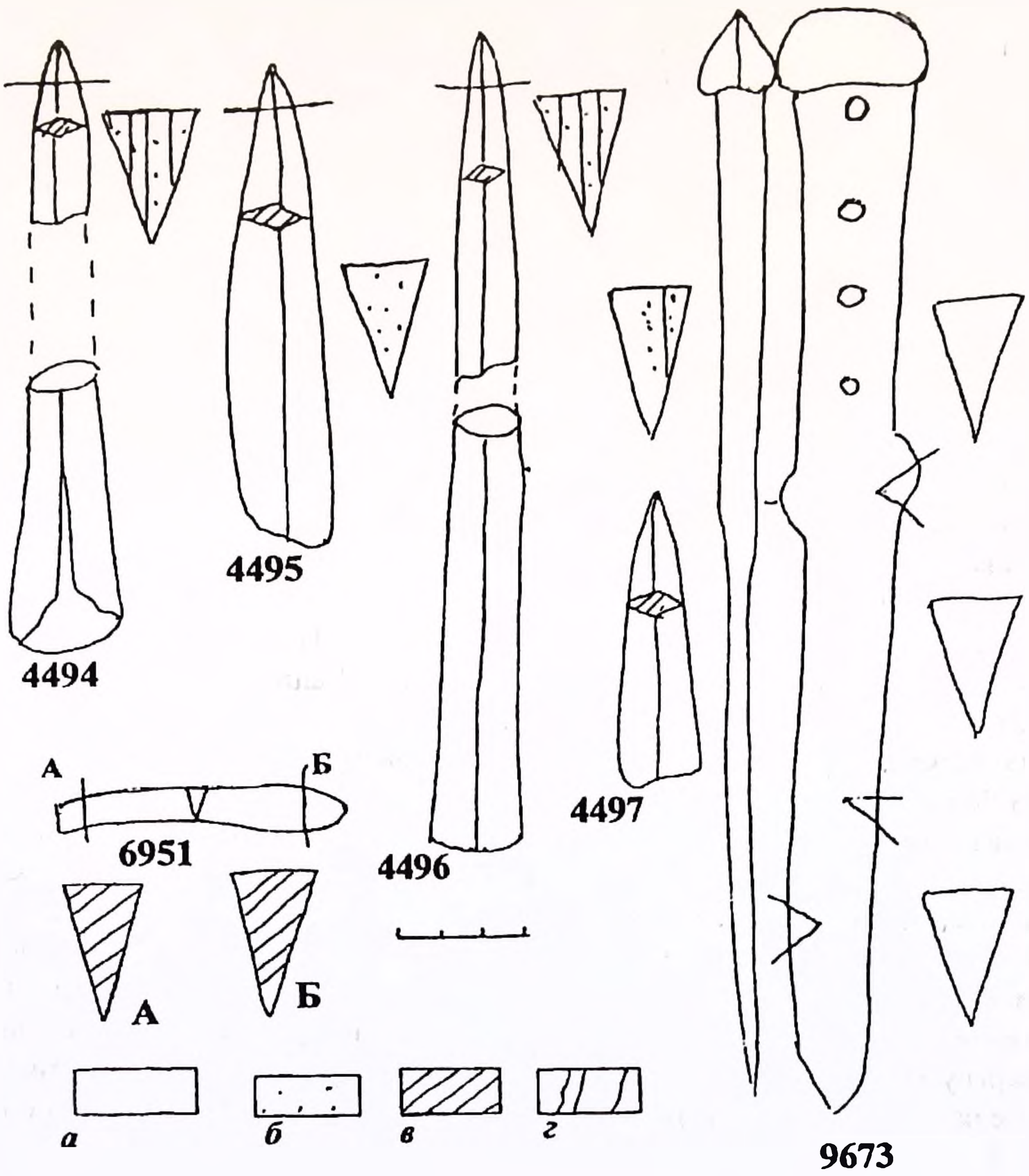


Рис.2. Изделия из черного металла, подвергнутые металлографическому анализу и их технологические схемы. Номера на рисунке соответствуют номерам анализов. 4494-4497 — Кубанский могильник (4494 — п.5; 4495 — п.36; 4496 — п.39; 4497 — находка вне комплекса). 6951 — курган Уашхиту I; 9673 — Псекупский могильнк, случайная находка; *а* — железо; *б* — малоуглеродистая сталь; *в* — термообработанная сталь; *г* — пакет

ан.130). Оттуда же происходит нож, у которого цементации подверглась лезвийная часть (Бгжаба О.Х. и др., с.126, рис.1, ан.131).

Качественная высокоуглеродистая сталь известна для предскифского времени в материалах Тлийского могильника. Из такого металла откован, например, наконечник копья из п.267 (Вознесенская Г.А., 1975, с.115).

Использование характерной особенности стали — воспринимать тепловую обработку, улучшающую свойства металла, означает переход на новый качественный уровень в железообработке. В материалах могильника Фарс/Клады три из пяти проанализированных стальных изделий были подвергнуты термообработке (нож из п.9, наконечники копий из погр. 31 и 33), причем использовался мягкий охладитель. О целенаправленности действий свидетельствует последовательность операций — науглероживание и затем тепловая обработка. Мягкая закалка позволяла избегать излишней хрупкости предмета. Подобный способ использовали Тлийские мастера (Вознесенская Г.А., 1975, табл.VIII).

В скифское время он был распространен в практике кобанских кузнецов (Терехова Н.Н. и др., 1997, рис.16). Не исключено, что применение мягкого охладителя (кровь жертвенных животных, жир) было связано с существованием определенной магической обрядности, сопровождающей деятельность кузнецов (Терехова Н.Н. и др., 1997, с.76). Определенные режимы тепловой обработки использовали тлийские мастера, о чем свидетельствуют характерные структуры стали, приводимые автором исследования Г.А.Вознесенской, однако она относится с осторожностью к выводу о преднамеренности применения режимов охлаждения в предскифское время, соотнося их с раннескифским периодом (Вознесенская Г.А., 1975, с.88,91).

Отметим, что для предскифского времени к северу от Кавказского хребта полученная целенаправленным способом сталь известна только в могильнике Сержень-Юрт, где клинки кинжалов из погр. 26 и 28, а также наконечник копья из п.26 были подвергнуты преднамеренной цементации (Терехова Н.Н. и др., 1997, с.47).

Изделия Кубанского могильника и кинжал из Псекупса находят аналогии в степной и лесостепной зонах Юга Восточной Европы.

Первые свидетельства железообработки здесь относятся к середине II тыс. до н.э. — это шлаки и некоторые железные изделия, хотя характер и контекст этих свидетельств весьма спорен. Здесь же впервые была прослежена техника пакетирования — шило из поселения Ташлык I позднесабатиновского времени, сваренное из трех кусочков кричного железа (Бидзиля В.И. и др., 1983, с.16).

Достоверно местное производство изделий из железа можно констатировать лишь с белозерского времени, и эта достоверность основана на том, что железные изделия подражают бронзовым. Это биметаллические и железные ножи-кинжалы с кольцевым упором и параллельными лезвиями (7 экз.) (Отрощенко В.В., 1975, с.199; Березанская С.А. и др., 1986, с.139; Бидзиля В.И. и др., 1982, с.29,30; Ванчугов В.П., 1990, с.80, рис.33, *13,15*) и двулезвийные ножи (5 экз.) (Никитенко Н.И., 1993, с.29-30, рис.3, *1-4*; Berezanskaja S., Klochko V., 1998, Taf.73, *2*).

Это железные подражания бронзовым ножам типа Н-18 и Н-20 по Е.Н.Черных (Черных Е.Н., 1976, с.286, табл.XXV). Известны также в белозерское время и однолезвийные железные ножи из Погреби, Первомаевки и Брилевского могильника (Агульников С.М., Кетрару Н.А., 1991, с.129; Евдокимов Г.Л., 1987, с.109, рис.2, *4*; Евдокимов Г.Л., 1999, с.101, рис.2, *5*).

Биметаллический и железный кинжалы из Кочковатого были подвергнуты металлографическому исследованию, которое показало, что они изготовлены из металлургического кричного железа (Ванчугов В.П., 1990, с.99).

Металлографические анализы вещей предскифского времени из степи и лесостепи, сделанные Б.А.Шрамко и его сотрудниками показали, что для этой территории характерны чисто железные изделия, либо откованные из неравномерно науглероженной (сыродовой) стали, случайно полученной в горне. Металл загрязнен крупными шлаковыми включениями, имеются следы перегрева. Термическая обработка здесь не прослежена до конца VI в до н.э. (Шрамко Б.А. и др., 1977, с.64-68).

Известные здесь стальные изделия являются импортными. Это кинжальный клинок закавказского облика с треугольным лезвием и тремя отверстиями из Верхнего Бишкиня, биметаллический меч из Субботова, клинок которого был откован из двух кусков стали, и копья из Бутенок (Шрамко Б.А. и др., 1977, с.65-70; Шрамко Б.А. и др., 1963, с.49-51). В первом случае мы имеем безусловный импорт с Кавказа или Закавказья. Ребристая бронзовая рукоять Субботовского меча также находит полные аналогии на Северном Кавказе у кинжалов из хутора Чернышев и Эчкивашского могильника (I Tesori... , № 55; Виноградов В.Б. и др., 1980, с.197, рис.7, *25*). По поводу бутенковский копий мнения исследователей расходятся. Часть исследователей (Г.Т.Ковпаненко, С.А.Скорый) считает их привезенными из Средней Европы (Ковпаненко Г.Т., 1962, с.70-71; Скорый С.А., 1999, с.38), другие (Н.И.Никитенко, В.Р.Эрлих) — с Северного Кавказа (Никитенко Н.И., 1992, с.163; Эрлих В.Р., 1994, с.75,76). Следует отметить северокавказский контекст этих находок — это детали упряжи колесницы.

Исключительное место среди исследованных нами вещей занимает фрагмент железного ножа с горбатой спинкой, происходящий с погребальной площадки кургана Уашхиту, откованный из высококачественной стали с применением твердой закалки (в воде).

Подобная технология на Кавказе применялась очень редко в памятниках кобанской культуры скифского времени (Терехова Н.Н., 1983, с.110-115). В то же время в восточном Средиземноморье она была известна, по крайней мере, в XII-VIII вв. до н.э., например, в Идалионе (Кипр), в материалах (кирка) с горы Адир (Израиль) (Maddin R., 1984, p.11, fig.11-13). Возможно, изделие из Уашхиту попало сюда в результате военных походов в Переднюю Азию. Хронологический пласт кургана Уашхиту дает целую серию таких свидетельств (Эрлих В.Р., 1994, с.83 и сл.).

Таким образом, имеющиеся технологические параллели позволяют предположить, что переход к железному веку на Северо-Западном Кавказе происходил на основе двух традиций — закавказской и восточноевропейской (рис.3).

Закавказская традиция, к которой восходят изделия из черного металла могильника Фарс, характеризуется достаточно ранним использованием таких технологических приемов как преднамеренная цементация и термообработка. Несмотря на спорность даты появления древнейших изделий из железа в Закавказье, а также дискуссию о первичности очага металлообработки железа в Восточной Грузии, имеющую большую литературу, следует отметить, что уже древнейшие изделия из черного металла, исследованные металлографически, имеют свидетельства преднамеренной цементации. Это кинжалы из п.18 и комплекса, обнаруженного инженером Чагуловым в могильнике Бешташени, стальные изделия из клада в Уде, ряд изделий из Самтавро. Науглероживанию подвергались как заготовки для ковки, так и готовые изделия (Абрамишвили Р.М., 1962, с.20,21; Товадзе Ц.Н. и др., 1977, табл.2,3). Кроме этого, на кинжале из Самтавро обнаружены свидетельства термической обработки (Абесадзе Ц.Н. и др., 1961, с.177). Хронология древнейших железных изделий из Закавказья, как и существующие хронологические схемы грузинских древностей весьма спорны[2]. Однако развитые технологические схемы древнейших закавказских стальных вещей в сочетаний с теми фактами, что они принадлежат оружию, а также их относительная редкость по отношению к бронзовым предметам свидетельствуют не в пользу того, что Закавказье можно считать первичным очагом металлообработки. Здесь пока отсутствует древнейшая стадия использования железа в виде украшений, выделенная Снодграссом для Восточного Средиземноморья (Snodgrass A., 1980, p.337). Таким образом, вероятнее всего, закавказская традиция восходит к восточносредиземноморской, где железо в той или иной степени

ЗАКАВКАЗЬЕ И ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КАВКАЗ

Технология	X-IX вв. до н.э.	VIII - сер. VII вв. до н.э.	Сер. VII - VI вв. до н.э.
Чистое железо			
Сырцовая сталь			
Цементированная сталь			
Пакетный металл			
Мягкая закалка			
Твердая закалка			

ЮГ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Технология	X-IX вв. до н.э.	VIII - сер.VII вв. до н.э.	Сер. VII - VI вв. до н.э.
Чистое железо			
Сырцовая сталь			
Цементированная сталь			
Пакетный металл			
Мягкая закалка			
Твердая закалка			

СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ КАВКАЗ

Технология	X-IX вв. до н.э.	VIII - сер. VII вв. до н.э.	Сер. VII - VI вв. до н.э.
Чистое железо			
Сырцовая сталь			
Цементированная сталь			
Пакетный металл			
Мягкая закалка			
Твердая закалка			

Рис.3. Распространение технологических схем в различных регионах Кавказа и на Юге Восточной Европы (темно-серый цвет — частое использование, светло-серый — редкое использование).

использовалось на протяжении почти всего бронзового века, а древнейшие стальные изделия, исследованные металлографически, известны уже в XII в. до н.э.

Следует отметить, что могильник Фарс/Клады, относящийся к предгорной группе протомеотских памятников, имеет целую серию свидетельств контактов с Закавказьем, вероятнее всего, с Колхидой. Очевидно, благодаря этим контактам закавказская традиция и была принесена на Северо-Западный Кавказ.

В то же время в степных равнинных районах Закубанья, где находится Кубанский могильник, переход к железному веку проходил под влиянием восточноевропейской традиции. Это подтверждается и другими свидетельствами контактов этого района в более раннее время со Степью и Центральной Европой в могильниках Николаевском и Пшиш. Прежде всего, это общие типы узды, использовавшиеся в этих регионах, а также определенные типы украшений. Возможно, эта традиция обработки железа проникает в степные районы Закубанья еще в белозерское время вместе с притоком степного населения. Однако это только предположение, требующее доказательств.

В заключение мы должны сказать, что количество исследованных железных изделий предскифского времени пока не велико, особенно с территории Юга Восточной Европы. Наши выводы в определенной мере отражают лишь тенденцию сложения традиции в этих регионах. Ретроспективно эта ситуация подтверждается материалами скифского времени на большой серии анализов (Терехова Н.Н. и др., 1997, с.71,72).

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Микроскопическое изучение осуществлялось на металломикроскопе МИМ-7, микротвердость измерялась на микротвердометре ПМТ-3 при нагрузке в 100 г. Травление образцов проводилось спиртовым раствором азотной кислоты. Образцы для исследования отбирались из различных участков изделия для получения наиболее полной технологической информации.

[2] Самую радикальную коррекцию закавказских дат см. в работе Ю.Н.Воронова (Воронов Ю.Н., 1985).

ЛИТЕРАТУРА И АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Абесадзе Ц.Н., Бахтадзе Р.А., Двали Т.А., 1961. Клад позднебронзовой эпохи из Уде // СА. № 3.

Абрамишвили Р.М., 1962. К вопросу об освоении железа на территории Восточной Грузии // Автрореф. дис.... канд. ист. наук. Тбилиси.

Агульников С.М., Кетрару Н.А., 1991. Курган белозерского времени у с.Погребя // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. — V в. н.э.). Материалы междунар. конференции. Киев.

Агульников С.М., Курчатов С.И., 1994. Курган белозерского времени у с.Хаджиляр в Нижнем Поднестровье // Тезисы докладов Международной конференции «Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья», посвященной 95-летию со дня рождения профессора Б.Н.Гракова.

Анфимов Н.В., 1958-1959. Отчеты о работе Адыгейской экспедиции. Николаевский могильник // Архив ИА РАН. Р-1, 2796,2988.

Анфимов Н.В., 1964. Отчет о раскопках Кубанского могильника // Архив ИА РАН. Р-1, 3174.

Бгажба О.Х., Розанова Л.С., Терехова Н.Н., 1989. Обработка железа в древней Колхиде // Естественно-научные методы в археологии.

Березанская С.С., Отрощенко В.В., Чередниченко Н.Н., Шарафутдинова И.Н., 1986. Культуры эпохи бронзы на территории Украины. Киев.

Бидзиля В.И., Недопако Д.Л., Вознесенская Г.А., Паньков С.В., 1983. История черной металлургии и металлообработки на территории Украины. Киев.

Ванчугов В.П., 1990. Белозерские памятники в Северо-западном Причерноморье. Киев.

Виноградов В.Б., Дударев С.Л., Рунич А.П., 1980. Киммерийско-кавказские связи // Скифия и Кавказ. Киев.

Вознесенская Г.А., 1975. Технология производства железных предметов Тлийского могильника // Очерки технологии древнейших производств. М.

Воронов Ю.Н., 1985. Восточное Причерноморье в железном веке (Вопросы хронологии и интерпретации памятников в VIII в. до н.э. — VIII в. н.э.) // Автореф.... докт. ист. наук. М.

Граков Б.Н., 1958. Старейшие находки железных вещей в Европейской части СССР // СА. № 4.

Граков Б.Н., 1977. Ранний железный век. М.

Дударев С.Л., 1999. Взаимодействие племен Северного Кавказа с кочевниками Юго-Восточной Европы. Армавир.

Евдокимов Г.Л., 1987. Курганный могильник белозерского времени у с.Первомаевка // Древнейшие скотоводы степей юга Украины. Киев.

Евдокимов Г.Л., 1999. Некоторые итоги изучения материалов Брилевского могильника // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (к столетию Б.Н.Гракова). Запорожье.

Ковпаненко Г.Т., 1962. Погребение VIII-VII вв. до н.э. в бассейне р.Ворсклы // КСИА АН УССР. Вып.12.

Лесков А.М., Эрлих В.Р., 1999. Могильник Фарс/Клады. М.

Никитенко Н.И., 1992. Процесс перехода от бронзы к железу в степях Восточной Европы // История и археология Слободской Украины. Тезисы докладов. Харьков.

Никитенко Н.И., 1993. Начало освоения железа в степной и лесостепной зоне Восточной Европы // Дисс. канд. ист. наук. М.

Отрощенко В.В., 1975. Новый курганный могильник белозерского времени // Скифский мир. Киев.

Сазонов А.А., 1991-1994. Отчеты об исследовании могильника Пшиш I. 1991-1994 гг. // Архив ИА РАН. Р-1, № 15033, 10534,16404, 16405, 17844, 18809.

Скорый С.А., 1999. Киммерийцы в украинской лесостепи. Киев.

Терехова Н.Н., 1983. Кузнечная техника у племен кобанской культуры Северного Кавказа в раннескифский период // СА. № 3.

Терехова Н.Н., Розанова Л.С., Завьялов В.И., Толмачева М.М., 1997. Очерки по истории древнейшей железообработке в Восточной Европе. М.

Товадзе Ц.Н., Сакварелидзе Т.Н., Абесадзе Ц.Н., Двали Т.А., 1977. К истории железного производства в древнейшей Грузии // Реставрация, консервация, технология музейных экспонатов. II. Тбилиси (на груз.яз.).

Шрамко Б.А., Солнцев Л.А., Фомин Л.Д., 1963. Технология обработки железа в лесостепной и степной Скифии // СА. № 4.

Шрамко Б.А., Фомин Л.Д., Солнцев Л.А., 1977. Начальный этап обработки железа в Восточной Европе // СА. № 1.

Черных Е.Н., 1976. Древняя металлообработка на юго-западе СССР. М.

Эрлих В.Р., 1994. У истоков раннескифского комплекса. М.

I tesori dei kurgani del Caucaso Settentrionale. Nove scoperte degli archaologi sovetici nell' Adygeja e nell' Osetia Settentrionale, 1991. Roma.

Berezanskaia S., Klochko V., 1998. Das Graberfeld von Hordeevka // EA. Bd.4. Berlin.

Maddin R, 1984. The early blacksmiths // The Crafts of the Blacksmith. Belfast.

Snodgrass A., 1980. Iron and Early Metallurgy in Mediterranean // The Coming of the Age of Iron. New Haven & London.

Е.Е.ФИАЛКО, Ю.В.БОЛТРИК

ДВУРОЖКОВЫЕ ВИЛОЧКИ ИЗ ПОГРЕБАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ СКИФИИ

Скифские двурожковые вилочки, которые также называют миниатюрными втульчатыми наконечниками или навершиями, относятся к категории неопределенных предметов. Спорадический интерес к ним возникает с появлением каждой новой находки и затухает, очередной раз разбившись о невозможность постичь их назначение.

Вилочки представляют собой литые двузубцы с ровными или фигурно оформленными в виде утолщений, шариков, плоских шляпок, головок животных окончаниями и цилиндрической втулкой с продольным отверстием, иногда сквозным (рис.1; 2, *1-7*). Происходят они из погребальных комплексов Европейской Скифии. Подобные предметы встречены в ***лесостепных*** памятниках: с.Капитановка к.445 и 487 (Бобринский А.А., 1905, с.97; 1910, с.68), с.Макеевка к.490, п.1 (Галанина Л.К., 1977, с.28), с.Бобрица к.38 (Бобринский А.А., 1901, с.115), с.Рыжановка к.4, п.2 (Скорий С.А. и др., 1999); ***степных:*** с.Выводово к.92, п.2 (Чередниченко Н.Н. и др., 1975, с.158), г.Никополь к.2, п.2 (Граков Б.Н., 1962, с.93), с.Чкалово к.1, п.2 (Отрощенко В.В. и др., 1978), гр.Гайматовой Могилы к.26, п.3 и к.44, п.1 (Тереножкин А.И. и др., 1977, с.178; Бидзиля В.И., Болтрик Ю.В., 1969-70), Краснокутский курган (Мелюкова А.И., 1981, с.100), Большая Цимбалка (ГЭ, № ДН 1868 1/62), Мелитопольский курган, центральная могила (Тереножкин А.И., Мозолевский Б.Н., 1988, с.120), Плоская Могила (Болтрик Ю.В., Савовский И.П., 1991, с.103), Огуз, западная могила (Фиалко Е.Е. 1994, с.130), Татьянина Могила (Мурзин В.Ю. и др., 1993, с.97), пос.Первомайский к.3 (Бондарь Н.Н. и др., 1978, с.13), с.Софиевка к.34, п.1 (Лесков А.М. и др., 1972, с.63), с.Верхняя Тарасовка (Бодянский А.В., 1962, с.275), с.Васильевка к.1, п.1 (Крылова Л.П., Елинов И.М., 1973, с.13), с.Кут к.7, п.9 (Березовец Д.Т., 1951, с.63), с.Новофедоровка к.3, п.1 (Куприй С.А., 1991, с.110), с.Львово к.гр.2, к.3, п.2 (Евдокимов Г.Л. и др., 1983), с.Брилевка к.9, п.3 (Евдокимов Г.Л. и др., 1985, с.17), Рогачикское кург. поле к.10, п.2 (2 экз) (Евдокимов Г.Л. и др., 1990), с.Тягинка к.8, п.3 (Евдокимов Г.Л. и др., 1991, с.21), с.Водославка к.8, п.1 и к.11, п.1 (Кубышев А.И. и др., 1983, с.77,91), Чмырева Могила (3 экз. — ГЭ №№ ДН 1909 2/32,33,34) и др.; и в позднескифских памятниках ***Крыма***: Мавзолей п.21 и м.67 могильника Неаполя Скифского (Шульц П.Н., 1953; Сымонович Э.А., 1983, с.49), склеп некрополя Керкинитиды (Михлин Б.Ю., Бирюков А.С., 1983, с.38). К началу 1960-х гг. Б.Н.Гракову было известно 20-30 таких предметов из скифских курганов (Граков Б.Н., 1962, с.93). В конце 1990-х гг. мы можем говорить о 40 вилочках различной модификации, изготовленных преимущественно из бронзы, и лишь в двух случаях они костяные (Болтрик Ю.В., Фиалко Е.Е., 1999, с.117). То есть почти за три десятилетия интенсивных раскопок скифских памятников обнаружено не более двух десятков подобных предметов. На сегодняшний день лишь в 35 случаях мы располагаем относительно полной информацией об интересующих нас предметах и условиях их находки (таблица 1).

Размеры вилочек небольшие: высота от 2,1-2,8 (у экземпляров без выступающей втулки) до 6,1 см, ширина от 2,8 до 4,5 см; диаметр втулки: внешний — 0,6-1,2см, внутренний — 0,3-0,8 см. Стоит отметить, что в тех случаях, когда исследователи обращали внимание на втулку, как правило, внутри отмечались остатки дерева. Т.е. вилочки насаживались в одних случаях на рукояти, равные диаметру древка стрелы, в других они были ближе к толщине современного карандаша. Лишь в одном случае (к.2 Никопольского могильника) во втулке обнаружен обрывок кожаного ремешка. Малочисленный ряд вилочек, найденных не потревоженными (in situ), позволяет допустить, что их рукояти не были особенно длинны. Подобное предположение сделано прежде всего в связи с находками вилочек, лежавших в колчане или на ограниченном пространстве (к примеру, между стенкой камеры и костяком). Длина орудия, увенчанного вилочкой, позволяла располагать его по ширине колчана или горита, возможно в отдельном кармане. Впрочем, вилочки встречались и в сочетании с копьями.

Обращает на себя внимание и такое обстоятельство: в семи случаях (а это 1/5 часть серии) вилочки были сломаны — у пяти экземпляров (Чкалово, к.1; гр.Гайматовой Могилы к.26; Краснокутский курган, Огуз, Чмырева Могила № 2/33) обломан один зубец, у одного (Новофедоровка к.3) оба зубца, и еще у одного (Чмырева Могила № 2/34) отбита половина. Во всех случаях речь идет об экземплярах, сделанных из бронзы. Возможны два объяснения подобного обстоятельства: либо вещи пострадали в результате их длительного использования при больших нагрузках на зубцы, либо были намеренно повреждены во время погребальной церемонии. Скорее более правомерно второе объяснение, поскольку на сохранившихся целыми

Табл.1. Двурожковые вилочки из скифских погребальных памятников

					Втулка						
№	памятник	ог-рабл.	выс.	шир.	d	d отв	мят-л.	пол погр.	место находки	оружие в погребении	приме-чание
1	Бобрица к.38		4,8	4,2	0,8		Б		в насыпи	-	
2	Капитановка к.445		2,8	4,2	1,2	0,8	К	М+Ж	при Ж. костяке	1 стрела	
3	Капитановка к.487		4,2	3,8	0,9	0,3	Б	М+сл.	у копий справа	копья	
4	Макеевка к.490, п.1	+	4,5	3,6	0,8	0,3	Б	М	при скелете	копья, стрела, В*	отпеч. жел. и ткани
5	Рыжановка к.4, п.2	-	5,2	4,0	1,0	0,6	Б	М+сл.	справа у локтя	стрелы, копья, акин	
6	Брилевка к.9,п.3		5,5	3,5	1,0		Б	М	на ребрах справа	2 колчана, копье, дротик, клевец	не концах жел. обойма
7	Васильевка к.1, п.1	+	4,4	3,6	1,0	0,3	Б	М+Ж	в заполнении	стрелы, 2 подтока	
8	В.Тарасовка мог-к, п.1	-	3,0	3,3			Б	М-?	?	стрелы, копье, меч	
9	В. Цимбалка	+	3,0	3,4	1,1		К	М-?	в заполнении	стрелы, копье	окраш. бронз
10	Водославка к.8, п.1	+	4,5	4,0	0,8	0,4	Б	М	в/на колчане	колчан, копье, акинак	
11	Водославка к.11, п.1	+	2,1	3,8		0,45	Б	?	в заполнении	3 стрелы, В	без втулк.
12	Выводово к.92, п.2	+	4,5	3,8	0,8	0,4	Б	М-?	у головы справа рядом стрелы	стрелы, копья, дротики	
13	гр.Гайгмановой М к.26/3	+	4,7	3,2	0,8	0,3	Б	Ж-?	В заполнении	нож	облом.
14	гр.Гайгмановой М к.44/1	+	4,7	3,2	0,8	0,3	Б	М	В заполнении		
15	Краснокутский	+	5	3,2	0,6		Б	М	дно вх.ямы	стрелы, копья, меч	облом.
16	Кут к.7, п.9	+	5,2	4,0	0,8		Б	М-?	в заполнении	стрелы, копье	
17	Львово-II, к.3, п.2	+	5,3	3,8	0,8	0,5	Б	М-?	в дромосе	стрелы, копье, меч	
18	Мелитополь, Ц. п.	+	5,5	3,7	0,9	0,3	Б	М	в заполнении	стрелы	
19	Никополь (1937)к.2, п.2	+					Б	Вз+Р	в заполнении	В	
20	Новофедоровка к.3, п.1	+			0,8	0,45	Б	М	в заполнении входной ямы	копья	облом. 2 конц.
21	Огуз, Западн.Мог.	-	4,4	3,2	0,8	0,5	Б	М	близ лев. ноги	колчан,В	облом. следы кожи
22	Первомайский к.3	+	5,1	4,2	1,0	0,45	Б	?	со стрелами	2 стрелы, вток	
23	Плоская Могила, Ц.п.	+	4,7	4,0	0,9		Б	М	в заполнении	копья, дрот, стрелы	
24	Рогачик.поле к.10, п.2	+	6,1	3,6	0,7		Б	Вз.+под р	в заполнении	стрелы	
25	Рогачик.поле к.10, п.2	+	4,5	3,7	0,8		Б	-«-	-«-	-«-	
26	Софиевка к.34,п.1	+	5,0	2,8	0,7	0,4	Б	М+Ж	на ребрах	стрелы	
27	Татьянина Могила п.2	+	5,5	3,8	0,8	0,4	Б	М+Ж	в заполнении	2 колчана, вток	
28	Тягинка к.8, п.3		4,5	3,5	0,8	0,3	Б	парн.	у лев. кисти Ж	-	
29	Чкалово к.1, п.2	-	4,5	3,4	0,8	0,3	Б	М	у груди	-	облом.
30	Чмирева М.Дн19092/32	+	4,8	4,0	0,8	0,4	Б				
31	Чм.Мог(?) Дн1909 2/33	+	4,8				Б				облом.
32	Чм.Мог(?) Дн1909 2/34	+	4,85				Б				1/2
33	Керкинитида, склеп	+	5,4	3,4	0,8	0,4	Б	кол-лект.		-	
34	Неаполь Скифский, Мавзолей п.21		3,5	4,5	1,0		Б	М		1 жел. стрела	
35	Неаполь Скифский, могильник, м.67	+	4,6	2,9	0,8		Б	6 .чел	в заполнении	стрелы	

* В - ворварка

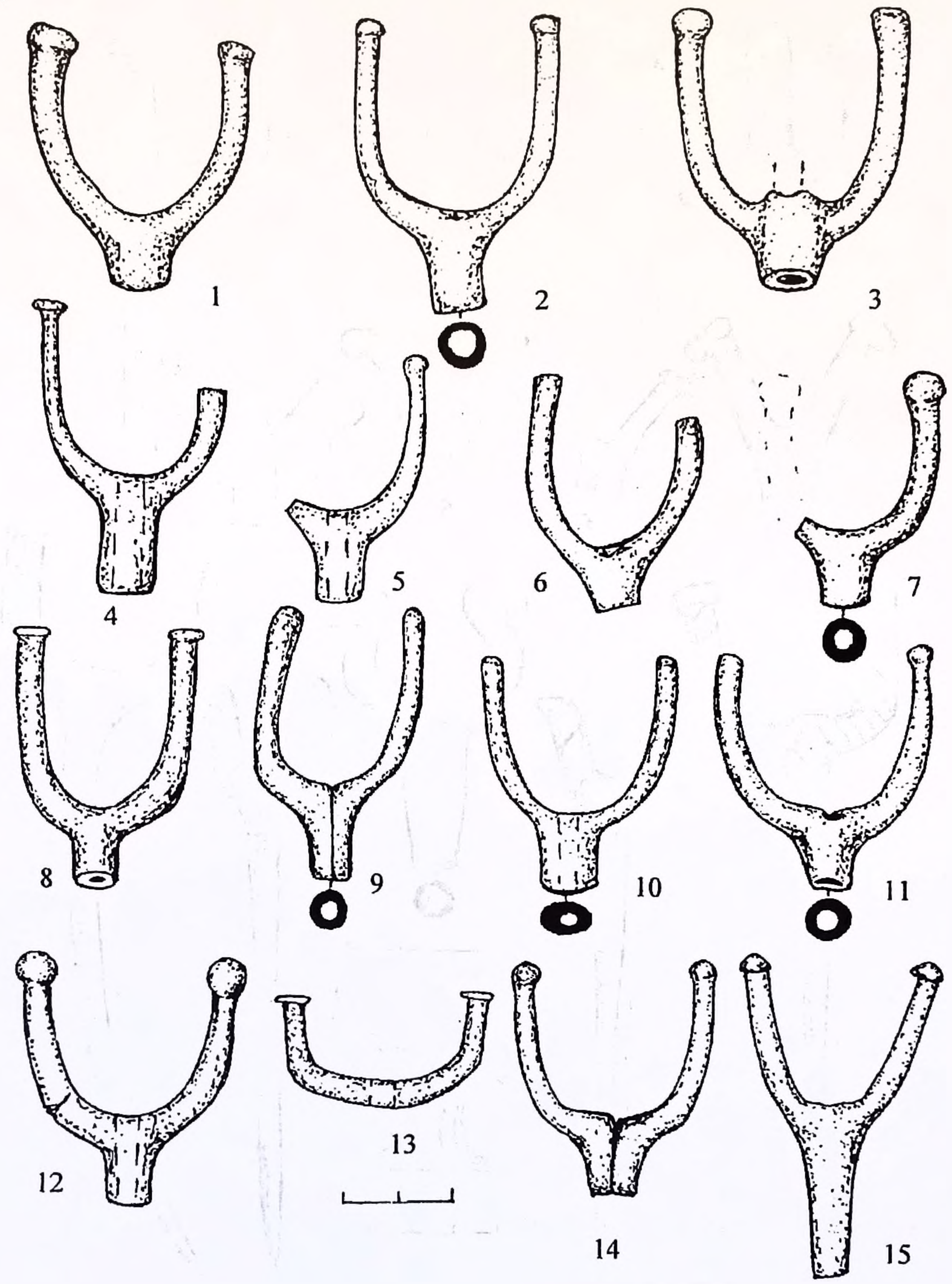


Рис.1. Бронзовые вилочки из скифских памятников: *1* — Плоская Могила; *2* — Львово-II, к.3, п.2; *3* — Первомайский, к.3; *4* — Краснокутский курган; *5* — Чкалово, к.1, п.2; *6* — Огуз, 2-ая Западная могила; *7* — гр.Гайамановой Могилы, к.26, п.3; *8* — гр.Гайамановой Могилы, к.44, п.1; *9* — Софиевка, к.34, п.1; *10* — Васильевка, к.1, п.1; *11* — Выводово, к.92, п.2; *12* — Водославка, к.8, п.1; *13* — Водославка, к.11, п.1; *14,15* — В.Рогачик, к.10, п.2. Бронза

экземплярах (особенно костяных) не видно явных следов изношенности (потертостей, выемок, надломов). В то же время в скифской погребальной практике хорошо известна традиция намеренной ритуальной порчи вещей, сопровождающих погребенного в могиле.

Погребения, в которых они найдены, как правило, мужские или парные, где один из погребенных мужчина. Лишь в одном случае вилочка найдена в женской могиле (гр. Гайамановой Могилы к.26) и в двух парных погребениях (Капитановка к.445 и Тягинка к.8) вилочки обнаружены при женских костяках. Что касается социального статуса погребенных, то в Огузе вилочка сопровождала охранника, положенного в отдельную могилу, а в Рыжановском кургане и к.487 у с.Капитаново находились рядом с основными погребенными. Встречены эти предметы были в комплексах инвентаря центральных могил и других крупных курганов: Большой Цимбалке, Краснокутском, Мелитопольском, Чмыревой и Плоской Могилах. Однако, здесь разрушения от древних ограблений не позволяют определить с кем из погребенных — господином или стражником — связаны вилочки.

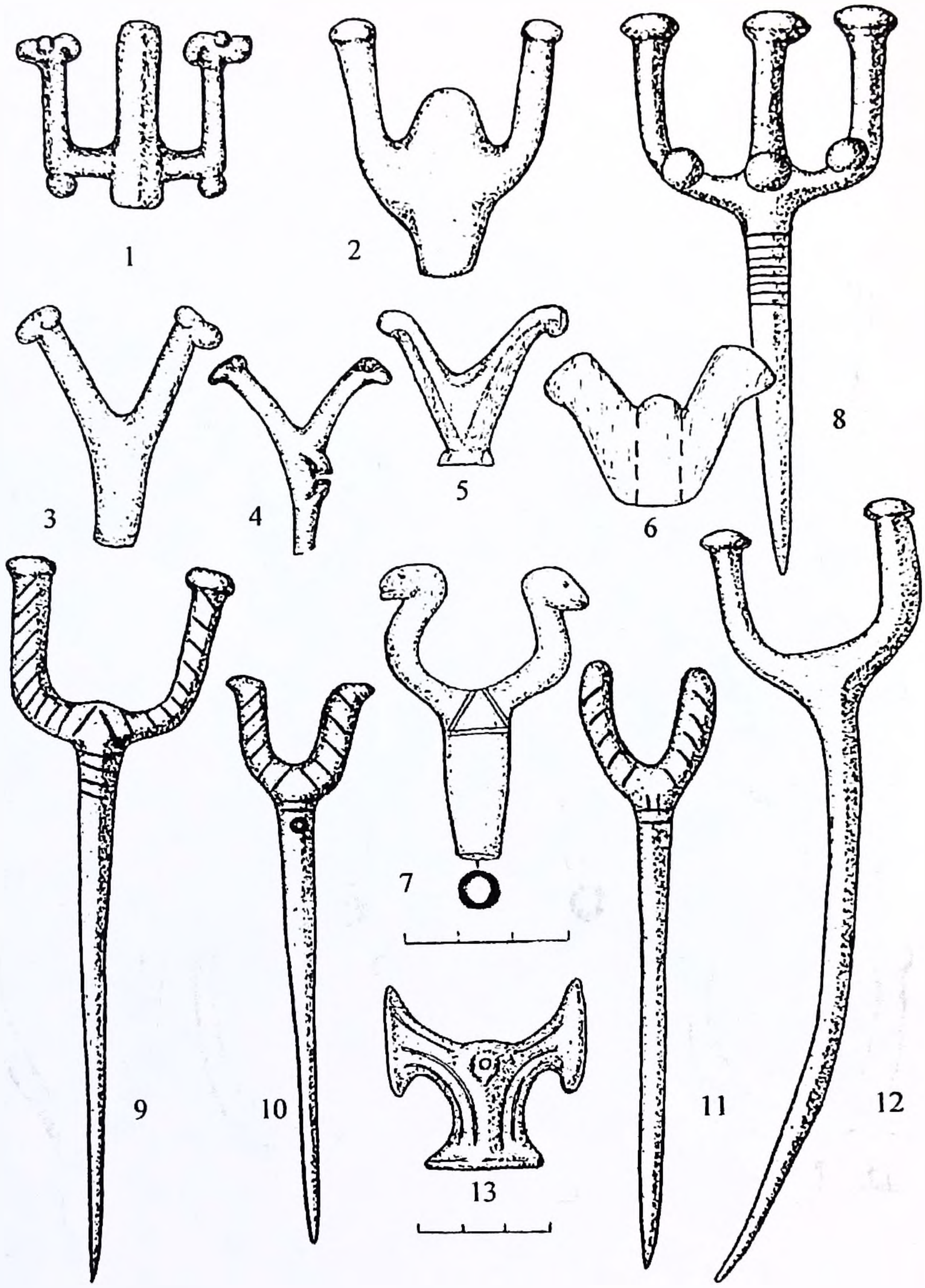


Рис.2. Скифские вилочки и аналогии к ним: *1* — Мавзолей Неаполя Скифского, п.21; *2* — Бобрица, к.38; *3* — Могильник Неаполя Скифского, м.67; *4* — Былымский клад; *5* — В.Цимбалка; *6* — Капитановка, к.445; *7* — Керкинитида; *8-12* — Тлийский могильник; *13* — Могильник Фарс/Клады. *5-6* — кость, остальные — бронза

Следует заметить, что, как правило, вилочки происходят из ограбленных комплексов. В тех же редких случаях, когда они были обнаружены в не потревоженных могилах, положение их четко не фиксировалось. Из 35 вилочек, приведенных в нашей таблице, только четыре обнаружены в не пострадавших от ограбления погребениях — Западной могиле (охранника) Огуза, Центральной могиле Рыжановского кургана, п.1 Верхнетарасовского грунтового могильника и к.1 у с.Чкалово. При этом положение вилочки в п.1 у с.Верхняя Тарасовка не известно, поскольку А.В.Бодянский лишь называет ее среди находок как возможную деталь колчана (Бодянский А.В., 1962, с.375). В могиле стражника у с.Чкалово вилочка лежала в районе груди, у нижнего основания ребер. Кроме нее у погребенного была лишь бронзовая серьга с бусиной. В Огузе вилочка находилась на уровне стопы левой ноги охранника (рис.3, *1*). А в Рыжановском кургане она лежала отдельно, на уровне локтя правой руки (рис.3, *2*).

Эти обстоятельства еще больше затрудняют выяснение функционального назначения рассматриваемых предметов, в отношении которых окончательного решения нет и поныне. Определяют их по-разному. Б.Н.Граков относил подобные предметы к украшениям. Найденный в п.2 к.2 Никопольского курганного поля экземпляр он назвал подвеской в виде лунницы,

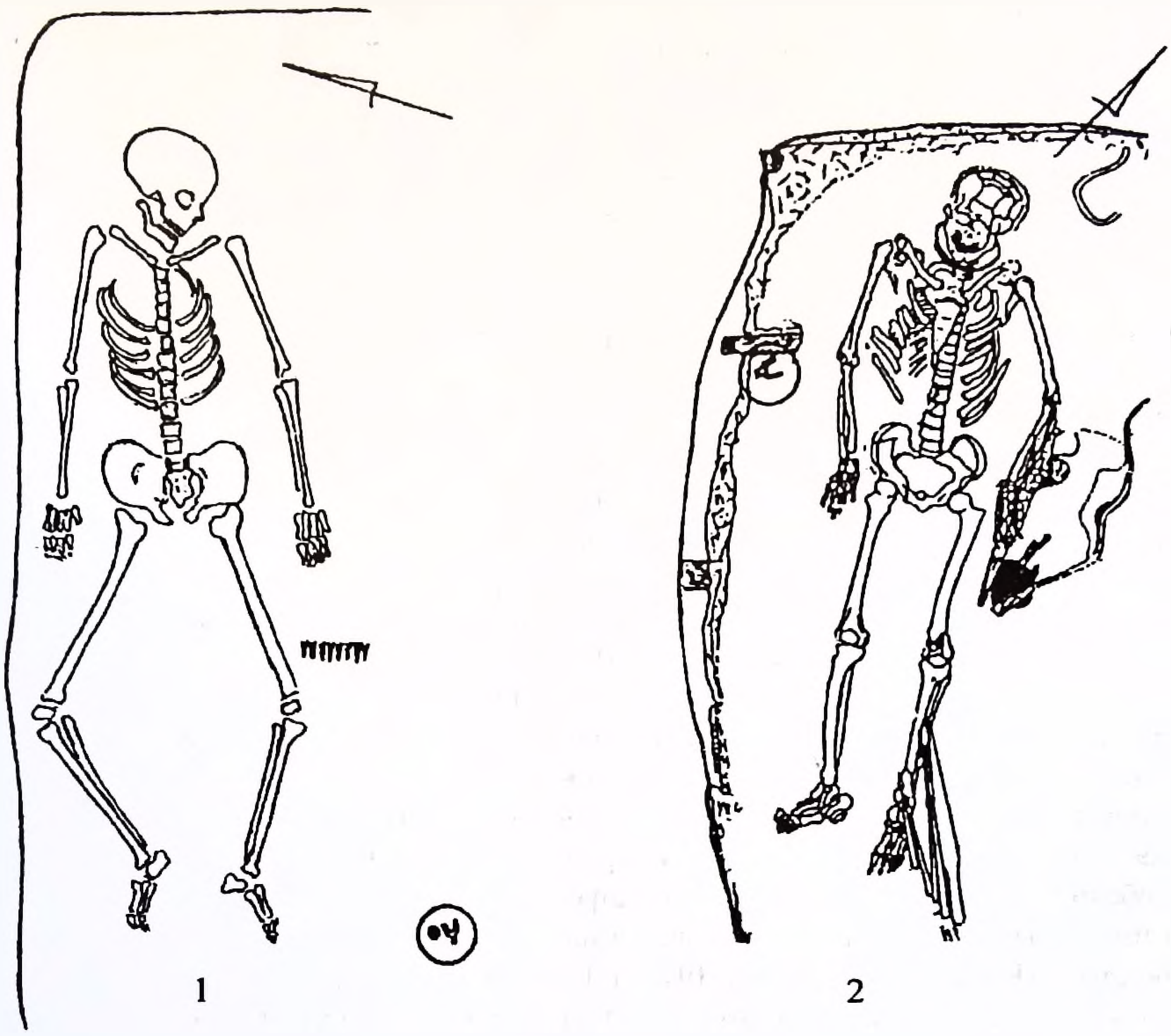


Рис.3. Расположение вилочек в неограбленных погребениях: *1* — Курган Огуз, 2-ая Западная могила; *2* — Рыжановский курган, Центральная могила

во втулке которой сохранился обрывок ремешка (Граков Б.Н., 1962, с.71,93). А.И.Мелюкова полагает, что предметы такой формы использовались скорее не в качестве украшений, а для закрепления ремней; «при этом какая-то часть ремня наматывалась на вилку, а концы или конец, продевался узлом во втулку, выходя из нее» (Мелюкова А.И., 1981, с.100). Л.П.Крылова и И.М.Елинов называют найденный в к.1 у с.Васильевка предмет бронзовым выпрямителем древков стрел (Крылова Л.П., Елинов И.М., 1973, с.13). В коллективной монографии, посвященной памятникам скифской эпохи Днепровского Лесостепного Правобережья, вилочки приведены среди конского снаряжения. При этом авторы пишут, что принадлежность подобных находок к узде спорна (Ковпаненко Г.Т. и др., 1989, с.123).

Все перечисленные выше варианты использования вилочек кажутся не вполне убедительными. Рассматривать вилочки в качестве украшений, как предлагал Б.Н.Граков, мешает то, что, во-первых, в 32 (из 35) погребениях эти предметы относились к погребенным мужчинам, во-вторых, место их находки и, в-третьих, отсутствие каких-либо иных типов украшений (которые могли составить набор нагрудного или наручного украшения). Более чем сомнительно и использование вилочки в качестве выпрямителя древок стрел, как полагали Л.П.Крылова и И.М.Елинов. Прежде всего этому противоречит то обстоятельство, что часть вилочек имела глухую втулку. Кроме того, внутренний диаметр втулки в большинстве случаев равнялся диаметру древка стрелы. Воспринимать вилочки как закрепители ремней, как предлагает А.И.Мелюкова, возможно. Но возникает вопрос — каких ремней? Ремешки для крепления оружия и колчанов к портупейным поясам вряд ли требовали дополнительных приспособлений. Скорее подобное устройство подошло бы для ремней оголовья коня. Но в погребениях вилочки ни разу не соотносились с конской уздой[1].

Форма рассматриваемых предметов как будто наталкивает на мысль о том, что их возможно было бы употребить в хозяйственных целях, но окончания зубцов, увенчанные утолщениями различной формы, исключают версию использования их как столового прибора. В памятниках майкопской культуры известны вилки, которые служили для извлечения из котла вареного мяса. Последние отличаются от скифских не только большими (фактически в два раза) размерами, но и формой зубьев — они четырехгранные в сечении, с заостренными и, как правило, загнутыми концами, что придавало им определенную схожесть с бычьими рогами. При этом в погребениях они коррелируются с бронзовыми котлами. Л.С.Ильюков рассматривает майкопские вилки как культовый атрибут, используемый во время ритуальных пиршеств (Ильюков Л.С., 1979, с.145, рис.2). Кстати, в скифских памятниках тоже известны специальные железные вилки для мяса, которые, как и в майкопских памятниках, коррелиру-

ются в могилах с находками котлов. Железные кованые вилки найдены в Бердянском кургане, Гайматовой Могиле, курганах у с.Полковая Никитовка (Берестнев С.И., 1980, табл.19, *1*) и Песочинского могильника (Бородулин В.Г., 1979, с.17). Еще два аналогичных предмета, названных А.И.Пузиковой черпачками, происходят из Среднего Подонья — курганов №№ 4 и 14 Дуровского могильника (Пузикова А.И., 1966, с.91; 1997, с.217). Но скифские вилки совершенно отличны от майкопских. Они представляют собой узкий стержень с заостренным и загнутым вверх нижним концом. В нижней части к стержню приклепаны 2 — 4 ленты или шипа с округло загнутыми концами — все вместе это напоминает когтистую лапу на длинном стержне. Иногда функцию вилки выполняет заостренный с одной стороны железный штырь.

В 20-ти погребениях вилочки встречаются вместе с наконечниками стрел. Так, вилочка из п.1 к.490 у с.Макеевка окислом «склеена» с бронзовым наконечником стрелы (Галанина Л.К., 1977, табл.11, *5*). В неограбленой могиле охранника из Огуза, помимо вилочки, находились лишь колчан со стрелами и ворварка. В к.3 у пос.Первомаевский вилочка, хотя и в ограбленном погребении зафиксирована как будто не потревоженной в центре на дне камеры вместе с двумя наконечниками стрел (Бондарь Н.Н. и др., 1978, с.13, рис.58). В п.1 к.1 у с.Васильевка рядом располагались вилочка, наконечники стрел и нож (Крылова Л.П., Елинов И.М., 1973, с.13). В п.1 к.8 у с.Водославка вилочка находилась внутри или на колчане, в верхней его части (Кубышев А.И. и др., 1983, с.77, табл.39). Складывается впечатление, что эти предметы имели непосредственное отношение к колчанам или же хранились в их дополнительных отделениях. В конце 1970-х гг., после очередной находки вилочки в к.92 у с.Выводово, Н.Н.Чередниченко высказал предположение о том, что их могли использовать как приспособления для натягивания тетивы. Однако эта версия также вызывает сомнения, поскольку, как уже отмечалось выше, зубцы вилочек увенчаны утолщениями. Кроме того, на известных изображениях сцен натягивания тетивы на лук в вазописи, торевтике, на монетах отсутствуют (во всяком случае до сих пор не обнаружены) какие-либо дополнительные приспособления. В работе, посвященной скифским лучникам, Е.В.Черненко очень подробно рассмотрел приемы натягивания тетивы на лук. Помимо прочего, автор отмечает, что скифский лук был достаточно тугим и натянуть его было не легко — кроме силы, для этого требовались и определенные навыки (Черненко Е.В., 1981, с.111). Однако никаких дополнительных приспособлений для этого исследователь (опираясь на известные изображения и описания) не упоминает. Тем более трудно представить, как предмет с деревянной ручкой-древком диаметром 0,3-0,5 см мог использоваться в качестве вспомогательного приспособления (рычага?) при выполнении процесса, предполагающего весьма значительное усилие. Не мог этот предмет служить и для натягивания тетивы при стрельбе — это тоже достаточно очевидно следует из приведенных в монографии иллюстраций (Черненко Е.В., 1981, рис.81-87). Довольно заманчиво было бы рассматривать вилочки в качестве прицельного устройства для стрельбы. Но и это предположение не выдерживает критики, поскольку, во-первых, расстояние между зубцами вилочек достаточно велико, во-вторых, в таком случае лук должен бы находиться в горизонтальном положении (а у скифов при стрельбе он развернут вертикально), в-третьих, подобное устройство подразумевает жесткое крепление к основе, в противном же случае — при подвижности — оно теряет всякий смысл, и, в-четвертых, наличие выступа в центре некоторых экземпляров явно мешало бы стреле.

Усматривать в вилочках застежки (пряжки) тоже не приходится, поскольку по крайней мере в четырех случаях в комплексе с ними находится ворварка, служившая именно для этих целей. А в Западной могиле Огуза эти два предмета лежат рядом.

Отталкиваясь от факта взаимовстречаемости вилочек с пучками стрел, с определенной долей осторожности мы предположили, что вилочки могли быть орудиями гадани, где стрелы выполняли роль прутьев, упоминавшихся Геродотом (IV, 67), а вилочка — приспособления для их разбрасывания (Болтрик Ю.В., Фиалко Е.Е., 1999, с.118). Однако и здесь существует некое противоречие. Из описанного Геродотом процесса гадания следует, что скифы развязывают положенные на землю пучки ивовых прутьев «и каждый прут *один за другим* ***раскладывают*** *в ряд*», изрекая предсказания, а затем собирают вновь по одному. Почти так же по сообщению Аммиана Марцеллина (XXXI, 2,24) ***раскладывали*** прутья во время гадания и аланы. Следовательно при описанном способе гадания (когда прутья раскладываются, а не разбрасываются) потребности в приспособлении для разбрасывания нет. Для нас интересен вариант гадания осетин, которые, по описанию С.В.Кокиева, использовали четыре небольшие палочки с одним расщепленным концом. Посредством этих соединенных попарно палочек и разгадывался смысл всего происходящего (Дюмезиль Ж., 1976, с.38). Но в скифских могилах находится обычно по одной вилочке и лишь в одном случае (к.10 Рогачикского курганного поля) их оказалось две. Четыре экземпляра в одном комплексе не обнаружено ни разу.

Поиск аналогий бронзовым вилочкам скифов во времени и пространстве привел нас прежде всего на Центральный Кавказ. Здесь в погребениях Тлийского могильника собрана серия (22 экз.) вилообразных цельнолитых бронзовых булавок (тип XI по Б.В.Техову). Среди них имеются как маленькие (длиной до 11 см), так и массивные (до 25 см) экземпляры с двумя и тремя зубцами (рис.2, *8-12*). Эти булавки местного центрально-азиатского происхождения датируются XIV-XIII вв. до н.э. Подобные булавки с массивными вилообразными зубцами, как считают исследователи, служили для скрепления тяжелой одежды (Техов Б.В., 1977, с.50,51,148). Удивительно схожа с ви-

лочкой с фигурными окончаниями из могильника Неаполя Скифского (рис.2, *3*) фрагментированная бронзовая булавка из Былымского клада (рис.2, *4*), относящегося к западному варианту кобанской культуры. По классификации В.И.Козенковой она относится к первому варианту III типа — булавкам с навершиями в виде парных головок животных (в данном случае баранов), смотрящих в разные стороны, и датируется X-IX вв. до н.э. (Козенкова В.И., 1998, с.65). Ближайшим соответствием вилочке с фигурными головками из п.21 Мавзолея Неаполя Скифского (рис.2, *1*) может служить булавка с навершием в виде двух объемно моделированных головок горных козлов с выпуклыми глазами из Сержень-юртовского поселения, относящаяся к восточному варианту кобанской культуры. Она принадлежит к тому же типу, что и предыдущая, и датируется X-IX вв. до н.э. (Козенкова В.И., 1982, с.57, табл.XXXIV, *4*).

Следует отметить очень важное, на наш взгляд, обстоятельство, которое в полном смысле бросается в глаза — это, помимо определенной близости в оформлении верхней части рожек (т.е. самих наверший), практически полное тождество форм и размеров скифских вилочек и наверший бронзовых булавок.

Так называемые «булавки», изготовленные из различных материалов — рога, кости, металла — достаточно часты в погребениях раннебронзового века степного Причерноморья и Предкавказья. Здесь, думается, вполне уместно вспомнить о молоточковидных булавках. Как показало фундаментальное исследование В.Я.Кияшко, специально посвященное этим предметам, казалось бы далеко отстоящие друг от друга по времени артефакты имеют много общих черт. Выборка 200 погребений, первоначальное положение булавок в которых строго документировано, позволила сделать ряд важных наблюдений. Размещение булавок в погребении оказалось следующим: у локтевых сочленений, перед грудью скелетов — 74%, в области таза — 12%, у кистей — 7%, костей ног — 5%, у черепа —2%. Кроме того, иногда булавки *преднамеренно поломаны*, в то же время многие имеют следы поломок и починок (Кияшко В.Я., 1992, с.6). В эпоху бронзы эти оригинальные и тщательно изготовленные предметы носились, по мнению В.Я.Кияшко, в составе священных наборов (ожерелий?) и неизменно сопровождали в последний путь умерших любого пола и возраста. Воспринимать подобные вещи в качестве булавки-застежки достаточно трудно (слишком велик диаметр стержня). Определенные сомнения в этой связи усиливает и находка из кургана 31 у с.Виноградное (Запорожская обл.). Здесь в погребении сарматского времени рядом с колчаном со стрелами (на предплечье левой руки) обнаружена костяная булавка с головкой в виде двух цилиндрических выступов и круглым в сечении стержнем диаметром 1 см, длиной 19 см (Отрощенко и др., 1985, с.24). Находка уникальна и, думается, вполне может служить контраргументом в споре о назначении интересующих нас артефактов.

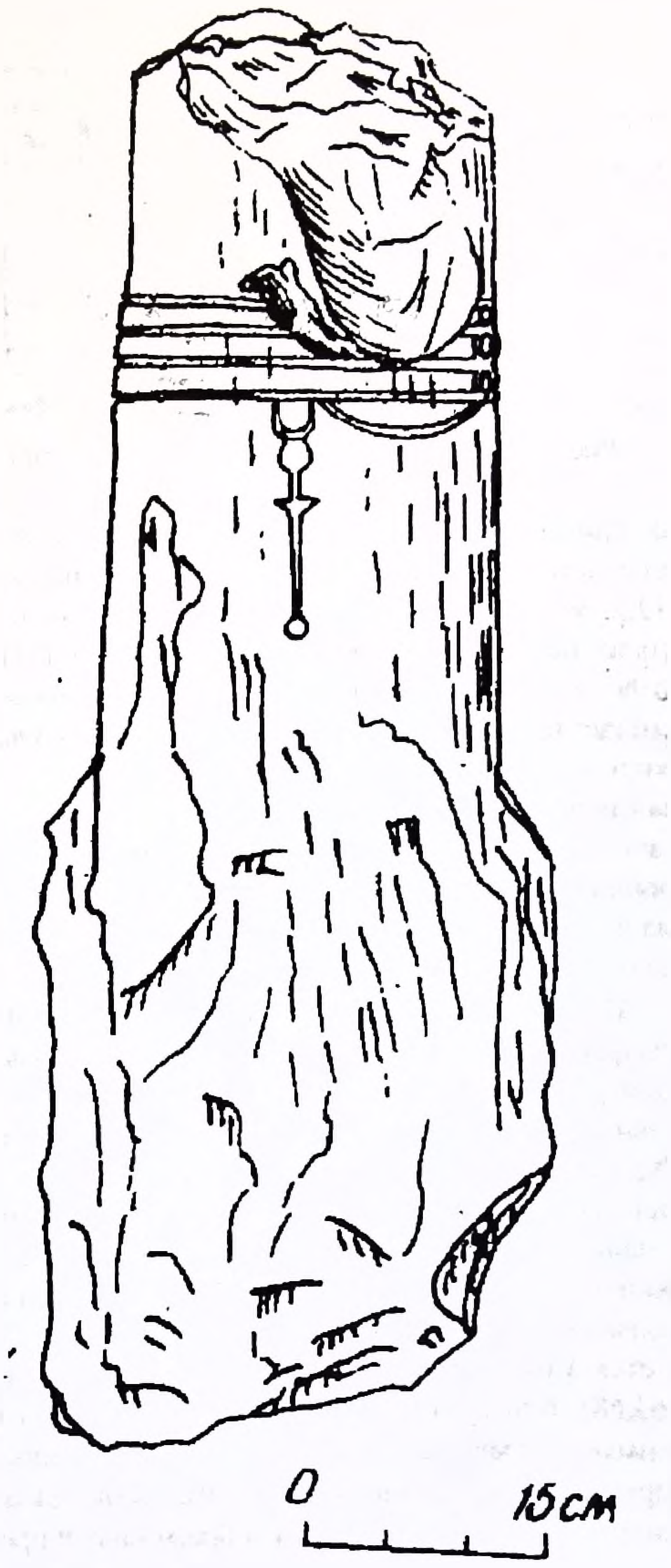


Рис.4. Киммерийская стела из к.16 у с.Целинное

Источником, значение которого вряд ли можно переоценить, является киммерийская стела, обнаруженная в насыпи к.16 у с.Целинное (Крым), первоначально установленная над погребением. Стела представляла собой схематическое изображение воина с реалистически воспроизведенными предметами вооружения, прикрепленными к боевому поясу. На левой ее стороне изображены акинак и горит, на спине оселок. Для нас наиболее интересно изображение с правой стороны (рис.4), которое автор раскопок описывает следующим образом: «...от конца пояса отходит ремешок, свисающий дугой. На месте прикрепления ремешка к поясу — крючок(?) в виде полумесяца, под которым свисает предмет в виде стержня. В верхней части он имеет круглое навершие,... короткую рукоять

Рис.5. Сцена прощания с умершим на печати из Ирака (по В.Я.Кияшко, 1992)

с горизонтальным перекрытием. Стержень оканчивается круглым расширением. Общая длина предмета 12,5 см. Вероятно, это изображение нагайки или какого-то неизвестного оружия» (Корпусова В.Н., 1984, с.99). На наш взгляд изображение чрезвычайно напоминает бронзовые вилочки (о форме деревянных рукоятей которых говорить пока не приходится). Уверенность в правильности и корректности такого сопоставления придают обстоятельства находки бронзовой вилочки в погребении у с.Брилевка. Она располагалась на левой стороне груди с остатками портупейного пояса (Евдокимов Г.Л. и др., 1985).

В определенной мере связующим звеном между скифскими вилочками и вилообразными «булавками» Центрального Кавказа выступают бронзовое молоточковидное «навершие» из погребения 36 могильника Фарс/Клады в Закубаньи и его аналоги из Абхазии. Несколько отличное по форме, но сходное по размерам и наличию продольного сквозного отверстия для деревянного стержня, навершие из Фарса (рис.2, *13*) определяется как культовый предмет. Погребение 36 датируется VIII в. до н.э. (Лесков А.М., Эрлих В.Р., 1999, с.63,68). Близкую дату имеет и упоминавшаяся выше «киммерийская» стела из с.Целинное[2]. Традиционная форма стел, пришедших с востока, обогащалась оригинальными элементами — изображениями предметов местного вооружения и культов новой территории.

В каком же качестве могли служить подобные предметы? В связи с этим вопросом стоит вспомнить печать, найденную в Ираке (Contenau G., 1927-1947, III, с.1997), на которой изображена сцена прощания с умершим (рис.5). В центре изображения — разделяющие миры ворота; с одной стороны от них погребальная ладья с перевозчиком, увозящим тело и душу усопшего; с другой — фигуры двух жрецов и женщины . Перед собой она двумя руками держит ***рогатый маленький фетиш*** — залог последней связи. А в руках жрецов священные плетеные пучки, увенчанные жезлами, в которых легко угадываются посоховидные булавки, известные в памятниках степных и предгорных районов Северо-Восточного Причерноморья (Кияшко В.Я., 1992, с.44).

Все сказанное выше как будто позволяет усматривать в бронзовых вилочках некий фетиш, игравший важную роль в погребальном культе ираноязычных племен.

Вилочки в скифских памятниках фиксируются с IV в. до н.э., большинство же их датируется второй половиной IV в. до н.э. Доживают подобные предметы вплоть до I в. н.э. Из склепа некрополя Керкинитиды III-I вв. до н.э. происходит бронзовая вилочка (рис.2, 7), концы которой оформлены в виде головок верблюдов (Михлин Б.Ю., Бирюков А.С., 1983, с.40). Складывается впечатление, что орудия, увенчанные вилочками, бытовали в скифской среде максимально долго, но не получили дальнейшего развития у народов, сменивших скифов на территории их обитания. Это обстоятельство может косвенным образом указывать на то, что вилочки не являлись предметами быта, а служили для культовых действий.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] С.С.Бессонова обратила наше внимание на любопытные бронзовые предметы в виде плоской выгнутой пластины с загнутыми рожками, оканчивающимися шишечками, по сторонам, которые происходят из памятников с территории Забайкалья и Китая. Речь идет о так называемых «моделях ярма», которые носились на поясе как пряжки-держатели поводьев одноместной боевой колесницы во время боя (Варенов А.В., 1984, рис.19). Однако А.В.Варенов отмечает, что с развитием практики верховой езды пряжки утрачивают свое значение. Если же сравнивать упомянутые «модели» со скифскими вилочками, следует сказать, что они в несколько раз больше (длина их вместе с рожками достигает 45 см), часто находятся в районе пояса и не имеют отверстий. В лесостепной тагарской культуре эти пряжки вырождаются в миниатюрные вотивные изделия, которые тоже носили на поясе (Мартынов А.И., 1979, с.131,144).

[2] Благодарим С.В.Махортых за консультацию по уточнению даты стелы.

ЛИТЕРАТУРА И АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Березовец Д.Т., 1951. Отчет о раскопках курганного могильника в с.Кут Апостольского р-на Днепропетровской обл. в 1951 г. // Архив ИА НАНУ, инв. № 1951/3а.

Берестнев С.И., 1980. Отчет о раскопках и разведках археологических памятников на территории Харьковской области в 1980 г. // Архив ИА НАНУ, инв. № 1980/88.

Бидзиля В.И., Болтрик Ю.В., 1969-70. Отчет о работе Северо-Рогачикской экспедиции ИА АН УССР за 1969-70 гг. Часть 2 // Архив ИА НАНУ, инв. № 1969-70/37а.

Бобринский А.А., 1901. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы. Т.3. СПб.

Бобринский А.А., 1905. Отчет о раскопках близ с.Журовки и Капитановки в 1904 г. // ИАК. № 17.

Бобринский А.А., 1910. Исследования в Киевской губернии в 1908 г. // ИАК. № 35.

Бодянский А.В., 1962. Скифское погребение с латенским мечом в среднем Поднепровье // СА. № 1.

Болтрик Ю.В., Савовский И.П., 1991. Курган Плоская Могила // Курганы Степной Скифии. Киев.

Болтрик Ю.В., Фиалко Е.Е., 1999. Скифские двурожковые вилочки // Матеріали міжнародної археологічної конференції «Етнічна історія та культура населення степу та лісостепу Євразії (від кам'яного віку по раннє середньовіччя). Дніпропетровськ.

Бондарь Н.Н., Антоненко Б.А., Васильченко С.А., Пиоро И.С., Самойленко Л.Г., 1978. Отчет о работе Никопольской экспедиции КГУ в 1978 г. // Архив ИА НАНУ, инв. № 1978/52.

Бородулин В.Г., 1979. Отчет о раскопках Песочинского курганного могильника в 1979 г. // Архив ИА НАНУ, инв. № 1979/112.

Варенов А.В., 1984. О функциональном назначении «моделей ярма» эпохи инь и чжоу // Новое в археологии Китая. Исследования и проблемы. Новосибирск.

Галанина Л.К., 1977. Скифские древности Поднепровья (Эрмитажная коллекция Н.Е.Бранденбурга) // САИ. Вып.Д1-33.

Граков Б.Н., 1962. Скифские погребения на Никопольском курганном поле // МИА. № 115.

Дюмезиль Ж., 1976. Осетинский эпос и мифология. М.

Евдокимов Г.Л. и др., 1983. Отчет КЗЭ о раскопках в Херсонской области // Архив ИА НАНУ, инв. № 1983/2.

Евдокимов Г.Л., Гершкович Я.П., Поруцкий А.Г., 1985. Отчет КЗЭ о раскопках курганов в Херсонской области // Архив ИА НАНУ, инв. № 1985/2.

Евдокимов Г.Л., Генинг В.В., Куприй Н.М., Солтыс О.Б., 1990. Отчет о раскопках курганов КЗЭ в зоне строительства ОС Херсонской области в 1990 г. // Архив ИА НАНУ, инв. № 1990/12.

Евдокимов Г.Л. и др., 1991. Отчет о раскопках КЗЭ в Херсонской области // Архив ИА НАНУ, инв. № 1991/6.

Ильюков Л.С., 1979. Металлические «вилки» майкопской культуры // СА. № 4.

Кияшко В.Я., 1992. К вопросу о молоточковидных булавках // Донские древности. Вып.1. Азов.

Ковпаненко Г.Т., Бессонова С.С., Скорый С.А., 1989. Памятники скифской эпохи Днепровского Лесостепного Правобережья. Киев.

Козенкова В.И., 1982. Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры. Восточный вариант // САИ. Вып.В2-5. М.

Козенкова В.И., 1998. Материальная основа быта кобанских племен. Западный вариант // САИ. Вып.В2-5. М.

Корпусова В.Н., 1984. Курганы у с.Целинное // Курганы Степного Крыма. Киев.

Крылова Л.П., Елинов И.М., 1973. Отчет об археологических раскопках, проведенных отрядом Днепропетровского Исторического музея постояннодействующей археологической экспедиции ИА НАНУ в 1973 г. // Архив ИА НАНУ, инв. № 1973/6е.

Кубышев А.И., Дорофеев В.В., Шилов Ю.А., 1983. Отчет о работах ХАЭ в зоне строительства Каховской оросительной системы в Херсонской и Запорожской областях в 1983 г. // Архив ИА НАНУ, инв. № 1983/26.

Куприй С.А., 1991. Скифский курганный могильник у с.Новофедоровка на юге Херсонщины // Курганы Степной Скифии. Киев.

Лесков А.М., Румянцев А.Н., Болдин Я.И. и др., 1972. Отчет о работе ХАЭ в 1972 г. // Архив ИА НАНУ, инв. № 1972/35.

Лесков А.М., Эрлих В.Р., 1999. Могильник Фарс/Клады. Памятник перехода от эпохи поздней бронзы к раннему железному веку на Северо-Западном Кавказе. М.

Мартынов А.И., 1979. Лесостепная тагарская культура. Новосибирск.

Мелюкова А.И., 1981. Краснокутский курган. М.

Михлин Б.Ю., Бирюков А.С., 1983. Склеп с уступчатым перекрытием в некрополе Керкинитиды // Население и культура Крыма в первые века н.э. Киев.

Мурзін В.Ю., Полін С.В., Ролле Р., 1993. Скіфський курган «Тетянина Могила» // Археологія. № 2.

Отрощенко В.В., Болдин Я.И., Белов А.Ф. и др., 1978. Отчет о раскопках ЗПЭ в 1978 г. // Архив ИА НАНУ, инв. № 1978/3.

Отрощенко В.В., Рассамакин Ю.Я., Кудрявцева О.В. и др., 1985. Отчет о раскопках ЗПЭ в 1985 г. // Архив ИА НАНУ, инв. № 1985/4.

Пузикова А.И., 1966. Новые курганы скифского времени в Белгородской области // КСИА. Вып.107.

Пузикова А.И., 1997. Уникальный комплекс из могильника скифского времени у деревни Дуровка (Среднее Подонье) // РА. № 2.

Скорий С.А., Хохоровські Я., Григорьєв В.П., Ридзєвські Я., 1999. Центральна могила Великого Рижанівського кургану // Археологія. № 1.

Сымонович Э.А., 1983. Население столицы позднескифского царства. М.

Техов Б.В., 1977. Центральный Кавказ в XVI-X вв. до н.э. М.

Тереножкин А.И., Ильинская В.А., Мозолевский Б.Н., 1974. Скифский курганный могильник Гайманово поле (раскопки 1968 г.) // Скифы и сарматы. Киев.

Тереножкин А.И., Мозолевский Б.Н., 1988. Мелитопольский курган. Киев.

Фиалко Е.Е., 1994. Погребальный комплекс кургана Огуз // Древности скифов. Киев.

Чередниченко Н.Н., Бессонова С.С., Болдин Я.И., 1975. Отчет о работе ВТЭ в 1975 г. // Архив ИА НАНУ, инв. № 1975/11.

Черненко Е.В., 1981. Скифские лучники. Киев.

Шульц П.Н., 1953. Мавзолей Неаполя Скифского. М.

Contenau G., 1927-1947. Manuel d'Archeologia Orientale. T.I-IV. Paris.

ЧЕРНЕНКО Е.В.

ЛЮБОТИНСКИЙ КУРГАН

В бассейне Северского Донца* находится много городищ и курганов скифского времени. Одно из скоплений курганных групп расположено на юго-запад от Харькова у г.Люботин. Здесь проводили раскопки А.С.Федоровский, С.А.Семенов-Зусер, Б.А.Шрамко. В конце 1930-х гг. на площади около 18 тыс. кв.м. находилось до 450 курганов большого курганного поля, образованного из десятка могильников. Курганы небольшие, рядовые. Большинство из раскопанных курганов относилось к скифскому времени. Формировались они вокруг Люботинского (Шейермановского) городища (Шрамко Б.А., 1998, с.9-131).

Среди прочих курганных групп выделяется группа у пос.Караван, расположенная на левом берегу р.Мерефа. В начале 1990-х гг. до десятка курганов были разрушены при хозяйственных работах. В настоящее время могильник почти полностью уничтожен. Все больше и больше курганов и их останцов становится жертвой криминальной «теневой археологии», грабительских раскопок современных искателей сокровищ. Трудно даже представить, какие бесценные вещи пропадают для науки, попадают в модные ныне частные коллекции, становятся объектами торга.

Доисследование разрушенного кургана было проведено директором Люботинского краеведческого музея А.Бандуровским. Курган № 2 доисследовали вместе с ним харьковские археологи Ю.В.Буйнов и А.К.Дегтярь. Появились первые публикации материалов раскопок (Черненко Є.В. и др., 1998; Бандуровский А.В. и др., 1998).

В данной статье речь идет о кургане № 1, названным в первой публикации (Черненко Є.В. и др., 1998, с.153-155) Люботинским. Ведь это наиболее древний и во многом уникальный курган не только Люботинского могильника, но всего бассейна Северского Донца.

К сожалению, насыпь кургана полностью разрушена при строительных работах, его размеры не устанавливаются. Погребальное сооружение разрушили грабители. Раскопки при доисследовании проводились археологом, не имевшим опыта работы на курганах. В документации много неясного и противоречивого (в частности, не совпадают размеры, указанные на чертежах и в тексте), о многом можно судить с очень небольшой уверенностью.

Привожу описание погребального сооружения на основе плана (рис.1), приведенного в публикации А.В.Бандуровского, Ю.В.Буйнова и А.К.Дегтяря (1998, с.145). Прямоугольный грабительский котлован размером 5х5,8 м был доведен до дна на глубину 5,5 м. Он прошел вертикально почти в центре могилы; оставались на 1,3-0,3 м не добранными стенки. Могильная яма в плане была почти круглой. В средней части западной трети могилы находились остатки разрушенного человеческого скелета, не дающие представления о положении погребенного (или погребенных), и разбитое блюдо из песчаника. В северо-западной стенке у дна могилы был сделан небольшой подовальный в плане подбой (тайник) размером 0,3х0,15 м. Стенки могильной ямы были, очевидно, обшиты досками. Остатки их, местами сохранившиеся в нижней части стен, закрывали устье тайника. В тайнике лежали: костяное изделие, жезл, серебряное зеркало, две серебряные булавки.

Опишу инвентарь кургана.

1. Блюдо из песчаника овальной формы, размером 0,5х0,33 м. Достаточно необычна толщина дна и ширина бортика — около 4,2 см. Высота бортика — 1,3 см (рис.2).

2. Костяное изделие в виде круглого стержня диаметром 1 см и длиной 20 см. В средней части гладкое, у концов украшено насечкой в виде частой косой сетки. На одном конце помещено скульптурное изображение головки хищной птицы (орла?) с сильно загнутым клювом и круглым глазом, а на другом — каплеобразное утолщение (стилизованное копыто?) (рис.3, *2*).

3. Жезл — состоит из трех частей: бронзовых навершия и «подтока», костяной рукоятки. Массивное навершие имеет достаточно сложную форму. Оно цилиндрическое, со сквозной круглой втулкой. В нижней части проходят два горизонтальных валика. Выше них находится боченкообразное расширение с двумя рядами пирамидальных выступов со срезанными верхушками. В каждом ряду по 6 таких выступов. Они несколько смещены в рядах и в плане образуют круг из 12 выступов. Рукоятка изготовлена из кости и сохранилась очень плохо. Диаметр ее, судя по втулке в навершии и подтоке, равнялся 1,4 см, длина — 15 см. Подток имел цилиндрическую форму, которая несколько расширяется у «глухого» нижнего конца, где проходит сквозное отверстие для фиксации на ручке с помощью деревянной или костяной палочки (рис.4, *1,2,4*).

Общая длина жезла 32 см. Из них на навершие и подток приходится соответственно 8,15 и 9 см. Хорошо

---

* В археологической литературе встречается ошибочное название р.Северский Донец как Северный Донец (Либеров П.Д., 1962).

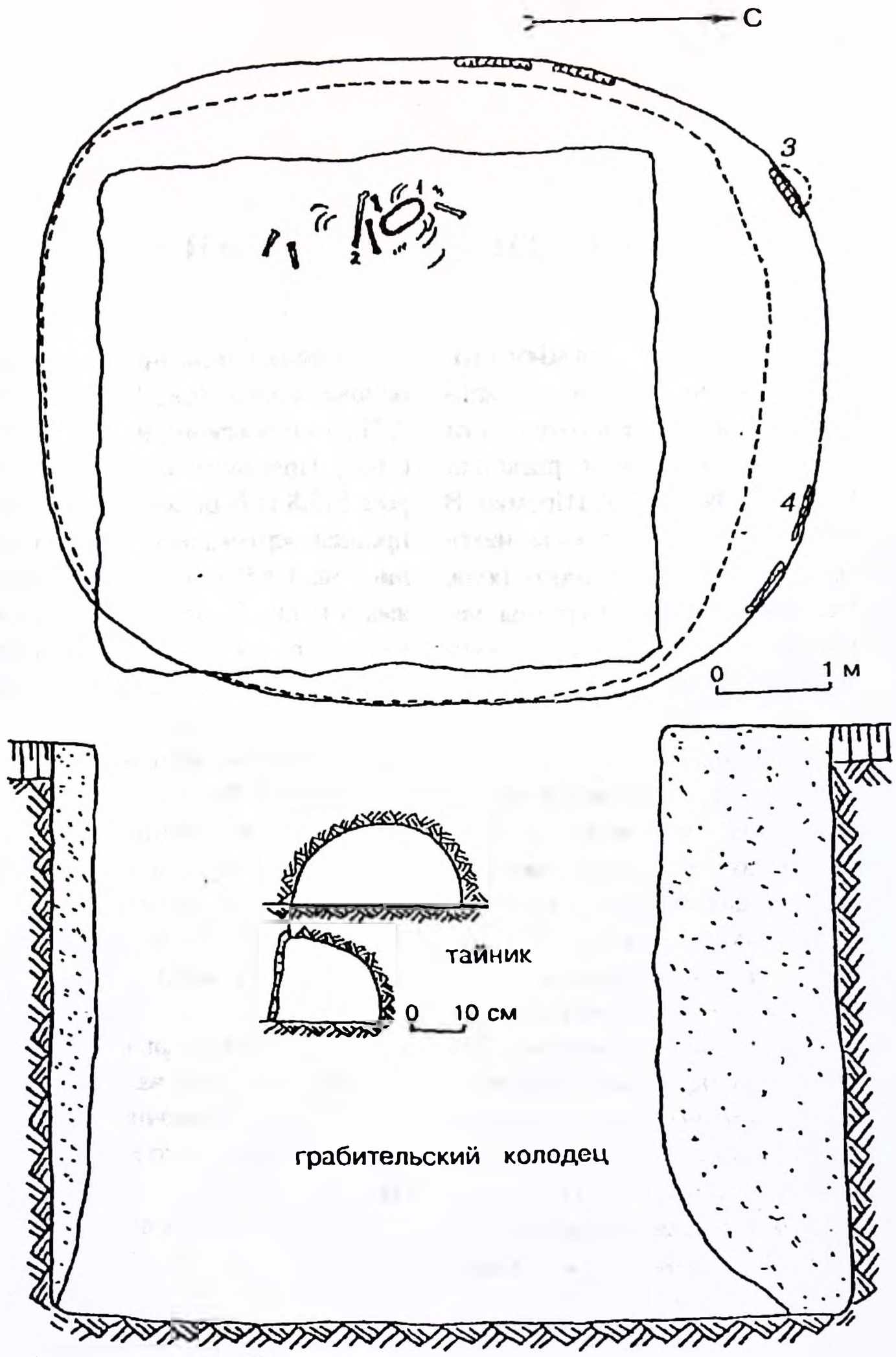


Рис.1. План погребения кургана № 1 Караванской группы (по А.В.Бандуровскому, Ю.В.Буйнову, А.К.Дегтярю). *1* — каменное блюдо; *2* — кости скелета; *3* — тайник; *4* — остатки дерева

сохранились бронзовые элементы, покрытые благородной патиной.

4. Серебряное зеркало имело массивный диск диаметром 15,5 см и толщину 5,5 см. Прямоугольная ручка находилась в центре. Вдоль края проходит тонкий бортик высотой до 0,3 см. Зеркало почти не подверглось окислению. Вес его — 640 г. (рис.4, *3*).

5. Две серебряные булавки почти одинаковые, длиной 15 см. Нижний их конец заострен, на верхнем помещены круглые (одна слегка приплюснута) головки-навершия, состоящие из двух полусфер. Над ними закреплены маленькие золотые шарики, фиксирующие их на серебряных остриях. Под навершиями находилась узкая золотая муфточка, окантованная парой валиков. В верхней трети помещалась золотая обойма с двумя парными валиками на краях. Между ними было боченкообразное расширение, украшенное продольным рядом насечек (рис.3, *1*). Булавки очень хорошо сохранились.

Как указывалось выше, высота кургана не установлена. Поражают размеры и глубина камеры. Судя по сводке П.Д.Либерова (1962, с.17-20) для курганов Северского Донца, из 74 учтенных погребений, известных на этой территории, лишь 15 находились в насыпи, а 37 — в грунте. Это соотношение не изменили и раскопки последующих лет. Все курганы небольшие. В частности, для Люботинского могильника П.Д.Либеров отмечает лишь один, имевший высоту до 1,6 м. Погребальные сооружения небольшие. К сожалению, глубина их не указана.

Посмотрим, как обстоит дело с глубинами, на которых расположены погребальные сооружения и их размерами в кургана Лесостепи.

Для памятников бассейна Ворсклы характерны курганы, имеющие обширные могилы, расположенные на небольшой глубине. В кургане Витова Могила могильная яма имела размер 4,26х2,84 м при глубине

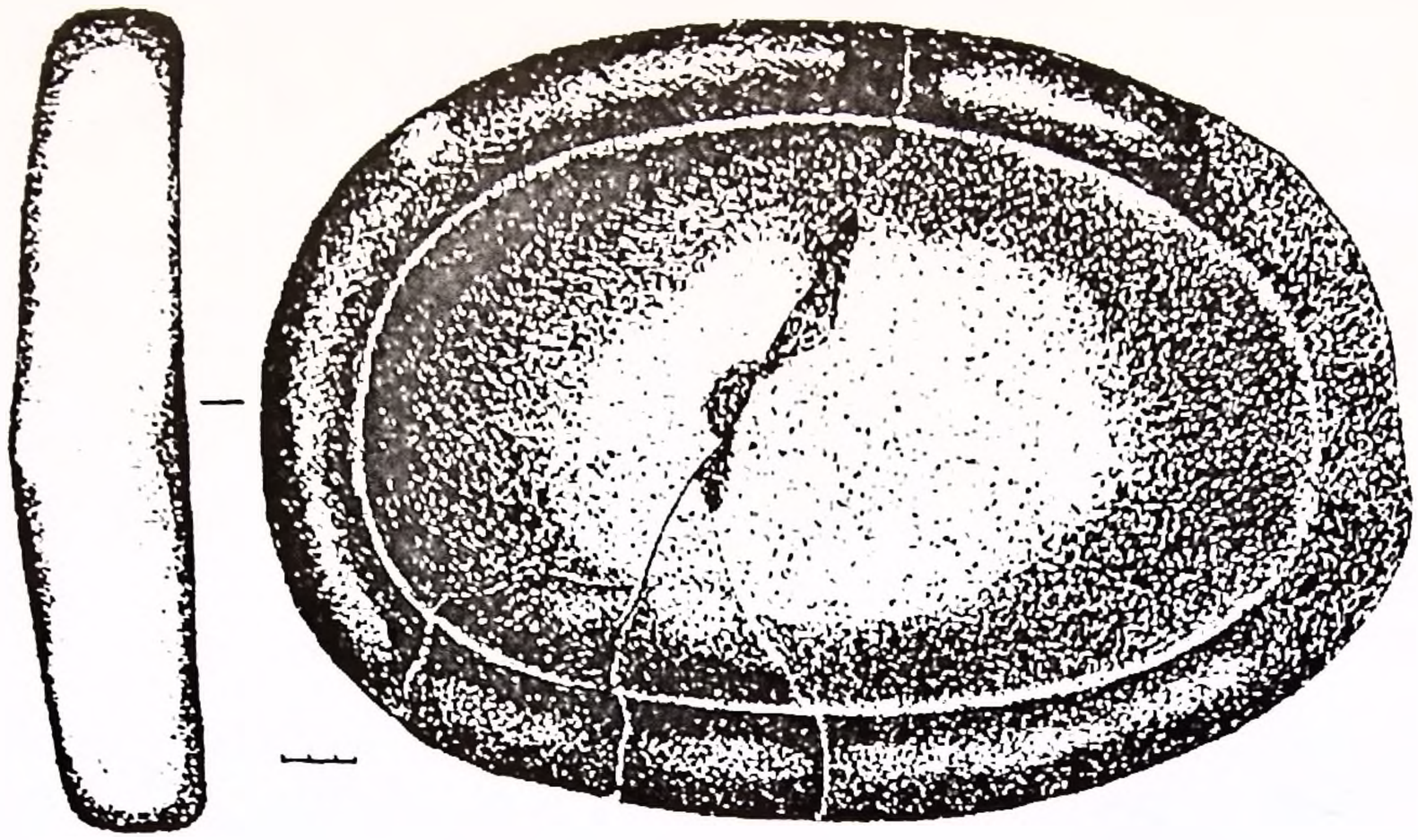


Рис.2. Каменное блюдо

1.06 м; в кургане у Глинища — соответственно 5x3,8x0.7 м. Большие размеры могильных ям были прослежены на могильниках у Бельского городища. В кургане из Осняг (№ 4) могила имела размер 5,3x4,6 м при глубине 1,42 м, в кургане № 6 той же группы соответственно 4,26x3,2 м и 1,25 м (Ковпаненко Г.Т., 1967); в курганах группы Перещепино № 11 и 13 размеры ям доходили до 5,75x4,75 м и 4,5x3,3 м при глубинах 1,4 и 1,6 м (Мурзин В.Ю. и др., 1997, с.7; Мурзин В.Ю. и др., 1998, с.6). В кургане № 1 некрополя «А» на территории Бельского городища погребальная камера размером 5,2x4,65 м находилась на глубине немногим более 2 м (Супруненко О.Б., 1996, с.93).

В больших курганах Посулья (Старшая Могила и у х.Шумейко) обширные могилы располагались на значительной глубине (8,5x5,7 м, глубина 4,3 м в первом и 6,4x5 м, глубина 3,5 м — во втором кургане (Ильинская В.А., 1968, с.196).

Аналогичная картина наблюдается и в курганах Правобережья Днепра.

Приведу лишь несколько примеров. Это курган № 406 у Журовки (6x4,5 м и глубина 3,15 м), Глеваха (8,2x5 м, глубина 2,5 м) (Ковпаненко Г.Т. и др., 1989, с.33), Стеблев, курганы № 2 и 4 соответственно 4,9x4,6 м и 4,5x3,6 м, глубина — 2,2 м у каждого (Скорый С.А., 1997, с.79,83).

Список можно было бы продолжить. Но и из приведенных примеров ясно, что и в Левобережье и на Правобережье обширные погребальные сооружения, соотносимые с Люботинским курганом по размерам, находились (в отличие от Люботинского) на сравнительно небольшой глубине. Характерно, что в Лесостепи, как и в Степи, размеры погребальных сооружений не всегда и не прямо соответствовали параметрам насыпи.

Естественно возникает вопрос, к какому типу погребальных сооружений относится могила Люботинского кургана? Определенно ответить на этот вопрос нельзя. Небольшие размеры камеры не позволяют предполагать здесь наличие катакомбы. Хотя катакомбы в раннее время на Левобережье в архаике известны. Достаточно вспомнить курган у Кириковки (Мельник Е., 1905, с.715; Либеров П.Д., 1962, с.21-23). Известны катакомбы и в некрополях Бельского городища из раскопок последних лет. Рано появляются и подбойные могилы в степи. Это Серогозы (Браун Ф., 1898), Никопольское курганное поле (Граков Б.Н., 1962; 1964), Старые Куконешты в Молдавии (Дергачев В.А., 1979, с.239).

Сложная «раскопочная судьба» кургана, не позволившая проследить (если они были) следы крепления деревянного наката, заплечики, не дает права отмечать в нем наличие солидных деревянных конструкций. Во всяком случае, с уверенностью можно считать, что дерево использовалось в нем ограниченно. Вспомним «доски», которые закрывали тайник, местами сохранившиеся на стенках у дна. Слабо верится и в наличие простой ямы, расположенной на глубине 5,5 м и перекрытой накатом на таком расстоянии от дна. Вопрос о характере погребального сооружения остается открытым.

Уникальным является и тайник. Это древнейший тайник в курганах Скифии. В Степи они известны в более позднее время. Это курганы у Александровки (Ковалева И.Ф., Мухопад С.Е., 1982, рис.2, 5), Мелитополе (Тереножкин А.И., Мозолевский Б.Н., 1988, с.41-45), В.Белозерки (Отрощенко В.В., 1984, с.122), Красном Подоле (Полин С.В., 1984, с.108). Характерно, что во всех находилось оружие. В Люботинском кургане в тайнике находились вещи, вероятно, связанные с культом. К IV в. до н.э. относится тайник в кургане у с.Петровка в степной части бассейна Северского Донца (Братченко С.Н. и др., 1989).

Во многом уникальным является набор инвентаря, неясно назначение некоторых вещей.

Проще всего обстоит дело с каменным блюдом. Они довольно часто встречаются в комплексах, начи-

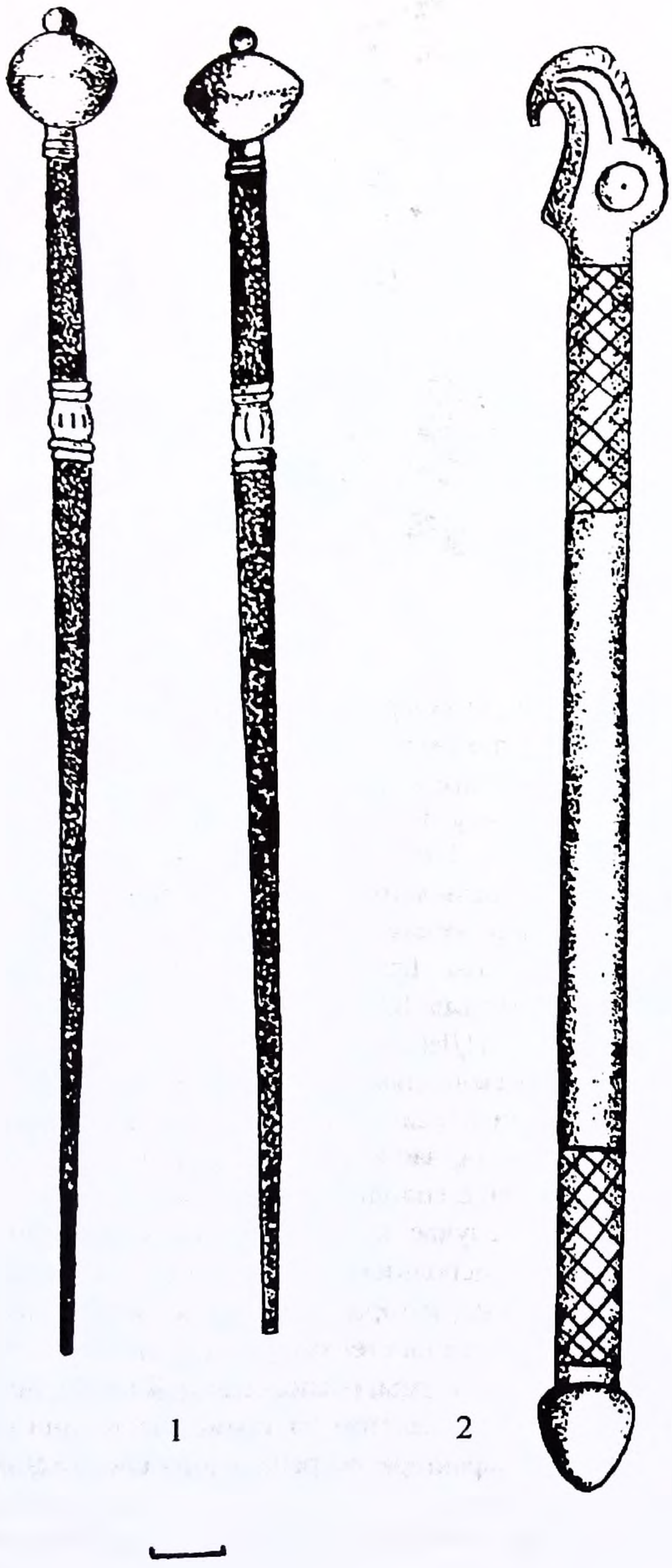


Рис.3. *1* — булавки (серебро, золото); *2* — изделие из кости

ная с самой ранней поры скифской истории. Весьма показательно их присутствие в древнейших скифских комплексах (у г.Константиновска; курган № 406 у Журовки; Краснокаменский курган № 3; Келермес, курган № 29; Перепятиха).

Бесспорно, жезл выполнял церемониальные функции. Об этом свидетельствует сложная форма его навершия, размеры и наличие костяной рукоятки, ограничивающей возможность использования его в качестве оружия. Обращает на себя внимание наличие на бронзовом подтоке сквозного отверстия для крепления, аналогичного отверстиям на бронзовых бутеролях древнейших скифских мечей.

Навершие и подток изготовлены из великолепной бронзы, покрытой красивой патиной. Вспоминаются слова Плутарха: «...Патина на бронзе похожа не на грязный налет или ржавчину, а на светлую лазурь... Наверное... был у старинных медников какой-нибудь особенный состав или смесь вроде той пресловутой отделки лезвий у мечей, с прекращением которой бронзе пришлось отдохнуть от ратных дел» (Плутарх, 1996, с.98).

Нет прямых аналогий костяному изделию. Совершенно определенно, что оно не может быть псалием. Обращает на себя внимание некоторая близость его костяным (правда, граненым) палочкам из Кармир-Блура (Пиотровский Б.Б., 1955, с.17, рис.9). Подобные изделия О.Р.Дубовская связала с рукоятками нагайки (Дубовская О.Р., 1997, рис.1, *23,25*), необоснованно скомпоновав их с маленькими костяными навершиями из Кармир-Блура. В варианте, предложенном О.Р.Дубовской, кармирблурские изделия еще ближе люботинскому. Но связывать все подобные вещи с нагайкой нельзя хотя бы потому, что при использовании их в качестве рукоятки, хрупкая кость неминуемо бы разрушилась — слишком большое усилие приходится на рукоятку при работе нагайкой. Определенная близость люботинского и кармирблурских изделий, наличие орлиной головки, не имеющей характерного наплыва над клювом, позволяет сблизить первое с зеркалом из Герасимовки, на котором выгравирована такая же головка. Аналогичная есть и на бронзовом псалии из Бельского городища (рис.5, *10*) (Шрамко Б.А., 1987, рис.58, *1*; Кузнецова Т.М., 1991, рис.1А).

Необычно массивное серебряное зеркало с невысоким бортиком и прямоугольной центральной ручкой. Круг его аналогий широк (Кузнецова Т.М., 1991, с.22-31). Приводя данные о распространении зеркал этого типа в памятниках конца VII в. до н.э., Т.М.Кузнецова настаивает на датировке большинства их них VI в. до н.э. Вероятно, это так. Но есть основания (на мой взгляд, остаточно серьезные) отнести зеркало из Люботина ко 2-й половине — концу VII в. до н.э. Этим временем достаточно убедительно датирует Перепятиху, в которой было обнаружено подобное (но бронзовое) зеркало, С.А.Скорый (1990, с.96). Так же датирует Келермес, откуда происходит знаменитое (тоже серебряное, но плакированное золотом с изображениями) зеркало, Л.К.Галанина (1997, с.142, табл.52).

Кстати, говоря о келермесском зеркале, Л.К.Галанина сопоставляет его с зеркалами, имевшими на петельках изображения (Галанина Л.К., 1997, с.140-142). Но для этого нет надежных оснований. Ручка зеркала обломана у самого основания и создается впечатление, что она может с равным основанием относиться к зеркалам типа люботинского. Очевидно, права М.И.Максимова, написавшая: «Какую форму имела утраченная ручка серебряного зеркала — установить невозможно» (Максимова М.И,, 1954, с.262).

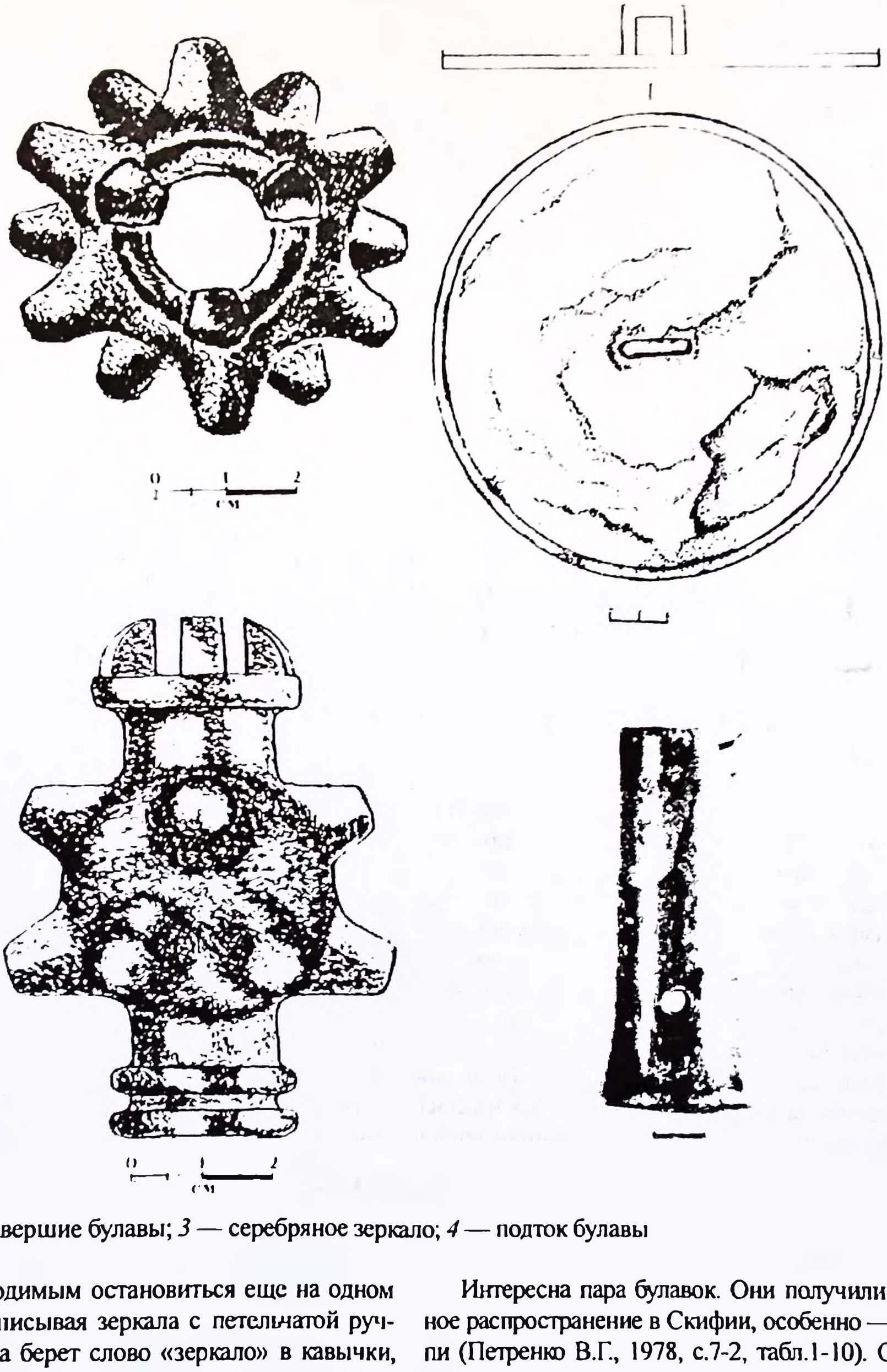


Рис.4. *1,2* — навершие булавы; *3* — серебряное зеркало; *4* — подток булавы

Считаю необходимым остановиться еще на одном обстоятельстве. Описывая зеркала с петельчатой ручкой, Т.М.Кузнецова берет слово «зеркало» в кавычки, охотно использует термин «фиала» (Кузнецова Т.М., 1991, с.15-22), определяя связь их с возлияниями (Кузнецова Т.М., 1991, с.83). Однако, бортик у зеркал невысокий. На келермесском он колеблется в пределах 0,6-1,1 см, на люботинском — 0,3-0,4 см. Вмещали они в случае применения в качестве фиал не более 15-25 г вина. Налить в них вино было трудно, еще труднее было выпить, не разлив, особенно, учитывая обычаи скифов, мало укладывающиеся в нормы «трезвого образа жизни». Для возлияния больше подходили свои собственные и греческие сосуды. А их было, как свидетельствует археология, предостаточно.

Интересна пара булавок. Они получили повсеместное распространение в Скифии, особенно — в Лесостепи (Петренко В.Г., 1978, с.7-2, табл.1-10). Обычно они сделаны из бронзы или железа; известна лишь одна биметаллическая (бронза и железо) булавка (рис.4, *1*), происходящая с Бельского городища (Шрамко Б.А., 1987, с.154, рис.58, *7*). Пара булавок из Люботина тоже биметаллическая (серебро и золото). Находка двух железных булавок с шаровидными навершиями, одно из которых обтянуто фольгой, отмечена и для Сибири в погребении кургана 15 могильника Догээ-Бары VI-V вв. до н.э. К сожалению, в публикации упоминается лишь сама находка без рисунка (Чугунов К.В., 1996, с.70). В памятниках Северского Донца булавок меньше, чем в остальных регионах Лесостепи — 33 против 64 — в

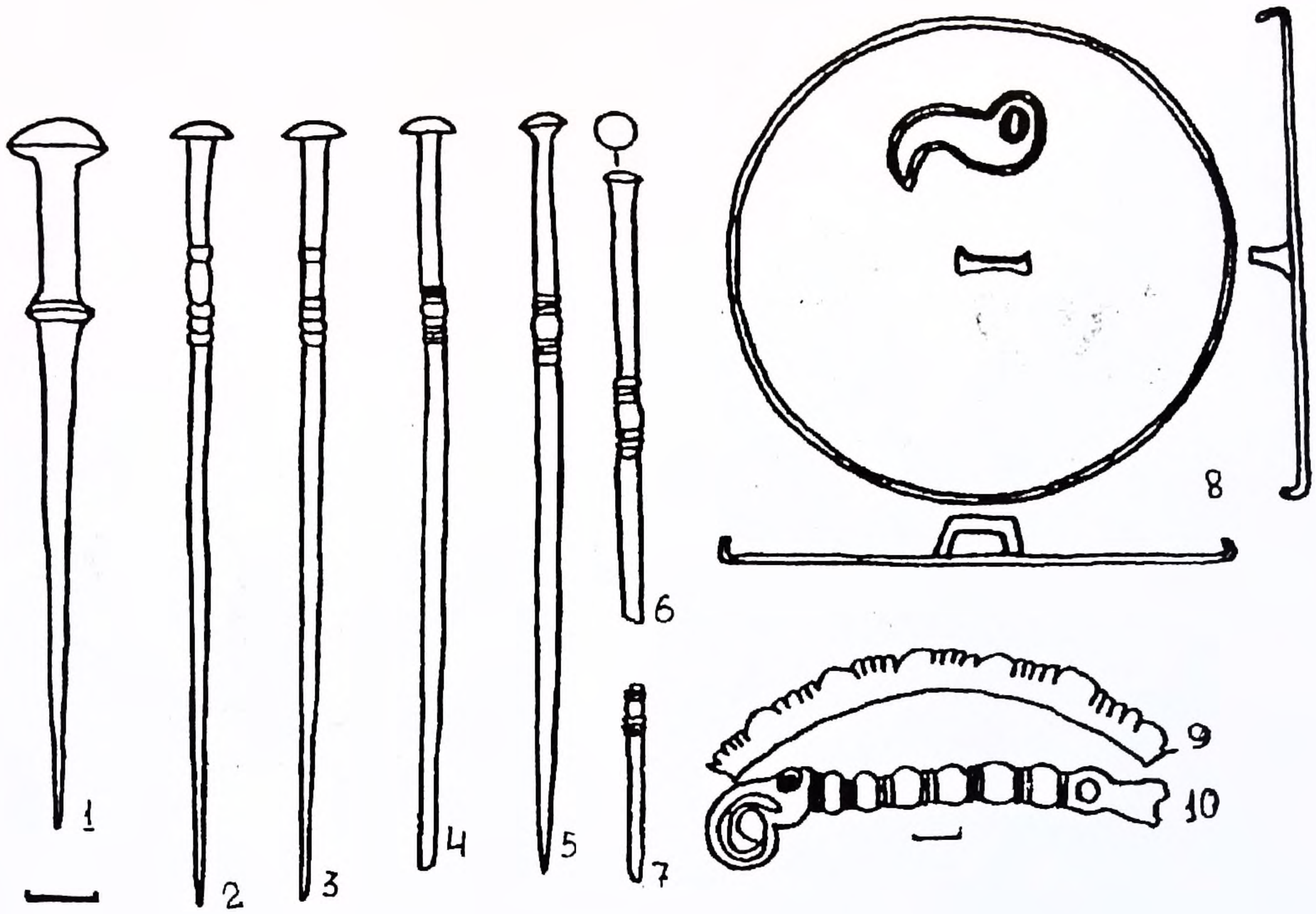


Рис.5. *1-7* — бронзовые булавки из курганов Лесостепи; *8* — бронзовое зеркало из кургана № 2 у Герасимовки; *9* — обломок бронзового браслета (Бельское городище); *10* — обломок бронзового псалия (Бельское городище)

Посулье и 83 — в Ворсклинской группе (Петренко В.Г., 1978, с.9,10). В этой связи следует отметить, что большинство их происходит с поселений или неопределенно датированных курганов, точная датировка их затруднена. В этой связи приобретает особое значение характер декора на средней части булавки. Он на булавках из Люботина абсолютно тождественен декору большинства булавок, что позволяет их рассматривать как составную часть массива булавок Скифии.

Украшение средней части изделия рифлеными кольцами разной ширины, идущими поперек изделия, становится «модой» еще с архаики. Вспомним упомянутый выше обломок псалия с Бельского городища (рис.5, *10*), обломок браслета оттуда же (рис.5, *9*).

В целом, комплекс Люботинского кургана можно датировать концом VII — самым началом VI в. до н.э. В пользу этого свидетельствуют аналогии, часть которых приведена выше.

Уникальное положение Люботинского могильника состоит в том, что в нем обнаружено еще несколько комплексов глубокой архаики (явление совершенно необычное для памятников Северского Донца и Поворсклья (Бандуровский А.В. и др., 1998, с.147-180; Бандуровский А.В., Черненко Е.В., 1999, с.27-30).

ЛИТЕРАТУРА

Бандуровский А.В., Черненко Е.В., 1999. Ахеменидские вещи из Люботинского могильника // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (к 100-летию Б.Н.Гракова). Запорожье.

Бандуровский А.В., Буйнов Ю.В., Дегтярь А.К., 1998. Новые исследования скифских курганов в окрестностях г.Люботина // Люботинское городище. Харьков.

Братченко С.Н., Швецов М.Л., Дубовская О.Р., 1989. Курган IV в. до н.э. в бассейне Северского Донца // СА. № 1.

Браун Ф., 1906. Отчет о раскопках в Таврической губернии в 1898 г. // ИАК. № 19. СПб.

Галанина Л.К., 1997. Келермесские курганы. М.

Граков Б.Н., 1962. Скифские погребения на Никопольском курганном поле // МИА. № 115.

Граков Б.Н., 1964. Погребальные сооружения и ритуал рядовых общинников степной Скифии // АСГЭ. Вып.6. Л.

Дергачев В.А., 1979. Раннескифское погребение на Среднем Пруте // СА. № 3.

Дубовская О.Р., 1997. Плеть как возможный атрибут предскифских погребений // Памятники предскифского и скифского времени на юге Восточной Европы (МИАР. № 1). М.

Ильинская В.А., 1968. Скифы днепровского лесостепного Левобережья (курганы Посулья). Киев.

Ковалева И.Ф., Мухопад С.Е., 1982. Скифское погребение конца VI — V вв. до н.э. у с.Александровка // Древности Степной Скифии. Киев.

Ковпаненко Г.Т., 1967. Племена скіфського часу на Ворсклі. Київ.

Ковпаненко Г.Т., Бессонова С.С., Скорый С.А., 1980. Памятники скифской эпохи днепровского лесостепного Правобережья. Киев.

Кузнецова Т.М., 1991. Этюды по скифской истории. М.

Либеров П.Д., 1962. Памятники скифского времени бассейна Северного Донца // МИА. № 113.

Максимова М.И., 1954. Серебряное зеркало из Кермеса // СА. Вып.XXI.

Мельник Е., 1905. Раскопки курганов в Харьковской губ. в 1900-1901 гг. // Труды XII АС. Т.I. Харьков.

Мурзин В.Ю., Ролле Р., Херц В., Махортых С.В., Черненко Е.В., 1997. Исследования совместной Украинско-Немецкой археологической экспедиции в 1996 г. Киев.

Мурзин В.Ю., Ролле Р., Херц В., Махортых С.В., Белозер В.П., 1998. Исследования совместной Украинско-Немецкой археологической экспедиции в 1997 г. Киев.

Отрощенко В.В., 1984. Парадный меч из кургана у с.Великая Белозерка // Вооружение скифов и сарматов. Киев.

Петренко В.Г., 1978. Украшения Скифии VII-III вв. до н.э. // САИ. Вып.Д 4-5. М.

Пиотровский Б.Б., 1955. Кармир-Блур. Вып.3. Л.

Плутарх, 1996. Пир семи мудрецов.

Полин С.В., 1984. Захоронения скифского воина-дружинника у с.Красный Подол на Херсонщине // Вооружение скифов и сарматов. Киев.

Скорий С.А., 1990. Курган Переп'ятиха. Київ.

Скорый С.А., 1997. Стеблев: скифский могильник в Поросье. Киев.

Супруненко О.Б., 1996. Розкопки Більського курганного некрополя «Б» // Більське городище в контексті вивчення пам'яток раннього залізного віку Європи. Харків.

Тереножкин А.И., Мозолевский Б.Н., 1988. Мелитопольский курган. Киев.

Черненко Є.В., Бандуровский О.В., 1998. Люботинський курган // Археологічні відкриття в Україні 1997-1998. Київ.

Чугунов К.В., 1996. Погребальный комплекс с кенотафами из Тувы // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. Л.

Шрамко Б.А., 1987. Бельское городище скифской эпохи (город Гелон). Киев.

Шрамко Б.А., 1998. Люботинское городище // Люботинское городище. Харьков.

А.И.ШКУРКО

СКИФСКОЕ ИСКУССТВО ЗВЕРИНОГО СТИЛЯ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ЛЕСОСТЕПНОЙ СКИФИИ)

Скифская коллекция Государственного Исторического музея является одной из крупнейших в нашей стране. Созданная трудами нескольких поколений отечественных исследователей (И.Е.Забелин, И.А.Зарецкий, С.А.Мазараки, Д.Я.Самоквасов, Н.И.Веселовский, В.А.Городцов, Б.Н.Граков, И.В.Яценко), эта коллекция прочно вошла в золотой фонд скифской археологии, послужив основой для многих научных работ, экспозиций и выставок*. Большую часть коллекции составляют материалы из раскопок в лесостепном Приднепровье (около 13 тыс. предметов). Здесь достаточно равномерно представлены памятники VI, V и IV-III вв. до н.э., что создает полноценную источниковедческую базу для изучения многих сторон культуры местных племен. Значительное место в общем комплексе занимают предметы, украшенные в так называемом скифском зверином стиле, являющем западную ветвь замечательного декоративно-прикладного искусства скифо-сакских племен эпохи классообразования. Более 400 изображений этого стиля из коллекции Государственного Исторического музея вместе с аналогичными памятниками из Государственного Эрмитажа, Государственного Исторического музея УССР и ряда других собраний были предметом специального изучения автора данной статьи.

Исходя из задачи комплексного всестороннего исследования скифского звериного стиля как сложного историко-художественного явления, научная обработка и систематизация коллекционных материалов строилась по нескольким линиями: сюжетно-стилистической, предметно-типологической, хронологической, географической, статистической. В силу прямой функциональной связи изображений с определенным вещевым набором искусствоведческая атрибуция сочеталась с рассмотрением типологии предметов, их датировки, состава комплексов, выявлением локальных особенностей изображений в связи с существенными различиями в материальной культуре племен лесостепной полосы. Тем самым к анализу и обработке был привлечен большой коллекционный материал, а также архивные источники и публикации. Результаты этой работы фиксировались в специальной картотеке, составившей основу для каталога памятников звериного стиля лесостепной Скифии. Основные научные итоги исследования представлены в предлагаемой статье.

Новейшие открытия советских археологов, международные и отечественные выставки, широкая публикация наиболее ярких памятников вызвали в последние годы большой интерес к скифскому искусству (Historische Schätze ..., 1967; L'Art Russe ..., 1967-1968; From the Lands ...; Jettmar K., 1964; Сокровища ..., 1966; Лесков А., 1972; Древнее золото..., 1975). Как писал М.И.Артамонов, скифское искусство отличается большой выразительностью и декоративным совершенством, высоким мастерством, свойственным традиционным формам народного творчества, что обеспечивает за ним почетное непреходящее положение в истории мирового искусства (Артамонов М.И., 1968, с.45).

Эта оценка в первую очередь относится к так называемому звериному стилю, представляющему наиболее самобытное и доминирующее направление скифского искусства. Органически связанный с вещами бытового назначения, особенно конской сбруей и вооружением, звериный стиль является неотъемлемой частью скифской культуры в ее духовном и материальном проявлении. Изучение предметов, оформленных в зверином стиле, важно как для выявления эстетических и религиозных воззрений ведущих слоев скифского общества, определявшихся в конечном счете факторами социально-политической жизни, так и для характеристики самих предметов, их типологии, датировки, места производства, этнокультурной принадлежности.

По проблематике скифского, а тем более скифо-сибирского звериного стиля написано большое количество работ как отечественными, так и зарубежными учеными (См. библиографию в работах: Артамонов М.И., 1973; Семенов-Зусер С.А., 1947; Черников С.С., 1965; Rostovzeff M., 1931; Schefold K., 1954, S.429-443). В первую очередь надо назвать труды М.И.Ростовцева, Г.И.Боровки, К.Шефольда, М.И.Артамонова, Б.Н.Гракова, В.А.Ильинской, имеющие основополагающее значение для сложения науки о скифском искусстве (Borovka G., 1928; Rostovtzeff M., 1929; Schefold K., 1938; Артамонов М.И., 1971, с.24-35; Граков Б.М., 1947; Ильинская В.А., 1965, с.86-106). Однако до сих пор среди исследователей нет однозначного понимания таких принципиальных вопросов, как со-

---

* Перепечатка из издания: Музейное дело в СССР. Вып.1. М. 1977. Это малотиражное и редкое издание не дало возможности довести до широкого круга специалистов-скифологов основные идеи статьи А.И.Шкурко, которые представляют большой интерес для понимания сущности искусства скифского периода в лесостепной зоне Причерноморья (Прим. редакторов).

став сюжетов и художественный метод скифского звериного стиля, периодизация, основные направления и закономерности развития, роль внешних влияний, характер локальных различий, значение образов и семантические основы скифского искусства в целом, не говоря уже об остродискуссионной проблеме происхождения скифо-сибирского звериного стиля. На наш взгляд, повышенное внимание к последнему вопросу несколько отвлекло исследователей от углубленного изучения истории самого скифского искусства, определения его идейно-художественной сущности, социально-исторической обусловленности, без чего, кстати, невозможна и правильная постановка самой проблемы происхождения.

С территории лесостепной Скифии в пределах от Верхнего Днестра до Среднего Дона происходит значительное количество изображений[1]. Причем в отличие от степной Скифии в лесостепи предметы, оформленные в скифском зверином стиле, представлены достаточно равномерно от конца VII до первой половины III в. до н.э. Археологические памятники этой зоны хорошо исследованы, материалы раскопок обобщены в ряде монографических работ (Археологія..., 1971; Ильинская В.А., 1968; Ковпаненко Г.Т., 1967; Либеров П.Д., 1965; Мелюкова А.И., 1974; Петренко В.Г., 1967; Шрамко Б.А., 1962) и представляют полноценную источниковедческую базу для решения многих из поставленных выше вопросов.

Совокупные количественные данные о сюжетном составе звериного стиля лесостепи приведены в таблице 1. Несмотря на заметные временные изменения, в наборе сюжетов последовательно прослеживаются четыре основные группы: 1) крупные копытные, среди которых достаточно устойчиво преобладает олень; 2) крупные кошачьи хищники (барс или пантера, позднее лев); 3) хищная птица; 4) фантастические существа (сначала грифо-баран, позднее орлиный и львиный грифоны). Количественно они составляют около 2/3 всей массы зооморфных изображений, определяя сюжетную структуру звериного стиля на протяжении VII-III вв. до н.э.

Табл.1. Распространенность отдельных сюжетов в зверином стиле лесостепной Скифии (VII-III вв. до н.э.)

Мотивы	VII-VI	V	IV-III	Всего изображений
I. Копытные животные:	537	157	237	931
1. Олень	52	43	137	232
2. Лось*	14 (10)	39 (35)	18 (10)	71 (56)
3. Горный козел	59	3	2	64
4. Баран	59	12	-	71
5. Лошадь	93 (62)	4(3)	15 (10)	112 (75)
6. Бык	9	-	-	9
7. Кабан	1	13	56 (35)	70 (49)
8. Ухо копытного	-	20	4	24
9. Копыто и нога	250	23	5	278
II. Хищные звери:	103	160	217	480
1. Кошачий хищник	98 (76)	131 (119)	177 (175)	406 (370)
2. Волк-собака	-	17	30 (22)	47 (39)
3. Медведь	5	12 (9)	10	27 (24)
III. Птицы*:	162	147	66	375
1. Орел	160 (107)	143 (97)	56 (49)	359 (253)
2. Ворон	-	-	5	5
3. Утка	2	4	-	6
4. Лебедь	-	-	5	5
IV. Фантастические существа*	40	35 (31)	324 (321)	399 (392)
V. Прочие мотивы:	1	24	107	132
1. Заяц	1	22	102	125
2. Рыба	-	2	5	7
Итого:	843	523	951	2.317

* Без изображений, использовавшихся в качестве зооморфных превращений. В скобках указано количество предметов.

Сущность художественного метода скифского звериного стиля в самом общем виде можно определить как изображение одиночного животного или его части в условно обобщенных типизированных формах и немногочисленных компактных их композициях с подчеркиванием наиболее характерных свойств и качеств натуры и приспособлением композиционно-стилистического решения к задаче декоративного оформления ограниченных поверхностей предметов утилитарного назначения. Другие, даже достаточно общие признаки по-разному проявляются на протяжении VII-III вв. до н.э.

Развитие искусства «звериного стиля» отчетливо распадается на три периода: архаический (конец VII — рубеж VI-V вв.), среднескифский (V в.) и позднескифский (IV-III вв. до н.э.)[2]. Такая периодизация совпадает с существенными изменениями в материальной культуре лесостепи, а также с политическими и социальными сдвигами в Скифии (Ильинская В.А., 1968, с.63-80,87 сл.). Показательно последовательное усложнение структуры звериного стиля.

Архаический период. Как и В.А.Ильинская, для раннеархаического времени (конец VII — начало VI в. до н.э.) мы предполагаем наличие двух групп изображений (Ильинская В.А., 1965, с.105,106). Однако они выделяются не столько по происхождению составляющих их мотивов, сколько по особенностям стилистической манеры.

Для жаботинско-константиновской группы (или школы) характерна эскизная манера исполнения, при которой основное внимание уделяется выразительности силуэта, четкости и динамичности контуров при отсутствии интереса к проработке и типизации деталей, к моделировке фигуры животного (Артамонов М.И., 1968, с.37 сл., рис.7-10,12,13; Кияшко В.Я., 1969, рис. на с.106). В технике отдается предпочтение графическому рисунку по кости, выполняемому гравировкой или плоско-рельефной резьбой (Вязьмитина М.И., 1963, с.160 сл.). Имеющиеся рельефные изображения показывают еще аморфную пластику, без четких признаков светотеневой моделировки (Артамонов М.И., 1968, рис.11). Набор композиционных схем весьма ограничен. Обращает на себя внимание известная беспомощность лесостепных мастеров в передаче близких им местных животных (лось, конь, медведь), что, видимо, указывает на второстепенную роль жаботинского центра в сложении основного канона скифского звериного стиля.

Очевидно, это наиболее ранний, еще окончательно не сложившийся звериный стиль, в котором ряд переднеазиатских сюжетно-композиционных заимствований (Артамонов М.И., 1968, с.38-40) сочетается с совершенно оригинальными идейно-эстетическими принципами и своеобразными приемами стилизации, общими для скифско-сакской архаики (Ср. Артамонов М.И., 1973, илл.65,66; Вайнштейн С.И., 1974, рис.15,21; Вишневская О.А. и др., 1971, с.206, рис.9; Вишневская О.А., 1973, табл.VI, *4*; Черников С.С., 1965, табл.XVII,XVIII, рис.10; Членова Н.Л., 1962, табл.II, *17*).

Вторая, или сакызско-келермесская, группа оформилась в условиях переднеазиатских походов скифов, прямого контакта их рождающегося искусства с древневосточным. В произведениях этого круга переднеазиатские стилистические влияния органично сливаются с оригинальной основой, общей для обеих групп. Наиболее крайние формы отхода от этой основы наблюдаются на предметах т.н. «смешанного» стиля, выполненных древневосточными мастерами (Пиотровский Б.Б., 1954, с.141 сл.; 1959, с.241-256; 1962, с.77-81; Ghirshman R., 1963, S.98-125). В типичных произведениях этой группы четко проявляются ее своеобразные черты: сочетание экспрессии, внутренней силы животного с геральдической монументальностью поз; условно обобщенная моделировка тела животного широкими сводчатыми плоскостями; подчеркнутая орнаментальность изображений (Пиотровский Б.Б., 1962, табл.XXXIV; Сокровища ..., 1966, рис.5,9, табл.10,18,21,22,50; 62; Ghirshman R., 1963, рис.143,154). В качестве орнаментально-изобразительных элементов используется ряд древневосточных геометрическо-растительных мотивов и приемов зооморфной стилизации (Черников С.С., 1965, с.125-128; Шкурко А.И., 1969, с.31-34; Ghirshman R., 1963, S.109,110). В этой группе памятников появились такие образы раннескифского искусства, как грифо-баран, баран, летящий орел, головка хищной птицы, отдельное копыто, сложилась специфическая скифская иконография свернувшегося в кольцо хищника (Шкурко А.И., 1969, с.32).

В келермесское время, в период возвращения основной массы скифов из переднеазиатских походов, в ряде случаев наблюдается слияние признаков обеих групп, сопровождавшееся утверждением рельефной моделировки, законченных иконографических схем, освобождением от восточной орнаментальной детализации и подчеркнутой геральдичности (Сокровища..., 1966, табл.21,54; Borovka G., 1928, табл.3, *E*). Во второй четверти — середине VI в. утверждается тот единый стиль, в котором отчетливо проявляется весь комплекс признаков, характерных для раннескифского искусства (Артамонов М.И., 1971, с.24,25,27; Rostovtzeff M., 1929, с.29; Borovka G., 1928, с.30 сл.).

Во второй половине VI в. в зверином стиле лесостепи наблюдается известный упадок. Не встречаются изображения горных козлов и летящих орлов, заметно упрощаются и схематизируются головки баранов, грифо-баранов, орлов, немногочисленных фантастических хищников, быстро теряющих классическую иконографию келермесских образцов (напр., Ильинская В.А., 1968, табл.IV, *2*; XXXIV, *1*; XXXVI, *11,12*; Бобринский А.А., 1887, табл.XI, *10*; Древности ..., 1899, табл.XXXII, *518*). Этому способствовало, видимо, прекращение деятельности сакызско-келермесских центров и отсутствие прямых связей с Прикубаньем. Только изображение головок коня в кости сохраняет в полной мере дух живого реализма и приемы «строгой стилизации» (Ильинская В.А., 1965, с.90, рис.1, *4-6*).

В позднеархаическое время в разработке образов кошачьего хищника и орла начинают проявляться уже черты, свойственные скифо-греческой группе памятников звериного стиля V в. до н.э. (Ильинская В.А., 1965, с.104, рис.14; 1971, с.78 сл., рис.7,8; Borovka G., 1928, табл.9;11, *A, F*; 15). Появляются попытки передачи сюжета борьбы животных, образа львиного хищника (Граков Б.Н., 1971, с.101, рис.6; Ильинская В.А., 1971, с.81-83; Schefold K., 1938, S.59). В целом изображения еще сохраняют архаическую иконографию, хотя заметно усиливается декоративная орнаментализация и схематизация форм (Сокровища..., 1966, табл.56,58,65). Видимо, звериный стиль этого времени следует рассматривать как переходный от архаики к искусству среднескифского периода.

В среднескифский период (V в. до н.э.) происходят существенные изменения в сюжетном составе: исчезают грифо-баран и горный козел, значительно реже встречаются изображения коня и барана. Появляются волк, лев, львиный и орлиноголовый грифон. Устойчивую иконографию получают, наконец, изображения лося и медведя (Сокровища..., 1966, рис.28, табл.76,83,102,105; Либеров П.Д., 1965, рис.2, *173,174,197*; Borovka G., 1928, табл.3, *C,H*; 5). Обогащение сюжетного репертуара происходит не столько за счет изменений видового состава зверей, сколько путем расчленения уже известных образов на отдельные части, выступающие как законченные самостоятельные мотивы (головки кабана, оленя; лапы, когти и глаза орла; звериное ухо, конечности животных).

В области стилизации наблюдаются две противоположные тенденции. Первая связана с нарастанием реалистических моментов: смягчением рельефной моделировки, появлением натуралистических черт, заменой условных приемов передачи деталей более естественными трактовками (Сокровища..., 1966, рис.29,40,60,61, табл.81,93,114,116,118,120; Borovka G., 1928, табл.3, *A*; 4, *C*; 6, *C,D*; 14, *A*; 16). Вторая отражает усиление орнаментально-декоративных моментов, выразившееся, в частности, в широком применении дополнительной зооморфной орнаментации. Новые натуралистические детали получают часто орнаментально-графическую трактовку, вводятся чисто геометрические мотивы (Сокровища..., 1966, рис.20, 31,32,38,40,63,64, табл.71,72,78,83,107,112,115,125,324; Лесков А., 1972, илл.12,13,37; Borovka G., 1928, табл.5, *A,C*; 8, *A,D*; 11, *D*; 13;17, *A-D*; 18, *B*; 20, *B*). Обе противоположные в основе тенденции наиболее отчетливо и полно выражены в произведениях скифо-греческого течения звериного стиля, в оформлении которого большую роль сыграли мастерские греческих городов Причерноморья (Ильинская В.А., 1968, с.111). Одновременно существует другая группа изображений, выполненных в более традиционной манере (Сокровища..., 1966, рис.27,28,57; табл.74,82,91,92,100,102, 105,128; Ильинская В.А., 1968, рис.37, табл.V,XVI, XVIII,XXVI,XXVIII,XXXI, *12*; XLIII,XLIV; Borovka G., 1928, табл.5, *D*; 8, *B,C*; II, *C,E*, 11; 14, *C,D*; 18, *A.C*). Однако, потеряв присущую искусству архаики жизненную выразительность образов, традиционно-скифское течение не может в чисто художественном отношении конкурировать со скифо-греческими работами. В целом же V в. предстает как время расцвета скифского искусства.

Но уже вторая половина столетия — время известного кризиса местного искусства, проявившегося, в частности, в заметном сокращении количества изображений.

В позднескифский период (IV-III вв. до н.э.) сюжетный состав звериного стиля, взятый в целом, не претерпевает существенных изменений, хотя заметно меняется популярность отдельных мотивов (табл.1).

В памятниках Скифии IV-III вв. до н.э. прослеживается четыре художественно-стилистических течения, помимо произведений собственно греческого, персидского или фракийского искусства. Позднескифское орнаментально-схематизирующее течение является завершающим этапом развития собственно скифского звериного стиля. В его произведениях декоративно-орнаментальное начало превалирует над изобразительным (Артамонов М.И., 1971, с.30). Образ реального животного сильно схематизируется, получает орнаментальную разработку, превращаясь подчас в линейно-плоскостную схему. Широко применяются графические приемы передачи деталей, геометризированные мотивы и фигуры, прорезные конструкции (Сокровища..., 1966, рис.73-78,84,85,88-90,101,123,133,134,136, табл.135,139, 144,146; Лесков О., 1974, рис.44,46,50). Однако в большинстве случаев реальная основа образа по-прежнему различима, так как схематизация происходила в соответствии со старыми иконографическими схемами. Некоторые из них вообще мало изменились, а в отдельных случаях наблюдается даже усиление реалистических моментов в трактовке образа (Лесков О., 1974, рис.30,31,43; Либеров П.Д., 1965, табл.22, *7*; 24, *3,12*; 28, *10*; 31, *9*; 32, *1*; Петренко В.Г., 1967, табл.29, *3,5,14*).

Распространенное мнение о позднескифском зверином стиле как искусстве деградирующем, задавленном графической схематизацией и орнаментализацией образов (Rostovtzeff M., 1929, с.34-36; Артамонов М.И., 1971, с.30,31), справедливо в главном, но не объясняет всей сложности художественных процессов. Подтверждением этого служит своеобразная группа примитивистско-натуралистических изображений (Древности..., 1899, табл.XI, *224*; XVIII, *318*; XIX, *320a*; XX, *321*; Ковпаненко Г.Т., 1967, рис.51, *7*; Либеров П.Д., 1965, рис.2, *39,140*; табл.22, *8,9,10*; 24, *1*; 32, *12,13*). Характерно стремление к более непосредственной трактовке сюжета в реальных позах и положениях, с естественными пропорциями и соотношениями отдельных частей. В то же время показательна довольно примитивная манера исполнения, слабое использование декоративно-орнаментальных приемов стилизации. Малочисленность подобных изображений и их неполная стилистическая обособленность не позволяют рассматривать примитивистско-натуралистическое

течение как окончательно сложившееся. Оно представляется местной попыткой воплощения реалистической тенденции скифского искусства, не получившей завершения в условиях мощной конкуренции греко-скифских образцов.

Греко-скифское зооморфное течение, связанное своим происхождением с боспорской торевтикой (Онайко Н.А., 1970, с.7,49-54), характеризуется прямым переходом к греческим классическим формам, а потому для скифского искусства является новообразованием. Этот переход был во многом подготовлен скифо-греческими работами V в., через которые в местное искусство заблаговременно вошли образы льва, орлиного и львиного грифонов, зайца, ставшие господствующими на золотых бляшках и пластинках в позднескифский период. К тому же новая стилистическая традиция частично контаминировалась со старыми скифскими мотивами (олень, лось, конь, козел, волк-собака). Наряду с боспорским импортом в Скифии имело место и собственное производство подобных предметов (Шрамко Б.А., 1970, с.217 сл.). При этом греческие образцы подвергались некоторому упрощению, схематизации, а иногда и образно-стилистической переработке (Сокровища.., 1966, рис.79,86; табл.145,192,197,208; Лесков О., 1974, рис.32,45,71,77; Либеров П.Д., 1965, табл.24, *11*; 33, *1-5*; Бобринский А.А., 1894, табл.X, *6*; 1901, табл.XVII, *10*; Отчет..., 1906, с.82, рис.97, *11*; с.96, рис.119, *2*). Приведенные примеры демонстрируют разные варианты «варваризации» греческих и греко-персидских сюжетов и форм под воздействием художественных вкусов скифских заказчиков и мастеров-исполнителей. Этот процесс был общим как для скифских, так и для боспорского художественного центров (Онайко Н.А., 1974, с.85), что затрудняет конкретную атрибуцию происхождения подобных изделий). Показательно также, что мастера греко-скифского круга по-прежнему предпочитали изображение одиночного животного, выделяя его из сцен терзания или максимально кадрируя подобные композиции (Сокровища..., 1966, табл.169,185,145, рис.80; Древности..., 1899, табл.XXIV, *414*; Отчет..., 1906, с.96, рис.119, *2*).

Таким образом, среди произведений этого течения нет стилевого единства. Наряду с изображениями, близкими классическому греческому искусству или выполненными в своеобразной греко-персидской стилизации (Артамонов М.И., 1971, с.30), есть и более скифизированные экземпляры, показывающие такие традиционные признаки, как строгая профильность, обобщенность форм, орнаментализация и схематизация деталей. Учитывая также факт широкого распространения греко-скифских изображений на предметах местного типа, можно утверждать, что это течение не было совершенно чуждым, поверхностным явлением в скифском искусстве.

Наконец, четвертое — скифо-фракийское течение отличается оригинальным «фантастическим способом передачи образов животных в особой декоративно-графической манере и своеобразных композициях» (Мелюкова А.И., 1972, с.36,37; Лесков О., 1974, рис.6,7,10,14-18; Мозолевский Б.Н., 1973, с.208 сл, рис.27-29; Сокровища..., 1966, рис.126-128). Произведения этого стиля встречаются пока только во Фракии и степных скифских погребениях, некоторые из них отличаются особой технологией производства, характерной для античных мастерских (Шрамко Б.А., 1971, с.99).

Выделение художественно-стилистических школ и течений представляет интерес и для решения вопроса о локальных различиях в скифском зверином стиле. Эта тема исследована еще очень слабо (Пестрякова И.В., 1956; Петренко В.Г., 1967, с.57; Шрамко Б.А., 1971, с.100-102; Либеров П.Д., 1971, с.37). Локальные особенности в искусстве лесостепи, степи и Прикубанья отчетливо проявляются только в IV-III вв. до н.э. Характер частных различий, связанных с местными этнокультурными, торгово-экономическими, технологическими особенностями, может быть установлен, как показало наше исследование лесостепных материалов (Шкурко А.И., 1976), только при детальном сравнительном анализе всего фонда изображений того или иного региона.

Из краткой характеристики стилистического развития скифского звериного стиля видно, что наиболее значительную формообразующую роль в этом процессе сыграло греческое искусство. Его воздействие на звериный стиль выразилось в следующем.

1. В обогащении сюжетного репертуара за счет привнесения новых образов (грифон, дракон, лев, заяц, собака, голубь, лебедь).

2. В расширении сюжетно-композиционной основы, выразившейся в распространении сцен терзания и геральдических композиций, в расшатывании канона строгой профильности изображений, в популяризации многофигурных фризообразных композиций, в которых изображение реального животного выступает только как элемент орнамента.

3. В видоизменении стилистической направленности звериного стиля путем усиления в нем реалистической тенденции и введения натуралистических форм и естественных трактовок.

4. В одновременном расширении возможностей орнаментально-декоративной стилизации зооморфных изображений как путем использования геометрических и растительных мотивов, так и благодаря чрезмерному применению скифского в своей основе приема зооморфных превращений.

Греческое влияние на звериный стиль усиливалось с течением времени. Напротив, воздействие переднеазиатского, прежде всего ассиро-урартского, искусства существенно проявилось в ранней архаике, особенно в произведениях сакызско-келермесского круга (Ильинская В.А., 1965, с.105,106; Артамонов М.И., 1968, с.27 сл; Ghirshman R., 1963, с.98 сл.). Из этого источника были заимствованы образно-композиционные основы для создания иконографий скифского горного козла, орла, грифо-барана, отдельного копыта, в какой-то

мере «летящего» оленя и кошачьего хищника. К середине VI в. кавказско-переднеазиатские воздействия ослабевают. В дальнейшем персидское искусство влияет на скифский звериный стиль опосредствованно, через греческое искусство.

Связи с казахстанско-сибирским регионом прослеживаются на протяжении всего рассматриваемого периода. С ними связано появление в Скифии немногочисленных изображений стоящего горного козла, головки длинноклювой птицы, стоящего кабана и «пьющего» медведя (Ильинская В.А., 1965, с.98; Яковенко Э.В., 1969, с.200 сл.; Виноградов В.Б., Шкурко А.И., 1963, с.43). Стилистическая близость с сакским центром скифо-сибирского звериного стиля наиболее характерна для произведений жаботинско-констан-тиновской группы. В дальнейшем эта линия связей проявляется эпизодически.

Искусство савроматских и ананьинских племен выступало по отношению к скифскому как передатчик более восточных воздействий и как самостоятельный формообразователь (Смирнов К.Ф., 1964, с.216 сл.). Связи с савроматским звериным стилем становятся оживленными только с начала V в., когда в Скифию оттуда проникает образ волка (Шкурко А.И., 1969, с.38; Яковенко Э.А., 1969, с.200 сл.).

Фракийско-гальштатское влияние в скифском зверином стиле VI-V вв. до н.э. наиболее слабо и незначительно. Оно отмечается эпизодически и каждый раз в недостаточно определенных и уже переработанных формах. Только в сложении скифо-фракийского течения звериного стиля IV-III вв. до н.э. искусство Фракии сыграло определяющую роль.

Определение семантических основ, идейно-художественной сущности звериного стиля, определявших в конечном счете его стилистическое своеобразие и закономерности развития, остается пока наиболее сложной и дискуссионной проблемой. Если отбросить вопрос о внешних влияниях, то при решении этой проблемы исследователи скифо-сибирского искусства обычно исходят из четырех возможных основ: производственно-географической, религиозной, социальной и чисто художественной, рассматривая их в разных сочетаниях и при различной оценке каждой из основ (Артамонов М.И., 1971, с.27-35; Вайнштейн С.И., 1974, с.18,34; Черников С.С., 1965, с.130-140; Членова Н.Л., 1967, с.120,129; Hančar F., 1950, S.74 сл.). Проделанный нами анализ лесостепных материалов позволяет высказать на этот счет ряд соображений (см. также, Хазанов А.М., Шкурко А.И., 1976).

Полученные данные о сюжетном составе, показывающие значительное преобладание диких животных над домашними (табл.1), делают маловероятной непосредственную связь звериного стиля с основной производственной сферой населения Скифии. Это особенно видно для лесостепи при сравнении с составом глиняных зооморфных фигурок, связанных с местными земледельческими культами (Андриенко В.П., 1975, с.10,11). Выбор сюжетов звериного стиля не определялся и охотничье-промысловыми интересами, не имевшими в Скифии уже серьезного хозяйственного значения (Либеров П.Д., 1960, с.130-132).

Достаточно проблематичным представляется и выведение сюжетного репертуара звериного стиля исключительно из религиозной основы. С точки зрения тотемистической гипотезы трудно объяснимо отсутствие: а) серьезных различий в наборе мотивов в разных районах Скифии; б) заметного предпочтения какому-либо одному сюжету в отдельных могильниках, которые можно связывать с семейно-родственными группировками. К тому же большинство типичных пережитков тотемизма, выделяемых религиоведами (Соколова З.П., 1972, с.33-43), не связывается со скифами и их звериным стилем. Единственный конкретный аргумент сторонников тотемической основы звериного стиля — самоназвание среднеазиатских кочевников «сака» со значением «олень», входящее как составная часть в ряд скифских имен (Абаев В.И., 1949, с.37,179,198), — еще недостаточен для приписывания подобного значения и другим зооморфным образам. К тому же такая этимология и трактовка слова «сака» не является общепризнанной (Фрай Р., 1972, с.69).

Более вероятна связь образов звериного стиля с культами божеств скифского пантеона, хотя и она представляется относительной. Мнение о зооморфном облике божеств в VI-V вв. до н.э. малоубедительно (Артамонов М.И., 1962, с.83; Блаватский В.Д., 1964, с.13 сл.). Своеобразное клеймение некоторых ранних изображений солярным знаком предполагает, видимо, существование посвященных божеству зверей (Вязьмитина М.И., 1963, с.164-166; Пиотровский Б.Б., 1959, с.227). Но этот обычай не получил широкого распространения и быстро исчез.

Исходя из общесиранских параллелей, из многообразия и иррегулярности сочетаний мотивов в комплексах с отдельными категориями предметов, а также с немногочисленными изображениями скифских божеств, мы предполагаем религиозную многозначность образов скифского звериного стиля (Хазанов А.М., Шкурко А.И., 1976). Одно и то же божество могло ассоциироваться с несколькими мотивами, и наоборот, один и тот же зооморфный образ мог выступать в связи с различными культами. Возможный характер этих связей представляется как ассоциации с перевоплощением богов и героев или как посвящение данных животных тому или иному божеству. Наиболее вероятным проявлением религиозной функции звериного стиля был, видимо, магический характер изображений (Граков Б.М., 1947, с.74 сл.; Смирнов К.Ф., 1964, с.244).

Социальные основы скифского искусства рассматриваются нами в трех аспектах: социологическом, этическом и эстетическом.

Преимущественное распространение в VI-V вв. предметы звериного стиля получили в воинской среде, включавшей наряду с аристократией также дружинников и в известной мере рядовых свободных членов общества. В этом отношении особенно показательны кур-

ганы Посулья, в которых предметы звериного стиля встречены почти в каждом погребении, везде, где они представлены, сочетаются с предметами вооружения и конской сбруи (Ильинская В.А., 1968, с.23-63). Существенно, что только из двух могильников у с.Аксютинцы и с.Волковцы, военно-дружинный характер которых наиболее вероятен, происходит около 500 изображений, т.е. более 1/3 всего изобразительного фонда ранне- и среднескифского периодов из лесостепи, причем более 100 изображений относится только к двум несомненно аристократическим погребениям VI в. в курганах Старшая Могила и у х.Шумейко.

Материалы Правобережья V-III вв. также указывают на преимущественную связь звериного стиля с всадниче-ской и аристократической средой (Петренко В.Г., 1967, с.14 сл.). Воинский и всадниче-ский аспект этой среды в IV-III вв. наиболее ярко выражен на Среднем Дону. По материалам П.Д.Либерова, в могильнике «Частые курганы» из 16 погребений, в которых встречен звериный стиль, только в одном нет остатков уздечки, в Мастюгинском могильнике из 14 курганов — в шести, в Дуровском — из трех — в одном и в могильнике у с.Русская Тростянка — из семи курганов также в одном. Но и в этих девяти (из 40) «невсадниче-ских» погребениях только в двух не найдено предметов вооружения. Показательно также, что из 201 комплекса с предметами звериного стиля из лесостепи в 61 встречены детали скифского металлического доспеха, распространенного преимущественно среди аристократии и конных дружинников (Черненко Е.В., 1968, с.164-167, приложение 1-5).

Объективную информацию о среде потребителей и непосредственно о сфере применения звериного стиля дают сами украшенные предметы. Как показывает таблица 2, более половины лесостепных изображений сочетается с предметами вооружения и конской сбруи. Если же исключить из общего подсчета около 600 греко-скифких изображений на золотых бляшках от одежды, то доля военно-всадниче-ского применения звериного стиля возрастает до 2/3. Примечательно, что на орудиях труда и вещах повседневного обихода звериный стиль отсутствует, а на украшениях и предметах туалета распространен незначительно.

Приведенные данные полностью соответствуют и подтверждают известный тезис Б.Н.Гракова о связи идейно-художественных особенностей скифского звериного стиля с господствующей идеологией, этическими нормами и соответствующими эстетическими вкусами воинственного гиппотоксота, в среде которого пользовался большой популярностью культ войны и воинских доблестей (Граков Б.М., 1947, с.78 сл.; 1971, с.99). При таком подходе предпочтение образам животных, наделенных большой силой, стремительным бегом и полетом, мощным прыжком, зорким глазом, метким и цепким ударом, вполне естественно и закономерно. Именно эти образы составляют в зверином стиле лесостепи около 2/3 всех изображений (табл.1), определяя его общую идейную направленность. Отмеченной тенденции отбора сюжетов в целом соответствует и характер их трактовки: архаическая манера стилизации направлена на передачу наиболее существенных свойств и качеств данных животных, на выделение органов поражения, чувств, движения, получавших часто гипертрофированно-утрированные размеры.

Табл.2.Распространенность звериного стиля на предметах материальной культуры (до н.э.)

Виды предметов	VII-VI вв.	V в.	IV-III вв.	Всего изображений
Конская узда (псалии, бляхи, наносники, налобники, пряжки, клыки-привески)	607	283	138	1028
Вооружение (мечи, гориты, доспех, портупейные крючки и пряжки, охотничьи ножи)	119	75	56	250
Одежда (золотые бляшки от головного убора и верхней одежды)	66	112	708	886
Украшения (браслеты, булавки, серьги, ожерелья)	2	10	8	20
Инсигнии (скипетры и гривны)	4	4	4	12
Предметы культа (навершия, кубки, чаши, ритоны)	18	37	29	84
Предметы туалета (зеркала, каменные блюда, костяные ложки, гребни)	23	1	5	29
Предметы неясного назначения	4	1	3	8
Итого:				2317

Таким образом, звериный стиль отражал вполне определенные ценности ориентации, понятные широким слоям скифского общества, стоявшего в VII-VI вв. на завершающих ступенях эпохи классообразования. И в этом смысле он был общенародным искусством. Однако реальное распространение предметы звериного стиля получили прежде всего в военно-дружинной и аристократической среде. Там, где изображения имели не отвлеченное значение, а вполне определенную этическо-эстетическую ценность получало практическое применение. Религиозно-магическая сторона и прикладная функция звериного стиля были при этом необходимыми условиями реализации содержания образов в военной, социально-престижной и культовой сферах жизни. Нерасчлененность первичных утилитарно-этически-эстетических понятий — характерное явление для общественного сознания той эпохи (Этическое..., 1971, с.50,51).

Дальнейшее развитие звериного стиля в V-III вв. определялось изменениями в среде его бытования, особенно эволюцией вкусов аристократической прослойки. Произведения скифо-греческого течения V в. лучше всего представлены в богатых погребениях, где греческий импорт становится постоянным элементом быта (поздние Ульские, Семибратние и Нимфейские курганы, Бабы, Журовка, Берестняги и др.). В лесостепи они сосредоточены на Правобережье, где торговые связи с греческими городами были более постоянными, чем в других районах, отличаясь большим оживлением в конце VI — первой половине V в. до н.э. (Онайко Н.А., 1966, с.41 сл., рис.8; Петренко В.Г., 1967, с.6). Основными потребителями скифо-греческих произведений были те круги скифской аристократии, которые установили регулярные торговые и культурные взаимоотношения с греками. Вполне вероятно, что в этой среде прежние военно-этические начала звериного стиля стали тускнеть. Изменение представлений отразилось, хотя еще слабо, и в области практического применения звериного стиля (табл.2). Второе, традиционно-скифское течение отражало, видимо, взгляды более консервативной группы потребителей звериного стиля, настроенных менее «эллинофильски» (Хазанов А.М., 1975, с.235).

Отдельные изображения греко-скифского типа появились в аристократических погребениях еще в середине V в. до н.э. (Сокровища..., 1966, табл.95,96, 101,111,116,118,122; Київський музей..., 1975, илл.5; Петренко В.Г., 1967, табл.19,35; Ильинская В.А., 1968, с.142). Однако для того, чтобы новые художественные вкусы стали господствующей модой, открыто порвавшей с традицией, потребовалось около пятидесяти лет, в течение которых, вероятно, происходили значительные сдвиги в положении высших слоев Скифии. Определенный упадок в искусстве лесостепи второй половины V в. стоит, вероятно, в связи с этими событиями.

В IV-III вв. до н.э. художественный центр Скифии перемещается на Боспор и в «царскую» степь. Степная и лесостепная аристократия следует за господствующей модой. Боспорский импорт художественных изделий приобретает массовый характер, а греко-скифское течение входит в местное искусство, получая преимущественное распространение в украшении одежды, парадного обихода. Социально-престижная и парадно-декоративная функции звериного стиля возрастают, тогда как его связь с чисто военным бытом уменьшается (табл.2). В уздечных наборах, в украшении аристократического доспеха распространяются антропоморфные сюжеты и сцены (Петренко В.Г., 1967, с.39,55). Теряя связь с идеологией господствующих слоев, ограниченный в сфере практического применения традиционный звериный стиль отходит на второй план. В скифском искусстве он воплощает теперь декоративно-орнаментальное направление, в силу чего орнаментально-схематизирующая стилизация получает значительное развитие.

Однако сам факт продолжения существования традиционного звериного стиля, сохраняющего значительное место в общем фонде зооморфных изображений, появление ряда новых видов изображений, облик которых нельзя свести только к развитию орнаментально-схематизирующей тенденции, не говоря уже о попытках оформления местного натуралистическо-примитивистского течения — все это свидетельствует, что художественное творчество в Скифии IV-III вв. не может быть поставлено в зависимость только от вкусов и потребностей аристократии, от господствующей греко-скифской моды. Особенно показательным в этом отношении представляется звериный стиль Среднего Подонья (Либеров П.Д., 1971, с.29-37). Его локальный расцвет в это время объясняется, видимо, тремя причинами:

1. «Аристократизация» верхушечных слоев не получила здесь таких размеров, как в степи. Общий облик местных курганных могильников напоминает еще военно-дружинные кладбища лесостепи VI-V вв.

2. Этот район, возможно, не вошел политически в Скифское царство, что способствовало самостоятельности и активности здешнего искусства.

3. Его своеобразный облик определялся также широкими культурно-художественными и этническими связями с финно-угорским и савроматским миром (Либеров П.Д., 1971, с.50,51).

Таким образом, скифский звериный стиль выступает как сложное культурно-художественное явление, своеобразие и особенности развития которого определялись целым комплексом факторов: социальных, этико-эстетических, политических, этнокультурных, производственных.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] В нашей диссертационной работе учтено 2317 единичных и серийных изображений (Шкурко А.И., 1975, с.3).

[2] Существует несколько вариантов периодизации скифского звериного стиля: четырехэтапная (М.И.Ростовцев), трехэтапная (К.Шефольд, Б.З.Рабинович, В.А.Ильинская), двухэтапная (М.И.Артамонов, И.В.Пестрякова, И.В.Яценко).

ЛИТЕРАТУРА

Абаев В.И., 1949. Осетинский язык и фольклор. Т.I. М.-Л.

Андриенко В.П., 1975. Земледельческие культы племен лесостепной Скифии (VII-V вв. до н.э.) // Автореф. дис. … канд. ист. наук. Харьков.

Артамонов М.И., 1962. Антропоморфные божества в религии скифов // АСГЭ. Вып.2. Л.

Артамонов М.И., 1968. Происхождение скифского искусства // СА. № 4.

Артамонов М.И., 1971. Скифо-сибирское искусство звериного стиля (основные этапы и направления) // Проблемы скифской археологии. М.

Артамонов М.И., 1973. Сокровища саков. М.

Археологігия Української РСР. Т.II. 1971. Киев.

Блаватский В.Д., 1964. Воздействие античной культуры на страны Северного Причерноморья // СА. № 2.

Бобринский А.А., 1894. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы. Т.II. СПб.

Бобринский А.А., 1901. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы. Т.III. СПб.

Вайнштейн С.И., 1974. История народного искусства Тувы. М.

Виноградов В.Б., Шкурко А.И., 1963. О некоторых предметах звериного стиля из Центрального Предкавказья в скифское время // Сборник докладов на VI и VII Всесоюзных археологических студенческих конференциях. М.

Вишневская О.А., 1973. Культура сакских племен низовьев Сыр-Дарьи в VII-V вв. до н.э. по материалам Уйгарака. М.

Вишневская О.А., Итина М.А., 1971. Ранние саки Приаралья // Проблемы скифской археологии. М.

Вязьмитина М.И., 1963. Ранние памятники скифского звериного стиля // СА. № 2.

Граков Б.М., 1947. Скіфи. Київ.

Граков Б.М., 1971. Скифы. М.

Древнее золото. Из собрания Музея исторических драгоценностей УССР, 1975. М.

Древности Приднепровья, 1899. Вып.II. Киев.

Ильинская В.А., 1965. Некоторые мотивы раннескифского звериного стиля // СА. № 1.

Ильинская В.А., 1968. Скифы днепровского лесостепного Левобережья (курганы Посулья). Киев.

Ильинская В.А., 1971. Образ кошачьего хищника в раннескифском искусстве // СА. № 2.

Київський музей історичних коштовностей, 1975. Киев.

Кияшко В.Я., 1969. Раскопки Константиновского поселения // АО 1968 г. М.

Ковпаненко Г.Т., 1967. Племена скіфського часу на Ворсклі. Київ.

Лесков А., 1972. Новые сокровища курганов Украины. Л.

Лесков О., 1974. Скарби курганів Херсонщини. Київ.

Либеров П.Д., 1960. К истории скотоводства и охоты на территории Северного Причерноморья в эпоху раннего железного века // МИА. № 53. М.

Либеров П.Д., 1965. Памятники скифского времени на Среднем Дону. М.

Либеров П.Д., 1971. Древняя история населения Подонья // Автореф. дис. … докт. ист. наук.

Мелюкова А.И., 1972. К вопросу о взаимосвязях скифского и фракийского искусства «звериного» стиля // Тезисы докладов III Всесоюзной конференции по вопросам скифо-сарматской археологии. М.

Мелюкова А.И., 1974. Культура племен Днестровско-Прутского междуречья (VIII-I вв. до н.э.) // Древняя культура Молдавии. Кишинев.

Мозолевский Б.Н., 1973. Скифские погребения у с.Нагорное близ г.Орджоникидзе на Днепропетровщине // Скифские древности. Киев.

Онайко Н.А., 1970. Античный импорт в Приднепровье и Побужье в IV-II вв. до н.э. М.

Онайко Н.А., 1974. Заметки о технике боспорской торевтики // СА. № 3.

ОАК за 1905 год. СПб., 1906.

Пестрякова И.В., 1956. Скифское искусство Поднепровья VI-III вв. до н.э. // Автореф. дис. … канд. ист. наук. Л.

Петренко В.Г., 1967. Правобережье Среднего Приднепровья в V-III вв. до н.э. М.

Пиотровский Б.Б., 1954. Скифы и Древний Восток // СА. Вып..XIX.

Пиотровский Б.Б., 1959. Ванское царство (Урарту). М.

Пиотровский Б.Б., 1962. Искусство Урарту VIII-VI вв. до н.э. Л.

Семенов-Зусер С.А., 1947. Скифская проблема в отечественной науке. Харьков.

Смирнов К.Ф., 1964. Савроматы. М.

Соколова З.П., 1972. Культ животных в религиях. М.

Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа, 1966. Текст М.И.Артамонова. Прага-Л.

Фрай Р., 1972. Наследие Ирана. М.

Хазанов А.М., 1975. Социальная история скифов. М.

Хазанов А.М., Шкурко А.И., 1976. Социальные и религиозные основы скифского искусства // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М.

Черненко Е.В., 1968. Скифский доспех. Киев.

Черников С.С., 1965. Загадка золотого кургана. М.

Членова Н.Л., 1962. Скифский олень // МИА. № 115. М.

Членова Н.Л., 1967. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М.

Шкурко А.И., 1969. Об изображении свернувшегося в кольцо хищника в искусстве лесостепной Скифии // СА. № 1.

Шкурко А.И., 1975. Звериный стиль в искусстве и культуре лесостепной Скифии (VII-III вв. до н.э.) // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.

Шкурко А.И., 1976. О локальных различиях в искусстве лесостепной Скифии // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М.

Шрамко Б.А., 1962. Древности Северского Донца. Харьков.

Шрамко Б.А., 1970. Об изготовлении золотых украшений ремесленниками Скифии // СА. № 2.

Шрамко Б.А., 1971. К вопросу о значении культурно-хозяйственных особенностей степной и лесостепной Скифии // Проблемы скифской археологии. М.

Этическое и эстетическое, 1971. Л.

Яковенко Э.В., 1969. Клыки с зооморфными изображениями // СА. № 4.

Borovka G., 1928. Scythian Art. London.

From the Lands of the Scythians. Ancient Treasures from the Museums of the USSR. 3000 B.C. — 100 B.C. The Metropolitan Museum of Art.

Ghirshman R., 1963. Proto-iraniens. Medes. Achemenides. Paris.

Hančar F., 1950. Die Skythen als Forschungsproblem // Reinecke Festschrift, Meinz.

Historische Schätze aus der Sowjetunion, 1967. Ausstelung in Essen.

Jettmar K., 1964. Die frühen Steppenvölker. Baden-Baden.

L'Art Russe des Scythes à nos jours. Trésors des Musées Sovietiques. Grand Palais. Oktobre 1967 — Janvur 1968.

Rostovtzeff M., 1929. The animal Style in South Russia and China. London, Leipzig.

Rostovzeff M., 1931. Skythien und der Bosporus. B.I. Berlin.

Schefold K., 1938. Der skythische Tierstil in Südrussland // ESA, XII.

Schefold K., 1954. Die iranische Kunst die Pontusländer (Südrußland und Thrakien) // Handbuch der Archäologie, II.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АЛЮР	—	Археологическая летопись Южной России
АО	—	Археологические открытия. М.
АСГЭ	—	Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л.
ВА	—	Вопросы антропологии
ВДИ	—	Вестник древней истории. М.
ВССА	—	Вопросы скифо-сарматской археологии
ГИМ	—	Государственный Исторический музей
ГМВ	—	Государственный музей Востока
ЗООИД	—	Записки Одесского общества истории и древностей
ИА РАН	—	Институт археологии Российской академии наук
ИАК	—	Известия Императорской Археологической комиссии. СПб.
Изв. СКНЦВШ	—	Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы
ИИМК РАН	—	Институт истории материальной культуры Российской академии наук
ИЭ АН СССР	—	Институт этнографии Академии наук СССР
КСИА	—	Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии Академии наук СССР. М.
КСИИМК	—	Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры Академии наук СССР. М.
МГУ	—	Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова
МИА	—	Материалы и исследования по археологии СССР. М.
МИАР	—	Материалы и исследования по археологии России. М.
НА ИА НАНУ	—	Научный архив Института археологии Национальной академии наук Украины
НАА	—	Народы Азии и Африки
НАВ	—	Нижне-Волжский археологический вестник. Волгоград
ОАК	—	Отчет Императорской Археологической комиссии. СПб.
ОАП ГИМ	—	Отдел археологических памятников Государственного Исторического музея. М.
РА	—	Российская археология. М.
РГНФ	—	Российский Гуманитарный научный фонд
СА	—	Советская археология. М.
САИ	—	Свод археологических источников. М.
СГЭ	—	Сообщения Государственного Эрмитажа. Л.
СКНЦВШ	—	Северо-Кавказский научный центр высшей школы
СМАЭ	—	Сборник Музея антропологии и этнографии
СО РАН	—	Сибирское отделение Российской академии наук
СЭ	—	Советская этнография. М.
ТМАО	—	Труды Московского археологического общества
Тр... АС	—	Труды... Археологического съезда
ТСА РАНИОН	—	Труды секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук. М.
УЗ	—	Ученые записки
ХГУ	—	Харьковский государственный университет
ESA	—	Eurasia Septentrionalis Antiqua. Helsinki

СОДЕРЖАНИЕ

Гуляев В.И., Ольховский В.С. Борис Николаевич Граков: научное наследие и современная археология (вместо предисловия) 5

Б.Н.ГРАКОВ И ПРОБЛЕМЫ СКИФО-САРМАТСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

Гавриluк Н.А., Котова О.И. Сто лет раскопок Каменского городища 10
Гущина И.И., Фирсов К.Б. Коллекции из раскопок Б.Н.Гракова в собрании Государственного Исторического музея 15
Скрипкин А.С. Значение научного наследия Б.Н.Гракова в разработке проблем сарматской археологии 22

ПАЛЕОДЕМОГРАФИЯ ЕВРАЗИИ В СКИФО-САРМАТСКОЕ ВРЕМЯ

Богатенков Д.В. Палеодемография могильников Николаевка (Казацкое), Золотая Балка, Неаполь Скифский 27
Бужилова А.П., Козловская М.В. Были ли скифы тучными? (антропологический анализ кремированных останков из скифского погребения) 36
Ефимова С.Г. Соотношение лесостепных и степных групп населения Европейской Скифии по данным краниологии 39
Козловская М.В. Об образе жизни среднедонского населения скифского времени 45
Медникова М.Б. Жизнь ранних скифов: реконструкция по антропологическим материалам могильника Новозаведенное II 51
Молодин В.И., Ромащенко А.Г., Воевода М.И., Чикишева Т.А. Мультидисциплинарный анализ носителей пазырыкской культуры (археология, антропология, генетика) 59
Полосьмак Н.В. Бальзамирование у пазырыкцев Укока 67
Яблонский Л.Т. О происхождении скифской культуры Причерноморья по данным современной палеоантропологии 73

ПАЛЕОЭКОЛОГИЯ ЗАПАДНОЙ ЕВРАЗИИ В СКИФО-САРМАТСКОЕ ВРЕМЯ

Антипина Е.Е. Проблемы обработки и интерпретации археозоологических материалов из памятников скифского времени на территории Северного Причерноморья 80
Демкин В.А., Демкина Т.С., Песочина Л.С. Палеоэкология восточноевропейских степей в скифо-сарматское время 87
Лебедева Е.Ю. Палеоэтноботанические материалы по земледелию скифской эпохи: проблемы интерпретации 91
Пашкевич Г.А. Палеоэтноботанические исследования скифских памятников степной зоны Северного Причерноморья 101

СКИФО-САРМАТСКАЯ ПРОБЛЕМА: НОВЫЕ ПОДХОДЫ, ГИПОТЕЗЫ, РЕШЕНИЯ

Андрух С.И. Могильник Мамай-Гора в Нижнем Поднепровье 110
Бессонова С.С., Скорый С.А. Некоторые аспекты хозяйственной деятельности обитателей Мотронинского городища 120
Болтрик Ю.В. Скифский курган как единый ансамбль 129
Вальчак С.Б. Основные мотивы орнаментации уздечных принадлежностей юга Восточной Европы в начале раннего железного века 138
Гуляев В.И. Об этнокультурной принадлежности населения Среднего Дона в V-IV вв. вв. до н.э. 145
Дворниченко В.В. Новые поступления из Хошеутовского комплекса уздечных принадлежностей 153
Копылов В.П. Население дельты Дона в V-IV вв. до н.э. 157
Лукьяшко С.И. К реконструкции событий конца IV — начала III вв. до н.э. на Нижнем Дону 167
Максименко В.Е. Население междуречья Дона и Северского Донца в V-III вв. до н.э. (савроматы, сирматы, сарматы) 181

Махортых С.В. Об актуальных вопросах раннескифской археологии 186
Медведев А.П. О некоторых источниковедческих проблемах этногеографии Подонья в скифское время 194
Мошкова М.Г. Еще раз о каменных «жертвенниках» и «савроматской» археологической культуре 201
Мурзин В.Ю., Ролле Р. Гибель Великой Скифии и царь Атей 216
Ольховский В.С. Идея антропоморфности в монументальной скульптуре степной Евразии эпохи раннего железа 220
Переводчикова Е.В. К вопросу о связях Нижнего Поволжья, Прикубанья и Нижнего Подонья (по материалам скифского звериного стиля) 231
Петренко В.Г., Маслов В.Е., Канторович А.Р. Хронология центральной группы курганов могильника Новозаведенное-II 238
Пряхин А.Д., Разуваев Ю.Д. К интерпретации захоронений на Семилукском городище скифского времени 249
Пузикова А.И. Городища и курганные могильники Среднего Подонья: к вопросу об их этнокультурном единстве 258
Савченко Е.И. Погребальный обряд населения Среднего Дона в V-IV вв. до н.э. (по материалам могильника «Терновое I — Колбино I») 268
Терехова Н.Н., Эрлих В.Р. Древнейший черный металл на Северо-Западном Кавказе (к проблеме выделения традиций) 281
Фиалко Е.Е., Болтрик Ю.В. Двурожковые вилочки из погребальных памятников Скифии 287
Черненко Е.В. Люботинский курган 297
Шкурко А.И. Скифское искусство звериного стиля (по материалам лесостепной Скифии) 304

Список сокращений 314

1 12132 скифы
2 12132 сарматы
3 Л 932.2
4. 63.141 Граков Б.Н.

TABLE OF CONTENTS

Guliaev V.I., Olkhovskiy V.S. Boris Nikolaevich Grakov: scientific heritage and modern archaeology (instead of the foreword) 5

B.N.GRAKOV AND THE PROBLEMS OF THE SCYTHO-SARMATIAN ARCHAEOLOGY

Gavriliuk N.A., Kotova O.I. One hundred years of excavations at the Kamenskoye hillfort site 10
Gushina I.I., Firsov K.B. The collections of finds from excavations of B.N. Grakov in the State Historical Museum 15
Skripkin A.S. The significance of B.N. Grakov' scientific heritage in the development of the Sarmatian archaeology 22

PALAEODEMOGRAPHY OF EURASIA IN THE SCYTHO-SARMATIAN TIMES

Bogatenkov D.V. Palaeodemography of the burial places Nikolaevka (Kazatskoye), Zolotaya Balka, Scythian Neapolis 27
Buzhilova A.P., Kozlovskaya M.V. Were the Scythians too thick ? (anthropological analysis of burned human remains from one Scythian burial) 36
Efimova S.G. The correspondence of the forest-steppe and the steppe groups of population in European Scythia according to the craniological data 39
Kozlovskaya M.V. About the mode of life of the Middle Don population during the Scythian period 45
Mednikova M.B. Life of early Scythians: a reconstruction on the anthropological materials from the Novozavedennoye II cemetery 51
Molodin V.I., Romashenko A.G., Voevoda M.I., Chikisheva T.A. Multydisciple analysis of the Pazyryk culture population (archaeology, anthropology, genetics) 59
Polosmak N.V. The balming operation among the Pazyrykians of Ukok 67
Yablonsky L.T. About the origin of Scythian culture at the Northern Black Sea Coast according to the data of modern palaeoanthropology 73

PALAEOECOLOGY OF THE WEST EURASIA IN THE SCYTHO-SARMATIAN TIMES

Antipina E.E. Problems of treatment and interpretation of archaeozoological materials from the sites of the Scythians times at the Northern Black Sea Coast 80
Demkin V.A., Demkina T.S., Pesochina L.S. Palaeoecology of the Eastern Europe steppes during Scytho-Sarmatian period ..... .87
Lebedeva E.Yu. Palaeoethnobotanic materials on agriculture of the Scythian epoch: problems of interpretation ..... .91
Pashkevich G. A. Palaeoethnobotanic investigations of the Scythian sites from the steppe zone of the Northern Black Sea Coast 101

SCYTHO-SARMATIAN PROBLEM: NEW APPROACHES, HYPOTHESIS, DECISIONS

Andrukh S.I. Mamay Gora burial place at the Lower Dnieper region ..... .110
Bessonova S.S., Skory S.A. Some aspects of economic activity of the Matroninskoe hillfort inhabitants..... 120
Boltrik Yu.V. Scythian kurgan as unified assemblage 129
Valchak S.B. The basic motives of ornamentation of the bridle objects at the south of the East Europe in the beginning of the Early Iron Age ..... .138
Guliaev V.I. About the ethno-cultural identification of the population at the Middle Don area in the V-IV centuries BC ..... .145
Dvornichenko V.V. New objects from the Khosheutovsky complex of the horse harness. 153
Kopylov V.P. The population of the Lower Don in the V-IV centuries BC. 157
Lukiashko S.I. About reconstruction of events of the end of the IVth — beginning of the IIIrd centuries B.C. at the Lower Don. 167
Maksimenko V.E. The population of area between Don and Northern Donetz rivers during V-III centuries B.C. (Sauromates, Sirmatians, Sarmatians) ..... .181
Makhortykh S.V. About the actual questions of the early Scythian archaeology ..... .186
Medvedev A.P. Some source problems of ethnogeography of the Don region in the Scythian times 194
Moshkova M.G. Once more about the stone «altars» and the «sauromatian» archaeological culture..... 201
Murzin V.Yu., Rolle R. The downfall of the Great Scythia and the king Atey ..... .216
Olkhovskiy V.S. The idea of anthropomorphizm in monumental sculpture of the steppe Eurasia in the Early Iron Age 220
Perevodchikova E.V. The question of connections between Lower Volga, Kuban and Lower Don area (according to some materials of the Scythian «animal style») 231
Petrenko V.G., Maslov V.E., Kantorovich A.R. The chronology of the central kurgan group at the Novozavedennoye-II cemetery ..... .238
Priakhin A.D., Razuvaev Yu.D. Concerning the interpretation of inhumations on the Semilukskoye hillfort site of the Scythian time 249
Puzikova A.I. Kurgan groups and hillforts of the Middle Don region and their ethnocultural unity..... .258
Savchenko E.I. The burial rites of the Middle Don population in the V-IV centuries B.C. (according to materials of the cemetery «Ternovoye I — Kolbino I»)..... .268
Terekhova N.N., Erlikh V.R. The earliest black metal at the North-West Caucasus (concerning the problem of the definition of traditions)..... .281
Fialko E.E., Boltrik Yu.V. Two-ended «forks» from the burial sites of Scythia..... .287
Chernenko A.E. The kurgan of Lubotin ..... .297
Shkurko A.I. The Scythian art of «animal style» (on the materials of the forest-steppe zone of Scythia)..... 304

List of abbreviations..... .314

Научное издание

СКИФЫ И САРМАТЫ В VII-III ВВ. ДО Н.Э.
палеоэкология, антропология и археология

Москва, 2000-318 с.

Сборник статей

Отв. редакторы
В.И.Гуляев, В.С.Ольховский

Утверждено к печати
Институтом археологии РАН

Технический редактор, корректор *В.С.Ольховский.*
Компьютерный макет и верстка *В.Ю.Луньков.*

Подписано к печати 19.06.2000 г.
Формат 60 x 90 1/8.
Гарнитура Times new Roman cyr.
Уч.-изд. л. 43,0.
Отпечатано на ризографе.
Тираж 500 экз.
Заказ № 219
Цена договорная

Типография ГПИБ
101000 Москва, Старосадский пер., д. 9